СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК
Толкования
Посланий
апостола Павла
ПАСТЫРСКИЕ
ПОСЛАНИЯ

Духовное наследие
святителя Феофана Затворника

СВЯТИТЕЛЬ

ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

Толкования Посланий апостола Павла

К ТИТУ, К ТИМОФЕЮ

(ПАСТЫРСКИЕ ПОСЛАНИЯ)

Москва 2005

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

В данный том входят Толкования святителя Феофана Затворника Посланий святого апостола Павла к святому Титу и к святому Тимофею.

Святитель наименовал эти Послания Пастырскими, «потому что они писаны к пастырям и содержат наставления о добром пастырствовании». Они «указывают, каков должен быть пастырь, как его избирать, как он должен жить, учить и править обществом христианским и как стоять за истину». Как и в других Посланиях апостола Павла, в Пастырских Посланиях много говорится о догматическом и нравственном учении христианства, только, по словам святителя Феофана, «исключительно с той стороны, как то и другое следует пастырю преподавать пасомым».

Поскольку Пастырские Послания имеют практическую направленность, то Святитель напоминает и об обязанности пастыря защищать «свое стадо» от лжеучений. Тем не менее Послания следует скорее называть созидательно-нравственными, а не открыто полемическими. Они обращены к тем пастырям, которые хотят услышать от святого апостола Павла и святителя Феофана должное и намерены научиться этому должному. Созидательный настрой книги и в том, что Святитель предостерегает пастырей от надмений разума, страсти к словопрению и кичению.

В Толковании Послания к Титу подчеркивается, что правильно пастырствовать «повелевает Апостол языков, которому Сам Господь указал, как действовать». Первое Послание к Тимофею «касается более практической стороны пастырского служения», а Второе »живописует дух и характер сего служения и деятельности в чертах общих, всеобъемлющих».

Таким образом, Пастырские Послания и Толкования их святителем Феофаном являются великим наставлением для современных священников, — как надо пастырствовать, а для современных христиан эта книга есть учебник, — как нужно понимать пастырскую власть, чего следует просить у пастыря и как можно верно выбрать подлинного наставника, а не политикана, увлеченного суетностями мира сего. Кроме того, Послания святого апостола Павла и Толкования святителя Феофана предостерегают, как уберечься от *духов лестчих*, и учат, *како подобает в дому Божии жити.*

К словам, затруднительным для понимания, редакцией даны примечания. В угловых скобках текст от редакции. Впервые публикуется полностью раскрытое и расширенное «Содержание» Толкований.

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ

Под Пастырскими Посланиями разумеем Послания святого Павла к святому Титу и святому Тимофею. Пастырскими прилично их наименовать потому, что они писаны к пастырям и содержат наставления о добром пастырствовании. И в прочих Посланиях говорится о пастырях и пастырстве, но не главным образом, а наряду с другими предметами; здесь же каждое Послание — всё к сим предметам и направлено. Все они указывают, каков должен быть пастырь, как его избирать, как он должен жить, учить и править обществом христианским и как стоять за истину против втесняющихся в сие общество лжеучений. — В прочих Посланиях излагается преимущественно христианское учение, — догматическое и нравственное; и в пастырских посланиях не мало говорится о сем, только исключительно с той стороны, как то и другое следует пастырю преподавать пасомым.

Судя по сему всяк видит, сколь драгоценны сии Послания для Церкви Божией и пастырей, ревнующих о добром пастырствовании, и сколько бы было сожаления достойно, если бы среди Апостольских Посланий не обрелось таковых!

Приступая к истолкованию сих Посланий, считаем нужным сделать предварительно некоторые общие о них замечания.

1) О ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПОСЛАНИЙ

Первое о них замечание касается *времени их происхождения.* Они все написаны после того времени, которое объемлется книгою Апостольских Деяний и первыми узами святого Павла в Риме. В среду течения событий того времени их никак нельзя втеснить без крайних натяжек, которых неестественность сама бросается в глаза и отнимает всякую цену у построеваемых с сею целию предположений. Полагаем так по нижеследующим основаниям.

Из Послания к святому Титу видно, что Апостол, немного потрудившись в Крите и не успев кончить всего, что нужным считал, по неимению времени, оставил там святого Тита докончить недоконченное. В сем Послании, писанном с дороги, говорится между прочим, чтоб святой Тит, когда присланы будут к нему Артема или Тихик, пришел к святому Павлу в Никополь, где он предполагал зимовать, а Зину и Аполлоса прислал поскорее, то есть тотчас по получении Послания. В Деяниях не видно, чтоб Апостол касался когда-либо Крита. Он только был провезен мимо, когда был влеком в Рим в узах. Но к этому времени приурочить написание Послания

очевидно нет никакой возможности. Почему, чтоб поместить это событие в период времени книги Деяний, остается одно средство — втеснить его где-либо между другими событиями. Иные и делают так, говоря, что Апостол мог или побывать в Крите из Коринфа, во время полуторагодичного там пребывания, — или завернуть туда при переезде из Коринфа (см.: Деян. 18, 18)* в Сирию, — или так устроить свое третье проповедническое путешествие из Антиохии до Ефеса (см.: Деян. 18, 23), чтоб побывать и в Крите. Все эти предположения, кроме неестественных натяжек, при объяснении обстоятельств, поминаемых в Послании, отстраняются тем, что, по Посланию, Аполлос был уже известен святому Павлу до написания Послания, а по Деяниям, он в первый раз является ведомым святому Павлу только по прибытии его в Ефес. Следовательно, прежде этого события Послание написанным быть не могло. Другие полагают, что Апостол мог побывать в Крите из Ефеса, во время трехгодичного его там пребывания, или после сего, —

---

* Во введениях к Толкованиям отсылки к Писанию даются по общепринятому принципу: сокращенное название книги Писания, порядковый номер главы, порядковый номер стиха. В основном тексте Толкований отсылки к комментируемому Посланию даются без указания его названия, отсылки к другим книгам Писания даются по общепринятому принципу. Славянский текст Посланий приводится в редакции Святителя. — *Ред.*

когда, кончив дело свое в Ефесе, направился в Македонию (см.: Деян. 20, 1 и далее). Но в последнем случае очевидно нет для сего времени. Что касается до первого, то, оставляя в стороне другие неуместности, напомним только, что если б уж решился святой Павел побывать в Крите, то не стал бы спешить из него и оставлять дела недоконченными: тогда ничто не могло понудить его к тому.

Послание к святому Тимофею Первое дает знать, что святой Павел, *идый в Македонию*, умолил Тимофея пребыть в Ефесе для вразумления некиих, *не инако учити* (1 Тим. 1, 3). И Послание пишется, чтобы указать, как должно ему строить дела Церкви, на случай, если б святому Павлу пришлось замедлить (см.: 1 Тим. 3, 14—15). По Деяниям, святой Павел из Ефеса в Македонию направлялся только однажды, именно когда, кончив дело устроения Церкви в Ефесе и во всей Асии, направился в Македонию и Ахаию, имея в мысли, побыв там, посетить Иерусалим, а потом отправиться в Рим (см.: Деян. 19, 21; 20, 1 и далее). Но в этом случае святой Тимофей не мог быть оставлен в Ефесе, потому что пред выбытием святого Павла из Ефеса находился в Македонии (см.: Деян. 19, 22), чрез которую был послан святым Павлом в Коринф (см.: 1 Кор. 4, 17). Святой Павел, будучи вынужден ускорить свое выбытие из Ефеса и направясь чрез Троаду в

Македонию, застал здесь еще святого Тимофея, как видно из того, что, пиша отсюда Послание к Коринфянам Второе, ставит с собою святого Тимофея (см.: 2 Кор. 1, 1). И отсюда святой Тимофей не был послан в Ефес, а шествовал с святым Павлом в Коринф и был при нем, когда он писал Послание к Римлянам (см.: Рим. 16, 21). Со святым Павлом был он и на пути его из Еллады в Иерусалим (см.: Деян. 20, 4). Можно бы только допустить, что святой Тимофей был отослан святым Павлом в Ефес с предстоятелями Церквей, которые были вызываемы в Милит (см.: Деян. 20, 17). Но тогда он не написал бы: *идый в Македонию*; ибо направлялся в Иерусалим. Таким образом к этому времени никак нельзя отнести написание Первого Послания к Тимофею в Ефес, когда его там быть не могло. К тому же святой Павел, вышед из Ефеса, в то время не был намерен скоро воротиться в него, а держал в мысли план далекого и долговременного путешествия – в Рим и в Испанию.

Второе Послание к Тимофею писано из уз (см.: 2 Тим. 1, 8, 12, 16–17; 2, 9; 4, 16–17). Но это не могли быть первые узы. В первые узы святой Тимофей был при святом Павле в Риме (см.: Кол. 1, 1; Флм. 1, 1; Флп. 1, 1; 2, 19). Хотя святой Павел намеревался послать его в Филиппы, но это уже после того, как узнает о благоприятном решении своего дела (см.: Флп. 2, 23). Если не

было такого благоприятного решения, то, конечно, он не мог быть послан и сам по себе не мог отправиться, оставя святого Павла в крайности, потому что этого не позволила бы ему его совершенная преданность святому Павлу. Следовательно, в первые узы не приходилось писать Послание к святому Тимофею.

К тому же, состояние святого Павла, как оно изображается в конце Деяний и в Посланиях, писанных из первых уз, несходно с состоянием, в каком видим его из Второго Послания к Тимофею. Там он пользуется полною свободою, окружен близкими людьми и светлую питает уверенность скоро получить свободу (см.: Флп. 2, 24). Здесь состояние его мрачно, все его оставили (см.: 2 Тим. 4, 10—11, 16), и он предвидит, что время его отшествия настало (см.: 2 Тим. 4, 6).

Сверх того, в сем Послании поминаются некоторые обстоятельства, которым нельзя дать место в течении дел святого Павла до первых уз. Таковы: *фелонь, (егоже) оставих у Карпа, грядый принеси, и книги, паче же кожаныя* (ср.: 2 Тим. 4, 13). *Ераст оста в Коринфе; Трофима оставих в Милите боляща* (ср.: 2 Тим. 4, 20). Всякий, читая сии слова, не может иначе представлять поминаемые здесь случаи как такими, которые совершились только что пред этим, то есть незадолго до писания Послания. Между тем, если Послание это писалось из первых уз и, конечно,

к концу двухгодичного в них пребывания святого Павла, то все они могли иметь место не иначе, как года за четыре назад, то есть тогда, как святой Павел, посетив из Ефеса Коринф, оттуда направлялся в Иерусалим чрез Троаду и Милит. Кроме такой отдаленности времени, к какому можно относить сии случаи, в течении дел святого Павла до первых уз,— отдаленности, не допускаемой образом речи о них,— есть более решительные неудобства дать им там место. Ераст мог остаться в Коринфе; но Трофим не был тогда оставлен в Милите, потому что видим его со святым Павлом в Иерусалиме (см.: Деян. 21, 29). Также оставление фелони и книг в Троаде,— вещей очевидно нужных, предполагать заставляет, что святой Павел имел намерение скоро опять проходить чрез то место. А в то время не было у него такого намерения: он собирался в Рим и Испанию.— И еще одно обстоятельство: святой Марк был при святом Павле в первые узы (см.: Кол. 4, 10); а во Втором Послании к Тимофею дается сему последнему наказ: *Марка поемь приведи с собою* (2 Тим. 4, 11). Так нельзя было написать из первых уз.

Таким образом очевидно, что Второе Послание к Тимофею не могло быть написано из тех римских святого Павла уз, о коих говорят Деяния. Но как тоже очевидно, что оно написано в узах, то необходимо признать, что после тех уз

были вторые узы, из которых писал святой Павел сие Второе к святому Тимофею Послание. Если были вторые узы, то был и промежуток времени между ними. И вот время для написания Послания к святому Титу и Первого к святому Тимофею. Как их происхождению не оказалось места в ряду событий, объемлемых книгою Деяний и первыми узами святого Павла, а тут открылся промежуток времени между первыми и вторыми узами, то и признается, что они написаны в этот промежуток, а Второе Послание к святому Тимофею – во вторых узах. И это тем охотнее надо признавать достоверным, что о сем промежутке, кроме предложенного наведения, не безосновательного, – есть и свидетельства, которым никак нельзя отказать в силе.

Так святой Климент* в Первом Послании к Коринфянам, глава 5, свидетельствует, что святой Павел, просветив Восток Евангельским учением, пронес потом проповедь свою до крайнего предела Запада, то есть до Испании. Хотя он не называет прямо Испании, но, смотря от Рима, где был святой Климент, на крайнем конце Запада не другое что увидим, как Испанию. Второе свидетельство о посещении святым Павлом Испании дает список святых книг (170 год), открытый

* *Священномученик Климент, папа Римский († 101)* – Отец Церкви. – *Ред.*

Мураторием*, где между прочим прописывается, что святой Павел из города, то есть Рима, отправлялся в Испанию. Эти два свидетельства прямо ведут к заключению, что святой Павел получил свободу от первых уз: ибо до тех уз он не был и не мог быть в Испании, как всякий видит из книги Деяний. Вот и промежуток между первыми и вторыми узами. Мы дополняем сии свидетельства предположением, что святой Павел не прямо из Рима отправился в Испанию, а побывав наперед на Востоке, как сего требуют Послания, писанные из первых уз.

То же подтверждает Евсевий**, который в своей «Истории» пишет, что святой Павел вторично был в узах в Риме и там скончался мученическою смертию. Вот его слова: «при Фесте Павел отправлен был в узах в Рим. Этим событием святой Лука, описавший деяния Апостолов, оканчивает свое о них повествование, — сказав, то есть, что Павел в Риме провел целые два года на свободе и проповедал слово Божие невозбранно (см.: Деян. 28, 30—31). Затем предание говорит, что, оправдавшись пред судом,

---

* *Муратори Л.-А. (1672—1750)* — итальянский историк. Речь идет об открытой им латинской рукописи VIII в., в которой читается так называемый Канон Муратори — переведенный с греческого список книг Нового Завета. Греческий оригинал был составлен в Риме в 170—180 гг. — *Ред.*

** *Евсевий Кесарийский (260—340)* — церковный историк, автор «Церковной истории» (324/325). — *Ред.*

Апостол снова отправился на проповедь Евангелия и потом, вторично прибыв в Рим, скончался там мученическою смертию. Заключенный в узы, он пишет Второе Послание к Тимофею. — Это я говорю с намерением показать, что мученическая кончина Павла случилась не в то пришествие его в Рим, которое описывает Лука. Да и вероятно, что первое оправдание Апостола было принято снисходительнее, — именно потому, что в начале своего царствования Нерон* обнаруживал более кротости. Напротив, впоследствии, когда он стал отваживаться на ужасные беззакония, и Апостол вместе с другими сделался жертвою его жестокости» (Евсевий Кесарийский. Церковная история. 2, 22).

Итак, исполнилось то, что писал святой Павел к филиппийцам: *надеюся о Господе, яко и сам скоро прииду к вам* (ср.: Флп. 2, 24) и что еще решительнее наказывал Филимону: *уготови ми обитель* (Флм. 1, 22). Дело показало, что то были не слова от человеческого гадания, а определенные пророчения Апостольского духа, которые оправдались и событием. Получил святой Павел свободу от первых уз и посетил Крит, Церкви Малоазийские, Македонию и Ахаию, и побыл в Испании, и не переставал трудиться, пока вторые

---

* *Клавдий Друз Германик Цезарь Нерон (37–68)* — римский император. — *Ред.*

узы не положили конца его Апостольской деятельности.

Времени на все это могло достать с избытком: ибо промежуток тот мог длиться пять лет — от 62—63-го до 67—68-го.— Но в каком порядке шли труды святого Павла, об этом можно только гадать. Он мог направиться прямо в Филиппы, как обещал, а оттуда в Малую Азию, в Крит, в Коринф и Испанию,— прямо или чрез Рим. Но мог возвратиться к прежним своим Церквам и тем же путем, каким был привезен в Рим, то есть западным берегом Италии, мимо Сицилии и Мальты на Крит, и далее.— Принимаем последнее и путь святого Павла от Крита ведем так: из Крита в Миры, в Колоссы и прочие Малоазийские Церкви, до Никополя Киликийского на границе Сирии. На сем пути от Крита до Никополя писано Послание к святому Титу, оставленному при проезде в Крите. Может быть, святой Павел имел намерение побыть в Антиохии и даже в Иерусалиме; но, узнав о начавшихся уже там смутах, решил перезимовать в Никополе, где сам мог основать Церковь прежде, при переходах из Антиохии в Малоазийские Церкви. Перезимовав в Никополе, святой Павел по тем же причинам не направился уже ни в Антиохию, ни в Иерусалим, но, посетив опять первоосновавные свои Церкви, в Ликаонии и в Писидии, чрез Фригию и Галатию прибыл в Ефес. Оставив здесь

святого Тимофея, он чрез Милет, где остался Трофим больным, и Троаду, где оставлены фелонь и книги, переехал в Македонию исполнить, что обещал филиппийцам, и отсюда написал Первое Послание к святому Тимофею; из Македонии обратился к Коринфу; из Коринфа устремился в Испанию или прямо, или чрез Рим. Из Испании опять воротился в Рим и попал в вторые узы; отсюда писано Второе Послание к святому Тимофею.

Такое распределение Апостольских трудов делается только примерно. Иные иначе распределяют. И пусть; как кому покажется лучше. Но никому нельзя утверждать решительно, что дела шли именно так, как он нагадал. По нашему распределению прежде написано Послание к святому Титу, затем Послание к святому Тимофею Первое и, наконец, к нему же Второе Послание. Кажется, и сами Послания оправдывают такой порядок.

2) О ЗАБЛУЖДЕНИЯХ, ПОМИНАЕМЫХ В ПОСЛАНИЯХ

Второго общего замечания требуют *заблуждения*, о коих упоминает святой Павел в сих Посланиях. О них поминается в каждом Послании, и поминается в одинаковых выражениях, из чего следует заключить, что они все были одного рода, хотя, может быть, и рознились между собою в каких-либо частностях. На первом месте

заметим, что не должно полагать, будто цель написания Посланий составляли сии заблуждения. В составе Посланий они не выделяются как-либо особенно, а поминаются, наряду с другими предметами, как предметы пастырских забот, для воодушевления пастырей заблуждающих вразумлять, а правоверующих охранять и остерегать от увлечения ими. На втором месте скажем, что на сии заблуждения должно смотреть очами святого Павла, и если он представляет их в неопределенных чертах, то и полагать надобно, что они в ту пору еще не определились сами. Было видно, что это какое-то инакоучение, странное, похожее на старушечьи бредни; но, в чем именно оно состояло, не видно; нечего потому и усиливаться определить его. Усилия эти привели к очень произвольным предположениям, а предположения к вредным для истины выводам. Довольно для нас видеть и знать, как должно относиться пастырям к инакоучениям, когда они появятся среди паствы; на это и обращай наипаче внимание всяк читающий Послание, особенно пастыри.

Что точно инакоучения те были неопределенны, видно из того, как их называет святой Павел. Он говорит, что это были *басни и родословия безконечныя* (ср.: 1 Тим. 1, 4), *буии стязания и родословия* (ср.: Тит. 3, 9), *иудейския басни* (ср.: Тит. 1, 14), *скверныя и бабии басни* (ср.: 1 Тим. 4, 7), *суесловия* (ср.: 1 Тим. 1, 6), *скверныя*

тщегласия (ср.: 2 Тим. 2, 16), *буии и ненаказанныя стязания* (ср.: 2 Тим. 2, 23), *скверныя суесловия и прекословия лжеименнаго разума* (ср.: 1 Тим. 6, 20). Из определенных заблуждений указывается только, — будто *воскресение уже было* (ср.: 2 Тим. 2, 18) и будто не должно брачиться и употреблять некоторые яства (см.: 1 Тим. 4, 3), не в видах полнейшего богоугождения, как учил святой Павел коринфян (см.: 1 Кор. 7), а по какому-то суемудрию. Два лица, отпавши от истины, хулы изрыгали, за что преданы Апостолом сатане (см.: 1 Тим. 1, 19—20). Но это такие указания, которые не указывают на начала, из каких выходили те заблуждения. Потому на основании их никаких наведений о какой-либо системе учения делать нельзя.

Сами лжеучители качествуются* так: они суть *инакоучители* (ср.: 1 Тим. 1, 3), не хотящие покоряться здравому Апостольскому учению, а инако от него представляющие дело веры, по своему смышлению; почему суть непокоривцы (см.: Тит. 1, 10, 16), истине противляющиеся (см.: 2 Тим. 3, 7), не по какой другой причине, а по одной гордыне ума (см.: 1 Тим. 6, 3—4). Они всегда учатся, но как следуют только своему уму, которому не дано ведать истину самому, а только принимать открываемую, то они только учатся и учатся, а в познание истины никогда *приити* не могут (см.:

---

* *Качествоваться* — здесь: характеризоваться. — *Ред.*

2 Тим. 3, 7). При всем том они не стыдятся хвалиться (см.: 1 Тим. 6, 21) своими постижениями, возводя их в непреложные истины. И это есть их коренная прелесть, то есть самопрельщение, по коему сами быв прельщены они и других ревнуют прельщать (см.: 2 Тим. 3, 13). Почему и сказано об них: *непокориви, суесловцы, умом прельщени* (ср.: Тит. 1, 10), *человецы растленнии умом* (ср.: 2 Тим. 3, 8), которые берутся законоучительствовать, тогда как *не разумеют ни яже глаголют, ни о нихже утверждают* (ср.: 1 Тим. 1, 7). Поелику у всякого из таких свой ум царь в голове, то один ни за что не соглашается уступить другому, коль скоро расходятся они в мыслях; оттого каждый из них *недугует* страстию к словопрениям (см.: 1 Тим. 6, 4). Эти черты тогдашних инакоучителей общи со всеми, и после появлявшимися инакоучителями, до настоящего времени. Они исходят из свойств ума, когда он сам берется за то, к чему не получил способности, по одному самомнению и самоуверенности.

Происхождение инакоучений и порождение инакоучителей уже хорошо определяется указанием их свойств. Но то есть показание психологическое, которое одно не объясняет дела. Почему святой Павел идет далее и источник того и другого указывает в мире *духов лестчих*, по которым и учения те называются учениями бесовскими (см.: 1 Тим. 4, 1), и последующие им —

уловленными в волю диавола и в сети его попавшимися (см.: 2 Тим. 2, 26). И это идет к заблуждениям всех времен. В наше время осязательно это видится на спиритах*.

Такие указания драгоценнее для нас точного определения самых заблуждений, потому что и без сего определения они дают верное руководство к тому, как судить о всех инакоучениях и как к ним относиться. Апостол, впрочем, и прямые в сем отношении дает правила. Они кратки: верным всем отвращаться от инакоучителей и их инакоучения (см.: 1 Тим. 1, 4 и подобное); пастырям сначала кротко вразумлять (см.: 2 Тим. 2, 25), потом нещадно обличать (Тит. 1, 11, 13), а наконец, и совсем отсекать от общения с верными, как негодные и вредные члены (см.: 1 Тим. 1, 18–20; Тит. 3, 10).

Из каких были эти инакоучители: из иудеев или из язычников? Из тех и других. В Послании к Титу говорится, что такими были паче *сущии от обрезания* (Тит. 1, 10); но этим же самым подтверждается, что были в числе их и не сущие от обрезания. И положим, что были они из тех и других. Больше же будем удерживать в мысли показание святого Павла об их душевном настроении, как приводилось выше. Это люди рассудочного направления. Поразительные знаме-

---

* *Спириты* – приверженцы мистической секты духовызывателей. – *Ред.*

ния, сопровождавшие благовестие, понудили их признать истину его; они и обратились к вере христианской. Но как христианство полно дивных таин и в догматах, и в жизни, а они, по настроению своему, ничего непонятного и неосязаемого терпеть не могут, то, вступив в область Христову и встречая повсюду тайности, они, по миновании первого изумления от блистания силы Божией, осенявшего веру, пустились объяснять непостижимое, каждый, конечно, по тем началам знания, какие дотоле усвоил. Как рассудок страдает страстию к диктаторству, то, кто успевал объяснить что-либо из таин веры, тотчас выступал с словом учительства, чтоб свое постижение сделать общим. Выступая с таким словом в среду других, встречал, конечно, несогласных с ним; начинались споры и состязания. И вот что застал святой Павел и в Крите, и в Ефесе. Почему и уроки его преимущественно направлены против сих состязаний (см.: 1 Тим. 1, 4; 6, 5, 20; 2 Тим. 2, 14, 23; Тит. 3, 9 и прочее). Отвращайтесь, говорит, от этих состязаний; никакой от них пользы нет, а одни свары. Держите веру или здравое учение, преданное вам, и старайтесь жить по вере,— вот и все; а от этих кривотолков удаляйтесь (см.: 1 Тим. 1, 19; 4, 7; 2 Тим. 2, 2—3, 14; Тит. 2, 11—15 и подобное).

Удовольствуемся сказанным и не продолжим своих общих замечаний о Пастырских Посланиях.

Что потребуется сказать о каждом Послании особо, то составит предмет введения в каждое Послание.

Вопроса о подлинности не предлагаем. Церковию даны сии Послания как подлинные Послания святого Павла. Зачем мутить покойную, вследствие того, уверенность в сем — предъявлениями совне, сколько бы они по виду ни казались представительными?

Руководители при толковании — святой Златоуст*, блаженный Феодорит**, Амвросиаст***, Экумений****, Феофилакт*****.

Порядок толкования будем держать тот, в каком происходили Послания, по нашему предположению, как говорилось выше, именно сначала предложим Толкование Послания к святому Титу, а потом Посланий к святому Тимофею.

---

* *Святитель Иоанн Златоуст († 407)* — Отец Церкви. — *Ред.*

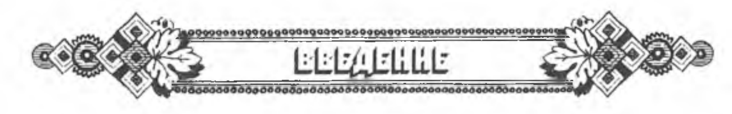
** *Блаженный Феодорит Кирский († ок. 457)* — учитель Церкви. — *Ред.*

*** *Амвросиаст († IV)* — предполагаемый автор латинских Комментариев на Послания апостола Павла. — *Ред.*

**** *Экумений († X?)* — византийский богослов, возможный автор Комментариев на Послания апостола Павла. — *Ред.*

***** *Блаженный Феофилакт Болгарский († после 1085)* — учитель Церкви. — *Ред.*

ПОСЛАНИЕ
К ТИТУ,
ИСТОЛКОВАННОЕ
СВЯТИТЕЛЕМ
ФЕОФАНОМ



1) О СВЯТОМ ТИТЕ

О святом Тите в первый раз поминается в Послании к Галатам (см.: Гал. 2, 3), что он был с апостолом Павлом в Иерусалиме, когда там происходил Апостольский Собор, для определения, как принимать в Церковь язычников. Что было с ним до того времени, о том святитель Димитрий* пишет по преданию, что он был критянин и принадлежал к царскому тамошнему роду; был любитель мудрости, ревнитель благочестия не по-язычески и девственник не по-язычески (см.: Послание святого Игнатия** к Филадельфийцам). По особенному указанию свыше, стал он читать пророка Исаию и отверз себе дверь к познанию единого истинного Бога, к Которому и возгорел сердцем. В то время слышно стало в Крите о Господе Спасителе, — Боге, явльшемся во плоти в Иудее, учащем истинному спасению и предивные дела творящем. Для собрания точных сведений о происходящем в Иудее

* *Святитель Димитрий, митрополит Ростовский († 1709)* — русский богослов и церковный писатель, автор Четий-Миней. — *Ред.*

** *Священномученик Игнатий Богоносец († 107)* — Отец Церкви. — *Ред.*

анфипат* Критский, дядя святого Тита, со старейшинами послал туда святого Тита, как человека любомудрого и благоговейного. Достигнув Иерусалима, он видел Господа, беседовал с Ним и святыми Апостолами и видел дивные знамения. (Не был ли он в числе еллинов, желавших видеть Господа в день торжественного входа Его в Иерусалим [см.: Ин. 12, 20—22]?) Потом был он свидетелем страданий Господа и крестной Его смерти; но удостоверился и о Его воскресении; дождался сошествия Святаго Духа и был в числе критян, слышавших, как Апостолы говорили, не учась, и по-критски (см.: Деян. 2, 11).— Все сие, возвратясь в Крит, возвестил он соотечественникам своим, посылавшим его.

Святой Тит был уже искренно верующим, но святого крещения еще не принял. Для этого он отправился опять туда, где действовали Апостолы,— в этот раз в Антиохию, где обратился к святому Павлу и был принят им пред отбытием в Иерусалим на Собор. Не крещен тотчас или по недостатку времени, или по причине смущения, там ходившего от ревнителей закона; а лучше потому, что промыслу Божию угодно было употребить его в орудие очевиднейшего удостоверения в ненужности обрезания, а следовательно, и всего закона, по Апостольскому образу действования.

---

* *Анфипат* — проконсул, римское должностное лицо, управлявшее провинцией.— *Ред.*

Святой Павел пишет, что, когда они были в Иерусалиме, святого Тита не нудили обрезываться. Странно было бы требовать обрезания от крещенного уже; почему надо полагать, что он не был еще крещен, хотя вполне веровал. И Апостол назвал его только еллином: *Еллин сый* (Гал. 2, 3). Крещение ему преподано там же, после того, как Апостолы составили определение о принятии язычников в лоно Церкви без обрезания, — в подтверждение делом, что постановление их есть неотложный закон, которому с сего времени все должны следовать.

После сего святой Тит последовал за апостолом Павлом, может быть, по избранию и прочих Апостолов, и сотрудничествовал ему. Вероятно, он сопровождал святого Павла во второе его Апостольское путешествие, когда обращены галаты, и стал известен галатам с сего времени. Поминание об нем в Послании к ним было для них очень вразумительно.

Очень вероятно, что он сопровождал святого Павла во все это путешествие и после Филипп и Солуни был с ним и в Коринфе. О последнем можно с достоверностию заключить из того, что, в третье свое путешествие, святой Павел, при самом выбытии из Ефеса, посылал его в Коринф с важным поручением, — именно удостовериться, как принято там Первое его Послание, чего он не сделал бы, если бы святой Тит не был известен

коринфянам. Послав его в Коринф — прямо, святой Павел сам направился туда же чрез Троаду и Македонию. Святому Титу наказано было поспешить обратно со сведениями и встретить Апостола в Троаде; но он не успел этого исполнить. Пождав его в Троаде и не дождав, святой Павел переправился в Македонию, и там уже они встретились. Принесенные им сведения утешили святого Павла, но были, однако ж, такого рода, что требовалось новое Послание. Оно было написано и отправлено со святым Титом, впереди святого Павла, которому надлежало посетить прочие Македонские Церкви. Встреча со святым Титом и писание Послания, вероятно, происходили в Филиппах.

Скоро после сего начались узы святого Павла, сначала в Кесарии Палестинской, а потом в Риме. Хотя ни в Деяниях, ни в Посланиях не упоминается, что с ним был святой Тит; но как на возвратном пути из первых уз римских мы видим его со святым Павлом в Крите, то естественно полагать, что он был при нем или в его распоряжениях и во все время уз.

В Крите святой Павел, как видно, останавливался мимоездом не надолго; но, видя, что многое между тамошними верующими требовало исправления, оставил при них святого Тита, да недоконченное исправит. Сам же направился далее в Малую Азию, для посещения тамошних Церк-

вей, — сначала Фригийских, потом Писидийских и Ликаонских, — намереваясь провесть зиму в Никополе, полагаем — Киликийском или Сирийском. Святой Павел видел, что здесь будет ему нужен святой Тит; почему, пиша Послание, наказывал ему, чтоб он пришел к нему в Никополь, — что, конечно, и было им исполнено.

Когда, перезимовав у Никополя, святой Павел направился чрез Ефес на Запад, в Македонию, Ахаию, Испанию, и потом оказался во вторых узах в Риме; на всем этом пути, вероятно, с ним был неразлучно святой Тит; ибо видим его при святом Павле в Риме, — и он, пиша Второе Послание к Тимофею из Рима, поминает, что святой Тит послан им в Далматию по потребностям тамошних Церквей.

Этим кончаются сведения о святом Тите из Писания. До конца жизнь его доводит предание, по которому он епископствовал в Крите (см.: Евсевий Кесарийский. Церковная история. 3, 4) и, весь остров верою просветив, в старости глубокой, на 94-м году от рождения своего, преставился ко Господу. Память его августа 25-го дня.

Святой Златоуст говорит о нем: «из спутников Павла Тит был муж опытнейший. Ибо если бы он не был опытным, то Апостол не вверил бы ему целого острова, не повелел бы ему дополнить недостающее или, как говорит он, *да недоконченная исправиши* (Тит. 1, 5). И то, что Апостол

пишет краткое Послание, служит также доказательством добродетели Тита,— что он не нуждался в длинных речах, а только в некотором напоминании». Блаженный Феодорит прибавляет: «Тита святой Павел в Послании к Коринфянам увенчал многими похвалами». А там он говорит: *общник мне, и к вам споспешник*, деятель *тщаливейший*, которому достаточно указать дело,— и он тотчас без особых понуждений исполнит его (см.: 2 Кор. 8, 23; 17).

2) О КРИТСКИХ ХРИСТИАНАХ

Послание все обращено к святому Титу. Но как оно пишется по потребностям критских христиан, то при писании его, конечно, имелись в виду и они. Почему не излишне предложить и о них — что можно и что сколько-нибудь может способствовать к точнейшему пониманию Послания.

Как зашло христианство в Крит?

По предложенному уже сказанию о святом Тите, оно взыскано самими критянами и принесено к ним святым Титом, посланным для взыскания его. Святой Тит, искренно уверовав, и в критянах, конечно, засеменил такую же веру. Она могла подтверждена и умножена быть бывавшими в Иерусалиме иудеями — и уверовавшими там в Господа под действием Апостольского слова. Чтобы внесть к ним и крещение, допустим, что

святой Тит, – или из Коринфа, во второе Апостольское путешествие святого Павла, или из Ефеса – в третье, или в то и другое, – был посылан в Крит, и по собственной ревности, и по желанию Апостола, и установил там крещение, распространив вместе с тем и святую веру по всему острову. Можно предположить его там действующим и во время уз святого Павла, в Кесарии, а отчасти и в Риме. Распространение веры там усилено действием Зины и Аполлоса, если слова о них святого Павла: *Зину и Аполлоса скоро предпосли* (ср.: Тит. 3, 13) поймем так, что святой Павел, заезжая в Крит, застал их там и там их оставил вместе с Титом, потом с дороги уже велел поскорее прислать их к себе. Из сего будет следовать, что они действовали благовестнически пред заездом туда святого Павла, и, конечно, не бесплодно.

Такими предположениями достаточно объясняется такое широкое распространение по острову христианства, что святой Павел, заехав туда и узнав об этом, нашел нужным поставить *по всем градом пресвитеры* (Тит. 1, 5). Христианство, выходит, там широкие пустило корни; но иерархии и прочего церковного устройства еще не было. Для восполнения сего недостающего и оставлен был в Крите святой Тит.

Это последнее обстоятельство, – что не было иерархии и, следовательно, голоса определяюще-

го, — было причиною и того, что между христианами появились многие суесловцы, которые давали себе свободу судить и рядить о деле христианства, и с догматической, и с нравственной стороны, как кому вздумается, по тем началам, в каких кто утвердился до принятия христианства, не сообразжаясь и не покоряясь тому образу здравых словес, который повсюду составлял одинаковую норму христианского учения. Не видно, чтоб у них образовались какие-либо ереси, а только вошли в обычай суесловия, стязания и свары. Отрезвляющего и остепеняющего их голоса не было. Апостол и видел, что для них нужнейшее есть установить властных блюстителей и образа учения веры, и образа жизни по вере, — для чего и оставил у них святого Тита.

3) ВРЕМЯ И МЕСТО НАПИСАНИЯ ПОСЛАНИЯ

О времени и месте написания Послания предположение высказано уже в общем введении. Здесь приведем только слова святого Златоуста, который говорит: «мне кажется, что Апостол писал это Послание во время между первым и вторым своим заключением (в узы)». И еще: «это послание, кажется мне, предшествует Посланию к Тимофею (Второму). Ибо то писал он при конце жизни, находясь в узах (последних), а это в такое время, когда был отпущен и свободен от уз».

4) ПОБУЖДЕНИЕ И ЦЕЛЬ НАПИСАНИЯ ПОСЛАНИЯ

Святой Павел только что оставил святого Тита в Крите: зачем же писать? Что понудило его к тому? Может быть, оставляя его, не успел он все сказать, что нужно было. — Вспомнив о том на дороге, спешит восполнить недосказанное. Еще: святой Тит — сам критянин. Но как несть *пророк без чести, токмо в отечестве своем* (ср.: Мф. 13, 57), то и надлежало придать авторитет его словам и распоряжениям. Получив Послание, святой Тит мог смело всем говорить: вот посмотрите! Так повелевает Апостол языков, которому Сам Господь указал, как действовать среди вас во спасение ваше. К тому же святой Павел, как основоположитель Церкви, не мог не поиметь попечения и о будущем Церкви, которая без целесообразного действования пастырей стоять не может. Для того же, чтоб они так действовали, нужно руководство. Дух Божий и внушил ему воспользоваться предлежащим случаем и начертать правила для достодолжного действования пастырей.

5) РАЗДЕЛЕНИЕ

После обычного *предисловия*, состоящего из надписи с приветствием и начала Послания (см.: Тит. 1, 1—5), следуют *правила* в руководство святому Титу и, в лице его, всем устроителям

Церквей (см.: Тит. 1, 6—3, 11); в конце прилагается и небольшое *послесловие* (см.: Тит. 3, 12—15).

Более подробное разделение идет в самом Толковании.

ТОЛКОВАНИЕ

ПОСЛАНИЯ
СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

К СВЯТОМУ ТИТУ

ПРЕДИСЛОВИЕ (1, 1—5)

а) Надпись и приветствие (1, 1—4)

Надпись и приветствие в сем Послании несколько распространены против того, каковы они обычно в других Посланиях, подобно тому как это имеет место в Посланиях к Галатам и к Римлянам. С последними они сходны и по мысли, и по выражению. Причина, почему так сделано и здесь, как и в тех Посланиях, та, что, по важности предмета Послания, святой Павел счел нужным мысли читающих навесть на него с первых же строк Послания.

Глава 1, стих 1. *Павел раб Божий, Апостол же Иисус Христов, по вере избранных Божиих и разуму истины, яже по благочестию.*

В других Посланиях святой Павел называет себя рабом Иисус-Христовым, а здесь – рабом Божиим, чем дает разуметь, что, сказать ли: *раб Божий* – или: *раб Иисус Христов*, – есть одно и то же. Ибо Сын Божий и воплотившись не оставил недр Отчих, но пребывает неизменно едино со Отцом и есть Бог присносущный. Святой Златоуст говорит: «видишь ли, как безразлично он употребляет эти выражения, называя себя иногда рабом Божиим и Апостолом Христовым, а иногда рабом Христовым: *Павел раб Иисус Христов* (Рим. 1, 1)? Так он не полагал никакого различия между Отцом и Сыном». То же наведение* делают и все другие наши толковники. Блаженный Феодорит прилагает: «Павел безразлично именует себя рабом – иногда Христовым, иногда Божиим; ибо знает, что владычество общее». Продолжим это пояснение словами блаженного Иеронима**: «Отец и Сын едино суть; почему, кто уверовал в Сына, тот верует и в Отца. И рабство апостола Павла одно, – к Отцу ли его относить или к Сыну». Почему: *же*, – в

* *Наведение* – здесь: умозаключение, размышление. – *Ред.*

** *Блаженный Иероним Стридонский († 420)* – учитель Церкви. – *Ред.*

слове: *Апостол же*, — не означает противоположения какого-либо, а стоит в значении: *и*.

Раб Божий — ветхозаветное обозначение людей богобоязненных, богоугодных, в воле Божией ходящих и о себе небрегущих, которые любят истину и отвращаются от лжи, на которых потому во всем можно положиться. Сказав это, Апостол и себе, и Титу придал большой авторитет и расположил к покорному выслушанию слова своего. Надо иметь в виду, что хотя Послание надписано к Титу, но назначалось для прочтения всего христианского в Крите общества.

Апостол Христов — то же для христиан, что для ветхозаветных Пророк. Пророки были посылаемы возвещать людям имеющее быть спасение; а Апостолы возвещали о спасении совершившемся и даруемом в Господе Иисусе Христе. Блаженный Иероним пишет: «сказать: *Апостол Иисус Христов*, — мне кажется, то же было тогда для верующих, как сказал бы кто по-мирски: префект претории* Августа-кесаря**, военачальник Тиверия-императора***. Сказав это, святой Павел обязал верующих — слушаться его, прини-

---

* *Префект претории* — начальник императорской охраны. — *Ред.*

** *Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (63 до Р.Х. — 14 по Р.Х.)* — римский император. — *Ред.*

*** *Тиберий Клавдий Нерон (42 до Р.Х. — 37 по Р.Х.)* — римский император. — *Ред.*

мая слово его, как слово Самого Господа Иисуса Христа».

По вере избранных Божиих. Мысль не та: поелику я уверовал, как веруют избранные, то поставлен в Апостолы, а та: Апостол Иисус-Христов по делу веры, — посланный Иисусом Христом приводить к вере избранных, учить их вере и держать в порядках, верою требуемых. «Апостол сказал сим, что он на то поставлен, чтоб достойные избрания уверовали» (блаженный Феодорит). «Он выражает, что ему вверены избранные Божии... для них я стал Апостолом, как и в другом месте говорит: *вся ваша суть: аще Павел, или Аполлос* (ср.: 1 Кор. 3, 21—22)» (святой Златоуст).

Но кто разумеется здесь под *избранными*? Древний Израиль был избран в народ Божий из всех языков, то есть один народ из всех народов, народ в целом составе. Новый Израиль составляется не из одного народа, отделяемого от других; но из всех народов, не исключая и иудеев, избираются достойные лица поодиночке и, сочетаваясь воедино, составляют нового сего Израиля, — *род избран, царское священие, язык свят, людие обновления* (1 Пет. 2, 9). Избираются таковые посредством призывания к вере. Прияв-ший веру становится избранным, освящается благодатными таинствами и получает обязательство быть святым и непорочным, чтоб в себе *возве-*

щать добродетели Того, Кто *из тмы призвал его в чудный Свой свет* (ср.: 1 Пет. 2, 9). В сем смысле избранные то же, что призванные, то есть все христиане, исповедующие истинную веру Христову. Все христиане действительно должны быть таковыми, какими изображает их святой Петр, чтоб не по имени, а делом быть народом избранным.

Но как в среде древнего Израиля не все оказывались достойными избрания, потому что ни делами, ни нравом не выдерживали того, для чего избран народ: так и в новом – не все выдерживают то, для чего призваны, не являют в себе таких лиц, какими следует быть призванным к вере в Господа Спасителя и приявшим благодать в таинствах. Отсюда произошло разделение между призванными и избранными. Избранными являются уже только те, которые держат себя так, как следует держать себя призванным ко Господу; а которые не держат себя так, те остаются только призванными. И Спаситель нередко говорил: *много званных, мало же избранных* (ср.: Мф. 20, 16; 22, 14).

В каком же смысле у Апостола стоит в настоящем месте слово: *избранных*? И в том и другом без различия. Апостол всех призывал к вере, но, призвавши, не оставлял их на произвол, а напротив, тем паче усугублял попечение о них, да явятся во всем достойными призвания, во всем

истинными чадами веры и благодати. *Я,* говорит, — Апостол, чтоб призывать всех к вере в Господа Иисуса Христа, но не так, чтоб дать только им имя, но так, чтоб явить их совершенными и в жизни по духу веры, не призванными только делать, но и избранными (см.: блаженный Иероним). Говоря так, он имел в мысли напомнить сие тем, которые, как видно из Послания, только и делали, что выдумывали разные вопросы о предметах веры и чрез то распложали споры и состязания бесконечные, не ведущие к созиданию добрых нравов, а напротив, расстроивающие христианское общество, посевая раздоры и разделения. Но еще более к сему направлено следующее выражение:

И разуму истины, яже по благочестию. — Разуму, ἐπίγνωσιν, — уразумению, признанию, ясному сознанию, опытному убеждению. Как в слове: *по вере* — разумеется не Апостолова вера, а вера тех, кому он возвещал Евангелие, или приведение к вере, так и в сем слове разумеется не Апостолово разумение истины, а тех, кои последовали слову проповеди его. Я, говорит, Апостол, поставленный проповедию Евангелия приводить к вере и, по вере, к уразумению истины. Вера первоначально дает только общее начертание истины; точнейший облик ее с чертами осязательными и приложением к частностям, приемлется и постигается потом в продолжение жизни в духе веры. Верою

принимается все на веру; а потом и опытом дознается, что всё так есть, как вначале поверовалось. Иероним пишет: «избранник Божий не тотчас уже и верою обладает в меру избрания или разумение истины имеет в меру веры. Почему и Спаситель сказал уверовавшим в Него иудеям: *аще пребудете во словеси Моем, уразумеете истину, и истина свободит вы* (ср.: Ин. 8, 31—32). Евангелист свидетельствует, что Господь сказал сие хотя уверовавшим, но еще не уразумевшим истины, которую могут постигнуть, если пребудут в слове Его».— Та же мысль и у святого Златоуста: «сначала мы были познаны, а потом познали; сначала мы были постигнуты, а потом постигли (см.: 1 Кор. 13, 12; Флп. 3, 12)».— К этому и направляема была Апостольская проповедь, и на это были обращаемы все труды Апостолов. Почему святой Павел не сказал просто: я поставлен доводить до уразумения истины, но прибавил: *яже по благочестию.* Благочестие обнимает все труды и усилия деятельного богоугождения. Относительно веры можно много наделать вопросов и на эти вопросы представить решения, которые хотя не будут ложь, но не будут касаться и существа дела веры, а занимать одну праздную пытливость, не принося никакой пользы для жизни по вере. Апостол говорит: ничего такого я не касаюсь и не поставлен касаться; мое дело так представлять истины веры и

теми сторонами внедрять их в сердца ваши, которыми они сильны возбуждать, укреплять и руководить вас к благочестию, или пребыванию в живом союзе с Богом, в Господе Иисусе Христе благодатию Святаго Духа: ибо в этом существо христианского благочестия. Все стороннее и чуждое такого направления чуждо и меня, по самому моему назначению и долгу Апостольскому.

«Есть истина и не по благочестию, например: знание земледелия, знание искусств есть истинное знание; но та истина (которую я возвещаю) есть истина по благочестию (то есть по делу установления благочестия в сердцах)» (святой Златоуст). «Спрашивается, почему, сказав: *по вере избранных Божиих и разуму истины*, — Апостол прибавил: *яже по благочестию*? Ужели есть какая-либо истина, которая не по благочестию, и теперь в отличие от нее говорится о познании *истины, яже по благочестию*? Есть истина, которая не имеет прямого отношения ко благочестию: кто, например, знает грамматику или диалектику, так что умеет правильно говорить и верно различать истину от лжи; геометрия с арифметикой и музыка также имеют в своем знании истину. Но все такие познания не суть познания по благочестию. Знание *истины, яже по благочестию*, есть — знать закон, разуметь Пророков, веровать Евангелию, не неведать и Апостолов. И есть много таких, которые очень сведущи в деле

благочестия, тех же познаний, о коих я помянул, совсем чужды» (блаженный Иероним).

Стих 2. *О уповании жизни вечныя, юже обетова неложный Бог прежде лет вечных.*

Этим дополняется состав проповеди, которая поручена Апостолу и к которой он приставлен. Читающему Послания святого Павла не трудно заметить, что в каждом Послании многократно и разнообразно упоминает он о жизни вечной, — последнем конце домостроительства спасения и последней цели взыскавших спасения в Господе. И чаяние ее, по нему, в духовном устроении верующих до того неотложно, что он не усумнился утверждать: *наше житие на небесех есть* (ср.: Флп. 3, 20). *И аще в животе сем точию уповающе есмы во Христа, окаяннейшии всех человек есмы* (ср.: 1 Кор. 15, 19). Так законоположил Сам Спаситель, сказав: *идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Ин. 12, 26). Христианство в духе и начинается отрешением от всего временного и устремлением к вечному. За тем уповательным созерцанием сего вечного христианин воодушевляется и подкрепляется во все течение притрудного* шествия своего вслед Христа Господа. Крепость мучеников и подвижников на этом преимущественно утверждалась. Вкушение истинного и существенного нашего блага в последовании Христу Спасителю приходит после;

* *Притрудный* — утомительный. — *Ред.*

но оно не отстраняет упования живота вечно-блаженного, а возвышает, совершенно перенося уповающего во он век. Почему Апостол и сказал: ἐπ' ἐλπίδι, — на уповании, в нем указывая основу и для веры, и для жизни в духе веры, или для благочестия. Я, говорит, Апостол есмь, вот к чему приставленный: веру поселять, к истинному благочестию настроивать, к тому и другому склоняя и воодушевляя упованием жизни вечной — всеблаженной. Блаженный Феодорит кратко совмещает все сие в следующих словах: «Апостол сказал, что на то он и поставлен, чтобы достойные избрания уверовали, познали истину благочестия и получили надежду жизни вечной».

Упование жизни вечной столь существенно в экономии* спасения, что святой Павел, несмотря на то, что говорит о сем будто мимоходом, не счел излишним подтвердить его непререкаемыми доводами — истинностию Божиею и тем, что это входит в вечные планы Божии, говоря: *юже обетова неложный Бог прежде лет вечных*. Святой Златоуст говорит: «если Бог неложен, то несомненно исполнится то, что Он обетовал; если Он неложен, то не должно сомневаться, хотя бы это исполнилось после смерти. — И словами: *прежде лет вечных* — Апостол также доказывает достоверность обетования. Так, говорит, предоп-

---

* *Экономия* — греческое: οἰκονομία — домостроительство. — *Ред.*

ределено издревле. Не теперь за покаяние наше, но издревле предопределено это. То же говорит Апостол и в других местах, например: *ихже предуведе, тех и предустави* (ср.: Рим. 8, 29), означая наше благородство, – то, что не ныне, но издревле Бог возлюбил нас; а быть возлюбленными издревле и от начала – не маловажно». И все наши толковники под словами: *прежде лет вечных* – разумеют предвечное определение Божие. Другим кажется лучше разуметь под сим времена, предшествовавшие пришествию Христову, в кои чрез Пророков было изрекаемо такое обетование, начиная со времени падения прародителей. Но и эти обетования были изрекаемы не вновь, а потому, что так определено прежде всякого времени в Вечных Советах Божиих о бытии тварей. Мир вещественный не имеет в себе цели. Он – поприще и место, в коем положено образовываться разумным тварям для вечной жизни. Для сей жизни и создан человек; для нее и воссоздается в Господе Иисусе Христе. Так положено в Совете Божием предвечно. Мир же видимый преходящ. Он прейдет, как средство, когда достигнуто будет то, что им посредствуется. Когда духовные твари восприимут свое благообразие, тогда преображен будет и он, в соответствие – с ними, и отбросит настоящее, грубое и тленное свое состояние. Так вечная жизнь стоит в Советах Божиих, как исходное начало и конечная

цель бытия всего сотворенного. Как невозможно солгатися Вечному Совету Божию, так невозможно не исполниться обетованию жизни вечной. Столь крепка основа упования ее!

Стих 3. *Яви же во времена своя слово Свое, проповеданием, еже мне поручено бысть по повелению Спасителя нашего Бога.*

Обетование жизни вечной было верно и непреложно, но до времени сокровенно в Боге. Пророки хотя возвещали о ней, но тоже прикровенно, давая способным прозревать ее как бы сквозь сень некую. Но в такой сокровенности и прикровенности оно не могло оставаться навсегда; потому что должно было быть принято ясною верою и усвоено точным исполнением условий к участию в нем. Однако ж необходимо должно было оставаться в таком виде известное время, чтоб люди промыслительными действиями Божиими достаточно приготовились к принятию его. «Для чего такое промедление? – спрашивает святой Златоуст и отвечает: – Из попечения об нас и для того, чтоб сделать это (явление сокровенного) благовременно. Что и выразил Апостол словами: *яви же во времена своя. Во своя*, – то есть в приличные, надлежащие, сообразные, подобно как и Пророк говорит: *время сотворити Господеви* (Пс. 118, 126)». У Бога всему свое время. Пришло время явить сокровенные Советы Свои, и явил. Но времена сии Он держит во

Своей власти (см.: Деян. 1, 7), как и самое течение событий. И они от века определены и суть потому Божии.

Яви — и ясным, не прикровенным словом объявил, и самым делом устроил все, потребное для получения участия в сем обетовании. Почему слово сие указывает на все домостроительство спасения, совершенное Господом Иисусом Христом, в Коем и самый живот вечный.

Слово Свое — то слово, которым изрек и которым скрепил обетование в Предвечном Совете. *Слово*, τὸν λόγον, — сие слово, то есть слово обетования, как и обычно говорится: дал слово, означая какое-либо обещание. Блаженный Феофилакт пишет: «что *яви? слово*, говорит, *Свое*, — то есть Евангелие: ибо Евангелие все объемлет, как то, что в настоящее время нам дано, как-то: благочестие, веру, истину, — так и то, что обещается в будущем веке, то есть жизнь вечную». Триипостасный Бог благоволил положить, чтобы для спасения нашего Сын Божий воплотился и, пострадав плотию и крестную понесши смерть, воскрес и вознесся на небеса, чтоб, седя одесную Отца, вечно ходатайствовать о нас, и на устроение спасения каждого послал Духа Святаго, благодатию Коего и спасаемся, причастниками бывая жизни вечной. Сие от века положенное явил теперь Бог и словом и делом. Подробнее об этом пишет святой Павел ниже в сем же Послании.

Были, говорит, мы непотребны и погибельны: *егда же благодать и человеколюбие явися Спаса нашего Бога... спасе нас банею пакибытия и обновления Духа Святаго... да оправдившеся благодатию Его, наследницы будем по упованию жизни вечныя* (ср.: 3, 4—5, 7. То же и: 2, 11—13). Живот вечный в будущем приемлется в совершенстве; но зачинается и зреет здесь по законам воплощенного домостроительства. Почему явление слова обетования есть возвещение о воплощенном домостроительстве, принятие коего полною верою и с соответствующими трудами есть залог жизни вечной. Это выразил Апостол, указав на способ явления слова обетования.

Проповеданием. Господь Иисус Христос, совершив и устроив все потребное для получения живота вечного, послал Апостолов в мир с высоким проповеданием — звать всех к получению сего живота. Особая часть в сем труде отделена была на долю и святого Павла,— та, чтоб шел к язычникам и их призывал к участию в наследии обетования. Это поручение дал ему Сам Господь, лично явившись ему на пути в Дамаск и потом в храме Иерусалимском. Все сие и выразил здесь Апостол: *проповеданием, еже мне поручено бысть по повелению Спасителя нашего Бога.* Счел он нужным выставить сие, чтоб расположить критян к смиренному выслушанию его слова и исполнению его распоряжений: ибо они не

знали его вполне. Святой Златоуст делает при сих словах такие наведения: «*яви слово Свое проповеданием*, — то есть явно, с дерзновением; ибо таково значение слова: *проповедание*. Как глашатай на зрелище провозглашает в присутствии всех, так и мы провозглашаем (по уверенности в истине) — и ничего не прибавляем, но говорим то, что сами слышали. Достоинство провозвестника состоит в том, чтобы сказать всем действительно бывшее, не прибавляя ничего и не убавляя. — Выражениями: *еже мне поручено бысть* — и: *по повелению Спасителя* — Апостол показывает свою достоверность, чтобы никто не противился, не отказывался, не огорчался. Я, говорит, получил повеление; почему ничего не властен (отменять или изменять). — Я исполняю повеление; а повеления не в нашей власти, но необходимо или исполнять их, или за неисполнение подвергнуться наказанию. То же выражает Апостол и в другом месте, когда говорит: *нужда бо ми належит; горе же мне есть, аще не благовествую* (ср.: 1 Кор. 9, 16)».

Слова: *Спасителя нашего Бога* — в настоящем месте относятся к Господу Иисусу Христу; ибо святой Павел лично от Него получил повеление проповедывать. Подобное выражение и в других местах прямо указывает на Господа Иисуса, как: *ждуще блаженнаго упования и явления славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Хрис-*

та (2, 13). А в иных слова: *Бог Спас* — употребляет святой Павел и о Боге Отце.

Стих 4. ***Титу присному чаду по общей вере: благодать, милость и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа Спаса нашего.***

Это — благожелательное слово привета, обычное святому Павлу. *Присным* (γνήσιος — подлинный, настоящий, истинный) *чадом* называет он Тита как потому, что сей последний им утвержден к вере и отрожден чрез него благодатию Святаго Духа во святом крещении, так и потому, что, однажды быв научен вере и жизни в духе ее, он неизменно хранил себя совершенно во всем согласным с святым Павлом в сем отношении, его ли лично что касалось или верующих, им руководимых. Как творения признаются подлинными порождениями известных писателей, когда они в точности соответствуют духу тех писателей, коим приписываются: так Тит указывал на святого Павла, как на своего духовного родителя, тем, что был совершенно одинаков с ним и в учении, и в образе действования. Блаженный Иероним пишет: «слово, мудрость и учение, коими Тит назидал Церкви Христовы, представляли его собственным сыном Апостола Павла». «Но возможно, — противополагает Экумений, — чтоб иной был чадом его, будучи просвещен и крещен им, но перестал быть чадом истинным, начав грешить». «Ибо, — поясняет Феофилакт, — в таком

случае он делался недостойным именоваться чадом такого отца». «Посему, — заключает Феодорит, — сказанное: *присному чаду*, — дает видеть добродетель блаженного Тита». Приукрасим все сии речи словом святого Златоуста: «*присному* — истинному — *чаду*, говорит; ибо могут быть и не истинные сыны, как, например, тот, о котором он говорит: *аще некий брат именуемь будет блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или досадитель, или пияница, с таковым ниже ясти* (ср.: 1 Кор. 5, 11). Вот также сын, но не истинный; он — сын, потому что некогда принял благодать и возрожден, но не истинный, потому что недостоин своего отца и добровольно предал себя другому властителю. У плотских детей истинность и неистинность зависит от рождающей и рождающего; а здесь не так, но от произволения. Здесь можно и тому, кто был истинным сыном, не остаться истинным, и не истинному сделаться истинным; потому что это заключается не в естественной необходимости, но в свободном произволении, от чего и происходят частые изменения».

В том же смысле, то есть чтоб показать единство духа Титова с своим, приложил Апостол и слова: *по общей вере*. Они показывают и то, что Тит чадо не по плоти, а по духу, — *по вере*; но преимущественно то дают разуметь, что по вере, или по духу веры, у Тита ничего нет особенного

против святого Павла: все у них обще; что есть у святого Павла, то и у Тита; ничто от него не скрыто, и ничто из переданного ему не отвергнуто им и не изменено. В этом и главное доказательство того, что он — присное чадо. «Что ты — чадо мое, говорит как бы Апостол, причина тому и доказательство — общая вера. Хвалит Тита, сказывая, что и сам ничего не имеет более его по делу веры» (Экумений). Единство крови указывает на плотское сыновство; а единство веры — на духовное.

Помянул же здесь святой Павел о таком близком с собою родстве святого Тита, чтоб внушить Титу — продолжать жить и действовать все в том же духе, а критянам — слушаться его, как самого святого Павла.

«Наконец это предисловие Послания и Апостолово Титу приветствие завершается таким благожеланием: *благодать* и прочее» (блаженный Иероним). Того же самого желает Апостол в приветствиях своих и всем верующим, как видно из других его Посланий. Но если для верующих необходимы сии дары Божии, то насколько необходимее они для поставленного заводить должные порядки среди верующих и руководить их по пути спасения,— в каковом положении находился тогда святой Тит! «Ему, как и всякому епископу, паче других потребна благодатная Божия сила, как несущему претяжелые бремена,—

потребна милость, как такому, которому трудно избегать повинности пред Богом во многом (ибо души всех взыщутся от его рук), — потребен мир, как поставленному в необходимость быть в столкновениях и вести непрерывную борьбу» (блаженный Феофилакт), — и с своими и с чужими, и с внутренними и с внешними, и с видимыми и с невидимыми. Святой Златоуст говорит: «смотри, как он желает учителю того же самого, чего желает ученикам и народу; потому что и сам учитель, подобно им, имеет нужду в таких благах, и еще тем больше их, чем больше имеет он врагов и чем больше у него случаев прогневать Бога. Чем выше достоинство имеющего священство, тем больше у него и опасностей; ибо и одно исправное прохождение епископства может возвести на небо, и одна неисправность в этом деле может ввергнуть в самую геенну... Таким образом, учитель особенно имеет нужду в *благодати Божией (милости) и мире*. Если он без них будет управлять народом, то он все потеряет и погубит, не имея у себя кормила. Хотя бы он был опытен в управлении, но если не будет иметь этих кормил — *благодати (милости) и мира* — от Бога, то потопит корабль и плывущих».

«*От Бога Отца и Господа Иисуса Христа Спаса нашего*. Желает святой Павел сих благ и даров Титу или потому, что они ниспосылаются, как от Бога Отца, так и от Христа Иисуса

Господа и что потому в благодарном исповедании можно относить их все и к Тому и к Другому; или потому, что благодать относится к Отцу, а мир к Сыну» (блаженный Иероним, который читал только: *благодать и мир*). По сему примеру (принимая чтение: *благодать, милость и мир*) можно возносить дары сии и ко всем Лицам Пресвятой Троицы: благодать — к Отцу, милость — к Сыну, мир — к Духу Святому; исповедуя, однако ж, что они ниспосылаются нераздельным действием Триипостасного Бога.

б) **Начало Послания** (1, 5)

В других Посланиях сия часть обычно занимает несколько стихов. Здесь она совмещается в одном стихе. Это потому, что он один много говорит, — сжато: ибо приводит на мысль всю историю пребывания святого Павла в Крите, что сделано им и что не доделано. Если б написать все сие, потребовался бы не один десяток стихов. Но в этом не настояло нужды; потому что Тит, к коему пишется Послание, знал все сие, как сотрудник. Довольно было намекнуть на то, и притом для того только, чтоб не вдруг (ex abrupto) начать самое Послание. Это и делает святой Павел. Я, говорит, оставил тебя в Крите докончить недоконченное и исправить неисправное. Так потрудись. Вот тебе правила в руководство. Правила в руководство — предмет Послания.

Глава 1, стих 5. *Сего ради оставих тя в Крите, да недоконченная исправиши, и устроиши по всем градом пресвитеры, якоже тебе аз повелех.*

Святой Павел, предполагается, по получении свободы от уз, направлялся из Рима в Малую Азию. Путь шел мимо Крита, где корабли останавливались. Остановили и тот корабль, на котором плыл святой Павел. Сей остановки святой Павел не пропустил даром, но, заметив, что здесь уместно не малое приложение Апостольской деятельности, остался у них на некоторое время. Во введении уже показано, что на острове было много верующих; но им недоставало законченности и настоящего устройства церковного. Это преимущественно и делал теперь святой Павел вместе и с дальнейшим распространением веры. Но все кончить ему недоставало времени; почему, сделав, что мог, для окончательного устройства всего оставил в Крите святого Тита, а сам поспешил в Малую Азию. Святой Златоуст удивляется такой неутомимости и говорит: «у древних мужей вся жизнь была деятельна и исполнена подвигов; а у нас — не так, но исполнена лености. Те знали, что они для того и родились в мир, чтобы трудиться согласно с волею Давшего им бытие; а мы, как будто родившиеся для того, чтобы есть, пить и веселиться, не думаем ни о чем духовном. Говорю это не об Апостолах только, но и о тех, которые были после них. Они, как

видишь, ходили везде, как бы считая это своим единственным делом, и всю жизнь проводили в чужих странах, как бы не имея на земле (родного) города. Послушай, что говорит блаженный Павел: *сего ради оставих тя в Крите*. Разделив между собою вселенную, как бы один дом, они управляли всем и заботились о всех, приняв на себя один одну часть, а другой — другую».

Оставих тя — дают разуметь, что святой Павел имел намерение и нужду взять с собою и иметь при себе святого Тита; но ничего не дают разуметь о том, что было с Титом прежде того. Можно думать, что святой Павел там его застал и сначала хотел взять его с собою, но, осведомясь и увидев нужды верующих, оставил его там еще на время. Но можно думать, что он прибыл в Крит вместе со святым Павлом и оставлен там по нуждам тамошних христиан. Что в Риме при святом Павле не видно святого Тита и в Посланиях, писанных святым Павлом из первых уз, о нем нет помина, это могло случиться от того, что святой Тит, бывший в Крите, прибыл в Рим пред отъездом святого Павла оттуда. Но так или иначе о сем думать не имеет большого значения для понимания Послания.

Да недоконченная исправиши. Недоконченная, λείποντα, — недостающее, недостатки. Как христианство началось и росло на острове само собою, без властного по определенной норме учреждения

порядков среди верующих, то ничего нет дивного, что у них иного недоставало, иное не так велось, как следует, — может быть, и в понятиях христианских была не только неполнота, но и кривизна. Все сие начал тотчас исправлять и пополнять сам святой Павел. Но как ему нужно было поспешить к другим Церквам, а между тем еще оставалось нечто требовавшее исправления, то он оставил на острове святого Тита *доисправить* остававшееся неисправленным. Почему сказал: *да... исправиши* — ἐπιδιορθώσῃ, — надысправиши, поверх исправленного надбавишь потребные исправления и доведешь их до конца. Блаженный Иероним пишет: «святой Павел, спеша в другие страны, оставил в Крите святого Тита — исправить, что было неисправно и чего недоставало. Говоря: *да недоконченная исправиши*, — он показывает, что критяне еще не дошли до полного познания истины, и, хотя иное было исправлено у них Апостолом, но иное оставалось еще требующим исправления, как неисправное и несовершенное. На это указывает и предлог, приложенный к глаголу: ἐπιδιορθώσῃ, — что не одно и то же значит, как и: διορθώσῃ, — *да исправиши*, — но, как бы сказать: *да — надысправиши*, — то есть: да то, чего исправление мною начато, но не доведено до требуемой истиною меры, доисправиши, чтобы все у них приняло настоящий вид».

И поставиши по всем градом пресвитеры. Это не единственное, что предлежало исправить; а между другими недостатками исправить и этот. Особо же о нем помянул Апостол по особенной важности священного чина в Церкви. Без него ни учение, ни таинства, ни другие все порядки в Церкви должным образом исполняемы быть не могут. Он как бы говорит: особенно же или главным же образом позаботься поставить исправных пресвитеров. Где есть исправный пресвитер, там и все будет исправно. Слово: *поставиши* — то же значит, что: *рукоположиши.* Так действовал везде сам святой Павел. Основав Церковь, он не оставлял ее самой себе, но рукополагал достойных и им поручал назидание и управление верующих, как видим из того, как действовал он в первое свое Апостольское путешествие, когда вместе с Варнавою, основав Церкви в Дервии, Листре, Иконии, Антиохии (Писидийской), они не прежде удалились оттуда, как рукоположив пресвитеров во все Церкви (см.: Деян. 14, 23). Можно допустить, что и в Крите святой Павел сам рукоположил иных пресвитеров, но не всюду. Где они еще требовались, там поручил он рукоположить их святому Титу. Под *пресвитерами* все наши толковники разумеют епископов, как старейшин над иереями. — *По всем градом.* И доселе на Востоке держится обычай, чтоб всякий город, по возможности, имел своего епископа.

«Не хотел Апостол, чтобы весь остров подчинен был одному лицу, но чтобы каждый имел свою часть в своем попечении и наблюдении; ибо таким образом и для него самого облегчится труд, и над подчиненными будет больше наблюдения, если учитель не будет развлекаться, предстоятельствуя над множеством Церквей, но будет заниматься только одною и ее устроять» (святой Златоуст).

Якоже тебе аз повелех. Повеление это конечно и все обнимало: что и как исправить, Апостол точно определил сам. По примеру повеленного можно было видеть, как исправить и то, что не указано словом. Но может быть: *якоже повелех*, — преимущественно или исключительно относится к избранию и рукоположению пресвитеров, так что следующие за сим слова: *аще кто* и прочее указывают будто на то, что именно или особенно повелено. В таком случае можно читать: *якоже тебе повелех*, — то есть: *аще кто* и прочее.

Смотря на то, как святой Павел свою власть и свои преимущества уступает святому Титу, святой Златоуст говорит: «видишь ли, как душа его чиста от всякой зависти, как он всегда искал пользы поучаемых, не разбирая, будет ли она достигнута им самим или кем-нибудь другим? Там, где была опасность и великое затруднение, он исправлял все сам личным присутствием; а что доставляло более чести или славы, то поручает

ученику, именно: рукоположение епископов и все другое, что имело нужду в некотором исправлении или, так сказать, в большем устройстве. Но что, скажи мне, говоришь ты? Твои дела он будет исправлять? И ты не считаешь этого унизительным и постыдным для себя? Нисколько, говорит, ибо я имею в виду только общую пользу, мною ли будет сделано или другим, для меня все равно. Таким должен быть предстоятель (Церкви) – искать не своей чести, но общей пользы».

ПРАВИЛА В РУКОВОДСТВО СВЯТОМУ ТИТУ, А В ЛИЦЕ ЕГО И ВСЕМ УСТРОИТЕЛЯМ ЦЕРКВЕЙ (1,6—3,11)

1) ПРАВИЛА ОТНОСИТЕЛЬНО ПОСТАВЛЕНИЯ ЕПИСКОПОВ (1, 6—9)

Здесь определяет святой Апостол, каков должен быть избираемый во епископы: а) каков он должен быть по семейным и гражданским добродетелям (стих 6); б) какими добрыми нравственными качествами должен украшаться (стихи 7—8) и: в) сколь должен быть учителен (стих 9).

а) Какого семьянина и гражданина можно считать достойным епископства? (1, 6)

Глава 1, стих 6. *Аще кто есть непорочен, единыя жены муж, чада имый верна, не во укорении блуда, или непокорива.*

Пред этим, как сказано, уместно дополнить: *именно*,— такую установляя связь сего текста с предыдущим: поставь по всем городам старейшин церковных, действуя при сем так, как я тебе повелел, именно: когда станешь избирать на это дело, то вот из каких избирай: *аще кто есть непорочен* и прочее.

Непорочен, — то есть «если жизнь его свободна от нарекания, если никто не может укорить его в (дурной) жизни («если он не подает никакого повода к основательному обвинению» [блаженный Феодорит]). Ибо послушай, что говорит Христос: *аще убо свет, иже в тебе, тма есть, то тма кольми* (Мф. 6, 23)» (святой Златоуст). «Итак, во-первых он должен быть непорочен, ἀνέγκλητος, — что самое, другим словом, выражено в Послании к Тимофею, думаю, именно: ἀνεπίληπτος, — безукоризнен (см.: 1 Тим. 3, 2). Не в то только время, как его избирать и определять, он не должен иметь на себе вины и греха, пред этим только новым обращением и покаянием омыв свои грязноты; но быть таковым, чтоб совесть не угрызала его ни за какой грех со времени его возрождения во Христе (со времени крещения). Ибо иначе как возможет предстоятель Церкви изымать злого из среды ее, когда сам падал в такой же порок? Или как ему свободно укорять согрешающего, когда тайно в сердце сознает, что сам позволял себе то, в чем обличает другого?» (блаженный Иероним).

Единыя жены муж — не двоеженец. Апостол почтил брак, не поставив его преградою к получению степени священства; но вместе и брачным удовольствиям не дал поблажки, отказав в нем двоеженцам. Имеется в виду, с одной стороны, воздержание, с другой — преданность единой. То

и другое предполагает качества, могущие служить ручательством, что избираемый может добре управить Церковь, ему вверяемую. Святой Златоуст говорит: «для чего Апостол представляет такого человека? Он заграждает уста еретикам, осуждавшим брак, показывая, что это дело нисколько не предосудительно, но так честно, что при нем можно восходить даже на священный престол; вместе с тем он укоряет людей невоздержных, не позволяя после второго брака принимать эту власть. Подлинно, кто не сохранил благорасположения к умершей, тот может ли быть хорошим предстоятелем? Какому не подвергнется он нареканию? Вы знаете, все вы знаете, что, хотя законами и не запрещено вступать во второй брак, однако это дело подвергается многим нареканиям. А Апостол желает, чтобы начальствующий не подавал подчиненным никакого повода к нареканиям».

Блаженный Иероним смотрит при сем не столько на дело, сколько на то внутреннее расположение, которое сими словами желал внушить Апостол: «слова: *единыя жены муж* — надо так понимать, чтоб не выходило, будто всякий одноженец (по сему самому) лучше двоеженца; но так сказано, чтоб показать, что тому легче склонять к единобрачию и воздержанию, кто при таком уроке учит более собственным своим примером. Ибо положим, что какой-либо юноша

потерял жену и, будучи преодолеваем потребностию плотскою, взял другую; но, потеряв вскоре и ее, решился далее жить в воздержании (от брачных удовольствий). Возьмем и другого, который до самой старости имел жену одну и никогда не переставал от плотского с нею дела. Кто из этих двух лучше, воздержнее и чище? Конечно тот, кто, потерпев несчастие и во втором браке, стал жить потом чисто и свято, а не тот, кто даже в старческом возрасте не чуждался объятий супруги. Итак, пусть не рукоплещет себе тот, кто избирается (на священство), поколику* одноженец, будто он лучше всякого двоеженца, когда в избрании его имело часть более счастие (не потерять жену), нежели доброе произволение (хранить воздержность). Иные это место понимают так, что не должно избирать в епископы того, кто зараз имеет двух жен. Иные совсем превратно толкуют его. Монтан** и последователи Новатова раскола***, присвоившие себе имя воздержников и чистых, думают (на основании сего места), будто вторые браки воспрещаются христианам; тогда как Апостол единобрачие предписал только для епископов и пресвитеров, а прочим сделал в сем отношении послабление. Также Тертулли-

---

* *Поколику* — поскольку. — *Ред.*

** *Монтан (? — II)* — ересиарх, основатель псевдохристианской секты. — *Ред.*

*** *Новат (? — III)* — ересиарх, основатель псевдохристианской секты. — *Ред.*

ан* написал книгу о единобрачии, — еретическую; и всякий (без предубеждения читающий Апостола) не может не видеть, что он идет против Апостола».

Чада имый верна, не в укорении блуда, или непокорива. Потребно, чтоб дети избираемого были верующие, не подлежали укору в блудничании или в непокоривости и строптивости. Иметь одну жену и быть непорочным зависит от произволения человека; а что дети бывают неисправны, не всегда бывает по вине родителей. Почему не ошибочно дополнять, что Апостол разумеет здесь такие случаи, когда дети неисправны по вине родителей, по неумению их направить как должно или по нерадению о том. Но Апостол не выделил этих случаев, потому что они бывали очень редки; а может быть, и потому, что пусть дети дурны не по вине отца, все же тень некая падает и на него; он же хочет, чтоб на избираемом никто не видел пятна, — чтоб он был во всем во очию всех безукоризнен. Святой Златоуст видит здесь родителя, виновного в неисправности детей, и, утверждая, что такого справедливо не избирать в епископы, так разъясняет сие положение. «Ибо, — говорит, — кто не мог научить своих детей, тот как может быть учителем других? Если он не мог устроить тех, которых с

---

* *Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (ок. 155/160 — после 220)* — христианский богослов. — *Ред.*

самого начала имел при себе и воспитывал и над которыми имел власть как по законам, так и по природе, то как он может быть полезным для чужих? Если бы не была велика беспечность отца, то он не допустил бы сделаться злыми тем, над которыми имел власть с самого начала (их жизни). Невозможно, поистине невозможно, чтобы тот, кто с самого начала был воспитан с великим тщанием и окружен попечениями, сделался злым; ибо грехи не таковы по своей природе, чтобы они могли быть сильнее такого попечения. Если же он считал воспитание детей делом второстепенным, заботясь только об имуществе и не имея об них надлежащего попечения, то и поэтому он недостоин (священного сана). Если там, где побуждала его природа, он имел так мало любви или был так безрассуден, что больше заботился об имуществе, нежели об них; то как может он быть возведен на престол (епископский) и на такую степень власти? Если он не мог (воспитать своих детей), то достоин великого осуждения за леность; а если не старался, то достоин великого осуждения за недостаток любви. Посему, кто нерадит о своих детях, тот как может пещись о чужих?»

Блаженный Иероним выделяет неповинных в неисправности детей отцов; при всем том, однако ж, во всей силе оставляет правило Апостола,

не потому, чтоб вины детей делали виновными неповинных в том родителей, но потому, что иначе стесняема и пресекаема будет свобода слова епископа. Он пишет: «быть епископу или пресвитеру без порока и иметь одну жену — это такие требования, которые состоят в нашей власти. Но что дальше следует: иметь сынов верных, не подлежащих укору в блуде или непокоривости, — это такие требования, которые не в нашей состоят власти. Почему если родители хорошо воспитали своих детей и с юных лет научили их исполнению заповедей Господних, а они потом развратились, предались порокам и необузданности, то неужели вина в этом падает на родителей и грехи сына ужели запятнают святость невинного в том отца? Исаак, например, конечно учил сына своего Исава всякому добру, но Исав оказался и блудником, и нечестивым до того, что священное право первородства своего продал за одно яство (см.: Быт. 25). То же у Самуила, — который сам таков был, что в день нужды возопил ко Господу об Израиле, и *Господь возгреме гласом велиим* на иноплеменников, врагов Израиля, *и падоша* (ср.: 1 Цар. 7, 10), — были дети, которые уклонились *во след лихоимания* и принимали дары и оказались столь неправедными судиями, что израильский народ по сему поводу испросил себе царя по примеру других наро-

дов (см.: 1 Цар. 8). Итак, если б в числе избираемых на священство были Исаак и Самуил, то Исаак за Исава, а Самуил за детей своих должны быть сочтены недостойными священства. Но в таком случае, тогда, как детям не вменяются грехи родителей, не поставить бы нам грехов детей в предосуждение родителям? Как же рассудим? Во-первых, надобно сказать, что имя священства столь свято, что хотя бы мы по своим делам не были недостойны епископства, но не должны быть допускаемы к сей степени по причине непорядочности детей. Ибо с какою свободою можем мы обличать чужих сынов и научать их правым путям, когда обличаемый может возразить нам: прежде своих научи? Или с каким лицом стану я укорять блудящего, когда собственная моя совесть скажет мне в ответ: так лиши наследства своего сына блудливого, — отвергни своих детей, предающихся порокам? Но когда непотребный сын под одной с тобою живет кровлею, то ты, действуя так, то есть обличая чужих сынов, не вынимаешь ли спицу из чужого ока, не видя бревна в своем собственном? Итак, слова Апостола не сквернят праведного по причине пороков детей, но ограждают свободу слова для предстоятеля Церкви, — чтоб он таков был, чтоб не боялся обличать чужих детей по причине порочности своих».

б) Каков должен быть епископ по нравам? (1, 7—8)

Глава 1, стих 7. *Подобает бо епископу без порока быти, якоже Божию строителю: не себе угождающу (не дерзу, не напрасливу), не гневливу, не пиянице, не бийце, не скверностяжательну.*

Подобает епископу. Начал речь о пресвитерах, а здесь избираемого называет епископом. Это наводит на мысль, что в начале оба сии слова употреблялись безразлично и были прилагаемы вообще к предстоятелям христианских обществ или старейшинам, поставленным наблюдать за христианскими в них порядками. Но надо полагать, что Апостолы ставили епископов — архиереев, а епископы, когда требовала нужда, ставили пресвитеров — иереев.

Без порока быти, ἀνέγκλητον, — то же, что и пред сим: *аще кто непорочен.* «Это общее требование, объемлющее все, что имеет быть сказано: быть без порока есть быть безукоризненным» (Экумений).

Якоже Божию строителю, οἰκονόμον, — эконому, приставнику. Этим Апостол или дает только особое побуждение к безукоризненности («быть Божиим экономом великое титло и достоинство, почему требует особого внимания и бдительной тщательности» [Экумений]), или указывает новую сторону, с которой епископ особенно должен быть безукоризнен. Прежде сказал, что он должен быть безукоризнен, как семьянин и гражданин;

а здесь указывает, что он должен быть таковым в порядке церковной жизни, как Божий строитель, приставник и эконом. Церковь – общество верующих – есть дом Божий. Смотреть за сим домом и наблюдать за должными в нем порядками приставляется епископ. «Бог поставляет его над домом Своим, Божие занимает он место; почему во всех отношениях должен быть точным исполнителем воли Его» (блаженный Феофилакт). В другом месте святой Павел и Апостолов называет экономами Божиими и строителями таин Его, прибавляя: *а еже ищется в строителех, да верен кто обрящется* (ср.: 1 Кор. 4, 1–2). Это уже общий закон для всех Божиих строителей, а в числе их и для епископов, Апостольских наместников. Блаженный Иероним подает мысль, что святой Павел заимствовал сей урок из приточной речи Христа Спасителя о мудром и верном приставнике, поставленном *над челядию даяти во время житомерие* (ср.: Лк. 12, 42 и далее); ибо пишет: «что требуется от строителей, это есть: *да верен кто обрящется*, – внушается быть ему не таким, чтобы ел и пил с пьяницами и бил рабов и рабынь, но чтоб, ожидая неизвестного пришествия Божия, раздавал в свое время сорабам своим *житомерие*. Между приставником и прочими то только различие, что он – сораб – поставлен над сорабами своими. Да ведает же епископ и пресвитер, что им вверяется народ, а не

рабы». Судя по сему, требуемая Апостолом от епископа безукоризненность в церковном домостроении обязывает его, чтоб не погрешал в питании вверенных ему душ Божественными истинами, в освящении и укреплении их благодатию чрез преподание святых таинств, наипаче в руководстве всех по пути спасения — незаблудному*.

Вслед за сим, общим, Апостол указывает и частные черты безукоризненности, — которые тоже приводят на мысль помянутую приточную речь Спасителя. — *Не себе угождающу*, μὴ αὐθάδη, — не продерзу, который, увлекаясь своенравием, ставит свой произвол выше всего, не обращая внимания на справедливые желания и нужды управляемых. Славянский перевод перифразирует** это слово еще другими двумя: *не дерзу, не напрасливу*. Святой Златоуст говорит: «кто имеет внешнюю гражданскую власть, тот, как управляющий силою закона и по необходимости, справедливо не всегда соображается с желаниями подчиненных; но, кто должен начальствовать над людьми, подчиняющимися ему добровольно и чувствующими благодарность за его управление, тот, если будет поступать во всем только по произволу, будто никому не имеющий давать отчета, сделает

* *Незаблудный* — здесь: верный, правильный, безошибочный. — *Ред.*

** *Перифразировать* — здесь: пересказывать, перетолковывать. — *Ред.*

свое управление насильственным, — деспотическим». То же предписывает и святой Петр, говоря: *старцы... пасите еже в вас стадо Божие, посещающе* (назирающе) *не нуждею, но волею и по Бозе... ни яко обладающе причту* (наследию Божию) (см.: 1 Пет. 5, 1—3).

Не гневливу. «Как может, — говорит святой Златоуст, — учить других обуздывать эту страсть тот, кто не научил этому себя самого? Власть поставляет человека во многие обстоятельства, которые делают и весьма кроткого тяжелым и суровым, подавая множество поводов к гневу. Посему, если он наперед не позаботился об укрощении этой страсти, то будет (для подчиненных) крайне тяжелым, повредит и погубит многое в делах своего управления». Прибавим и слова блаженного Иеронима: «гневливый всегда раздражается и, при малом неосторожном слове или какой погрешности, приходит в движение, как лист от ветра. И воистину ничего нет безобразнее ярящегося наставника, который, тогда как должен быть кротким и по следующему слову Писания: *рабу Господню не подобает сваритися, но тиху быти ко всем, учительну, незлобиву, с кротостию наказующу противныя* (ср.: 2 Тим. 2, 24—25), выступает, напротив, с грозным видом, с трясущимися губами, с наморщенным лбом и с лицом то бледнеющим, то краснеющим, поражает неистовым криком и погрешивших не к добру

влечет, а низвергает своею свирепостию в большее зло. Почему и Соломон говорит: *гнев губит и разумныя* (Притч. 15, 1). А святой Иаков учит, что *гнев мужа правды Божией не соделывает* (ср.: Иак. 1, 20)».

Не пианице, μὴ πάροινον, — собственно, не шумливым как от вина, не бранчивым и ругательным, придирающимся и с оскорбительными обращающимся словами. Святой Златоуст и говорит: «здесь он разумеет оскорбителя. Епископу следует все делать увещанием, а не порицанием и оскорблением; ибо какая, скажи, необходимость оскорблять? Надобно угрожать геенною и таким образом приводить в страх и трепет. Оскорбляемый же делается более дерзким и презирает оскорбляющего. Ибо ничто так не возбуждает презрения, как оскорбление, которое наносит более бесчестия самому оскорбляющему, лишая его должного уважения. Слово епископа должно быть исполнено великого благочестия, напоминать грешникам о будущем суде и быть чистым от всякого оскорбления. Если же кто препятствует ему в исполнении должного, то нужно действовать с полною властию». То же Экумений и Феофилакт, которые перифразируют это слово так: μὴ πάροινον — μὴ ὑβριστήν.

Но блаженный Феодорит под пьяницею разумеет здесь «упивающегося». Так же и блаженный Иероним, который пишет: «запрещает также

епископу быть любителем вина, что в Послании к Тимофею выражается: *не многу вину внимающим* (ср.: 1 Тим. 3, 8). Каково видеть епископа подвыпившим, когда он или под влиянием приятных чувств смех возвышает и хохочет не в меру, унижая свое достоинство, или, вспомнив о чем-либо скорбном, гудки начинает справлять и плакать. Впрочем, долго перечислять все непристойное, до чего доводит охмеление. И в Ветхом Завете заповедано, чтоб священники, когда приступают службу совершать Богу, не пили вина (см.: Лев. 10, 9). Так же назореи* должны были во все дни обета своего воздерживаться от вина и сикера и от всего, что делается от грозд винных, потому что это лишает ум свойственного ему здравомыслия (см.: Чис. 6, 3). Пусть говорят, что кто хочет; я же по совести свидетельствую, что нарушение воздержания в сем не обходится без вреда, тогда как соблюдение его всегда полезно».

Не бийце – ни телесно, ни душевно, «ни руками не наносящим побоев и ран, ни словами горькими и ожесточительными (не разящим душ)» (блаженный Феофилакт). «Не биющим совести немощных братий» (Экумений). «Ибо учитель есть врач душ; а врач не наносит ударов, но наносящего удары исправляет и врачует» (святой Златоуст).

---

* *Назореи* – особый класс посвященных у иудеев. – *Ред.*

Блаженный Иероним, тоже совмещая и телесное и душевное биение, говорит: «после запрещения винолюбия повелевает еще — и не быть бийцею. Это и просто можно разуметь, как внушение — не давать воли рукам и не бросаться, подобно безумному, на другого, чтоб нанесть побои. Но лучше не бийцею назвать нам того, кто кроток и терпелив, знает, когда что сказать и когда помолчать, чтоб неуместною речью не поражать совести немощных. Апостол, начертывая образ доброго предстоятеля Церкви, не то, надо полагать, запрещает, чтоб он не был драчуном, — что и в простом народе, даже языческом, не одобряется; но то, как я сказал, чтоб неуместною бранчивостию не губил того, кого можно исправить и спасти кротостию и тихостию».

Блаженный Феодорит особую указывает при сем сторону дела, под *бийцею* разумея «не по разуму налагающего наказания».

Не скверностяжательну. Сим не только запрещается епископу неправедными средствами стяжание, но вообще всякое искание и желание прибыточества считается срамным в лице епископа. Сказывает Апостол, что он должен быть совершенно «нестяжателен» (Экумений), — «показывать полное презрение к богатству» (святой Златоуст). В епископе всякая стяжательность, даже и праведная, срамна (блаженный Феофилакт). И не только срамна, но и крайне вредна для дел

епископства: ибо ничто так не кривит правого течения дел, как ожидание, желание и искание прибытка. Блаженный Иероним пишет: «также и желание скверноприбыточества должно быть чуждо того, кто имеет быть епископом. По Соломону, *лучше малое приятие с правдою, нежели многая жита с неправдою* (ср.: Притч. 15, 29); и: *лучше имя доброе, неже богатство много* (Притч. 22, 1). Епископ, желающий подражать Апостолу, имея пищу и одеяние, сими доволен должен быть (см.: 1 Тим. 6, 8). Служащие алтарю от алтаря пусть и живут (см.: 1 Кор. 9, 13),— живут, говорит, а не богатятся. Почему и медь при поясе для нас не полагается, и одною ризою должны мы довольствоваться и не заботиться о завтрашнем дне (см.: Мф. 10; Мк. 6). Желание скверностяжания и есть забота более чем о настоящем».

Стих 8. ***Но страннолюбиву, благолюбцу, целомудренну, праведну, преподобну, воздержательну.***

«Видишь ли, какой высокой требует он добродетели?» (святой Златоуст).— «Доселе, чего не должен иметь епископ или пресвитер, заповедывалось словом Апостола; теперь, напротив, излагается, что он должен иметь» (блаженный Иероним).

Страннолюбиву. «Не только от других не прибыточествовать, но и свое иждивать на странников» (блаженный Феофилакт). «Прежде всего от имеющего быть епископом ищется страннолю-

бие. Ибо, если всем желательно услышать оное, в Евангелии предуказанное слово: *странен бех и введосте Мене* (Мф. 25, 35), не тем ли паче епископу, которого дом должен быть общею для всех странноприимницею? Мирянин, одного, или двух, или нескольких — не многих — прияв в дом и упокоив, исполнит долг странноприимства. Епископ же, если не будет принимать всех, — нечеловечен есть. И я боюсь, как бы, — подобно тому как царица южская*, приходившая от конец земли послушать мудрости Соломоновой, осудит людей времени (первого пришествия Христова) и мужи ниневитские, покаявшиеся проповедию Иониною, осудят тех, кои по презорству** и нерадению не восхотели слушать большего Ионы Спасителя, — так и многие из народа, которые устранились от церковного чина, но усердно творят дела, которые творить епископ не считает своим делом, не осудили епископов. О таковых, думаю, и Иоанн пишет к Гаию: *Возлюбленне, верно твориши еже аще делаеши в братию и в странныя, иже свидетельствоваша о твоей любви пред церковию: ихже предпослав достойно Богу, добре твориши* (ср.: 3 Ин. 1, 5—6). И поистине, он Святым Духом, в нем глаголавшим, еще тогда обличил то, что имело быть в Церкви впослед-

* См.: Мф. 12, 42; Лк. 11, 31. — *Ред.*

** *Презорство* — презирание, пренебрегание, строптивость. — *Ред.*

ствии, говоря: *писах церкви: но первенстволюбец их Диотреф не приемлет нас. Сего ради аще прииду, воспомяну дела его, яже творит, словесы лукавыми укоряя нас: и не доволен бывая о сих, ни сам приемлет братию, и хотящим возбраняет, и от церкве изгонит* (ср.: 3 Ин. 1, 9—10). Истинно, ныне можно видеть это, предсказанное, — во многих городах, где бывает, что епископы или пресвитеры, видя мирян страннолюбивыми и благолюбцами, неблаговолительно смотрят на это, как будто мирянину нельзя уже делать того, чего не делает епископ. И такие-то миряне послужат в осуждение освященных лиц» (блаженный Иероним). Страннолюбие святой Павел везде заповедует целым Церквам; для чего устроялись общие странноприимницы, попечение о коих лежало на епископе. Но чтобы он вернее и охотнее исполнял это, надо прежде избрания удостовериться, имеет ли он расположение к сему.

Благолюбцу. «Так называет Апостол кроткого (тихого, никого не смущающего), во всем мерного, независтливого» (блаженный Феофилакт). Или «раздающего все свое имущество нуждающимся» (святой Златоуст). Требуется сим, чтоб он был ревнитель всякого рода добрым делам, паче же благотворцем. На нем лежит попечение о бедных и больных, вдовах и сиротах. Потребное для сего доставляет паства; но надо,

чтоб у епископа или пресвитера лежало сердце к такого рода делам.

Целомудренну – чистому от плотских грехов, возможных и при супружеской жизни, или целомудренно и в свое время пользующимся супружеским ложем, или даже совсем от него воздерживающимся, как это потом и узаконено Соборами для епископов. Блаженный Иероним пишет: «надлежит быть епископу и целомудренным, σώφρονα, – как говорят греки. Если и мирянам повелевается ради молитвы воздерживаться от жен, то что сказать о епископе, который каждодневно должен приносить Богу за грехи свои и народа своего жертвы непорочные? Раскроем книгу Царств и найдем, что Авимелех-священник не прежде дал Давиду и отрокам его от хлебов предложения*, как спросивши, чисты ли отроки от жены, – не чужой, а от своей супруги (см.: 1 Цар. 21). И если б не услышал, что они вчера и завчера не имели супружеского дела, то, конечно, не уступил бы им хлебов тех. Но между хлебами предложения и Телом Христовым такое расстояние и различие, как между тению и телом, между образом и истиною или между прообразом будущего и тем, что предызображал прообраз. Посему как кротость, терпение, трезвость, умеренность, нестяжательность, страннолюбие и благолюбие должны быть в епископе в превос-

* См.: Исх. 25, 30; Лев. 24, 5–6. – *Ред.*

ходнейшей степени, так и чистота или целомудрие священническое должно быть таково, чтоб не только от дела плотского воздерживаться, но чтоб у имеющего совершать таинство Тела Христова были чисты и ум от помышления о жене, и око от воззрения на нее».

Праведну, — то есть «нелицеприятну в отношении к людям» (блаженный Феофилакт). Требуется, чтоб сам никого не онеправдывал в своих делах и чтоб, когда приходится разбирать дела пасомых, безукоризненно соблюдал закон справедливости. Блаженный Иероним пишет: «также и праведным должно быть епископу, чтоб, предстоятельствуя пред народом, соблюдал правду, воздавая каждому, что заслужил, и в суде нелицеприятствуя. Между праведностию мирянина и епископа то различие, что мирянин может являться праведным в меньшем круге, а епископ должен соблюдать правду в отношении к стольким лицам, сколько у него пасомых».

Преподобну, — то есть «благоговеинствующу пред всем Божественным, не опускающему ничего, что обязательно в отношении к Богу» (блаженный Феофилакт). Епископу надлежит быть святу, то есть украшену всякими душевными и телесными добродетелями. Но *преподобие* есть высший вид святости, когда «она соединена бывает с благочестием и освящаема благоговеинством

к Богу и Ему всего посвящением» (блаженный Иероним).

Воздержательну. «Разумеет здесь Апостол не постящегося только, но воздерживающегося от всякой страсти, обнаруживаемой и языком, и рукою, и бесстыдным взором; ибо в том и состоит воздержание, чтобы не предаваться никакой страсти» (святой Златоуст). «Воздержательным должен быть епископ не от похоти только плотской и от объятий жены, но от всех душевных страстей: не воспламеняться гневом, не впадать в печаль, не поражаться страхом и не увлекаться неумеренно радостию. Воздержание поставлено у Апостола в числе плодов Святаго Духа. Если таким образом воздержание требуется от всех, не тем ли паче от епископа, который терпеливо и кротко должен нести немощи немощных и грехи грешащих, утешать малодушных, поддерживать слабых, никому злом за зло не воздавать, но побеждать благим злое» (блаженный Иероним).

«Сказанное доселе о добродетелях епископа к жизни его относится; а что за сим следует, относится к познанию его» (блаженный Иероним).

в) Каков епископ должен быть по учительству? (1, 9)

Глава 1, стих 9. *Держащемуся вернаго словесе по учению, да силен будет и утешати в здравем учении, и противящияся обличати.*

Держащемуся, ἀντεχόμενον, — что означает приверженного к слову, такого, «который заботится

и печется о нем, поставляя сие главным своим делом» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт). Не довольно знать и содержать слово истины; надобно дорожить им как жизнию, с желанием, чтоб оно всеми было чтимо, и готовностию охранять честь его до положения живота.

Вернаго словесе. — Словом означается все учение христианское, которое есть слово, Христом Спасителем слышанное у Отца и принесенное на землю (см.: Ин. 8, 26; 14, 24) и Апостолами силою Духа Святаго распространенное по лицу ее (см.: Мф. 28, 19; Ин. 14, 26; 16, 13). *Верно* слово сие, как исшедшее от Бога, Который истинен есть и верен во всех словесах Своих. Верно оно и в том, что законополагает, и в том, что обещает. Верность сию Сам Бог подтверждал, когда самым делом подавал то, что обещало слово благовестия, сначала верою одною приемлемое. Итак, *верное* есть истинное (см.: святой Златоуст), то самое, которое от Бога изошло, точь-в-точь то, без прибавки и убавки и изменения. Но как узнать, что оно таково у избираемого в епископы?

Когда он держится слова, не того, которое сам придумал, но которое принял чрез научение, κατὰ διδαχὴν. Спаситель говорит, что Он научен Отцом. Апостолы научены Господом Спасителем, верующие все научены Апостолами. Научение сие составляло в начале норму христианского

ведения и свидетельство верности его. Кто держался сего научения, тот держался *вернаго словесе*. И сие-то Апостол поставляет в закон епископу: не вдавайся в мудрования; держи как принял; и как принял, так и преподавай. «Слово верно, — говорит святой Златоуст, — есть преподаваемое посредством веры, не имеющее нужды в умствованиях или исследованиях». «Не умственные доказательства потребны, а верное преподание учения» (Экумений). А чтоб оно было таково, надлежит и в сердце держать его таковым, не перемешивая его с своими мудрованиями. «И такое только слово будет благоспеться, как слово самого Павла» (блаженный Феофилакт). «Как слово Божие верно и всякого приятия достойно, так и епископ таким да являет себя, чтоб все, что говорит, было почитаемо достойным веры и слова его были правилом истины» (блаженный Иероним). И будет так; пусть только не мудрит и передает, как принял и научен. «Что из того, если он будет неискусен во внешней мудрости. Не помпа словесническая нужна, а здравые суждения и сила мыслей» (святой Златоуст).

Да силен будет. То есть если будет держаться *вернаго словесе по учению*, — то будет силен; первое есть условие последнего. Кто привносит в сие, верное по учению, слово что-либо отынуды*, тот ослабляет его, делает бессильным и сам

* *Отынуды* — откуда-нибудь, отовсюду. — *Ред.*

является бессильным. Сила слова епископского в верности слову по учению. Тверди: так Бог научил и повелел содержать; и будет слово твое победоносно. Станешь мудрствовать, возбудишь противомудрствование; а отсюда только споры и раздражение и для познания истины всякий ущерб.

И утешати в здравем учении. Здравое учение «есть то, которое учит и догматам истинным, и жизни правой» (Экумений), — то же, что верное слово, которое пришло, получено и держится всеми по научению, — без всякой сторонней примеси, ослабляющей его и делающей немощным и бездейственным; подобно как вино, разбавленное водою и попорченное примесями, слабо, бездейственно и даже вредно. — *Утешати*, παρακαλεῖν, — умолять, уговаривать, убеждать. Апостол внушает, что епископ должен быть силен преподать верное слово верным и держать сих последних в вере ему, всякий раз успокоивая их мысли, коль скоро они взволнуются привтечением чуждых помышлений и мудрований, посредством убеждения и уговорения, что верно слово только то, которое он преподает, — верно, ибо так преподано и принято.

И противящияся обличати. «Силен не своих только ограждать, но и врагов отражать. Потому что если не будет и сего, то все может расстроиться. Кто не умеет бороться с врагами, *пленять*

всякий разум в послушание Христово и низлагать мудрования (см.: 2 Кор. 10, 5), тот да будет далек от учительского престола» (святой Златоуст). «Если не будут обличены и препобеждены сии противящиеся, то они легко могут развратить сердца простейших» (блаженный Иероним).

На конце поставил Апостол учительство, в исчислении того, чем должен быть украшен епископ, — потому что в епископе учительство завершает все прочие качества, составляя его отличительную черту. «Прочие качества можно находить и в подчиненных, как-то: непорочность, воспитание детей в послушании, страннолюбие, справедливость, благочестие; но епископа и пресвитера особенно отличает то, чтобы он оглашал народ учением, о чем нисколько не заботятся ныне» (святой Златоуст). «Если у епископа только жизнь свята, то, живя так, он себя только пользует; но если он и учителен, то и себя и других созидает. Это место направлено против тех, которые предаются бездействию, лености и сну (в деле учения), не обращая внимания на то, что Апостол, после перечисления достойных епископа качеств жизни, особое поместил указание, — повелительное, чтоб он был и учителен» (блаженный Иероним). «Кто не силен ни с врагами бороться и пленять всякий разум в послушание Христово, ни своих научать, убеждать, утверждать, тот

лжеепископ есть. Что наипаче характеризует епископа, это есть учить» (блаженный Феофилакт).

2) ПРАВИЛА НА СЛУЧАЙ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КЕМ-ЛИБО НЕПРАВЫХ МЫСЛЕЙ (1, 10—16)

Тут два правила: распространяющим такие мысли заграждать уста (см.: 1, 11), а увлекающихся ими обличать нещадно (см.: 1, 13). Эти правила даются будто мимоходом. Сказав, что избираемый в епископы должен быть силен и противящихся обличать, Апостол показывает, сколь необходимы такие именно епископы, потому что много там суесловцев, которые, ходя по домам, развращают простейших. Но пока-то изберутся могущие противодействовать им епископы и пока-то они начнут такое противодействие, дела сего нельзя оставлять так, чтоб оно шло, как идет. И возлагается оно на самого Тита. Имея заповедь поставлять *по всем градом* пресвитеры, святой Тит должен был обходить грады сии. В сем обхождении он неизбежно должен был встретиться с того рода лицами. Говорит ему Апостол на этот случай: заграждай им уста. Заграждая уста и полагая начало противодействия злым учениям, святой Тит давал вместе образец, как действовать на них и новопоставленным епископам, на коих возлагаться имело и противящихся обличать. Далее, как такие противящиеся уже

действовали, то естественно были и увлеченные ими. И таковых мог встретить святой Тит. На сей случай пишет ему святой Павел: обличай их нещадно. И в этом образец действования для новопоставляемых епископов. Так что это отделение (стихи 10—16) — дает наставление и святому Титу, и избираемым в епископы.

Глава 1, стих 10. *Суть бо мнози непокориви, суесловцы, и умом прельщени, наипаче же сущии от обрезания.*

Потому, говорит, особенно надо такие учительные избирать лица, что в Крите много суесловцев, которых опасно оставлять без обличения и заграждения уст. А чтобы это успешно делать, надо быть способным к тому и умелым. Почему и пишу тебе: таких особенно ищи в епископы.

Какие это именно суть лица, против которых вооружаются здесь святой Тит и в лице его будущие епископы, святой Павел определяет такими чертами.

Непокориви, ἀνυπότακτοι, — не по чину ходящие, никаких порядков знать не хотящие, самочинники и самовольники. Насаждая веру, насадители веры тут же заводили и всякие порядки по духу сей веры. Было законополагаемо, как о всем судить и думать, как жить и действовать и, наипаче, как к Богу приближаться посредством молитв и тайнодействий. Непокоривые ничего такого не считали для себя обязательным, а как

им самим что подумалось и что показалось уместным и возможным, так и судили, так и действовали, так и другим внушали и думать, и действовать. Это люди, не хотящие держаться общего, но особящиеся и отособляющие. «Видишь ли, как Апостол внушает, от чего бывают такие люди? От желания не повиноваться, а господствовать; на это он указывает» (святой Златоуст). «Он указал на корень всех зол — неподчиненность. Неподчинительный, поколику не хочет состоять под начальством, а наскакивает, чтоб начальствовать над другими, очевидно ничему здравому и правому не научился; потому что не хотел выдержать подучительства. Почему есть и суесловец» (блаженный Феофилакт).

Суесловцы, ματαιολόγοι, — пусторечивые, на ветер говорящие, чтоб только показать, что и они смышленые люди, понимающие суть дела не хуже других, а даже лучше самих учителей, умеющие составлять свои воззрения и ими освещать, расширять и углублять общие верования, не заботясь о том, к чему могут привесть такие воззрения, — не колеблют ли и не подрывают ли общей, всем преданной, веры. Таких множество бывает во все времена. Дело веры они знают только поверхностно; ибо глубоко изучить ее мешает им немощь — ковать свои воззрения, которые, родясь прежде познания истины, заслоняют ее у них собою. Оттого бывает, что в речах их

всегда идут вперед эти самородные, большею частию незрелые, воззрения: слов много, — а существа дела — пусто. И вышло пусторечие — суесловие. «Учащий, если сам, по причине неподчиненности учительству, не научился как должно, естественно бывает суесловцем, и не только суесловцем, но и умопрельщенным» (Экумений).

Умом прельщени, φρεναπάται, — умопрельщенны, «и себя и других прельщающие» (блаженный Феофилакт), — прибавим, — своим умничанием. Увлекшись своими воззрениями, они пленяются ими, будто истинными, и ревнуют делиться ими с другими, будто высокими и глубокими истинами, основами всякой истины, так что без них будто и все знание рассыплется. Такие самородные воззрения, даже и когда согласны бывают с истиною, ничего к ней не прибавляют ни в ясности, ни в твердости; но, занимая собою внимание, вместо самой истины, тем самым отклоняют от правого умозрения, которое по существу веры должно царствовать в уме: время тратится попусту и портится вкус к твердой истине. Но когда они далеки от истины, то тут бывает уже прямое прельщение, ведущее к пагубе. Увлекающийся ими — то же, что приемлющий иное благовестие; и на него, и без гласного суда, падает тем не менее грозный суд Апостола: *анафема да будет* (Гал. 1, 8).

Выставляя все сии черты, Апостол не указывает, о чем пустословят и чем прельщены и прельщают оказавшиеся неподчинительными. Для святого Тита и для всех верующих на Крите это было определенно известно. Нам остается только гадать о том. Но, вместо всякого гадания, не лучше ли ограничиться наведением, что Апостол, оговаривая определенные лица тогдашние, для нас, однако ж, неудобоопределимые, нам преднослал определенный урок — избегать самим и других отклонять от прельстительного позыва строить свои воззрения по предметам веры, не в духе подчинения правилам веры, а в духе преобладания над ними, будто низшими нас и нашего ума. От этой болезни ума предостерегает нас Апостол.

Слова: *наипаче же сущии от обрезания* — наводят несколько на то, о чем суесловили непокоривые; но очень нерешительно. Ибо *наипаче же* — показывает, что то были не исключительно иудеи, но что были таковые же и из язычников. Следовательно, нельзя с решительностию утверждать, что суесловия те были обычные иудействующим мудрования о неотложной необходимости для верующих исполнять и Моисеев закон, и постановления их старцев. Если далее мы не имеем основания полагать, что сущие от обрезания суесловили одно, а сущие от необрезания — другое, ибо в таком случае Апостол не

поставил бы их под один уровень; то необходимо признать, что те и другие держались некоего мудрования, коего нельзя назвать ни исключительно иудейским, ни исключительно языческим, но которое было смесью того и другого. В чем именно оно состояло, не видно; но было таково, что о его положениях можно было вести речь среди христиан, не отталкивая их вдруг от него, — что и давало мудрователям вход в домы верующих. Следовательно, в нем, кроме иудейского и языческого, было и христианское. Прикрываясь тою стороною, которая казалась христианскою, они проникали в домы, а потом наполняли уши и головы слышащих и тем, что было у них иудейского и языческого. Яд лжи действовал разрушительно, — и Апостол пресекает зло, вероятно, уже многими испытанное.

Стих 11. *Ихже подобает уста заграждати: иже вся домы развращают, учаще яже не подобает, сквернаго ради прибытка.*

Кому это *подобает*? Тем, кои имели быть поставлены епископами. Сказал выше (стих 9) Апостол, что эти епископы должны быть таковы, чтоб держались верного учения и были сильны своих утверждать в истине, а противящихся обличать. Почему же это особенно нужно? Потому что есть много суесловцев, не подчиняющихся истине, которым подобает заграждать уста. Ибо, чтоб быть сильну это исполнять, надо и самому

быть тверду в истине и уметь раскрыть ложь и обличить ее в тех, кои суесловят. Святой Златоуст говорит: «если такой (поставляемый в епископы) человек, приняв на себя обязанности учения, будет неспособен бороться с бесстыдными людьми и заграждать им уста, то он будет повинен в погибели каждого из погибающих. Посему, если Премудрый заповедует: *не ищи, да будеши судия, егда не возможеши отъяти неправды* (Сир. 7, 6); то тем более здесь можно сказать: не домогайся сделаться учителем, если ты не имеешь способности к этому делу, но уклоняйся и тогда, если бы даже тебя привлекали».

Впрочем, очевидно само собою, что и святой Тит, встречая такие лица, не мог и не должен был молчать: так что: *подобает*, – можно разуметь, вообще всякому, на ком лежит долг распространять истину и утверждать в ней.

Заграждати уста – можно или силою пастырской власти, или силою обличения лжи и утверждения истины. И первое в настоящем случае приложимо, если признать, что противящиеся суесловцы принадлежали к обществу верующих, только действовали среди него самовольно. Это на первый раз; если же они и далее останутся в своем упорстве, их следует совсем отсекать, как и законоположил Апостол ниже (см.: 3, 10). Но более приложимо второе, потому что ко всем идет. Встретив таких суесловцев, кто бы они ни

были, надобно обличать лживость их учения так сильно, чтобы они не имели что сказать в защиту его. «Добре сказал Апостол: *заграждати уста*, — то есть силою обличения лжи доводить их до того, чтоб они и слова сказать не посмели уже, — для того, чтоб и слушающие получили от того пользу» (Экумений). «Что пользы (от такого заграждения уст), когда они из не покоряющихся истине? Для них никакой, но полезно это для тех, которые могут развратиться, если епископ молчанием пройдет их лживые речи и учение» (блаженный Феофилакт).

Но так заграждать уста можно только встречаясь с суесловцами. Если же этого не случится, а известно только будет, что ходят какие-то по домам и суесловят то и то, могущее развращать, то и в таком случае не следует этого дела оставлять без внимания, а надлежит, пред верующими, раскрыв лживость узнанной лжи, обличить ее; истину же Божию, противоположную рассеваемой лжи, полнее разъяснить и сильнее подтвердить. И это будет тоже заграждение, если не уст суесловцев, то входа лжи их в души слышащих: ибо там уже поселен *противоотвещаяй* их лжи — помысл, ведец* *вернаго словесе*, сильный отразить слово лживое, биющее уши.

Иже вся домы развращают. Дается мысль, что они не открыто проповедуют, а украдкой ходят

* *Ведец* — знаток. — *Ред.*

по домам. Такой образ действий и приличен лжи, сознающей себя ложью и тем обличающей, что она ложь есть. — *Учаще яже не подобает.* Что же именно? Любопытно бы знать; но как Апостол не имел в виду любопытство или пытливость пустую удовлетворять, то и не сказал сего. И нам дает урок — не пытать попусту. Норма истины ведома; она проста и немногосложна. Критские христиане знали ее. И это было то, чему подобает учить. Все же, несообразное с нею, есть то, чему не подобает учить и что, следовательно, учимым, знающим истину, слушать не подобает. Этим одним словом Апостол сказал все.

Сквернаго ради прибытка. «Видишь, что есть неподчиненность в связи с сребролюбием и скверностяжательностию. Все это рычаги в руках диавола, посредством коих он разрушает домы Божии (то есть семейства христианские)» (блаженный Феофилакт). «Есть ли что, в чем беззаконновать не убедила и не склонила бы сия страсть?» (Экумений). — Какой прибыток разумеется? Обыкновенный, вещественный, — получение денег, вещей, пищи. Ревнуют приобретать учеников, чтоб на их счет жить и иметь довольство. Но святой Иларий* и блаженный Иероним, кроме сего, считают возможным под прибытком разуметь самых учеников, увлекаемых учением суесловцев, применяясь к словам Спасителя: *пре-*

* *Святой Иларий* — Амвросиаст. — *Ред.*

ходите море и сушу, сотворити единаго пришельца (ср.: Мф. 23, 15). «Можно,— пишет блаженный Иероним,— и иначе истолковать сии слова: *сквернаго ради прибытка,*— именно что Апостол употребил этот обычный житейский оборот речи, чтоб показать, как еретики, развращая умы, обыкновенно называют себя стяжателями людей, хотя убивать души прельщенных не есть стяжание, а потеря. Напротив, кто, по Евангелию, обличит заблуждающего брата, так что он обратится, тот воистину приобретает его (см.: Мф. 18, 15). Ибо какой прибыток может быть больше или что драгоценнее того, как если кто приобретет душу человеческую? Итак, всякий учитель Церкви, правым путем привлекающий к вере во Христа, есть честный прибыточник; напротив, всякий еретик, обольстительными речами отклоняющий от истины и своему неподобающему учению следовать склоняющий, есть скверноприбыточник».— Такой мысли нет у Апостола; но она может быть допускаема, как побочное наведение или иносказательное истолкование его слова,— которое, вне контекста, допустимо.

Стих 12. *Рече же некто от них свой им пророк: Критяне присно лживи, злии зверие, утробы праздныя.*

Усиливает высказанное основание к избранию в епископы лиц, твердых в истине и сильных обличать ложь,— тем, что критяне по природно-

му своему нраву падки на ложь и, следовательно, сами подают руку суесловцам — прельщать их и вводить в заблуждение. Этим Апостол переводит внимание святого Тита и будущих епископов от суесловцев на самих критян, говоря как бы: мало заграждать уста суесловцев; надобно самих критян убеждать твердо держаться истины и не открывать уха всякому баснословцу, отвращающему от истины. И это будет, как замечено, заграждением хода распространителям лжи. Таков смысл стихов 12—14.

В подтверждение того, что критяне падки на ложь, басни и суесловие, Апостол мог указать на действительные опыты. Но лучшим счел привесть свидетельство поэта, — критянина же, чтоб не сказал кто: ты несколько дней пробыл на острове и уж узнал наш характер. Наперед отвечает таким Апостол: не я один так думаю, вот свой же, ваш поэт, давно-давно заметил это за вами. К тому же, взявши такое древнее свидетельство, Апостол дает разуметь, что указываемое им недоброе свойство критян есть не мимолетное и случайное, а устарелый порок, который, чем труднее искоренить, тем обязательнее, для поставленных исправлять среди них все худое, на эту сторону направить свое внимание, заботу и труд.

Пророком назвал Апостол поэта не потому, чтоб в самом деле почитал его Пророком, а

потому, что так думали о поэтах язычники и верили их слову, будто откровенному свыше. И все верования языческие держались на поэтах.— Приведенные Апостолом слова сказал Эпименид* (см.: святой Златоуст, блаженный Иероним), и то же потом повторил Каллимах** (см.: блаженный Феодорит). У Каллимаха стоит только первое слово: *лживи*. Весь же стих, как он приводится Апостолом, находится у Эпименида (см.: блаженный Иероним). Названы так критяне за то, что, когда кто-то им натолковал, что у них умер Зевс***, или Дий, и указал место; они легко поверили, устроили гробницу и всем твердили: вот у нас гробница Зевса. Этим они обнаружили свое легковерие и падкость на ложь и басни, которых не переставали уже потом держаться, пребывая таким образом присно лживыми, то есть не перестающими твердить ложь. Эту особенно черту их Апостол и выставляет, чтоб потом сказать: обличай их, чтоб не внимали басням.

Для цели Апостола нужно было только первое слово: *лживи*. Другие за тем слова приведены только потому, что входят в состав стиха, который был ведом Апостолу (см.: блаженный

---

* *Эпименид (? — V до Р.Х.)* — легендарный греческий жрец.— *Ред.*

** *Каллимах (не позднее 300 — ок. 240 до Р.Х.)* — греческий поэт и ученый.— *Ред.*

*** *Зевс* — верховный греческий бог.— *Ред.*

Иероним). Потому нет нужды строить догадки, что имел в мысли Апостол, приводя о критянах слова: *злии зверие, утробы праздныя*. Первыми означается дикость, необузданность, злонравие; а вторыми — то, что любят поесть, попить, дела же делать неохочи, празднолюбивы и ленивы. Может быть, впрочем, такие черты действительно были в характере критян, и Апостол намеренно удержал означенные слова стиха, не ограничившись первым словом, чтоб потом дать уроки и относительно них, как и можно заключить из того, чему учить заповедует Апостол во второй главе. Но в настоящем месте нужно было для Апостола только первое: *лживи*, — как требуется полагать течением речи.

Стих 13. *Свидетельство сие истинно есть, еяже ради вины обличай их нещадно, да здрави будут в вере.*

Говоря, что такое свидетельство истинно, Апостол имел в виду первое слово свидетельства: *лживи*, — разумея под сим то, что они охотно открывают уши свои для всякого пусторечия и всяких басней, как видно из последующих за сим слов: обличай, чтоб не внимали басням. «Если они склонны ко лжи, то для них нужно сильное и обличительное слово; кротостию такой человек не может быть тронут. Итак, *обличай их нещадно*. Ибо нужно не со всеми обращаться одинаковым образом, но различно и разнообразно, смотря по

лицам. Ибо как, укоряя человека послушного и благородного, можно убить его и погубить; так и лаская человека, имеющего нужду в сильном обличении, можно испортить его и не довести до исправления» (святой Златоуст). «Это: *обличай их нещадно* — не противоречит сказанному: *с кротостию наказующу противныя* (2 Тим. 2, 25); потому что не уверовавшим еще должно скромно и кротко проповедывать Божественное учение; а давших обещание веровать и покушающихся поступать вопреки вере надлежит врачевать суровыми врачевствами» (блаженный Феодорит).

Да здрави будут в вере. «Здесь Апостол говорит не о чужих, но о своих» (святой Златоуст). Чужим — суесловцам вредным — велел уста заграждать, а своих велит нещадно обличать — «глубоко поражать» (святой Златоуст). И это не затем, чтоб удовлетворить своему на них неудовольствию, а чтоб были здравы в вере, то есть чтоб не принимали воззрений ложных, с верою несообразных (см.: святой Златоуст). Здравие в вере есть в точности держаться преданного. Тело делается нездравым, когда принимает чуждые ему элементы; и вера делается нездравою, когда принимает мысли, разрушающие строй ее, или весь, или по частям. Принимающий такие мысли с убеждением, что они истинны, тогда как не истинны, повреждает истинную веру и делается нездравым в ней. Ибо не хранит *образа здравых*

словес, — преподанных Апостолами (см.: 2 Тим. 1, 13), и неверным является *здравым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению, еже по благоверию*. Отчего и *недугует* (ср.: 1 Тим. 6, 3—4). Чтоб критяне не подпали такому заболению, Апостол заповедует нещадно обличать их, когда замечено будет, что они без осторожности открывают ухо свое для суесловцев.

Стих 14. ***Не внимающе Иудейским баснем, ни заповедем человек отвращающихся от истины.***

Указывается способ, как сохраняться здравыми в вере. Нещадное обличение отобьет охоту внимать чему-либо чуждому вере, — вера и сохранится у них здравою, и они пребудут здравы в вере. Вера уже преподана им, и они ее содержат. Но приходят суесловцы, влагают в ум чуждое вере, кажущееся, однако ж, истинным; и — неискусные, не умея разгадать кроющуюся в суесловии ложь, начинают думать, что, может быть, и так есть. Этим *может быть* вера уже поколеблена и здравие ее пошатнуто. Продлись такое состояние, повторись несколько раз кривые толки; и — ничего нет дивного, если сии последние признаются более красными, чем положения веры. Вот и болезнь. Предотвращена будет сия болезнь, если не станут внимать ничему чуждому вере. Не внимай — и здрав будешь в вере. Святой Златоуст говорит: «здравие состоит в

том, чтобы не вводить ничего ложного, ничего чуждого».

Это чуждое Апостол определяет словами: басни иудейские и заповеди *человек отвращающихся от истины.* Что именно разумел под сим святой Павел, святой Тит и критяне знали ясно. Нам же трудно это угадать. Ибо и басней иудейских, и заблуждений человеческих было много. Но потери для нас от сего никакой нет. И те басни иудейские, и те заблуждения человеческие уже миновались, и нечего нам их опасаться. Для нас осталась одна Апостольская заповедь: не внимать ничему чуждому вере. И не ту ли цель имел святой Павел, оставив неопределенным для нас (а не для тех, к кому писал), чему не внимать, чтоб внушить, чтоб мы вообще ничему не внимали, что видим несообразным с верою, как бы оно красно ни казалось?

Под баснями иудейскими не следует разуметь постановления законные или строй подзаконной религиозной жизни, но или кривое толкование сих постановлений и их значения, или все, что после придумано к ним самими иудеями. Блаженный Феодорит пишет: «Апостол иудейскими баснями назвал не закон, но предлагаемое иудеями толкование закона». Блаженный Феофилакт прибавляет к сему: «святые книги Ветхого Завета, добре понимаемые, не суть басни. Как это может быть, когда из них мы научаемся Евангельской

истине? Но неправые толкования и прибавления (δευτερώσεις, — повторительные законы) — вот что басни!»

Но что же это именно? Были свои кривые толкования и прибавления у всех иудейских сект, — и у ессеев, и у саддукеев, и у фарисеев*; были между иудеями и философские мудрователи, и мечтатели — мистики, выдумавшие каббалу**. Не басни ли всё это? Были и общеиудейские басни, — например, о Мессии, яко земном царе, и о царстве его, — чувственном и житейском. И между христианами из иудеев долго держалась баснь — о неотложности исполнения законных постановлений (особенно об обрезании, субботе и родах пищи, позволенных и запрещенных) и для всех верующих в Господа Спасителя. — Что из этого всего разумел святой Павел, не видно. Но то несомненно, что в учение суесловцев, соблазнявших критян, иное и из этого входило. Ибо, как видится, то была смесь разнородных учений, в коей имели свою часть и басни иудейские, хоть мы не можем определенно сказать, какие именно.

Что суть заповеди *человек отвращающихся от истины*? Это или то же, что басни иудейские, или что-нибудь, кроме них, придуманное мудрованием человеческим, и именно языческим.

---

* *Ессеи, саддукеи, фарисеи* — иудейские секты. — *Ред.*

** *Каббала* — мистическое иудейское учение. — *Ред.*

В первом случае слова: заповеди *человек* — определятся тем, что кто станет разуметь под баснями иудейскими. Блаженный Феофилакт, Экумений, а отчасти и святой Златоуст, разумеют обычаи иудейские законные, которые, не будучи сами по себе, по своему происхождению и назначению, баснями, стали уже баснями, когда их считают обязательными после того, как они потеряли свою силу. В этом случае они перестают уже быть заповедями Божиими, а начинают быть заповедями человеческими. Но Амвросиаст под заповедями человеческими разумеет те иудейские постановления, которые потом самими иудеями прибавлены к закону.

Во втором случае заповеди *человек* — будут означать языческие мудрования и обычаи. Так отчасти святой Златоуст. Приходит на мысль, что такое понимание, может быть, ближе к истине. Ибо как по ходу речи видно, что мудрования суесловцев, соблазнявших критян, были смесь иудейства и язычества; то Апостол, заповедуя не внимать тому, что чуждо вере и что может сделать веру нездравою, конечно, имел в виду как ту, так и другую сторону соблазнительных мудрований тех и, обозначив, что в них было иудейского, иудейскими баснями, вероятно, словами: заповеди *человек* — означил то, что в них было языческого. К подтверждению сего может служить и то качество сих *человек*, — что они отвращаются от

истины. Ибо, хоть иудеев, противившихся Евангелию, было справедливо почитать отвращающимися от истины, но полнее такое присуждение может идти к язычникам, совсем погрязавшим во лжи.

Святой Златоуст видит в словах Апостола внушение не внимать не каким-либо предполагаемым иудейским и языческим лжеучениям, а иудейству и язычеству, как они были тогда пред глазами. Он говорит: «если те, которые соблюдают правила касательно яств, не здравы, но больны, — ибо о таких говорит Апостол: *изнемогающаго в вере приемлите не в сомнение помышлений* (ср.: Рим. 14, 1), — то что сказать о тех, которые постятся и соблюдают субботу вместе с иудеями или ходят в места, считающиеся священными у язычников, например, место в Дафне, так называемую пещеру Матроны*, место в Киликии, называемое Кроновым**? Могут ли они быть здравыми? Таким образом, не должно слушаться ни язычников, ни иудеев; ибо это значит не быть здравым. Если ты содержишь веру, то для чего вводишь еще нечто другое, как будто вера недостаточна для оправдания? Для чего подчиняешь и порабощаешь себя закону? Или ты не надеешься на веру? Это свойственно больному и неверу-

* *Матрона* — женское греческое божество. — *Ред.*

** *Крон (Кронос)* — греческий легендарный герой-титан, отец Зевса. — *Ред.*

ющему; такой человек сомневается, а душе верующей несвойственно сомневаться».

Может быть, и в самом деле среди критян ходили не какие-либо новые, — смешанные из иудейства и язычества, — учения, а оставались прежние иудейские и языческие суеверия и обычаи, которым иные придавали важное значение и старались удержать в них других.

В наше время можно здесь видеть внушение остерегаться подпасть влиянию духа иудейского и языческого, понимая под первым довольство одною фактическою и деятельною стороною жизни, а под вторым — свержение всякого ига и для ума, и для чувств с желаниями, и для внешнего действования.

Стих 15. *Вся убо чиста чистым: оскверненным же и неверным ничтоже чисто, но осквернися их и ум и совесть.*

Стихи 15 и 16-й указывают на некоторые пункты или стороны лжеучения, ходившего среди критян, как бы для примера. Можно их с предыдущим так соединить: сколь нелепо это учение, о том и говорить нечего. Возьмите вы то, что говорится в нем о различии яств, будто есть какое-либо из них, которое по природе своей может делать принимающего оное нечистым. Простого смысла достаточно, чтоб знать, что пища не может делать ни чистым, ни нечистым. Чистота или нечистота зависит от сердца. Кто чист сердцем,

тот, какую, кажущуюся нечистою, пищу ни употреблял бы, все чист и все ему чисто, и пища не делает его нечистым. Напротив, кто нечист сердцем, того никакая, почитаемая чистою, пища не делает чистым, все он нечист. Того никакое питание не делает нечистым, а этого никакое питание не делает чистым; или того питание всегда чисто, а этого питание всегда нечисто. Апостол здесь то же самое внушает, чему научил Спаситель, что не входящее в уста сквернит человека, а то, что исходит из сердца (см.: Мф. 15, 11–19).

Для полного уразумения сих положений надо иметь во внимании не роды яств, а самое питание или вкушение. У одного питание чисто, потому что с чистым сердцем принимается; а у другого нечисто, потому что с нечистым сердцем принимается. Чистое сердце – то, которое, отрешившись от всякого самоугодия, все направляет к славе Божией, даже аще яст и пиет; оттого все у него чисто. А то сердце, которое преисполнено самоугодия, нечисто, и сим самоугодием всякое свое действие и движение делает нечистым, потому что у него все делается по самоугодию, даже и то, что по виду кажется самоотверженным и направленным к Богу. О таких и говорит Апостол: *оскверњися их и ум и совесть*. Ум оскверняется ложными понятиями, которые принимает без рассуждения, по одному влечению сердца, или увлекаясь обычаями, или по тщеславию и

суемудрию. Совесть оскверняется, когда человек, наперекор ей, действует по тем ложным понятиям, или когда вообще действует, не внимая совести, или — с совестию сомнительною. Такого рода состояние неизбежно у тех, коих сердце преисполнено самоугодием и вполне возобладано известными предметами, питающими и удовлетворяющими его. Тут не только не слушают ума и совести, но и их самих понуждают судить и определять в угоду себе, или снисходительно, или криво; всячески усиленно восставляют в себе помышление, будто действуют право, по крайней мере сносно, хотя извнутри слышат некое напоминание, не одобряющее их.

Святой Златоуст говорит, что в Ветхом Завете были запрещены некоторые яства, но «не потому, чтоб они были нечисты, а чтоб лучше обуздать плотоугодие. — Бог не сотворил ничего нечистого; и нет ничего нечистого, кроме греха, потому что он касается души и ее оскверняет; а все прочее считается нечистым по предрассудку человеческому. — Почему Апостол все приписал самим людям. Нет ничего, говорит, нечистого, но нечисты сами они, — их ум и совесть, нечище которых нет ничего. Вот в чем состоит нечистота: они сами не чисты. — Должно быть разборчивым в отношении к тому, что оскверняет душу, — это подлинно есть нечистота, это — скверна; а все прочее нет. Те, у которых испорчен вкус, думают,

что принимаемое ими нечисто; но это происходит от их болезни. Посему нужно основательно знать, что по природе своей чисто и что нечисто. Что же нечисто? Грех, злоба, коварство, корыстолюбие, лукавство. *Измыйтеся*, говорит Пророк, *и чисти будите, отымите лукавство от душ ваших* (ср.: Ис. 1, 16). — Те (ветхозаветные) очищения были образами (истинного) очищения. — Ныне же требуется от нас не это (внешнее), но все отнесено к душе. Телесное ближе к нам; посему Бог прежде и отвращал от него; но теперь не так; ибо не следовало всегда оставаться при образах и держаться теней, но — принять истину и ее держаться. Нечистота есть грех: его будем убегать, от него будем воздерживаться. *Аще*, говорит Премудрый, *приступиши к нему, угрызнет тя* (ср.: Сир. 21, 2)».

Об этой стороне учения помянул Апостол потому, что она особенно выдавалась и нелепость ее так очевидна, что не требовала долгого опровержения. Видите, говорит как бы он им, каков у них этот пункт! Но каков этот, таковы и все другие. — Теперь посмотрите, каковы их учители.

Стих 16. *Бога исповедуют ведети, а делы отмещутся Его, мерзцы суще и непокориви, и на всякое дело благое неискусни.*

Апостол здесь то же внушает, что и Спаситель заповедал: *внемлите же от лживых пророк... от плод их познаете их* (ср.: Мф. 7, 15—16). Хотите

ли, говорит он, удостовериться, что учение прельщающих вас неверно, посмотрите, каковы они и как живут. Жизнь, не соответствующая учению, подрывает силу учения, обличая в учащих недостаток убеждения и, особенно, то, что учение их — не цель и суть их жизни, а средство. Святые Апостолы отличались всестороннею безукоризненностию жития, чистого и самоотверженного, — и это на первый раз не отталкивало от них, а потом и привлекало. Таковы всегда и всюду должны быть освященные лица. То верно, что и учители истины могут хромать в делах жизни; но и то несомненно, что ничто так не отталкивает от учения, как нехорошая жизнь учителей. У святого Павла цель слова была — отвратить от лжеучения, и как лжеучители представляли ему свою слабую сторону — в неисправности жизни и нрава, — то он этим воспользовался. Не будь этого, он и не коснулся бы сего, а иное что-либо указал бы в лжеучителях, что могло бы обличать лживость их учения. Уж он прежде указывал в них скверноприбыточество (см.: 1, 11); а теперь указывает нечто большее — лицедейство: *Бога исповедуют ведети, а делы отмещутся Его.*

Этот образ выражения показывает, что Апостол бьет *паче сущих от обрезания.* Амвросиаст пишет: «хотя ко всем еретикам можно относить слова сии, но здесь Апостол говорит об иудеях, которые твердили о себе, что они одни знают

Бога Авраамова.— Знают, но языком только, а делами отмещутся Его, как и Господь обличал их: *аще чада Авраамля бысте были, дела Авраамля бысте творили* (Ин. 8, 39)». Блаженный Феодорит сводит это к предмету речи Апостола так: «они усиливаются выставить, что чтут Бога всяческих, но поступают прямо вопреки тому, что Ему угодно. Ибо закон ограничил Бог определенным временем; они же в оное время не исполняли закона, а когда кончилось время, крепко стоят за закон».

Не слушайте их. Не Бога они чтут. Бог у них только на языке, а в сердце у них совсем другое. Блаженный Иероним пишет: «те, у которых осквернены и ум, и совесть, *Бога исповедуют ведети, а делы отмещутся Его*, по слову Исаии-пророка: *людие сии устами почитают Мене, сердце же их далече отстоит от Мене* (ср.: Ис. 29, 13). Итак, как иной устами чтит, а сердцем далеко отстоит, так иной словом Бога исповедует, а делами отметается Его. Но кто делами отметается Бога, при устном исповедании Его, тот мерзок пред Богом; и, поелику не убеждается никакими основаниями истины, справедливо называется непокоривым и неверным. Отсюда происходит и то, что он на всякое дело благое неискусен. И то, что, будучи влеком естественною добротою, делает он доброго, не добро, будучи оскверняемо развращением ума его. Думают иные, что только тот

отметается Бога, кто во время гонения, будучи схвачен язычниками, отрицается, что он христианин. Но вот Апостол утверждает, что Бога отметаются всем, что бы ни делал кто превратного. Христос есть премудрость, правда, истина, святость, мужество. Отметается Он, как премудрость, — немудростию, как правда, — неправдою, как истина, — ложью, как святость, — порочностию, как мужество, — малодушием. И вообще, сколько раз побеждаемы бываем мы страстями и грехами, столько раз и Бога отметаемся. Напротив, всякий раз, как делаем что доброго, исповедуем Бога. Не должно думать, что в день суда Сын Божий отвергнется только тех, кои отверглись Его во время мучения; но всеми делами, словами и помышлениями Христос или, будучи отвержен, отвержется, или, будучи исповедан, исповедует. Так всеми добрыми словами и делами свидетельствуется, что душа предана Христу».

3) УКАЗАНИЕ, ЧЕМУ И КАК СЛЕДУЕТ УЧИТЬ ВЕРНЫХ, СООБРАЗУЯСЬ С ИХ ВОЗРАСТОМ И СОСТОЯНИЕМ (2, 1—3, 11)

Неправо учащие, сказал выше Апостол (см.: 1, 11), учат, *яже не подобает*; а ты, говорит он, обращаясь к Титу, учи, *яже подобает* (2, 1). И тотчас указывает, что именно кому подобает говорить. Не все обнимает, а берет во внимание только: а) старцев и стариц (см.: 2, 2—3), б) юниц и юношей (см.: 2, 4—6), г) рабов (см.: 2, 9—10) и:

е) гражданские добродетели (см.: 3, 1—2). Между же сими наставлениями вставляет: в) напоминание, чтоб учащий сам во всем подавал пример (см.: 2, 7—8) и учимым внушал, что: д) затем и все домостроительство в Христе Иисусе, чтоб верующие, отвергшись нечестия и мирских похотей, жили целомудренно, свято и благочестно, бывая ревнителями добрых дел в блаженном уповании (см.: 2, 11—15), ж) затем и благодать Святаго Духа, чтоб претворять нас из недобрых в добрых (см.: 3, 3—7) и: з) заключает: вот чему учи, а буиих стязаний чуждайся и еретиков отгоняй прочь (см.: 3, 8—11). — Три раза повторяет Апостол: учи быть добрыми (см.: 2, 1, 15; 3, 8); три раза внушает: чтоб ни об учении нашем, ни о нас никто не имел основания сказать что-либо укорное (см.: 2, 5, 10, 15). Этим он определяет *предмет и цель* Послания. Можно потому предположить, что критяне, приняв веру, не заботились жить по вере, а жили по прежним обычаям, — иудеи — иудейским, язычники — языческим, проводя между тем время в распущении басней суеверия и в пустых и бесполезных состязаниях. К исправлению этих неисправностей главным образом направляет Апостол труды святого Тита, и после него епископов, поставление которых по городам считает самым верным средством к достижению сей цели. Такова сущность всего Послания.

Глава 2, стих 1. *Ты же глаголи, яже подобает здравому учению.*

«Да не смущают тебя, говорит Апостол, учащие противному; ты, по обычаю, преподавай Божественные наставления» (блаженный Феодорит). «Ты ради этого не умолкай; хотя бы они и не принимали (наставлений), ты исполняй свое дело; хотя бы они и не убеждались, ты увещевай и советуй» (святой Златоуст).

Но кажется, Апостол этим желает показать, куда должно направлять труд учения. Суесловцы распространяют басни; ты же, им заградив уста, а своих строго обличив, затем не вдавайся в споры, а все внимание обрати на то, чтоб преподавать здравое учение: *глаголи, яже подобает здравому учению*, — что сообразно с здравым учением, чего требует здравое учение или, — в чем сущность здравого учения. Здравое учение есть не только то, которое преподает истинное познание о Боге (см.: Амвросиаст) и нашем к Нему отношении, и паче о воссоединении с Ним падших, но и то, которое не довольствуется пребывать одним голым учением, а вместе с тем требует и жизни, сообразной с учением, и более налегает на исправление нравов, устраняясь от всяких бесполезных споров и состязаний. Ты, говорит, толкуй более о том, чтоб жили хорошо: *да пекутся добрым делом прилежати веровавшии*

Богу (3, 8). В чем же — эта добрая жизнь и добронравие верующих?

а) В чем добронравие старцев и стариц? (2, 2—3)

Глава 2, стих 2. ***Старцем трезвенным быти, честным, целомудренным, здравствующим верою, любовию, терпением.***

Старец здесь не пресвитер, а престарелый летами. Сему престарелому подобает быть, во-первых, *трезвенным*, νηφαλίους. Трезвенность или трезвение есть трудом и опытом стяжанное внимание ума к тому, что происходит внутри, и к тому, как текут дела вовне, то и другое пред лицем Божиим, — внимание, сопровождаемое бодренностию, неослабным напряжением сил, в готовности ко всякому должному делу. Как кормчий на корабле зорко смотрит и вперед, и по сторонам, чтоб как должно направлять корабль, так и трезвенный острозорок ко всему, что внутри и вовне, чтоб как должно направлять свою духовную жизнь. Трезвение установляется не вдруг, а долгим трудом, и уже после того, как улягутся страсти. Как у старцев и естественно улегаются многие страсти, то и порядок естества требует, чтоб они были трезвенны. Однако ж это не всегда бывает; не бывает, коль скоро предшествовавшая жизнь не была исправною. Потому в сей заповеди, старцам, скрыта заповедь и мужам — упражняться в трезвении, чтоб в старости

эту добродетель иметь неотъемлемым качеством. Противоположно трезвенности невнимание к себе и делам своим, рассеяние мыслей, разленение и опущенность. Блаженный Феодорит пишет: трезвенность требует – «всегда бодрствовать и трезвиться и иметь приличное возрасту благоразумие». Святой Златоуст говорит: «и старость имеет недостатки; ей свойственны небрежность, леность, забывчивость, тупость и неподвижность. Посему Апостол и заповедует *старцем трезвенным быти*. Ибо человека в этом возрасте многое располагает быть не трезвенным, и наипаче то, о чем сказал я, то есть притупление всех чувств, медлительность и нелегкодвижность». Но кто себе внимает, тот всегда может быть трезвенным, то есть «бодренным и готовым на все должное» (блаженный Феофилакт).

Во-вторых, – *быти честным*, σεμνούς, – «и по наружности благоприличным» (блаженный Феодорит). Трезвенность определяет внутреннее настроение старца, а честность – внешнее поведение. Так он должен себя держать, чтоб всех располагать к почтительности в отношении к себе. Этим заповедуется степенность, сдержанность и некая важность, в движениях, речах и всех делах.

В-третьих, – *быти целомудренным*, σώφρονας. Святой Златоуст говорит: «под целомудренными он разумеет здесь рассудительных. Ибо целомудрием (σωφροσύνη – от: σῶς, – целый, здра-

вый — и: φρονεῖν) называется здравое состояние ума». Так и Экумений с Феофилактом. И премудрый Сирах пишет: *коль есть красен сединам суд, и старейшим разумети совет! Коль красна старым премудрость и славным разумение и совет!* (ср.: Сир. 25, 6—7). Но другие под целомудрием разумеют здесь чистоту от плотских грехов и похотливости. Иероним пишет: «целомудренными быть заповедует Апостол старцам, чтоб не предавались плотской похотливости в возрасте, который естественно чужд бывает ее, и чтоб при охладевшей для нее крови не служили соблазнительным примером для юношей». Ту же мысль можно видеть у блаженного Феодорита, который слово: *целомудренным* — толкует: «попечительным о доброй жизни». Не чужда она, можно полагать, и святого Златоуста; ибо, сказав вышеприведенное, он прибавляет: «есть, подлинно есть и между старцами люди неистовые». Экумений хотя и говорит: «нельзя думать, чтоб святой Павел требовал от старцев воздержания от похоти плотской, когда оно естественно в них уже предполагается»; но этим выражается только, сколько несообразна с старостию похотливость, а не то, чтоб она не одолевала и старых. И Премудрый говорит, что душе его отвратительна жизнь старика-прелюбодея, умаляющегося умом (см.: Сир. 25, 3—4). Бывают, выходит, и старцы похотливые. Похоть обессмысливает их

и увлекает вслед себя. Потому недивно, что святой Павел и это имел в виду, заповедуя внушать старцам, чтоб были целомудренны.

Три сии – целомудрие, честность и трезвение – обнимают жизнь во всех возможных отношениях, то есть к себе, другим людям и к Богу; ибо трезвение иначе установиться не может, как когда ум сольется с помышлением о Боге. Из сего видно, что Апостол хочет, чтоб старцы представляли всесторонне образцовую жизнь. Сии три совмещают и все степени жизни богоугодной – духовную, душевную и телесную. Трезвением дух вводится в тесное общение с Богом; но дух, став таким образом в чин свой, не отрицает душевную и телесную жизнь, а их одухотворяет. Одухотворение души является в честности, в коей сочетавается правда с любовию; а одухотворение тела – в целомудрии, обнимающем и всякую отрешенность от всего чувственного, и полную чистоту от страстей.

Здравствующим верою, любовию, терпением, – «чтобы им и искренно веровать, и отличаться любовию к ближнему, и мужественно переносить, что терпят от неприязненных врагов истины» (блаженный Феодорит). Вера здравая не исповедание только правое содержит, но паче во глубине души верным имеет Бога и себя верною Ему всегда и во всем представлять полагает. Любовь, Божию Отеческую к себе любовь, ощу-

щая, своею к Нему любовию пламенеет, обнимая ею и всех, носящих образ Божий. Терпение — плод веры и любви, напаяемый упованием и зреющий под действием его или в его атмосфере и, еще вернее, в его теплице. Оно на себе держит и несет и дело веры, и труд любви; наипаче же благодушно переносит все встречаемое из-за них, — притрудное, тесное, скорбное, наводящее беды, страдания и смерть. Эти три — верх совершенства жизни по Богу, во Христе Иисусе, благодатию Святаго Духа, — совершенства, коим преукрашаться кому более естественно, как не старцам?

Блаженный Иероним при толковании сего места счел не излишним пространно поговорить о сих добродетелях. «Которые возымеют здравость веры, те услышат от Спасителя: *вера твоя спасе тя* (Мк. 10, 52), — или как в другом месте: *ни во Израили толики веры обретох* (Мф. 8, 10). За такую здравость веры они соделаются сынами Авраама, о коем написано: *верова Авраам Богови и вменися ему в правду* (ср.: Быт. 15, 6). И Аввакум, понимая о сей здравой вере, говорит: *праведный от веры жив будет* (ср.: Авв. 2, 4). Перечитай Послание Апостола Павла к Евреям и перечисли весь помещенный там каталог сынов веры. Там написано: *верою множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу* (Евр. 11, 4); *верою Енох преложен бысть не видети смерти* (Евр.

11, 5); и Ной, *о сих, яже не у виде*, поверив Богу, *сотвори ковчег*, и Авраам *изыде не ведый, камо грядет* (Евр. 11, 7—8). И чтоб не подумалось, что Священное Писание не указывает ни одного примера веры среди жен, пишется в том Послании, что Сарра *силу во удержание семене прият и паче времене возраста роди, понеже верна непщева Обетовавшаго* (Евр. 11, 11). Похваляется там вера Исаака, Иакова, Иосифа, Моисея, Раавы и других, которых лучше познаешь, читая само Послание. Но как есть здравость веры, так есть здравость и в любви. Кто же обладает здравостию любви, если не тот, кто возлюбил Бога всею душою своею, всем сердцем своим и всеми силами своими? Потом, слыша заповедь Христову, и на ближнего обратит любовь; ибо на сих двух заповедях весь закон и Пророки висят. Кто имеет здравую любовь, тот не завидует, не превозносится, не действует бесчинно и бесчестно, не раздражается гневом, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же об истине, все терпит, всему веру емлет, *вся* уповает (см.: 1 Кор. 13, 4—7). Как любовь николиже отпадает, то пребывающий в здравой любви и сам никогда не отпадает. Его ни скорбь, ни теснота, ни глад, ни гонение, ни нагота, ни беда не могут разлучить от здравой любви, какую имеет он во Христе Иисусе. Но что я говорю о мече и прочих меньших вещах, не могущих разлучить обладающего здра-

вою любовию, когда ни смерть, ни живот, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина кая тварь не могут разлучить того, кто имеет здравую любовь во Христе Иисусе (см.: Рим. 8, 35–39)? Уразумевши таким образом, что есть здравая любовь, возьмем для примера из Писания и то, что говорится о тех, у коих не здрава любовь. Говорит Спаситель о последних временах: *за умножение беззакония изсякнет любы многих* (ср.: Мф. 24, 12). Горяча любовь в тех, кои горят духом; в тех же, кои подпали влиянию жестоких ветров, дующих с севера, она холодна как лед. *От лица бо севера возгорятся злая на всех обитающих на земли* (ср.: Иер. 1, 14). Этою хладностию любви окоченел некогда и Амнон в отношении к Фамари, сестре своей (см.: 2 Цар. 13). Опасаться надобно, как бы и нас иногда не преодолела подобная болезнь любви. Ибо случается, что у нас любовь к юнице или какой-либо женщине сначала бывает свята; но потом, когда душа разнежится и расслабнет от страстности, здравая наша любовь мало-помалу начинает вянуть и переходит в болезнь, а наконец приводит и на край пагубы. Почему Апостол и предписывает Тимофею строго внушать юным, чтоб всячески блюли себя в чистоте (см.: 1 Тим. 5). Полная чистота бывает в духе, душе и плоти: чтоб не соблазнялось око, прильпнув к красоте лица женского,

чтоб не услаждалось ухо слышанием льстивых речей и ум, прежде крепкий, не расслаб от таких прелестей. Итак, да блюдутся, как юноши, так и старцы, как юницы, так и старицы, и со всяким тщанием да хранят сердце свое, чтоб, вместо здравости любви, не привзошла болезнь любви и, вместо любви святой, не вкралась — не святая, ввергающая в геенну. — Кто здрав в вере и здрав в любви, тот здрав бывает и в терпении, — в терпении, наипаче испытываемом в искушениях, кои *претерпевый до конца спасен будет* (ср.: Мф. 24, 13)».

Стихи 3—4, 1-я половина. *Старицам також-де во украшении святолепным, не клеветливым, не вину многу порабощенным, доброучительным, да уцеломудрят юныя.*

И под старицами разумеет Апостол престарелых жен, как пишет блаженный Феодорит: «старицами наименовал Апостол преклонных летами, а не удостоившихся какого-либо служения (в Церкви, — не диаконисс*)». Так разумеют и все наши; только Экумений видит здесь диаконисс. Его, конечно, имел в виду и Феофилакт, когда, сказав, что Апостол говорит здесь о женах, престарелых летами, присовокупил: «Некоторые, впрочем, думают, что здесь речь о диакониссах». — Блаженный Иероним пишет: «хотя апостол Петр запо-

---

* *Диаконисса* — особый чин женщин-служительниц в древней Церкви. — *Ред.*

ведует, чтоб мужи воздавали честь женам своим, *яко немощнейшему сосуду* (ср.: 1 Пет. 3, 7), не должно, однако ж, думать, что жена, имея немощный сосуд телесный, по тому самому немощна и душою. Почему в настоящем месте предписывается им, чтоб и в них исполнялось сказанное Апостолом: *сила... в немощах совершается* (ср.: 2 Кор. 12, 9): ибо говорится, чтоб и они имели всё то, что заповедано мужам-старцам; в следующих словах: *старицам такожде*, — то есть чтоб и они так же, как мужи-старцы, были во всем честны, трезвенны, целомудренны, здравствующи верою, любовию и терпением и притом, сообразно с полом своим, ходили в одеянии святолепном или, как лучше говорится в греческом: ἐν καταστήματι (поступи, позе) ἱεροπρεπεῖς, — чтоб и самая поступь их и движение, взор и речь представляли некое священнолепное достоинство».

И действительно, *во украшении* не обнимает всего, что содержится в греческом слове: ἐν καταστήματι. Это слово, как указывает блаженный Иероним, обнимает все внешнее: и осанку, и поступь, и взор, и речь, и движение — вообще внешнее себя-держание, куда входит и одежда. Учи, говорит, чтоб во всем этом они были *святолепны*. Святой Златоуст и говорит, что старицы «самою внешностию и одеждою должны показывать скромность». А блаженный Феодорит пишет, что им заповедуется здесь «благообразие

степенного поведения». Священнолепность не указывает на церковный чин стариц, а на качество их внешнего себя-держания, то есть чтоб они так себя держали, как будто в церкви находятся или как те, которые служат в церкви, и скромно, и благоговейно, чтоб и вокруг себя распространять благоговеинство и степенность.

Не клеветливым — быть учи также стариц, μὴ διαβόλους, — чтоб были чужды пересудов, наговоров, сплетен и всякого злоречия, кои все суть часть диаволова, орудие взаимной немирности, раздоров и браней, а нередко и бед для оговариваемых. Блаженный Иероним пишет: «поелику этот класс жен бывает обыкновенно болтлив, по слову того же Апостола: *купно же праздны учатся обходити домы: не точию же праздны, но и бля́дивы* (болтливы) *и оплазивы* (любопытны), *глаголющия яже не подобает* (ср.: 1 Тим. 5, 13), то он и здесь желает, чтоб они были неклеветливыми, то есть неосудительницами, не такими, которые бы, в угоду одним, наговаривали на других или которые бы, как уже миновавшие возраст юнотный, о юнотках* так рассуждали и говорили: та так-то одевается, эта так-то выступает, вон та с такими-то знакома, — любит того-то, любима таким-то: тогда как, — хотя бы во всем этом было что и укорное, — им следует не столько пред другими осуждать, сколько наедине в духе любви

* *Юнотка* — отроковица. — *Ред.*

Христовой исправлять, – учить паче, чтоб не делали, нежели публично осуждать, что сделали».

Не вину многу порабощенным. Не употребление вина запрещает, а предотвращает злоупотребление им, – чтоб не пили много и не пристращались к вину. Употреблять вино в старости будто и естество требует, – чтоб поддерживать энергию и способствовать отправлениям питания. Но употребление его излишнее тому и другому не помогает, а вредит; и пристрастившийся к сему скоро совсем себя расстроивает, и телесно и душевно. Ибо вино раздражает похотливость и старых заставляет безобразничать в сем состоянии паче юных. Святой Златоуст говорит: «этот недостаток (винопитие) свойствен старости: ибо с летами человек охлаждается, и от того происходит сильное расположение к вину. Посему Апостол особенно предостерегает их от этого, всячески истребляя пьянство и желая, чтобы они были свободны от сей болезни и избегали происходящего от нее посрамления. С течением времени легче поднимаются испарения снизу вверх и мозговые перепонки повреждаются от старости; отсюда особенно и происходит склонность к пьянству. Правда, этот возраст (старость) особенно имеет нужду в вине, – ибо он слаб, – но имеет нужду не в большом количестве, равно как и молодицы, не по той же причине, но потому, что у них сильно воспламеняется огонь пожеланий».

Продолжим это наставление словами блаженного Иеронима: «излишнее употребление вина запрещается старицам, потому что нетрезвость то же производит в старых, что в юных производит похоть. После же сего как старица станет учить юниц чистоте, когда юница, если начнет подражать старице в винопитии, чистою себя сохранить едва ли может?»

Доброучительным, — чтоб и примером, и словом учили всякому добру. Старость многоопытная, по естественному порядку, есть руководительница младости. Но как в житейском быту только занимавшиеся сими делами и разумно в них действовавшие могут руководить младших: так тем паче в порядке религиозно-нравственном только сами усердно и разумно его проходившие могут наставлять в жизни сего рода. Почему Апостол и поставил сие дело старости после того, как украсил ее многими добрыми качествами. И действительно, если старицы будут иметь всё доселе указанное, то естественно явятся доброучительными, одним примером, если б даже недоставало слова, которому, впрочем, нельзя недоставать, потому что указания в сем порядке жизни не требуют многословия. Старость многоопытная и в простой беседе, без особого напряжения, многому учит. И молодость, желающая научаться, сама собою прилепляется к ней и усердно внимает. Блаженный Иероним и пишет: «после того,

как научил, какими должны быть старицы, теперь позволяет им взять и бразды учения, чтоб, сделавшись именно таковыми, они имели дерзновение и смелость учить и других жен, младших, всякому добру». Святой Златоуст возражает: «как же учить ты запрещаешь женам? Здесь дозволяешь, а в другом месте говоришь: *жене учити не позволяю* (ср.: 1 Тим. 2, 12)?» И отвечает: «но послушай, что он там прибавил к сему: *ниже владети мужем*. Мужам свыше предоставлено учить как мужей, так и жен; а женам он позволяет предлагать увещания дома, а отнюдь не председательствовать (в церкви) или вести продолжительную речь». «Там он говорит о публичном учении в церкви, которое женам не дозволяется, а здесь об учении домашнем, притом только жен младших, как показывают следующие слова» (блаженный Феофилакт).

Да уцеломудрят юныя. — *Уцеломудрят* — не да целомудрыми научают быть, — об этом ниже есть особое слово, — но да умудряют, σωφρονίζωσιν, — да преподают им мудрость христианского жития. «Видишь ли, — говорит святой Златоуст, — как он соглашает и соединяет людей, как подчиняет младших старшим? Ибо не о дочерях он говорит, но вообще о юных по возрасту. Каждая старшая, говорит, пусть вразумляет младшую». Вот Апостольское указание, что пастырям и можно, и должно заводить среди пасомых взаимно-обуче-

ние, и особенно относительно жен: ибо не всегда удобно вести беседы с женами, и наипаче юными.

б) В чем добронравие молодиц и юношей? (2, 4—6)

Глава 2, стихи 4—5. *Да уцеломудрят юныя, мужелюбицам быти, чадолюбицам, целомудренным, чистым, домы добре правящим, благим, покоряющимся своим мужем, да не слово Божие хулится.*

Пишет Апостол правила пастырю, чему и как учить пасомых, и часть сего труда слагает на стариц, именно в деле научения юнейших жен. Но старицы обязуются учить по научению и указанию пастыря. Следовательно, источник научения все же один — законопоставленный пастырь; старицы только орудия. И блюстительство за юнейшими не снимается с пастыря, а только облегчается. Чему же учить молодых жен?

Мужелюбицам быти. «Это важнейшее из домашних благ: *жена и муж между собою согласны*, как говорит Премудрый (ср.: Сир. 25, 2). Когда есть это, тогда не будет ничего неприятного. Ибо когда глава в союзе с телом и нет между ними никакого разделения, то каким образом и все прочее не будет в согласии? Когда главные члены в мире, то кто может нарушить и возмутить этот мир? Напротив, если они находятся в худых между собою отношениях, то в доме не будет ничего порядочного. Нет ничего лучше

взаимного их согласия; оно полезнее богатства, благородства, власти и всего другого. Не просто сказал Апостол: должны быть в мире, но: *любить мужей*. Ибо когда будет между ними любовь, то не проникнет к ним никакое разногласие; от нее рождаются и прочие блага» (святой Златоуст).

Детолюбицам. Значит, под: *юными* — разумеет Апостол не девиц, а молодых жен, таких, однако ж, у которых есть уже и дети. Детолюбие естественно матерям, как и отцам. Если напоминается о нем, то не столько ради того, чтоб внушить детолюбие, сколько для того, чтоб привесть на мысль качество оного: ибо не всякая любовь к детям есть истинная любовь. Блаженный Иероним и пишет: «детей же так да любят, чтоб утверждать их в научении Божественном. Не хотеть опечаливать детей, научая их тому, что добро, и оставлять им свободу грешить — не значит любить детей, а паче ненавидеть».

Целомудренным — целомудрием супружеским, по которому даже удовольствия брачного ложа почитают не главным делом супружества, но приделком, вызываемым необходимостию естества, а не только не позволяют себе подобные удовольствия помимо сего ложа. Блаженный Иероним пишет: «Апостол хочет, чтоб они любили мужей своих чисто, хочет, чтоб между мужем и женою было некое стыдливое и скромное любление и жены со стыдением, как бы по необходи-

мости пола, воздавали паче мужам должное, нежели сами от них того требовали, и веровали, что и самое дело деторождения совершают пред лицем Бога и Ангелов».

Чистым. Это или однозначительно с целомудрием, или целомудрие означает верность супружескую и воздержное употребление удовольствий брачного ложа; а чистота, чтоб и сердце держать сколько можно отрешенным от сих сластей, и паче не позволять себе увлекаться любовию к сторонним лицам. Блаженный Феофилакт пишет: «жена, любящая мужа, и целомудренна будет, и непорочна, то есть телом и сердцем чиста и от смешения с сторонними, и от похотливого любления их».

Домы добре правящим. При любви к мужу и детям на жене лежит хозяйство и все дела по дому. Тут и труда не мало требуется, паче же благоразумия и усердия. Но когда есть сказанная любовь, то она всему научит жену. Святой Златоуст говорит: «все доброе происходит от любви; и добрыми, и попечительными о доме жены бывают от любви и привязанности к мужу. Напротив, жена, презирающая мужа, нерадит и о доме. От любви происходит постоянное целомудрие, от любви уничтожается всякий раздор; если муж будет язычник, то он скоро обратится; если — христианин, то будет лучше. Видишь ли снисхождение Павла? Тот, кто всячески старался

отклонить нас от забот житейских, теперь оказывает великое попечение о делах домашних. Ибо, когда эти дела будут управляемы хорошо, тогда и духовные найдут себе место, а иначе и они расстроятся. Жена, попечительная о доме, будет и целомудренною; жена, попечительная о доме, будет и бережливою; она не станет допускать ни роскоши, ни безвременных расходов, ни чего-нибудь другого подобного».

Благим. Когда любят мужей и детей, то уж и благи к ним. Но возможно, что, вдавшись слишком в попечение о хозяйстве, они пристрастятся к вещам житейским и впадут в скупость, лишающую должного членов семьи. В семье, сверх того, бывают слуги, и иная хозяйка из попечительности о доме не бывает к ним блага. И еще, — кроме удовлетворения потребностей лиц семьи, нельзя оставлять без внимания и сторонних — нуждающихся. Так, чтоб попечительные хозяйки не сделались, по сему самому, скупыми, жестокими к слугам, немилосердыми к нуждающимся, Апостол повелевает им, при попечении о доме, быть и благими. Иные и читают так: οἰκουργοὺς ἀγαθάς — быть добрыми хозяйками, — не разделяя запятою сих слов. Блаженный Иероним пишет: «учить надо юных жен, чтоб имели попечение о доме. Но как могло бы случиться, что иные стали бы исправлять это попечение с жестокостию и, по поводу заповеди Апостола,

иная хозяйка явилась бы немилосердою к слугам, то Апостол присовокупил: *благим*, — чтоб жены-хозяйки тогда почитали себя добре правящими домы, когда благостно относятся к слугам, а не с жестокостию, порождающею страх».

Покоряющимся своим мужем. Покорность жен мужьям есть первоначальное Божие присуждение, которое естественно исполняется, так что отступление от него есть исключение из общего естественного порядка дел. Апостол выставляет его, «чтоб христианские жены, по каким-либо побуждениям, не забыли о сем Божием определении, подчиняющем их мужьям. Бог сказал жене: *к мужу твоему обращение твое и той тобою обладати будет* (ср.: Быт. 3, 16). Не мужу сказал Господь: ты будешь обладать женою, но самой жене; чтоб за нею оставалась и награда за покорность, если, самоохотно покоряясь заповеди Божией, самоохотно будет служить мужу и супругу своему покоряться; так что это подчинение свободно и исполнено любви, по коей покоряются во всем мужу, боясь оскорбить его. Не муж создан жены ради, а жена мужа ради. И как глава жены — муж, глава же мужа — Христос; то жена, не покоряющаяся мужу своему, то есть главе своей, такою же виною виновна, какою муж, не покоряющийся Христу — Главе своей» (блаженный Иероним).

Но Апостол для христианских жен особое выставляет побуждение к покорности мужьям, — именно: *да не слово Божие хулится.* Если прежде покорная жена, став христианкою, сделается непокорною, то этим подаст мужу справедливый предлог — хулить слово Божие, — или Евангелие: какое это Божие слово или какая вера, что жен учит не покоряться мужам?! И будет ущерб Евангелию и вере. Чтоб этого не случилось, Апостол, кроме того общего Божия определения — женам состоять в покорности мужьям, побуждает их к тому и опасностию повредить слову Божию. Святой Златоуст говорит при сем: «видишь ли, что он преимущественно заботится о проповеди, а не о мирских делах? Так и (о покорности властям) в Послании к Тимофею он говорит: *да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте* (ср.: 1 Тим. 2, 2); и здесь: *да не слово Божие хулится.* Если верующая жена, живущая с неверующим мужем, не добродетельна, то обыкновенно произносится хула на Бога; если же она живет честно, то проповедь приобретает славу от нее и добрых дел ее. Пусть выслушают это жены, живущие с злыми или неверными мужьями, пусть выслушают и научатся своим обращением привлекать их к благочестию. Если ты и не приобретешь никакой другой пользы, если и не привлечешь мужа к общению в правых догматах, то по крайней мере

заградишь ему уста и не допустишь хулить христианство. А это не маловажное, но великое дело, — чтобы наше учение было уважаемо за наше поведение». То же пишет и Амвросиаст: жены да будут благопокорливы мужьям, «чтоб мужья, если они неверны, радовались паче тому, что они стали христианками, а не хулили имя Божие, видя, что они охотнее им повинуются, боясь оскорбить Бога, по внушению своей веры». Не было ли и таких случаев, «что иные под предлогом благочестия оставляли мужей, и это навлекало хулу на проповедь», — как догадывается блаженный Феодорит?

Стих 6. *Юноши такожде моли целомудрствовати.*

Юношам только целомудрие внушать заповедует. Это потому, что другие страсти почти не беспокоят их: одна противная целомудрию господствует в них. Потому, коль скоро устоят против нее, о других и говорить нечего. К тому же целомудрие, разумеется, и душою и телом, — есть такая добродетель, с которою в существенной связи состоят и все другие. Целомудренный и страх Божий имеет, и воздержен, и внимателен ко всему, и чужд всяких увлечений, и степенен, и во всем исправен. Потому пастырь, убеждая быть целомудренными, и не говоря говорить будет, чтоб украшались и всеми добродетелями. Блаженный Иероним и здесь *такожде* относит ко

всему предыдущему. В отношении к старицам *такожде* (стих 3) он понимал: как старцы; а в отношении к юношам понимает: как те и другие. Что же собственно юношей касается, это все обнимает одним словом: *целомудрствовати*, — «и душою и телом, и делом и мыслию, чтоб ни на какого юношу не падало подозрение в грехе плотской нечистоты». Амвросиаст прибавляет к сему: «как юности свойственна неудержимость и она скора на падение; потому заповедуется удерживать ее спасительными держалами, чтоб, обуздана бывая Божественными законами, она правым путем шествовала». Приложим и слова святого Златоуста: «видишь, как он везде внушает соблюдать должное. Наставление женщин он предоставил преимущественно женщинам, поручив старшим младших; а все дело наставления мужей поручает и предоставляет самому (Титу). Ничто, поистине ничто не бывает так трудно и тяжело для молодого возраста, как преодолевать постыдные удовольствия. Не столько любовь к деньгам, или желание славы, или что-нибудь другое смущает этот возраст, сколько сладострастие. Посему Апостол, оставив все прочее, и направляет свое увещание против этой опасной болезни».

Моли, — говорит, уговаривай, убеждай; ибо здесь ни строгость заповеди, ни страх власти не сильны оказывать влияние. Скорее подействует

отческое увещание, прививая к сердцу, словами любви, убеждения, могущие возбуждать и напрягать энергию воли на противление восстающим плотским влечениям.

в) Напоминание, чтоб учащий сам во всем был образцовым (2, 7—8)

Учи, говорит; но, конечно, не затем, чтоб только знали, а наипаче для того, чтоб и жили сообразно с учением. Как в сем отношении самое лучшее побуждение и указание есть пример учащего, то Апостол и прилагает:

Глава 2, стихи 7—8. *О всем же сам себе подавая образ добрых дел, во учении независтное, честность, нетление, слово здравое, незазорное: да противный посрамится, ничтоже имея глаголати о нас укорно.*

Две образцовости представлять в себе заповедует Апостол святому Титу: образцовость в жизни и образцовость в учительстве; так что все сказанное можно выразить коротко так: но, главное, будь сам образцом во всем, — и в жизни, и в учительстве.

Образцовость в жизни являема бывает богатством добрых дел: сам себя представляй образцом добрых дел. «Пусть, говорит, старшие женщины научают младших, а сам ты поучай молодых людей целомудрию; для всех же пусть будет общим училищем и образцом добродстели твоя

светлая жизнь, открытая всем, как бы какое первоначальное изображение, заключающее в себе все добродетели и легко представляющее примеры для всех, желающих научиться чему-либо доброму» (святой Златоуст). «Образцом предлагаемых тобою учений да будет жизнь; потому что слово, свидетельствуемое делами, делается достойным вероятия» (блаженный Феодорит). «Как должно делать то, чему учит слово, пусть показывает пример жизни» (Амвросиаст). «Для учащего никакой нет пользы — стяжать навык в научении и натереть язык в говорении, если он не будет учить более примером, чем словом. Если нецеломудренный станет убеждать слушателей к целомудрию, слово его будет слабо и бездейственно, как бы ни был он красноречив. Напротив, если он сам чист и целомудрен, то, хотя бы он был невежда в слове и косен глаголати, примером своим побудит их к преуспеянию в сей добродетели чрез подражание ему» (блаженный Иероним).

Образцовость в учительстве представлять учит Апостол и расположениями, с какими следует преподавать учение, и содержанием его.

Образцовые расположения в деле учения определяются словами: *независтное, честность, нетление.* — *Независтное*, ἀδιαφθορίαν, — у иных: ἀφθορίαν, — у некоторых: ἀφθονίαν. Последнее дало повод перевесть по-славянски: *независтное.*

Независтный, например, источник значит: для всех достаточный, ни для кого не закрытый, бери всякий и сколько хочешь. Независтность в учении будет: всем и всё преподать, не так, чтоб одно преподать, а другое удержать или одним преподать все, а другим часть, — а всем всё, подражая святому Павлу, который ефесянам говорил, что не обинуясь преподал им всю волю Божию. В этом значении независтность будет то же, что: *целость*, — как значится и в славянском под чертою, то есть для целого общества и целый корпус учения преподавай. Ибо διαφθείρειν одежду, например, значит: разодрать на части. Всячески слову: ἀδιαφθορίαν — надо давать особое значение, отличное от: ἀφθαρσίαν, — которое стоит чрез слово. Лучше всего положить, что Апостол внушает: в учении преподавай всем всё, являй себя полным источником учения, преизливающимся, жаждущим поделиться со всеми, чем полно сердце, от преизбытка коего и уста говорят, как и Спаситель сказал об учителях: *всяк книжник научився Царствию Небесному, подобен есть человеку домовиту, иже износит от сокровища своего новая и ветхая* (Мф. 13, 52). И не преимущественно ли надо видеть здесь указание на эту жажду учения, или неудержимое желание изливаться в слове от полноты ведения Божия, полным сердцем содержимого и любимого?

Честность, σεμνότητα, — в учении являет учитель, когда преподает учение благоговейно, как бы пред Богом во Христе глаголя, и почтительно к слушающим, обращая к ним слово не как начальник к подчиненным, а как доброжелательный отец к детям (см.: Экумений), с кротостию и любовию. Это требует, чтобы в самом образе выражений речь поучающая соблюдала строгую важность сообразно с предметом, при всей простоте, требуемой необходимостию приспособляться к понятиям слушающих, — чтоб не было ни напыщенности, ни низости и пошлости, ни шуточных оборотов, ни утонченности, обычной в суетных мудрованиях, или, — как пишет блаженный Феофилакт, — «чтоб не было ничего юношеского, могущего рассеять неразумных и подвигнуть на смех, но чтоб все было благочестно, важно и достойно Бога».

Нетление — в учении прямо подает ту мысль, что в нем не должны быть допускаемы не только ложь, но и суемудрые предположения, растлевающие слово истины. Но как эта мысль содержится в следующих словах: *слово здравое и незазорное*, — то здесь под нетлением лучше разуметь нерастленное, не поврежденное страстями, — расположение духа, с каким надлежит преподавать учение, чтоб не было при сем ни тщеславия, ни сквернаприбыточества, ни других каких земных побуждений.

Образцовое содержание учения определяют слова: *слово здравое, незазорное.* — *Слово здравое* — есть, которое назидает, да *здравствуют* слушающие *в вере* и твердыми пребывают *в здравом учении* (ср.: 1, 13; 9). Как тело здоровое есть то, которое, будучи неповрежденно ни в какой части, живет полною, свойственною ему жизнию, так и слово учительное здравое есть то, которое предлагает учение, неповрежденное ни в какой части и содержащее все, что предназначено ему содержать, по намерению Того, Кто ниспослал на землю сие слово истины. Такое слово и насаждает, и напаяет, и возращает веру здравую и учение здравое, догматическое (см.: Экумений). Слово *незазорное*, ἀκατάγνωστον, — то, которого ни в чем укорить нельзя, которое исправно во всех отношениях и имеет все, что иметь ему следует, по предложенным выше требованиям от него. «Слово здравое и незазорное есть слово православное, не содержащее ничего укорного» (блаженный Феофилакт).

Эту безукоризненность слова можно почесть чертою, совмещающею в себе все требуемые от него совершенства, об украшении коими слова должно простирать ревность до того, чтоб даже враг, *противный*, — зорко следящий за ним и злобно подсматривающий, чтоб открыть в нем что-либо худое, остался посрамленным в сем покушении, *ничтоже имея глаголати о нас укорно.*

Святой Златоуст говорит: «противным Апостол называет диавола и всякого, кто ему служит. Когда и жизнь (учителя) светла, и учение соответствует ей, когда оно скромно, кротко, снисходительно и не подает противникам никакого повода к осуждению, то бывает великая и неизреченная польза. Посему весьма нужно служение слова, слова не какого-нибудь, но искусного и безукоризненного, которое не подавало бы никакого повода к нареканию желающим этого». Блаженный Иероним прилагает такое пояснение: «требуя слова незазорного, Апостол не того хочет, чтоб учитель так являл себя искусным в слове и так мудрым в жизни, чтоб ни от кого не терпел укора (были укоряемы и Апостолы, и Евангелисты от еретиков и язычников), но того, чтоб он ничего не говорил и не делал достойного порицания и укорения, хотя бы враги тщательно старались найти в нем что-либо такое, — хочет, чтоб враги, святостию жизни и учения будучи поражены, смелости не имели осуждать или сплетать что-либо правдоподобное к укорению. Пример сему показал сам Апостол, ибо говорит о своем образе действования: *да отсеку вину хотящим вины* (2 Кор. 11, 12)».

г) В чем добронравие рабов? (2, 9—10)

Глава 2, стихи 9—10. ***Рабы, своим господем повиноватися, во всем благоугодным быти, не пре-***

кословным, не крадущим, но веру всяку являющим благу: да учение Спасителя нашего Бога украшают во всем.

Рабов учи. Господ пропускает, может быть, потому, что вообще не полную пишет программу, кого чему и как учить, а может быть, и потому, что господа и сами могли легко уразуметь, какого образа действования относительно рабов должно им держаться и удобно то исполнять; рабы же, получив и восчувствовав великие свои духовные преимущества во Христе Иисусе, могли легко увлечься и подумать, что они прочее* свободны от своих обязанностей в отношении к господам. Апостол и напоминает Титу, чтоб он предотвращал это уклонение рабов от правого пути, предполагая, может быть, как бы Тит не подумал, что рабов можно оставлять и без всякого особого назидания. Блаженный Иероним пишет: «так как Господь и Спаситель наш, Который говорит в Евангелии: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии и Аз упокою вас* (ср.: Мф. 11, 28), никакого состояния, возраста и пола не устраняет от блаженства; то Апостол предписывает заповеди и для рабов, то есть как членов тела Христова и части Церкви Его; и как выше показал, чему Тит должен учить старцев и стариц, молодиц и юношей, так теперь показывает, какие заповеди пригожи для рабов».

---

* *Прочее* — впредь, далее. — *Ред.*

Учи, говорит, рабов во-первых *повиноватися господем своим*, — это главное; потому что если это есть, трудно прорваться чему-либо другому, несообразному с правым образом действования рабов: разве, может быть, привзойдет какая неправость в духе повиновения. Почему святой Златоуст говорит при сем слове: «справедливо Апостол учит в другом месте: *служаще, якоже Господу, а не яко человеком* (ср.: Еф. 6, 7). Ибо хотя ты и служишь господину, но, может быть, основанием этому служит страх (человеческий, что отнимает цену у твоего служения). Но кто служит со страхом Божиим, тот получит великую награду».

Во всем — блаженный Иероним относит к: *повиноватися*. «Во-первых учи, говорит Апостол, чтоб рабы повиновались господам своим во всем. Впрочем, в том *во всем*, что не противно Богу: то есть если господин повелевает то, что не противно Священному Писанию, то чтоб повиновался раб господину; если же приказывает что противное ему, то чтоб повиновался паче Господу духа, чем господину тела. Внимай, сколь сообразные с лицами дает Апостол заповеди!» Блаженный Феодорит, не указывая, к чему относить это слово, определяет только его относительный смысл: «Сказано: *во всем*, — то есть относящемся к оказанию телесных услуг господам, ибо если господин велит нечествовать, то это не обязывает раба

повиноваться». — Но обыкновенно *во всем* — относится к следующему слову:

Благоугодным быти, εὐαρέστους εἶναι, — не угодливыми, а такими, чтоб господам благоугодно было и приятно иметь их, чтоб имение таких слуг доставляло им удовольствие, по причине их послушности, разумной исполнительности и всегдашней верности, ради коих на них можно во всем полагаться и быть насчет них совершенно покойными. Но блаженный Иероним находит возможным в слове: *благоугодным быти* — видеть и ту мысль, чтоб слуги угодным себе находили быть слугами, довольствовались своим положением. Он пишет: «это слово хоть не вполне, но отчасти можем мы так истолковать: чтоб довольны были, то есть чтоб не казалось им, что Бог неправ, присудив им такое состояние. Но как бедный по мере своей может спастися, как женщина при слабости пола своего не исключается из Царства Божия и всякое состояние по чину своему может получить блаженство, так и рабы пусть довольствуются тем, что рабы суть, и не думают, что не могут уже служить Богу по той причине, что подчинены людям, но веруют, что, пребывая во всем покорными господам своим и довольствуясь своим положением, они воле Божией благоугождают и тем спасаются».

Не прекословным, — чтоб не прекословили, не по лучшему разумению дела, но по одной свар-

ливости и ропотливости, когда почасту и делают, и ворчат. «Самый большой в рабах порок, — пишет блаженный Иероним, — поперечить господам и ворчать с собою, когда они что приказывают. Апостол и велит Титу здравым учением отклонять от такой неисправности рабов из христиан. Ибо если рабу нельзя уж не исполнять того, что повелевает господин, то почему не делать ему этого с добрым изволением? Прекословием своим он господина оскорбляет, а что приказано, все же не может не сделать».

Не крадущим, μὴ νοσφιζομένους, — не отособляющими что из господского и не отделяющими тайком в свою пользу или на свою долю. Разумеется такое присвоение себе господского добра, которое не бросается в глаза, делается тайком и так, что следов не видно; запрещается хитрое искусство поживляться господским добром, состоя между тем у господ на добром счету.

Но веру всяку являющим благу. — *Веру всяку* — всякую верность; верность *благу* — с добрым изволением, с добрыми целями, в добрых делах и на добро; чтоб не казаться только верными, но в настроении сердечном быть такими. «Видишь, что требует от рабов? То, что паче всего успокоивает господ, именно чтоб не прекословили, не крали, но были верны во всем» (блаженный Феофилакт).

Да учение Спасителя нашего Бога украшают во всем. «Такими, говорит, добрыми делами да украшают слуги учение Господа нашего. Тогда господа не только не станут запрещать веровать, но даже рады будут тому, видя, что вера и для них самих оказывается полезною» (Амвросиаст). Напротив, «если раб не воздерживает своей руки и не обуздывает языка, то по какому поводу язычники будут удивляться нашему учению? Если же они увидят раба любомудрствующим во Христе, показывающим большее воздержание, нежели их философы, и служащим с великою готовностию и усердием, то несомненно будут удивляться силе проповеди. Ибо язычники судят о догматах не по учению, а по делам и жизни. Итак, пусть будут для них учителями и жены, и рабы — своим поведением. И у них, и везде признается, что рабы вообще грубы, необразованны, упорны, мало способны к добродетели, — не от природы, — нет, но от воспитания и нерадения об них господ их. — Итак, когда язычники увидят, что сила проповеди, обуздав этот грубый род людей, сделала их честнейшими и скромнейшими из всех, то, хотя бы господа были самые безрассудные из людей, они получат высокое понятие о наших догматах. И чем более злы были прежде такие люди (рабы), тем более (господа) будут удивляться силе проповеди. Так и врачу мы удивляемся тогда, когда человека отчаянного, не

принимающего никакой пищи, он исцелит и исправит» (святой Златоуст).

д) Внушение, что затем и все домостроительство спасения во Христе Иисусе, чтоб верующие делались ревнителями добрых дел (2, 11—15)

Глава 2, стих 11. *Явися бо благодать Божия, спасительная всем человеком.*

Прочитавши все доселе сказанное Апостолом, иной мог спросить, чего ради так много заботиться о рабах, когда об них мало кто думает? А другой мог подумать, чего ради заповедуешь учить все только тому, как жить: будто только и предметов? Апостол отвечает: о рабах забочусь потому, что благодать Божия спасительная явилась *всем* человекам, не исключая и рабов; а повелеваю учить наипаче тому, как жить, потому, что сия спасительная благодать, всех объемлющая, затем и явилась, чтоб сделать нас ревнителями добрых дел, научив жить целомудренно, благочестно и праведно. Первый ответ содержится в настоящем стихе, а второй — в последующих за ним.

Святой Златоуст поставляет настоящий стих в прямую связь с предыдущим наставлением рабам: «заповедав рабам иметь великую добродетель, — ибо подлинно великая добродетель — украшать во всем учение Бога и Спаса нашего, не подавая господам никакого повода к неудо-

вольствию, даже в маловажных делах, — Апостол приводит и справедливую причину, почему рабы должны быть такими. Какую же причину? *Явися бо*, говорит он, *благодать Божия, спасительная всем человеком*». — *Благодать Божия* — это домостроительство спасения в Господе Иисусе Христе, — что Сын Божий воплотился, пострадал, умер, воскрес, вознесся на небо и Духа Святаго ниспослал, Который чрез Апостолов устроил Церковь Божию на земле, в которую всякому открыт вход: приходи, принимай учение верою, освящайся таинствами и затем живи свято под руководством пастырей, — раб ли ты, или свободный. «Для сего-то и воплотился Единородный Сын Божий, — пишет блаженный Феодорит, — чтобы всех людей, и господ, и слуг, сподобить спасения, уготовив их к тому, чтоб вместе с злочестием оставили и беззаконную жизнь». «У нас нет никакого различения раба и свободного, грека и варвара, обрезанного и необрезанного, женского пола и мужеского; но все мы едино есмы во Христе, все к единому призваны Царству, примирены быв с Богом Отцом, не своими заслугами, но благодатию Спасителя нашего — Христа Господа, Который есть присно-живая благодать, выну* ходатайственно предстоящая о нас пред лицем Бога Отца» (блаженный Иероним).

* *Выну* — всегда. — *Ред.*

Но можно, отвлекши внимание от рабов, видеть в сих словах Апостола общее всем христианам побуждение к тому, чтобы прекрасным житием ревностно украшать учение Спасителя нашего Бога. Так делает святой Златоуст, который, приведши предыдущие слова, прибавил: «подлинно, те, которые имеют учителем своим Бога и получили отпущение грехов бесчисленных, как могут не быть такими, какими я теперь изобразил их (разумеется – в предыдущих заповедях Апостола разным лицам)? Вы знаете, что немало пристыждает (стыдиться заставляет недолжного) и вразумляет душу между прочим и то, что она, быв виновна в бесчисленных грехах, не подверглась наказанию, но получила прощение и бесчисленные блага. Если бы кто-нибудь, имея раба, провинившегося множество раз, не наказал его ремнями, но даровал бы ему прощение и почтил его великими дарами, потребовав только от него исправности на будущее время и приказав остерегаться от тех же проступков; то, скажи мне, ужели бы не постарался быть исправным получивший такую милость? Впрочем, не подумай, будто благодать состоит не только в прощении прежних грехов, но и на будущее время делает нас безопасными (от наказания), хотя и это зависит от благодати. Если бы она избавляла делающих зло от наказания навсегда, то она была бы не благодатию, а некоторым поводом к

развращению и погибели». — Познание великой благодати во Христе Иисусе не расслабляет, а в напряжение приводит нравственные силы верующих; ибо существо благодати есть — делать нас нравственно во всем исправными, — как и сказывают следующие за сим слова.

Стих 12. ***Наказующи нас, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце.***

Начинается ответ на второй вопрос: чего ради учить все о должной жизни? Именно, — того ради, что для такой жизни — все домостроительство спасения в Господе Иисусе, названное здесь спасительною благодатию. Сия благодать не знание голое сообщает, а жизнь переделывает. Как же это? *Наказующи нас*, παιδεύουσα. Детям не читают теорий, а прямо говорят: не так стоишь, не туда пошел, не то делаешь — и тотчас берут за руку и исправляют, как следует всему быть; так что тут идет зараз и слово и дело. Так же действует и благодать спасительная. Зовет; но первый шаг по зову есть уже жизненный шаг. Именно: отвергнись нечестия и мирских похотей и начни новую жизнь, противную первой. *Отвергнись* — не познай только несостоятельность прежних порядков, но отвратись от них чувством, мерзкими их возымей, возненавидь и брось. И Спаситель еще прежде сказал: *да отвергнется себе* желающий идти *вслед Мене* (ср.: Мф. 16, 24; 10, 38).

А еще прежде Пророк предуказал: *выдьте из среды их и нечистоте их не прикасайтеся* (ср.: Ис. 52, 11). В этом основа деятельного христианства! Отчего плохи христиане? Оттого, что не имеют этого отвержения и не вышли из недоброй среды. Святой Златоуст и говорит при сем: «вот основание всякой добродетели! Не сказал: дабы мы избегали, но: *да отвержемся*; отвержение означает совершенное удаление, полную ненависть, решительное отвращение».

Чего же именно отвергнуться требует Апостол? *Нечестия и мирских похотей*. Нечестием обнимаются всякие неправые понятия о Боге и всякий, несообразный с истинным понятием о Боге, образ богопочтения, – все неправые религии. «Нечестием называет Апостол нечестивое учение (см.: святой Златоуст), нечестивые догматы (см.: Экумений), идолопоклонство» (блаженный Феофилакт). Под мирскими похотями разумеется самоугодливая жизнь в похотях сердца и страстях, к удовлетворению которых направлены все обычаи мира и которым в жертву приносятся все законы правды и любви. «Мирскими похотями Апостол назвал порочную жизнь; или (общее) мирские похоти суть все то, что приносит нам пользу только для настоящей жизни (без отношения к будущей); все, что исчезает вместе с настоящею жизнию, есть мирская похоть» (святой Златоуст); «любоимание, сластолюбие, (гор-

дыня) и подобное» (блаженный Феофилакт). Все сие обозначил святой Петр, когда написал: *довлеет вам мимошедшее время жития, волю языческую творившим, ходившим в нечистотах, в похотех, в пиянстве, в козлогласованиих, в лихоимании и богомерзких идолослужениих* (ср.: 1 Пет. 4, 3). Довольно; насытились и пресытились. Все сие бросить надлежит и оставить позади себя. Так учит, влечет и располагает благодать, чтоб уже *не человеческими похотми, но воли Божией прочее во плоти жити время* (ср.: 1 Пет. 4, 2), – именно: *целомудренно, и праведно, и благочестно.*

Целомудренно, – удаляясь от плотских грехов и ревнуя о чистоте. Но можно здесь разуметь чистоту и от всех страстей, и телесных и душевных, оскверняющих душу и делающих ее нечистою пред Богом и неверною Ему. Так святой Златоуст: «целомудрие, как всегда я говорю, состоит не только в том, чтобы воздерживаться от прелюбодеяния, но и в том, чтобы воздерживаться и от прочих страстей. Посему и любостяжательный – нецеломудрен; как тот (прелюбодей) пристрастен к телесному наслаждению, так этот (любостяжательный) к богатству; даже последний невоздержнее первого, тем – более, чем менее сильное действует на него побуждение. Там пожелание так естественно, что, хотя бы иной не приближался к жене, природа действует и производит свое; а здесь не бывает так». Что сказано

здесь о любостяжании, то же идет и к прочим страстям: гордости, тщеславию, ненависти, зависти, гневу, самоволию и непокоривости и прочему. Все, действующие по сим страстям, действуют нецеломудренно, — нездравоумно, не так, как следует жить одаренному высшею силою, умом или духом.

Праведно — как следует человеку-христианину. Христианину же следует не только не нарушать пределов правды в отношении к другим, но и делать им всякое добро. Закон христианской правды — любовь, которая требует в случае нужды и душу положить *за други своя*. Как целомудрие, в обширнейшем смысле, требует самоотверженного жития, с всесторонним попранием всякого самоугодия, все к себе стягивающего: так праведность требует благотворного действования, все от себя на ближних устремляющего.

Благочестно — со страхом и благоговеинством пред Богом, вездесущим, всевидящим и все содержащим, Ему, яко Владыке своему, все посвящая: и большое и малое, и душевное и телесное, и видимое и невидимое — и всячески ревнуя, да славится имя Его пресвятое не в нас только, но и чрез нас. Благочестие обнимает всестороннее отношение нашего ума и сердца к Богу, наипаче же молитвенное Ему всегда предстояние и творение всего во славу Его.

Целомудрие, праведность и благочестие — обнимают всю святую жизнь и совмещают все заповеди и всю волю Божию, в коей ходить обязательство приемлют приступающие к Богу в истинной вере. Сознающие сие христиане и ревнуют жить так во все время, пока живут в веце сем, в настоящей жизни, чтоб достойно приготовиться к блаженной жизни в веке будущем. Христианин что есть? Верует искренно и, освящаясь таинствами, вседушно ревнует об угождении Богу святою жизнию, в несомненном чаянии блаженной вечности. На земле он только руками и ногами, а сознанием, умом и сердцем — весь на небе.

Стих 13. *Ждуще блаженнаго упования и явления славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.*

Блаженное упование есть упование блаженства в Царстве Небесном. Оно благодатию Божиею вселяется в сердце истинно верующего в самом действии призвания и нового рождения в купели крещения. Рожденный здесь от Духа есть чадо Божие и таким себя сознает и чувствует во глубине сердца. Чувствуя же себя таким, чувствует, что Божий есть, и все Божие своим имеет, и прямой есть наследник Божий. *Самый Дух спослушествует духови нашему, яко есмы чада Божия. Аще же чада, и наследницы: наследницы убо Богу, сонаследницы же Христу* (ср.: Рим. 8, 16—17). Таким образом, блаженное упование

или упование блаженства вечного есть неотъемлемая черта во внутреннем настроении истинных христиан, и они пребывают на земле *ждуще* его — не как неопределенного чего-то и не с колебанием каким-либо: может быть, будет, а может быть, и нет, — но так, как ждет кто прибытия дорогого лица, которое уже идет, приближается, уже слышны шаги его. — Почему христианину, который не носит в сердце такого чаяния, надлежит поскорее рассудить, чего ради так, и поспешить восстановить сию существенную черту во внутреннем строе своем. Без упования человеку жить нельзя; но их два: одно в веце сем, а другое — в будущем. О первом сказал Апостол: *аще в животе сем точию уповающе есмы, окаяннейшии всех человек есмы* (ср.: 1 Кор. 15, 19). А о втором: *наше житие на небесех есть* (ср.: Флп. 3, 20). Следовательно, первому не должно быть у нас места; второе же одно должно господствовать в нас, да пребывает *живот наш сокровен со Христом в Боге* (ср.: Кол. 3, 3). Ибо нет слов для изображения того, что ожидает на небе истинно верующих и верных вере. «Всякий ум превышают будущие блага» (святой Златоуст).

Явление славы великого Бога нашего Иисуса Христа есть второе Его пришествие, когда явится Он во славе и по суде откроет вечное Царство Свое во всем его неизреченном величии и светлости. Тотчас по смерти верные вступают в

преддверие сего Царства, которое и само исполняет неизреченного блаженства. Полное же их ублажение последует по воскресении. Но если это ублажает, сколь блаженно то — последнее? Знают сие блаженные и желательно ждут явления во славе Христа Господа, умеряя сие желание разве благожеланием к живущим на земле, чтобы все предопределенные успели пройти приготовительный к тому курс.

Спасителя нашего Иисуса Христа назвал Апостол Богом, и Богом великим. «Где те,— взывает святой Златоуст,— которые говорят, будто Сын меньше Отца? *Великаго*, говорит, *Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*. Когда называет он Его Богом великим, то называет великим не по отношению к чему-нибудь, но безусловно великим,— Таким, после Которого уже никто не велик, потому что всякий другой велик только относительно; если же относительно, то велик по сравнению, а не по природе; Он же велик без сравнения». Пишет и блаженный Иероним: «где змий-Арий*? Где уж-Евномий**? Великим Богом именуется Иисус Христос Спаситель, не Перворожденный *всея твари*, не Слово Божие и Премудрость, но Иисус Христос; каковые слова

* *Арий (256—336)* — ересиарх, основатель псевдохристианской секты.— *Ред.*

** *Евномий (?—398)* — ересиарх, основатель псевдохристианской секты.— *Ред.*

совмещают и воспринятого человека. Ибо мы не говорим, что ин есть Иисус Христос и ино Слово, как богохульствует новая ересь; но одного и Того же, Который и прежде век, и после веков, и прежде мира, и после Марии или паче – из Марии, именуем великим Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом».

Стих 14. *Иже дал есть Себе за ны, да избавит ны от всякаго беззакония, и очистит Себе люди избранны, ревнители добрым делом.*

«Для сего-то Христос за всех нас приял смерть, чтобы, прекратив мучительство смерти, избавить нас от горького оного рабства и сделать Своим собственным народом, любителем и ревнителем похвальных дел» (блаженный Феодорит). Прежде указал, чего требует от нас и что производит в нас спасительная благодать. Теперь показывает основание тому, утверждая, что затем все воплощенное домостроительство, чтоб сделать нас чуждыми греха и богатыми всякими добродетелями. Ибо *дал есть Себе* – значит: благоволил приять на Себя и совершить воплощенное домостроительство, средоточие коего есть крестная смерть Богочеловека. *Да избавит*, λυτρώσηται, – да искупит, да даст за нас выкуп. Как? Удовлетворив смертию своею правде Божией за все грехи наши, так, чтоб ни одного из них не оставалось на нас такого, за который требовалось бы отплачиваться нам самим. Но это

не все: с искупленного раба снимаются узы рабства, и он получает свободу действовать сам по себе. Мы в узах рабства греху. Искупив нас, Спаситель разбивает сии узы, *яко ктому не работати нам греху* (Рим. 6, 6), и мы получаем свободу действовать сами по себе так, как требует естество наше, по образу Божию созданное, а не по влечению греха — пришлого тирана. И сие есть полное искупление, или избавление. «Не так, чтоб от одного (беззакония) избавить, а от другого нет; но от всякого беззакония. Почтим же свое избавление (стыдясь омрачить его грехом каким)» (блаженный Феофилакт).

И очистит Себе люди избранны. — *Очистит*, καθαρίση, — как очищают долги уплатою за них. Или, применительно к состоянию рабов искупленных, кои получаются нечесаные, испачканные, в ранах и рубищах, — *очистит* — значит: всякую нечистоту греховную смоет, всякую рану страстей уврачует и в красные* одежды добродетелей облечет.

Люди избранны, λαὸν περιούσιον. — Περιούσιος, — отменный, отличный, отособленный от других и ничего общего с ними не имеющий (см.: святой Златоуст, блаженный Феофилакт). Или — собственный, в собственность свою обращенный в силу искупления и к делам по духу своему приставленный. «Метафорически взято от слуг, вращаю-

* *Красный* — прекрасный. — *Ред.*

щихся около имущества, περὶ τὴν οὐσίαν, — и достояния господина своего» (блаженный Феофилакт). Итак, дал есть Себе Спаситель, чтоб искупить нас, очистить от всякой нечистоты и ран и, сделав отменными, приставить к делам по духу Своему. Как? «Купелию Божественного крещения и деланием Божественных и очистительных заповедей Его» (блаженный Феофилакт). «Христос Иисус, великий Бог наш и Спаситель, искупив нас кровию Своею, сделал из нас Себе особенный христианский народ, — который тогда только может быть особенным, когда будет ревнителем добрых дел» (блаженный Иероним).

Ревнители добрым делом, — то есть «с жаром стремящимися к добродетели и показывающими ревность ко всем добрым делам и пламенное подражание (Самому Спасителю)» (блаженный Феофилакт). «Не просто требует дел, но быть *ревнителями*, то есть совершающими добрые дела с великою ревностию и с надлежащим усердием. Избавить обремененных множеством зол и исцелить неизлечимо больных — было делом Его человеколюбия; а дальнейшее есть дело и наше, и Его» (святой Златоуст).

Стих 15. *Сия глаголи, и моли, и обличай со всяким повелением: да никтоже тя преобидит (презирает).*

Всю предшествующую вводную речь вел Апостол того ради, чтоб доказать, что как для веру-

ющих главное дело есть бегать всего худого и делать всякое добро, так для пастырей главным делом должно быть учить их сему, учить настаивая, чтоб они непременно были таковы, и употребляя к тому всякие способы убеждения. *Глаголи* – говори просто, что так и так должно жить. Есть нравы, для которых ничего больше и не требуется: только укажи – и уж будет сделано. Для кого мало простого указания, того, говорит, *умоли*, – то есть уговаривай, убеждай любовною и благожелательною речью. Убеждение совершается указанием таких сторон в заповедуемом деле, которые привлекают к нему сердце, подвигают на него и возбуждают энергию к совершению его. Всякое доброе дело имеет сии стороны; но они не для всех ясны. И требуется выказать их... и умолить тем делать его. Для кого и этого мало, на того остается уже действовать только силою обличения, пристыжения, укора и власти: такого, говорит, *обличай со всяким повелением.* «Сперва *глаголи и умоляй*, – то есть учи более кроткою речью, а потом *обличай*, – и не просто, но *со всяким повелением*, – то есть настоятельно и властно» (блаженный Феофилакт). – «Три глагола употребил: *глаголи, моли, обличай. Глаголи*, – кажется, надо относить к простому учению. Что касается до *моли*, – то оно то же значит, что в словах: *по Христе убо молим* (2 Кор. 5, 20), когда учащий и себя смиряет и уничижает, будто

проситель, чтоб только приобрести того, кого убеждает. А третье: *обличай* — уместно уже после убеждения. Которые презрят умоление, те достойны обличения и заслуживают услышать: *забысте утешение, еже вам, яко сыновом, глаголет* (ср.: Евр. 12, 5). К Тимофею пиша, Апостол обличение поставил впереди умоления: *обличи... умоли* (ср.: 2 Тим. 4, 2). А здесь желает, чтоб учеников прежде умоляли, и тогда уже обличать, когда умоление останется бесплодным, — и обличать *со всяким повелением*. Это *со всяким повелением* относится только к обличению, а не к двум первым (то есть: *учи, моли*). Ибо нельзя говорить: *моли* со всяким повелением, или *глаголи* со всяким повелением, но только *обличай* со всяким повелением» (блаженный Иероним). Святой Златоуст различие в характерах учительной речи объясняет разностию предметов. «Есть грехи, от которых нужно отклонять повелениями; именно: убеждая презирать богатство, быть послушными и тому подобное, нужно увещавать (умолять); а исправлять прелюбодея, блудника и корыстолюбца нужно *с повелением*; чародея же, волшебника и тому подобных людей (нужно обличать) не просто с повелением, но *со всяким повелением*. Видишь ли, с какою силою и какою великою властию действовать заповедует он Титу?»

Можно видеть здесь предписание пастырю: не спи, а действуй, всякие употребляя меры к

тому, чтоб заставить своих пасомых жить как должно.

Да никтоже тя преобидит (презирает). Если не будешь учить, умолять и властно обличать, то неисправные станут наконец у тебя на глазах делать все неподобное, думая и говоря: на этого что смотреть? Ничего не скажет. — Хоть ты сам и исправен по жизни, но если будешь нерадеть о пасомых, то все станут тебя презирать и ни во что ставить. Не то внушает, чтоб жизнию своею не подавал повода к презрению себя, но чтоб нерадением о своем пастырском долге не подавал пасомым свободы ни во что себя вменять. Почему и глагол употреблен такой: μηδείς σου περιφρονείτω; чтоб никто тебя не презирал не за то, что в тебе, в нраве твоем, а за то, что около тебя и на тебе, то есть за твое нерадение учить, умолять и обличать пасомых.

е) В чем добронравие христианина как гражданина? (3, 1–2)

Глава 3, стих 1. ***Воспоминай тем начальствующим и владеющим повиноватися и покарятися, и ко всякому делу благу готовым быти.***

Прежде показано, каким семейным добродетелям надлежит учить верующих; теперь показывает, каким гражданским добродетелям учить их следует, или, что то же, какими и в сем отношении добродетелями должны украшаться христиане.

Первое здесь — отношение к начальству. Как же должно держать себя в отношении к нему? *Повиноватися и покарятися.* Как везде, так и здесь, Апостол, конечно, разумеет повиновение нелицемерное, чтоб видимою покорностию прикрывать верование свое и жить по вере безмятежно, но по совести, по убеждению, что начальство от Бога и что начальствующие суть слуги Божии; почему покорность им есть покорность воле Божией. Так прямо выходит из веры во все-распорядительный промысл Божий. Здесь не выставляет сего на вид святой Павел потому, что пишет не верующим, а Титу, который знал, каких начал держится в сем отношении святой Павел.

Он пишет: *воспоминай тем,* — то есть христианам; потому что покорность сия была повсюдна, по обычному гражданскому устройству. Иные забывались; но тотчас получали вразумление от самой власти. Апостол желает, чтоб это предотвращено было домашними внушениями и чтоб из христиан никто не подавал повода властям напоминать ему о покорности. Забываться же христианам могло подать повод то, что они, по вере, стали гражданами иного мира и имеют иного Царя, — Христа Господа. Напоминай, говорит, чтоб они не впали в такое заблуждение.

Начальствующим и владеющим, ἀρχαῖς καὶ ἐξουσίαις, — началам и властям. Вернее этим означается без различия всякое гражданское на-

чальство, и большое и малое. Но славянский перевод подает мысль, что Апостол хочет обучить христиан покоряться не царям только, — *владеющим*, но и ближайшим властям, — *начальствующим*, хоть нельзя утверждать, что это непременно так было; греческие слова наоборот в: ἀρχαί — указывают высшие власти, а в: ἐξουσίαι — низшие чины.

Повиноватися и покарятися, ὑποτάσσεσθαι, πειθαρχεῖν. Первое означает вообще подчиненность, охотную или неохотную; а второе — сердечную покорность, вседушное послушание, с убеждением, что так должно.

Блаженный Иероним предлагает при сем такое соображение: «подобное пишется и к римлянам: *всяка душа властем предержащим да повинуется: несть бо власть аще не от Бога* (Рим. 13, 1). Такая заповедь, как здесь, так и там, потому, думаю, выставлена, что тогда был еще в силе догмат Иуды Галилеянина и имел многих последователей, как об этом и в книге Деяний поминается (см.: Деян. 5, 37). Он, как можно с вероятностию полагать, учил на основании закона, что никого не должно именовать властителем, кроме Единого Бога, и что тем, которые вносят десятины в храм, не должно платить дань кесарю. Эта ересь так разрослась, что не только увлекала много народа, но возмущала и фарисеев; так что они и к Самому Господу подступали с

вопросом: *достойно ли есть дати кинсон кесареви, или ни*? На что получили премудрый ответ: *воздадите кесарева кесареви, и Божия Богови* (ср.: Мф. 22, 17, 21). Сообразуясь с этим ответом, и Апостол Павел учит, что верующие должны слушаться начал и властей».

И ко всякому делу благу готовым быти. Или вообще указывается примерное благоповедение среди сограждан, чтоб все видели и знали, что христиане — народ добрый, кроткий, благопомощный, благотворительный. Экумений *готовы*, ἑτοίμοι, — толкует: εὐτρεπισμένοι, — благонастроенны, благонравны, не внешно только добры, но и во внутреннейшем настроении сердца таковы. — Или — готовы на всякое доброе дело, к какому приглашает начальство и власть, чтоб и они знали, что христиане — первые на добро. Это, например, как у нас теперь приглашают то погорельцам помогать, то делать вклад на лечение раненых, то облегчать участь голодающих от неурожая и подобное. Блаженный Феодорит видит в сих словах указание, доколе должно простираться повиновение начальникам: «ибо не во всем должно покорствовать начальникам, но вносить пошлину и подать, воздавать подобающую честь; а если прикажут нечествовать, то открыто прекословить». То же и у Иеронима: «если что доброе повелевает правитель, то повинуйся воле повелевающего. А если что худое и богопротивное,

то отвечай ему Апостольским ответом: *повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком* (Деян. 5, 29)».

Стих 2. ***Ни единаго хулити, не сварливым быти, но тихим, всяку являющим кротость ко всем человеком.***

Слова эти суть более подробное пояснение предыдущих слов: *ко всякому делу благому готовым быти* — и вместе с ними определяют вторую половину общественных добродетелей, — именно: при покорности властям, соблюдать добрые отношения и к согражданам. Готовность на всякое доброе дело все уже обнимает и в сем отношении. Апостол здесь указывает еще, чтоб устраняемо было то, что особенно расстроивает добрые отношения граждан, именно: учи, говорит, чтоб христиане никого не задирали не только делом, но и словом; пусть живут так тихо, что будто их нет и чтоб другие о существовании их знали только по добрым делам.

Ни единаго хулити, — то есть «ни о ком не отзываться худо» (блаженный Феодорит). «Хотя худо кто поступает, не злословь его и не укоряй» (блаженный Феофилакт). «*Михаил Архангел, егда с диаволом препираяся, глаголаше о Моисеове телеси, не смеяше суда навести хульна, но рече: да запретит тебе Господь* (ср.: Иуд. 1, 9). Если Михаил не смел навести *хульна словесе* на диавола, достойнейшего всякого хуления, не тем ли

паче мы должны соблюдать себя чистыми от злословия? Заслуживал диавол хуления; но слово хульное не должно было исходить из уст Архангела» (блаженный Иероним). «Послушаемся сего внушения. Уста наши должны быть чисты от укоризн; ибо хотя бы и справедливы были наши укоризны, но не наше дело высказывать их; исследывать — дело судии; *ты же почто осуждаеши брата твоего?* (Рим. 14, 10). К тому же, если ты укоряешь других, то скоро и сам подвергнешься тому же. Посему блаженный Павел и предлагает такое увещание: *темже мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12)» (святой Златоуст). Ничто так не расстроивает добрых отношений общежития, как худые друг о друге речи. Напротив, ничто так не скрепляет содружества, как добрые речи, особенно когда бы речи худые были заслужены. Закон общежития основной — не пускать в ход злых речей и доходящие отынуды пресекать. Поток злых речей есть яд, разъедающий союз доброго сожительства.

Не сварливым быти, ἀμάχους, — не быть воевателями, — заводить ссор, споров и судов и против зла не замышлять и не воздвигать зла. Это то же, что Господь сказал: *Аз же глаголю вам не противитися злу* (Мф. 5, 39). Когда дождевую воду запружают, она все больше и больше надымается; а когда дают стекать свободно, она течет

маленьким ручейком и скоро престает. Так бывает и когда со стороны подымается враждебность. Пригнись; она перекатится как волна — и конец. Станешь против — она надмится до непреодолимой силы. Блаженный Иероним пишет: «если мы — сыны мира и желаем, чтоб почивал на нас мир, если мы приступили к небесному Иерусалиму, имя свое от мира получившему, то да имеем мир даже с теми, кои возненавидели мир, и, с своей стороны, да пребываем мирны со всеми человеки, — не с кроткими только, но и с задорными и бранчивыми: ибо с тихими быть мирну какая добродетель? Будем давать место гневу, показывая тихую кротость ко всем человекам. Не желанием пустой славы руководясь, должны мы являть себя кроткими ко всем человекам; но пусть, когда всех сносить будем и за неправды не воздавать отмщением, самые дела пред всеми славны бывают. Может иной по тщеславию и молвы ради народной притворяться кротким и брать личину доброты; но если нет у кого кротости истинной, сердечной, укоренившейся, то не знаю, удастся ли ему всех уверить в своей кротости».

Последние слова блаженного Иеронима истолковывают и следующие за сим слова Апостола: *всяку являющим кротость ко всем человеком*. И Экумений равно пишет: «К иудеям и еллинам, к друзьям и врагам, к онеправдывающим и вред

причиняющим» (и святой Златоуст с блаженным Феофилактом). Уступчивость представляется некоторою потерею и ущербом, но на деле она всегда выигрывает если не в настоящем, то в будущем, не только вечном, но и временном. Потерянное возвращается с лихвою.

ж) Внушение, что затем и благодать Святаго Духа, чтобы претворять нас из недобрых в добрых (3, 3—7)

Глава 3, стих 3. *Бехом бо иногда и мы несмысленни, и непокориви, и прельщени, работающе похотем и сластем различным, в злобе и зависти живуще, мерзцы суще, и ненавидяще друг друга.*

Бехом бо. Чрез это *бо* — речь сия связуется прямо с предыдущею, что не следует ни единого хулити. Почему? Потому что нам не следует уже быть такими. Были и мы таковы же; но теперь стали инаковы, по благодати Спаса нашего, обновившего нас и из худых сделавшего хорошими. Так святой Златоуст: «никого не порицай, ибо и ты был таким же. Бывший прежде таким же и изменившийся не должен укорять таких людей, но молиться и благодарить Дарующего ему и Готового дать им освобождение от прежних грехов. Никто не должен хвалиться: ибо все согрешили. Итак, когда ты, будучи сам исправен, хочешь порицать кого-либо, то вспомни о своей прежней жизни и неизвестности будущего и удержи свое негодование. Если бы ты с самого

детства жил добродетельно, и тогда ты имел бы много грехов; а если не имеешь их, как ты думаешь, то знай, что это зависит не от твоей силы, но от благодати Божией; ибо если бы Он не призвал (к вере) твоих предков, то и ты был бы неверным». — Так блаженный Феодорит: «приведем себе на память прежнее наше поведение, представим в уме, сколько в нас было худых качеств; и, когда таковыми были, Бог всяческих сподобил нас спасения. Посему и мы будем переносить злонравие пребывающих еще в заблуждении».

Но можно, отвлекши мысль от связи с предыдущим, видеть и в сем отделении (стихи 3—7), как и во встреченном уже нами выше (см.: 2, 11—14), указание на побуждение, почему особенно христиане должны быть чужды всякого порока и украшены всеми добродетелями. Потому что были нехороши, а теперь ограждены благодатию Духа в купели к новой святой жизни, чтоб, став праведными, сподобиться наследия жизни вечной, блаженной. Отличие настоящего отделения от встреченного выше то, что там говорится о призвании к святой жизни, а здесь о новом для сей жизни рождении и о снабжении нас достаточными к тому силами. На тех, кои возрождены и снабжены силами к святой жизни, лежит неотложный долг быть святыми. И если они не окажутся такими, то с таким неразумием ничто

сравниться не может. Так отчасти Амвросиаст: «Апостол поминает, что сии блага, которых не имеет неверие, даны христианам; чтоб, сияя всякою правдою, они давали всем разуметь, что суть чтители истинного Бога. Ибо когда они, быв некогда несмысленными*, являются ныне во всем благосмысленными, то чрез это в них прославляется Бог».

Бехом бо иногда и мы. — *Иногда* — прежде уверования и освящения благодатию Божиею. — *И мы.* Апостол очевидно разумеет критян; но и себя причислил к ним, чтобы смягчить речь. У нас в ходячей речи соответствует этому фраза: и мы с вами. Блаженный Феодорит так объясняет это — *и мы*: «Божественный Апостол и себя включил в то же число, не как подлежащего всем этим обвинениям, но как бывшего гонителя; ибо не всем порокам подлежали все, но одни — тем, а другие — другим; однако же все улучили спасение».

Несмысленни, и непокориви, и прельщени. Изображается сими словами, как, когда живут в грехах и страстях, поражены и извращены бывают все силы души. Мысленная сила поражается *несмыслием*, теряет здравые понятия о Боге, мире, человеке, о цели настоящей жизни, о цели окружающих нас вещей и значении всего бывающего с нами. Потеряв же такие понятия, она теряет

* *Несмысленный* — неразумный. — *Ред.*

силу управлять жизнию человека, и он ходит как во мраке, впадая от неразумия в неразумие. Так с язычниками и было. «Не бессмысленно ли было служить таким богам (какие были у язычников) и приносить людей в жертву?» (блаженный Феофилакт). А изображения их жизни их же писателями читать нельзя без отвращения.— Деятельная сила заражается *непокоривостию*, по коей ни Божеских, ни человеческих законов знать не хочет, и никаких уважений не берет в счет, кроме своей воли. Так хочу, и никто мне не указ; а хочет только того, что внушает самость и самоугодие в удовлетворение страстей. Что ни говори, слушать не хочет. Ἀπειθεῖς — именно таких и представляет, не принимающих никаких резонов.— Чувствующая сила бывает возобладана *прелестию*, по коей считает хорошим, приятным и красивым то, что по свойству своему дурно, отвратительно и безобразно. Она теряет природный свой вкус.

Или можно полагать, что здесь указывается на поражение высшей духовной стороны человеческого естества: *несмыслием* — исчезновение помышления о Боге и страха Божия; *непокоривостию* — невнимание к гласу совести и заглушение его; *прельщением* — пристрастие к вещам чувственным. Это всё всегда и всюду имеет место, когда кто предается самоугодию и страстям, кто бы он ни был, язычник или христианин, ученый

или неученый, простой или благородный. Ибо грех, как и яд, не имеет лицеприятия.

Работающе похотем и сластем различным. Когда поражены высшие силы и высшая сторона человеческого естества, тогда место законов, лежащих в них и долженствовавших править деяниями человека, заступают похоти и сласти, и жизнь начинает течь по их требованиям. Высшие силы тогда у них в работе состоят: ум придумывает средства к удовлетворению их и прикрытию такого удовлетворения, которому непригоже быть видиму; воля, как ведомая, ведется вслед их, как осля на обрывочке; и чувство, не раз испытав безвкусие похотных сластей, все влечется к ним, прельщаемо бывая обманчивым чаянием — встретить и вкусить наконец и на этом пути какое-нибудь благо прочное. Тут настоящее рабство внутри человека — тирания греха. — Под похотями разумеются страсти душевные и телесные. Они возбуждают пожелания предметов, коими обычно удовлетворяются. А сласти суть те минутные приятности, какие доставляет удовлетворение страстей. Всякая страсть имеет свою сласть, которою манит к предметам своим; все же сласти сливаются в одной коренной — самоугодии. В сластях — сила страстей. Страсти побеждают всегда обещанием сластей. Грешник сластолюбив; оттого не разгибаясь и работает страстям.

Несмыслие, непокоривость, прельщенность, рабство похотям и сластям составляют внутренний строй грешника. Чем он обнаруживается вовне, в делах? *Жизнию в злобе и зависти.* Эгоизм и самоугодие все к себе стягивает. Как и вне встречаются они с такими же направлениями, то естественно вступают в столкновения. Полагающий им преграду возбуждает неприязнь к себе в разных степенях, на верху которых стоит злоба — желание уничтожить противника подсечением присущих ему сил: когда он богат, — истощением богатства; когда во власти, — подрывом власти и прочее. Это и есть злоба или злодейство. Оно имеет место особенно, когда эгоист горд, силен и характером, и подручными средствами. — Но бывает, что иной возбуждает неприязнь не помехою, а одним тем, что стоит выше и живет богаче и веселее. Из-за него начинает точить зависть, которая сильного тоже ведет ко злодейству, а бессильного самого снедает и истощает. Там, где господствуют страсти, злоба и зависть непрестанно в движении более или менее сильном. И бывает ли кто от них свободен?

Мерзцы суще. Кто неприязнствует к другим в нескрываемой злобе и зависти, тот обратно к себе возбуждает неприязнь: от него начинают отвращаться, — или гнушаясь им, или ужас к нему питая. Это и выражает: στυγητοί. Люди злобные и завистливые естественно отвратительны.

И выходит таким образом, что люди, обладаемые страстями, живут *ненавидяще друг друга*. Потому что каждый один нераздельно хочет обладать благом, к которому с таким же желанием протягивает руку и другой. В природе эгоизма — себя только любить. Он наперед уже ко всем холоден; и лишь только встретит в других противное себе, тотчас претворяет свою холодность в неприязнь. Эгоизм умеряется иногда симпатическими* чувствами; но это не погашает его ненависти, а только расширяет: ибо тогда ненавистью он ограждает не себя только, но и все принятое в сферу своего сочувствия; выходит партия на партию.

Стихи 4—5. ***Егда же благодать и человеколюбие явися Спаса нашего Бога, не от дел праведных, ихже сотворихом мы, но по Своей Его милости, спасе нас банею пакибытия и обновления Духа Святаго.***

Так вот каковы были мы до веры и благодати, когда жили в рабстве похотям и сластям. Теперь же мы инаковы и есмы и должны быть. Ибо благодать избавила нас от того рабства, обновив естество наше в купели крещения и обязав к жизни, по духу и силе его обновления.

Благодать, χρηστότης, — благостыня, — *и человеколюбие Спаса нашего Бога* — явились в вопло-

---

* *Симпатический* — здесь: родственный, вызывающий симпатию. — *Ред.*

щенном домостроительстве, «чрез вочеловечение Единородного, когда Единородный Сын Божий, воплотившись и нам во всем став подобным» (Экумений и блаженный Феофилакт) совершил и устроил все потребное для нашего спасения. *Явися* — указывает на устроение спасения в Господе Иисусе Христе; а приложение его к каждому из нас, верующих, или явление силы его в нас ниже означается в словах: *спасе нас банею пакибытия*. Слова: *Спаса нашего Бога* — возводят к Богу Отцу: ибо ниже говорится, что сей Бог Спас наш спас нас чрез *обновление Святаго Духа, Егоже излия Иисус Христом*. «Тщательнее вникнув,— пишет блаженный Иероним,— найдем в сем отделеньице явственнейше Пресвятую Троицу. Благостыня и человеколюбие Спаса нашего Бога, не другого, как Бога Отца, чрез баню пакибытия и обновление Духа Святаго, Которого излил Он на нас чрез Иисуса Христа, праведными нас сделали для наследия жизни вечной. Спасение верующих есть таинство Пресвятой Троицы». То же и у Феодорита.

Не от дел праведных, ихже сотворихом мы. Устроение спасения вызвано не добродетелями нашими великими, а напротив, крайнею нашею худобою и беспомощностию. Благость Божия не потерпела оставить нас в руках падения и погибели нашей — и благоволила устроить нам дивный образ спасения. Одно только преимущество

было за нами, — то, что мы — творение всеблагого, премудрого и всемогущего Бога, не раскаявающегося в дарованиях Своих. И это привлекло благость к нам Божию, устроившую спасение наше. Но не одно общее устроение спасения, но и призвание каждого к получению сего спасения тоже есть не плод ценных дел наших, но дело благости Божией. Из всех опытов призвания только Корнилий-сотник призван потому, что молитва и милостыни его дошли до Бога; но то был особенный, промыслительный случай для проложения пути к принятию в лоно Церкви овец, кои не были от двора Израилева. Общий же порядок призвания есть дело благости, как в начале, так и теперь, так и до конца века. Надобно, однако ж, строго различать призвание к устроенному спасению и содевание спасения тем способом, как оно устроено. С момента внятия призванию и первого по нему шага начинается уже участие в содеянии спасения и собственного труда и усилия, которое и идет об руку с благодатию до самого окончательного совершения спасения. Всё от благости; но Божия благость непоблажлива.

Но по Своей Его милости, спасе нас банею пакибытия. Сие говорит не на спасение других смотрящий, а сам восприявший спасение. В чувстве спасения благодарными устами возвещает: *спасе*. От чего *спасе*? От всех худоб, о коих говорено выше, и от рабства похотям и сластям, под

игом коего стенали мы. *Спасе нас*, — кого нас? Всех уверовавших в Господа Иисуса Христа. «Наименовав себя и Апостолов, святой Павел разумел всех уверовавших во Христа, показывая, каковы они были до возрождения в бане животворной и какими стали после того» (блаженный Иероним). Как *спасе*? *Банею пакибытия и обновления Духа Святаго.* «Увы! — взывает святой Златоуст. — Так глубоко были мы погружены во зле, что не могли уже очиститься, но имели нужду в возрождении. Это подлинно было новое рождение, нового бытия получение. Как под сгнивший дом никто не подставляет подпор и не приколачивает ничего к старому зданию, но, разрушив его до основания, сполна воздвигает и возобновляет, так поступил и Он — Спас наш: не поправил нас, а воссоздал сполна. Это означают слова: *и обновления Духа Святаго*. Он сполна сделал нас новыми. Каким образом? Святым Духом. Столь великую имеем мы нужду в благодати!»

Стихи 6—7. ***Егоже излия на нас обильно, Иисус Христом Спасителем нашим, да оправдившеся благодатию Его, наследницы будем по упованию жизни вечныя.***

Духа Святаго Бог Отец излил обильно на всех верующих чрез Христа Спасителя. Изрекая Апостолам обетование о сем, Господь говорил: *Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам* (Ин.

14, 16). Далее: *Утешитель же, Дух Святый, Егоже послет Отец во имя Мое* (Ин. 14, 26); и потом: *Утешитель, Егоже Аз послю вам от Отца* (Ин. 15, 26). Так Господь Иисус Христос посредствует в ниспослании на Апостолов, а чрез них и на всех верующих Пресвятаго Духа. Положено было в Совете Божием, чтоб Сын Божий, воплотившись и прошедши чрез крестные страдания и смерть, прославился в воскресении и вознесении и тем проложил путь нисхождению Святаго Духа.

Сей закон Божеских в устроении спасения нашего действий открыл святой евангелист Иоанн, сказав: *не у бе Дух Святый, яко Иисус не у бе прославлен,* — Святый Дух, Которого имели приять верующие, в таком обилии, что *реки от чрева их потекут воды живы* (ср.: Ин. 7, 38—39). Излит Дух Святый первоначально на Апостолов, а чрез них изливался Он и на всех верующих. И видим в Деяниях и Посланиях многие примеры, осязательно о том свидетельствующие. Апостолы обыкновенно возвещали Евангелие о спасении, уверовавших крестили, на крещенных возлагали руки, и Дух Святый изливался на них, свидетельствуя о том явными благодатными дарованиями. Верующие все знали сие и испытывали, и Апостол нелестно в лицо им говорил, что Бог излил на нас с вами Духа Святаго Иисус-Христом

Спасителем нашим. Доразумевается: как сами вы знаете и испытали.

Да оправдившеся благодатию Его. — *Оправдившеся* — не объявленные правыми, а сделавшись праведными, святыми и чистыми, такими, в которых и следа нет прежде указанных нравственных худоб. Совершает сие благодать. Она, нисходя на нас, отвращает от всего худого и воодушевляет на все доброе, давая силу и действовать по сему воодушевлению. Действуя так, мы все злое из себя изгоняем, все же доброе насаждаем и укореняем — и делаемся таким образом во всем чистыми и непорочными. Се и цель домостроительства спасения нашего. Се мета, куда надо направлять все труды действования нашего на земле. Конец же, венчающий сии труды, — *наследие жизни вечныя*.

Да... наследницы будем по упованию жизни вечныя. Упование наследия есть существенная черта во внутреннем строе верующих. Это везде ярко выставляется у Апостола. И по существу домостроительства так должно быть. Где Я, там будет слуга Мой, — обетовал Господь. Наследие жизни вечной закреплено за нами. Не так, что, может быть, получим, но так, что оно наше уже, только время не настало получить его. «Что значит: *по упованию*? То есть как возуповали, так и получим, или: мы уже наследники этого» (святой Златоуст). Только бы ревновать не переставали

о том, чтоб быть праведными и святыми, и преуспевали в том. Даром призваны к наследию, даром снабжены силами, чтоб дойти до него; но дается оно не даром, а *комуждо по делам.*

Верно слово!

Эти слова отнесены к следующему стиху; но по существу дела относятся к предыдущей речи. Ими запечатлевает Апостол верность всего сказанного в 3—7-м стихах, паче же обетования наследия жизни вечной. Пишет блаженный Иероним: «что сказал: *верно слово,* — сие должно соединять с предыдущими словами: *да оправдившеся благодатию Его, наследницы будем по упованию жизни вечныя.* Ибо всякой веры достойно слово о наследии Божием и об уповании жизни вечной». Так и святой Златоуст: «так как он сказал о будущем, то прибавил и это для удостоверения. Это истинно, говорит, и ясно из предшествующего. Тот, кто избавил нас от такого беззакония и таких зол, без сомнения, подаст нам и будущие блага, если мы пребудем в благодати; ибо все совершается одним и тем же промыслом».

з) Вот чему учи, а пустых стязаний отрицайся и еретиков прогоняй (3, 8—11)

Глава 3, стих 8. *(Чадо Тите) верно слово, — и о сих хощу тя извещати (утвердити), да пекутся добрым делом прилежати веровавшии Богу: сия суть полезна человеком и добра.*

Чадо Тите – из наших толковников никто не читает. *Верно слово,* – как показано, соединяется с предыдущим, как подтвердительное слово.

О сих – можно относить и к предыдущему, и к последующему. Так Экумений: «*о сих,* – то есть о том, что сказано выше, и о том, что следует: *да пекутся добрым делом прилежати*». В первом случае будет: и вот о чем хочу, чтоб ты учил, что внушал, в чем убеждал, разумея обетование жизни вечной: *буих же стязаний отступай.* Говори и толкуй о догматах, просвещающих ум и сердце, утверждающих в добром настроении и благих надеждах, а не о пустых мечтаниях, ни к чему не полезных. Во втором случае будет: кроме вышесказанного, учи их еще и следующему. Вышесказанное – все добродетели, о коих учить заповедано выше, особенно же те, о коих говорится в 1-м и 2-м стихах настоящей главы, то есть чтоб никого не обижали, а были тихи и кротки. Следующее – добрые дела, милостивость и благотворительность. Учи и внушай, говорит, чтоб не только не обижали, но и благотворительны были.

Хощу тя извещати, διαβεβαιοῦσθαι, – утверждати. Не святого Тита хочет убеждать в сем Апостол, а хочет, чтоб святой Тит убеждал верующих в необходимости так действовать. Или он хочет, чтоб святой Тит убедился в том, что этому именно наипаче следует учить верующих.

Да пекутся добрым делом прилежати. – *Да пекутся*, – не мимоходом и не кое-как чтоб делали добрые дела, а вседушно пеклись о том, день и ночь о том только и думали, как бы и какое бы доброе дело где-либо сделать. *Прилежати*, προΐστασθαι, – стоять впереди, из всех выдаваться. Когда обижают, уступай, будто прячься; а когда доброе дело предлежит, будь напереди всех, не давай никому упредить тебя, первый хватайся за него, чтоб о верующих общее утвердилось мнение, что в добрых делах они всегда первые. Почему и приложил: да пекутся о сем *веровавшии Богу*. Почему они так должны действовать, это прямо следует из предыдущего указания на то, какими были мы до веры, и какими стали от веры, и какими в силу ее утешаемся обетованиями. Столько милостей получивши, будь сам милостив и добротворен.

Выпишем, что сказали о сем наши толковники. Святой Златоуст говорит: «сказав о человеколюбии Божием, о неизреченном Его попечении об нас и о том, каковы мы были и какими Он сделал нас, Апостол продолжает: *и о сих хощу тя утверждати, да пекутся добрым делом прилежати веровавшии Богу*; то есть об этом беседовать и таким образом располагать к милосердию. Ибо вышесказанное может расположить нас не только к смиренномудрию и к тому, чтоб мы не гордились и не порицали других, но и ко всякой

другой добродетели. Напомнив о попечении Божием и необычайном Его человеколюбии, он убеждает слушателей быть милосердыми, и притом не просто и не случайно, но как? *да пекутся*, — говорит, *добрым делом прилежати*, — то есть и обижаемым помогать, не деньгами только, но и своим заступлением, и вдов и сирот защищать, и всем вообще бедствующим доставлять спокойствие; ибо это значит: *добрым делом прилежати*». Некоторые из этих мыслей полнее выражены блаженным Феофилактом.

«Помянув о неизреченной Божией благости, говорит: хочу, чтоб ты так учил об этом, чтоб верующие научились не только смиренномудрствовать и не обижать других, но и милость им всякую оказывать. Ибо, кто памятует о милости Божией, какой сподобился, тот и сам будет милостив. Да пекутся, говорит, то есть чтоб они всегдашним делом и постоянною заботою имели то, чтоб помогать онеправдываемым: о вдовах, сиротах и вообще о всех нуждающихся промышлять. Ибо это значат слова: *добрым делом прилежати*, προΐστασθαι, — не ожидать, чтоб нуждающиеся приходили к ним, а самим о них попечение иметь».

Сия суть полезна человеком и добра. Вот о чем хорошо и полезно учить! Или — вот чем занимать свой ум и о чем прилежать хорошо и полезно всякому! Хочет Апостол и учение учителей и заботу верующих направить к стяжанию

жизни вечной подблагодатною и святою жизнию. «Ничего нет очевиднее, как то, что милостивость и человеколюбие и для настоящего хороши, и на будущее полезны: здесь им — похвала, а в день суда — венец. И об них-то заботиться убеждает он правителя народа (Божия)» (Амвросиаст).

Стих 9. *Буиих же стязаний и родословий и рвений и сваров законных отступай: суть бо неполезны и суетны.*

Тому учи, а следующего устраняйся. Чего же? *Буиих стязаний*, ζητήσεις, — изысканий, пытаний, вопросов, что то, что это, — почему одно так, а другое этак, — что в другом месте названо совопросничеством. Не всякое изыскание и пытание укорно. И Спаситель внушал испытывать Писания, потому что в них указывается путь к вечному животу. Так пытать Писание, чтоб открыть и уяснить сей путь, похвально. Но можно то же Писание испытывать непохвально, когда пытают не прямое содержание написанного, а что-либо окольное; почему, например, здесь такая буква стоит, а там такая, или какая тайна откроется, если сопоставить буквы так и так. Такое изыскание питает пустую пытливость, никакой пищи не доставляя ни вере, ни добронравию (см.: блаженный Иероним). У иудеев много было подобных пытаний, и между ними много было лиц, которые кичились тем и других старались занимать. Таких и подобных изысканий избегать повелевает

Апостол, которые более представляют утонченности, чем доставляют назидания; почему и называются *буиими*, неразумными, бестолковыми. Амвросиаст пишет: «*буиими стязаниями* Апостол называет те, которые нисколько не содействуют спасению и никакого не дают опытного ведения к устроению жизни добродетельной». Блаженный Феодорит перифразирует сии слова так: «старайся избегать бесполезных собеседований; потому что не приносят никакой пользы ни собеседующим, ни слушающим».

Родословий. Указывается один из предметов *буиих стязаний*. Если относить это к язычникам, то у них были смешные родословия их богов; а если к иудеям, то у них было в обычае выставлять на вид свое происхождение от великих праотцев и вести свои родословные линии. Экумений пишет: «говоря о родословиях, Апостол имеет в виду или еллинов, которые исчисляют родословия своих богов, говоря: такой-то родил такого-то; или иудеев, которые, не отличаясь добродетелями, прикрываются именами своих родоначальников и по причине их *высокая* о себе мудрствуют. Авраам, Исаак и Иаков наши, говорят они, праотцы. Буиими и эти родословия называет Апостол, как бесполезные. Ибо какая польза грешащему иметь праотцем Авраама? Скорее в этом осуждение, что, происходя от таких лиц, они оказались непотребными». Святой Златоуст говорит,

что Апостол имеет здесь в виду только иудеев: «Апостол намекает здесь на иудеев, которые, превозносясь праотцем своим, Авраамом, о самих себе нерадели. Посему он и называет такие родословия неполезными и суетными. Действительно безумно надеяться на вещи бесполезные».

Рвений и сваров законных. Там указывалось на мирные изыскания, только пустые, а тут — не на пустые только, но и на немирные — задорные споры, похожие на войну, с ретивым рвением устоять на своем. Предмет споров — закон. Нравственный закон охотно принимали и язычники; к христианам же перешли все ветхозаветные Писания и с историею народа Божия. И тут не о чем было спорить. Споры шли об обрядовой стороне закона и еще более о многих прибавлениях к нему, навязанных иудеям их позднейшими учителями в видах точнейшего исполнения того или другого предписания законного. Христиане не порицали того, что предписывалось в законе, но почитали то ненужным уже в новой благодати, почему оказывались от исполнения того. Иудеи же, защищая свое, в жаркие вступали споры. Отсюда рвения и свары; а пользы от того никакой. Апостол и предписывает устраняться от сего. Περιΐστασο, — минуй, не обращай на то внимания. У тебя есть предметы важные; а этими пустяками не занимайся и всех пасомых учи пропускать все сие и подобное мимо ушей.

Суть бо неполезны и суетны. «Ибо никак не должно, оставляя дела необходимые, иждивать время на суесловия и бесплодные споры. Какая польза словопретися там, где нет надежды, чтоб кто-либо пленен был во Христа» (блаженный Феофилакт). Апостол исходит из того убеждения, что как таинства веры и правила жизни христианской несомненно истинны и непреложны; то все другое ложь и пустяки, которыми верующим не следует заниматься. Что не созидает веры и добронравия, то бесполезно и от того надлежит удаляться. Блаженный Феофилакт спрашивает: «но как же выше он заповедал заграждать уста противящимся?» — и отвечает: «это когда видно, что они причиняют другим вред; говорить же таким, надеясь принесть им самим пользу, не берись: ничего не успеешь, потому что они неисправимы».

Может быть, слова Апостола пригоже разделить так, чтоб *стязания и родословия* относить к языческим мудрованиям о своих богах, а *рвения и свары* к иудейским спорам о достоинстве их закона. Верующие критяне были и из язычников, и из иудеев. И те и другие, можно предположить, не совсем отказались еще от своих воззрений и навыков. Почему поднимали вопросы то о том, то о другом, — изыскивали, заводили беседы, спорили, — и большею частию не пользы ища, а лишь чтоб посуесловить. К этому, может быть, нередко

присоединялись и неверующие, как иудеи, так и язычники. Шли шумные разговоры и стязания, а толку никакого. Апостол и предписал пресечь это. Учи, говорит, тому, что созидает в вере и утверждает в доброй жизни; а от пустословия и сам удаляйся, и верующих обязывай к тому же.

Стих 10. *Еретика человека по первом и втором наказании отрицайся.*

Это уж совсем другое. Там говорилось о ведущих пустые изыскания и бесполезные споры, а здесь представляется лицо опасное, еретик, который не о пустом чем и бесполезном разглагольствует, но умствует несогласно с общесодержимым учением и может произвести разделение в обществе верующих, увлекая вслед себя. Такого нельзя пропускать без внимания; но, во-первых, в чаянии, *еда како даст ему Бог покаяние в разум истины* (ср.: 2 Тим. 2, 25), поспешить обратиться к нему с вразумлением и, если первое окажется безуспешным, повторить его; и потом, во-вторых, уже отрещись от него. Два только сделать опыта вразумления указывается, чтоб усиленным давлением не углубить упорства в иномыслящем и чтоб вместе с тем не дать ему повода научиться изворотливостям в отстаивании своей лжи. Амвросиаст пишет: «еретики обычно, опираясь на словах Писания, учат противно Писанию. Придавая словам Писания свой собственный смысл, они его авторитетом одобрительным подкрепляют

неправое мудрование ума своего. Ибо нечестие, зная, какой большой вес имеет авторитет Писания, под его именем слагает ложь, чтоб, поелику худая вещь не может быть принята сама по себе (под своим именем), она показалась удобоприемлемою под чужим добрым именем. — Таких людей Апостол велит однажды и дважды вразумлять, чтоб быть им безответными; но не больше. Потому что если чаще их обличать, то они еще более сделаются возбудительными на зло. Кто часто кого укоряет, тот делает его более ретивым к погублению множайших. Почему лучше отсылать их прочь, чтоб, ослабев в ревности соблазнять других, они одни только сами по крайней мере гибли».

Отрицайся — скажи решительно: ты не наш, отойди прочь от нас; как добрый пастырь, отгоняй этих волков от своего стада. Это однозначительно с отлучением от Церкви. Но тогда надо под еретиком разуметь принадлежащего к сонму местных верующих. Между тем он может быть чужой, отынуды пришедший; в таком случае *отрицайся* — будет: не связывайся с ним, раз и два вразуми и брось, отворотись от него, пусть идет своею дорогою. Блаженный Феодорит пишет: «когда предприемлющим учить противному два и три раза преподашь надлежащее учение и потом увидишь, что остаются они при своих лукавых догматах, тогда не входи уже с ними в

собеседования, потому что бесполезный это труд». То же говорит и святой Златоуст: «когда кто-нибудь развратился до такой степени, что никаким образом не решается переменить своего мнения, то для чего тебе трудиться напрасно, сея семя на камени, тогда как можно употребить этот усердный труд для своих, беседуя с ними о милосердии и других добродетелях. О людях, подающих надежду на исправление и только оказывающих сопротивление (можно и более позаботиться); а когда кто-нибудь (держится ереси) явно и открыто пред всеми, то для чего напрасно спорить с ним, для чего бить воздух?»

Стих 11. *Ведый, яко развратися таковый, согрешает, и есть самоосужден.*

Причина, почему, после двукратного вразумления еретика, не следует более им заниматься, та, что: *развратися и согрешает. — Развратися*, ἐξέστραπται, — вконец развратился; воспринял превратный ум, с которым ничего не поделаешь; потому что он потерял способность видеть истину, быв наполнен противными ей предубеждениями. Усвоенные им ложные начала омрачают очи его, и он среди дня не видит света, его окружающего и всех других просвещающего.

Согрешает, ἁμαρτάνει, — обыкновенно употребляется о грехах нравственных, или о нарушении заповедей. Но здесь говорится о ложном учении, в отношении к которому грехом можно считать

непокорность ясным указаниям слова Божия или противление ясно выраженной воле Божией, — упорство во лжи в угодность своеличным предубеждениям, несмотря на противоречие ее ясной истине Божией. *Согрешает* — будет: упорно остается в своем заблуждении, несмотря ни на какие вразумления.

И есть самоосужден. Как самоосужден, когда не сознает своей ошибки? Может быть, это то же значит, что сам виноват; говорили, вразумляли, — не хотел слушать, — и пожинай плоды упорства, — кто виноват? Плод же упорства в ереси есть потеря Царствия Божия. В другом месте Апостол, перечислив дела плотские, в числе которых поставлены и ереси, заключил: *таковая творящии Царствия Божия не наследят* (Гал. 5, 21). Еретик, упорно стоящий в ереси, отселе уже сам себя приговаривает к сему лишению Царствия, — не приговаривая приговаривает самым действием упорства в ереси, несмотря на изобличение излюбленной им лжи. Здесь пока он не видит и не слышит такого над собою приговора. Но можно, при слове Апостола, переноситься мыслию к последнему суду, где еретик сам увидит свою ошибку и сам себя осудит, что видя не видал, не имея что сказать в свое оправдание. В таком случае *самоосужден* — будет то же, что безоправдателен, ничего не имеющий сказать в свое оправдание (см.: Экумений).

По-гречески стоит: *согрешает, будучи самоосужден*, ὢν αὐτοκατάκριτος. Это подает ту мысль, что совесть осуждает его (см.: Экумений) за несогласие с истиною очевидною, а он не слушает совести, стыдясь уступкою посрамиться. Он приносит в жертву своему самолюбию ясно сознаваемую истину и грешит, идя против совести. Между еретиками не все таковы; но между противящимися истине не малое число есть таких, к которым приложим такой приговор.

ПОСЛЕСЛОВИЕ (3, 12—15)

Здесь святой Павел: а) делает некоторые распоряжения (см.: 3, 12—14); б) посылает целования (см.: 3, 15) и: в) дает последнее благословение (см.: 3, 15).

а) Некоторые распоряжения Апостола (3, 12—14)

Глава 3, стих 12. *Егда послю Артему к тебе или Тихика, потщися приити ко мне в Никополь: тамо бо судих озимети.*

Оставил в Крите святого Тита *недоконченная исправити* (ср.: 1, 5), а тут опять к себе зовет. Как так? Но нет нужды предполагать, что этот случай имел место скоро после отбытия святого Павла из Крита. Могло после того миновать каких-нибудь полгода, в какое время святой Тит мог в достаточной мере привесть в порядок дела Критской Церкви. Святому Павлу естественно было прийти к желанию узнать, что и как он там устроил, чтоб, пересмотрев все и обсудив, дать ему нужные наставления для дальнейшего действования. Так святой Златоуст, Экумений, Феофилакт. Вот слова их: «что ты говоришь? Поставив Тита в Крите, ты опять вызываешь его к себе? Не с тем, чтобы отвлечь его от должности, но чтобы больше утвердить» (святой Златоуст). «Чтобы больше приспособить его к делу и дать совет, что и как следует делать далее» (Экумений). «Это для его же пользы, чтоб лучше

наладить его на дело, обсудив, как исполнено им вверенное ему» (блаженный Феофилакт). Амвросиаст прибавляет, что после послания и к себе зовет Тита святой Павел не для утверждения его только в делах церковных, но и по желанию видеть его, любимого.

Какой разуметь здесь Никополь? Святой Златоуст, Феодорит, Экумений разумеют Никополь Фракийский, близ границы между Фракиею и Македониею, на половине расстояния между Филиппами, на берегу моря, и Филиппополем, на Марице. Феофилакт разумеет Никополь на Дунае, который значится и в древних картах там же, где и ныне стоит. Блаженный Иероним разумеет Никополь Епирский, получивший название такое от победы, одержанной Августом над Антонием* и Клеопатрою**. Ныне это — Превеза. Был еще Никополь Киликийский, недалеко от Тарса, близ границы с Сириею и Арმениею. На каком из них остановиться? На каждом можно, судя по тому, как кто вообразит себе путь шествия апостола Павла. Можно вообразить его так: писал святой Павел из Рима к Филимону, чтоб приготовил ему комнату, и нужды Церкви Колосской и сопредельных ей требовали особой заботы его.

* *Марк Антоний (82—30 до Р.Х.)* — римский государственный и политический деятель, полководец. — *Ред.*

** *Клеопатра VII Египетская (69—30 до Р.Х.)* — царица Египта, союзница Антония. — *Ред.*

Потому недивно, что он из Крита направился по тому же пути, по которому следовал прежде в Рим, то есть Миры. Отсюда взошел к Колоссам и, устроив здесь дела, поспешил к востоку для посещения Церквей Писидийских, Ликаонских и Киликийских, первородных чад своих, имея в мысли побывать и в Антиохии. Но, приближаясь к пределам Сирии, узнал, что там начались истребительные нападки на евреев, и положил не идти туда, а озиметь в Никополе Киликийском, так как зима была близко. Сюда-то и приглашал он Тита. Тихика взял он в Колоссах, куда сей был послан отнести Послание. Перезимовав в Никополе, Апостол опять направился на Запад, посетил Церкви Киликийские, Фригийские, Галатийские, побывал в Ефесе, Македонии и Ахаии и чрез Никополь Епирский, или еще иначе как, отправился далее в Испанию. Предлагаем такое начертание пути, потому что оно кажется более подходящим. О сем уже говорено во введении.

О Тихике поминалось уже в других Посланиях. Об Артеме говорится в первый раз и более о нем ничего не известно. Предание передает, что он потом был епископом в Листрах. Он причисляется к 70 Апостолам. Память его 30 октября.

Блаженный Иероним дает соображение, зачем посылается в Крит Артема или Тихик. Затем, чтоб остаться там вместо Тита и чтобы Церковь Критская не сиротствовала без мужа Апостоль-

ского. «Из этого видна отеческая любовь Апостола к критянам. Ему нужно было видеться с Титом по делам Евангельской проповеди; но не прежде велит ему двинуться к себе, как по приходе к нему Тихика или Артемы, чтоб заступить место его».

Стих 13. *Зину законника и Аполлоса скоро предпосли, и да ничтоже им скудно будет.*

Зина законник, — только здесь поминаемый, потому что хорошо изучил и знал закон, получил такое прозвание; оно удержалось при нем и по его обращении. *Аполлос*, — известный ведец Писания, муж сильный в слове. Они не получили еще особых епархий в управление, а сотрудничествовали апостолу Павлу (см.: святой Златоуст и другие). Относительно них пишет святой Павел: *скоро предпосли*. — *Предпосли*, πρόπεμψον, — или дальше их поскорее проводи, или поскорее ко мне пошли прежде себя, не дожидаясь, когда я позову тебя. И в том и в другом значении употреблял уже сие слово святой Павел, — в первом, когда уповал римлянами *проводитися* в Испанию (см.: Рим. 15, 24), во втором, когда писал к коринфянам проводить к себе с миром святого Тимофея (см.: 1 Кор. 16, 11).

В первом случае получим такую мысль: Зина и Аполлос были при святом Павле. Имея нужду, по делу проповеди, послать их куда-то, может, в Ахаию, он, по обстоятельствам, направил их туда

чрез Крит и пишет Титу, чтоб он не задерживал их, а препроводил далее поскорее, снабдив всем нужным. При этом можно предположить, что Послание к Титу было отправлено с ними или они отправлены с относителем Послания, — а может быть, и писано было сие Послание по поводу направления их этою дорогою.

Во втором случае будет такая мысль: Зина и Аполлос были в Крите и трудились там в проповеди Евангелия еще до прибытия туда мимоездом святого Павла. Отъезжая из Крита, святой Павел оставил их там продолжать дело проповеди, вместе с Титом. Но теперь, имея в них нужду, по тому же делу проповеди в той местности, где сам находился, пишет к Титу, чтоб поскорее послал их к нему, прежде чем сам будет позван, — тотчас по получении сего Послания.

И да ничтоже скудно будет им. Снабди их всем нужным, пищею, одеждою и известною суммою денег на путевые издержки (см.: блаженный Иероним, Экумений, блаженный Феофилакт); чтоб они ни в чем не имели недостатка.

Зина пас Христову Церковь в Диосполе. Память его сентября 27-го. Причислен к 70-ти. Аполлос, по Иерониму, был епископом в Коринфе; но месяцесловы пишут, что он епископствовал в Смирне, прежде святого Поликарпа*; при-

---

* *Священномученик Поликарп, епископ Смирнский († 167)* — учитель Церкви. — *Ред.*

числен к 70-ти; память его сентября 10-го и декабря 8-го.

Стих 14. *Да учатся же и наши добрым делом прилежати в нужная требования, да не будут безплодни.*

Написал: снабди всем нужным; а где взять? Тит, как и все веропроповедники, конечно, ничего не имел. Так мог подумать читающий. Апостол указывает источник: это пусть сделают *наши*, — то есть верующие критяне. Пусть учатся добрым делам, помогая в нуждах всем нуждающимся. Но если всем, то тем паче труждающимся в проповеди. Действуя так, они плод покажут веры и благодати, и плод сей им же самим обратится в пользу. Блаженный Иероним, сказав, что сими словами святой Павел дает ответ на возможный вопрос: откуда взять Титу нужное? — прибавляет: «нашими, своими назвал Апостол уверовавших во Христа, которые, поколику Христовы суть, могли справедливо быть названы Павловыми и Титовыми. Имеешь, говорит как бы Апостол, власть над учениками; учи же их не быть бесплодными, но пусть послужат Евангелистам и мужам Апостольским, занимающимся спасительными трудами проповеди, — и послужат не во всем, а в нужных потребностях, которые определяются так: *имуще пищу и одежду сими довольни будем* (ср.: 1 Тим. 6, 8). Ибо служащие алтарю от алтаря должны и питаться, и сделавшиеся

причастными наших духовных благ должны делать нас причастниками своих вещественных благ. На случай, чтоб критяне не оказали невнимания к сим словам Послания или к внушениям Тита, Апостол называет бесплодными тех, которые не хотят послужить Евангелистам от имений своих. А о бесплодных написано: *всяко древо, еже не творит плода добра, посекают е, и во огнь вметают* (ср.: Мф. 7, 19). И еще: *сеяй скудостию, скудостию и пожнет* (2 Кор. 9, 6). Не хотеть доставлять потребное Апостольским мужам и Евангелистам Христовым,— значит обличить себя в бесплодности». Апостол внушает Титу,— пишет блаженный Феодорит: «научи уверовавших иметь попечение о телесных услугах тем, кому вверено учить Божественному. Ибо им надлежит приносить и таковые плоды».

«Видишь ли,— продолжает ту же речь святой Златоуст,— как Апостол заботится больше о верующих подающих, чем о проповедниках принимающих? Можно было бы снабдить их и чрез многих других, но я, говорит, забочусь о наших. Ибо что пользы, скажи мне, если бы другие собирающие сокровища питали учителей? Нашим тогда не было бы никакой пользы; они остались бы бесплодными.— Скажи мне, Христос, напитавший пятью хлебами пять тысяч и семью — четыре тысячи, разве не мог пропитать Себя и бывших с Ним? Для чего же Он принимал пищу от

жен? *Хождаху по Нем жены*, говорит Писание, *и служаху Ему* (ср.: Мк. 15, 41). Он делал это для научения нас тому, что Он печется о делающих благодеяния. Так же Павел, помогавший своими руками другим, разве не мог не принимать пропитания ни от кого? Но смотри, как он принимал и просил, — и вот для чего: *не яко ищу даяния*, говорит он, *но ищу плода множащагося в слово ваше* (Флп. 4, 17)».

б) Целования (3, 15)

Глава 3, стих 15, 1-я половина. ***Целуют тя со мною сущии вси. Целуй любящия ны в вере.***

Сущии со мною — сотрудники в деле проповеди, известные Титу и Тита приятельски знающие. Говорит это Апостол, и обычаю удовлетворяя, и вместе свидетельствуя о достоинстве Тита, что «он таков, что заслужил любовь всех сущих с Павлом. Великая похвала Титу быть приветствуему от всех чрез Павла» (блаженный Иероним).

Любящия ны в вере — целуй «или любящих нас верно и нелицемерно, или любящих нас верных, то есть христиан» (блаженный Феофилакт). Блаженный Иероним понимает так: любящих нас в духе веры, или в силу веры. «Если бы всякий любящий, — пишет он, — любил в вере и не было бы иных любящих без веры, то Апостол никак к любви не присовокупил бы веры, говоря: *целуй любящия ны в вере*. Любят и матери детей,

до того, что на смерть за них готовы, но любят не в вере; любят и жены мужей, но любовь эта не от веры. Одна любовь святых любит в вере, — до того, что, хотя бы любимый был из неверных, святой любит его в вере, по слову Писания: *любите враги ваша* (Лк. 6, 35). Любит святой врагов своих и потому любит в вере: ибо верует Тому, Кто обетовал за исполнение заповеди Своей воздать милостивым възданием». Амвросиаст прибавляет: «Апостол тех обозначает достойными своего целования, которые любят его по любви ко Христу Господу нашему».

в) Последнее благословение (3, 15)

Глава 3, стих 15, 2-я половина. ***Благодать со всеми вами. Аминь.***

Последнее, наконец, благословение преподавая, Апостол говорит: *благодать со всеми вами*. «Молитвенно благожелательствует, да сохранится в них дар Божий или человеколюбие Божие выну пребудет с ними, сохраняя их благодатию и во благодати. Или — да пребудет всегда благодать с ними, наипаче в ней нуждающимися, ограждая и души их, и тела во Святом Духе» (блаженный Феофилакт). «Как прочие Апостолы, по слову Господа, входя в дом, говорили: *мир дому сему* (Мф. 10, 12); и если достоин был дом, то мир их почивал на нем, а если он оказывался недостойным, то возвращался к тем, которые жела-

ли благословить им его: так и теперь святой Павел молитвенно благожелал верующим благодати, — и это, конечно, вместе с молитвенным благожеланием, имело свое действие, если благословляемые являли себя такими, какими желал им быть благословляющий».

Приложим слова блаженного Феодорита, которыми он закончил свое Толкование сего Послания. «Сие написал Божественный Апостол блаженному Титу; но и нам всем доставил заключающуюся в этом пользу; потому что и мы, как из общих сокровищ, извлекаем из сего богатство. Да даст же нам Бог и хранить собранное о Христе Иисусе Господе нашем! С Ним Отцу со Всесвятым Духом слава, честь и держава, ныне и присно и во веки веков! Аминь».

ПОСЛАНИЯ
К ТИМОФЕЮ,
ИСТОЛКОВАННЫЕ
СВЯТИТЕЛЕМ
ФЕОФАНОМ

ВВЕДЕНИЕ

1) О СВЯТОМ ТИМОФЕЕ

Святой Тимофей был любимейший ученик святого Павла, восхваляемый им высокими похвалами во многих местах своих Посланий. И сам он преискренно любил святого Павла, как отца, и никогда не оставлял его с того времени, как был избран им и взят с собою на труды проповеднические. В первый раз апостол Павел, как поминает книга Деяний, встретил святого Тимофея во второе свое Апостольское путешествие, когда после Собора, бывшего в Иерусалиме, в сопровождении Силы, посещая предварительно преждеоснованные им Церкви, прибыл в Листру Ликаонскую. Здесь свидетельствовали о нем братия верующие,— и местные, и соседнего города Иконии (см.: Деян. 16, 2),— свидетельствовали, конечно, не об одной нравственной его доброте, но и о полноте ведения Евангельского с ревностию распространять его, защищать и укоренять. По этому поводу Дух Божий указал в нем святому Павлу доброго ему помощника в деле благовестия,— и он избрал его и взял с собою.

Предание, впрочем, возводит первую встречу апостола Павла с святым Тимофеем ко времени первого в Листре насаждения им веры, прилагая,

что тогда же родилось у него и намерение употребить его в дело благовестия. Когда святой Павел с Варнавою, изгнанные из Иконии, прибежав в грады Ликаонские, исцелили в Листре хромого от чрева матери его, тогда листряне подумали, что они боги в образе человеков и собрались было принесть им жертву. Когда же Апостолы убедили их, что не суть боги, а посланники Божии, на то посланные, чтоб отклонять людей от ложной веры и приводить к истинной, — и растолковали им, в чем сия истинная вера, — тогда они во множестве оставляли прежнее нечестие и веровали в Евангелие (см.: Деян. 14). В числе их, — пишет святой Димитрий Ростовский (см.: Святитель Димитрий Ростовский. Четии-Минеи, 22 января), — были бабка и мать святого Тимофея, вдовствовавшая по смерти мужа. Они уверовали в числе первых; с ними вместе уверовал и святой Тимофей, как можно заключать из слов святого Павла, в которых он воспоминает о начале его уверования: *воспоминание приемля о сущей в тебе нелицемерней вере, яже вселися прежде в бабу твою Лоиду, и в матерь твою Евникию, известен же есмь, яко и в тебе* (ср.: 2 Тим. 1, 5), — то есть, что и ты не отстал от них. Обрадованные уверованием, они приняли Апостолов в дом свой и всяким довольством упокоили. Тут мать предала единственное чадо свое, святого Тимофея, святому Павлу — как дар за

чудо, явленное в городе их, а паче за приятую ими светлость благочестия. Святой Павел принял его и, видя юношу доброумным и кротким и благодать Божию прозрев в нем, возлюбил его и положил взять его с собою, — только не в ту пору, а после; потому что он еще был молод и имел нужду в приготовлении к труду благовестия. Оставив его до времени в доме, святой Павел поручил его мудрейшим верующим, чтоб руководили его в уразумении Писаний и приучали к трудам по делу веры среди верующих и неверующих.

Как видно, время это не потрачено напрасно. И святой Павел, пришед сюда во второй раз, спустя несколько лет, со святым Силою, нашел святого Тимофея и добрым ведцем Божественных Писаний (см.: 2 Тим. 3, 15), и преуспевающим в добродетели, и доброе стяжавшим свидетельство от всех христиан (см.: Деян. 16). Он и прежде, конечно, не чужд был ведения Писаний, — до чего не могли допустить его мать и бабка, благочестивые; но теперь он навык читать в них предуказание Евангельского учения. Вероятно, и прежде богобоязненными воспитательницами своими научен он был всяким добрым делам; но теперь его научили обращать труды доброделания на другой предмет, именно на способствование успехам Евангелия. Видя это, святой Павел и положил теперь же взять его с собою «во

Апостольство и сотворить всех трудов и путей своих сошественника и соучастника неотступна и сослужителя о Господе верна».

Положив это, святой Павел положил и обрезать Тимофея, не по необходимости сего для спасения, а по благопотребности сего для успехов проповеди. Необрезанный не имел бы свободного к иудеям доступа и в домах, тем более в синагогах, и еще более с наставлением о том, как должно веровать и спасаться. Как порядок, в каком велась тогда проповедь, требовал этого, то Апостол и решил обрезать святого Тимофея. С его стороны это была мера благоразумия, по тому началу, которого всегда держался он: *всем бых вся* (ср.: 1 Кор. 9, 19—22), а со стороны святого Тимофея — пример полной покорности учителю, подражания ему и преданности и первая жертва любви к ближним и ревности об их спасении.

Так приготовившись, пошли на проповедь далее. На первых порах святой Тимофей не виден действующим; он только смотрел и учился. Видел обращение галатов, а может быть, колоссян, лаодикийцев и иерапольцев (см.: Деян. 16, 6). Был свидетелем, как Дух Божий не попустил им идти ни в Асию, ни в Вифинию, а направил чрез Троаду в Македонию. Наблюдал успехи проповеди в Филиппах, Солуни и Берии, с сопровождавшими ее знамениями и чудесами. Вероятно, что-нибудь и делал он во всех этих местах.

Но в первый раз свидетельство о нем встречается уже при описании дел в Берии, именно что он, когда святой Павел вынужден был перебраться в Афины, оставлен был здесь с Силою, на время, конечно не без назначения продолжать дело проповеди. Провожавшие святого Павла в Афины получили наказ к святым Силе и Тимофею, чтоб они поскорее постарались соединиться с ним. Поспешил к нему, вероятно, один святой Тимофей и рассказал о том, что терпят и чем смущаются македонские братия. Это понудило святого Павла написать к Солунянам Первое Послание, в утешение и вразумление их, и послать его с Тимофеем же, дав и ему заповедь утвердить и утешить их в вере (см.: 1 Сол. 3, 2). Тут святой Павел называет уже его *братом* своим, *служителем Божиим и споспешником себе в благовестии Христове*: что, конечно, было не слово ласкания, а истина дела. Возвратился святой Тимофей уже с Силою и нашел святого Павла в Коринфе, куда перешел он из Афин (см.: Деян. 18, 5).

После сего, во время полуторагодичного пребывания святого Павла в Коринфе, во время путешествия его в Иерусалим на праздник, пребывания в Антиохии, вторичного посещения Малоазийских Церквей в Киликии, Ликаонии, Фригии и Галатии и трехгодичного почти пребывания его в Ефесе, о святом Тимофее не поминается. Но он,

конечно, с ним был во все это время; ибо для того и взят, чтоб быть при нем, — с ним был и действовал с ним, по его указанию и руководству.

Поминается о нем уже к концу пребывания святого Павла в Ефесе. Услышал Апостол Павел о некоторых нестроениях в Церкви Коринфской и положил побывать у них; но как еще нужно было кое-что сделать в Ефесе, то он послал наперед туда святого Тимофея, чтоб он там уладил дела по своему усмотрению. Между тем как святой Тимофей двигался в Коринф чрез Македонию, пришли к святому Павлу посланные из Коринфской Церкви с Посланием. Узнав определенно, в чем состояли тамошние нестроения, святой Павел написал к Коринфянам Послание Первое и отправил его со святым Титом. В этом Послании он поминает, что послал к ним *Тимофея, чадо возлюбленно и верно о Господе*, чтоб он напомнил им пути о Господе (см.: 1 Кор. 4, 17); а после прибавляет: *когда придет к вам Тимофей, смотрите, чтоб он был у вас без страха: дело бо Божие делает, якоже и аз* (ср.: 1 Кор. 16, 10).

Вслед за сим восстание неверующих в Ефесе понудило святого Павла оставить этот город прежде положенного времени, и он направился в Коринф чрез Македонию. Двигался он туда неспешно; ибо ему надо было прежде прибытия в Коринф видеться с Титом, чтоб узнать, как при-

нято Послание и что произвело среди верующих. Не дождавшись его в Троаде, переехал он в Македонию и здесь встретил Тита. Тут же застал он и святого Тимофея, который не успел выйти в Коринф. Узнав от Тита, как шли дела в Коринфе, святой Павел пишет к ним Второе Послание, в коем, в надписании, ставит вместе с собою и святого Тимофея. Послание послано опять со святым Титом, а святой Тимофей пошел туда со святым Павлом, после него. Ибо там видим его во время писания оттуда святым Павлом Послания к Римлянам, которым он пишет целование и от Тимофея, *споспешника своего* (ср.: Рим. 16, 21). И на возвратном пути оттуда, после трехмесячного там пребывания, видим святого Тимофея со святым Павлом, в числе других спутников его (см.: Деян. 20, 4).

Святой Павел направлялся в Иерусалим. На сем пути был он в Филиппах, в Троаде, в Милете, Родосе, в Тире и Кесарии и во многих других прибрежных городах, где были верующие, вероятно, ученики святого Павла. В Иерусалиме святой Павел, по случаю восстания иудеев, взят властями и в узах пробыл два года в Кесарии; откуда, все же узником, отправлен в Рим, где еще просидел в узах два года. Во все это время о святом Тимофее поминается лишь в Троаде и в Риме. Но нет сомнения, что он неотлучно был со святым Павлом: таково было его назначение.

Что он был в Риме, видно из надписаний в Посланиях, писанных святым Павлом из Рима к Колоссаем, к Филимону и к Филиппийцам, где святой Павел вместе с собою ставит и святого Тимофея. В Послании к Филиппийцам святой Павел пишет, что намерен послать к ним святого Тимофея, как только узнает о своем освобождении. Вероятно, это обещание было исполнено; и, когда святой Павел сам отплыл из Рима в Малую Азию, как обещал Филимону, чрез Крит, святой Тимофей, можно полагать, направился в Македонию, чтоб, побыв в Филиппах, соединиться опять со святым Павлом, что, вероятно, и было в Никополе Киликийском, где зимовал святой Павел. Увидевшись с ним, он дал ему знать, как идут дела в Македонии и как желательно и нужно его там присутствие.

Перезимовав в Никополе, весною святой Павел направился в Македонию чрез Ефес. Долго в Ефесе, по сказанному, а может быть, и другим обстоятельствам, ему оставаться было невозможно. Почему, видя, что там нечто требует исправления властною рукою и что потребна властная рука для держания должных порядков между верующими, он рукоположил святого Тимофея во епископа, по пророчеству, с возложением рук священничества (см.: 1 Тим. 1, 18; 4, 14; 2 Тим. 1, 6), и оставил его там, а сам отправился в Македонию, седши на корабль в Милете (где оставил

Трофима по причине болезни его), чтоб чрез Троаду (где у Карпа оставил фелонь и, может быть, книги) прибыть в Филиппы. Отсюда писал он Первое Послание к святому Тимофею, давая ему наставления о пасении паствы и воодушевляя к трудам по сему важному делу.

Апостол выражал в сем Послании намерение скоро воротиться в Ефес, вероятно посетивши Церкви Македонские и Ахайские. Но обстоятельства так сложились, что этого исполнить ему не удалось. Предание гласит, что в Коринфе встретился он со святым Петром (см.: Евсевий Кесарийский. Церковная история. 2, 25) и с ним отправился на Запад. Святой Петр прямо в Рим, а святой Павел прежде в Испанию, и потом в Рим, где оба они попали в узы и увенчались мученическою смертию. Из сих уз святой Павел писал к святому Тимофею Второе Послание о том же, о чем писал прежде, приглашая его поспешить в Рим к нему, оставленному всеми, и делая ему другие некоторые поручения. Нет сомнения, что это желание Божественного учителя было поспешно исполнено любимым и любящим учеником.

По мученической смерти святого Павла, святой Тимофей возвратился в Ефес и правил тамошнею Церковию до своей кончины, тоже мученической, пользуясь руководством и святого Иоанна Богослова, который здесь жил и руково-

дил пастырей всех Церквей Асийских. Во время заточения святого Иоанна Богослова в Патмосе дело руководства всех Церквей исправлял святой Тимофей, — пишет святой Димитрий Ростовский.

Мученическая кончина его (со слов патриарха Фотия*) была такая: совершался ефесянами-язычниками какой-то праздник, в который мужи и жены, перерядившись и надев маски, ходили по улицам города с идолами и дреколиями в руках, при бесчинных песнях и криках, разбойнически нападая на сретающихся и убивая их. Попался им навстречу святой Тимофей и, может быть, пользуясь случаем, простер к ним слово увещания. Но те не только не послушали его, а еще напали на него и избили почти до смерти. Когда прошла толпа, оставив на месте святого Тимофея, подошли христиане верные и, нашедши его еще дышащим, подняли и вынесли за город (на воздух; или там было жилище — его или другого кого из верных). Здесь он скоро скончался и был погребен на месте, называемом Пион. Мощи его святым Артемием-мучеником** перенесены из Ефеса в Царьград, при Констанции***, и положены в церкви Святых Апостолов, вместе с

---

* *Святитель Фотий Константинопольский (†891)* — византийский богослов. — *Ред.*

** *Святой Артемий (†362)* — великомученик. — *Ред.*

*** *Констанций Флавий Юлий II (317—361)* — византийский император. — *Ред.*

евангелистом Лукою и апостолом Андреем Первозванным.

У нас в некоторых деревнях водится обычай языческий: ходить летнею ночью в известные дни с криками, песнями и еще с сохою, — чтоб прогнать коровью смерть*. В это время не попадайся никто навстречу; убьют, почитая встретившегося коровьею смертию преобразившеюся. Подобное нечто могло быть и у ефесян-язычников.

2) О ПОСЛАНИЯХ К СВЯТОМУ ТИМОФЕЮ

После сказанного в общем введении в Пастырские Послания и в очертании течения жизни святого Тимофея, о Посланиях к нему святого Павла остается сказать очень немногое.

а) О месте и времени написания их

Повторим сказанное уже. Первое Послание писано из Македонии, вероятно, *из Филипп*, куда обещался святой Павел прибыть и где, следовательно, имел побуждение подольше побыть. Время написания его — между первыми и вторыми узами, как и Послание к Титу. Если Апостол из первых уз получил свободу в 62—63 годах, то, определив на пребывание его в Крите и в Малоазийских Церквах и на перезимование в Ни-

* *Коровья смерть* — «чума на скот» (падеж скота), в старину олицетворявшаяся у русского народа с оборотнем. — *Ред.*

кополе года полтора-два, будем иметь 64—65 годы. — Второе Послание писано из Рима, когда святой Павел был в узах и ждал конца мученического (см.: 2 Тим. 4, 6). Сею мученическою кончиною, бывшею в 67—68 годах, определяется и время написания сего Послания.

б) Поводы и побуждения к написанию их

Святой Тимофей никогда почти не разлучался с святым Павлом с того времени, как взят им к себе, и если иногда посылаем был на какое дело, то всегда под ближайшим наблюдением и руководством святого Павла. Теперь он оставлен самостоятельным действователем, и по всей широте церковного управления, а главное — оставлен один. Отечески к нему расположенный святой Павел видел, как должна быть прискорбна душа святого Тимофея и как при таких чувствах трудно ему вести дела, требовавшие полного внимания и напряжения сил, не расслабляемых скорбными чувствами. Почему, немного спустя по разлучении с ним, пишет к нему Послание, которое, хотя бы ничего не содержало особенного, было бы для него и утешением, и воодушевлением, свидетельствуя о том, как духовный отец его помнит его и думает о нем. Но Послание по содержанию своему не просторечиво, а представляет довольно подробное указание, как святому Тимофею, как пастырю, действовать должно по

разным частям доброго пастырствования,— каковое указание освобождало его от гадания, так ли поступить или иначе, укрепляло в ведении порядков без раздумываний, колебаний и без опасений поступить не как следует и тем воодушевляло на дела, одобряемые совестию и убеждением в их несомненной уместности.— Сколько в этом утешения и сколько благопоспешения доброму пастырствованию!

К этому можно прибавить и следующее: оставляя святого Тимофея правителем Церкви, святой Павел, конечно, многое сказал ему на сей предмет; но мог и не успеть или не иметь времени все сказать. В продолжение пути в Македонию, он, всегда занятый устроением Церквей, передумывал, конечно, что предлежит святому Тимофею и что сказано ему в руководство. Это могло открыть ему, что недосказано и что из сказанного пояснить и подтвердить надо. Дополнения сии он мог сделать и возвратившись, как надеялся; но, как уже научился он многими опытами, ему не всегда приходилось так вести дела свои, как загадывал. Часто течение обстоятельств, или особые указания свыше, направляли его шаги совсем не так, как он предполагал. Имея сие в мысли, не мог он не думать, что и возвращение его в Ефес могло замедлиться или даже и совсем не состояться. Это предположение сильно

было заставить его сесть и написать святому Тимофею, что считал нужным дополнить или уяснить и точнее определить в пастырской его деятельности. Содержание Посланий это подтверждает осязательно.

Сказанное больше идет к Первому Посланию, в котором не указывается никакого частного обстоятельства, какое можно бы почесть поводом к писанию Послания. Что касается Второго Послания, то написать его заставила Апостола необходимость иметь при себе святого Тимофея и некоторые оставленные им по дороге вещи, в чаянии скорого возвращения. Все меня оставили, пишет он. Поспеши ко мне и захвати по дороге такие и такие вещи. Может быть, это одно написать и имелось в виду. Тогда имели бы во Втором сем Послании послание, подобное Посланию к Филимону сего же Апостола или Посланию святого Иоанна к Гаию и некоей госпоже. Но как Апостол находился в узах и участь его была в руках человека, от которого каждую минуту можно было ожидать смерти, то святой Павел счел уместным приложить к Посланию и еще нечто о добром пастырствовании. Как это важнейший предмет, то о нем речь предлежала впереди – и пошла несколько пространно, так что составила главный предмет Послания, а то, что заставило писать, явилось в виде приписки или послесловия.

в) Содержание Посланий

Содержание обоих Посланий — одно: наставление пастырю о добром пастырствовании: *да увеси, како подобает в дому Божии жити* (1 Тим. 3, 15), как жить и действовать в Церкви Божией, которая есть дом Божий. Различие между ними то, что, тогда как Первое Послание касается более практической стороны пастырского служения или разных сторон и частей деятельности пастырей, Второе живописует дух и характер сего служения и деятельности в чертах общих, всеобъемлющих. При толковании выяснится это само собою.

г) Разделение

Разделение и сих Посланий, как всех других, одинаково: между предисловием и послесловием излагается главный предмет Послания, или главное его содержание. Эти отделения будут означаемы при толковании. Заметим только, что послесловие Второго Послания, как указано, указывает повод и побуждение к писанию его; а Первое Послание почти не имеет послесловия, равно как и никаких почти обстоятельственных сведений. Так осязательно сим удостоверяемся, что поводом и побуждением к написанию его послужило желание дать подробное наставление по делам пастырской деятельности.

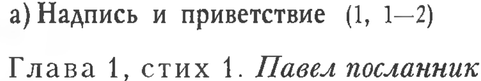
ТОЛКОВАНИЕ

ПЕРВОГО ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

К СВЯТОМУ ТИМОФЕЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ (1, 1—7)

а) Надпись и приветствие (1, 1—2)



Глава 1, стих 1. *Павел посланник Иисус Христов, по повелению Бога Спаса нашего и Господа Иисуса Христа, упования нашего.*

Надпись сия по духу сходна с надписями всех других Посланий святого Павла, а по выражениям напоминает надпись Послания к Титу. Она короче сей последней и может быть сочтена сокращением ее. И там говорится, что проповедание Евангелия вверено Апостолу по повелению Спасителя нашего Бога, как и здесь; только там это относится паче к Господу

Иисусу, а здесь паче к Богу Отцу, или к Богу в Троице поклоняемому. И там вводится указание на упование, как и здесь, с тою лишь разностию, что, тогда как там в основание упования положено обетование неложного Бога, здесь представлено основание самому обетованию в лице Господа Иисуса, равно как в Нем же видится и осуществление уповаемого – обетованного.

Павел посланник, ἀπόστολος. «Поелику намерен писать законоположения Тимофею (и в лице его всей Церкви), то провозглашает себя Апостолом, чтоб слово свое сделать достойным беспрекословного приятия. Не мое, говорит, буду изрекать, но Пославшего меня; смотри же не преслушай» (блаженный Феофилакт). «И везде в своих Посланиях святой Павел к своему имени прибавляет имя Апостола, научая сим слушателя, что не должно полагать, что сказанное им есть слово человеческое; потому что посланник ничего не говорит от своего лица; следовательно, назвав себя посланником, он тотчас обращает мысль слушателя к Тому, Кто его послал. Посему он во всех Посланиях ставит это имя напереди, доставляя чрез это своим словам высшую степень достоверности» (святой Златоуст).

Посланник, по повелению Бога. «Не сказал: *зван*, – но: *по повелению*. Выражение: *по повелению* – сильнее выражения: *зван*» (святой Златоуст). «Апостол дает знать ученику, что не восхитил

он Апостольское звание, но получил повеление от Бога предлагать всем спасительную проповедь» (блаженный Феодорит). «Звание Апостола было велико, высоко и досточтимо; почему видим, что Павел везде указывает на основания сего звания своего (желая показать), что он не восхищает себе чести, но приемлет ее (как справедливо ему принадлежащую) и что так поступает вследствие необходимости («долг имею неотложный, Владычнее повеление исполняю» [блаженный Феофилакт]). Притом, когда он называет себя *званным* (ср.: Рим. 1, 1) и когда говорит: *волею Божиею* (1 Кор. 1, 1) и подобное, — всем этим устраняет всякую мысль о любочестии и гордости. Потому что как тот, кто домогается той чести, которая не была дана ему от Бога, подлежит строжайшему осуждению, так и тот, кто отстраняет от себя и отвергает ее, становится виновным в другого рода грехах, — в непослушании и непокорности. Поэтому Павел и теперь, в начале Послания к Тимофею, говорит о сем в таких словах: *Павел посланник Иисус Христов, по повелению Бога*» (святой Златоуст).

Апостол по повелению Бога. «Где же дано такое повеление? В Деяниях, где говорит Дух Святый: *отделите Ми Варнаву и Савла* (Деян. 13, 2), где Господь Иисус говорит к самому Павлу: *иди, яко Аз во языки далече послю тя* (Деян. 22, 21). Но что Сын или Дух повелел, то святой Павел

означает повеленным от Отца. Ибо едина есть воля Пресвятой Троицы» (Экумений). И здесь святой Павел повеление об Апостольствовании представляет исходящим от Бога Спаса и Господа Иисуса, «почитая власть такую в равной степени принадлежащею Им» (святой Златоуст). «Вместе с Богом наименовал и Владыку Христа, показывая Им равночестие, и Бога назвал спасением, а Христа – упованием, не разделяя сим имен и не усвояя того одному, а другого другому, но то и другое разумея о каждом; потому что и блаженный Давид то и другое приписал одному Лицу: *услыши ны Боже Спасителю наш, упование всех концев земли* (ср.: Пс. 64, 6)» (блаженный Феодорит).

К слову: *Бога* – приложено здесь: *Спаса нашего*. Под словом: *Бог*, – когда оно стоит одно, обычнее разумеется Бог Отец; а при слове: *Спаситель* – всегда помышляется Господь Иисус, Сын Божий, воплотившийся нашего ради спасения. Соединены же Они здесь по нераздельности Отца и Сына, по коей все Отчее есть Сыновнее, и Сыновнее – Отчее. Можно при слове: *Бог* – помышлять здесь и о Боге в Троице поклоняемом, Отце, Сыне и Святом Духе. Ибо как все домостроительство спасения устроено, так и спасение каждого верующего устрояется, по благоволению и *прозрению Отца, во святыни Духа, в силу послушания и кропления Крове Иисус Хрис-*

товы (ср.: 1 Пет. 1, 2). Бог нераздельно есть Спаситель наш: ибо нераздельны все действия Бога Триипостасного.

Господь Иисус Христос наименован упованием нашим; потому что Он с нами есть *до скончания века* (Мф. 28, 20); если же Он с нами, то *кто на нас?* (Рим. 8, 31). Паче же потому так наименован Господь Иисус, что в Нем созерцается осуществление уповаемого, пресекающее всякое колебание упования. Он есть сшедый и восшедый: сшел, воплотился, умер на кресте, воскрес, вознесся на небо и седит одесную Отца. Это всё нашим естеством и нас ради. Наше естество провел Он сим путем, новым и живым, чтоб все воочию видели, куда вводит путь шествия вслед Господа, и все горели несомненным упованием, что, где Он, там будут и слуги Его (см.: Ин. 12, 26).

Соединенно же наводит Апостол на сии помышления о Боге Спасе в Троице поклоняемом и о Сыне воплощенном, уповании нашем, – не недоброму поблажая обычаю выделять в мысли Сына воплощенна из Триипостасной Единости, а напротив, научая Сына и воплощенна созерцать нераздельным от Сей Триипостасной Единости: ибо Он воплотился, *не оставль* недра Отча, и ничего ни привнес, ни умалил, ни изменил в тайне Божеской Троичности. Научает же он сему таким наведением: Бог Триипостасный – Спас; но

упование спасения — Господь Иисус — Сын воплотившийся. Но как Бог — Спас, если нет упования спасения, положенного в Сыне воплотившемся? Следовательно, Сын и воплотившийся там есть, в Боге Триипостасном, — и утверждается то о Нем помышление, что Он есть Спас.

Чего ради святой Павел внедряет здесь во внимание наипаче сии наименования: Бога — Спаса, Господа Иисуса — упования, и притом тем и другим осеняет вместе с Тимофеем и себя? Видится, что належала нужда воодушевляться. Может быть, святой Павел был вытеснен из Ефеса неприязненностию и святого Тимофея там оставил в опасности от ее злокозненностей. Почему благовременно возводит помышления его к Спасу и упованию: чем «ободряет дух его, говоря как бы: мы имеем Спасителя — Бога и надежду — Христа. Мы много терпим, за то имеем великие надежды; мы подвергаемся опасностям, нам строят козни, но мы имеем Избавителя, — не человека, а Бога. Следовательно, ни Избавитель наш не изнеможет, потому что Он Бог, и, какие бы ни угрожали нам опасности, они не одолеют нас; ни надежда наша не посрамит нас, потому что наша надежда — Христос. Мы переносим несчастия, (укрепляясь) сими двумя, — или тем, что скоро избавимся (спасемся) от бедствий, или тем, что питаем себя лучшими надеждами. Следовательно, что бы мы ни перенесли (здесь),

говорит он, все настоящее ничего не значит» (святой Златоуст).

Стих 2. *Тимофею присному чаду в вере: благодать, милость и мир от Бога Отца нашего и Христа Иисуса Господа нашего.*

Присному, γνησίῳ, — подлинному, настоящему, истинному. *В вере* — показывает, в каком отношении и чрез что стал чадом, — не по естеству, а по вере, коею породил его духовно, как и о коринфянах сказал: *о Христе Иисусе благовествованием аз вы родих* (ср.: 1 Кор. 4, 15), — и как вообще о христианах говорит святой Петр: *порождени не от семене истленна, но неистленна, словом живаго Бога и пребывающа во веки* (1 Пет. 1, 23). Говорит же все сие святой Павел, изъявляя теплую любовь свою к Тимофею, как отца к сыну, — похваляя его, как явившего такую веру, что походил ею на святого Павла, как сын на отца, — и воодушевляя его к перенесению трудностей, какие неизбежно должен был встретить в настоящее время в Ефесе.

Такие мысли находим у святых Отцов разнообразно выраженными. Святой Златоуст говорит: «сходное с сим выражение употребил Апостол и в Послании к Коринфянам, когда сказал: *о Христе Иисусе аз вы родих*, — то есть родил по вере. Слово: *присному* — прибавил он, желая выразить этим, что он совершенное и большее, нежели другие, имеет с ним сходство; притом не

только это (хотел он выразить), но и свою любовь и великое к нему расположение. Заметь также, какая в этом (заключается) похвала (для Тимофея), что Апостол называет его не только сыном своим, но и присным чадом. В вере между ними не было никакого различия. И у людей по законам естества случается, что сын бывает похож на отца, однако не в такой мере, как (когда сие сходство имеет основание) в Боге (по вере); потому что тогда сходство бывает совершеннее. Здесь, хотя они по естеству одно и то же, однако ж различаются между собою во многих других отношениях, — цветом, видом, разумом, возрастом, произволением и другими душевными и телесными, наружными и внутренними свойствами; а там (в Боге, по вере) ни одно из этих различий не имеет места». Блаженный Феодорит пишет: «Апостол весьма кстати сочетал слово: *вера* — с именем, выражающим благоволение (чадо); потому что не природа, но вера сделала Тимофея чадом (святому Павлу); уверовав в Божественную проповедь, удостоился он того, чтобы Божественного Апостола называть отцом». Приложим и сказанное блаженным Феофилактом: «*Чаду в вере*, — то есть мною рожденному чрез веру. Похваляя же его, называет не только чадом, но и *присным*, — присным потому, что Тимофей паче других сохраняет сходство с ним по вере, и потому, что святой Павел искренно любил его.

Очень премудро приложил он: *в вере*,— чтоб наиболее воодушевить в ней Тимофея. Ибо если сначала он показывал такую веру, что удостоен именоваться чадом Павла, и чадом присным, то тем паче в нее, как во всеоружие, должен он облещись теперь, чтоб не смущаться и не падать (духом при належащих стеснениях). Являть мужественное дерзновение есть дело веры».

Благодать, милость и мир.— Милость — источное начало; ибо, помилосердовав о нас, Триипостасный Бог устроил нам дивный образ спасения; *благодать*,— как сила, действующая во спасение всякого верующего, приемлема будучи чрез святые таинства во святой Церкви по вере; *мир*,— как вожделеннейший плод в нас милости и благодати человеколюбивого Бога.

Все же сие *от Бога Отца и Господа Иисуса Христа*. Не говорит только: *от Бога Отца*,— чтобы кто, углубляясь в созерцание всемилостивого Бога, по делу устроения нашего спасения, не устранял из мысли Сына Божия воплощенна, без Коего никто не приходит ко Отцу. Не говорит только и: *от Господа Иисуса*,— чтобы кто, обозревая дело устроения нашего спасения, не пресек восхождения своего к источнику его помышлением о Сыне воплощенном, но простирался выше и глубже,— к Богу Отцу, в тайну Триипостасного Бога. Но соединяет то и другое, чтоб научить нас, в деле устроения нашего спасения,

нераздельно действующими созерцать Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Единого, и Сыном воплощенным не заслонять Отца и Духа, и тем паче не упираться на едином человеческом Его естестве или на едином человеке Иисусе.

Зачем здесь, как и в Послании к Титу, усугублено молитвенное благожелание прибавлением: *милость*? Затем, что пастыри и учители имеют нужду в сугубой помощи и теплейшем благоволении Божием (см.: святой Златоуст, блаженный Феофилакт, Экумений).

б) Начало Послания и предмет (1, 3—7)

Внушай всем не заниматься иными учениями и баснями, а все внимание и ревность обращать на главное — святую христианскую жизнь по вере.

Глава 1, стихи 3—4. *Якоже умолих тя пребыти во Ефесе, идый в Македонию, да завещаеши неким не инако учити, ниже внимати баснем и родословием безконечным, яже стязания творят паче, нежели Божие строение, еже в вере.*

Якоже. Соответствующей сему *якоже* частицы нет. Ее надобно дополнить своею мыслию, так: как я упросил тебя остаться в Ефесе сделать то и то, то и делай это. Я пропишу тебе на это несколько указаний и правил. Правила сии — содержание Послания. — *Умолих*. «Сыну отцом быть умоляему не следовало; но, по теплой к

нему любви, и вместе, чтоб показать ему пример смирения, Апостол умоляет его» (Амвросиаст). Тут могло быть дело взаимной любви. Святой Тимофей желал идти с святым Павлом, боясь за него по причине трудностей и опасностей, каким он мог подвергнуться в дальнейшем пути, при неприязненности к нему неверующих, которая, вероятно, выжила его и из Ефеса. Почему надо было упросить его оторваться на время от любимого и старательно блюдомого учителя-отца. И святой Павел не мог не видеть трудов и опасностей, какие должен был встретить святой Тимофей, оставшись в Ефесе. Почему не повелевает ему властно: останься, но умоляет, чтоб это было делом собственного произволения, которое могло придать ему более силы к понесению труда и опасностей и устранить всякую возможность ропотливости. Святой Златоуст говорит: «послушай, какая кроткая речь, как он говорит к нему не голосом учителя, а слуги. Он не сказал: я приказал, или — повелел, или даже — убеждал; но что? *Умолих тя.* — Впрочем, не со всеми учениками мы должны так поступать, но только с кроткими и благонравными; а с другими — испорченными и не вполне преданными — иначе: подобно тому, как и он, в другом месте пиша, говорит: *обличай со всяким повелением* (Тит. 2, 15)».

Пребыти во Ефесе, προσμεῖναι, — переждать, перебыть немного без меня; потому что Апостол

имел намерение скоро возвратиться, если не окажется нужды замедлить (см.: 3, 14—15).

Идый в Македонию. Святой Павел не оставил бы Ефеса, не устроив там всего, если б не заставила его какая-либо крайняя нужда. Нужда сия могла и его лично касаться, как в первый раз, еще до уз, когда он верующими упрошен был удалиться по причине угрожавшей ему смерти. Могла она быть и со стороны Македонских Церквей. Там что-нибудь требовало неотложно личного присутствия святого Павла. Он и отправился туда, оставив в Ефесе наместником своим святого Тимофея, в уверенности, что он один сможет устроить, что предлежало там устроять.

Да завещаеши некым, παραγγείλῃς; что значит и просто возвещать, и — возвещать повеление и заповедь, приказывать, властно к чему обязывать. «Не сказал: умоли, но: *да завещаеши*, — что отзывается властною строгостию» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт). *Некым.* Не указывает определенных лиц; потому что они, конечно, были известны святому Тимофею. Или, может быть, этим внушает святому Тимофею: в речах к верующим не означать поименно инако учащих, чтоб тем не раздражить их еще более. Святой Златоуст говорит: «он не перечисляет их по именам, дабы гласностию обличения не соделать их еще более бесстыдными». Впрочем, ниже он ука-

зывает двоих, Именея и Александра, преданных сатане (см.: 1, 20).

Не инако учити, μὴ ἑτεροδιδασκαλεῖν, — что значит: «иные учения привводить» (блаженный Феофилакт), — *инако*, не как повелено, учительствовать. Норма христианского учения была преподана Господом, запечатлена и восполнена Духом Святым и составляла *образ здравых словес* (2 Тим. 1, 13), который Апостолы всюду передавали новопросвещаемым. Поелику происхождение сего учения от Бога, Который есть самая истина, было для Апостолов так осязательно очевидно; то они всякое, не только противное, но и разное от сего, учение справедливо считали несовместным с верою Христовою — и такое убеждение передавали всем верующим. Они не терпели, чтоб верующие вступали в спор, а прямо, с первого взгляда отвращались от всякого учения, которое было *ино*. У вас несомненная истина, говорили они; почему все *иное* — не истина, нечего вам и слух свой осквернять, открывая его для таких речей. Коль скоро оказывался кто-либо такой, который, нахватавшись отынуды *иных* учений, начинал заводить о них речь вслух верующих; то они заграждали ему уста, запрещая говорить, или совсем изгоняли из общества верных, если таковые не покорялись такому запрещению. Как сами действовали, так заповедывали действовать и тем, которых оставляли в Церквах вместо

себя,— так теперь заповедует и святой Павел Тимофею: не позволяй никому привводить иные учения.

Святой Павел не определяет, что это было за иное учение и кто были иноучащие. Довольно одного того, что учение было ино и учащие учили инако, чтоб отвратиться и отвращать от того и этих. Когда бы всегда это правило сохранялось среди верующих, сколько бы уклонений от истины предотвращено было одним этим!

Эти инако учащие могли быть и из язычников, которые, покушаясь согласить веру Христову с языческими мудрованиями, составляли некое смешанное учение и его начинали проповедывать. Но вернее положить, что они были из иудеев; ибо тогда о предметах веры могли рассуждать терпимо сколько-нибудь только иудеи. Наши толковники так и говорят, что то были иудеи. Святой Златоуст говорит: «здесь находились некоторые лжеапостолы из иудеев, которые хотели снова привлечь верных к закону (Моисееву); в этом повсюду обвиняет их Апостол. Между тем они делали это не столько по внушению совести, сколько по тщеславию и из желания иметь учеников; потому что они соперничали с блаженным Павлом и питали к нему зависть». Так и другие.

Ниже внимати баснем и родословием безконечным.— Ниже внимати — внимания не обра-

щать, в уме не держать, не заниматься, — не иметь такими предметами, о коих обычно говорят: из ума у меня это не выходит, а напротив такими, о коих говорят: стоит ли об этом думать и говорить? Святой Павел ставит законом, что коль скоро какое учение ино от учения богопреданного, то от него тотчас следует отвращать и ухо, и ум, не заводя споров и состязаний.

Басни и родословия были и у язычников, и у иудеев. Басни, μῦθοι, — языческие — все мудрования язычников, особенно их мифология, содержание которой составляло родословие их богов. Блаженный Феофилакт пишет: «очень вероятно, что Апостол здесь намекает и на еллинов; ибо и у них есть мифы и родословия, в коих они ведут каталог своих богов» (то же и у святого Златоуста). Родословие у иудеев — то, что «они перечисляли обычно своих дедов и прадедов, мечтая тем присвоить себе некую историческую славу» (блаженный Феофилакт). «Перечень дедов и прадедов проводили они до Авраама, думая ими прикрасить себя, сами не делая ничего достойного похвалы» (Экумений). Басни же иудейские — «не самое учение закона, но иудейское толкование оного, называемое у них Вторословием (Мишна*)» (блаженный Феофилакт). *Безконечными* (ἀπεράντοις от: πέρας — предел, цель,

* *Мишна* — собрание нормативных текстов иудаизма. — *Ред.*

конец) назвал Апостол басни и родословия или потому, что толкам об этом конца нет, или потому, что толки об этом не имеют доброй цели и пользы никакой не приносят, или потому, что они запутаны, не имеют определенности, так что их трудно схватить умом (см.: святой Златоуст, Экумений, блаженный Феофилакт). В наше время баснями, от коих следует отвращать и слух, и ум, можно назвать фантастическую историю самообразования мира, без творческого Божиего действия.

Яже стязания творят паче. — *Стязания*, ἐκζητήσεις, — изыскания, исследования, совопросничество, пытание. «Стязание трактует, что, от чего, для чего, как, каким образом сделалось и есть то или другое, — что не способствует, а скорее препятствует спасению» (Амвросиаст). Помянутые басни и родословия, как человеческие измышления, не носят печати удостоверяющего в истине авторитета; почему раздражают пытливость и порождают стязания или изыскания и образуют навык к тому. Навыкший же сему тем уж только и занимается, что пытает; отчего область веры заслоняется, тускнеет, забывается, и душа наполняется пустыми и бесплодными представлениями и соображениями. — Тогда вера замирает; если же при сем пытливость добывает такие самодельные определения и решения, которые несогласны с верою, то вера совсем разоряется.

Так изыскания не творят *Божия строения, еже в вере. — Строение*, οἰκονομίαν, — экономию. Экономия занимается хозяйственным добром, его приобретением, умножением и употреблением, чтобы всем в доме всего было достаточно. Дом Божий — Церковь, устрояющая спасение верующих. Бог наполнил сей дом всяким добром во спасение наше. Экономия Божия в сем доме состоит в том, чтоб все беспрепятственно пользовались всяким добром, находящимся в нем, и устрояли чрез то свое спасение. Распоряжается всем здесь Божия благодать; рука, приемлющая от нее нужное добро, есть вера. Что способствует вере, то способствует приятию всякого добра от благодати к совершению спасения, и чрез это благоприятно Божией экономии; а что не таково, то не благоприятно Божией экономии. Апостол утверждает, что стязания, порождаемые человеческими измышлениями, неблагоприятны Божией экономии, *Божию строению, еже в вере*, — расстраивают веру, — сию единственную руку, предназначенную и гожую к приятию добра из Божией экономии, раздаваемого щедро благодатию, и тем пресекают действо спасения, созидаемого благодатию по вере. Наши толковники преимущественно обращают внимание на эту зловредность для веры, происходящую от стязаний и изысканий. Блаженный Феофилакт пишет: «Бог ввел такую экономию, чтоб в ней все было принимаемо

верою; а они вводят изыскания, расстроивающие сию Божию экономию». Экумений спрашивает: «какая Божия экономия?» — и отвечает: «та, чтоб блага Его принимать верою, потому что они непостижимы; а заводить изыскания относительно каждого из них противно Божиим по дому Его распоряжениям». Поясняет сие блаженный Феодорит: «излишние изыскания неразумны, а вера просвещает ум и открывает Божественное домостроительство».

Святой Златоуст пространнее рассуждает о сем предмете, и прочитывать его суждения не бесполезно во всякое время. Приводим их.

«Видишь ли, как он порицает неуместное исследование? Ибо, где есть вера, там не нужно исследование; где ничего не нужно исследовать, зачем там заниматься исследованием? Исследование разоряет веру: кто исследует что-либо, тот еще не дошел до (познания) того; невозможно, чтобы верил тот, кто занимается исследованием. Посему-то Апостол и говорит: не будем заниматься исследованием, потому что исследование уже не есть вера; ибо вера действует успокоительно на ум. Но (скажет кто), как же Сам Христос Господь сказал: *ищите и обрящете* (ср.: Мф. 7, 7) и: *испытайте Писания* (ср.: Ин. 5, 39)? В первом месте *ищите* означает прошение, сильное желание; а в другом *испытайте Писания* не только не налагает никакой обязанности исследо-

вания, но даже устраняет ее; *испытайте* – то же, что: изучайте и узнавайте подлинный смысл Писания, не для того, чтоб вечно заниматься исследованием, а чтобы прекратить всякое исследование. Бог восхотел даровать нам многое, но наш ум не объемлет величия Его домостроительства. Поэтому то, что составляет величайшее врачевство для душ наших, должно совершаться при помощи веры: наши исследования несообразны с домостроительством Божиим. А что устрояется при помощи веры? То, что мы приемлем Божии благодеяния, соделываемся лучшими, ни в чем не сомневаемся, ни об чем не недоумеваем и приходим в совершенное успокоение. Между тем то, что совершает и устрояет вера, разрушает наша пытливость, возбуждая множество вопросов и ниспровергая веру. – Не будем же заниматься изысканиями; ибо мы для того и называемся верными, чтобы несомненно верили тому, что нам сказано, и ни в чем не сомневались. Если бы сказанное нам происходило от людей, тогда следовало бы заниматься исследованием сего; но так как оно происходит от Бога, то нужно только благоговеть пред этим и верить сему. Если же не будем верить этому, то не будем убеждены и в том, что существует Бог. Ибо как ты можешь знать о том, что существует Бог, когда ты подвергаешь исследованию Его слова? Первый признак того, что ты знаешь Бога, состоит в том, чтобы

верить сказанному Им, не требуя ни объяснений, ни доказательств. Справедливо подвергать исследованию учение еллинов, потому что оно изобретено человеческою мудростию; а наше учение открыла нам благодать Святаго Духа».

Стих 5. *Конец же завещания есть любы от чиста сердца, и совести благия, и веры нелицемерныя.*

Там сказал, чем не следует заниматься, а здесь указывает, на что исключительно должно быть обращено все внимание и устремлена ревность. Тут главное — любовь, а ее качествование, оживление и направление составляют чистое сердце, совесть благая и вера нелицемерная. И все они нераздельны, одна в другую входят, одна другую поддерживают и возращают. Любовь — райское многоплодное древо, а почва, атмосфера, теплота, свет и влага, необходимые для питания и возращения сего древа, суть чистота сердца, покой совести и вера нелицемерная. Вот о чем надлежит ревновать и вот как должно направлять всю заботу и все напряжение сил! Се — конец всего.

Для пасомых в этом последняя цель нравственных стремлений, а для пастыря — *конец завещания*, παραγγελίας, — пастырских увещаний, советов, повелений, трудов и забот. Сюда направь свою деятельность и, когда успеешь сделать своих пасомых такими, чтоб означенные добродетели, — любовь чистосердечная, добросовестная и

верою проникнутая,— составляли отличительные черты их нрава; тогда явишься пастырем добрым, делателем непостыдным. «Тебе, говорит святой Павел Тимофею, надлежит научить их, чтоб искренно любили благодетеля Бога и имели чистую веру, подкрепляемую свидетельством совести» (блаженный Феодорит). Тогда и никакое иное учение не проникнет в них, и никакими баснями не станут они заниматься. Иное учение производит разделение. Когда союз любви крепок до того, что никакое разделяющее влияние не сильно его расторгнуть, тогда, не поддаваясь расторгающей силе иноучения, он отразит и самое иноучение. «Если внедришь в них любовь, то и всякий растленный догмат не найдет среди них места»,— пишет блаженный Феофилакт. И святой Златоуст говорит: «ничто не приносит такого вреда человеческому роду, как пренебрежение дружеских отношений и малая заботливость о сохранении их; между тем опять ничто не может дать такого хорошего направления жизни, как старание поддерживать их всеми силами. Такое (пренебрежение) послужило источником всех ересей.— Почему Павел, сказав: *да завещаеши некиим не инако учити*,— показывает в любви путь, которым можно сего достигнуть».

Конец завещания — любы. Какая любовь? Всесторонняя, и к Богу, и к ближним. Любовь к Богу ревнует о славе Божией, следовательно, и о

том, чтоб всюду царствовала истина Божия; такая же ревность не допустит, чтоб поднимала где-либо голову ложь, противная истине Божией. Любовь к ближним ревнует об их благобытии временном, паче же об их блаженстве вечном; и, так как последнее условливается сохранением веры чистою и неповрежденною, ревнует, чтоб никакое иное учение не повредило чистоты их веры.

Любы от чиста сердца, — ибо бывает любовь и от нечистого сердца (см.: Экумений) и такая, которая самое сердце делает нечистым. Это любовь плотская. Бывает любовь эгоистическая, которая любит не во благо любимого, а для себя; почему, коль скоро потребуется жертва самоотвержения, она не выдерживает пробы и отступает назад. Любовь настоящая все сердце наполняет и любит без всяких расчетов, не ограничиваясь одним чувством, но всегда спеша к делу. Святой Златоуст толкует: «о какой любви говорит Апостол? Об искренней, которая не ограничивается одними словами, но проистекает из душевного расположения, благоумия и сострадания. *От чиста,* говорит, *сердца,* — то есть из прямодушного взаимно-общения, или искренней дружбы».

Любы — от совести благия, — такой, которая не допускает, чтоб совесть упрекнула в том, что не все сделано, чего она требовала для любимого, или такой, которая, при всей готовности и всем

усилии делать все для блага другого, никак, однако ж, не допускает ничего такого, что противно требованиям совести, или прямым заповедям Божиим. Она любит брата, но не паче Бога, а ради Бога, за волю Которого всегда стоит совесть, носительница ее. Или любовь от совести благой есть такая любовь, о бытии которой в сердце свидетельствует совесть, о которой говорит не слово или внешнее показательство, но «внутренний помысл, который не может лгать пред самим собою. Ибо есть ли кто такой, кто притворялся бы пред самим собою или покушался от себя укрыться?» (Экумений).

Любы — от веры нелицемерныя. Взаимная любовь насаждена в сердце; она есть естественное в нас чувство. Все естественно любили бы себя взаимно, если бы не привзошел эгоизм, вследствие падения. После сего рядом с симпатическими чувствами, из любви исходящими, у нас стоят и чувства эгоистические, погашающие любовь симпатизирующую. В естественном порядке у иных преобладают эгоистические чувства, и тогда нет хода требованиям любви; а у иных — чувства симпатические, и тогда любви большой простор. Эта последняя любовь, по естественному настроению, действующая по сочувствию и состраданию, есть качество, достойное уважения; но она не имеет полной цены или веса, если не освящается отношением своим к Богу, то есть если не

проникается верою, чтоб из нее черпать источное возбуждение, воодушевление и крепость. Только при этом любовь восходит на степень *любви крепкой, яко смерть*; а без сего нечем поддерживать самоотвержения, жертв которого поминутно требуют дела и труды любви.

Вера нелицемерная обнимает все догматы; и они все действительно таковы, что коль скоро нелицемерно содержатся сердцем, то непременно вызывают чувства и дела любви и воодушевляют на них; особенно таковы догматы о промышлении, искуплении и будущем блаженстве. Бог все видит и все, что по любви к Нему делается для братий, принимает так, как бы оно непосредственно делалось для Него; верующий сему как не поспешит чрез руку брата вложить требуемое в руку Божию? Сын Божий, воплотившись, предал Себя за нас; верующий сему пожалеет ли приносить в жертву Ему требуемое в помощь братиям о Господе? Вера внушает, что жертвуемое брату слагается в вечных кровах Божиих, чтоб потом самому же жертвующему послужить как бы коштом* вечным в Царствии Небесном; какой же верующий сему нелицемерно поскупится *сеять о благословении, чтоб о благословении и пожать* (ср.: 2 Кор. 9, 6)? Так любовь наитствуется, освящается, множится и укрепляется верою нелицемерною.

---

* *Кошт* — здесь: содержание. — *Ред.*

Стих 6. *В нихже нецыи погрешивше, уклониша-ся в суесловия.*

Погрешивше, ἀστοχήσαντες. «Слово: ἀστοχεῖν — употребляется о тех, кои неискусно стреляют» (блаженный Феофилакт), не в цель, но мимо цели направляют стрелы. Указал Апостол цель для пастырских и учительских трудов в любви от чистого сердца, доброй совести и веры нелицемерной; теперь говорит о худых последствиях, если кто из них не к этому направляет свои заботы и усилия, и о последствиях для них самих, как учителей. Некоторые, говорит, не к этой цели направляя свои учительские труды, уклонились в суесловия, то есть к тому, что пред сим осудил, к басням, родословиям и бесплодным изысканиям. *Уклонились*, ἐξετράπησαν, — сбились с прямой дороги, направились в сторону. Святой Златоуст говорит: «Апостол правильно выразился: ἀστοχήσαντες; потому что нужно искусство для того, чтобы прямо в цель направлять удары, а не мимо нее. Поэтому необходимо, чтобы они были управляемы Духом Святым; ибо много есть причин, которые совращают с прямого пути, — между тем только одну цель нужно иметь в виду». — Одна есть норма истины, — богопреданная; что́ лежит вне области, ею очерчиваемой, то не может носить печати истины, и, кто говорит о том, пусторечит. А пусторечивый что за учитель? Таким образом уклоняющийся от означенной цели

по тому самому теряет титло настоящего учителя.

Стих 7. *Хотяще быти законоучители, не разумеюще ни яже глаголют, ни о нихже утверждают.*

Сказав, что они уклонились с прямого пути, теперь объясняет, в чем это уклонение (см.: блаженный Феофилакт), — именно в том, что захотели или вздумали учить закону, когда время закона уже прошло. Было время для закона, — и тогда, кто учил закону, не суесловил; а теперь, когда сила закона уже престала, выступать учителем его значит трудиться попусту, суесловить. Действуя так, продолжает Апостол, они *не разумеют яже глаголют*, — не знают, что говорят, — сами себя обличают в том, что «не знают цели закона, ни времени, до коего ему предназначено было властвовать» (блаженный Феофилакт). «Если б они знали закон, то веровали бы во Христа; ибо, зная как должно закон, они увидели бы, что он препровождает ко Христу» (Экумений). Слова: *глаголют и утверждают* — не на разность предметов указывают, а на степень напряжения в учении. Утверждают, настойчиво твердят, что без того и того, в законе определенного, спастись нет возможности. Блаженный Феофилакт пишет: «о чем это утверждают? Может быть, об очищениях и разных других телесных деяниях, соблюдавшихся по закону». Это он заимствовал из святого Златоуста, который гово-

рит: «вероятно, они рассуждали о законе и много говорили об очищениях и о других внешних обрядах».

Но кто такие они были? Как видится, они были в среде верующих, но не понимали силы веры и толковали о силе закона. Блаженный Феодорит пишет: «Апостол дает разуметь, что говорит это не о явных противниках, но об утверждающих, что уверовали в Господа, но искажающих Евангельское учение, предположив, что несмысленные их рассуждения премудрее словес Божиих. А что они были из иудеев, ясно дает сие видеть сказанное: *хотяще быти законоучители*».

Святой Златоуст делает здесь общее наведение об омрачении ума чрез уклонение от главной цели — чистосердечной и добросовестной любви в духе веры. «Неведение, — говорит он, — получило свое начало от уклонения от любви. Когда душа предается предметам плотским, тогда притупляется ее проницательность; и, когда она уклоняется от любви, тогда помрачается ее умственный взор. В ком укореняется привязанность к скоропреходящему, тот, находясь в состоянии опьянения от страстей, не может уже быть нелицеприятным судиею истины».

ПРАВИЛА В РУКОВОДСТВО СВЯТОМУ ТИМОФЕЮ, ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ВОЗЛОЖЕННОГО НА НЕГО АРХИПАСТЫРСКОГО ДЕЛА (1, 8—6, 19)

Возложено на него не допускать, чтоб среди верующих ходили толки и учения, пустые и суесловивые, а все внимание обращать на созидание и укрепление верующих в святой, полной любви, жизни в духе веры. Теперь частные даются предписания, на что именно должно напрягать силу слова и пастырской власти, действуя в этом направлении. Это и служит содержанием всего Послания, в котором можно различать следующие части: 2) какие порядки следует заводить и содержать среди пасомых (см.: 2—3, 13); 3) как на них действовать и их руководить (см.: 3, 14—6, 19); 1) то и другое по духу веры Христовой (см.: 1, 8—20). Как это последнее — *дух веры Христовой*, — очевидно, должно служить руководящим при сем началом; то о вере во Христа Господа не раз поминается в течении Послания, как о подтвердительном и оживительном для предписываемых правил начале. В самом же начале ей посвящается особое отделе-

ние, — все остальные стихи 1-й главы. Итак, первые наставления идут:

1) О ВЕРЕ В ГОСПОДА ИИСУСА, ПРИШЕДШЕГО В МИР ГРЕШНИКОВ СПАСТИ (1, 8—20)

Это отделение можно счесть продолжением предыдущих слов; по крайней мере оно к ним прикрепляется течением речи. Сказал, что те, которые, оставя главное — любовь в духе веры, покушаются выставлять значение закона, сами не понимают, что говорят. Теперь разъясняет это, говоря: а) время закона уже прошло (см.: 1, 8—10); б) настало время Евангелия, которое мне вверено (см.: 1, 11—14); в) почему — хочешь спастися, — веруй в Господа (см.: 1, 15—17); и: г) заключает: вот о чем учить главным образом завещаваю тебе (см.: 1, 18—20).

а) Время закона уже прошло (1, 8—10)

Такая мысль не выражена буквально, но составляет внутренний смысл сих стихов, без коего понять их невозможно.

Глава 1, стих 8. *Вемы же, яко добр закон есть, аще кто его законне творит.*

Апостол будто смягчает предыдущий укор выставляющим значение закона, что они не знают, что делают: уступаю, что: *закон добр*. Но тут же прибавляет такое условие, которое сильно отнять всякое дерзновение у выступающих с

учением о силе закона: *аще кто его законне творит*, χρῆται, — пользуется им законно, то есть в духе самого закона, по внутреннему его смыслу и значению. Я знаю, говорит, что закон хорош; но вы нехорошо учите о нем. Вы выставляете значение его безусловно, а оно подлежит условию: *аще*. Разбери теперь это условие и найдешь, что исполнение его должно вести к узрению престания закона. Закон — пестун* во Христа, — он тень, тело же Христос. Следуй сему пестуну, иди по сей тени, — и дойдешь до Христа, обетованного Избавителя. Пока не приходил Христос, вы все были под пестунством, шли по тени; а когда пришел Христос, пестунству конец, и тень должна быть оставлена позади. А вы все твердите: закон, закон. Следовательно, вы незаконно им пользуетесь, употребляете его не по значению и духу его; почему не знаете, что говорите.

По особенному значению сего места, выписываем, что сказали, рассуждая о нем, святые Отцы и учители. Блаженный Феодорит пишет: «не закон порицаю, но худых учителей закона. Ибо знаю, что закон полезен для вознамерившихся соблюдать цель закона. Сие значат слова: *аще кто его законне творит*, — то есть если кто следует цели закона. Цель же закона — привести нас к Владыке Христу, и по пришествии Его закон не имеет уже силы. Это сказал Апостол и

* *Пестун* — детоводитель, дядька. — *Ред.*

в Послании к Галатам: *аз законом закону умрох, да Богови жив буду* (Гал. 2, 19). Ибо закону же повинуясь, говорит, не храню я закона». То же читаем и у Амвросиаста: «не отрицает Апостол, что закон, данный чрез Моисея, добр, так, однако ж, чтоб признаваем был смысл его и то, для чего он дан, приемлемо. Но тот знает закон и то, для чего он дан, кто, слыша проповедь о Христе, оставляет закон. Тот законно пользуется законом, кто умеет различать в нем данное на время от непрестающего и признает, что относящееся в нем к таинству Христа не должно уже быть (по пришествии Христа) соблюдаемо на будущее время; ибо это значило бы веровать, что имеет еще прийти Тот, Кто уже пришел». И у блаженного Феофилакта: «законно пользуется законом тот, кто приводится им ко Христу. Закон, не имея силы оправдывать, препровождает (ищущего праведности) ко Христу,— и это есть цель его: так что законно,— то есть так, как повелевает сам закон,— пользуется законом тот, кто закону предпочитает Христа». Это взято у святого Златоуста, который говорит: «если надлежащим образом будешь пользоваться законом, то он приведет тебя ко Христу. Ибо так как цель закона состоит в оправдании человека, а между тем он не в состоянии (этого сделать); то он приводит к Тому, Кто может (исполнить сие)».

Стихи 9—10. *Ведый сие, яко праведнику закон не лежит, но беззаконным и непокоривым, нечестивым же и грешным, неправедным и скверным, отца и матере досадителем, мужеубийцам, блудником, мужеложником, разбойником, клеветником, скотоложником, лживым, клятвопреступником, и аще что ино здравому учению противится.*

Слова: *ведый сие, яко праведнику закон не лежит* — объясняют, кто правильно пользуется законом или правильно к нему относится, указывая, что это есть тот, кто держит убеждение, что праведнику закон не лежит, что он уже от него свободен. Под праведником здесь следует разуметь человека-христианина, который, уверовав во Христа, получил оправдание, то есть получил отпущение грехов и благодатное обновление, являемое святою жизнию. Для такого, конечно, не нужен закон, как указатель должного, им руководит благодать Святаго Духа, высшего закона. «Праведнику не лежит закон, — говорит святой Златоуст, — потому что он не дожидается того, чтобы закон научил его тому, что нужно делать, имея внутри себя наставляющую его благодать Святаго Духа, — не нужно наставление тому, кто не имеет недостатка в наставнике». Так как он приводится к сему, то есть вере во Христа и благодати Его, законом, ибо такова цель его; то следует, что законно законом пользуется тот, кто, достигнув цели закона, слагает с себя иго его, по

полному убеждению: что он уже теперь не лежит на нем. Иначе сказать, «тот надлежащим образом пользуется законом, кто знает, что не имеет в нем нужды», — как говорит святой Златоуст. Напротив, на тех, которые не приступили еще к оправданию верою и благодатию и остаются во грехах, он лежит всею тяжестию ига своего, — обязательства, осуждения и страха, для того, чтоб действием на них тяготы такого ига побудить их взыскать облегчения и свободы, которые пред лицом их предлагаются благовестием Евангелия.

Можно предположить, что святой Павел, делая оговорку о доброте закона под сказанным условием, имел в виду уверовавших иудеев, которые, однако ж, не успели еще отрешиться от закона. Он говорит как бы им: ничего; это не послужит вам к худу, если вы будете при сем относиться к закону законно, то есть будете держать то убеждение, что не он спасает и оживляет вас к правде, а благодать по вере, он же есть как нечто у вас внешнее, стороннее. Только такое отношение к закону есть правильное, законное, держимое по смыслу самого закона. Те же, которые выставляют значение закона безусловно, не знают, что делают; не слушайте их.

Но можно принять, что Апостол выражает общее положение, под каким условием закон бывает добр. То и назначение закона, чтобы тот, кто по его руководству приходит туда, куда он ведет,

оставлял его, по убеждению, что он уже не лежит на нем.

Экумений пишет: «законно пользуется законом тот, кто ведает, что он не нужен ему для праведной жизни». А такого рода лица кто такие? На это отвечает Амвросиаст: «это те, которые, получив отпущение грехов, стали праведны, чтоб не жить уже под законом, от которого освобождены благодатию Божиею чрез веру во Христа, но, исполняя в сердце Творцом написанное (и теперь благодатию восстановленное и оживленное), чаять прочее дня судного, когда праведники получат праведное воздаяние». Тут же Амвросиаст объясняет, что первоначально образ праведной жизни начертан в естестве человека, чтоб, живя по нему, люди являлись праведными и богоугодными. Потом, когда люди, предавшись страстям, стали попирать тот закон естества, — Бог дал в руководство писанный закон чрез Моисея, так что, будь в силе закон естества, писанному закону не было бы места. Почему в настоящее время, когда благодать чрез веру восстановляет в силе начертанное Творцом в естестве, — закон, пришедший по причине расстройства сего начертания, уже не нужен тем, в которых оно восстановляется благодатию чрез веру. Подобное сему пишет и Экумений: «закон *преступлений ради приложися* (Гал. 3, 19); так что для праведного, который живет право по любви к добродетели, а

не по страху закона, он не нужен, а нужен тем, которые не сами от себя влекутся к добродетели, но если и делают это, то только боясь угрозы закона».

На праведнике, говорит, закон не лежит, потому что, уверовав в Господа и получив благодать, он в себе носит закон исполненным; а лежит он на неправедниках, которым еще предлежит исполнить назначение закона. Сказав это, Апостол указывает далее, кто суть такие неправедники, употребляя для сего сначала общие наименования, а потом переходя и к частностям. Но и в общих наименованиях заметно движение от более общего к менее общему.

Беззаконным и непокоривым. Беззаконник — тот, кто нарушает бесстрашно нравственный закон; а непокоривец, ἀνυπότακτοις, — тот, кто не подчиняется заведенным порядкам, гражданским и общежитейским. Такие живут по своей воле, сами себе бывая законом. В этом отношении они схожи с праведниками; ибо и эти сами себе закон. Только эти сами себе закон на всякое добро, а те на всякое худо, по влечению самоугодия и страстей.

Нечестивых и грешных можно различать так: первые суть нарушители заповедей в отношении к Богу, которые страха Божия не имеют и ничего священного не чтут; а вторые суть нарушители

всех других заповедей — в отношении к себе самим и ближним.

Эти последние в отношении к другим всякую правду нарушают, а себе всякое угодие творят в похотях и тем сквернят себя. Апостол и называет их *неправедными и скверными.*

По этим двум видам распределяются и следующие перечисления беззаконников в частности. К первому относятся: отца и матери досадители, мужеубийцы, разбойники, клеветники, лжецы, клятвопреступники; а ко второму: блудники, мужеложники, скотоложники. Что это за люди, понятно из их наименования. Некоторые, впрочем, наименования яснее будут поняты, если указать корни соответствующих им греческих слов. *Отца и матере досадителем*, πατρολῴαις, μητρολῴαις, — таким лицам, которые крепко бьют отца и мать, как крепко бьют молотильщики молотимый хлеб. Ἀλόαις — от: ἀλοάω — молочу. *Разбойником*, ἀνδραποδισταῖς, — таким лицам, которые насилием или хитростию обращают в рабство.

И аще что ино здравому учению противится. Здравое учение дает мысль об учении более теоретическом, в котором нет ничего ложного, такого, что следовало бы признать заблуждением. Ложь и заблуждение — болезни учения. Здравому учению они чужды. Проповеданное Апостолами христианское учение здраво во всем его составе. — Но учение христианское хотя исходит

из теоретических догматов, но все преимущественно направлено к устроению доброй, святой и праведной жизни. Почему и разумея под здравым учением учение христианское, можно понимать его как учение, излагающее правила святой и праведной жизни с показанием и способов преуспеяния в ней. Противно здравому учению будет то, что противно чистой, святой нравственности. Апостол употребляет это слово (здравое учение) и в других местах (см.: 2 Тим. 4, 3; Тит. 2, 1), — но всё или в обличение недобрых нравов, или в руководство к указанию добрых. В настоящем месте, переименовав несколько беззаконников, на коих лежит закон, выставляет он наконец общее положение (см.: блаженный Феофилакт): и вообще на всех тех лежит закон, кои в каком бы то ни было отношении живут противно здравому учению или здравым правилам святой и праведной жизни. Которые следуют здравому учению, у тех и душа здрава; а которые живут противно ему, в тех качествует «болезнь души развращенной» (святой Златоуст).

Для таких нужен врач и врачевство. Закон затем и лежит на них, чтоб, обличая, грозя и сокрушая, привесть их в сознание своей болезни и опасности от нее и чрез то побудить их обратиться к единому Врачу и Его врачевству. Когда же они это сделают, то и для них станет излишен закон: ибо тогда и в них он достигнет

своей цели и уступит место иному владыке и руководителю.

б) Настало время Евангелия (1, 11—14)

И этого Апостол не выражает слово в слово, но ясно дает разуметь всем строем речи. Ибо говорит: закон не лежит праведнику *по благовестию*: аа) в силу Евангелия, которое теперь всюду проповедуется и приемлется (стих 11). Что это по Божиему устроению делается: бб) удостоверьтесь из моей жизни. Я был на вашей стороне и гнал Евангелие. Бог же так перетворил меня, что не только верующим сделал, но и проповедь Евангелия мне вверил (стихи 12—14). Из этого явно можете усмотреть, что время закона миновало и настало время Евангелия. Такова воля Божия.

аа) Закон не лежит праведнику — по благовестию (1, 11)

Глава 1, стих 11. ***По благовестию славы блаженнаго Бога, еже мне вверено бысть.***

По благовестию — относится ко всей предыдущей речи, паче же к тому, что праведнику закон не лежит. Закон престал, потому что теперь благовествуется Евангелие. Благовестие же Евангелия не ограничивалось одним словом, но тотчас же среди тех, кои веровали, заводило новые порядки жизни, по Божию повелению. Очевидно теперь, что Бог вводит новое домостроительство спасения. В силу сего закон и не лежит правед-

нику, то есть тому, кто получает оправдание и праведность в вере Евангельской. «*По благовестию*, — говорит святой Златоуст, — значит, что для тех, кто верует в него, закон уже не нужен».

По благовестию славы — то же, что по славному благовестию; славно же оно и потому, что носит печать Божественности, и потому, что паче всего другого возвещает славу беспредельного милосердия к нам Божия, и потому, что приемлющих его облекает здесь славою духовною, а в будущем веке обещает облечь и видимою славою дивною.

Почему из всех качеств Евангелия Апостол помянул преимущественно о его славности, причина сему та, что он желал отвлечь внимание имевших читать его Послание от внешней неславности Евангелия, равно как и верующих в него, и направить его к узрению славы того и других — внутренней, существенной, непрестающей. Это же нужно было в противовес закону, который все еще продолжал пока пользоваться славою, чтоб оставляющие его не считали себя покрываемыми стыдом по причине уверования Евангелию, яко переходящие от славного к неславному. Святой Златоуст говорит: «благовестием славы назвал Апостол Евангелие не по другой какой причине, как ради тех, которые стыдятся гонений и Христовых страданий. И ради того называет он Евангелие благовестием славы,

что желал показать, что страдание Христа Господа составляет Его славу, — или даже он намекает сим на будущее. Ибо, хотя настоящее наше исполнено стыда и поношения, зато будущее вовсе не таково».

К сему же направлено и то, что *Бога* наименовал Апостол *блаженным*, указывая тем на источник и цель Евангельского домостроительства. Бог всеблаженный в Себе благоволил создать разумные твари для участия в сем блаженстве; и, когда они по неразумию уклонились от сей цели своего сотворения, благоволил возвратить их к сему назначению, дивным некиим образом, который возвещается Евангелием. Евангельская вера есть путь к причастию Божеского всеблаженства. Почему нельзя лучше возвеличить его, как назвав делом блаженного и всеублажающего Бога.

Слова: *еже мне вверено бысть* — служат переходом ко второму моменту настоящего отделения. Ими внушает святой Павел, что, говоря, что теперь настало Евангелие, он говорит, как знающий дело. Ибо если ему вверено Евангелие, то он знает силу его и, придавая ему показанное значение, выставляет его таким, каково оно в существе своем есть. Это внушение тем убедительнее должно казаться, что Евангелие не от него самого имеет начало, а оно ему вверено, и вверено свыше, потому что оно есть Божие.

бб) Удостоверьтесь, что это по Божиему устроению делается, из моей жизни (1, 12—14)

Глава 1, стих 12. *И благодарю укрепляющаго мя Христа Иисуса Господа нашего, яко верна мя непщева, положив мя в службу.*

Благодаря Бога за свое призвание к Апостольству и за укрепление в трудах благовестия, Апостол показывает, что если б престание закона и заменение его Евангелием не было по Божию благоволению и устроению, то Бог не отторг бы его, ревнителя закона, от закона, который он защищал с такою ревностию, не вверил бы ему проповеди Евангелия и не стал бы укреплять в трудах по сему делу. Для самого Апостола это служило воодушевительным убеждением, что новое Евангельское домостроительство взамен ветхого идет прямо от Бога. Но и на других оно не могло не производить того же впечатления; почему святой Павел всюду поминает о нем с тою целию, чтоб в этом представлять наглядное доказательство, что если вводится теперь Евангельское домостроительство вместо закона, то это не от человек, а от Бога, что тут действует Бог, а люди служат только орудиями Ему. Святой Тимофей все это знал, и нечего было бы говорить ему о сем; но хотя Послание к нему писано, однако назначалось не для одного его.

Благодарю укрепляющаго мя, ἐνδυναμώσαντί, — укрепившего, давшего силу или укреплявшего, дававшего силу. Первое будет указывать на обращение святого Павла, как Господь дал ему силу уверовать, а второе — на труды в проповедании Евангелия, в коих укреплял его Господь: ибо они были выше человеческих сил. Первую мысль высказывает Амвросиаст: «всякий неверующий страдает немощию духа, связан будучи плотским умом, да не верует духовным вещам. Почему Апостол выражает здесь свою благодарность Христу Господу, что явлением ему Божественного величия Своего немощному уму его дал силу уверовать; потому что до сего он почитал невероятным, что проповедывалось о Божестве Господа, Его двояком рождении, и воскресении, и о надеждах от Него». Вторую мысль выражают все другие наши толковники. Блаженный Феодорит такие слова влагает в уста святому Павлу: «не собственною своею действуя силою, предлагаю людям учение сие, но утверждаемый и укрепляемый Спасшим меня, Который отважившегося неистовствовать против Него сделал верным служителем Евангелия». Святой Златоуст видит в словах Апостола исповедание великого ему содействия свыше. «Ибо посуди, как трудно было устоять против ежедневных поруганий, укоризн, наветов, опасностей, споров, порицаний, смертей, и не прийти в уныние, не пасть духом, не

поколебаться, и, несмотря на то, что отовсюду каждый день бросали в него целые тысячи стрел, стоять с твердым, бестрепетным видом. Это было выше человеческих сил».

Христа Иисуса Господа нашего. В сознании христиан первое видится Лицо Христа Господа, Сына Божия воплощенного, а за завесою плоти Его созерцается Триипостасный Бог, единым из Лиц Своих воплощению быть изволивший. Это в сознании печатлеется верою, но потом жизнь дает и опытные в том удостоверения, что всё в нас от Христа Господа. Таких удостоверений никто из внимающих себе не лишен. Павел же святой постоянно ощущал близость укрепляющего Его Господа; почему как прежде воодушевленно исповедал: *вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе* (ср.: Флп. 4, 13), – так здесь благодарит Его же, *укрепляющаго*.

Благодарит Господа укреплявшего, следовательно, все успехи относит к Нему. Но как укреплять достойно только действующего и употребляющего свои усилия, то вместе с тем подает мысль, что при вере во Всеукрепляющего были и свои всевозможные усилия. Смотря на дело с сих сторон, святой Златоуст видит в словах Апостола, с одной стороны, свидетельство о его смирении, с другой — удостоверение, что в жизни по духу веры не всё от Господа, но что требуется участие и своей воли. Он говорит: «Апостол

сказал, что мне вверено благовествование славы Божией, и так как этим превознес себя и громко похвалил, то вслед за сим смиряет себя, дабы ты не подумал, что он говорит сие по гордости. *Благодарю,* говорит, *укрепляющаго мя Господа.* Видишь ли, как всегда он скрывает свои заслуги и все приписывает Богу,— впрочем, так, что чрез это не уничтожает свободы воли! Ибо неверующий, вероятно, мог бы сказать: если все принадлежит Богу и мы сами от себя ничего не привносим, но Бог, подобно деревьям и камням, обращает нас от порока к любомудрию, то почему Он сделал таким Павла, а Иуду нет? Поэтому смотри, с каким благоразумием, предотвращая это возражение, выражается Апостол. Он говорит: *благодарю укрепляющаго мя Христа Иисуса* — это относится к Богу; затем указывает и на то, что принадлежит ему: *яко верна мя непщева,* — конечно, потому, что он сам имел содействовать сему».

Яко верна мя непщева. Благодарит, что Бог почел его достойным доверия, провидев, что он будет верен Ему. А что это так было, доказательством тому служит то, что Бог поручил ему служение благовестию Евангелия: *положив мя в службу,* — приставив служить Евангелию. Ибо какой хозяин вверит экономию по дому своему такому лицу, в верности которого не удостоверен? Так и Господь вверил святому Павлу благо-

вестие, зная, по предведению, что он будет верен. «А чтоб убедиться, что Бог избрал его, предвидев, каков он будет, послушай, что говорит Сам Бог еще прежде, нежели Апостол приступил к проповеди: *сосуд избран Ми еси, пронести имя Мое пред языки* (ср.: Деян. 9, 15)» (святой Златоуст). Сознавая это в промыслительных о себе распоряжениях Господа, Апостол благодарит Его. Благодарением этим он не столько выражает радость о признании себя верным, сколько возвеличивает порученное ему служение Евангелию; а это потому, что само Евангельское домостроительство чрезмерно велико. По причине великости его велико и быть сочтену достойным вверения служения ему, и почтену доверием в сем деле. Таким образом Апостол выставляет преимущественную высоту Евангелия, не говоря о том буквою. Амвросиаст пишет: «Апостол почтен достойным того, чтобы ему вверено было распоряжение по делу таинства Господня (то есть Евангелия), дабы он чрез закон подтвердил истину того, что прежде по любви к закону почитал невероятным». Это он подтверждал не учением только, но и самым делом избрания своего на служение Евангелию. Всякий другой не столько бы подтвердил это, сколько Павел, ревнитель закона, претворенный еще в более ревностного служителя Евангелию.

Но остановимся вниманием на самом доверии святому Павлу и избрании его. Для святого Павла, как гонителя Церкви, было бы велико, если б он приведен был только к вере; но он не только приведен к вере, но еще поставлен служителем ей и распространителем ее: подобно тому, как если б какой виновный слуга не только был опять принят в дом, но и поставлен распорядителем по дому. Апостол видит в сем чрезмерность милости к себе и благодарит. Святой Златоуст такие слова влагает в уста святого Павла: «я благодарю Господа за то, что Он удостоил меня сего служения; потому что это составляет признак того, что Он считает меня верным. Ибо подобно тому, как в доме управляющий не только бывает благодарен господину за его доверие, но и поставляет оное признаком того, что господин считает его более достойным доверия, нежели других: так подобным образом было и здесь».

Святой Златоуст с словами: *верна мя непщева* – соединяет еще такую мысль, что «он не изменил Господу ни в чем, говорил, что все Ему принадлежит, даже свое собственное называл Божиим, не присвояя себе славы Божией». В этом он уподоблялся хорошему домоправителю, который, забывая себя, только о хозяйском добре печется и все благоуспешное относит к мудрости хозяина. «Святому Павлу принадлежало только

то, что он был годен для проповеди, но, чтоб и делом совершить то, к чему признан годным, на это он приял силу свыше, без коей ни в чем не мог бы он успеть» (блаженный Феофилакт). Это и исповедует святой Павел, как здесь, так и во многих других местах. «Ибо послушай, что говорит он: *мужие*, — что вы на нас взираете? *мы подобострастни есмы вам человецы* (ср.: Деян. 14, 15). И опять: *паче всех их потрудихся, не аз же, но благодать Божия, яже со мною* (ср.: 1 Кор. 15, 10). И еще: *Бог есть действуяй в нас и еже хотети и еже деяти* (ср.: Флп. 2, 13). Вот это и значит: *верна мя непщева*» (святой Златоуст), — то есть провидел, что он ничего себе не присвоит, но все относить будет к Господу, как источнику вразумления и силы.

Амвросиаст чувствует в сих словах Апостола радость его во страданиях за Господа, против Коего прежде шел. Говорится это уже в конце поприща вверенного служения, пройденного среди скорбей, лишений и гонений. Господь провидел, что, несмотря на все это, он будет верен. Видя это оправданным, Апостол благодарит Господа. «Такую преданную верность являл Апостол Господу, от Коего прежде отрицался, что более радовался в страданиях за проповедание веры в Него, нежели сколько прежде восхищался своими преследованиями верных».

Стих 13. *Бывша иногда хулителя и гонителя и досадителя: но помилован бых, яко не ведый сотворих в неверствии.*

Хулителем называет себя, — потому что хулил Иисуса Христа Господа и был воистину богохульником; *гонителем*, — потому что гнал верующих в Господа и расстроивал их общества и Церкви; *досадителем*, — потому что бранил и поносил всячески и веру, и верующих. Как безжалостно он выставляет свою прежнюю дурноту! Но это затем, чтоб тем в более ярком свете выставить милость к нему Божию, — что, несмотря на то, помилован. «Смотри, — говорит святой Златоуст, — как он, описывая свою прежнюю жизнь, превозносит милость и человеколюбие Божие: *прежде бывша мя*, говорит, *хулителя и гонителя и досадителя*. Видишь ли его смирение, как он несамолюбив, какая у него смиренная душа? Он не довольствуется тем, что назвал себя хулителем и гонителем; а показывает еще, что он делал это с особенным ожесточением. Ибо, говорит он, я не в себе только укрывал зло и не довольствовался тем, что сам был хулителем, но еще преследовал тех, которые хотели жить благочестно. Я довел богохульство до величайшего неистовства. — За это я достоин был всякого наказания, но не наказан, потому что помилован».

А помилован, потому что *не ведый сотворих в неверствии*. Я не ведал, что, преследуя христиан,

я восставал против Бога и разорял дело Его: ибо не веровал, что Иисус Христос есть Бог и Евангельское домостроительство, заменявшее закон, есть дело Божие. «Я слепотствовал, не видел света, – не ненавистию движимый, воздвиг брань, но подвизаясь за закон» (блаженный Феодорит). «Он сознается в неведении, которое происходило от неверия» (святой Златоуст). «Он действовал так не по злобе, а по ошибке, коей удобно дается прощение, коль скоро привходит раскаяние. А кто знает, что то, что он отвергает, истинно, тот не по ошибке действует, а по злой воле и такого рана неисцельна. Ибо он, ненавистию побуждаем, ложным называет то, о чем знает, что оно истинно» (Амвросиаст). Сердце святого Павла не было развращено и повреждено какою-либо страстию. Он так деятельно ревновал по законе, потому что в славе закона видел славу Бога, давшего закон. Почему следовало только изменить его убеждение, что теперь не в славе закона слава Божия, а в славе Евангелия, чтоб изменить его образ действий и из гонителя сделать его еще более ревностным распространителем Евангелия, которое гнал. Это и совершено явлением ему Господа.

Стих 14. *Упреумножися же благодать Господа нашего Иисуса Христа с верою и любовию, яже о Христе Иисусе.*

Упреумножися благодать — чрезмерно великая явлена мне благодать, которая превзошла всякую меру, всякое ожидание, — была *благодать возблагодать* (ср.: Ин. 1, 16). Апостол хочет сказать, что не только не наказан за свои хулы и гонение, а помилован, но, сверх того, еще преизобильно облагодатствован; под чем можно разуметь и все духовные блага, подаемые всякому верующему, как-то: возрождение, силу, действующую во спасение, освящение, всыновление и Царство Небесное, — и особенную благодать Апостольства. Что и последней не следует исключать из круга даров преумножившейся к святому Павлу благодати, видно из того, что слова сии состоят в прямой связи с предыдущею речью, где Апостол изъявляет благодарение Господу за доверие к нему и возложение на него служения Евангельскому домостроительству, что и есть Апостольство. Наши толковники преимущественно останавливают внимание на дарах благодати, общих всем христианам. Святой Златоуст говорит: «*помилован*, говорит, *бых*. Но разве это только (ты получил), разве милосердие (простиралось) до того только, что ты не понес наказания? Нет, (оно простиралось до того, что ты получил) другие многие и великие (благодеяния). Ибо Бог не только освободил нас от угрожавшего нам наказания, но и сделал праведными, и

сынами, и братьями, и друзьями, и наследниками, и сонаследниками. Поэтому он и говорит: *упреумножися благодать,* — выражая ту мысль, что дары сии превзошли (пределы) милосердия. Ибо так поступать свойственно не милующему только, но и любящему и совершенно преданному».

Благодать преумножилась, говорит, *с верою и любовию.* Призванный уверовал, уверовав, возлюбил; вера и любовь привлекли преизобильную благодать; они сделали из сердца пространный сосуд для вмещения преизобильной благодати. «Этими словами Апостол показал, что к полученному им привнес он от себя. Ибо, получив свыше благодать, привнес веру и любовь; уверовал искренно, возлюбил со всею горячностию и не переставал пламенеть сею любовию». — Святой Златоуст и здесь, как выше, делает наведение об участии свободной воли в деле спасения. Он говорит: «сказавши многое о человеколюбии Божием, что (Бог) помиловал его, — хотя он и был хулителем, и гонителем, и притеснителем, — и не только не ограничился этим, но удостоил его еще великих других (благодеяний), Апостол опять подтверждает то, (что сказано) против неверных, то есть что не следует говорить, что свобода воли не существует, — прибавляя следующие слова: *с верою и любовию, яже о Христе Иисусе.* С своей стороны, говорит он, мы только то привнесли, что

поверили тому, что Он может спасти нас (и возлюбили Его). Ибо нужна нам не одна только вера, но и любовь. (Прибавляю сие) для того, что ныне много таких, которые веруют, что Христос есть Бог, однако ж не любят Его и не поступают так, как следует любящим Его».

О Христе Иисусе — относится как к любви, так и к вере, и означает то, что те — вера и любовь — были в духе Христовом, по Евангельскому домостроительству, христианские. По святому Златоусту, *во Христе* — то же, что: *чрез Христа*; но: *чрез Христа* — он понимает как: по домостроительству Христову. «Что значит чрез Христа? — спрашивает — и отвечает: — То, что Он был для нас виновником сего, а не закон», — того, то есть, чтоб с верою и любовию упреумножилась для каждого благодать: ибо таково домостроительство Христово. Почему заключает далее святой Златоуст: «видишь, каких благ для нас был виновником Христос и каких закон?»

Прибавим к сему: следовательно, достойно было Апостолу изливать свою благодарность Господу, что не только христианином сделал его, но и Апостолом христианства, — и излиянием такой благодарности всем внушать, что теперь никому не следует уже обращаться к оскудевшему источнику закона, но спешить к преизобильному источнику благодати о Христе Иисусе.

в) Почему, если хочешь спастися,— веруй в Господа (1, 15—17)

Веруй; ибо: аа) Христос Господь затем и пришел, чтоб грешников спасти, и иного пути ко спасению нет (стих 15), бб) образец тебе спасения сим путем — я, который затем и помилован, чтоб все видели, куда следует направляться хотящим спастися, и спешили туда с полною надеждою (см.: 1, 16). Поминая о сем простом и действенном способе спасения: вв) не могу удержаться, чтоб не воззвать: честь и слава премудрому Богу! (см.: 1, 17). Блаженный Феодорит содержание сих стихов выражает так: «Апостол, обнаружив, что было с ним самим, доказывает, что благодать сия предложена всем».

аа) Христос Господь затем и пришел, чтоб грешников спасти (1, 15)

Глава 1, стих 15. ***Верно слово и всякаго приятия достойно, яко Христос Иисус прииде в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз.***

Апостол не говорит буквою: если хочешь спастися, веруй; а только указывает самое надежное средство ко спасению. Желающий спасения уже сам собою устремится к нему. *Верно слово и всякаго приятия достойно* — слово о спасении грешников в Господе Иисусе Христе. Сам Он свидетельствовал: *изыдох от Отца и приидох в мир* (Ин. 16, 28). Чего ради? *Не праведников*

взыскать, но грешников на покаяние спасительное (см.: Мф. 9, 13). Пошла проповедь: *покайтеся и веруйте во Евангелие* (Мк. 1, 15), и потекли на глас сей все сокрушенные сердцем и смиренные. Потекли, и спасаются. Возвещаемое словом Евангелия спасение исполняется в них делом. Ни одного истинно уверовавшего и искренно взыскавшего не обманула надежда. Все спасаются. И всякий, кто бы ни восхотел приступить к Господу, спасен будет. Удостоверяю в том собственным моим примером. Я первый из грешников и спасен. Какому же еще грешнику после меня возможно не быть спасену? Почему и удостоверяю, что *слово* о сем *верно и всякаго приятия достойно*. Верно, — «то есть не ложно и истинно» (блаженный Феодорит). *Всякаго приятия достойно* — достойно приятия открытым сердцем, без малейшей тени сомнения и колебания. «Поелику казалось невероятным, чтобы человек, несмотря на то, что он всю предшествовавшую жизнь провел (не принеся никакой) пользы и тщетно истратил ее на злые дела, мог потом спастись чрез одну веру: поэтому он и говорит: *верно слово*. — И в доказательство сего приводит себя самого: меня, хульника и гонителя, помиловал Бог, и не только помиловал, но и соделал верующим. Он не только не стыдится, называя себя грешником, но еще особенно радуется о сем; так как чрез это он лучше всего мог показать

великое чудо попечения Божия (о грешниках)» (святой Златоуст).

Апостол называет себя первым из грешников. Это по чувству сокрушения и раскаяния, что прежде хулил Господа и гнал Церковь Его. Хоть и было здесь некое извинение в неведении; но сердце сокрушенное не любит выставлять смягчающие вину обстоятельства, а прибегает к одной милости, безответно считая себя виновным, и, получив помилование, все его в целости относит к милости, как к единому источнику. Уже в этом Апостол являет настоящий образец для всех кающихся; но еще более в том, что он так говорит о себе и так себя чувствует, после стольких трудов во славу Божию и после стольких милостей к нему Божиих. Не перестает болеть сердце, если сознает себя оскорбившим возлюбленного, хотя он оскорбляем был прежде возлюбления. Блаженный Феодорит пишет, что «Апостол, называя себя первым из всех грешников, простирается за самый предел смирения».

Но другие иное некое предлагают при сем рассуждение. Святой Златоуст говорит: «как Апостол, сказав в другом месте, что он *по правде законней непорочен* (ср.: Флп. 3, 6), здесь говорит, что он грешник и первый из грешников? Это потому, что в сравнении с тою праведностию, которой причастниками соделал нас Бог (во Христе Иисусе) и которой поистине нужно искать, греш-

ны даже те, которые были праведны в законе: *вси бо согрешиша и лишени суть славы Божия* (Рим. 3, 23). Поэтому он не просто сказал: по правде, но: *по правде законней*. Ибо подобно тому, как человек, который приобрел много денег, хотя сам по себе и кажется богатым, однако когда сравнит свои стяжания с сокровищами царскими, то увидит себя весьма бедным и первым бедняком: так и здесь, сравнивая одну (законную) праведность с другою (благодатною), святой Павел показывает ничтожество (первой). И не только сие говорит, но еще признает грешниками тех, которые стяжали первого рода (праведность)». Ту же мысль выражает и блаженный Феофилакт, с некоторым особым оттенком. «Святой Павел ставит себя в ряду грешников, потому что пред правдою, яже о Христе, правда, яже по закону, ныне грех есть, так как время ее уже прошло. Пока было ее время, она была правдою, подобно как в ночи и луна, и свеча свет есть. Но когда явился Христос, как солнце, тогда затмил ее. Итак, погрешает и неразумно действует, кто пользуется свечою (подзаконной правды), когда воссияло солнце (правды Христовой)».

бб) Образец спасения сим путем — сам Апостол (1, 16)

Глава 1, стих 16. *Но сего ради помилован бых, да во мне первом покажет Иисус Христос все долготерпение, за образ хотящих веровати Ему в жизнь вечную.*

Какое глубокое смирение! Какое сокрушенное сознание своей прежней вины! Я, говорит, столько грешен, что Господь, долготерпя мне, истощил на мне все Свое долготерпение. И это Он сделал не потому, чтоб нашел что-либо достойное во мне, но потому, что никто больше меня не делал возможным представить образец помилования такой, чтоб всякий грешник, смотря на помилование меня, не колебался, что и он помилован будет, и смело приступал веровать Господу в несомненной надежде, что и он получит жизнь вечную. Уж если я помилован; кто может сомневаться, что и он помилован будет?

Пространно изображает это святой Златоуст: «видишь ли, как опять смиряет и уничижает себя Апостол, приводя нечто иное более уничижительное? Ибо, сказав, что он помилован ради своего неведения, он указывает на то, что помилованный не очень великий грешник и не должен быть строго осуждаем. Но то выражение, что он помилован для того, дабы никто из согрешивших не отчаявался более, но был уверен, что и он то же самое получит, составляет весьма важное и очень сильное (себя уничижение). Так что Апостол, когда говорил о себе: я первый из грешников и хулитель, и гонитель, и досадитель, и *несмь достоин нарещися Апостол* (1 Кор. 15, 9), и подобное сему высказывал, — и тогда ничего не сказал в такой степени уничижительное для себя. Поясним

это примером. Представим себе многолюдный город, которого все жители были бы люди злые, — правда, одни больше, другие меньше, однако все достойны осуждения: впрочем, в числе этих многих один кто-нибудь больше всех заслуживал бы осуждения и наказания, и был человек, испытавший все виды преступлений. Если бы, положим, кто-нибудь сказал, что царь хочет простить их всех, то они не так легко поверили бы сему известию, пока не увидели бы, что самый преступный из всех них уже получил сие. Ибо тогда не оставалось бы никакого сомнения. То же самое говорит и Павел, — что Бог, желая уверить людей в том, что Он все им прощает, помиловал того, кто более всех согрешил. Потому что если я, говорит он, получил прощение, то пусть никто уже не усумнится относительно других. И чрез это Апостол показывает, что он не заслуживал прощения, но ради спасения других первый сподобился его. Следовательно, пусть никто, говорит он, не сомневается в спасении, когда я спасен. И заметь смиренномудрие сего блаженного (мужа). Он не сказал: да покажет во мне долготерпение, но: *все долготерпение*, — как бы говоря так: ни над кем другим Бог не явил больше Своего долготерпения, как надо мною, и не обрел другого такого грешника, который нуждался бы во всем Его милосердии, во всем долготерпении, а не отчасти, подобно тем, которые отчасти только

согрешили. За *образ*, говорит, *хотящих веровати Ему в жизнь вечную*,— то есть для ободрения, для поощрения их».

Блаженный Феодорит, для пояснения сказанного Апостолом, приводит другое сравнение, в котором показывает, что в Господе получается не только помилование и отпущение грехов, но и уврачевание греховных ран. «Как врач, говорит как бы Апостол, когда в одном доме, в одно и то же время, много больных и все отчаяваются в выздоровлении, взяв одного наиболее труднобольного, и давая ему целительные врачевства, и приведя его в совершенное здравие, этим самым влагает доверие к себе и во всех больных: так и Владыка Христос, врач душ, вочеловечившийся нашего ради спасения, изведя на среду* меня, всех беззаконнейшего, не только избавил от прежних скверн, но и осыпал величайшими дарами, чрез меня показуя всем людям неизмеримое долготерпение, чтобы никто из величайших беззаконников, взирая на меня, не отчаявался в спасении. Но Божественный Апостол сказал это, водясь скромным о себе образом мыслей. Надлежит знать, что не (нравственную) жизнь свою сознавал он беззаконною; но говорил так, припоминая свои покушения на Церковь, как пишет в Послании к Коринфянам: *несмь достоин нарещися Апостол, зане гоних Церковь Божию* (1 Кор. 15, 9)».

* *На среду* — здесь: напоказ всем. — *Ред.*

Веровати Ему в жизнь вечную. — *В жизнь вечную* — показывает, что чаяние сей жизни есть неотъемлемая принадлежность веры в Господа Спасителя. «Вера во Христа бывает в надежде получить жизнь вечную» (Экумений). Жизнь вечная — венец веры в Господа. Вера в Господа есть таинство восстановления падшего. Восстановление сие тотчас и начинается, как только кто приступит верою к Господу. Но зреет и совершается большею частию сокровенно. Во всей светлости оно явится в будущей жизни, где получит и соответственное себе внешнее положение и состояние. Чаяние сего воодушевляет верующих к трудам по восстановлению, а начатки восстановления питают и оживляют самое чаяние. Вот почему Апостол, когда касается общих черт веры, никогда не забывает помянуть и о жизни вечной.

вв) Честь и слава премудрому Богу! (1, 17)

Глава 1, стих 17. ***Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу, честь и слава во веки веков. Аминь.***

«Воспомянув о благодеяниях Божиих, Апостол обращает язык к песнословию» (Феодорит). Апостолу Павлу обычно при истолковании дела воплощенного домостроительства возноситься к Богу в благодарении и славословии. Так и здесь, восшедши к созерцанию неизреченной премудрости и благости Божией в том, что по отменении

закона открыл Он пространную дверь спасения в Господе Иисусе для всех хотящих веровать в Него, славословит Бога. Честь и слава Богу, благоволящему спасать грешных!

Помянув, что Бог в вере всем открыл дверь спасения с обетованием жизни вечной, Апостол именует Бога Царем веков, нетленным, в показание, что исполнение такого обетования Бог держит в руках Своих. Как нетленный, жизнь в Себе имеющий непрестающую, не заимствованную и не истощающуюся, Он дает и верующим жизнь, как Царь веков, — жизнь вечную и, как невидимый, — такую вечную жизнь, которой подобия не найдем ни в чем видимом. — Премудрость Божия, столь ясно проявленная в творении, наипаче воссиявшею зрится в воплощенном домостроительстве. Почему Апостол, подвигнутый к славословию созерцанием сего домостроительства, величает Бога здесь, — как и везде, — премудрым. — Честь и слава, Божеское поклонение и славословие, — да будет или да воздастся.

Наши толковники преимущественно обращают при сем внимание на то, к Кому относится сие славословие. Блаженный Феодорит пишет: «поелику Апостол показал, что Владыка Христос есть податель стольких благ, то, желая научить, что сделано сие по благоволению Бога Отца и при содействии Божия Духа, от единого Лица перешел к общему естеству и вознес песнопение

Троице и, умолчав о Лицах, песнословит Божие естество. Ибо нетрудно и узнать, что сказанное принадлежит не только Богу Отцу, но и Сыну и Святому Духу. Ибо Царь веков — не один Отец, но и Единородный Сын, — так как Он есть Творец веков, — а также и Дух Святый, — так как и Его вечным назвал Божественный Апостол, сказав: *иже Духом Святым* (греческое: αἰωνίου — вечным) *принесе Себе непорочна Богу* (Евр. 9, 14). Также и нетление и невидимость свойственны и Сыну и Духу. А как сие таким образом приведено в ясность, то и имя Бога, поистине, есть имя Единой Троицы. Ибо, кроме Нее, нет иного Бога по естеству».

То же и у других. Блаженный Феофилакт прилагает нечто к истолкованию слов: *единому премудрому*. Это, — говорит, — сказано «для того, чтоб показать, что хотя и Ангелы, и люди имеют премудрость, но настояще премудр один Бог, как источник и виновник премудрости, все же другие твари, имеющие премудрость, делаются причастными ее».

Святой Златоуст из слов: *честь и слава* — делает такое приложение. «Честь и слава воздается не словами. Поэтому, так как и Он почтил нас не словами, а самым делом, то и мы воздадим Ему честь самым делом». Продолжает сие приложение блаженный Феофилакт: «слава и честь, словом воздаваемая, являет нас только благодар-

ными, а воздаваемая делом, делает нас подражателями Ему, — что гораздо больше. Бог требует от нас прославления Его и словом, чтоб мы любили Его, Ему внимали и повиновались и чрез это сами же получали пользу; подобно тому как и дивящийся (смотрящий) на славу солнечного света себе самому доставляет пользу, наслаждаясь светом и пользуясь им при делах своих, а не пользующийся им самому себе причиняет ущерб и лишение».

г) Вот о чем учить завещаваю тебе (1, 18—20)

Глава 1, стих 18. *Сие же завещание предаю ти, чадо Тимофее, по бывших на тя прежних пророчествиих, да воинствуеши в них доброе воинство.*

Сие же, ταύτην, — таковое, вот какое *завещание*. Какое же? То, что изображено пред сим, чтоб и сам уклонялся, и других отклонял от суесловий всяких, а занимал внимание одним тем, что спасение только в Господе Иисусе Христе, для чего Он и в мир пришел.

Предаю ти, чадо. Дает заповедь, пишет закон, — действие некако* властительское (см.: блаженный Феофилакт), тяготящее и отталкивающее. Чтоб смягчить его, Апостол говорит: *предаю*, παρατίθεμαί, — предлагаю — и прибавляет: *чадо*. «Дает заповедь, как сыну, как родному, — не повелительно, не властительски, но отечески: *чадо*

* *Некако* — некоим образом. — *Ред.*

Тимофее» (святой Златоуст). Впрочем, *предаю* – есть: передаю, в том смысле, что Апостолы свыше прияли залог веры, который передавали своим преемникам. В этом указывается обязательство, – благоговейно прияв, строго блюсти. Святой Златоуст говорит: «выражение: *предаю* – показывает, что преданное нужно строго хранить и что оно не от нас произошло. Ибо не мы изобрели его, но Бог даровал нам его. Но что Он даровал нам, то мы должны хранить. Он как будто так говорит: не я заповедаю тебе, но Тот, Кто избрал тебя».

Под *бывшими пророчествами* Апостол, вероятно, разумеет или общий верующих голос одобрения святому Тимофею в Иконии и Листре, слышанный святым Павлом, как голос Божий, в связи с каким-либо ему самому внушением при сем свыше, или какие-либо пророчения о святом Тимофее бывших тогда в Церквах Пророков, подобно пророчениям их об ожидавших святого Павла узах, или указания свыше, самому Павлу бывшие, ведомые и Тимофею, одно из которых, может быть, повторилось и при самом назначении его заменить Апостола в Ефесе (см.: блаженный Феодорит). Всяко видеть следует в сем свидетельство, с каким вниманием Апостол избирал себе преемников, и указание, с каким всегда должно сие делать в Церкви. На эту сторону дела обращает особое внимание святой Златоуст.

«Звание наставника (верных) и священника весьма важно и достойно удивления, и воистину Божеское указание потребно для того, чтобы для сего был избран человек достойный. Так и было в древности; так бывает и ныне, когда мы без пристрастия человеческого совершаем избрание, когда при этом не взираем ни на что житейское, ни на дружбу, ни на вражду. Ибо хотя мы не в такой степени причастны Духа, но довольно благого намерения для того, чтоб привлечь свыше указание достойного быть рукоположену. И Апостолы, когда избирали Матфия, не были причастны Духа, но, предоставив устроение дела молитве, причислили его к лику Апостолов. Ибо они не взирали на дружбу человеческую. Так должно бы совершаться сие и теперь у нас. Но мы, дошедши до крайней степени нерадения, пропускаем без внимания и то, что вполне очевидно. Если же мы очевидного не усматриваем, то как же Бог откроет нам неизвестное? Если в малом, — говорит Он, — вы не были верны, то кто поручит вам великое? Но в то время, так как ничто не совершалось по человеческому пристрастию, то и священник поставляем был чрез пророчество. — Что значит: чрез пророчество? По внушению Святаго Духа. Ибо пророчество состоит не в том только, чтобы предсказывать будущее, но и в том, чтоб указывать настоящее. Ибо Бог открывает волю Свою праведникам. Слова:

отделите Ми Варнаву и Савла (Деян. 13, 2) были пророчеством. Так был избран и Тимофей. — Но здесь Апостол говорит о многих пророчествах, разумея, может быть, и то, по которому принял его к себе в начале, и это, когда рукоположил, как сам пишет ниже: *не неради о своем даровании* (4, 14)».

Апостол избрал на место себя святого Тимофея и вверил ему Ефесскую Церковь, в полной уверенности, что он исполнит как должно возложенное на него дело, удостоверен будучи в сем бывшими указаниями свыше. Говорит же о сем святому Тимофею, чтоб воодушевить его ревностию и мужеством. Святой Златоуст говорит: «дабы возбудить его к ревности и заставить трезвиться и бодрствовать, он напоминает ему об избравшем и рукоположившем его, говоря как бы так: тебя избрал Бог, Он вверил тебе Церковь; не по человеческому избранию ты сделался служителем веры: не оскорби, не посрами Божественного избрания».

Да воинствуеши в них доброе воинство. Управление Церковию, охранение верных с руководством их в деле спасения сравнивает Апостол с ведением войны или воеванием. Ибо тут непрерывная война с неверием, суеверием, суемудрием, слепою неприязнию, война и с людьми, и с темными силами, восстающими против истины чрез людей. Посему Апостол и пишет святому

Тимофею: *да воинствуеши*, — говоря как бы: «надлежит тебе оказать себя достойным избрания, привести в исполнение пророчества и мужественно вступить в борьбу с супостатами-демонами» (блаженный Феодорит). «Воздвигнута сильная брань, и вообще против всех, но особенно против учителей; почему нам нужно всегда держать наготове крепкое оружие, именно — трезвенность, бодрствование, неусыпную бдительность; мы должны быть готовы на кровавые битвы, должны ополчиться и не иметь в себе ни малейшей изнеженности» (святой Златоуст).

Да воинствуеши в них. — *В них* — относится к пророчествам и означает: во исполнение их, в силу их, по духу их, — из них заимствуя себе и побуждение воодушевляющее, и руководство вразумляющее. «Они (эти пророчества) избрали тебя на то, на что избрали; внимай же им, будь им послушен, проходи исправно добрую службу воина» (святой Златоуст). «Ради которых (пророчеств) ты принят и из-за которых избран, в тех и чрез тех воинствуй, силою Духа Святаго, от Коего и пророчества» (Экумений).

Да воинствуеши доброе воинство — дает или такую мысль: держи это воинствование, потому что оно добро; ибо что может быть добрее, как способствовать спасению других, содействуя исполнению того, чего ради Господь наш пришел в мир? или такую: держи воинствование добрым

образом, так чтоб оно признано было добрым; ибо и доброе можно делать недобрым образом, когда недобрые при сем имеют цели и недобрые употребляют средства. Святой Златоуст указывает при сем, какое вообще в нравственном порядке бывает недоброе воинствование. «Апостол сказал: проходи добрую службу воина, — добрую, ибо есть и злая служба воина, о котором он говорит: *якоже представисте уды ваша рабы нечистоте и беззаконию* (ср.: Рим. 6, 19), — в оружия греху и нечистоте. И эти проходили службу воина, но под властию тирана, а ты проходи под властию Царя».

Стих 19. *Имея веру и благую совесть, юже нецыи отринувше, от веры отпадоша.*

Что в начале указал как норму для научения и руководства пасомых, то теперь возлагает как нравственный долг на самого учителя. Там говорил: *конец завещания любы от чиста сердца, и совести благия, и веры нелицемерныя* (ср.: 1, 5); здесь внушает: *воинствуй доброе воинство, имея веру и благую совесть*. Главное и в пасомых, и в пасущем — вера и благая совесть. Вера обнимает все веруемое — Бога в Троице поклоняемого Творца, Вседержителя, Промыслителя, Искупителя, Освятителя и Судию, — паче же то, что Он, желающий спасения всякого грешника и устроивший дивный для всех образ спасения, приимет и меня, с верою приступающего к Нему за

спасением, и спасет, как Сам ведает. Совесть же благая требует «жизни, украшенной целомудрием и правдою (любовию и благочестием). Надлежит с верою сопрягать и такую похвальную жизнь» (блаженный Феодорит). И это как пасомым, так тем паче пасущему. И Апостол здесь как бы говорит поставленному пасти и учить Тимофею: «не думай удовольствоваться тем одним, что ты по пророчествам поставлен священствовать; но тебе надлежит иметь веру правую, чтоб право раздаять слово истины, и благую совесть или жизнь незазорную, из коей благая совесть, чтоб мог ты и над другими предстоятельствовать благотворно» (блаженный Феофилакт). «Добрый учитель воздерживается от всего противного истине и тем своей проповеди придает наибольшую достоверность. Одним примером добрых дел многих привлекает он к верованию, располагая их полагаться на его слово» (Амвросиаст). «Потому учитель должен сначала научить себя самого. Ибо подобно тому, как военачальник, если бы он прежде не был отличным воином, то не был бы никогда и военачальником: так и учащий. Это Апостол говорит и в другом месте: *да не како, иным проповедуя, сам неключимь буду* (1 Кор. 9, 27)» (святой Златоуст).

Юже нецыи отринувше, от веры отпадоша. — *Юже* — совесть, — *отринувше*, — оттолкнув, презрев, поправ, отпали от веры. Так много правость

веры зависит от доброй жизни. Спаситель самое уверование или уразумение, что Его учение от Бога есть, поставил в зависимость от ревностного желания творить волю Божию (см.: Ин. 7, 17). Но как начало, так и продолжение верования, или прочность и правость веры, зависят от доброй совести. Кто попирает совесть, тот очевидно не ценит и веры. Почему, если он учитель, то проповедует учение свое лицемерно (см.: Амвросиаст). К тому же небрегущий о доброй совести, позволяя себе произвол в области жизни, навыкает терпеть и допускать произвол и в области мысли, держимой в порядке у верующего верою. Этот произвол охотно принимает всякие предположения, несогласные с верою, которые, не быв устранены, скоро переходят в вероятности, а наконец держимы бывают с убеждением, в противность вере. Особенно это случается в отношении к тем пунктам веры, которые сильно беспокоят за недобрую жизнь. Дошедший до сего есть уже отпадший от веры, хоть живет среди верующих. Таким образом, «если жизнь бывает нечиста, то отсюда порождаются и превратные догматы» (блаженный Феофилакт). «Развратная жизнь часто служит основанием нечестия. Иные, не вынося обличений совести, с ними отвергали и простирающийся на все промысл Божий и бывающее приписали судьбе и року» (блаженный Феодорит). «Когда жизнь становится достойною

осуждения, тогда возникает такое же учение. И можно видеть многих, которые, ниспадши в бездну грехов, совратились в язычество. Они для того, чтоб не терзаться страхом будущего суда, стараются убедить себя в душе, что угрозы те ложны. А все сие оттого, что много поблажают уму (как поблажают сердцу) и, умствуя, все подвергают исследованию. Умствование производит кораблекрушение (в душе), а вера есть в некотором смысле надежный корабль, — и уклоняющиеся от него неизбежно терпят кораблекрушение, — чему Апостол указывает и пример» (святой Златоуст).

Стих 20. ***От нихже есть Именей и Александр, ихже предах сатане, да накажутся не хулити.***

От нихже. Следовательно, там не двое было таких; выставляются же эти двое, вероятно, по причине неудержимости их языка, по которой они всюду разносили хульные речи о домостроительстве спасения в Господе Иисусе. За это подпали и особенному наказанию, — духовному, но для всех видимому и не нестрашному, именно — преданию сатане. Не в первый уже раз употребляет Апостол это наказание; в Коринфе ему же подвергнут был кровосмесник (см.: 1 Кор. 5, 5). Но что это за предание сатане?

Есть две области, — светлая область веры и добродетели, в Боге живущая и Богом живимая, — и темная область богоборства и греха,

врагом нашим, сатаною, устрояемая и блюдомая. Первая есть Церковь святых Божиих, вторая – всё, что вне Церкви. Таким образом, выступающий из Церкви или отлучаемый от нее неизбежно подпадает его власти и влиянию. Святой Златоуст говорит: «если хочешь знать, как Апостол предавал виновных сатане, послушай. *Собравшимся*, говорит, *вам и моему духу, с силою Господа нашего Иисуса Христа, предати таковаго сатане* (1 Кор. 5, 4–5). Следовательно, виновного тотчас извергали из общего собрания, отлучали от стада, он оставался одиноким и нагим, предавался волку. Ибо подобно тому, как облако покрывало еврейский стан*, так Дух Святый – Церковь. Поэтому, кто был извергаем из нее, тот сгорал; а извергаем был из нее виновный по суду Апостолов. Так и Господь предал Иуду сатане. Ибо тотчас *по хлебе вниде в онь сатана* (Ин. 13, 27).

Но этим одним невидимым, в духе совершавшимся бедствием дело наказания преданием сатане не ограничивалось. Наказывались некоторые виновные для вразумления прочих; потому наказание должно было быть видимо, состоя или в болезнях и лишениях телесных, или в исступлении ума, по временам бывавшего. И надо положить, что как в Коринфе виновный предан сатане во измождение плоти; так нечто подобное пострадали и наказанные тем же в Ефесе. Блажен-

---

* См.: Исх. 40, 34–38; Чис. 9, 15–23. – *Ред.*

ный Феодорит пишет: «Апостол предал их диаволу, как жестокому исполнителю казни. Ибо (тогда обычно) отлученные от Церкви и лишенные благодати подвергались жестоким ударам от сопротивника, впадая в трудные болезни, страдания, утраты и другие бедствия. Сатане приятно налагать это на людей, так как он, по слову Пророка, и враг, и местник (см.: Пс. 8, 3)». В пояснение этого Амвросиаст прибавляет: «вот почему в Евангелии сказано между прочим тридцатиосьмилетнему расслабленному: *ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14), показывая, что по причине греха иногда тела подвергаются болезням. А что орудием к тому служит диавол, сие объяснил Господь, говоря в одном случае: *сию же дщерь Авраамлю сущу, юже связа сатана се осмоенадесяте лето, не достояше ли разрешитися ей от юзы сея в день субботный?* (ср.: Лк. 13, 16)».

Такому наказанию предал святой Павел тех двух виновных в бытность свою в Ефесе, лично и торжественно в присутствии всех верующих и, может быть, неверующих. Цель: *да научатся не хулити*. Кто? Не эти только двое, но и все причастные той же вине, хотя и менее их дерзкие. Виною их была хула. «Апостол не объявил самой хулы; потому что писал тому, кто знал дело» (блаженный Феодорит). Но очевидно, она была поднимаема на дело Божие — домостроительство

спасения в Господе. Чтоб пресечь такое хуление, Апостол торжественно наказал главных виновных, чтоб и их исправить, и прочих вразумить. «Обучаемым, увидев происходящий от хулы вред, естественно было переменить свой образ мыслей» (блаженный Феодорит). Святой Златоуст говорит при сем: «но как же сатана научает не хулить? Ибо если он учит других не хулить, то тем более следовало бы ему научить этому себя самого. Если же он доныне не может этому научить себя, то не может и других. — Апостол не сказал: да научат их не хулить, но: *да научатся не хулити*. Не он совершает это, но это бывает следствием (его действий). Подобным образом и в другом месте Апостол говорит о соблудившем: *предати таковаго сатане во изможение плоти*, — не с тою целию, чтобы спасти тело, но: *да дух спасется* (1 Кор. 5, 5). То есть это сказано безлично. Каким же образом происходит это? Подобно тому как палачи, будучи сами исполнены бесчисленных преступлений, вразумляют других, так и здесь (то же самое говорится) о лукавом демоне. — Но для чего (Апостол) ты сам не наказал их, как оного Вариисуса*, как Кифа — Ананию**, но предал их сатане? — Для того, чтоб со строгостию наказания соединить более сильное осуждение их вины; притом не маловажным

* См.: Деян. 13, 6—12. — *Ред.*
** См.: Деян. 5, 1—5. — *Ред.*

было для Апостола показать, что имеет силу повелевать диаволу. Ибо чрез сие становилось очевидным, что диавол покоряется и уже против воли подчиняется Апостолам (исполняя их приговоры). Поэтому сие немало содействовало проявлению благодатных дарований».

2) КАКИЕ ПОРЯДКИ ЗАВОДИТЬ И ДЕРЖАТЬ СРЕДИ ХРИСТИАН? (2—3, 13)

Порядки, каких касается здесь святой Павел, суть порядки церковные. Два предмета занимают здесь Апостола: А) наставления относительно церковных собраний (глава 2) и: Б) наставления относительно лиц, избираемых в церковный клир (см.: 3, 1—13).

А) НАСТАВЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЦЕРКОВНЫХ СОБРАНИЙ (2, 1—15)

Собираются христиане воедино в храмы для молитвы. О молитве и наставление, именно: а) о ком молиться (см.: 2, 1—7) и: б) какие при сем держать порядки (см.: 2, 8—15). Это предметы, на которые обратить внимание требовало состояние ефесских христиан.

а) О ком молиться в церковных собраниях? (2, 1—7)

Молиться заповедует Апостол: аа) о всех людях,— и о язычниках, а в числе их особенно о властях (стихи 1—2); бб) побуждением к како-

вой молитве поставляет он: α) *да тихое и безмолвное житие поживем* (стих 2) и: β) особенно то, что сие приятно Богу, Который *хощет всем спастися* и в познание *истины приити* (стихи 3—7); как это видно: αα) из учреждения Им единого посредства между Собою и всеми людьми, не исключая язычников (стихи 5—6); и: ββ) как сие подтверждается назначением для призвания язычников особого Апостола,— самого святого Павла (стих 7).

аа) О всех людях (2, 1—2)

Глава 2, стихи 1—2, 1-я половина. ***Молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки: за царя, и за всех, иже во власти суть.***

Убо — частица выводная. Выше внушал, чтоб святой Тимофей всех отклонял от суесловий и направлял к жизни в духе веры по чистой совести, уверяя, что, действуя так, он будет добре вести свое воинствование. Теперь говорит: в сих видах делай то и то.

Прежде всего просит озаботиться должным ведением молитв в собраниях верующих. И, требуя сего, первое, что предлагает внимание, есть,— о ком молиться,— молиться о всех людях, и о неверующих, и в числе их о царе и властях.— Почему? Потому, вероятно, что об этом паче всего требовалось напомнить ефесянам: ибо пред-

мет, — молитва о всех и о властях, — хотя и не неважен, но не первый. Или, может быть, такой порядок молитвословий в церковных собраниях требовалось ввести и гласно о том всем предъявить, в отвращение распространенной о христианах врагами их молвы, будто они человеконенавистники, как видно из того, что чуждаются всех людей и обычаев людских (языческих), и будто, собираясь особо от других, они затевают крамолы. Апостол и поставил законом, чтоб ефесяне, а чрез них и все христиане, собираясь на молитву, прежде всего молились за всех людей и за власти. Христиане после сего всем могли показывать: вот посмотрите, как нам предписано молиться, и судите, человеконенавистники ли мы и крамольники. Этот порядок молитвословия сохраняется доселе в Церкви. Не по указанию ли святого Павла?

Молю — смиренный оборот речи, убеждающий, но нисколько не умаляющий силы законоположения. Чрез это не оставляется на произвол, так ли молиться или иначе, если кто захочет того. Подобная мягкая форма неотложных приказаний соблюдается и в общежитейских отношениях.

Творити молитвы, моления, прошения, благодарения. Последнее: *благодарения* — отличается от других и предметом, и чувством, и словом. Что касается до первых трех, то они представляются однозначащими и, может быть, собраны святым

Павлом воедино, чтоб только выразить: всячески молитесь, молитесь всеусердно. Так полагает блаженный Феофилакт: «*молитвы, моления, прошения*, как однозначащие, собраны Апостолом для возбуждения молитвенной энергии и для выражения, настаиванием чрез сии речения на одном, требования неотложно поступать так, как он заповедует». Но тот же блаженный Феофилакт далее говорит: «некоторые, впрочем, полюбопытствовали отыскать и различие в сих речениях». Сделал это прежде блаженный Феодорит, из которого он заимствует показание и самых черт различия.

Можно видеть в сих речениях указания и на разные предметы молитв, и на качества молитв или разные состояния молящегося. Так *молитва*, δέησις, — от: δέω, — по предмету есть «прошение об избавлении от скорбного» (блаженный Феодорит, блаженный Феофилакт), — того, что причиняет скорбь, держит в тесноте и крайности; а по состоянию молящегося есть чувство нужды и потребности предмета молитвы, от коего (чувства) зарождается самая молитва; отсутствие коего делает молящегося равнодушным проговаривателем молитвы, а присутствие своею мерою определяет меру жара молитвенного. Хотящему молиться прежде всего надлежит запастись этим чувством и без него не приступать к молитве. — *Моление*, προσευχή, — по предмету есть «испраши-

вание благ» (блаженный Феодорит, блаженный Феофилакт); а по состоянию молящегося есть из сердца исторгающаяся, вопленная молитва, вызывающая предложение обетов и готовность на всякие жертвы, в иных же случаях сопровождаемая постами, бдениями и другими лишениями. — *Прошение,* ἔντευξις (от: ἐντυγχάνω — говорить за кого пред кем), — есть по предмету ходатайственный за других вопль с жалобою на врагов видимых и невидимых и испрашиванием помощи против них (см.: блаженный Феодорит, блаженный Феофилакт); а по состоянию молящегося есть, с одной стороны, уповательное дерзновение пред Богом, с другой — неотступность в молитве, приточно заповеданная и Спасителем. По святому Лествичнику*, ходатайственный за других вопль к Богу прилично воспринимать друзьям Божиим и, следовательно, требует высокого совершенства нравственного и великой близости к Богу; неотступность же всякому не непристойна.

Но все же общее всем сим трем есть испрашивание у Бога благопотребного, какого бы рода оно ни было; от коего прямо отлично *благодарение,* обращаемое обычно не на чаемые блага, а на блага уже полученные, вкушенные и вкушаемые. Василий Великий** учит всякую молитву начи-

* *Преподобный Иоанн Лествичник († 649)* — учитель Церкви. — *Ред.*

** *Святитель Василий Великий († 372)* — Отец Церкви. — *Ред.*

нать благодарением, уверяя, что благодарение за полученные блага сильнее всякого прошения ходатайствует о даровании благ новых. У Апостола оно поставлено здесь после прошений, может быть, для того, чтоб, если б оно было поставлено впереди прошений, мы не подумали, что за *вся человеки* просить только следует, а не и — благодарить. Апостол требует, чтоб мы благодарили за других, в той уверенности, что ничто так не сильно свидетельствовать о нашей взаимной любви, оживлять ее и укреплять, как благодарение за блага, полученные другими. Почему и поставил *благодарение* пред: *за вся человеки*.

За вся человеки — за всех людей, не только верных, но и неверных. Святой Златоуст с движением говорит при сем: «знают посвященные в таинства, как бывает у нас при ежедневном богослужении, каждый день и утром, и вечером, — как мы творим молитву за весь мир. — Священник есть как бы общий отец целой вселенной; поэтому прилично ему заботиться обо всех, подобно тому, как печется о всех Бог, на службу Которому он поставлен. Вследствие того Апостол и заповедует молиться за всех. — Отсюда проистекают два благие следствия: с одной стороны, чрез это разрушается ненависть, которую иные питают ко внешним (не принадлежащим к Церкви); потому что никто не может питать враждебных чувств к тому, о ком моление творит. С другой — и те

(внешние) становятся лучше, отчасти потому, что за них возносят молитвы (по невидимому влиянию молитвы), – отчасти и потому, что они (слыша, что за них молятся) отлагают ожесточение против нас. Ибо ничто столько не содействует успеху учения, как то, чтобы любить и быть любимым. Подумай также о том, что значило для тех, которые злоумышляли, наносили побои, изгоняли, умерщвляли (христиан), – услыхать, что те, которые переносят такие страдания, возносят к Богу прилежные молитвы за причиняющих им (эти страдания)! Видишь ли, в какой степени, согласно с желанием Апостола, христианин должен быть выше всех? Ибо подобно тому, как к малым детям нисколько не уменьшается (отцова) любовь, хотя бы дитя, взятое на руки, даже ударило своего отца по лицу; так и мы нисколько не должны уменьшать нашей любви ко внешним, хотя бы мы переносили от них удары. – *Молю*, говорит, *творити... и благодарения за вся человеки*. Потому что нужно благодарить Бога и за те блага, которые посылаются другим, например, за то, что Он *солнце сияет на злыя и благия и дождит на праведныя и неправедныя* (ср.: Мф. 5, 45). Видишь ли, что Он соединяет и связывает нас друг с другом не только посредством молитвы, но и посредством благодарения? Потому что, кто обязан благодарить Бога за блага, ниспосланные его ближнему, тот обязан и любить его, и

дружески быть к нему расположенным. — А если нужно благодарить за то, что ниспосылается ближнему, то тем более — за то, что совершается с нами самими, и в тайне, и по нашему желанию, и против нашей воли, и за то, что кажется нам даже неприятным; потому что Бог все нам во благо устрояет».

За царя, и за всех, иже во власти суть. — Иже во власти суть — не те, кои в руках власти состоят, подвластные, но сами в своих руках держат власть над другими, властители разных степеней; τῶν ἐν ὑπεροχῇ ὄντων, — сущих на высоте, стоящих выше других, — тоже всех, то есть всяких степеней. «Хотя бы цари (и прочие под ними власти) были неверны; однако ж должно об них молиться: ибо тогда они все были таковы» (блаженный Феофилакт). «Так и пленные в Вавилоне иудеи писали оставшимся в Иудее, чтобы принесли молитву за Навуходоносора* и сына его Валтасара**» (блаженный Феодорит). Но чего ради Апостол не сказал прямо: за царя и за власти, но прежде сказал: за всех людей, а потом уже и — за царя с властями? Того ради, чтоб не сочли его льстецом, говорящим не потому, что так требует истина Божия, а по некиим внешним уважениям. Если б он сказал прежде: за царей

* *Навуходоносор (Набонид) (до 556—539 до Р.Х.)* — царь Вавилона.

** *Валтасар (?—539 до Р.Х.)* — царь Вавилона. — *Ред.*

или за одних царей; тогда, может быть, кто-либо заподозрил бы его в этом. Это навело бы вообще на его слова невыгодную тень (см.: святой Златоуст, блаженный Феофилакт).

бб) Побуждение к молитве (2, 2—7)

Молясь о всех, и особенно о властях, что следует иметь в виду, чего им желать? α) мира и благоденствия, чтоб среди их мира и нам покойно было преуспевать в благочестии и чистоте (стих 2). Но как вслед за сим Апостол поминает о деле, наиболее Богу приятном, именно спасении всех, то этим внушает, что, молясь о внешнем благе всех, должно молиться и: β) о внутреннем их благе, именно чтобы все познали единственный путь спасения и вступили на него, — что наиболее приятно Богу (см.: 2, 3) (стихи 3—7), как видно: αα) из учреждения Им единого посредничества между Собою и всеми людьми, — и язычниками (стихи 5—6), — и как: ββ) подтверждается назначением особого Апостола для призвания язычников, самого святого Павла (стих 7).

α) *Да тихое и безмолвное житие поживем* (2, 2)

Глава 2, стих 2, 2-я половина. *Да тихое и безмолвное житие поживем, во всяком благочестии и чистоте.*

Прямо выходит: молитесь за всех и за власти, чтоб нам было хорошо. Но нам как может быть

хорошо, если и всем не хорошо? Посему надо видеть в сих словах заключенною и молитву о мире и благоденствии всех: власти — чтоб имели силу внутри и обладали средствами защиты всех совне, чтоб, имея власть внутри, правду блюли, злотворцам не давали ходу и способы к благосостоянию размножали (см.: Амвросиаст); подвластные чтоб, пользуясь порядками, блюдомыми властями, жили спокойно и счастливо. Когда таким образом все будут наслаждаться миром, тогда и нам можно будет жить мирною и безмятежною жизнию. — Далее, — так как, при мире ненаших, наш мир не есть необходимое следствие, а случайность, более или менее вероятная; то, поставляя в такую тесную связь наш мир и безмятежие с молитвою о всех и о властях, не дает ли Апостол доразуметь, что молитва о них должна иметь и такой пункт: расположи, Господи, их сердца к нам, чтоб, благосклонно относясь к нам, они не мешали нам жить мирно и безмятежно.

Святой Златоуст полагает, что сказать такие слова побудило Апостола желание предотвратить возможное у верующих смущение при заповеди молиться о неверных во время совершения таинств. Он говорит: «так как вероятным было, что душа христианина, слыша это (творить молитву за всех), могла прийти в недоумение и не согласиться с этим наставлением, что при совершении таинств должно приносить молитвы за

язычника; то посмотри, что он говорит и какие предлагает выгоды, дабы хотя таким образом склонить их к принятию его внушения. *Да тихое*, говорит, *и безмолвное житие поживем*, — то есть их спасение приносит для нас успокоение; подобно тому, как и в Послании к Римлянам, убеждая их повиноваться начальникам, говорит: *не токмо за гнев, но и за совесть* (Рим. 13, 5); так как Бог учредил власти для общей пользы. Ибо не было ли бы это ни с чем несообразно, если бы мы, — когда другие выступают в поход и облекаются в оружие с тою целию, чтобы мы пребывали безопасны, — за тех, которые подвергаются опасности и несут бремя военной службы, не творили даже молитв? Поэтому это вовсе не есть ласкательство, а делается по требованию справедливости. Ибо если бы они не избежали опасности и не имели успеха в войнах, то тогда по необходимости и наши дела пришли бы в замешательство и нестроение; тогда, — после того, как они потерпели бы поражение, — и нам самим следовало бы идти на войну, или бежать и повсюду скитаться. Они составляют, говорит он, как бы некоторого рода оплот, поставленный впереди, который охраняет спокойствие пребывающих внутри него».

Не имел ли в мысли Апостол поставить исключительным предметом молитвы за всех и за царя их обращение к вере, чтоб, объединившись таким образом в духе, всем безмятежно жить в

мире и согласии, преуспевая в благочестии и чистоте? С этою мыслию в совершенном стояла бы соответствии следующая за сим речь: *сие бо добро* и прочее. Впрочем, кажущаяся своекорыстность в побуждениях к молитве: *да тихое и безмолвное житие поживем* — совершенно устраняется обращением сего тихого и безмятежного жития в средство к нравственному преуспеянию: *во всяком благочестии и чистоте*. Мир и безмятежие — внешняя сторона; внутри царить должны благочестие и чистота. Апостол желает первого для второго. Се — образец истинно христианского общества! Когда в нем не на утехи и всякое самоугодие в похотях обращают свое благоденствие, а на процветание богоугодной жизни в благочестии и чистоте. *Благочестие*, блюдя правую веру, к Богу устремляет, Богу угождать заставляет и все во славу Божию обращать научает; *чистота* требует чистоты тела от похотей плотских и чистоты души от страстей душевных. Она обозначена у Апостола словами: σεμνότης, — что означает жизнь, всесторонне воздержную, бесстрастную, разумно-степенную, привлекающую общее уважение. Мирное и безмятежное житие, по Апостолу, получает цену только от обобщения таких добродетелей в обществе; ради чего оно должно быть желательно и составлять предмет молитвы. Блаженный Феофилакт пишет: «эти

слова (*в благочестии и чистоте поживем*) приложил Апостол потому, что для многих жизнь мирная, невозмущаемая бранями, служит поводом к одним утехам и взаимным неудовольствиям, от которых рождаются и неправые догматы. *Да поживем*, говорит, не в утехах и взаимно-оскорблениях, но: *во всяком благочестии*, — во всяком, не только в правоверии чистейшем, свободном от всяких ересей, но и в жизни по вере (ибо есть нечестие, и жизнию являемое, о коем говорится: *Бога исповедуют ведати, делы же отмещутся Его* [ср.: Тит. 1, 16]). Равным образом: да поживем во всякой чистоте, σεμνότητι, — означает: да поживем не только в воздержании от дел плотской похоти, но и во всякой добродетели. Итак, нам, когда наслаждаемся внешним миром, должно мирствовать и в душе, живя в благочестии и чистоте: ибо в таком только случае и будем мы жить жизнию, воистину мирною и безмятежною. Есть три рода браней, возмущающих мир: со стороны варваров, со стороны наветников, с нами живущих в одном месте, и со стороны страстей, внутри восстающих на нас. Брань варварскую прекращает бодренность и мужество царей, которым и мы должны содействовать молитвами своими; прочие же две брани мы сами должны усмирять, — ту, которая идет от ненавидящих нас, — кроткою уступчивостию и молитвами, как дал

пример пророк Давид, говоря: *с ненавидящими мира бех мирен* (Пс. 119, 6); и: *оболгаху мя, аз же молихся* (ср.: Пс. 108, 4), — а ту, которая восстает внутрь нас самих, — всеми оружиями правды» (то же и у святого Златоуста). Только когда подавлять будешь сию внутреннюю брань, полную цену получит и внешнее безмятежие. Святой Златоуст говорит: «какую тебе принесет пользу то, что вселенная будет наслаждаться миром, если у тебя будет брань внутри с самим собою? Надобно иметь этот (внутренний) мир. Если будем иметь его, тогда ничто внешнее не может нам причинить вреда. Если же кто, когда царствует мир вне, находится в смятении внутри, то он очень несчастный человек. — Когда наше тело восстает против души, возбуждает против нее плотские страсти и в самой душе воздвигаются то гнев, то зависть; тогда невозможно, не положив конца сей брани, вкусить блага внешнего безмятежия. Посему Апостол, сказав: *да тихое и безмолвное житие поживем*, — на этом не остановился, но присовокупил: *во всяком благочестии и чистоте*; чтоб побудить к водворению внутреннего мира. Ибо невозможно пребывать в благочестии и чистоте, если не водворен этот мир. Потому что, когда пытливые умствования колеблют нашу веру, тогда какой может быть мир? Когда тревожит нас дух нечестия, тогда какое может быть спокойствие?»

β) Сие приятно Богу,
Который *хощет всем спастися* (2, 3—7)

Глава 2, стихи 3—4. *Сие бо добро и приятно пред Спасителем нашим Богом, Иже всем человеком хощет спастися, и в разум истины прийти.*

Приятно — пред Богом, а: *добро* — как? Можно и: *добро* — понимать так же, как добро пред Богом; но можно в слове: *добро* — видеть указание на внутреннюю нравственную доброту дела молитвы, как свидетельство любви ко всем.— Бог — *Спаситель* наш не потому только, что желает спасения, но потому, что устроил образ спасения и всех спасающихся спасает сим образом, деятельно им вспомоществуя воспользоваться им.— Желающий всем спасения, Бог желает, чтоб все пришли в познание истины о спасении, именно что оно только в Господе Иисусе Христе. Это есть неотложное условие спасения. Молитва верных о спасении неверных приятна Богу верно потому, что она содействует исполнению сего условия.

Больше и больше утверждается мысль, что Апостол, заповедуя молиться за всех людей и с властями их, разумел молитву о спасении их. Только такой мысли вполне соответствуют настоящие стихи. Молитесь о спасении всех, потому что это приятно Богу, хотящему всем спастися. Но если и не признать этой мысли исключительною, всячески при первой следует признать ее

вторую главнейшею: так как на ней преимущественно останавливает внимание Апостол. Блаженный Феодорит пишет: «Божественный Апостол не только ради сего (*да тихое житие поживем*) повелевает совершать молитвы за царей, но и для того, чтобы, отложив нечестие, обучились они благочестию». Экумений продолжает: «ибо молиться за всех людей, даже и еллинов (неверных), да обратятся, добро и приятно Богу». «Что это значит (то есть добро и приятно)? — спрашивает святой Златоуст и отвечает: — То, что приятно Богу и Он желает того, чтоб молились за (спасение) всех. Ибо Он *всем человеком хощет спастися, и в разум истины приити*. Подражай убо Богу. Если Он желает, чтобы все спаслися, пожелай и ты того же; и если желаешь сего, то молись о сем; ибо таким людям свойственно молиться. Видишь ли, как Апостол всеми средствами убеждает душу в том, что нужно молиться и об язычниках. Это, говорит, Богу угодно, чрез это делаемся мы подобными Ему, потому что желаем того же, чего и Он желает».

Бог Спаситель хощет всем спастися. Чего же ради не все спасены и не все спасаются? — Того ради, что Бог, хотящий всем спастися, не всемогущею Своею силою содевает спасение их, но, устроив и предложив всем дивный и единственный образ спасения, хочет, чтобы все спасались, самоохотно приступая к сему образу спасения и

разумно пользуясь им. Почему Апостол, сказав: Бог, Спаситель наш, *хощет всем спастися,* — присовокупил: *и в разум истины приити,* — в последнем полагая условие к первому. *В разум истины приити,* — то есть прийти в познание истины. «Какой истины? Именно веры в Него» (святой Златоуст), — веры в то, что нет иного спасения, как в Господе Иисусе Христе, как тотчас и говорится (стих 5). Проповедь пошла по миру. Слышащие внимают, слагают в сердце слышанное, уразумевают истину, доходят до решения идти вслед ее, идут и спасаются богоучрежденным образом. Весь этот путь есть путь свободного, разумного произволения, коему сопутствует благодать, утверждая движения его.

И вот где, с одной стороны, причина, что не все спасаются, с другой − место влиянию молитвы верных о спасении неверных.

Не все спасаются, потому что не все внимают слову истины, не все склоняются на него, не все следуют ему — словом, не все хотят. «Если Бог желает (всем спастися), то почему же не бывает того, чего хочет Бог? — спрашивает Экумений — и отвечает: — Потому что те не хотят; ибо Бог ничего здесь не делает принудительно». Подобное сему читаем и у Амвросиаста: «если Бог, Который именуется всемогущим, хощет всем человекам спастися, то как же не исполняется Его хотение? Бог хощет всем человекам спастися, но

если они приступят к Нему. Ибо Он не так сего хощет, чтоб спасаемы были и нехотящие; но так хочет им спастися, если и сами они восхотят того. Он как никого не лишает спасения всемогущею силою Своею, так никого ею и не спасает. Врач объявляет обществу, что он готов всех врачевать; но, конечно, если больные будут обращаться к нему. Так и здесь — обращающиеся к Врачу душ спасаются. Не истинно было бы спасение, если б оно подавалось против воли. И порадоваться полученному спасению не мог бы тот, кто получил бы его, если б это было возможно, принужденно; не говорю уже о том, что здесь больной духом не может восприять духовного врачевства, если вседушно не предаст себя действию его. Тут происходит не телесное, но духовное врачевание, которое никакой не приносит пользы ни тем, которые в нем сомневаются, ни тем, которые не хотят его. Ибо вера, дающая спасение, если душа не восприимет ее всем желанием, не только никакой не принесет пользы, но и повредит (послужит к большему осуждению). Благодать веры имеет силу вливать спасительное врачевство только в тех, которые вседушно предают себя ей».

Место влиянию молитвы верных о спасении неверных имеется на всех поворотах движения свободного произволения путем спасения, от первого внятия слову истины до восприятия спасе-

ния. Она влияет и на первое внятие благовестию, и на уразумение, в чем дело, и на склонение к нему, и на решение последовать ему. Как? Этого осязательно указать нельзя; но, что оно есть, на это наводит настоящее место. Богу, говорит, приятно, когда верные молятся о спасении неверных, конечно, потому, что это содействует спасению их. Как это спасение условлено познанием истины или полным приятием веры, к которому свободное произволение достигает, сделав в своем движении несколько поворотов, то очевидно, что содействующая спасению неверных молитва верных влияет на благоуспешное совершение всех этих поворотов произволения и наконец на самое восприятие спасения. Святая Церковь верует сему, выражая свою веру молитвою об оглашенных, кои суть шествующие к восприятию спасения.

αα) Сие видно из учреждения Им единого посредства между Собою и всеми людьми (2, 5—6)

Глава 2, стихи 5—6. ***Един бо есть Бог, и един ходатай Бога и человеков, человек Христос Иисус, давый Себе избавление за всех: свидетельство времены своими.***

Частица: *бо* — связывает сию речь с предыдущею, как причину. К чему же именно она относится в сей силе? Можно относить ее к

непосредственно стоящему впереди: *в познание истины приити*, — так: Бог всем хочет спастися чрез познание истины, — именно той, что спасение в Господе Иисусе, и только в Нем, потому что другого пути ко спасению нет. Как един есть Бог, так един же и посредник между Богом и человеками. Люди, во Адаме, отпали от Бога, в Коем их живот, — отпали и погрязли в область смерти. Предлежало им или вечно оставаться в сей смерти, или открыть путь к воссоединению с Богом, без Коего сила смерти не могла быть пресечена и жизнь их не могла стать в истинный свой чин. Как этого ни сами они и никакая другая тварь, хотя бы самая высшая, открыть и устроить не имела силы; то заступилось за них беспредельное человеколюбие Божие. Совет Божий положил воплотиться, для изъятия людей из их крайней беды, Сыну Божию Единородному, не отделяясь от недр Отчих, чтоб, умерши плотию, уничтожить силу смерти и, оживотворив в себе человеческое естество воскресением, соделаться живым соединителем человеков с Богом. Сын Божий пришел на землю, воплотился, пострадал, умер на кресте, воскрес, вознесся на небеса — и седит одесную Бога Отца, человеческим естеством, которое, таким образом в Его Лице быв соединено с Его Божеством, пребывает соединенным с Богом Отцом, с Коим не переставал Он быть едино. Затем — верующие в Него, и сочета-

вающиеся с Ним таинственно, соделываются едино с Ним и чрез Него соединяются с Богом; как это засвидетельствовал Он Сам, говоря с учениками: *Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас* (Ин. 14, 20). Иного пути к воссоединению с Богом, в коем (воссоединении) спасение, нет. *Никтоже приидет к Отцу, токмо Мною* (ср.: Ин. 14, 6), — говорит Господь. «Апостол здесь говорит подобно тому, как говорил в другом месте: *един Бог Отец, и един Господь Иисус Христос* (ср.: 1 Кор. 8, 6)» (святой Златоуст). Другого посредника нет и быть не может. Как един Бог, так и посредник между Богом и человеками один. Другого не ищи и, если б кто предлагал тебе указать его, не иди вслед его. Следовательно, и спасения другого нет — как в живом сочетании с Господом Иисусом. Сию-то истину познать и хощет Бог, хотящий всем спастися, — познать, приять и по ней улучить спасение.

Ходатай, μεσίτης, — есть не слово ходатайственное говорящий в защиту, а самым делом стоящий посреде и соединяющий посредствуемых, — есть соединитель, «совокупивший в себе разъединенное» (блаженный Феодорит), и соединитель живый. Такова сущность Его.

Так как, говоря: *един Бог* — и: *един ходатай*, — Апостол имел в виду только показать, что другого спасения нет, как в Господе Иисусе, — как Бог один, так и посредник между Богом и

людьми один; то все другие, могущие рождаться при сем, вопросы могут быть обходимы без ущерба пониманию слов Апостола. Позволительно, однако ж, при них стороною помыслить, что когда говорится: *един есть Бог*, — то сие говорится не в ущерб истине Триипостасности Бога, но в показание, что воплощение единого Лица Бога Триипостасного не породило никакого разделения в Едином естестве Божием. Воплотившийся Сын не стал вне Бога, как может навесть на такую мысль слово: *посредник*: ибо в посреднике между Богом и человеками есть Бог от Бога и человек от человек. Став таким чрез воплощение, Сын не стал вне Отца; но воспринял, совершил и держит воплощенное посредничество, не оставляя недр Отца. Устроенное ради нашего спасения, сие посредничество не разделило Бога. Бог и при нем Един есть.

Равно когда говорится: *един посредник*, — то говорится не в ущерб истине двух естеств в посреднике, но в показание, что два в Нем естества не делают двух посредников. И при двух естествах Он един есть. Как посредник, Он есть Бог от Бога и человек от человек; но едино есть Лицо — Сын Божий воплотившийся. Экумений пишет: «поелику имеющему быть посредником между Богом и человеком надлежало быть причастным их обоих, чтоб иметь возможность посредствовать между ними; то Сын Божий, пре-

вечное Слово, пришел (к нам на землю) воплотившись, будучи таким образом из двух естеств, Божества и человечества, но по соединении их мыслимый и поклоняемый во единой Ипостаси».

Почему, когда вслед за сим говорится: *человек Христос Иисус*, — то этим не единство естества в Нем утверждается, — не утверждается, что Он только человек, а не и Бог, — а лишь показывается, как Он стал посредником; стал же Он посредником чрез вочеловечение. Так блаженный Феодорит: «Апостол назвал Христа Иисуса человеком; потому что назвал посредником, а посредником сделался Христос вочеловечившись». Можно посему слово: *человек* — понимать, как — вочеловечившийся, так: един посредник, вочеловечившийся, подразумевая — Сын Божий, именуемый Христос Иисус.

Наши толковники преимущественно обращают при сем слово свое на уяснение значения посредничества. Блаженный Феодорит пишет: «как намеревающийся примирить какие-либо два лица, препирающиеся между собою, став посреди их и держа одного правою, а другого левою рукою, приводит их в приязнь: так и Христос, с Божеским естеством соединив человечество, установил нерушимый и неразрывный мир. А если Христос, по учению Ария и Евномия, непричастен сущности Отца, то какой Он посредник? С нами (в таком случае) Он будет соединен, так как по

человечеству единосущен нам; но с Отцом не будет иметь единения, если, как учат они, отделен Он от Божия естества. Но Божественный Апостол назвал Его посредником, следовательно, состоящим в единении и с Отцом по Божеству, и с нами по человечеству». Святой Златоуст говорит: «посредник должен приобщаться обеим сторонам, по отношению к которым он есть посредник; ибо посреднику свойственно, обладая тем, что принадлежит той и другой стороне, для которых есть посредник, приводить их ко взаимному общению. Если же принадлежащее одной стороне он имеет, а с другою разобщен, то в таком случае он вовсе не посредник. Следовательно, если Христос Иисус непричастен естеству Отца, то Он не есть посредник, но разобщен с Ним. Почему признаем, что как Он соделался причастником человеческой природы, потому что пришел к людям, так и естества Божеского Он есть причастник, потому что пришел от Бога. Так как чрез Него соединялось два естества, то Он должен был быть близким к обоим естествам. Ибо подобно тому, как какое-либо место, занимающее средину (между двумя местностями), прикасается к каждой из них; так и соединяющий между собою два естества должен быть причастником обоих естеств. Следовательно, и Христос Иисус как соделался человеком, так был и Богом. Будучи только человеком, Он не соделался

бы посредником; потому что Ему надлежало (Божески) беседовать с Богом. Равным образом, будучи только Богом, Он не был бы посредником; потому что Его не приняли бы те (см.: Экумений: не снесли бы. Лучше: Он не мог бы представлять лица тех), для которых Он служит посредником».

Давый Себе избавление за всех. — *Избавление*, ἀντίλυτρον, — выкуп. Посредничество было делом нелегким; не в слове только ходатайственном оно состояло, но и в деле и требовало жертвы. Это по состоянию тех, за коих посредник принял на себя ходатайство. Последние отпали от Бога чрез грех и состояли под гневом Божиим за вину греха, — по причине греха подлежали тиранству сатаны, а чрез то и другое — смерти. Бог возблаговолил примириться с отпадшими; но, чтоб отпадшие поднялись до способности вступить в примирение, надлежало высвободить их из всех уз, которые держали их в низком рабстве, — именно правды Божией прогневанной, греха, диавола, смерти. Совершить сие взял на себя посредник, без вины понесши то, что лежало на виновных посредствуемых. Воплотившись, Он восприял на Себя человеческое естество, чистое и безгрешное, и, им предав Себя на крестную смерть, удовлетворил чрез то правде Божией; правда Божия удовлетворенная открыла врата излиянию милости и благодати на виновных, — которые,

приняты бывая в милость и освящаясь благодатию, сокрушают узы греха, а чрез это свергают и узы рабства диаволу; таким образом становятся наконец они сынами воскресения, над коими смерть не имеет власти. Всем сим в совокупности совершается выкуп, и таинство посредничества входит в силу. Корень и начало всему есть то, что воплотившийся Сын Божий, как посредник, предал Себя, предал на смерть крестную. Почему Апостол и совмещает все дело посредничества в сем одном: *давый Себе избавление.*

Блаженный Феодорит пишет: «когда все состояли под владычеством смерти, Христос не подлежал смерти,— и как Бог, потому что имел естество бессмертное, и как человек, потому что не сотворил греха, причинившего смерть. Но Он Сам Себя предал (на смерть), как некую искупительную цену, и всех освободил от рабства смерти».

Заметим при сем между прочим: не потому ли также впереди сказал о посреднике Апостол,— что Он есть *человек Христос Иисус*,— что имел вслед за сим сказать: *давый Себе избавление*? Ибо, чтобы принесть такую жертву, Ему надлежало возыметь то, что принесть, именно человечество, и стать человеком. *Потреба имети что и Сему, еже принесет* (Евр. 8, 3), говорит Апостол в другом месте. Что же это такое? Плоть и кровь. *Понеже дети приобщишася плоти и крови, и Той приискренне приобщися техже, да*

смертию упразднит имущаго державу смерти, сиречь диавола, и избавит сих, елицы страхом смерти повинни беша работе (ср.: Евр. 2, 14—15).

Свидетельство времены своими. Это придаточные слова. И трудно определить, какая мысль была при сем у Апостола. Поставим сии слова в соотношение с предыдущим. Сын Божий, воплотившись для посредничества между Богом и людьми, предал Себя на смерть во искупление всех, — всех, не иудеев только, но и язычников. Это дело беспредельного человеколюбия к нам Бога Отца, предавшего Сына, и Бога Сына, предавшего Себя, есть свидетельство. Чего? Того, что *Бог хощет всем спастися, и в разум истины приити*, — не иудеям только, но и язычникам. Почему вы, верные, молясь о неверных язычниках, делаете дело, приятное Богу, потому что этим содействуете исполнению того, чего желает Бог, то есть спасению всех, — и язычников. А что это есть прямое желание Бога, видно из того, что учрежденное Им посредничество между Собою и людьми обнимает всех людей и что посредник, предав Себя на смерть, предал во искупление всех людей без различия и исключения. Такое течение мыслей видит у Апостола святой Златоуст: «*давый Себе избавление за всех*. Что же, ужели за язычников, скажи мне? Да. — И, несмотря на то, что Христос умер и за язычников, ужели ты не согласишься молиться за них? Так почему же, скажешь ты, они не уверовали? Пото-

му что не захотели (выше сказал: потому что вселенная еще не достигла истины), а с Его стороны сделано все. Об этом свидетельствует Его страдание, говорит он». — Всем, — и язычникам, — быть спасенными было от века определено. Таково вечное Божие хотение; но свидетельство о том дано в свое время: *времены своими*, — то есть «в подобающее или надлежащее время» (святой Златоуст), «когда люди способными уже соделались к уверованию» (Экумений), — «во времена, предначертанные и предопределенные преблаженною Троицею» (Климент* у Экумения). Свидетельство сие, в свое время явленное, есть самое учреждение сего спасения всех. Сим то же выражается, что читаем в Послании к Галатам: *егда же прииде кончина лета, посла Бог Сына Своего, да подзаконныя искупит* (ср.: Гал. 4, 4—5). — Истолковывать и распространять это свидетельство, далее говорит Апостол, возложено на меня.

ββ) Сие подтверждается назначением для призвания язычников самого Апостола (2, 7)

Глава 2, стих 7. *В неже поставлен бых аз проповедник и Апостол, истину глаголю о Христе, не лгу, учитель языков в вере и истине.*

В неже — во свидетельство. Свидетельство пред сим определилось, как свидетельство о том,

* Вероятно, *Климент Александрийский (? — ок. 215)* — христианский богослов. — *Ред.*

что Бог хощет всем, — и язычникам, — спастися. Дано сие свидетельство тем, что Сын Божий воплотившийся стал посредником между Богом и людьми — для всех людей — и что Он предал Себя на смерть для избавления тоже всех людей, — и язычников. Это свидетельство истолковывать и распространять всюду я поставлен, говорит Апостол; поставлен нарочито, в каковом поставлении вы должны видеть новое подтверждение того, что Бог всем, — и язычникам, — хочет спастися. Ибо, устроив дивный образ спасения всех в воплощенном домостроительстве, — в крестной смерти Воплощенного, — не попустил быть ему в неизвестности, но избрал особого о нем проповедника и послал его во всю вселенную учить язычников — веровать в сие. Святой Златоуст видит у Апостола это именно побуждение, почему он поминает о своем назначении. «Апостол, — говорит он, — сказал о себе, что он избран учителем языков, — намекая на то, что ныне благодать разлилась повсюду во вселенной». Он поставляет сие внушение также в связи и с заповедию молиться за язычников: «так как Христос пострадал за язычников и я избран учителем языков, то почему ты не молишься за них? Видишь ли обильно излиянную благодать? Ибо у иудеев не были приносимы за них молитвы, а ныне благодать распростерлась и над ними».

В словах: *проповедник, Апостол, учитель* — замечается нашими толковниками некая постепенность, хотя дело было одно. Блаженный Феофилакт пишет: «к этому свидетельству я приставлен проповедником, чтоб проповедывать о нем, то есть о кресте и смерти Христа Господа. И поставлен не просто проповедником, чтоб проповедывать в одном каком месте, но и Апостолом, — посланником, — чтобы всюду обходить с проповедию». Дополняет сие Экумений: «поелику можно проповедать и мимоходом, то присовокупил: *учитель*; я, говорит, не довольствовался одну какую сказать проповедь, но учил неотступно, пока не научал. Этим-то и показывал я особенную Божию попечительность о язычниках».

Чего ради вставил Апостол в речь о своем назначении удостоверительные в том слова: *истину глаголю о Христе, не лгу*? Святой Тимофей был любимый ученик святого Павла и знал все; потому для удостоверения его в сем не было нужды так говорить. Но Апостол мог сказать так с подразумеванием: как ты знаешь; и сказать потому же, почему лица, душа в душу живущие, пересказывают иногда друг другу, что знают и что уже несколько раз пересказывали, потому что приятно об этом вспоминать и пересказывать. Но можно предположить и то, что Апостол, пиша сие, имел в виду ефесян, от которых святой Тимофей, конечно, не должен был скрывать

Послания. А ефесянам сказать сие никак не излишне было: ибо еще не все они уверовали, и из уверовавших не все обращены святым Павлом, а многие после него уверовали. Для таких слова сии налагали печать Божеского авторитета: для одних — на уверованные уже истины, а для других — на предлагаемые к уверованию. — Заметить не излишне, что удостоверение сие относится не к тому, что святой Павел был поставлен Апостолом вообще, но что поставлен быть Апостолом и учителем именно язычников. Это не могло не быть приятным и привлекательным для язычников, из коих преимущественно состояла Церковь Ефесская, и не могло не подействовать успокоительно на их веру, в коей успокоясь они не колеблясь могли противостоять навеваемым совне сомнениям, от распространенного в Ефесе языческого суемудрия.

Слова: *в вере и истине* — указывают или на предмет проповеди и учения: я учитель языков, поставленный учить их вере и истине (см.: Амвросиаст); или на характер учения: не умствовать учу, а веровать, и не умствованиями доказываю свое учение, а предлагаю его вере, удостоверяя, что оно истинно. «Проповедую, не силлогизмами или логическими доказательствами вооружась и не в риторическое хитрословесие облекая учение свое, а вере его предлагаю. Но чтоб не подумал кто, что веровать предлагается какой-

либо прелести, он прибавил: *в истине*. Хотя вере предлагаю, но предлагаемое истинно. Преподаемое хотя вере преподается, но преподается в истине. И способные к вере веруют: чем доказывается сила проповеди» (из святого Златоуста, блаженного Феофилакта, Экумения перифраз). Блаженный Феодорит пишет: «сего-то таинства (то есть спасения всех крестною смертию Господа) проповедником и Апостолом поставлен я, говорит Павел, и с подобающею верою и истиною предлагаю это всем; потому что слова подтверждаю чудотворением». Мысль та же, что и выше изложена, с некоторым оттенком, — что учение не верно только и истинно, но и удостоверительно: я предъявляю и документы удостоверительные.

б) Какие держать в церковных собраниях порядки (2, 8—15)

Все слово Апостола обращено здесь на: бб) упорядочение жен (см.: 2, 9—15); только один текст дан на: аа) общее очертание церковных молитвословий, с внешней и внутренней стороны (стих 8).

аа) Общее очертание церковных молитвословий (2, 8)

Глава 2, стих 8. ***Хощу убо, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления.***

Собирались на молитву не в одном месте, а в нескольких; во всяком, из таких мест, молитвы творить или исправлять богослужение Апостол

заповедует мужам, жены же пусть слушают и молятся в безмолвии; но при сем все молящиеся должны быть непорочны, иметь чистую совесть, не питать неудовольствия на других и не держать сомнения, будто не услышит Бог. Таково общее очертание молитвословий церковных.

Хощу убо. Хощет Апостол Апостольским хотением, равносильным законоположению. *Убо* — связывает начинающуюся речь с предыдущею, и именно с первыми стихами сей главы (см.: 1—2). Там заповедано творить молитвы за всех, к чему нужда была присоединить пояснительные положения (см.: 3—7). Теперь опять возвращается к наставлениям о молитве и говорит: вообще же церковные молитвословия совершайте так и так.

Хощу, да молитвы творят мужие. Собираясь вместе, пели псалмы пророка Давида и новые песни, сложенные по движению Духа, во славу Пресвятой Троицы, Христа Господа, Его смерти и воскресения, и о прочих таинствах христианских. Иные молитвы были читаемы вслух всех, большею частию из употреблявшихся уже, а иногда и новые, о коих, впрочем, надо заметить, что, после беспорядков в Коринфской Церкви, они не были допускаемы без ведома и разрешения предстоятелей Церкви. Все такие молитвы, читаемые и поемые в общем собрании верных, должны, говорит Апостол, быть творимы мужами. Мужами, конечно, не всеми собравшимися, и не всяким по

ряду. Ибо дарования были различны, и обязательно было для получивших дары сколько употреблять полученный дар во благо Церкви (см.: 1 Пет. 4, 10), столько же не браться за дело, на которое не получил дарования. Почему надо полагать, что и молитвы в собрании верных были творимы мужами, получившими к тому дар. Как они обозначались? Имевшие расположение к читанию и говорению молитв были всем заметны. Они и отряжались обществом верных на творение молитв, вступали же в дело одни по молитвенном освящении, а другие — по таинственном рукоположении. Те и другие составляли клир. Святой Павел имел обычай заводить его всюду, где ни основывал Христовых Церквей (см.: Деян. 14, 23). Его, вероятно, разумеет он и под: *мужие*. Всякое собрание верных в Ефесе, конечно, имело и своего совершителя таин, — предстоятеля, — и своих молитвословов. Об них и слово, — чтоб они творили молитвы, а другие не вмешивались произвольно в это дело; иначе в Церкви не может все идти благообразно и по чину (см.: 1 Кор. 14, 40). Что говорит: *на всяком месте*, — это не имеет особого значения в настоящем предписании; ибо забота у Апостола не о месте молитвы, а о том, «каким образом нужно молиться» (святой Златоуст). Слова эти наводят, однако ж, на некоторые сторонние соображения. Храмов еще не было; собирались на молитву в

домах, которые какими-либо боголюбцами были отдаваемы на сие святое дело. Когда один дом не мог вмещать всех веровавших в городе или селе, назначали другой, третий и так далее. Так и в Ефесе был не один дом. Апостол предписывает: во всяком месте, где собираются верующие на молитву, молитву творить должны *мужие*, разумея определенных мужей, τοὺς ἄνδρας. — *Во всяком месте.* Так исполнилось пророчение Господа: *грядет час, егда ни в горе сей* (Самарянской), *ни во Иерусалимех поклонятся Отцу* (ср.: Ин. 4, 21) — и пророческое видение: *на всяком месте фимиам приносится имени Моему и жертва чиста* (ср.: Мал. 1, 11). Иудеи имели одно место для богослужения; им не позволительно было в другом месте приносить Богу жертвы. «Апостол вводит противоположные тому постановления и, освободив от этой необходимости, говорит, что наши обычаи не таковы, каковы у иудеев. Ибо, подобно тому, как обо всех повелевает он приносить молитвы, потому что за всех умер Христос, и для всех, говорит он, я проповедую; так равным образом молиться нам хорошо везде» (святой Златоуст, блаженный Феодорит).

Воздеюще преподобныя руки. «Воздевать руки и молиться свойственно было иереям Ветхого Завета» (блаженный Феодорит). То же делать Апостол велит и христианским мужам, исправляющим общественное богослужение. Но Апос-

тольское же предание есть, как говорит Василий Великий, христианам, при совершении молитв, творить на себе крестное знамение. В нашем богослужении совмещается то и другое: и воздеяние рук, и крестное знамение, сопровождаемы бывая поклонами поясными и земными. Воздеяние рук ум к Богу возносит, а крестное знамение — путь восхождения к Богу показывает: ибо дверь приближения к Богу — крест Христов.

Но Апостол при сем не столько на внешность обращает внимание, сколько на состояние души; почему не просто сказал: *воздеюще руки*, — но: *руки преподобныя*, — то есть не запятнанные никаким пороком. Святой Златоуст говорит: «что значит: *преподобныя*? Чистые. А что значит: чистые? Конечно, — не водою вымытые, а чистые от любостяжания, убийств, хищения, уязвления». Блаженный Феодорит то же выражает так: «Апостол повелевает делать сие (воздевать руки) *преподобно*, — то есть освободившись от всякой неправды и от всякого беззакония», — или «очистив их милостынею» (Экумений), «которая била бы из них, как из ключа бьет вода» (блаженный Феофилакт). Так это слово требует приступать к молитве с чистою совестию и с чистым сердцем. «Ибо руки тогда лишь бывают преподобны и святы, когда сердце чисто» (Амвросиаст).

Без гнева и размышления. В состоянии гнева и невозможно молиться. «И во время молитвы

разве кто-либо гневается?» (святой Златоуст). Но помнить зло можно и при молитве; потому что это чувство тихо и скрытно. Когда наверху молитва, внизу может скрытно утаиваться злопомнение. Наши все толковники и разумеют здесь памятозлобие. «Пусть душа молящегося будет чиста и свободна от всякой страсти, пусть никто не приступает к Богу с враждою, пусть никто не приступает с негодованием» (святой Златоуст). «Так узаконил и Господь: если придешь *принести дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой* (ср.: Мф. 5, 23—24)» (блаженный Феодорит). И еще: *егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого* (Мк. 11, 25) (см.: святой Златоуст). «Итак, Апостол учит, что в молитве надлежит быть мирну духом, если желаем, чтоб она принесла плод» (Амвросиаст).

Без размышления, χωρὶς διαλογισμοῦ, — без раздумывания, без колебания в мыслях, услышит ли Бог. Просящему чего-либо молитвенно святой Иаков предписывает: *да просит с верою, ничтоже сумняся. Сумняйся бо уподобися волнению морскому ветры возметаему и развеваему. Да не мнит бо человек он, яко приимет что от Бога* (ср.: Иак. 1, 6—7). Так разумеют все наши толковники. Святой Златоуст: «что значит: *без размышле-*

ния? Послушаем. Значит, что не нужно нисколько сомневаться в том, что мы будем услышаны. Ибо Господь говорит: *елика аще воспросите верующе, приимете* (ср.: Мф. 21, 22)». Феодорит: «*без размышления* — значит: без сомнения, веруя, что непременно получишь, чего просишь». Экумений: «*без размышления*, — то есть без раздумывания, услышит ли меня Бог? Не всуе ли, не напрасно ли я молюсь? Ибо надлежит быть уверену, что Бог услышит, если просим у Него того, что Ему любезно, чисты суще». Феофилакт: «*размышлением* назвал Апостол сомнение и учит, чтоб молящийся молился без сомнения и колебания в мыслях, получит или не получит, чего просит; только бы просил сообразного с волею Божиею, — духовного, и без гнева и с чистыми руками». — «Если таким образом приступаешь, то во всяком случае получишь просимое. Ибо *аще вы, лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него* (Мф. 7, 11)» (святой Златоуст).

бб) Упорядочение жен (2, 9—15)

Сделав такое общее начертание порядка в церковных молитвословиях, Апостол занимается затем, как должны держать себя женщины в сих собраниях. Вероятно, этот предмет требовал особого внимания, по вкравшимся неисправностям.

И эти неисправности, конечно, дали Апостолу повод: α) предписать то, что он предписал. Именно: αα) молиться в том же духе, как и мужие (стих 9); ββ) являться в собрания в одеждах пристойных (стих 9), — заботясь: γγ) украшать себя не пышными нарядами, а добрыми делами (стихи 9—10); δδ) в дело же учения не вмешиваться и вообще быть в отношении к мужчинам в подчинении (стихи 11—12). Так как последнее внушение могло показаться не совсем приятным, то Апостол: β) смягчает его: αα) выставляя основания, почему так, а не иначе должно быть (стихи 13—14), — и: ββ) утешая жен, что и им отворена дверь спасения (стих 15).

α) Предписания (2, 9—12)

Глава 2, стихи 9—10. *Такожде и жены во украшении лепотном, со стыдением и целомудрием, да украшают себе, не в плетениих, ни златом, или бисерми, или ризами многоценными, но, еже подобает женам обещавающимся благочестию, делы благими.*

αα) Молиться в том же духе, как и мужие (2, 9)

Такожде — показывает, что Апостол продолжает учить о порядках в молитвенных собраниях. Почему хотя не говорит он, что хощет, чтоб и жены таким же образом молились, но дает ясно видеть, что таково его хотение. Хощет, чтоб и жены молились без гнева и размышления и имея

чистую совесть, не запятнанную никаким пороком. Святой Златоуст говорит: «равным образом, говорит, хочу, чтобы и женщины приступали к Богу без гнева и без размышления, — имея преподобные руки, не оскверненные корыстолюбием и грабительством, и не следуя своим вожделениям». Так и Феофилакт с Экумением. Если не доразумевать здесь такого хотения Апостола, то речь стихов 9 и 10-го отдалится от общего содержания сего отделения (см.: 2, 8—15), будет всё только о том, как одеваться женщинам. Тогда как, признав, что Апостол имел в мысли — главным образом дать урок о молитве, речь об убранстве жен будет только дополнительною, показывая, как должны одеваться женщины, когда являются в собрания на молитву.

ββ) Являться в собрания в одеждах пристойных (2, 9)

Должны являться *во украшении лепотном, со стыдением и целомудрием*. Святой Златоуст, сказав, как женщины должны молиться, подобно мужам, прибавляет: «впрочем, от женщин святой Павел требует нечто и большее. Чего же именно? Чтоб они приходили молиться Богу *в украшении лепотном*. Что он называет украшением лепотным? Платье, которое со всех сторон прикрывало бы их благопристойно, — было прилично, но неизысканно; ибо первое прилично, а

последнее не считается благопристойным». *Украшение*, καταστολή, — одежда, до пят спускающаяся, все тело покрывающая, и вообще наряд, но скромный и смиренный; на что указывает и: *лепотное*, κόσμιος, — красивое, но по благопристойности и приличию к лицу, месту, окружающим, следовательно, исключающее всякое щегольство. Требует Апостол, чтоб женщины приходили в собрания на молитву «в одежде пристойной, но не щегольской, чтобы привлекать взоры смотрящих» (Экумений); «чтоб самая одежда показывала честность души» (блаженный Феодорит).

Слова: *со стыдением и целомудрием* — указывают на форму одежды или покрой, требуя, чтоб они не нарушали стыдливости, свойственной женскому полу, и целомудрия, которым украшаться должны они всюду. Но можно распространить смысл сих слов, заключив под ними — походку, движение, мину, взор, стояние и поклон; потому что все сие может носить печать стыдливости и целомудрия и, напротив, обличать отсутствие их, укорное для жен. Амвросиаст пишет: «Апостол увещавает, чтоб женщины молились, держа себя в смиренном положении (и одеянии), а не гордостно. Кто хочет быть услышан, тому надо преклонять главу, отбросив всякую помпу, чтоб привлечь милосердие Божие. Гордостное положение не вымаливает просимого и заставляет думать нехорошо о просящем. Кто из благоразумных

людей не отвращается от женщины, пышно и гордо украшенной? Не тем ли паче отвращается от нее Бог, когда видит, что тело, созданное Им свободным, обвязывается и обременяется металлами?»

γγ) Украшать себя добрыми делами (2, 9—10)

Да украшают себе. Дополнив речь после: *такожде* — словами: *хощу да молятся* — и к внешнему образу совершения молитвы отнесши: *во украшении лепотном, со стыдением и целомудрием*, — по необходимости следует далее читать: *и да украшают себе*. Это общий урок, простирающийся и за стены молитвенного собрания. Не украшать себя женщины не могут, и нельзя на них налагать обязательство: не украшай себя; но можно склонность к украшениям переводить с пустых украшений на многозначащие и существенно ценные. Это и делает здесь Апостол. Украшают себя, говорит, пусть женщины не *плетениями*, — не щегольским заплетанием волос, как прямо сказал святой Петр (см.: 1 Пет. 3, 3), — не *золотом*, — чем-нибудь из золота, подобно тому как доселе на Востоке женщины обвешивают себя кругом золотыми монетами, — *или бисерами*, — в серьгах и ожерельях, *или ризами многоценными*, — платьями из дорогих материй, как о богаче Спаситель сказал: *облачашеся в порфиру и виссон* (Лк. 16, 19), — ничем таким не должны они

себя украшать, потому что все это ныне есть, а завтра нет; но пусть украшают себя тем, что негиблюще и что многоценно не пред людьми только, но и пред Богом, не во времени только, но и в вечности, именно: *делами благими*, всякого рода добрыми делами: милостынею, странноприимством, хождением за больными, добровольными и смиренными всем послугами, добрым правлением домашних дел, молитвами, постами, благоговеинством, — и это так постоянно, чтоб такие добродетели составляли отличительный их характер и чтоб, когда входит какая из жен в собрание, смотрящие на это помышляли: вот пришла милостынница, вот странноприимница, вот сердобольная, вот услужница, вот молитвенница, вот постница, вот благоговейница и подобное, а не то, как помышляют при входе нарядниц: какие бриллианты и подобное.

Побуждением к тому ставит святой Павел обет быть благочестивыми: *еже подобает женам обещавающимся благочестию*. Какой это разумеется обет? Надо полагать, — не частный, каким, вероятно, облагали себя, например, диакониссы, но общий, бывающий при приступании к вере в Господа и гласно изрекаемый при крещении. Тут крещающим берется обязательство, а крещаемым дается обет: отвергшеся нечестия и мирских похотей, жить прочее благочестно, целомудренно и праведно (см.: Тит. 2, 12). Об этом и напоминает

Апостол, давая разуметь, как после такого обета не пристало украшать себя пустыми украшениями, а не добрыми делами, как подобает. «Вы, говорит он, обещаете (в крещении) благочестие и добродетель» (блаженный Феодорит). «Ими и подобает украшать себя христианским женам, когда являются чтить истинного Бога» (блаженный Феофилакт). «А которая жена в дом Божий является с помпою, та не для Бога входит в него, а для людей, чтоб славимою быть от них; за что от Бога ничего не получает, кроме укора. Чем более блестящею представляется она людям, тем более презренною бывает пред Богом» (Амвросиаст).

Святой Златоуст сильное при сем простирает слово обличения к женам-нарядницам. «Ты приходишь молиться Богу, а между тем окружаешь себя золотыми украшениями и головными уборами. Ведь ты пришла не плясать, ни принимать участие в брачном торжестве, ни являться среди торжественного шествия. Там уместны золотые украшения, там головные уборы, там дорогие платья. А здесь ничего этого не нужно. Ты пришла просить, молиться о грехах своих, молитву приносить о своих прегрешениях, умолять Господа, чтобы склонить Его к милосердию. Зачем же украшаешь себя? Этот наряд не приличен той, которая молится. Как можешь ты воздыхать? Как можешь плакать? Как можешь усиль-

но молиться, будучи одета в такой наряд? Если и будешь плакать, то слезы твои покажутся достойными смеха для того, кто будет видеть их; потому что плачущей не следует носить золота. Плач ее будет лицемерие и притворство. И в самом деле, как же это не лицемерие, когда та же самая душа, от которой родилась эта тщеславная помпа в нарядах, — та же самая и слезы проливает? Удали от себя это притворство: ибо Бог поругаем не бывает. Это свойственно актерам и плясунам, которые проводят дни свои на сцене; а честной женщине все это неприлично. — Апостол заповедует тебе одеваться скромно, *со стыдением и целомудрием*. Поэтому не подражай блудницам, которые посредством такого наряда привлекают к себе любовников. — Заметь, что Апостол, говоря о скромности в нарядах, изгоняет из них даже то, что служит лишь признаком богатства, — золото, бисеры, многоценные ризы. Но если это так, то не гораздо ли больше должно быть изгоняемо то, что служит признаком одной пустой суетности, — притиранья, подкрашивание век, жеманную походку, изнеженный голос, взгляд влажный и всякого блуда исполненный, изысканность, с какою накидывают на себя покрывало или надевают платье, искуснейшим образом устроенный пояс, вычурную обувь. На все это он указывает, говоря: *в украшении честном*, — равно как и словами: *со стыдением и целомудрием*. — Будьте, умоляю

вас, снисходительны ко мне; потому что слово мое не с тою целию содержит в себе такое резкое обличение, чтобы уязвить или опечалить вас, но чтобы удалить от стада моего все чужое».

δδ) В дело учения не вмешиваться и быть в отношении к мужчинам в подчинении (2, 11—12)

Глава 2, стихи 11—12. *Жена в безмолвии да учится со всяким покорением. Жене же учити не повелеваю, ниже владети мужем, но быти в безмолвии.*

В собраниях церковных с молитвою соединяемы были поучения. Совершать то и другое в церкви женам запрещает Апостол. Молиться молись: затем и пришла; а совершение молитвы не твое дело. Равно поучаться поучайся, но сама браться за это дело не дерзай, даже и вопросов не смей предлагать, как сказано в другом Послании (см.: 1 Кор. 14, 35). Поучайся молча,— в *безмолвии*, и исполняй это дело *со всяким покорением*: под чем разумеется или покорность этому закону о молчании в церкви, или покорность учению, какое предлагают определенные на то мужи. В первом отношении предлежит укрощать позыв к говорливости, во втором — страсть к совопросничеству (отвод для сей страсти сделал Апостол в Послании к Коринфянам, говоря: дома мужей пусть спрашивают). То и другое — подвиг; но покоряй себя. И способ к сему, и свидетельство

о сем есть молчание. «Великой стыдливости требует блаженный Павел от женщин, великой степенности. Поэтому обращает внимание не только на внешний их вид и одежду, но и на голос. Что же именно говорит он? *Жена в безмолвии да учится.* Что это значит? То, что, по его словам, жена не должна говорить в церкви; то же самое сказал он и в Послании к Коринфянам: *срамно есть жене в церкви глаголати* (ср.: 1 Кор. 14, 35). Он говорит, что жене надлежит до того быть молчаливою, что она не должна говорить в церкви не только о житейском, но и о духовных предметах. В этом состоит для нее приличие, в этом стыдливость, это может украсить ее больше всякой одежды. Если таким образом она будет вести себя, то она будет иметь возможность совершать молитвы со всякою благопристойностию» (святой Златоуст).

Жене же учити не повелеваю, οὐκ ἐπιτρέπω; больше, чем не даю позволения, но в той же силе, как у нас говорится: не велено,— запрещено решительно,— запрещаю. Это в церкви; дома же они как вопрошать могут мужей, так в случае и учить, детей, например, мужей неверных и других, которые не совсем исправно веруют. Блаженный Феофилакт пишет: «знай, однако ж, что Апостол не вообще учить запрещает женам, но только в церкви; а вне церкви это ей не запрещается. Так Прискилла (вместе с Акилою) оглашала здравым

учением Аполлоса*; так верной жене не запрещено оглашать неверного мужа»; «детей же учить даже повелено им» (Экумений). — *Ниже владети мужем* — тоже разумеется здесь: в церкви, хотя такое правило имеет и общее значение. *Владети*, αὐθεντεῖν, — быть госпожою мужа, обращаться с ним как с слугою, командовать им. Как под женою здесь разумеется женщина вообще, так и под мужем — вообще мужчина, а не муж той, которая вздумала бы распоряжаться учением в церкви. Мысль Апостола та, чтоб никакая женщина в церкви не позволяла себе распоряжаться учением в церкви, не кричала поставленному учить: того не говори, этого не касайся, а говори о том и том и подобное, тем более не требовала: молчи ты, я буду говорить; но чтоб была *в безмолвии*, сидела молча и смирно, не говоря и не двигаясь.

Какой повод к такому предписанию? Блаженный Феофилакт пишет: «поелику и женщины сподоблялись пророческой благодати, то по необходимости поставляет закон и о сем и не поставляет женщин в церкви учительницами». — Этим дается намек, что, вероятно, ученые ефесянки, как прежде коринфянки, и не имея дара пророческого, а одною ученостию руководясь, выступали в качестве учительниц в церкви и при этом делали ошибки в учении. Чтоб пресечь имевший произойти отсюда вред, Апостол запретил совсем

* См.: Деян. 18, 26. — *Ред.*

женам вести речи в церкви. Но святой Златоуст поводом к сей заповеди поставляет желание Апостола пресечь свойственную женам говорливость: позволь им говорить, — они подымут такой шум, какого и на торжище не встретишь. «Апостол, желая отнять у них всякий повод к разговорам, сказал: пусть они не учат, но пусть ведут себя так, как прилично учащимся. Таким образом они покажут и покорность. Вообще многоречив род их; почему Апостол всеми мерами старается обуздать их».

β) Апостол смягчает внушение (2, 13—15)

Не здесь только, но и повсюду в Писании говорится, что женщины должны находиться в подчиненном отношении. Таков уже чин их естества, — «сего требует сама природа» (блаженный Феодорит). Апостол в основание своему предписанию и выставляет здесь сей чин естества, выводя его из истории сотворения мужа и жены. Но не довольствуется сим, а направляет к тому же и наведение из истории падения.

αα) Основания к подчинению (2, 13—14)

Глава 2, стих 13. *Адам бо прежде создан бысть, потом же Ева.*

Как жена создана после мужа, то и всегда должна быть позади его. Ибо это прежде-создание показывает, что муж и в естестве своем имеет нечто преимущественное. Жена создана из одной

части мужа; почему, естественно, не все в такой степени имеет, в какой имеет то муж. Из бока мужнина взято то, из чего она создана, чтоб всегда была около мужа, под боком у него, как помощница, а не как госпожа. «Предпочитает Апостол мужа жене, потому что тот первым создан: чтоб жена была ниже мужа, потому что она создана после мужа и из мужа» (Амвросиаст). «Он говорит как бы: мужеский пол наделен бóльшим преимуществом, как прежде созданный. А в другом месте он ставит его еще выше, когда говорит: *не создан бысть муж жены ради, но жена мужа ради* (1 Кор. 11, 9)» (святой Златоуст). «Поелику, говорит, в самом создании род мужеский удостоен первенства, а Ева создана вторую; то должны после сего и все жены второстепенные иметь места после мужей и покорствовать им. Ибо сила того, что тогда совершено по отношению к Адаму и Еве, простирается на весь род мужеский и женский» (блаженный Феофилакт).

Стих 14. *И Адам не прельстися, жена же прельстившися, в преступлении бысть.*

Кроме чина естества, указываемого образом сотворения мужа и жены, Апостол в основание подчиненности жены мужу выставляет и то, что в деле падения она прельстилась первая и Адама прельстила; за что и присуждено ей: *к мужу обращение твое* (ср.: Быт. 3, 16). По творению она хотя и вторствующая, но почтена некиим равно-

честием мужу; а по падении она потеряла это. Почему подчинение жены мужу есть как бы епитимия, наложенная на нее за прельщение праматерию праотца Адама. В Еве виновною в сем сделался весь род женский, — и это не по одному вменению, а потому, что унаследовал и самое дело Евы — прельщать мужеский род; что доселе делается им не случайно, а по действующему в нем постоянно позыву нравиться и прельщать. Чтоб умалить происходящее из сей склонности зло, жена подчинена мужу.

Святой Златоуст применяет это к предшествующей речи к женам, да не учат. Взялась, — говорит, — учить некогда жена и все извратила, чем явно показала, что негожа в учители. Он говорит: «для чего Апостол говорит сие (*Адам не прельстися* и прочее)? Для того, чтобы на основании многих причин предоставить первенство мужу. Ибо, говорит, мужчина должен иметь первенство, во-первых, потому, что он прежде создан, во-вторых, на основании того, что случилось в последствии времени. Учила некогда жена, и все ниспровергла, и сделала его виновным в преслушании. За то и подчинил ее Бог, что она во зло употребила власть или, лучше сказать, равночестие. *К мужу твоему обращение твое* — сказано; а прежде этого события сие не было сказано. — Адам преступил заповедь не потому, что был увлечен страстию, а только повинуясь жене. Так —

учила однажды жена и все ниспровергла. Поэтому и сказал Апостол: да не учит». — Но как же Адам не прельстился? Разве он не согрешил? Согрешил; но иным образом, чем жена. Жена прельстилась словами змия, или диавола, говорившего языком змия, и вкусила запрещенного плода, а Адам вкусил, послушавшись жены. Если бы к нему обратился враг, может быть, Адам не прельстился бы его словами, а усмотрел скрытую под ними ложь и пагубный обман, и падения не было бы. Но жену враг легко обольстил, а та обольстила мужа, — и падение состоялось. Таким образом она оказалась легкопрельщаемою. «Легок род сей, легкоприимчив, легкообольстим» (блаженный Феофилакт). Почему слово Апостола: *Адам не прельстися* — можно понимать, как история падения дает разуметь: не Адам прельщен диаволом. Так Амвросиаст: «диавол не мужа прельстил, а жену; муж же женою был доведен до преступления: за что не следует давать ей поблажки, а должно держать ее в смирительном положении».

Святой Златоуст полагает еще, что Адам непрельстившимся назван сравнительно с женою. На вопрос: как же Адам не прельстился? — он отвечает: «внимательно слушай. Жена говорит: *змий прельстил мя* (ср.: Быт. 3, 13); между тем Адам не говорит: жена прельстила меня, но: *та ми даде и ядох* (ср.: Быт. 3, 12) (это то же, что

и у Амвросиаста). — Притом не одно и то же значит быть обольщенным от единоплеменной и сродной себе и быть обольщенным от зверя, раба, подчиненного: последнее собственно и есть обольщение. Итак, только сравнительно с женою Апостол говорит о нем, что он не прельстился; потому что она была обольщена от раба и подчиненного, а он от свободной. Опять не об Адаме сказано: *и виде, яко добро древо во снедь* (ср.: Быт. 3, 6), но о жене: и что она вкусила и дала мужу своему».

Блаженный Феодорит так толкует. Сие *не прельстися* Апостол сказал вместо: не первый прельстися — и в этом следовал Писанию. Ибо жена, когда потребован был у ней отчет, сказала: *змий прельсти мя, и ядох*; Адам же говорит не так, но: *жена, юже дал еси со мною, та ми даде от древа, и ядох* (Быт. 3, 12—13). И Ева, послушавшись змия, не имеет оправдания; Адаму же служит малым оправданием, что, обольщенный женою, не сам сорвал и плод с древа, но жена, первая вкусив, дала и мужу. Посему-то и сказал Апостол: *Адам не прельстися.*

ββ) Утешение жен (2, 15)

Глава 2, стих 15. ***Спасется же чадородия ради, аще пребудет в вере и любви и во святыни с целомудрием.***

Отяготив таким образом жену и виною, и вследствие того подчиненным положением отно-

сительно мужа, Апостол утешает ее тем, что все сказанное не затворяет пред нею двери спасения: *спасется.* По грамматическому строю речь сия относится к Еве; а по смыслу обнимает весь род женский. Праматерь согрешила и за это подпала каре Божией. Но как милостивому Богу благоугодно было устроить дивный образ спасения падшим, то и ей открыто спасение, а в лице ее и всему женскому роду. Всякая жена, говорит Апостол, спасется. Как? Для женщин — не особые условия спасения, а те же, какие определены вообще человечеству: вера и любовь, — *аще пребудет в вере и любви: в вере* в Господа Спасителя, о Коем благовестие услышала первая жена, указанном в будущем семени жены (см.: Быт. 3, 15); *в любви* к Богу и ближним, родительнице, питательнице и содержательнице всех добродетелей. Что к сему присовокупил Апостол: *и во святыни с целомудрием,* — не есть какая-либо особенность в условиях спасения, а есть только внешнее или видимое облачение спасающейся женской души, верующей и любящей. *Святыня* — у Апостола означает и вообще святую и праведную жизнь, и в особенности святыню телесную, чистоту от плотских похотений и грехов. В настоящем месте общая женская святость указана уже в вере и любви; потому под святынею остается разуметь особенную святыню, — чистоту, в каковом смысле она будет однозначительна с

целомудрием. Отличие между ними можно положить разве такое, что святыню принять за верность брачному ложу или замужнюю непорочность тела и души, а целомудрие за разделение с мужем брачного ложа не в угоду похоти, а из покорности закону естества, Богом данному, с намерением плоды сего посвящать во славу Божию. Блаженный Феофилакт пишет: «под: *святынею* — Апостол разумеет чистоту тела. Но поелику не все — девы, то прибавил: *с целомудрием*. Ибо целомудрие не отрицается у тех, кои законно пользуются браком». Есть и брачное целомудрие чистое, — когда брачная жизнь проводится трезвенно, а не в сластях похотных. Оба же эти слова употребил Апостол, чтоб яснее выставить, чем видимо должна отличаться спасающая душу свою жена. Так указывает условия спасения жен блаженный Феодорит. «Если захотят, — пишет он, — то не только не потерпят от Евы никакого вреда, но приобретут еще весьма великую пользу своею верою и любовию, сохраняя святыню и целомудрие». Он не касается вопроса, почему Апостол сказал: *чадородия ради спасется*. Что за спасение от чадородия, это решают другие наши толковники.

Само собою разумеется, что чадородие само по себе не может содевать спасения, как и всякое другое дело естественное, — пища, питие, сон. Но как пища, питие и сон могут быть употребляемы

так, что будут или содействовать, или вредить спасению, так и чадородие. Как же чадородие обратить в пособие ко спасению? Можно бы так сказать: чадородие дано естеству четы первозданной, и, как делу естества, ему следовало бы происходить не только легко, но и приятно. Но привзошло падение и привнесло в сие дело естества болезни: *в болезнех родиши чада* (Быт. 3, 16). Болезни — наказание, естественная женам епитимия. Если теперь жена, мучась болезнями рождения, будет переносить их в этом именно смысле, то есть как наказание, напоминающее о грехе и призывающее к покаянию, то чадородие ее будет происходить в порядке спасения. — Но этого одного мало. В таких расположениях подъемлема будучи, тягота чадородия только не будет мешать спасению; а ему надобно не только не мешать, но и содействовать спасению. Как же это оно может делать? Если, по рождении, к нему будет присоединяемо и воспитание детей — в страхе Божием во славу Божию. Святой Златоуст говорит: «Апостол говорит как бы: вы, жены, не сокрушайтесь о том, что пол ваш подпал осуждению; Бог даровал вам особое некое средство ко спасению, именно воспитание детей, так что вы можете заслужить спасение не только сами чрез себя, но и чрез других». — И несколько ниже: «деторождение есть дело природы. Но жене даровано не только это (зависящее от приро-

ды), но и то, что относится к воспитанию детей. — В том не малая, но великая будет состоять для них награда, что они воспитали ратоборцев Христу». Экумений пишет: «под деторождением Апостол разумеет не только рождение, но и воспитание детей. — Что же, скажет кто, девы, бездетные вдовы (лишившиеся мужа до рождения детей), жены бесплодные погибли? Да не будет! Не то говорит Апостол, что жены не спасутся (без чадородия) собственною своею добродетелию, но что и чадородие будет для них пособием ко спасению, если, — что само собою разумеется, — они содевают спасение собственною своею добродетелию». Блаженный Феофилакт прибавляет к сему нечто особенное: «не родить только, но и воспитать должно. И это есть настоящее деторождение; иначе же это не деторождение, а деторастление. Воспитание, впрочем, детей способствует спасению жен не без собственной их добродетели. Жена добродетельная воспитывает и детей в добродетели. Сущая в ней добродетель чрез воспитание переходит и в детей. Мне кажется, что Апостол, запретив выше женам учить в церкви, теперь в утешение дает им, кого учить. Если хочешь учить, учи детей. — Некоторые, впрочем, незнать* как, деторождение поняли, как рождение, бывшее от Пресвятой Богородицы. Она, говорят, родивши Спасителя, спасла жен. Но

* *Незнать* — неизвестно, неведомо. — *Ред.*

такое понимание не сообразно с последующею за сим речью».

Б) НАСТАВЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЛИЦ, ИЗБИРАЕМЫХ В КЛИР ЦЕРКОВНЫЙ (3, 1—13)

Сказал святой Павел, что церковными собраниями и молитвами в них должны заправлять *мужие* (2, 8), — конечно, не всякий мужчина, но мужи избранные и на это посвященные. Теперь показывает, какими достоинствами должны отличаться лица, избираемые на сие дело, вообще в клир. Была потребность в этих лицах. Христиан стало много, собирались они в разных местах; надлежало определить, кому смотреть за ними. Святой Павел и сам всюду это делал (см.: Деян. 14, 23). Были они поставлены им и для Ефеса, как и для всей Асии (см.: Деян. 20, 17—18; 19, 26). Но теперь поставленных им оказалось мало. Не имея времени лично это сделать, потому что нужды верующих вызвали его скоро в Македонию, он поручил это исполнить святому Тимофею, как в Крите святому Титу, и пишет, какого свойства должны быть лица, избираемые на это, — именно: а) епископы (см.: 3, 1—7) — и: б) диаконы с диакониссами (см.: 3, 8—13).

а) Свойства достойных епископства (3, 1—7)

Определяет Апостол, что избираемый на епископство должен браться за сие служение: аа) со

всею ревностию (стих 1); бб) должен отличаться добрым нравом и достохвальным поведением (стихи 2—3); вв) доказать прежде свою способность к управлению Церковию добрым управлением своего дома (стихи 4—5); гг) быть не из недавно крещенных (стих 6); дд) пользоваться уважением и среди неверных (стих 7).

аа) Ревность (3, 1)

Глава 3, стих 1. *Верно слово: аще кто епископства хощет, добра дела желает.*

Слова: *верно слово* — наши толковники относят к предыдущей речи, то есть к тому, что сказано о спасении жен чрез доброе воспитание детей, при исполнении и общих условий ко спасению, — что спасение сие очень благонадежно, потому что, кроме их собственных дел в свое спасение, им будут приписаны и добрые дела детей. Желая показать, что говорит сие не затем только, чтоб сказать нечто утешительное женам, а что так воистину есть, Апостол прибавляет удостоверительное: *верно слово*. И это очень уместно. Между тем последующая речь не требует никакого удостоверения: тут пишутся указания, справедливость и уместность которых очевидна сама собою. Святой Златоуст, а за ним Экумений и в чтении слова сии соединяют с предыдущею речью, и 3-ю главу начинают с *аще кто епископства хощет*. Блаженный Феофилакт хотя 3-ю гла-

ву начинает с *верно слово*, — но толкованием относит его к предыдущей речи. Святой Златоуст говорит: «*верно слово* — относится к этому (о чем говорим, то есть о способствовании спасению жен чрез воспитание детей), а не к тому (что следует): *аще кто епископства хощет*. Так как по этому поводу могло возникнуть недоумение, то он и говорит: *верно слово*, — что отцы и матери могут пожать плоды добродетели своих детей, когда хорошо воспитают их». То же и у Экумения с Феофилактом. — Так и признать следует.

Аще кто епископства желает. — *Желает*, ὀρέγεται, — означает такое желание, каково бывает желание пищи у того, у кого возбудился аппетит. Дело епископства многотрудно и многоопасно. Не выдержать его как должно тому, кто приступает к нему равнодушно. Почему требуется ревностное желание епископства, — не того, чтоб быть епископом и пользоваться властию и почетом, но самого дела епископства, то есть смотрения за спасаемыми и руководства их ко спасению. На епископство избирали. Почему надо полагать, что Апостол указывает здесь на такое ревностное желание по избрании и его называет *желанием добраго дела*, потому что предмет его добр — просвещать истиною, очищать понятия, исправлять нравы, руководить к высшему совершенству в духовной жизни, отражать лжеучения и лжеучителей, утешать скорбных, устроять посо-

бия бедным и немоществующим,— быть отцом многопопечительным и благоустроительным. Кто, на все такие дела воспламеняясь ревностию, желает епископства, тот доброго дела желает,— ищет не удовлетворения недоброго похотения чести и славы, а желает потрудиться во благо других, быть всем слугою, не жалея себя. Святой Златоуст говорит: «я не порицаю такого, говорит Апостол. Если кто имеет такое желание и притом домогается не одного начальства и власти, но исполнения обязанностей по управлению (паствою) («желает служить, предстательствовать, руководить» [Экумений]); то я не порицаю его. Ибо он доброго дела желает. Кто таким образом желает сего, пусть желает, ибо епископство так названо потому, что имеет надзор за всеми (вверенными)». Блаженный Феодорит пишет: «Апостол не обвиняет просто пожелание, но любоначалие и учит заботиться не о чести, но о добродетели, не сана желать, но домогаться дела, требуемого саном».

Что здесь разумеется у Апостола под епископством? Пресвитерство,— отвечает блаженный Феодорит. «*Епископом* называет здесь Апостол пресвитера, как это доказали мы, толкуя Послание к Филиппийцам. Но не трудно дознать сие и отсюда; потому что после законов епископам пишет законы, относящиеся к диаконам. Тогда одних и тех же называли пресвитерами и еписко-

пами; иногда и называемых ныне епископами именовали Апостолами вторствующими. Но, по прошествии времени, Апостольское наименование оставили действительным Апостолам, а епископское наименование присвоили к называвшимся древле Апостолами (вторствующими). Такими Апостолами были у критян Тит, у жителей Асии Тимофей. — Впрочем, хотя Божественный Апостол узаконил сие и пресвитерам, но явно, что епископам первым надлежит сохранять сии законы, как приявшим большую честь».

бб) Добрый нрав и достохвальное поведение (3, 2—3)

Глава 3, стих 2. *Подобает убо епископу быти непорочну, единыя жены мужу, трезвену, целомудру, благоговейну, честну, страннолюбиву, учительну.*

«Говоря о епископстве, Апостол показывает вообще, каков должен быть епископ, не относя своего увещания собственно к Тимофею, но беседуя с ним, как бы со всеми, и чрез него наставляя всех» (святой Златоуст).

Первое, что подобает ему, есть: *быти непорочну*, ἀνεπίληπτον, — «безукоризненну, чтоб не подавал никакого основательного и справедливого повода к укоризне и обвинению» (блаженный Феодорит). Но таким быть ему нельзя, если он не украшен всеми добродетелями. «Сказав: *непорочну*, — Апостол назвал всякую добродетель. — Таким образом, если кто сознает себя виновным

в каком-либо преступлении, то он нехорошо делает, желая такого звания, от которого удалил себя своими поступками. Потому что такому следует не повелевать, а повиноваться. Ибо начальник должен быть светлее всякого светильника и вести жизнь безукоризненную, так чтобы все смотрели на него и по его жизни устрояли свою собственную жизнь» (святой Златоуст).

Единыя жены мужу — не то, чтоб двух жен не имел зараз, ибо это и всякому христианину воспрещено; но чтоб однажды был женат, был одноженец. Того, кто на второй жене женат, не следует избирать в епископы. Амвросиаст пишет: «хотя иметь вторую жену не воспрещено, но достойный епископства должен воздерживаться и от позволенного другим, по причине высокости сего чина. Желающий его должен быть несравненно выше всех». Равно не то сие значит, чтоб непременно был женат. Блаженный Феофилакт пишет: «говоря сие, Апостол не законополагает, что епископ непременно должен быть женат. Как мог повелеть это говоривший: *хощу, да вси человецы будут якоже и аз* (ср.: 1 Кор. 7, 7)?» Насколько двоеженец негож для епископства, настолько неженатый гож более одноженца. Почему и тогда, как только была возможность, не только в епископы, но и во священники были избираемы неженатые, в беспопечении житейском Богу работавшие. Доставлял таких лиц чин ас-

кетов, родившийся вместе с христианством и Апостолами благословленный и утвержденный в Церкви.

Но как же епископ — и женат? Но во-первых, здесь, как разумеет Феодорит, епископ означает пресвитера. Настоящими епископами были (второрствующие) Апостолы, как, например, Тит и Тимофей; а они были безбрачны. Вероятно, и в других местах на настоящее епископство были назначаемы подобные им лица. Во-вторых, нужда заставляла; ибо тогда девство еще не распространилось так, чтоб всюду можно было находить девственника, хотя начало было ему положено. Между тем епископы были нужны; почему избирали их из таких, которые хотя женаты, но живут воздержно. Блаженный Феодорит пишет: «язычники не упражнялись в девстве; иудеи не дозволяли его, потому что плодородие почитали благословением. Итак, поелику в то время невозможно было без труда найти соблюдающих плотскую чистоту, апостол Павел велит рукополагать из бывших в брачном состоянии тех, которые чтили целомудрие». Святой Златоуст еще прежде его говорил: «если человек, связанный узами брака, (неизбежно) заботится о мирских делах, а епископ не должен заботиться о мирском, то отчего Апостол сказал: *единыя жены мужу*? Некоторые полагают, что здесь он указывает на того епископа, который был бы свободен от брачных уз. А

если не это (должно здесь разуметь); то, — что он, имея жену, может жить, как будто не имея ее».

Трезвену. Трезвение острозорко смотрит за всем, происходящим в душе, хорошему дает место и ход, а нехорошее отвергает и изгоняет вон и таким образом добре правит течение внутренней жизни, от которой сама собою благоустрояется и внешняя. Трезвение епископское смотрит за всем происходящим в стаде его и доброе утверждает, а недоброе исправляет; особенно зорко смотрит епископ, не подкрадываются ли какие волки, не щадящие стада, чтоб, когда увидит таких, отгонять их жезлом пастырства своего. Он поставляется стражем дома Божия; почему должен бодренно стеречь дом сей. «Подобает ему быть бодрственну и способну предусматривать, как должно действовать» (блаженный Феодорит); «быть острозорку, всегда неусыпну, внимательно-наблюдательну, чтобы все видеть и всегда быть готову ко всякому нужному делу» (блаженный Феофилакт). «*Трезвену,* — то есть он должен быть прозорливым, со всех сторон иметь тысячу глаз, — должен быть проницательным и ничем не помрачать своего умственного взора. Ибо много есть таких случайностей, которые не дают ясно видеть, как следует действовать. Почему он должен быть неусыпно бодрствующим, имеющим попечение не только о своих делах, но и о том,

что касается других, — он должен бодрствовать, пламенеть духом и, так сказать, дышать огнем, с большею ревностию нести труды и обязанности (своего сана), нежели как полководец, который день и ночь обходит воинство, — обо всем иметь заботу и попечение» (святой Златоуст).

Целомудру. Так как о плотском целомудрии было уже слово в словах: *единыя жены мужу*, — то здесь под целомудрием следует разуметь «душевное преуспеяние» (блаженный Феодорит), именно — здравоумие, или благоразумие как в своем собственном поведении, так и паче в ведении дел по управлению паствою. Как опрятная одежда хорошо сидит на всем теле, так что все в ней и в меру, и к месту, и к лицу, так благоразумно ведомые дела благообразно да украшают лик епископа, да будет он κατεσταλμένος (см.: блаженный Феофилакт).

Благоговейну, честну. Два сии слова отвечают одному греческому: κόσμιον, — которое блаженный Феофилакт истолковал: σεμνοπρεπῆ. И вероятно, наш славянский перевод хотел выразить полнее смысл сего последнего слова, которое значит: благолепно честный и показывает, что лик епископа должен сиять таким священным благолепием, которое вызывает всеобщее уважение. Блаженный Феодорит пишет: «ему надлежит быть степенну и в выговоре, и в наружности, и во

взгляде, и в походке, чтобы и в теле видно было душевное благообразие».

Страннолюбиву — «доброхотно принимающему пришельцев» (блаженный Феодорит). «Ибо если он к одним только местным жителям приветлив, радушен и милостив, то болит пристрастием. Но ему надо к странным еще более быть щедрым; ибо это очевиднее свидетельствует о его братолюбии» (блаженный Феофилакт).

Учительну. «Указанные пред сим качества («благоразумие, преподобие и страннолюбие» [Экумений]) имеют многие и из подчиненных, — ибо и они в этом отношении должны быть равны начальникам. Почему Апостол, показывая преимущество епископа, прибавил: *учительну*. От подчиненного этого уже не требуется; но оно требуется более всего от того, кому вверена эта должность епископства» (святой Златоуст). «Разумеет же под сим Апостол не красноречием отличающегося, но обученного Божественному и способного подать надлежащий совет» (блаженный Феофилакт). *Учительну*, διδακτικόν, — выражает, что епископ должен быть так полон учительности, чтоб, как только случай, учение текло из уст его рекою, — чтоб всегда мог он исполнить и исполнял, что потом написал Апостол во Втором Послании: *проповедуй слово, настой благовременне и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением* (2 Тим. 4, 2).

Стих 3. *Не пиянице, не бийце, не сварливу, не мшелоимцу* <корыстолюбцу>, *но кротку, не завистливу, не сребролюбцу.*

Не пиянице. «Сие сам истолковал Апостол в предписании диаконам: быть *не вину многу внимающим* (3, 8)» (блаженный Феодорит).

Не бийце, μὴ πλήκτην, — не драчуну, каким нередко оказывается *вину много внимающий.* Но в отношении к исполнению начальнической должности, с которою соединено наказание неисправных, может сие означать и: не строго-взыскательну, не вспыльчиву, не жестоко-наказательну. Блаженный Феодорит пишет: «запрещает сим Апостол не наказание налагать во время, но делать сие недолжным образом. А что повелевает наказывать, о сем, како услышим вскоре, скажет сам: *согрешающих пред всеми обличай* (ср.: 5, 20); и еще: *обличи, запрети* (2 Тим. 4, 2). И, пиша к галатам, сказал он: *о несмысленнии Галате* (ср.: Гал. 3, 1) — и еще: *тако ли несмысленни есте* (ср.: Гал. 3, 3)».

Не сварливу, ἄμαχον. В греческом слово сие стоит там, где в славянском стоит: *не завистливу*, — которого нет в греческом. Значит оно: «не любящу заводить тяжбы» (блаженный Феодорит) — и вообще споры и раздоры, — non litigiosum, — не бранчиву, по Амвросиасту.

Не скверностяжательну, μὴ αἰσχροκερδῆ, — Феодорит и Феофилакт не читают; но святой

Златоуст и Экумений читают. Указывает на такого, который к стяжанию не употребляет таких средств, которые не одобряются общим судом, как, например, — рост; а может быть, и на такого, который ни за что не согласится покривать в чем скверного ради прибытка, а тем паче вообще все служение свое обратить к сей цели.

Но кротку. «Научает, как можно быть небийцею и несварливым. Кто кроток, тот не будет таковым» (блаженный Феофилакт). Кроткий миролюбиво переносит личные неприятности и оскорбления. Таков наипаче должен быть епископ. «Он должен уметь переносить сделанные против него проступки (но только такие). Ибо оставлять без внимания, что терпят обидного другие, — не признак скромности (свойственной епископу). Сказано: *начальствуй со тщанием* (ср.: Рим. 12, 8)» (блаженный Феодорит).

Не сребролюбцу. «Не сказал Апостол: нестяжательну, потому что дает умеренные законы, но: не любящему денег. Ибо возможно иметь у себя деньги, но распоряжаться ими как должно и не им раболепствовать, но быть господином их» (блаженный Феодорит). К тому же ему должно быть и благотворительну, «для чего необходимо иметь, из чего благотворить, но иметь без привязанности к имеемому, дабы не сокращалась рука благодеющая. «Поелику выше сказал, что ему должно быть *страннолюбиву*; то теперь при-

бавляет: *не сребролюбцу*, — показывая, что будет он страннолюбив, если не будет сребролюбив, и вместе научая, что под предлогом страннолюбия не должен он собирать сокровищ» (блаженный Феофилакт).

Святой Златоуст изумляется, что святой Павел поминает здесь о таких пороках, которые и во всяком христианине, и даже нехристианине, нетерпимы, — «очень грубых» (Экумений). Почему слова: *не пиянице, не бийце* — истолковал не в собственном их смысле, а в значении переносном: «*не пиянице*. Не о том говорит Апостол, кто упивается вином, но о бранчивом и продерзком. *Не бийце*. Здесь идет речь не о тех, которые бьют руками; но так как есть люди, которые безвременно возмущают совесть братий, то, мне кажется, он здесь на них намекает». То же повторяют и Экумений с Феофилактом. Наконец, святой Златоуст такую обращает речь к Апостолу: «впрочем, что ты говоришь, скажи мне? Беседуя о епископе, сказал, что он не должен быть пьяницею, между тем как надлежало бы сказать что-нибудь более важное. Отчего, например, не сказал, что епископ должен быть Ангелом, не быть подверженным ни одной человеческой страсти? Или почему не выразил тех великих требований, о которых говорил Христос и которые должны исполнять даже подчиненные, — что нужно распять

себя и всегда быть готову отдать душу свою за других? *Пастырь добрый*, — говорил Он, — *душу свою полагает за овцы* (Ин. 10, 11); также: *иже не приимет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10, 38); но сказал: *не пиянице*? Благие можно иметь надежды, если в этом нужно наставлять епископа! Но отчего ты не сказал, что он должен отрешиться от земли, но даже того не заповедал епископу, что заповедал мирянам? Этим говорил: *умертвите уды ваша, яже на земли* (ср.: Кол. 3, 5) — и еще: *иже Христовы суть, плоть распяша* (Гал. 5, 24). Почему же не сказал этого и епископу? Потому что таких не много можно было найти, между тем епископов требовалось много, которые бы предстоятельствовали в отдаленных городах. Поэтому, так как в последствии времени могли возникать наветы против Церкви, то Апостол говорит об умеренной добродетели, а не об этой возвышенной и выспренней, потому что многим свойственно быть трезвенными, честными, целомудрыми». Это же занимало и Амвросиаста, — и он пишет: «для того указал здесь Апостол низшие добродетели, чтоб, если кто окажется имеющим высшие, и сомнения не было, что он достоин епископства. Если кто, влекомый высшими стремлениями, и душу и тело свое посвящает Богу, то такой тем паче достоин».

вв) Доброе управление своего дома (3, 4—5)

Глава 3, стих 4. *Свой дом добре правящу, чада имущу в послушании со всякою чистотою (честностию).*

Церковь — дом Божий, которым править избирается епископ. Способен ли на сие служение избираемый, можно судить по тому, как он правит своим домом. Кто хорошо правит домом, от того можно ожидать, что он хорошо будет управлять и Церковию. Хоть это дело шире, и предметы управления сложнее, и цели его возвышеннее, но управление, как управление, одинаковых требует приемов. То правда, что заключение от хорошего домоправления к хорошему управлению Церковию не необходимо следует, но всякий хороший управитель дома, при избрании на предстоятельство в Церкви, не может не иметь перевеса над другими, подавая добрые надежды. «То же говорят и внешние, что хороший домоправитель скорее может сделаться хорошим правителем дел гражданских» (святой Златоуст). Дом обнимает и лица, живущие в нем, и имущество его, и его внешние отношения к правительству и частным лицам. Все сие есть и в Церкви: есть и лица всех состояний и возрастов, — есть и свое имущество, определяемое на содержание бедных, больных, престарелых, вдов и сирот, кроме домов собрания, — есть и свои отношения ко внешним. Кто в доме оказал опыт хорошего управления по

всем частям, тот, вступая в управление Церковию, вступит не на новое и совсем неведомое ему дело. Почему скорее найдется, как действовать в том или другом случае. Святой Златоуст говорит: «и Церковь есть то же самое, что малый дом, и подобно тому, как в дому находятся дети, жена, слуги и над ними всеми возвышается своею властию муж; так и в Церкви не иное что, а то же самое (встречаем) — детей, жен, слуг. Если предстоятель Церкви имеет соучастников своей власти, то и там муж имеет соучастницею власти жену. Но здесь должно заботиться о пропитании вдовиц и девственниц? И там тоже муж имеет на своем пропитании рабов и дочерей».

Чада имущу в послушании со всякою честностию. Из всех предметов управления по дому особому предлагает вниманию избирателей поведение детей; не в том, конечно, значении, что, у кого дети хороши, тот хороший правитель, потому что тут все может зависеть от естественных причин, но в том особенно, что коль скоро дети не хороши, то отец какой уже правитель? «Дома должен он показать хороший пример управления. Ибо кто поверит, что чужого заставит слушаться себя тот, кто своего сына не умел держать в послушании?» (святой Златоуст). — Из добродетелей, рекомендующих чад, указывает Апостол на послушание и всякую честность: послушание к родителю, как главе дома, а честность

пред всеми, и в доме, и вовне. Можно поэтому сказать, что эти две черты обнимают все доброе поведение детей. Почему блаженный Феодорит: *имущу чада* с такими свойствами, — толкует: «учащу детей всякой добродетели; для чего требуется, чтобы действовало не одно расположение самых детей, но и собственное его произволение». Блаженный Феофилакт пишет: «*со всякою честностию* — значит: и в слове, и в деле, и в одежде, — и притом пред всеми и во всякое время» — и наводит: «как можно надеяться, что сделает честными чужих, когда своим кровным попустит жить нечестно?»

Стих 5. *Аще же кто своего дому не умеет правити, како о Церкви Божией прилежати возможет?*

Слово: *не умеет* — указывает на недостаток или благоразумия, или характера, а слово: *прилежати* — обличает леность, недостаток усердия к благосостоянию дома. Если, судя по домоправлению, в ком не предвидится ни усердия, ни характера, ни благоразумия по управлению Церковию, от того как можно ожидать хорошего управления ею, — ожидать, что он позаботится о ее благе? От меньшего Апостол заключает к большему. «Кто не умеет распоряжаться малым, тому можно ли вверять попечение о важнейшем и Божественном?» (блаженный Феодорит). «Домом управлять легче. Поэтому как может управлять

делами церковными тот, кто и дом свой нехорошо устрояет?» (святой Златоуст). «Если он не мог быть хорошим правителем того, что и не велико, и удобоопределимо, то где ему управить стольких душ нравы и помыслы, недомыслимые?» (блаженный Феофилакт).

гг) Не недавнее крещение (3, 6)

Глава 3, стих 6. *Не новокрещенну, да не возгордевся в суд впадет диаволь.*

Новокрещенный, как ни будь он воспламенен духом, все же есть новичок в деле веры и жизни по вере. Потому естественно во многом стоит ниже других, равно горящих духом, но давно уже вступивших в путь последования Господу, которые и знают больше, и испытали множайшее. Хотя впоследствии он может опередить всех, но теперь он позади многих, и стать ему руководителем и учителем всех и таких непригоже. Но Апостол не эту непригожесть выставляет как причину, почему новокрещенного не следует поставлять епископом, а — нравственную опасность для него самого, — что возгордится и за то подпадет такому же осуждению, какому подвергся диавол, с неба сверженный за гордость. Новичку в обществе верующих, «такому, который не обучен предварительно Божественному и, включенный в список учеников, не упражнялся сперва в добродетели, — получив председание, немудрено

дать в себе место страсти высокомерия» (блаженный Феодорит). Но каким судом угрожает ему Апостол? Как и в какой суд, осуждение и присуждение по суду, или наказание, впадет он, и где? Апостол не указывает этого; потому можно думать, что он хотел только сказать, что такой достоин будет суда, подобного суду диаволю, — станет в этот ряд, и пред лицем Божиим, и во мнении верующих, не определяя, как объявлен будет такой суд и присуждение по нему. Худое последствие возгордения Апостол ограничивает нравственным состоянием самого возгордевшего, — что он ниспадет с той высоты светлого состояния, в какое поставила его благодать Духа Святаго чрез святые таинства, совершенные над ним. Ибо гордость обнажает от сей благодати, заграждает ей входы внутрь и поставляет разгордевшего опять в то худое состояние по духу, в каком был до веры, или даже ниже его; а тут он опять попадает в руки диавола, от власти которого избавила было его Божия благодать по вере. Некоторые это последнее следствие возгордения и разумеют под *судом диаволим*.

Не новокрещенну, μὴ νεόφυτον, — не новонасажденну, не новопривиту. Выражение взято из приточной речи Спасителя, где Он Себя называет масличным древом, а всех верующих отростками, ветвями и прививками сего древа. Прививаются к Господу крещенные, которые чрез крещение

облекаются в Него, Его жизнию исполняются, как прививки соками древа, к коему привиты. Почему новонасажденный то же, что новокрещенный. Но под сим словом не разумеется юный возрастом. И святой Тимофей был юн, — и «сам Божественный Павел, будучи в юности, сподобился призвания» (блаженный Феодорит). Но это не попрепятствовало святому Павлу быть первенствующим, а святому Тимофею вторствующим Апостолом. Святой Златоуст говорит: «Апостол присовокупляет: *не новокрещенну*, — разумея здесь не того, кто был бы юн возрастом, а новооглашенного, подобно как говорит в другом месте: *аз насадих* (1 Кор. 3, 6). Он сказал сие, желая означить сего последнего (новонасажденного). Ибо что препятствовало сказать: не юну? К тому же он сам поставил епископом Тимофея, несмотря на то, что он был молод, о чем и свидетельствует, говоря к нему: *никтоже о юности твоей да нерадит* (4, 12), — (показывая, что юность не препятствует сему, когда достойна). Апостол знал, что святой Тимофей обладал многими добродетелями, что он достиг до великого совершенства в жизни, что он был многосведущ: *измлада священная писания умееши* (2 Тим. 3, 15), говорит к нему в Послании Апостол. А что он соблюдал строжайший пост, сие видно из следующих слов Апостола: *мало вина приемли ради частых твоих недугов* (ср.: 5, 23). Если б Апостол не знал о

столь высоких его добродетелях, то и не писал бы и не поручил бы столь высокого служения ученику. (Итак, *не новокрещенну* — не значит: не юну). Но так как в то время многие из язычников (почтенных) обращались и крестились, то и говорит Апостол: новокрещенного, то есть новооглашенного, не вдруг возводите на высоту власти. Ибо если он, прежде нежели обучится всему или станет совершенным учеником, вдруг будет поставлен учителем, то впадет в высокомерие; если, не научившись повиноваться, займет место начальника, то сделается надменным. Почему и прибавил: *да не возгордевся в суд впадет диаволь,* — то есть чтобы не подпал тому же осуждению, какому тот подвергся за свою гордость».

Блаженный Феодорит пишет: «судом Апостол назвал здесь наказание», подобное тому, какому подвергся диавол. Так и все другие толковники. Но Амвросиаст видит здесь иное нечто. Он пишет: «воистину бывает так, что неискушенный в вере надымается гордостию, особенно если получит посвящение. Ибо, по новости чина и власти возмечтав о себе много, начинает он думать, что и по совершенствам стоит выше других. К тому же, видя, что в первый год рождения в новую жизнь почтен такою честию, впадает в помышление, что он призван не для своего преуспеяния, а для других: как бы более сам оказывал вере благодеяний, нежели сколько получил

от нее. Но, возгордившись вследствие таких помышлений, попадается он в сети диавола. Ибо сатана, воспользовавшись случаем его возгордения, низвергает его в пропасть. В сем смысле у Соломона говорится: *Бог гордым противится* (ср.: Притч. 3, 34). И тот же Апостол в другом Послании говорит: *аще кто мнит себя быти что, ничтоже сый, умом льстит себе* (ср.: Гал. 6, 3). И Господь сказал: *всяк возносяйся смирится* (Лк. 14, 11)».

дд) Уважение и среди неверных (3, 7)

Глава 3, стих 7. ***Подобает же ему и свидетельство добро имети от внешних, да не в поношение впадет и в сеть неприязнену.***

«Не сказал: надлежит ему иметь свидетельство, но *и свидетельство имети*, — то есть между прочим и это, а не одно это только» (святой Златоуст). Сказав, что епископ должен быть безукоризнен (см.: 3, 2), и изобразив разные стороны такой безукоризненности среди верующих, теперь прибавляет ко всему тому и *доброе свидетельство от внешних*, — то есть от не принадлежащих к Церкви верующих, иудеев и еллинов. Иметь свидетельство не то значит, чтоб надлежало добыть форменное свидетельство от не своих и представить своим, но то, чтоб избираемый в епископы пользовался доброю славою и среди неверных. В каком отношении? Конечно, не по

внешнему положению, но по всем известной доброй нравственности и житейским добродетелям. Святой Златоуст, прилагая к сему слова Спасителя: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже есть на небесех* (ср.: Мф. 5, 16), говорит: «пусть поступки его будут светлы. Ибо подобно тому, как никто не назовет солнца темным, даже самый слепой, потому что он стыдится идти против общего мнения, — так и совершенно праведного никто не станет порицать. Правда, язычники часто клеветали на них (епископов или христиан вообще) ради их верований, но праведной их жизни не порицали, напротив, вместе с другими удивлялись и приходили в изумление (взирая на нее). И на Апостолов клеветали; но что? Что они льстецы и обманщики, — то есть ради их проповеди, — и это делали потому, что ни в чем не могли укорить их жизни. Ибо почему никто не сказал об них, что они любодеи, нечестивцы, корыстолюбцы, но — льстецы, что относилось к одной только проповеди? Не потому ли, что они вели жизнь безукоризненную? Конечно, потому. Поэтому и мы (епископы) так должны жить; и тогда и об нас никто не станет худо говорить, хотя бы это был наш враг или неверный. Ибо, кто ведет праведную жизнь, тот и у неверных становится достойным уважения: истина и врагам заграждает

уста». Святой Златоуст, как очевидно, имеет здесь в виду доброе свидетельство внешних более о нравственной жизни избираемого; а Амвросиаст — более о житейских добрых его качествах: «следуя слову Господа, Апостол говорит, что имеющий быть епископом должен иметь доброе свидетельство и от внешних; потому что верный в меньшем будет верен и в большем. Кто в меньшем, то есть в мирских делах и в житейских соотношениях, неверным оказывается, тот, нет сомнения, будет неверен и в отношении к Божественным вещам. Напротив, кто людям изъявляет верность, тот тем более будет изъявлять ее Богу».

Доброе свидетельство внешних прежнее ли поведение избираемого имеет в основании, когда он сам был внешним, или новое, когда он стал внутренним, Апостол не указывает. Нечего потому и гадать об этом. Было бы доброе свидетельство от внешних, а когда и как оно образовалось, на это нечего смотреть. Тогда из обращающихся были многие такие, которые прежде жили зазорно; но, сделавшись христианами, начинали жить безукоризненно и вследствие того приобретали доброе о себе мнение и среди тех, которые прежде зазирали их жизнь. Таких еще скорее следовало избирать: ибо чрез то наияснейше представляемо могло быть взору всех благотворное действие веры Христовой.

Да не в поношение впадет и в сеть неприязнену. Это в случае, если б избрали не имеющего доброго свидетельства от внешних, и тем паче имеющего недоброе свидетельство. Но какое дело внутренним до внешних, когда они по совести признают избираемого достойным? Внешние могут не знать его хорошо или злонамеренно клеветать на него. Будто и следует правду приносить в жертву их неправде?! Не потому надо брать во внимание их свидетельство, чтоб жертвовать их неправде правдою; но, оставляя у себя и для себя правду правдою, то есть не изменяя своего доброго мнения о не имеющем доброго свидетельства от внешних, лучше не избирать его во избежание худых от того последствий. Святой Златоуст говорит: «а если он будет оклеветан и случайно подвергнется несправедливому обвинению? Может и это случиться.— Но в таком случае не должно его избирать из среды других; ибо это внушает большие опасения».

Опасности две: *да не в поношение впадет и в сеть неприязнену*.

Да не впадет в поношение. Но он уже в поношении, если не имеет доброго свидетельства. Какого еще поношения опасаться? Может быть, Апостол под: *да не в поношение впадет* — разумеет: да не падет под тяжестию его, как в: *не введи нас во искушение* — разумеется: не дай нам пасть под тяжестию его. Пока, оставаясь частным

лицом, слышал он недобрые о себе отзывы, легко сносил их, пропуская мимо ушей. А когда поставят его главою общества верующих, тогда нелегко ему оставаться равнодушным к тому. Начнут его давить то стыд и пред собою, и пред своими, и пред чужими, так что и на люди показаться неохотно, — то досада, гнев и злость. Эти неприятные движения сердца и сами уже суть *сеть неприязненная*, — по-гречески: τοῦ διαβόλου — диавольская. Но они могут для врага послужить поводом к сплетению еще более опасной сети. Отяготившись и обессилев, он может, под действием недремлющего врага, бросить и епископство, и самое христианство и «обратиться к прежней беззаконной жизни» (блаженный Феодорит). — Как такая опасность очень возможна, — опасность большая, а избежать ее очень легко, то благоразумнее так поступать, чтоб не подвергать ей никого.

Или *да не в поношение впадет*: чтоб не впасть еще в большее поношение, которое с него может перейти и на все общество верующих и тем пресечь благоуспешное действие Евангелия (см.: блаженный Феофилакт). Что можно тоже назвать сетью вражьею: ибо сети устрояются то на ввержение в грех и пагубу, то на воспрепятствование расширению круга добра. Соблазн для неверных от поношения епископа верных есть тоже сеть диаволова.

б) Свойства достойных диаконства (3, 8—13)

Диаконы введены Апостолами с самого начала основания Церкви. Первоначально им назначено было удовлетворять вещественные нужды верующих; но на этом дело не остановилось, ибо скоро видим святого Стефана проповедующим слово Евангельское. Если проповедь слова им позволяема или поручаема была; то тем паче не могло быть чуждо им служение при совершении Божественных таинств. Отсюда можно положить, что диаконы были избираемы — быть помощниками пресвитерам и епископам, в их служении Церкви по всем частям, — и, как такие, подобно им получали особую благодать чрез рукоположение. Судя по сему, нельзя не видеть, сколь было необходимо, чтоб и на сие служение были избираемы лица достойные; тем паче, что, вступив на сию степень, они вступали на путь движения и к высшим степеням служения Церкви, как здесь же и обозначается. Вследствие последнего обстоятельства требуемые от избираемых на сие служение лиц свойства сходны с свойствами, требуемыми от избираемых в епископы или пресвитеры. Особенность видна только в нескольких чертах, — именно что они должны быть прежде испытуемы и иметь таинство веры в чистой совести, воодушевляясь к доброму служению чаянием получить высшее служение. О епископах этого не говорится, потому что в первом они уже испы-

танными являются к избранию, и последнее получают. — Часть служения по Церкви удобнее могла быть исполняема женщинами, как, например, при крещении жен и хождении за болящими из них; для исполнения такого служения были назначаемы диакониссы. Апостол не забыл о них сказать слово, — краткое, в одном стихе, но много обнимающее.

Глава 3, стих 8. *Диаконом такожде чистым, не двоязычным, не вину многу внимающим, не скверностяжательным.*

Блаженный Феодорит, как видели, полагает, что выше словом: епископы — обозначаются пресвитеры. Но святой Златоуст утверждает, что сим словом означаются епископы, а пресвитеров Апостол пропустил, давая судить о них по епископам. «Сказавши о епископах, и начертав их образ, и показав, что они должны иметь и чего избегать, Апостол опускает чин пресвитеров и переходит к диаконам. Почему так? Потому что не велико расстояние между пресвитерами и епископами. И первые получили тоже дар учительства и также суть предстоятели Церкви; поэтому то же самое, что он сказал о епископах, приличествует и пресвитерам. Ибо первые одним только тем отличаются от последних, что совершают рукоположение их, — и в этом одном заключается их преимущество пред пресвитерами». Того же мнения и Экумений с Феофилактом. — Приходит

на мысль, не было ли так, что Апостолы поставляли только епископов, которые одни и совершали всё по Церкви. Пресвитеров же епископы избирали и посвящали в помощь себе только в таком случае, если сами одни не могли всем управиться.

Диаконом такожде. «То есть и им должно иметь то же самое, что и епископам. Что же это то же самое? То есть быть непорочными, целомудренными, странноприимными, кроткими, не сварливыми, не сребролюбцами» (святой Златоуст). «И они да водятся такими же законами» (блаженный Феодорит).

Чистым, σεμνοὺς, — честным. «Они должны, говорит, кроме сказанного, иметь и честность» (блаженный Феофилакт). Σεμνός — от: σέβω — чту, благоговеинствую, в религиозном порядке, — означает и того, кто достоин некоего священного и благоговейного почитания, и того, кто сам благоговеен, страха Божия исполнен, — богобоязнен. Разумеется честность не житейская, а нравственная степенность и религиозное благоговеинство.

Не двоязычным, μὴ διλόγους, — не двословным, — «не говорящим одному одно, а другому другое, но украшающим язык истиною» (блаженный Феодорит); или «не одно на уме держащим, а другое говорящим» (блаженный Феофилакт). Как такого рода речи, кроме неискренности, обличают и некое лукавство, то святой Златоуст

говорит: «*не двоязычным*, — то есть не лукавым, не хитрым. Ибо ничто столько не делает человека бесчестным, как лукавство; и ничто столько не приносит вреда Церкви, как хитрость».

Не вину многу внимающим. Много вину внимает, кто любит выпить. Но, «кому вверяется служение в Церкви, тем преимущественно надлежит освободиться от этой страсти» (блаженный Феодорит). «Не сказал: не пьяницам (упивающимся), потому что это уж крайне грубо и низко, но: не многопийцам. Ибо, хотя и не упивается кто, пьет, однако ж, много, — все же настроение души его делается никуда не гожим. Древние, вступая в служение во святилище, совсем оставляли употребление вина» (блаженный Феофилакт, Экумений).

Не скверностяжательным. «Скверностяжатель не тот, кто, как предполагали, не чуждается получать какие-либо выгоды, но кто охоч собирать выгоды с вещей срамных и крайне неприличных» (блаженный Феодорит) — или «кто не отказывается ни от какой выгоды, откуда бы она ни приходила. Принимай здесь скверностяжателя за скупого любостяжателя и сребролюбца» (блаженный Феофилакт). «Скверными стяжаниями достоит называть и те, которые заботливо приобретаются под видом благочестия» (Амвросиаст). Последнего тем паче надлежало опасаться в

диаконах, что их дело было успокоить нуждающихся верующих из церковного достояния.

Стих 9. *Имущим таинство веры в чистей совести.*

Таинство веры есть то, о коем ниже Апостол сказал: *исповедуемо велия благочестия тайна: Бог явися во плоти... вознесеся в славе* (ср.: 3, 16). Бог нисшел на землю в воплощении и устроил нам дивный образ спасения. Таинство есть сие, потому что непостижимо для нас и по откровении, и по устроении самым делом спасения, — непостижимо и в том, как это совершено Богом воплощенным, и в том, как нам действенно усвояется и нас спасает. Приемлется же сие таинство верою, что так несомненно есть, так как Сам Бог все сие и соделал, и истолковал нам, и что приемлющий и делающий все, как определено в сем образе спасения, несомненно получает спасение.

Содержать такое *таинство веры в чистей совести* есть чистосердечно, по всей совести, сему веровать, не колеблясь и не раздвояясь в мыслях, глубокое во всем питая убеждение и не допуская никаких противных тому помышлений. Или так: совесть чиста, когда кто всеусильно делает все требуемое заповедями или исполняет всякую познанную волю Божию. Такая совесть всю душу освящает и умиротворяет — и делает ее сосудом, пригодным к содержанию и хранению Божест-

венного и пренебесного таинства веры. Апостол и внушает, чтоб избираемый в диаконы в такой чистой совести содержал таинство веры, то есть веруя и жил чисто и безукоризненно, и по внешнему поведению, и по внутренним чувствам и настроениям. Святой Златоуст говорит: «этим Апостол показывает, что значит быть непорочным». Блаженный Феодорит прибавляет: «быть подтверждающим веру делами. Ибо чистою совестию Апостол назвал добрые дела. Делатель их не уязвляется совестию». Блаженный Феофилакт поясняет: «с хранением правого догмата имеющим и жизнь непорочную. Ибо чистою совесть бывает при непорочной жизни».

Стих 10. *И сии убо да искушаются прежде, потом же да служат, непорочни суще.*

И сии убо, — и будучи таковыми или быв признаны такими, то есть *имеющими таинство веры в чистой совести,* — и прочие показанные выше добрые качества, *да искушаются,* — да подвергаются испытанию, в котором они показали бы, что все видимые в них доброты глубоко лежат в сердце, составляя черты установившегося их нрава, а не кажущееся нечто и случайное. Может быть, испытанию сему подлежали они особенно со стороны способности к исправлению дел диаконства, — благоразумны ли, распорядительны ли, внимательны ли: ибо многие, обладая хорошими свойствами сердца, бывают очень неискусны в

ведении внешних дел. Это требование испытания равносильно тому, что скажет он ниже: *руки скоро не возлагай ни на когоже* (5, 22), и тому, что сказал уже о епископах, да не будет он *новокрещен*. Так святой Златоуст: «смотри,— он и здесь говорит: *не новокрещенну*. Ибо выражение: *и сии да искушаются прежде* — то же значит, что сказанное им о епископах». То же пишет и Феофилакт: «Как, говорит, относительно епископа я требовал, чтоб он был не новокрещен, так требую, чтоб и эти не были допускаемы до служения, не быв испытаны, но после того, как, быв довольно потерты под испытанием, окажутся безукоризненными: подобно тому, как (и в житейском быту) новокупленному рабу никто не поручит распорядительной какой-либо должности, прежде чем он по времени окажет себя на то гожим».

Потом же да служат, διακονείτωσαν,— да допускаются до служения или, лучше, да поставляются в диаконы,— да вдиаконяются. Так блаженный Феодорит: «надобно, чтобы прежде испытана была жизнь их, а потом уже сподоблялись они духовной благодати». *Непорочни суще* — не «если непорочны», но будучи таким образом или оказываясь после сего безукоризненными во всех отношениях, ничего не имея в себе, чего не одобряла бы чья-либо совесть из всего общества христиан.

Стих 11. *Женам такожде чистым, не клеветливым, (не навадницам), трезвенным, верным во всем.*

Под *женами* здесь не разумеются ни женщины вообще, — потому что к чему бы вставлять речь о них среди речи о лицах, служащих в Церкви? — ни жены диаконов, потому что тогда стояло бы: женам их. Но как речь идет о лицах, служащих Церкви, то и под женами здесь надо разуметь такие же лица из женского пола. Такими были диакониссы; о них и слово. Так святой Златоуст: «*женам*, — то есть диакониссам. Некоторые полагают, что это просто сказано о женщинах; но это несправедливо. Ибо что мог иметь Апостол в виду, вставляя в среду своей речи несколько слов о женщинах? Но он говорит здесь о таких женщинах, которые облечены званием диаконисс. Об них прилично было сказать, что сказано. Ибо сие звание весьма нужно, полезно и достойно уважения в Церкви» (святой Златоуст).

Такожде. «Что поставил в закон мужам, то же почти самое поставляет и женщинам. Как диаконов нарек *честными*, так честными же нарекает и диаконисс; как тем предписал быть *не двоязычными*, так и сим поставляет в обязанность быть не клеветливыми; как тем узаконил *не вину многу внимать*, так и сим повелел быть *трезвенными*» (блаженный Феодорит).

Чистым — и здесь, как выше честным, σεμνάς, — пользующимся уважением и благоговейным.

Не клеветливым, μὴ διαβόλους, — не наваднидам, ложные распускающим слухи о других, «которые, как обычно старухам, ходят по домам и нашептывают той про эту» (блаженный Феофилакт).

Трезвенным, νηφαλίους, — внимательным к себе и бодренным. «Так как легок и удобопрельстим род сей, то не должно, говорит, им дремать, но быть бодренно-бдительными» (блаженный Феофилакт). Это и в отношении к себе, и в отношении к возлагаемым на них делам.

Верным во всем, — «то есть стойким и в слове и в делах» (блаженный Феофилакт), таким, на которых во всем можно положиться, что верно и точно исполнят все порученное, и так, как поручено, что не выдадут ничего им вверенного и своего данного слова никогда и никак не нарушат.

Стих 12. *Диакони да бывают единыя жены мужи, чада добре правяще и своя домы.*

Единыя жены мужи. «Видишь ли, что и от диаконов Апостол требует той же самой добродетели (что и от епископов)? Хотя они по сану и неравны епископу, однако должны быть столь же непорочны, столь же чисты» (святой Златоуст). «Разуметь сие должно по прежнему толкованию» (блаженный Феодорит).

Чада добре правяще и своя домы. «Сие поставил в закон и называемым у него епископами» (блаженный Феодорит). «Везде он говорит об управлении детьми, дабы прочие не имели повода к соблазну» (святой Златоуст).

Стих 13. *Ибо служившии добре, степень себе добр снискают, и многое дерзновение в вере, яже о Христе Иисусе.*

Воодушевляет Апостол диакона к доброму диаконствованию, обещая добрые от сего плоды, и внешние и внутренние, и по Церкви, и по сердечному отношению в вере к Господу Иисусу. Пред этим будто пропущено одно слово. Сказал, что достойный диаконства должен быть такой и такой и кто окажется таким, того, испытав, ставь в диаконы. Ожидалось бы или — и внушай ему, чтоб добре диаконствовал, или — ты же, диакон, добре диаконствуй. Но это дается самим доразуметь, и говорится только: ибо добре подиаконствовавшие не без плода потрудятся. Воодушевление такое нужным сочтено для диаконов потому, что служение их многохлопотливо и многотрудно, и по душе и по телу.

Добре служившии, διακονήσαντες, — подиаконствовавшие, диаконскую должность добре исправлявшие, *степень себе добр снискают*, — само собою разумеется, — степень в церковном служении, то есть после диаконства удостоятся пресвитерства, а потом и епископства. Святой Златоуст

говорит: «он как бы говорит: те, которые показали себя бодренно усердными в низших степенях, скоро достигнут и прочих (высших)». В начале сказал, что, кто епископства желает, доброго дела желает. Теперь указывает, какая к тому лежит дорога, именно, — доброе служение Церкви в диаконстве. И опыт показал, что добре диаконствовавшие славны были потом и на степенях пресвитерства и епископства (см.: блаженный Феофилакт).

Это плод от доброго диаконствования по положению в Церкви. По внутреннему преуспеянию от этого получится *многое дерзновение в вере, яже о Христе Иисусе*, — то есть многое дерзновение пред Господом, в силу веры в Него, — стяжут «великое совершенство (в духе) и дерзновение в вере во Иисуса Христа» (святой Златоуст). «Кто же может стяжать такое дерзновение, как не тот, кто с верою и живет праведно?» (Экумений). Праведная жизнь диакона — доброе диаконствование. Церковь — дом Господа Иисуса. Служа Церкви, Самому Господу служат. Но как в житейском быту верно и усердно работающий домовладыке и доступ к нему имеет, и слово пред ним должное не робеет сказать: так и верно служащие в Церкви самою совестию своею уполномочиваются смело воззревать к Господу и изрекать пред Ним желания сердца своего, — о себе и о верующих. Достигший сего усердным

трудом в диаконстве есть уже достоин стоять на степени пресвитера и епископа, чтоб дерзновенно возносить к Господу ходатайственные о сонме верующих молитвы.

3) КАК ДЕЙСТВОВАТЬ НА ПАСОМЫХ И ИХ РУКОВОДИТЬ (3, 14—6, 19)

Здесь святой Павел сначала дает наставления: А) вообще о достодолжном пастырствовании, — учении, назидании, руководстве, наиболее с той стороны, как пастырю себя к тому подготовлять и как бы воспитывать (см.: 3, 14—4, 16); а потом указывает: Б) как учить и руководить пасомых, судя по их разным состояниям (см.: 5—6, 19).

А) ОБЩИЕ НАСТАВЛЕНИЯ О ДОСТОДОЛЖНОМ ПАСТЫРСТВОВАНИИ (3, 14—4, 16)

Не будем наперед указывать частных в сем отделении подразделений, а будем означать их по течению Апостольского слова.

а) Единственный руководитель учителю истины — святая Церковь (3, 14—16)

На первом месте ставит святой Апостол указание, что единственный руководитель учителю истины в истине есть святая Церковь и что первая истина учения его есть: *Бог явися во плоти*. — Но этому предпосылает он некое утешение

любимому ученику своему, — недавно от него осиротевшему.

Глава 3, стих 14. *Сия пишу тебе, уповая приити к тебе скоро.*

Сия пишу — не предыдущее только, но и последующее, сие Послание пишу, *уповая приити к тебе скоро.* Последние слова не ту внушали святому Тимофею мысль, будто святой Павел пишет только кое-что, гожее на время, пока придет, а когда придет, сообщит более важное и полное. Ибо Послание содержит важные и подробные наставления. Напротив, они должны были служить для него утешением в скорби, которую могла навеять сия самая полнота и подробность наставлений. Видя это, святой Тимофей мог подумать: верно не воротится уже дорогой мой отец и любимый наставник, — подумать и начать скорбеть. В предотвращение такого думания и такой скорби Апостол удостоверяет: *сия пишу* — не как прощальное завещание, но уповаю, что скоро и сам к тебе ворочусь. Святой Златоуст говорит: «дабы чрез то, что делает ему наставление касательно таких предметов, не повергнуть ученика в скорбь, Апостол говорит: не потому я пишу это, что уже больше не приду к тебе; напротив, я приду. Впрочем, если случится, что замедлю, то, говорит, ты не сокрушайся об этом. Таким образом он пишет сие к Тимофею с тою целию, чтоб облегчить скорбь его; что же касается до прочих

(имевших читать Послание ефесян, то это служило к тому), — чтобы воздвигнуть их от недеятельности и сделать более ревностными. Ибо его присутствие, хотя бы оно было только обещано, могло сделать много».

Стих 15. *Аще же замедлю, да увеси, како подобает в дому Божии жити, яже есть Церковь Бога жива, столп и утверждение истины.*

Что подробное даю наставление, то это на случай, если замедлю. Тебе надобно знать, как следует жить и действовать среди верующих, как архипастырю. Я и пишу тебе об этом подробно. Хотя ты все почти знаешь, видевши, как мы с тобою благоустрояли Церкви Божии; но и тебе нужно напоминание, чтоб, освежая в мысли, как все в Церкви бывает благообразно, ты увереннее соответственно тому действовал, не приходя в смущение при сплетении обстоятельств и не сбиваясь от того с должного пути. Но более нужно это для других, чтоб видели, что ты получил заповедь именно так, а не иначе действовать, а не действуешь по своему произволу.

«В словах: *уповаю прийти... аще же замедлю* — Апостол обнаруживает незнание; потому что так говорить свойственно незнающему» (святой Златоуст). Святой Павел, как и все Апостолы, ревностно и неутомимо действовал, исполняя возложенное на него дело: строил планы, обдумывал средства. Но при этом и ход дела, и успех в

нем предавал в волю Божию, ко всякому задуманному шагу прилагая: аще волею Божиею, благопоспешен буду. Он все предавал водительству Божию, которое могло совсем другое дать направление его движению, нежели какое он думал иметь, как это уже не раз испытал. «Почему, так как он во всем водился Духом и по своей воле ничего не делал из того, что делал, то и сказал так нерешительно» (святой Златоуст). Блаженный Феодорит пишет: «ни Божественные Пророки, ни богомудрые Апостолы не предвидели всего. Что служило на пользу, то и открывала им благодать Духа. Сие означает и незнание, выраженное в настоящих словах Апостола. Ибо, сказав: *уповаю приити*, — присовокупил: *аще же замедлю*. Ибо часто задерживала его какая-нибудь потребность (или извещение свыше). Посему говорит: пишу это, научая, как должно вести себя тем, кому вверено попечение о других; потому что *домом Божиим* и *Церковию* назвал он собрание верующих».

Како подобает жити, ἀναστρέφεσθαι, — обращаться, — себя держать и с другими сноситься и на них действовать, — *в дому Божии*, — в Церкви или обществе верующих. Пастырь пасет. Непасущий пастырь — какой пастырь? Его дело быть среди пасомых и действовать: учить, назидать, исправлять, утешать, отрезвлять, защищать, — «упорядочивать Церковь» (Амвросиаст), или стадо

верующих. К этому и направляются теперь наставления Апостола. Сказанное пред сим есть как бы предисловие к нижеследующим наставлениям.

Дом Божий, Церковь Бога жива есть общество верующих. Бог везде есть, но в Церкви Он есть особенным образом, — есть внутрь каждого из верующих, а чрез то и в целом сонме их, — тоже не внешно, но внутренно, всех животворя, одушевляя и объединяя, и их друг с другом, и всех с Собою. Бог Отец обетовал: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16). Бог Сын удостоверил: *се Аз с вами есмь во вся дни* (ср.: Мф. 28, 20). О Духе Святом дано свидетельство: *храм Божий есте и Дух Божий живет в вас* (ср.: 1 Кор. 3, 16). Триипостасный Бог, — живый и зиждяй, — живет в сонме верующих, в теле Церкви. Тайну сию открыл Спаситель, говоря: *Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас* (Ин. 14, 20), — прибавим из других мест: благодатию и действием Святаго Духа. «Не говори, что Церковь люди собрали. Она есть дело Бога, — Бога живого и страшного, а не мертвого и немощного, каковы боги еллинов» (блаженный Феофилакт). «Она Богом устрояется, Богу посвящается и Бога имеет живущим в себе» (Экумений).

Но и Церковь особенным образом имеет Бога в себе живущим, — не так, как вещественный дом своего владельца. Этот не состоит в союзе с

живущим в нем и не чувствует, как он живет. А Церковь, животворимая живущим в ней Богом, сочетана с Ним живым союзом и чувствует живущим Его в себе, чувствует и то, что живет Им — и что поэтому паче и есть дом Его. Бог творит Себе дом из душ, обращая их к Себе, очищая, освящая и преисполняя, и, Собою всех исполняя, всех сочетавает во едино, и живых, и отшедших, и всех содержа в живом между собою единении.

Сия-то Церковь есть столп и утверждение истины. Ибо есть Церковь Бога жива, Который есть Бог истины, или самая истина. Почему все в ней истинно: истинно исповедание веры, истинно освящение таинствами, истинно облагодатствование, истинна жизнь по Богу, Богом в ней зиждемая, истинна помощь Божия, истинны обетования, животворящие труждающихся в доме Божием, — все истинно в ней; и в другом где-либо месте не ищи истины. Есть подобия некие истины и вне ее; но настоящая истина только в ней. Возрадуйся и благослови Бога, истинствующего в Церкви и тебя соделавшего причастником Своей истины и сотаинником ее!

Слова: *столп и утверждение* — выражают твердость, непреложность и неизменность истины. Но Церковь есть собрание человеков, которые обычно изменчивы: как же она столп и твердыня истины? Церковь такою есть, яко дом Бога живого, единого истинствующего, и как союз

человеков обоженных. Истинные сыны церкви — человеки, но не как человеки. Все человеки — не настоящие, вследствие падения, человеки; а те, которые вступают в Церковь, благодатию Божиею делаются истинными человеками. Истина водворяется во всем их существе. Почему от них должна исходить одна истина. Сие все творит живущий в них Бог живой и истинный. Церковь есть столп истины, как твердо и непоколебимо стоящая в истине и хранящая ее, — есть утверждение (истины), как успокоительница умов, когда они взволнованы бывают пришедшею ложью. Потому обязательно то считать истинным, что содержит вся Церковь, и возникающие недоумения решать голосом Церкви, выражаемым собором пастырей.

Наши толковники между прочим проводят здесь ту мысль, что святая Церковь христианская есть истина в отношении к Церкви ветхозаветной, в которой все было тень ее. — Блаженный Феофилакт пишет: «Церковь есть истины совмещение. Ибо все, в ней совершаемое, истинно, а не сеновидно*, не образно, каково то, что в Церкви подзаконной: вместо звонков в ней светлоблестящая проповедь; вместо дорогих украшений одежд (священных) преславная жизнь, внутренними богатая плодами; архиерей в ней — Сын Божий;

* *Сеновидно* — иносказательно, прообразовательно. — *Ред.*

великая жертва – Божественное тело Его» (сокращено из святого Златоуста и Экумения).

Стих 16. *И исповедуемо велия есть благочестия тайна: Бог явися во плоти, оправдася в Дусе, показася Ангелом, проповедан бысть во языцех, веровася в мире, вознесеся во славе.*

Вот какой истины Церковь есть столп и утверждение: *Бог явися во плоти!* Сию истину святая Церковь возвещает и подтверждает самым существованием своим. Ибо она есть здание, коего основание есть Христос Господь (см.: 1 Кор. 3, 11); есть тело, коего глава есть Он же, – Бог Слово, соделавшееся плотию. Как видящий живое тело в этом самом имеет удостоверение о главе и видящий прочное здание – удостоверение об основании: так видящий Церковь удостоверяется, что несомненно *Бог явися во плоти.*

Поминая о сем, Апостол имел в мысли представить вниманию, что эта истина не такова, что прячется в каком-либо безвестном уголке, но истина повсюдная, повсюду возглашаемая и признаваемая, и на небе между Ангелами, и на земле между всеми народами, – по всей твари она проповедуется, веруется, прославляется. Это нужно было представить, чтоб в уме святого Тимофея напечатлеть неотложное требование: вот какой истины держись! Ею меряй всякое учение и все несообразное с нею отвергай.

Но впереди сего он счел нужным указать, что это всюду возвещаемое не есть что-либо легкое, никакой трудности к принятию того не представляющее, а напротив, есть тайна, и тайна великая: чем и внимание к ней сильное возбуждал, и дорожить ею научал, и давал разуметь, что ничего другого большего никто уже открыть и показать не может.

И исповедуемо велия есть благочестия тайна. — *Благочестием* назвал Апостол нашу веру (см.: Экумений) христианскую; а *тайною благочестия* то, что сущность веры нашей сокровенна, и по причине непостижимости ее, и по причине сокровенности ее действия в нас. Зародилась она в тайне Триипостасного Бога прежде век, и приведена в исполнение непостижимейшим для всех тварных умов образом, и усвояется или причастными себя делает верующих тоже сокровенно: ибо как *дух, идеже хощет, дышет, и глас его слышаши, но не веси, откуду приходит, и камо идет: тако есть всяк рожденный от Духа* (ср.: Ин. 3, 8). Сокровенно и то, чем завершается такое начало нового рождения, именно — живое общение с Богом чрез Господа Спасителя благодатию Духа Святаго, общение, в коем *Бог есть, действуяй вся во всех* (ср.: 1 Кор. 12, 6), без нарушения, однако ж, свободы и без отъятия цены и достоинства у действий ее.

Велика же сия *тайна* нашего *благочестия*,— и по Лицу, устроившему его, и по силам или средствам, употребляемым для усвоения его, и паче по концу, коим завершится действие его, то есть обновлению неба и земли и воссиянию блаженного Царствия Божия,— и велико *исповедуемо*; ибо, только что кто узнает о ней и обозрит умным оком все возвещаемое и обещаваемое ею, не может удержаться, чтоб не воззвать: велия тайна! Беспрекословно и неудержимо всеми исповедуется величие ее. Самые неверы, хотя не признают истины веры нашей, не могут не признать, что содержание ее пренебесно, возвышенно,— выше и величественнее всего, что могли бы придумать самые великие, ангельские умы.

Или — велика тайна, как тайна, яко глубоко таинственная и непостижимая,— и это *исповедуемо*, то есть беспрекословно всеми признается она непостижимою, недомыслимою*, неисследимою, «не подлежащею взысканию»,— как говорит святой Златоуст. Созерцая ее, как она открыта, изумляйся, как делали все святые, восходившие к такому созерцанию, исповедуя притом и величие ее и непроницаемую таинственность. Проникнуть же во глубину ее не пытайся и не напрягай своего малого ума, чтоб и его не потерять.

Бог явися во плоти... вознесеся во славе. Апостол описывает или изображает сию тайну не

---

* *Недомыслимый* — непостижимый человеческой мыслью. — *Ред.*

со стороны сущности ее, а со стороны явления ее, — представляет все течение сего ее проявления. Бог подвигся с неба и, нисшедши на землю, принял на Себя человеческое плотяное естество, совершил великие знамения и чудеса, даже в самой смерти, понудившие уверовать, что Он есть воистину Бог, вознесся на небо, сретенный, сопровождаемый, исповедуемый и прославляемый Ангелами, оттуда Духа Божественного ниспослал, Которым просвещенные, укрепленные и воодушевленные Апостолы, прошедши всю землю, всем языкам возвестили о предивном сем деле, — явлении Бога во плоти, и всюду насадили веру в мире, — каковое насаждение и дало бытие Церкви, *яже есть столп и утверждение истины* сей. В сих немногих словах Апостол совместил все исповедание веры нашей.

Бог явися во плоти — не таким явлением, каким являлся праотцам, но таким, в коем *Слово Бог плоть бысть и вселися в ны* (ср.: Ин. 1, 14), — с человеками по-человечески поживе, приняв в Свою ипостась наше плотяное естество, чтоб совершить воплощенное домостроительство нашего спасения и потом навсегда уже пребыть Богом ненагим и человеком непростым, чтоб и ходатайствовать о нас выну. Блаженный Феодорит пишет: «сущий Бог и Божий Сын, имея невидимое естество, когда вочеловечился, соделался для всех явным. Ясно же научил нас Апостол о двух

естествах, сказав, что естество Божие явилось во плоти». «Воистину сие есть *велия тайна*, — говорит святой Златоуст, — потому что человек соделался Богом, Бог человеком». Все видели человека, но не могли не исповедать, что Он — Бог. Так неотразимо печатлелось Им в сознании всех, что *в Нем обитает вся полнота Божества телесне* (ср.: Кол. 2, 9).

Почему вслед за сим и говорит Апостол: *оправдася в Дусе*. Было признано, что Он воистину, или праведно, есть То, Чем Себя именовал, то есть Сын Божий и Бог. Он явно всем говорил, что есть Сын Божий, равный Богу Отцу. В сем слове Своем Он *оправдася*. Как? *В Дусе*, — проявлениями Божеского всемогущества, всеведения и святости, — властию над природою видимою и над духами невидимыми. Слово: *оправдася* — никак нельзя к Богу воплощенну прилагать в таком же смысле, как оно прилагается к людям оправдываемым. «Какою правдою *оправдася* сама — Правда, *Солнце правды*, по слову Малахии (см.: Мал. 4, 2), что означает явленнейшую и чистейшую правду? Как таковый, Он не оправдывается, а оправдывает. Почему и Пророк сказал о Нем: *Иже греха не сотвори, ниже обретеся лесть во устех Его* (ср.: Ис. 53, 9)» (Экумений). — «*Оправдася в Дусе* — значит, что Он Духом Божиим творил чудеса, как Сам говорит: *аще ли Аз о Дусе изгоню бесы* (ср.: Мф. 12, 28).

Чудесами доказано и сделано явным, что Христос — истинный Бог и Сын Божий. Так и сотник у креста, видя, что колеблется земля и вселенная наполнилась мглою, воскликнул: *воистину Человек Сей Сын бе Божий* (ср.: Мк. 15, 39)» (блаженный Феодорит). Почему святой Иоанн свидетельствует: *и видехом славу Его, славу, яко Единороднаго от Отца* (ср.: Ин. 1, 14). Как это совершилось и у всех, об этом в другом месте говорит святой Павел,— удостоверяя, что бывший от семене Давидова по плоти наречен,— всеми признан,— Сыном Божиим *в силе, по Духу святыни, из воскресения от мертвых* (ср.: Рим. 1, 4).

Показася Ангелом. — *Показася*, ὤφθη,— узрен был. Ибо и Ангелы не видят Божеского естества, как оно есть, а только в проявлениях Его. Слова Спасителя: *Ангелы... выну видят лице Отца Моего Небеснаго* (ср.: Мф. 18, 10) — указывают на умное лицезрение Бога, или видение Его в том, чем благоугодно Ему проявлять им Свое невидимое присутствие. Но в Господе Спасителе они узрели Его осязательнее. В глазах душа видна. В очах Богочеловека может быть узрен Бог и в такой мере, в какой способны восприять лучи сияния Божества очи, смотрящие на Него. Святой Златоуст и говорит: «следовательно, и Ангелы вместе с нами увидели Сына Божия, а прежде не видели Его. Поистине великая тайна!» — То же пишет и блаженный Феодорит: «невидимого

Божия естества не видели и Ангелы, увидели же воплотившееся». Ибо от самого рождения Бога во плоти до вознесения были при Нем, в вознесении сопровождали Его и по вознесении окружают престол Его. Блаженный Феофилакт пишет: «о, таинство! С нами и Ангелы увидели Сына Божия, не видевши Его прежде. Ибо, говорит Евангелие, *се Ангелы приступиша и служаху Ему* (ср.: Мф. 4, 11). И не здесь только, но от самого рождения до вознесения они служили Ему. Во время рождения Ангелы поют песнь Ему и благовествуют о Нем пастырям; и во время вознесения служат Ему».

Или не разумеет ли здесь святой Павел некоего особого явления Господа Спасителя миру ангельскому по вознесении, – такого явления, в коем они узрели Богочеловечество во всей Его пренебесной славе. Что нечто подобное вероятно было совершено на небесах, на сие указывают слова апостола Павла: *егда же паки вводит Перворондаго во вселенную, глаголет: и да поклонятся Ему вси Ангели Божии* (Евр. 1, 6), – чему быть уместно было только по миновании состояния уничижения и вступлении в славу, какая имеема была *прежде мир не бысть* (Ин. 17, 5), – и слова апостола Петра: *Иже есть одесную Бога, возшед на небо, покоршимся Ему Ангелом и Властем и Силам* (ср.: 1 Пет. 3, 22). – Такая мысль видна у Амвросиаста: «*показася Ангелом* – уже

не в уничиженном виде, но в величии силы и власти. Ибо Он до тех пор виден был в смиренном зраке по причине плоти, пока, победив смерть, воскрес из мертвых, — и узрено было величие Того, Кто, быв рожден как человек, не был весь человеком. И Ангелы, познав таинство, прежде сокровенное и теперь явленное во плоти, преклонили колена пред Ним, яко пред Богом, благодарение воздая».

Проповедан бысть во языцех — Апостолами, коим дана заповедь *научить все языки* (ср.: Мф. 28, 19) и кои *изшедше проповедаху всюду, Господу поспешествующу и слово утверждающу последствующими знаменьми* (ср.: Мк. 16, 20). Ко времени написания сего Послания едва ли оставался язык, не слышавший благовестия Евангелия. Языки, некако отверженные и в нечаяние вложшиеся, — не народ, — призваны в народ и, наряду с народом, ущедрены всеми сокровищами, сокрытыми в воплощенном домостроительстве, которое чрез сие является осчастливлением всего человечества.

Веровася в мире. «По всей вселенной услышали о Нем и уверовали в Него. На это указывает Пророк, когда говорит: *во всю землю изыде вещание их* (Пс. 18, 5)» (святой Златоуст). «Он не только *проповедася*, но и уверовали в Него; и от уверовавших приемлет Божеское поклонение» (блаженный Феодорит). «Что служит великим

знамением силы Проповеданного и истины проповеди» (блаженный Феофилакт).

Вознесеся во славе. «Хотя совершилось сие прежде проповеди; но Апостол отнес это на конец, научая, что справедливо уверовали проповеди; потому что повелевший проповедывать — на небесах и имеет седение одесную» (блаженный Феодорит). Но в какой славе вознесеся? Хотя «самое то — вознестися — преславно» (Экумений); но надо полагать, что вознесение Господне было сопровождаемо особою некоею славою, не виденною людьми, но узренною Ангелами и воспетою их славословием. В момент вознесения видим присущими Ангелов, которые Апостолам возвестили только о будущем явлении Господа во славе, сами, конечно, и видя, и воспевая ее в сие самое время. Они были оторваны на мгновение от торжества, бывшего в ту минуту в миру ангельском. А что оно было, о сем дают разуметь все места, говорящие о прославлении Господа по воскресении и вознесении. Ангельский мир получал теперь новое устройство и торжествовал вступление на него. Дух Божий открыл о сем Апостолам, — и они сказали о сем нам.

Такова великая тайна нашего благочестия и вместе сила воплощенного домостроительства, по всему пространству вселенной возвещаемая, исповедуемая и дивно действующая. Она — основание Церкви, которая в силу сей тайны, ей

вверенной, и есть столп и утверждение истины. Она — основание спасения всякого верующего. Спасение зачинается восприятием ее, зреет под действием ее и завершается вступлением спасаемого в самое сердце ее. Верующему чаще надлежит поминать о ней, нежели как часто дышит. Это будет пренебесным светом обливать и его жизнь, и все сущее; отсюда воодушевление, отсюда нравственная крепость, отсюда окрыляющая надежда. Но, как замечает святой Златоуст, верующие, не в похвалу себе, не совсем являются верными в сем отношении. «Заметь, — говорит он, — что святой Павел промышление Божие о нас (в воплощенном домостроительстве) везде называет тайною, — и справедливо. Ибо она не была известна, даже и Ангелам не была открыта; объявлена же уже Церковию. — Будем же жить сообразно с достоинством сей тайны. Те, которым доверяются тайны, в некотором смысле великие люди. Если бы царь вверил нам какую-либо тайну, то, скажи мне, ужели бы мы не почли этого признаком великого к нам благоволения? Между тем ныне Бог вверяет нам Свою тайну, — и мы, как будто не великое сделано для нас благодеяние, остаемся неблагодарны к Благодетелю. Вострепещем, — что остаемся нечувствительны к сему благодеянию!»

Святому Тимофею напомнил Апостол о сей тайне, указывая ему в ней неистощимый предмет

для бесед с верными и вместе сильное орудие для нравственного их управления. Но по течению речи видно и то, что помянуть о ней имел он нужду, чтоб дать своему наместнику норму истины, как мерку для оценки привходящих учений, говоря как бы: все несообразное с нею, в каком бы то ни было отношении, отвергай нещадно, как ложь или примесь лжи. Что таково было намерение святого Павла, можно гадать по тому, что вслед за сим он предсказывает имеющее появиться ложное учение.

б) О ложном учении (4, 1—6)

Предсказывая это, Апостол: аа) характеризует лжеучителей (см.: 4, 1—2); бб) указывает некоторые предметы лжеучения (стих 3) и: вв) обличив неосновательность его (стихи 3—5), гг) возлагает на святого Тимофея долг: истолкованием сего вооружать верующих против такого будущего лжеучения (стих 6).

аа) Характеристика лжеучителей (4, 1—2)

Глава 4, стих 1. *Дух же явственне глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим и учением бесовским.*

В этом стихе определяется умовая сторона лжеучителей, и именно: откуда они позаимствуют свое лжеучение, а в следующем — нравственная, именно: каковы они в отношении к совести. То и другое, хотя крайне обличительно, но может

быть относимо ко всем лжеучителям, с редкими исключениями.

Дух, — явственно глаголющий, есть Дух Святый, пребывавший в Апостолах и преизобильно исполнявший их святыми дарами Своими, напоминавший им бывшее и предуказывавший имевшее быть, — всё в отношении к Царству Божию. Он и святому Павлу открыл, что имело быть по сих; а святой Павел открытое Святым Духом судил нужным сообщить верующим. Слова: *Дух глаголет* — «равно боголепны, как и выражения (пророческие): *сия глаголет Господь* — и: *сия глаголет Бог Саваоф*» (блаженный Феодорит). «Не умалчивает же Апостол об открытом Духом Святым будущем в назидание и предостережение Церквей; чтоб предуведомленные о сем Церкви заботливую держали осмотрительность, как бы не обошли их такие люди» (Амвросиаст).

Кому Дух глаголет: святому Павлу или всюду по Церквам? Были случаи, что глаголание Духа шло по Церквам Божиим, и Апостол слышал его уже от Церквей. Таково было свидетельство Духа об ожидавших Апостола в Иерусалиме узах, слыша о коем Апостол говорил: не знаю, что такое будет (см.: Деян. 20, 22—23; 21, 11). Но были случаи, когда Дух явственно самому Апостолу глаголал. — Так Он возбранил ему глаголать слово во Асии и не позволил пойти в Вифинию (см.: Деян. 16, 6—7). В настоящем

случае можно допустить то и другое: и по Церквам шел глагол сей, и святой Павел его слышал от Духа Святаго. И слышал *явственне*, ῥητῶς,— членораздельным словом изреченный глагол. Как? И в ушах мог он отзываться, и печатлеться прямо в уме и сердце, но тоже определенным словом. Прибавил же такое слово: ῥητῶς — Апостол, чтоб дать знать, что свидетельство Духа о сем «очевидно, ясно, беспрекословно, так что вовсе не остается места сомнению» (святой Златоуст).

Так знайте наверно, говорит, что *в последняя времена отступят нецыи от веры.— Последняя времена* — не те, что будут пред концом мира и вторым пришествием Христовым,— а те, кои будут после нас,— последующие. *Отступят* — прямо значит: оставят веру Христову и сделаются нехристианами, как Юлиан Отступник*. Но, судя по указанным ниже предметам лжеучения грядущего, можно положить, что это отступление будет от чистоты веры христианской. Лжеучение зародится между христианами и из христианских начал, неправо понятых и криво истолкованных человеческим суемудрием помимо голоса Церкви. И лжеучители, и увлеченные ими будут считать себя христианами, и даже совершеннейшими из христиан, как оказалось потом.

---

* *Юлиан Отступник Флавий Клавдий (331–363)* — византийский император.— *Ред.*

И эти, отступить имеющие, сами же и лжеучителями будут, или лжеучители будут особо, ниже характеризуемые, а здесь говорится только о тех, кои увлечены будут их лжеучением? *Отступят* — указывает прямо на имеющих отступить по увлечению других; но в объяснении, как они отступят, нельзя не видеть изображения и того, как отступят и самые увлекатели к отступлению. То и другое будет. У одних, суемудрых, зародится лжеучение; отпадши по причине его от единости веры и чрез то от единого тела Церкви, они и других, нетвердых в вере, увлекут. Это святой Павел предсказал ефесянам гораздо прежде, в речи, которую держал к пресвитерам их, прощаясь с ними в Милете: *внидут волцы тяжцы в вас, не щадящии стада. И от вас самех востанут мужие глаголющии развращенная, еже отторгати ученики вслед себе* (ср.: Деян. 20, 29—30). Блаженный Феодорит пишет: «Апостол показал, что некоторые, сперва присоединясь к церковному телу, впоследствии станут учителями лжи. Ибо сие значат слова: *отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим*». И святой Златоуст говорит: «Будет время, говорит Апостол, когда те, которые сделались причастниками веры, станут действовать достойно осуждения, подавая гибельные советы не только касательно пищи, но и касательно браков и всего тому подобного».

Внемлюще духовом лестчим. Вот как зарождаться будет лжеучение и происхождение отступления! Две силы будут влечь к отступлению: духи лестчи и учение бесовское; то — свнутри, а это совне. Станут внимать духам лестчим, примут ложные воззрения, признают их истинными и отступят от веры, истину возвещающей относительно того, о чем они приняли ложные воззрения и убеждения. Отступлению от веры видимому, отпадением от Церкви выражаемому, предшествует отпадение от нее внутреннее, происходящее от согласия на несообразные с верою внушения духов лестчих. *Лестчие духи* — это нечистые силы, слуги отца лжи, демоны или бесы. Лестчими названы, потому что увлекают в ложь лестию, прельщением, обманом. Прикрывают ложь видимостию истины и увлекают. Но как? непосредственно сами или чрез других людей? Апостол не различает этого, а указывает только, откуда ложь. Вонмут, говорит, духам лестчим и отступят от веры. Можно так положить: заметив лица, более падкие на новости, духи лжи внутренно собьют их с пути истины к отступлению, а потом других станут увлекать при помощи их, и внешно, чрез слово их лжеучительное, и внутренно, чрез обольщение в помыслах. Как и увлечение сих последних или окончательное их согласие на ложь не обходится без внутреннего воздействия духов лестчих, то Апостол это наперед и выстав-

ляет на вид, как источное начало отпадения от истинной веры в ложь. Тут то же бывает, что и при падениях в грех. Ко греху и примеры других, и свои некие позывы влекут; но самое увлечение и падение не обходится без участия нечистых сил. Они отуманивают ум и призрачными прелестями окружают грех; и воля склоняется на грех. За этим внутренним падением следует уже и внешнее. Так и в отпадении от веры, — полном или в некоторых только пунктах, — участвуют и свои соображения, и речи других; но окончательное согласие на принятие лжи и последование ей не обходится без отуманения духами лжи, которые, прикрывая ложь обольстительною видимостию истины, исторгают это согласие на нее. Что и выражает Апостол словами: *внемлюще духовом лестчим.*

Учением бесовским — Апостол назвал тот образ воззрения на христианство, который составляется внутри под действием духов лестчих и затем, облекаясь в соответственные выражения, ходит среди людей в виде особого некоего учения, как соблазн и влечение к отступлению от истины в ложь. Бесы нападают, в сознании верующих, сначала на одну какую сторону веры, в которой им легче представить кажущуюся несостоятельность истины и призрачную состоятельность противоположной ей лжи. Успевши в этом,

они затем научают и тому, как по духу сей лжи перестроить и все христианское учение.

Когда это состоится и сформированное воззрение получит свое выражение и строй,— лжеучение готово. Бесы разжигают после сего наученных ими ревностию будто по истине Божией,— и они неудержимо стремятся распространять внушенное им духами лестчими лжеучение. Внемлющий ему внемлет бесовскому учению, потому что оно от них получило начало. При этом и бесы не дремлют, но спешат прямо действовать соблазнительно на душу, в которую вход открывает им изъявленное к их лжеучению внимание. Таков второй действователь во влечении верующих к отступлению от веры. Какое нелестное происхождение лжеучения и ревности лжеучителей! «Демонам внимая,— пишет Феофилакт,— лжеучители охуждали иные яства и брак. Впрочем, Апостол разумеет при сем и все другие ереси; ибо все они от прелести духов лжи и учения бесовского». Амвросиаст же наводит из сего: «что лучше можно было наперед сказать о лжеучителях и лжеучении, чтоб побудить избегать их или паче осуждать, как назвав их воззрение прелестию и их учение бесовским? После сего, услышав речи, противные истине, всякий уже знал, что это есть учение, бесами сложенное, как предсказал чрез Апостола Дух Святый».—

И в этом, конечно, имел самое сильное побуждение отвращать от него слух свой.

Стих 2. *В лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестию.*

Как успевают* распространители бесовских учений увлекать вслед себя? Лицемерством. Принимают вид людей некако особенных, постигших всю премудрость, одеваются в личину святости – и, тем расположив к себе слушающих, делают то, что сии охотно пьют яд их лжеучения и увлекаются. Это и выразил Апостол словами: *в лицемерии лжесловесник.* Лжесловесниками назвал их святой Павел потому, что в их учении, яко ложном, только слова и слова и ничего отвечающего действительности, как и в призраках. Далее, так как ложь не может держать в должном напряжении нравственные силы, то лжесловесники сии естественно послабляют себе во многом, даже и в тех вещах, которые, как недолжные, запрещаются их учением, – чего, однако ж, явно делать не могут, потому что это подрывало бы их учительский вес и самое учение. Отсюда неизбежно у них лицемерие или забота казаться святыми и непорочными при несвятой и не непорочной жизни. Это одна сторона лицемерия. К ней, можно сказать, неизбежно присоединяется и другая, именно: когда допускаются дела, противные учению, тогда ослабляется или совсем

* *Успевать* – здесь: добиваться успеха. – *Ред.*

исчезает убеждение в состоятельности самого учения в душе проповедующего его и делается он тогда проповедующим без убеждения или лицемерным учителем. Эту сторону особенно и выставляют наши толковники при сих словах Апостола. «*В лицемерии*, — пишет Экумений, — значит: в хитрости и лукавой изворотливости, по которой, и зная, что сготовленные ими догматы ложны, ухитряются свое лжесловесие представлять в виде истины». То же у Феофилакта: «о чем они лжесловят, не по неведению лжесловят, но, зная, что то ложно, притворно учат тому, как истинному» (из святого Златоуста). Блаженный Феодорит берет общее: «возложив на себя имя христиан, учат совершенно противному».

Поминает святой Павел о таком лицемерии в предотвращение будущих отступлений от веры. Ибо ничто так не отвращает от учителей, как усмотрение в них лицемерства.

Сожженных своею совестию. Лицемерие и вовне отчасти видимо, а сожжение совестию — совсем внутреннее дело. Только в последних степенях оно обнаруживается некоторым дерзким бесстыдством в преследовании недобрыми сознаваемых целей. Всяко, однако ж, Апостол поставил на вид и эту характеристическую черту лжеучителей, в предотвращение увлечения вслед их, в такой мысли: заметишь лицемерие, присмотрись и увидишь сожжение совестию; а коль

скоро это заметишь, то чего доброго можешь ожидать от таких людей?

Сожжение совестию подает две мысли: или ту, что у них совесть сожжена, или ту, что они обожжены совестию. Сама совесть никогда не сгорает; но душа может дойти до такого нечувствия к ее внушениям и обличениям, что совести будто нет, сгорела. Лжеучители представляются Апостолом живущими несогласно с учением и учащими словом несогласно с убеждением. Этого совесть не могла оставлять без обличений и, конечно, обличала их. Если теперь, несмотря на это, продолжают жить и действовать все в том же духе, то очевидно, что совесть уже заглушена ими или они стали глухи к ее внушениям, — то же, что сожжены. Блаженный Феодорит пишет: «*сожжеными совестию* назвал их Апостол, показывая крайнюю их бессовестность; потому что прижигаемое место, омертвев, теряет прежнюю чувствительность».

Можно сожжение совестию понимать как обожжение или, вернее, нажжение совестию. К этому подает повод греческое: κεκαυστηριασμένον. — Καυστηριάζειν — значит: нажигать знак. На Востоке на животных хозяева нажигают знаки, по которым и они сами, и другие признают, что это их животные. Подобные знаки на челе сознания лжеучителей нажигает и совесть, так что имеющие очи видеть видят и познают, что

они принадлежат к числу виновных, и здесь достойных осуждения, и готовых к осуждению там, на суде Божием, — носят осуждение сами в себе. Блаженный Феофилакт пишет: «поелику они знали за собою много нечистого, то совесть имела в них нажженные знаки их нечистой жизни» (то же и у Экумения). Поясняет сие Амвросиаст: «как нажог повреждает кожу и напечатлевает знак, так и совесть намечает лжеучителей в пагубу, за их лживость, по коей они лукаво одно держат в уме, а другое выражают в слове. Апостол дает разуметь, что такие не могут измениться на лучшее, чтобы спастись: ибо как нажог (на животных) не может измениться, так и их душа исправиться. Нет ничего хуже лицемерия».

бб) Некоторые предметы лжеучения (4, 3)

Глава 4, стих 3, 1-я половина. *Возбраняющих женитися, удалятися от брашен.*

Только два предмета из всего лжеучения указывает, вероятно, потому, что они, как явные, резче выдаваться имели из ряда других, не так явных, и притом ясно указывать на начала, на которых построено будет все лжеучение; с них, может быть, лжесловесники начинать имели и речь совратительную; и, успевши уже сбить с толку в этих пунктах, переходить к изложению всего лжеучения и особенно своих злых начал.

Воздерживаться от брака и яств само по себе не укорно; укорно это может быть только по тем мыслям, с какими делается. Верно, по началам лжесловесников тех выходило, что брак и некоторые яства нечисты. Кто бы стал воздерживаться от них в этом духе, тот изрекал бы хулу на Создателя всяческих. Блаженный Феодорит пишет: «они мерзкими называют и брак, и большую часть яств, в поругание Создателю оных, Который сотворил сие для употребления (незазорного)». Почему такого рода воздержание Апостол называет укорным и предостерегает от него.

В каком духе и по каким побуждениям верующим можно воздерживаться от брака, это указал Апостол в Первом Послании к Коринфянам (глава 7). Там же указал он, что и воздерживаться от всего подобает подвизающемуся, подавая сам пример тому (см.: 1 Кор. 9, 25—27). Погрешали лжесловесники не тем, что внушали безбрачие и воздержание, а тем, что то и другое обращали в неотложный закон и притом по ложным началам. Это и осуждает Апостол. Он «не безбрачие и воздержание отвергает, но обвиняет принуждающих вменять сие в закон» (блаженный Феодорит); будто причащающиеся их по тому самому уже нечистыми бывают и становятся в ряд погибающих.

Блаженный Феофилакт ставит вопрос: «что же? Мы разве не возбраняем брачиться?» — и отвеча-

ет: «никак. Но тех, которые не хотят брачиться, направляем к хранению девства, внушая, что оно честнейше есть. Но отсюда не следует, что брак уже бесчестен; подобно тому, как из того, что золото честнейше есть, не следует, что серебро нечестно. Да и вообще честнейшее потому есть честнейше, что оно честнее честного, и лучшее — лучше хорошего, а не худого. Итак, могущий пусть емлется за золото девства; а кто не может этого, пусть принимает серебро брака».

Кто такие эти лжеучители? От некоторых яств воздерживались иудеи. Но они имели определенную о том заповедь и, пока оставались иудеями, не могли иначе действовать. Святой Павел в других Посланиях и не укоряет их за это, а только учит, что теперь уже хранение сего закона не своевременно. Но как видится, в настоящем месте не их разумеет Апостол, а таких, которые воздерживались не по Божией заповеди, но по своему суемудрию, хотя можно почесть вероятным, что пример воздержания от яств они позаимствовали у иудеев и даже по его поводу построили свое лжеучение. Итак, возбранение яств хотя некоею малою частию можно почесть опирающимся на иудействе, не в духе, однако ж, иудейском. Что же касается до возбранения брака, то ему ни иудейство, ни язычество не могло подать повода и опоры. Это нечто совсем новое. Откуда же оно? Не есть ли оно, может быть,

порождение лжеучения, вкрадывавшегося в Колоссы и ходившего по Фригии, в котором выдающимся пунктом стояло непощадение плоти (см.: Кол. 2, 23)? К нему очень естественно было придать возбранение брака,— что ефесяне и сделали.

Из слова: *возбраняющих* — нельзя прямо заключать, что это было уже на деле, теперь делалось; ибо по связи с предыдущею речью это может означать и: имеющих возбранять. Но нельзя не признать, что начатки уже были; уже ходило такое учение, но было еще бессильно и по малочисленности последователей, и, может быть, по неустановлению всей системы. То и другое еще ожидалось в будущем; Апостол и предостерегает. Из открывшихся после ересей можно видеть здесь указываемыми манихеев*, энкратитов**, маркионитов***. Так святой Златоуст и все другие наши толковники.

Грамматически: *возбраняющих... удалятися от брашен* — прямо значило бы: требовали не удаляться от брашен, то есть принимать всякую

---

* *Манихеи* — приверженцы еретической языческой секты, основанной ересиархом Мани (Манесом) (216—274/277).— *Ред.*

** *Энкратиты* — «воздержники» — собирательное название приверженцев разных псевдохристианских сект.— *Ред.*

*** *Маркиониты* — приверженцы псевдохристианской секты, основанной ересиархом Маркионом Понтийским (80—155).— *Ред.*

пищу беззазорно. Но это противно было бы мысли Апостола. Почему надобно сие понимать так, как бы стояло: «возбраняющих женитися и повелевающих удалятися от брашен» (блаженный Феофилакт). Экумений приводит несколько примеров из еллинских писателей, чтоб показать, что в словах Апостола не ошибка, но что и аттической речи* свойственно так выражаться.

вв) Неосновательность лжеучения (4, 3—5)

Глава 4, стих 3, 2-я половина. *Яже Бог сотвори в снедение со благодарением верным и познавшим истину.*

Указав некоторые предметы лжеучения, святой Павел тут же коротко, но решительно обличает его несостоятельность, — останавливая, впрочем, внимание только на последнем, на запрещении яств. Первое же — запрещение жениться — не удостоивает внимания, вероятно, потому, что нелепость его для всякого сама собою очевидна: ибо, если б обобщилось, прямо повело бы к прекращению существования рода человеческого. Амвросиаст и пишет: «о том, что родились, не скорбят, а браки запрещают», — являясь человеконенавистниками. Может быть, и потому мимошел Апостол сей предмет лжеучения, что он только зарождался, выступал робко, между тем

* *Аттическая речь* — здесь: образцовая классическая греческая речь. — *Ред.*

как заблуждение относительно употребления яств ходило уже открыто по Церквам, вносимое, впрочем, иудействующими в ином смысле, нежели как этими ефесскими лжеучителями. На него и напирает Апостол, оставляя первое в стороне. Святой Златоуст замечает между прочим, что «Апостол поступил так потому, что не хотел мысли о том (будто брак нечист) посевать преждевременно в душах верующих; но обличает одно то, что уже получило начало, именно заблуждение относительно пищи».

Обличает указанием на цель, для которой созданы брашна: *яже Бог сотвори в снедение*. Бог вложил в естество человека, как животное, потребность пищи и около него же среди тварей рассеял такие, кои могут удовлетворять сию потребность снедением их. Это разрешил Он им еще в раю; это же подтвердил при изгнании из него и расширил в заповедях и благословениях, данных праведному Ною по потопе. Устроил так Бог для того, чтоб люди, видя в приготовлении Им для них около них потребной пищи, познавали в этом Божию о них благопопечительность и вкушали пищу *со благодарением*. Это благодарение должно было питать религиозные чувства к Богу и в пунктах верования о Боге осиявать лик Его чертами светлыми, привлекательными и возбудительными. Таким образом в этом, самом простом по-видимому, деле, снедении пищи, Бог

поместил самое внушительное, и вместе немолчное, училище веры и благочестия. — Лжеучители же, внушая, что есть яства, делающие человека нечистым, извращали такой Божий порядок и уклоняли от намерения Божия в даровании человеку потребности пищи и самой пищи: мрак некий набрасывали на творение Божие и это немолчное училище о Боге и должных к Нему чувствах умолкнуть заставляли. Очевидно, что они нечестивцы: «наводили на недобрые помышления о Творце человека и внушением, будто есть яства нечистые и достойные отвращения, располагали верить, что они другого имеют творца, — не доброго» (Амвросиаст).

Так сим кратким напоминанием о цели сотворения брашен Апостол достаточно обличил несостоятельность ложного о них учения. Но конечно такое обличение понятно и убедительно могло быть только для тех, у коих живо религиозное чувство и сильны здравые о Боге понятия. Почему святой Павел и прибавил: *верным и познавшим истину*. Не в том смысле сказал он это, чтоб для таких только и создал Бог брашна в снедение, но в том, что таковые и употребляют их согласно с намерением Божиим в создании их, то есть снедают их со благодарением. Как он писал к верным и познавшим истину, то речь его внушала: вы, верные и познавшие истину, вкушая брашна со благодарением, точно и полно испол-

няете намерение Божие в создании их; ваше благодарение освящает всякую пищу; и вкушайте ее, ничтоже сумняся*, и не поддавайтесь смущению, какое хотят поселить в вас лжесловесники, толкуя, будто есть нечистые яства. Можно речь Апостола перифразировать так: которые (брашна) Бог создал, чтоб верные вкушали их со благодарением, ничтоже сумняся. О неверных и слова нет; те вкушают пищу без всяких благих помышлений, лишь бы только поесть и усладиться, подобно нечистым животным. Они и чистые яства, если уж различать их, делают нечистыми своим неблагодарным сердцем и одним чувственным услаждением гортани и чрева. «Яства нечисты для того, кто вкушает их без благодарения и хвалы Создавшему» (Амвросиаст).

Что же, скажет кто, ужели наслаждение брашнами воспрещено? Наслаждение естественно сопровождает вкушение приятной пищи; но у тех, которые принимают ее с благодарными к Богу чувствами, наслаждение теряет характер чувственности, одухотворяется и освящается. Когда вкушают брашна, чтоб насладиться, творя угодие плоти в похоти, тогда являются погруженными в чувственность; а когда принимают яства в удовлетворение неизбежной потребности, с благодарением, тогда чувствуют сладость, не делаясь чувственными. Возношение при сем ума и сердца к

---

* *Ничтоже сумняся* – нимало не сомневаясь. – *Ред.*

Богу делает самую сладость некако отрешенною и обезвеществленною. Такие приемлют пищу, но не плотоугодствуют в ней. Снедение, μετάληψις, — причастие, принятие. Экумений пишет: «смотри, как словом: μετάληψις — Апостол изгнал усладу, τρυφὴν? Μετάληψις означает умеренное принятие пищи». «Μετάληψις, — пишет Феофилакт, — блюдет умеренность, τρυφή не знает меры. Впрочем, и наслаждение пищею не само по себе нечисто, но потому, что расслабляет душу предающихся ему» (тот и другой из святого Златоуста).

Под истиною, в словах: *познавшим истину*, — разумеется вера христианская, единая содержащая истинные и здравые о всем сущем воззрения. Тут же конечно совмещается и истина относительно брашен, что их надлежит принимать с благодарением в умеренное удовлетворение потребности тела. Так смотрящие на это и действуют в сем отношении с полным убеждением, что действуют верно, согласно с волею Божиею. Каковое убеждение и светлости и святости придает простому употреблению пищи, и окружает его особым некиим чувством. Или может быть, тут предуказывается «та истина, о коей тотчас будет речь, то есть всякое создание Божие добро» (блаженный Феофилакт).

Стих 4. *Зане всякое создание Божие добро, и ничтоже отметно, со благодарением приемлемо.*

То приводил довод из нравственно-религиозного строя, а теперь берет дело со стороны догмата. Все, исшедшее из творческих Божиих рук, добро. Добро и всякое брашно, назначенное человеку в снедение. Следовательно, лжесловесники те лгут, запрещая некоторые брашна, по той причине, что они будто нечисты. Ничего нет нечистого самого по себе; все добро и приятно, то есть может быть употребляемо в пищу беззазорно. «Слова: *всякое создание Божие добро* — Апостол заимствовал из Моисеева Писания. *Виде Бог,* сказано, *вся елика сотвори, и се добра зело* (ср.: Быт. 1, 31). А что добро, то, *со благодарением приемлемо*, в памятование Божие, оказывается святым» (блаженный Феодорит). «Выражением: *всякое создание Божие* — Апостол обозначает здесь то, что может быть употребляемо в пищу. Если все такое есть создание Божие, то и добро: ибо *вся добра зело»* (святой Златоуст).

Ничтоже отметно — ничего из съедомого не должно отвергать, ничем не брезговать и не гнушаться, будто нечистым и богопротивным; напротив, все такое принимать — как благодеяние и дар от руки Господней. Почему и принимать то должно со благодарением. Кто принимает съедомые брашна со благодарением, для того все они чисты и святы, в силу сего самого благодарения. «Благодарение все очищает; а неблагодарный и сам нечист и скверен» (блаженный Феофилакт).

«Неблагодарность и чистое делает нечистым. Нечисто произволение, которое не благодарит Бога» (святой Златоуст). *Вся чиста чистым: оскверненным же и неверным ничтоже чисто* (ср.: Тит. 1, 15).

Стих 5. *Освящается бо словом Божиим и молитвою.*

Освящается словом Божиим — можно так разуметь: *освящается* — освящено есть однажды навсегда — *словом Божиим,* — тем словом, какое изрек Бог по сотворении, что *вся добра*. Этим словом все, в том числе и все съедобное, признано и предлагается, как святое. Почему и приемлемо должно быть беззазорною совестию, как чистое и святое, с полным в том убеждением без малейшего сомнения. Или — *освящается* теперь, в час вкушения, и освящается *словом Бога* — призыванием имени Божия; так что: *и молитвою* — только поясняет: *словом Божиим*. Призывание имени Божия и молитвенное к Богу обращение делает святою всякую приемлемую пищу для того, кто ее принимает в таком духе. Но зачем же еще и особое освящение, когда, как сказано пред сим, всякая пища добра и никакая неотметна? Можно на это ответить так, — что этим указывается только на то, как исполняется условие, под коим, по Божию определению, ничтоже отметно, именно: на возношение благодарных к Богу чувств за дарование брашен с прошением благословения

Его принять предлежащую пищу. Кто так принимает пищу, тот становится в ряд тех, для коих все приемлемое в пищу бывает свято и чисто.

Или святой Павел делает здесь как бы некую уступку: пусть будет, положим, что есть что-либо нечистое; но и такое все освящается, когда призовешь имя Божие. Так святой Златоуст: «если *все добро*, — то что значит: *освящается словом и молитвою*? Ибо очевидно, что то, что освящается, признается нечистым. — Не так нужно принимать эти слова. Здесь Апостол говорит против тех, которые некоторые яства считали чем-то скверным. Поэтому он и высказывает две главные мысли: во-первых, что нет ни одного создания, которое было бы скверно, и, во-вторых, — что если бы что-нибудь и было скверно, то ты имеешь против этого врачевство: осени знамением креста, возблагодари, воздай славу Богу — и всякая нечистота исчезнет. — Неужели и идоложертвенное, скажешь ты, может быть таким образом очищено? (Да; впрочем, тогда), когда ты не знаешь, что это есть идоложертвенное; а если знаешь и, несмотря на то, вкусишь от этого, то сделаешься нечистым, не потому, что это идоложертвенное, а потому, что, получив заповедь не приобщаться к демонам, ты чрез это вошел с ними в общение. Следовательно, (идоложертвенное) не по природе своей нечисто, но оно становится таковым вследствие твоего произволения и преслуша-

ния. – Что же? Ужели и свиное мясо не есть нечисто? Нисколько, когда вкушаешь его со благодарением, с крестным знамением; равным образом и все прочее не бывает нечистым. Нечисто произволение, которое не благодарит Бога». То же у Феофилакта с Экумением.

В сих словах Апостола видно начало молитвословий пред вкушением и после вкушения пищи, равно как и священных чтений, в продолжение стола.

гг) Долг вооружать верующих против лжеучения (4, 6)

Глава 4, стих 6, 1-я половина. *Сия вся сказуя братии, добр будеши служитель Иисуса Христа.*

Сия вся – что же именно? То, о чем говорил доселе начиная с стиха 15 3-й главы, – что Церковь есть столп и утверждение истины, что велия благочестия тайна, около которой группируются все другие истины веры, есть: *Бог явися во плоти*, – что, содержа строго сию тайну и всякую другую истину, Церковию возвещаемую, должно отвергать все с сим несогласное, и теперь уже сущее, и имеющее явиться после, как учение бесовское, – и именно будто не должно брачиться и вкушать некие брашна, как нечистые (см.: святой Златоуст, Экумений, блаженный Феофилакт).

Сказуя, ὑποτιθέμενος, – предлагая. «Видишь ли, что он здесь нисколько не обнаруживает власти,

а только снисхождение? *Сказуя* — говорит. Не сказал: приказывая, не сказал: заповедуя, но: *сказуя*, — то есть как бы советуя; предлагай сие и заводи речь о вере» (святой Златоуст). Это замечается об образе научения паствы, самое же научение ее лежит на пастыре, как неотъемлемый долг, отступая от которого или не ревностно исполняя который он уже является не тем, чем должен быть по намерению Господа, учредившего в Церкви пастырство. Это внушает Апостол, говоря вслед за сим: *добр будеши служитель Иисуса Христа*. Сие сказуя, добрым будешь служителем Иисуса Христа, а не сказуя, — будешь не добрым служителем, — будешь рабом неключимым. *Служителем*, διάκονος, — назван пастырь, потому что его долг не властвовать и величаться, а верно «исполнять повеленное и передавать единоверным Владычные наказания» (блаженный Феодорит). А служителем *Иисуса Христа*, — потому что пастырство берет начало от Господа Иисуса Христа, и всякий пастырь от руки Господни приемлет рукоположение, чрез руки сопастырей. Почему, трудясь в пасении стада, он должен содержать в мысли и сердце, что не себе или людям служит, а Господу, Его дело совершая и Его волю исполняя. В настоящем месте только одна часть доброго служения пастыря обозначается, — служение словом. «Добре служит он Господу, научая пасомых тому, чему учимыми им

быть хощет Христос» (Экумений). По течению речи видно, что эта часть служения исполняется им не только возвещением истины чистой, но и отвержением нечистых учений, — и не только отвержением наличных нечистых учений, но и предусмотрением имеющих появиться и подготовлением паствы к отражению их. Впрочем, и это последнее не может быть лучше исполнено, как полным разъяснением и напечатлением в умах верующих чистой истины, — или образа здравых словес. «Что может быть благопромыслительнее и предохранительнее для паствы, как не то, чтоб учение христианское было преподано ей и преподаваемо неповрежденно и полно, дабы оно, твердо укореняясь на поле Господнем, и плод приносило обильный и прочный, — такой, который и в день суда выдержал бы пробу огня и не был им сожжен. Таков долг доброго учителя и верного служителя Христова» (Амвросиаст).

в) О самосозидании пастыря (4, 6—10)

Содержа истину Божию и укореняя ее в умах и сердцах паствы, пастырь должен и себя не забывать, но, внимая себе, себя созидать и благоустроять, — как: аа) в ведении (см.: 4, 6—7), так и: бб) в истинном благочестии (см.: 4, 7—10).

аа) В ведении (4, 6—7)

Глава 4, стих 6, 2-я половина. *Питаемъ словесы веры и добрым учением, емуже последовал еси.*

Доброе служение пастыря Господу, в преподании истины пастве и предохранении ее от учений бесовских, Апостол поставляет под условие питания самого пастыря словесами веры и добрым учением. Действуя, говорит, так в сем деле учения паствы, добр будешь служитель, силу получая к тому от питания себя истиною. Если пастырь обязан так действовать, как указано, то обязан исполнять условие к указанному должному действованию. Почему: *питаемь* — имеет такое значение, как бы сказано было: и сам себя питай. Сила слова Апостольского здесь в слове: *питаемь*. «Не только других наставляй, но и сам упражняйся в этом» (святой Златоуст). «Тебе первому из всех надлежит прилежно заниматься духовным учением и обогащаться им» (блаженный Феодорит). «Сказал: сие предлагай другим. Теперь говорит: но и сам ты будь питаем (теми же истинами), вращая их в уме своем и как бы пережевывая. Ибо, непрестанное к ним внимание внушая, сказал он: *питаемь*» (блаженный Феофилакт). То есть «духовною в них питаясь пищею: *ибо не о хлебе едином жив будет человек* (ср.: Мф. 4, 4). Тебе должно не братиям только сие предлагать, но и самого себя тем же питать» (Экумений). «*Питаемь*, говорит, указывая на постоянное внимание к такого рода предметам. Ибо, подобно тому как мы каждый день употребляем сию (телесную) пищу, так и слово о

вере всегда принимать и им всегда питаться должно. Что значит: *питаемь*? Пережевывая, постоянно повторяя (в уме) одно и то же, всегда поучаясь одному и тому же» (святой Златоуст).

Словесы веры — суть благовестие Евангелия, объемлющее все воплощенное домостроительство, — веру нашу составляющее и верою приемлемое и содержимое. Оно же есть и *доброе учение*, как из доброго источника идущее, как само в себе доброкачественное, и как для приемлющих его благотворное теперь, и ведущее их к доброму концу. Но кажется, преимущественное внимание остановить имел в мысли Апостол на словах: *емуже последовал еси*. Ты уже знаешь его и твердо содержишь всею душою. Этим содержимым уже и питай себя, обновляя его воспоминанием в сознании и оживляя в сердце сочувствием и любовию к нему. Но это уж само собою бывает. Внушение Апостола идет далее: этим учением, которое уже содержишь, питай себя, за новым же каким-либо не гоняйся, а напротив, сразу отвергай его, как чуждое, лишь только услышишь его. Что предано тебе, то содержи; от непреданного, идущего отынуды, отвращай слух и внимание.

Стих 7, 1-я половина. *Скверных же и бабиих басней отрицайся.*

Скверных, βεβήλους, — пошлых, таких, которыми брезговать следует. Напоминает Апостол о том же, что в начале Послания сказал: *ниже*

внимати баснем и родословием безконечным (1, 4), — то есть о ходящих пустых речах и учениях лжесловесников. Ни там, ни здесь не сказывает определенно, в чем эти басни состояли, потому, может быть, что не стоило и поминать об них, или потому, что как норма истины известна, то все чуждое ей само собою определялось и было известно святому Тимофею. Обще же напоминает только для воодушевления к отрицанию и противодействию. Наши, впрочем, толковники полагают, что здесь Апостол разумеет иудейские убеждения или ту часть иудейства, которая вошла в состав учения лжесловесников. Феодорит пишет: «*бабиими баснями* назвал Апостол иудейские учения, не закон, но лживое перетолкование закона и неблаговременное его хранение». Святой Златоуст выставляет и причину такого наименования: «о каких баснях он здесь говорит? Об иудейских вычислениях и наблюдениях? Разве их он называет баснями? Да, или потому, что они измышлены, или потому, что несвоевременны. Что благовременно, то полезно. А что безвременно, то не только не полезно, но и вредно. — К тому же представь себе: если бы человек на двадцатом году жизни прильнул к сосцам кормилицы, то в какой степени он был бы достоин посмеяния за безвременность? Видишь, что он называет сие и нечистым, и бабьим. И называет

так частию потому, что это уже устарело, частию потому, что составляет препятствие для веры».

Но Экумений допускает, что, может быть, тут разумеет Апостол «и еллинские бредни, равно как бредни тогдашних еретиков. Ибо, поистине, походят на пустые, в бреду произносимые старушонками, слова такие, например, сказания еллинов: Зевс (Юпитер) свалялся с Ирою (Юноною); Арес (Марс) соблудил с <Афродитою> (Венерою); Ифест (Вулкан)* сброшен с неба».

Очень вероятно, что учения лжесловесников взяты частию у иудеев, частию у еллинов, частию почерпнуты из других восточных вер. Как верующие, в самом действии уверования, всё то отвергают, то, по уверовании, нечего уже более и заниматься тем. Почему Апостол пишет не: отрицай, — как бы состязайся, а: *отрицайся*. «Чрез это он показывает, что окончательно нужно избегать сего. Именно слова его имеют такой смысл: даже не принимай на себя труда когда-либо вступать в разговор с ними; кроме разве того случая, когда предвидишь какой-либо вред от того, что мы, будто по нашему бессилию, отказываемся от собеседования с ними» (святой Златоуст).

* Здесь перечислены имена греческих (в круглых скобках — соответствующих римских) богов. *Ира* <*Гера*> — верховная богиня. *Арес* — бог войны. <*Афродита*> — богиня любви. *Ифест* <*Гефест*> — бог огня. — *Ред.*

бб) В истинном благочестии (4, 7—10)

Глава 4, стих 7, 2-я половина. *Обучай же себе ко благочестию.*

Благочестием называет Апостол жизнь в духе веры христианской. Хотя жизнь сия обнимает не одно достодолжное отношение к Богу, что собственно есть благочестие, но и всякие подвиги и весь круг доброделания; но так как и эти две стороны ее, или части, блюдутся христианами ради Бога и Ему посвящаются, так что *живот их* всецело *сокровен есть со Христом в Боге* (Кол. 3, 3), то Апостол и назвал всю жизнь по вере *благочестием*. «*Обучай себе ко благочестию*, — то есть в вере чистой и жизни праведной (упражняйся), к наилучшему поведению (настроивай себя); потому что в этом состоит благочестие» (святой Златоуст). «Оно есть с правою верою соединенное ревностное тщание о жизни богоугодной» (Экумений).

Но что здесь хочет внушить Апостол, то совмещается в слове: *обучай себе. Обучай*, γύμναζε, — упражняй себя в делах благочестия христианского, чтоб сделаться искусным их делателем, как гимнасты упражняются в телодвижениях разных, чтоб приобресть в них навык и искусство. Тело способно к очень ловким движениям, но его надо к сему приучить упражнениями. Так и верующий, по крещении и приятии благодати, способен, то есть и готов, и силен, на всякие дела

и подвиги в духе и по требованию святой веры; но, чтобы все сие делать достодолжно и плодотворно, для сего надлежит упражнять себя в такого рода делах. Но гимнаст сначала упражняется в разных телодвижениях один, особо, только примерно, а на деле пригодятся ему сии телодвижения после; христианский же гимнаст прямо вступает не в примерные, но в настоящие дела и их совершением обучает себя к наилучшему их совершению. Потому *обучай себе* — то же значит, что: не пропускай ни одного случая, в коем можешь совершить дело по духу своей веры, или даже и более: изыскивай такие случаи, чтобы поскорее утвердиться в делах по вере нашей и потом уже без труда являть себя пред Богом и человеками *делателем непостыдным* (ср.: 2 Тим. 2, 15). Опыт уже показал, что такое упражнение себя необходимо для стяжания совершенства в жизни, — и упражнение всестороннее, то есть и в том, как вести внешние свои дела, или держать свое поведение, и в том, как держать в порядке внутри возникающие разнообразные движения. Ревностное упражнение в том и другом всегда увенчавается успехом, — то есть навыком в угодной Богу жизни, и внутренней и внешней. Само собою сие совершенство не приходит: надо обучать себя. Так у всякого верующего, тем паче у пастыря верных. Почему и святому Тимофею не

излишне было сказать: *обучай себе ко благочестию.*

Стих 8. *Телесное бо обучение вмале есть полезно: а благочестие на все полезно есть, обетование имеюще живота нынешняго и грядущаго.*

О каком телесном обучении здесь говорится? Об укреплении тела гимнастическими упражнениями и приучении его к скорым и ловким движениям: ибо говорит: σωματικὴ γυμνασία — телесное упражнение. Зачем же приводится оно здесь на мысль? Затем, чтоб чрез это возбудить к большей ревности упражняться в делах и трудах благочестия. Апостол говорит как бы так: те, которые на играх желают получить венцы, усердно упражняются в телесной гимнастике, чтоб укрепить тело свое и приучить его к ловким движениям. Но если для тленных венцов столько употребляют трудов в гимнастике телесной, то как не употребить гораздо больше трудов в гимнастике духовной, то есть в обучении себя благочестию для венцов нетленных?! То *телесное обучение* или упражнение *вмале полезно*,— то есть полезно на малое нечто или на малое время, «то есть только для тела и только для настоящей жизни» (Экумений). Полезно на малое нечто, именно — на укрепление тела, приучение его к легким движениям и чрез то на получение венцов в состязаниях на играх народных, а то и другое малозначительно; полезно на малое

время, — только на настоящую жизнь, и то не всю. А благочестие *на все полезно*, то есть и для благоденствия в настоящей жизни, и для вечного блаженства в будущей, — *обетование имуще живота нынешняго и грядущаго. Обетование имуще* указывает на то, что Сам Бог, по неизменной правде Своей и неистощимой благости, благоволил сочетать с благочестием, или жизнию в духе веры Христовой, и благоденствие временное, и блаженство вечное. Под *животом* разумеется не жизнь как жизнь, а качество жизни, жизнь желанная, счастливая и блаженная, без чего жизнь не жизнь. Если таково благочестие, то соответственно сему должно быть ведено и упражнение в нем, то есть со столь же большею ревностию, во сколько плод его выше плода, доставляемого телесным упражнением.

Под телесным обучением, вне контекста, иные, особенно Отцы-подвижники, разумеют телесные подвиги и в словах Апостола видят определение относительной их цены, сравнительно с подвигами духовными. Но в контексте, по течению речи, здесь разумеются гимнастические упражнения тела. Святой Златоуст говорит: «некоторые полагают, что это сказано о посте. Но с этим нельзя согласиться: пост составляет не телесное, а духовное упражнение. Ибо если бы он был телесным упражнением, то питал бы тело. Если же он истощает, утончает и иссушает тело, то и не

составляет телесного упражнения. Следовательно, не об этом говорит он, а о телесных (гимнастических) упражнениях, которыми иные занимаются и не во время состязаний и, как ратоборцы, всё делают, от всего воздерживаются, тяжелый переносят труд. Но для чего, спросишь ты, упоминает он здесь о телесном (гимнастическом) упражнении? Для того, чтобы чрез сравнение показать превосходство духовных подвигов (в благочестии); потому что первое (телесная гимнастика), будучи соединено с большими трудами, не приносит большой пользы и ничего такого, о чем стоило бы говорить; а последние (подвиги благочестия) приносят неизменную и обильную пользу. – Первого рода упражнение не приносит выгоды, а только несколько пользы доставляет телу. А упражнение в благочестии приносит плод и на будущую жизнь: и здесь и там доставляет утешение». Объясняя это последнее, блаженный Феофилакт прибавляет: «и здесь, говорит, снабдевает человека благочестие. Ибо, не обличаемый совестию ни в чем худом, и здесь веселится духом, верные имея обетования будущих благ, там же и самым делом заживет истинною жизнию». Первую, впрочем, часть этого объяснения он взял у того же святого Златоуста, у которого она пространнее изложена: «и здесь мы пребываем в благом уповании. Ибо тот, кто не знает за собой никакого преступления и

творит добрые дела, радуется и в настоящей жизни. Между тем как человек порочный не только там, но и здесь переносит наказание, постоянно живя в страхе, ни на кого не смея взглянуть с дерзновением, трепеща, бледнея, томясь. Разве не таковы корыстолюбцы, воры, которые не уверены в том, чем владеют? Разве прелюбодеи и человекоубийцы не ведут самой тягостной жизни, с недоверчивостию взирая на самое солнце? Неужели это есть жизнь? Это не жизнь, а скорее самая тяжелая смерть».

Стих 9. *Верно слово и всякаго приятия достойно.*

«То есть слово сие истинно и достойно того, чтоб все принимали его, как несомненное. Какое же это слово? То, что благочестие и здесь и там полезно» (блаженный Феофилакт). «Поелику упомянул о жизни будущей, а она есть нечто невидимое; то по необходимости прибавил удостоверение, что слово о сем верно, как достойное веры и украшенное истиною. Подвигоположнику надлежит воодушевлять подвижников удостоверением в верности наград» (блаженный Феодорит).

В другой раз в сем Послании произносит Апостол это удостоверительное выражение: выше о том, что Господь Иисус Христос пришел в мир грешников спасти (см.: 1, 15), а здесь о том, что в благочестии, или в жизни по духу веры Хрис-

товой, надлежит упражняться паче, нежели борцы упражняются в телесной гимнастике, так как благочестие имеет за собою обетование счастия временного и блаженства вечного. Это делает он для напечатления в умах и сердцах читателей Послания того убеждения, что как вера в пришествие Господа Иисуса для спасения грешников, так и ревностное упражнение в благочестии, или жизни по духу веры Христовой, одинаково обязательны для последователей Христовых, и что только на сочетании их обоих твердо стоять может упование спасения и получения блаженства вечного. Этою-то непоколебимостию упования воодушевляясь, мы и переносим все за Христа Господа.

Стих 10. *На сие бо и труждаемся и поношаеми есмы, яко уповахом на Бога жива, Иже есть Спаситель всем человеком, паче же верным.*

Неложность обетования и несомненность получения уповаемого подтверждает Апостол собственным примером (см.: блаженный Феодорит). Что вера и жизнь по вере приносят живот вечный, убеждение в этом составляет нашу силу. Из-за чего мы поднимаем такие труды и предаем себя всякому поношению? Не из-за чего другого, как из-за того, что уверены в получении за то живота вечного. А эта уверенность на чем стоит? На том, что мы возуповали (ἠλπίκαμεν) на Бога жива, совершенно уверились в истине слова Его

и всецело на Него положились. Это приложение подает мысль, что Апостол хотел как бы так сказать: слово обетования мы слышали из уст Самого Бога, совершенно уверились в Нем и положились на Него, что обетованное несомненно исполнено будет. Без этого дополнения мысли один пример Апостолов не был бы доказателен. Но когда за этим примером видим лице Бога живого, дающего обетование, тогда он, делаясь представителем действия слова живого Бога, всякому доказывает несомненность упования в равной силе, как бы он сам слышал слово из уст Бога живого. Святой Павел не здесь только, но и в других местах выставляет свою уверенность в несомненности упования,— и она была для него живительною силою в понесении Апостольских трудов. Теку, говорит, не на безвестное, *подвизаюся, не яко воздух бияй* (не на ветер) (1 Кор. 9, 26).

Пишется сие святому Тимофею, который разделял с апостолом Павлом все труды его и несомненно был исполнен тем же духом упования. Почему: *мы (труждаемся, уповахом)* — здесь звучит как *мы с тобою*. В лице же их, конечно, наводится мысль и на всех Апостолов, и на всех труждающихся в благовестии. Напоминается же сие святому Тимофею, чтоб вызвать и восставить тот же всегда оживлявший его дух упования и сказать как бы: будь как всегда. Ибо святому Тимофею предлежало теперь одному нести тру-

ды, которые прежде разделял он со святым Павлом. Святой Златоуст говорит: «здесь Апостол возбуждает святого Тимофея к перенесению опасностей, чтоб он не упадал духом, имея в Боге столь сильного помощника, и не нуждался в содействии других, но охотно все с мужеством переносил».

Бог именуется Богом живым, чтоб выразить, что упование наше не идеально, не на идее Бога утверждается, а на слове Бога живого, самым делом совершившего и устроившего все, потребное для получения уповаемого. Мы лицом к лицу видели и действенно познали Бога живого, почему уповаем не колеблясь. Или для того слово сие: *жива* — прибавлено, что Бог, как Сый, всегда может исполнить обетованное. Люди, будь то князи, ныне есть, а завтра их нет. Бог же всегда жив есть, чтоб даровать, что обетовал. Блаженный Феофилакт пишет: «здесь воины царские, перенесши многие труды и опасности, часто не получают должного воздаяния, когда случится между тем умереть царю; а наш Царь всегда жив есть, всегда и воздаст».

Бог есть Спаситель всех человеков, — потому что *всем человеком хощет спастися и в разум истины приити* (2, 4) — и не только хочет спастися всем, но и устроил дивный образ спасения, всем открытый и всегда сильный спасти всякого, кто ни захочет воспользоваться им. Но почему Он

есть Спаситель *паче верным*? Потому что спасительное Божие хотение, спасительная Божия сила и спасительное Божие устроение (экономия спасения) простираются на всех и для спасения всех довлетельны*; но на деле спасаются, или делаются причастными сих спасительностей, только верные, то есть только уверовавшие в благовестие и по принятии благодати живущие в духе веры. Так что Бог, и всегда желающий и всегда сильный спасти всех, в действительности Спаситель есть только верных. Μάλιστα — значит и: так, именно так. Почему: *паче же верным* — можно перевесть: именно верным. *Же*, δέ, — частицы нет в греческом. Прибавить же сие: именно верным — нужно было святому Павлу, потому что писал об уповании живота вечного, которого неверные не могут быть причастны. «Бог здесь есть всех Спаситель, а там не всех, но только достойных спасенными быть» (Экумений). Но и здесь Бог Спаситель особенное являет попечение о верных: ибо, если б этого не было, давно бы их стерли с лица земли (см.: Экумений). Святой Златоуст говорит: «каким образом, спросишь ты, Бог есть Спаситель паче верных? Тем, что обнаруживает великую заботливость о верных. Если б Он не был Спаситель их, то ничто не воспрепятствовало бы давно погибнуть тем, против которых все ратуют».

---

* *Довлетельный* — достаточный, удовлетворительный. — *Ред.*

г) О назидании паствы (4, 11—16)

По указании, как себя созидать, святой Павел дает уроки святому Тимофею и о том, как назидать паству. Два здесь главных пункта: живи примерно и учи ревностно, — *внимай себе и учению*; прочее прилагается, как побуждение к ревностному пастырствованию (см.: 4, 11—16).

Глава 4, стих 11. *Завещавай сия и учи.*

Слова сии кажутся заключением предшествующей речи; но лучше признать их переходом к последующей, дав им такой смысл: не только сам себя питай словесами веры и обучай благочестию, в уповании вечного живота, но и паству свою тому же учи и так наказывай ей действовать.

Сия, — «то есть обучаться благочестию, ожидать воздаяний, взирать на Подвигоположника» (блаженный Феодорит).

Завещавай и учи — можно и к одному и тому же относить, именно к учению, — учи, увещавай, убеждай, — и так разуметь, что словом: *учи* — означается учение, а словом: *завещавай* — властное повеление пастырское. Такое различие в сих словах полагают наши толковники. Святой Златоуст говорит: «при устроении человеческих дел иногда требуется наставление, а иногда приказание. Если бы поэтому ты стал приказывать там, где следует учить, то ты был бы достоин посмеяния. И наоборот, если бы ты начал учить там, где нужно приказывать, то случилось бы с тобою то

же самое. Например, – что не должно быть злым (что не должно красть [см.: блаженный Феофилакт]), этому следует не учить, а это должно приказывать и запрещать с особою силою; равно как и то должно приказывать, что не нужно держаться иудейских заблуждений. Если же ты намереваешься говорить о том, что должно раздавать имение, что должно хранить девство, или если думаешь беседовать о вере, то в таком случае необходимым становится учение. Поэтому и употребляет святой Павел оба эти выражения: *завещавай и учи*. – Также, если кто носит привески (по суеверию, в отвращение зла) или что-нибудь подобное и творит сие, зная, что это есть зло, то в таком случае нужным бывает одно только приказание; когда, – не зная того, – наставление. – Видишь ли, что священник должен и приказывать, и говорить со властию, а не все учить?»

Стих 12. ***Никтоже о юности твоей да нерадит: но образ буди верным словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою.***

То есть назидай паству своим добронравием, добрым житием и добрыми делами, чтобы она следовала за тобою, несмотря на твою юность. «Хочешь, говорит Апостол, чтобы не пренебрегали тобою, когда приказываешь, – будь одушевленным законом, – показывай в себе преуспеяние законов, – пусть жизнь твоя свидетельствует о слове» (блаженный Феодорит). «Святой Тимо-

фей по летам был юн, а по нравам — важный старец. Апостол и увещавает его: пребудь таким, чтобы преуспеяние твое во всем представляло образец добрых дел, чтоб в тебе, юном, видна была уважения и удивления достойная обученность (disciplina), чтоб дела твои не давали видеть твоего возраста, и все имели тебя не как юного, а как старца, чтоб старшие возрастом краснели, не являя себя, подобно тебе, важными в обращении и нравах, а юные имели в тебе сверстника своего учителем.— Дивен этот юный,— святейший Тимофей, когда его пример силен был обуздывать необученную юность и обличать не блюдущую свойственной ей важности старость» (Амвросиаст).

Да нерадит, μὴ καταφρονείτω,— да не презирает никто юности твоей или тебя по причине юности твоей. Как нельзя заставить не презирать, то смысл Апостольского внушения таков: не доводи себя до того, чтоб тебя презирали, не подавай повода к презрению тебя и неуважению к тебе. Как в этом успеть, показывают следующие слова: *но образ буди*. «Покажи жизнь, благоукрашенную добронравием, и не будет презираема юность твоя, а напротив, будет привлекать общее удивление» (блаженный Феофилакт). «До тех пор, пока ты будешь вести жизнь приличную (твоему сану), никто не станет презирать тебя за

возраст, но еще больше всякий будет удивляться тебе» (святой Златоуст).

И такой еще может быть здесь смысл: по сознанию своей юности, не молчи и не пропускай без внимания, когда нужно говорить, обличать, исправлять, действовать со властию; ибо, если допустишь это, неисправные пред глазами твоими начнут бесчинствовать, ни во что ставя твою власть. Тут уже не тебя, Тимофея, но в твоем лице епископа будут презирать, ему преданную, Апостольскую власть созидать Церковь святую. Этого же никак нельзя допускать. «Учитель не должен быть в пренебрежении» (святой Златоуст). «Епископ, действуя как епископ, должен вести речь и рассуждать властно» (Экумений). «Должное повелевай властно, и никто не будет тебя презирать» (блаженный Феофилакт).

Но как же заявит епископ кротость, заповеданную ему выше (см.: 3, 3)? На это святой Златоуст говорит: «где же, скажешь ты, кротость, если никогда не испытает он пренебрежения? В тех вещах, которые лично его касаются, пусть он, подвергшись пренебрежению, переносит сие, ибо таким образом долготерпение его будет содействовать успеху учения; а в том, что касается (спасения) других, — нет, потому что это будет уже не кротость, а равнодушие. Когда он мстит за обиды, нанесенные ему, или за злословие, или наветы; тогда справедливо обвинить его. Когда

же дело касается спасения других, тогда приказывай и распоряжайся с полною властию. Здесь уже нужна не кротость, а власть, дабы сие не сделалось гибельным для общества».

Но образ буди верным. «Во всем подавай собою пример добрых дел. То есть сам будь первообразом в жизни, являясь пред другими как одушевленный закон, как правило и устав жизни благой. Ибо таков должен быть учитель» (святой Златоуст).

Словом – или учительским, то есть «в говорении того, что должно говорить как учителю. Видишь, что учителю должно приготовлять слово или иметь его изготовленным» (Экумений), – «чтоб говорить с удобством» (блаженный Феофилакт), – «чтоб без затруднения вступать в собеседование» (святой Златоуст). Или обычным словом при взаимно-обращении, в разговорах и собеседованиях, чтоб и содержание, и образ речи были назидательны. В таком случае здесь напоминается то же, что сказано в другом месте всем: *всяко слово гнило да не исходит из уст ваших, но точию еже есть к созиданию, да даст благодать слышащим* (ср.: Еф. 4, 29). Эта мысль ближе к ходу речи.

Житием, ἐν ἀναστροφῇ, – во взаимно-обращении, или в образе держания себя при встречах и сношениях с другими, – сообразно с местом, временем, лицами и с своим саном. Приложение сего

уместно и в житейских, и в гражданских, и в церковных порядках жизни и соотношениях,— «в обычной жизни и в церковном чине» (блаженный Феофилакт). Общий закон тут: всякого встречать с уважением к нему и готовностию сделать ему всякое добро, словом и делом, не допуская никакой вольности в обращении.

Любовию,— объемлющею всех, как братий и сестер (Экумений, блаженный Феофилакт). И во взаимно-обращении должна дышать любовь; но там иное обращение может казаться любительным, не будучи таким. Почему Апостол входит внутрь сердца и там царицею всех деяний посаждает любовь,— любовь чувства, чтоб из него исходили любительные дела. Пастырь, приемля паству в свои руки, должен всех принять, как кровных чад и как родных,— и радеть о всех, как о своих ему.

Духом,— «или духовным настроением, или даром благодати Святаго Духа» (Экумений, блаженный Феофилакт). В первом отношении требуется — быть отрешену от всего тварного и чувственного и в Боге иметь свой живот сокровенным (см.: Кол. 3, 3), всё творя во славу Его, по воле Его, в присутствии Его, со страхом и благоговеинством. Во втором — «не превозноситься даром благодати Святаго Духа» (Экумений, блаженный Феофилакт), но паче смиряться, боясь не настолько оказаться деятельным и плодотвор-

ным, сколько бы следовало, судя по данному дару.

Верою, — «правою и неколеблющеюся, когда кто верит Богу и в том, что невозможно (в естественном порядке)» (Экумений, блаженный Феофилакт). Есть две веры: вера правая, приемлющая без сомнения помышлений все, открытое нам Богом, и вера, в Боге уверенная, что не оставит предавшего себя Ему и приведет к желанному концу — вечному блаженству, в каком бы кто положении здесь, на земле, ни был. Первая вера царствует в умственной сфере, вторая — в деятельной жизни. Сею последнею приемлются вразумления, подкрепления нравственной энергии и извождения* из затруднительных и опасных для чистоты сердца и совести обстоятельств. Верх ее есть та вера, о коей говорит Спаситель: *веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит* (Ин. 14, 12). И еще: *вся, елика аще воспросите в молитве, верующе, приимете* (ср.: Мф. 21, 22), или: *вся елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете: и будет вам* (Мк. 11, 24).

Чистотою, ἐν ἁγνείᾳ, — в непорочности, — «в девственной чистоте и целомудрии» (святой Златоуст, Экумений, блаженный Феофилакт). Святой Тимофей был девственник телом. Ему внушалась сим только девственность сердца, которого можно не иметь при девственности тела,

* *Извождение* — освобождение. — *Ред.*

когда не бывают равнодушны к красоте женской, хотя бы без похотных вожделений. Живущий в духе, как указано в слове: *духом*, — должен быть отрешен и от этого, имея всех жен сестрами, — чем устраняется всякое предпочтение какой-либо, не по духовному ее достоинству, и льнутие к ней по одной ее наружной привлекательности.

Стих 13. *Дондеже прииду, внемли чтению, утешению, учению.*

Сказал: будь образцом во всем для пасомых, чтоб они слушали слово твое и слушались его покорно. Теперь указывает, чем заниматься должно с ними, чтоб назидать их и вести к совершенству, — именно чтением, утешением, учением; «*внемли чтению* Божественных Писаний, *утешению* тех, которые имеют в том нужду, *учению*, обращенному ко всем вообще» (святой Златоуст). Блаженный Феодорит утешение и учение различает так: «учение, ничем не удерживаясь, предлагает разные наставления (обще — «ко всему народу» [Экумений]); а утешение или ободряет унылых, или гневающихся успокоивает советами». Блаженный Феофилакт, повторяя сие, к изъяснению *утешения* прибавляет, что оно имеет предметом своим «уговорение и возбуждение чувствующих в себе упадок нравственной энергии». Амвросиаст же пишет: «когда кротким словом располагаем других к доброму делу, — это есть утешение; а когда сокровенное нечто

(таинства веры) печатлеем в умах слушающих, это есть учить».

Что касается до чтения Божественных Писаний, то под ним можно разуметь и чтение в собраниях церковных, и чтение домашнее, как приготовление к чтению в собраниях, и собрание запаса, откуда почерпать утешение и учение (см.: Амвросиаст). Отсюда наши толковники извлекают такие уроки. Святой Златоуст говорит: «Тимофею заповедует заниматься чтением. Послушаем сего все и научимся не нерадеть об изучении Божественных Писаний. Не к одному Тимофею это сказано, но ко всем. Если Апостол дает такие наставления тому, кто воскрешал мертвых, то что нам говорить против? И Христос на учителей указывает, когда говорит, что *подобно есть Царствие Небесное человеку домовиту, иже износит от сокровища своего новая и ветхая* (ср.: Мф. 13, 52). Сие же внушает и блаженный Павел, когда говорит: *да терпением и утешением Писаний упование имамы* (Рим. 15, 4). – Он и сам более всех исполнял это. Будучи наставлен в законе при ногах Гамалиила*, он, конечно, и после того занимался чтением его. Разве не видишь, как он часто приводит свидетельства из Пророков и разбирает их? Поэтому, если Павел занимается чтением, – ибо немаловажная польза проистекает от Писаний, – то ужели мы будем ле-

* См.: Деян. 22, 3. – *Ред.*

ниться и рассеянно слушать его?» — Приложим и краткое слово блаженного Феодорита: «И треблаженному Тимофею, сколько ни был он духовен, учитель повелевает внимать чтению. Из сего можно дознать, что и нам надлежит привнесть от себя труд для углаждения пути к приятию благодати Духа».

Слова: *дондеже прииду* — приложены и в утешение, что, оставшись один, не долго будешь сиротствовать,— и в прогнание страха при встрече недоумений, как бы так: встретишь недоумение,— ищи разрешения его в Писании; чего же не доищешься,— я приду скоро и разрешу. Блаженный Феофилакт пишет: «утешает святого Тимофея, сказав: *дондеже прииду*,— ибо это давало надежду, что скоро увидит учителя, так как, осиротевши, он конечно искал сердцем Павла. И вот еще для чего сказал он это: так как святой Тимофей, будучи молод, многого, конечно, не знал и имел нужду в присутствии учителя, чтоб узнать то от него; то святой Павел говорит ему: пока приду, читай Писания, и там найдешь нужные законоположения. А когда приду, то передам тебе и прочее».

Стих 14. ***Не неради о своем даровании живущем в тебе, еже дано тебе бысть пророчеством с возложением рук священничества.***

Не неради,— стоящее после: *внемли чтению, утешению, учению*,— дает разуметь, что если он

не будет сего исполнять, то окажется нерадивым, и что это нерадение будет нерадением о даровании, живущем в нем. Так как сие дарование очевидно есть дарование епископства или пастырства, то следует, что пастырь, нерадящий о чтении, утешении и учении, есть нерадивый пастырь, есть пренебрежитель дара пастырства, ему данного и в нем пребывающего. Он зарывает свой талант в землю (см.: Мф. 25, 25) или свой *мнас* завертывает в тряпку (см.: Лк. 19, 20) – и предается сну. Амвросиаст пишет: «если пастырь народа (верных) нерадит о сем (о чтении и прочем), то нерадит о данной ему благодати. Ибо затем и делается он водителем народа, чтоб заботился о спасении его, увещавая и уча, дабы приносило плод поставление его в чин сей; так как Бог затем возвел его на сию степень, чтоб он способствовал спасению народа Его. Почему кто, сподобясь такого достоинства, бывает нерадив, тот презрителем Бога почтен будет и *мний наречется в Царствии Небесном* (ср.: Мф. 5, 19). К тому же, кто учить не заботится, тот будет ли пещись о том, чтобы делать?»

В этом и была цель, для которой Апостол сказал здесь сие: *не неради о даровании.* Он хотел представить побуждение к указанным пред сим занятиям пастыря по пастырству, дав разуметь, что главное дело пастыря – учить и учением вести вверенные ему души путем спасения. Пастырь

неучащий — не пастырь. — Но чтоб еще больше усилить такое побуждение, Апостол счел нужным напомнить святому Тимофею о том, как получено им такое дарование пастырства.

Еже дано тебе бысть. Не сам себе присвоил, не сам искал и домогался прямо или косвенно, — но: *дано.* Избран святой Тимофей по общему голосу и общему указанию верных. Но избиратель этим не удовольствовался, а ждал указания свыше. И оно дано *пророчеством,* то есть или особым откровением о достоинстве избираемого святому Павлу, или пророчением о том какого-либо из Пророков, обычных тогда в Церкви, или другим каким указанием свыше. О бывших о святом Тимофее пророчествах уже поминал святой Павел выше (см.: 1, 18). Вероятно, это было не раз. Но здесь говорится о том, что совершилось в Ефесе. «Пророчество, — пишет Амвросиаст, — есть указание свыше, что избираемый имеет быть достойным учителем». Почему, сказав: *пророчеством,* — Апостол засвидетельствовал, что святой Тимофей рукоположен в епископа «по повелению Святаго Духа» (блаженный Феофилакт). И вообще тогда «епископы были поставляемы по повелению Духа, а не кое-как. И то есть особый вид пророчества, когда свыше указывается на настоящее, как там — в Антиохии: *отделите Ми Варнаву и Савла* (Деян. 13, 2)» (Экумений). Указание свыше о достоинстве избираемого бы-

вало многократно в Церкви; нередко избиравшие и не решались закончить свое избрание без указания свыше.

Избрание – приготовление; самое поставление в епископа совершено затем рукоположением: *возложением рук священничества*, τοῦ πρεσβυτερίου, – собственно старчества, старейшинства, или сонма старцев и старейших лиц в Церкви. Из таких лиц бывали избираемы священники, и их, вероятно, разумеет здесь святой Павел. Как их в Ефесе и около было не мало, то он означил их всех общим именем: πρεσβυτερίου, – что по-славянски переведено: священничества, – сонма священников. Но как же – выходит: священники рукополагают епископа? Святой Златоуст отвечает: «не о пресвитерах (не о священниках) говорит он здесь, а об епископах; ибо не пресвитеры рукополагали епископов». Так и Экумений с Феофилактом. Но блаженный Феодорит пишет, что «*священничеством* называет здесь Апостол сподобившихся Апостольской благодати». И следовательно, святой Павел разумеет здесь только себя самого. Это совершенно согласуется с тем, что говорит он во Втором к Тимофею Послании: *воспоминаю тебе возгревати дар Божий в тебе возложением руку моею* (ср.: 2 Тим. 1, 6). Там *дар* и здесь *дарование* одно и то же означают. Следовательно, и помянутое *дарование* дано возложением рук святого Павла, как имевшего Апо-

стольскую благодать. — Но в таком случае слово: *священничества* — получит не прямой, а переносный смысл. Чтоб удержать прямое значение сего слова и вместе под возложением рук, благодать епископства сообщившим, разуметь возложение рук святого Павла, а не пресвитеров, можно допустить, что в настоящем месте возложение рук священничества было действительно, но было не как совершение таинства епископской хиротонии, а как изъявление согласия на избрание, и, может быть, даже отдельно от посвятительного возложения рук святого Павла, — прежде, как завершение избрания, указанного откровением свыше. В таком случае смысл всего места будет такой: не неради о даровании, данном тебе возложением моих рук, но пророчеству, с согласия всего священства, которое оно изъявило своим возложением рук на тебя. Оно дало руки согласия.

Стих 15. *В сих поучайся, в сих пребывай, (в сих разумевай): да преспеяние твое явлено будет во всех.*

В сих — во всем сказанном ему прежде, то есть: *образ буди верным* — и: *внемли чтению, утешению, учению* — или даже выше: питайся словесами веры и обучай себя ко благочестию, по упованию жизни вечной. Но можно ограничить широту значения: *в сих* — преимущественно тем, что относится к созиданию себя, как пастыря, и к пастырскому созиданию пасомых. *Поучайся*,

μελέτα, — о сем рассуждай, сие держи непрестанно в уме и обдумывай, сим всеусердно будь занят. — *В сих пребывай* — будь весь в этом, другое чтоб и на ум не всходило, этому одному будь вседушно предан. Как воин весь в своем воинстве, художник весь в своем искусстве, ученый весь в своей науке: так ты будь весь в своем пастырстве. Ибо это есть существенное условие к тому, чтобы совершенным явиться в деле, какое кто берет на себя или к какому кто призван. Почему Апостол и прибавляет вслед за сим: *да преспеяние твое явлено будет во всех. — Преспеяние* — успех, совершенство. *Будет,* — чтоб явно было, что ты во всем совершен, и в жизни, и в учении, или чтоб всем явно было, что ты совершен в своем деле и чине, то есть пастырстве. Таким образом само собою устроится, что никто о юности твоей нерадеть не будет. Экумений пишет: «*преспеяние* указуется великое; ибо, не будь оно очень велико, то и явно не будет. Слово же: *во всех* — означает: или всем людям, или во всех вещах». Дополняет сие Феофилакт: «*во всех,* — то есть не в жизни только, но и в слове учительском. Смотри, как великим и дивным желает он быть ему даже и в этом!» Слов: *в сих разумевай* — никто не читает из наших толковников.

С 14-го стиха до конца главы Апостол предлагает во увещание к доброму пастырствованию убедительные представления: в 14-м: *не неради о*

даровании; здесь: *да преспеяние твое явлено будет во всех*; далее: *сам спасешися и послушающии тебе*. «Смотри,— говорит святой Златоуст,— как настойчиво побуждает он его к одному и тому же, желая показать, что учителю должно больше всего стараться об этом (то есть быть образцом и учить)».

Стих 16. ***Внимай себе и учению: и пребывай в них. Сия бо творя, и сам спасешися и послушающии тебе.***

Внимай себе и учению. «То есть будь внимателен к себе самому и других учи» (святой Златоуст). Но об этом уже говорилось; потому можно полагать, что здесь Апостол имел в виду внушить не столько предмет дела, сколько образ делания. К этому предположению дают повод употребленные здесь глаголы: ἔπεχε — и ἐπίμενε. Ἔπεχε — поимей на себе. Ум иметь на себе — внимать себе; но можно поиметь на себе и напряжение воли, или понуждать себя, налегать на себя. Будет: ἔπεχε σεαυτῷ — налегай на себя и на учение других, не жалей труда, нудь себя на жизнь примерную и на учительство неустанное. К сему же смыслу ближе подходит и следующее: *пребывай в них*.— *Пребывай*, ἐπίμενε,— с усилием, прилежанием и терпением пребывай в этом, – в этих трудах и занятиях по пастырству, не знай усталости. Это же ἐπίμενε — указывает и на воодушевление к терпеливому труду и усилиям,— и

надежду на успех; так что: *пребывай в них* — будет: будь неутомим в трудах пастырства, в чаянии успеха спасительного плода, о коем и говорится тотчас.

Сия бо творя, и сам спасешися и послушающии тебе. — Сам спасешися; ибо если будешь так поступать, то с тебя уже нечего более и взыскивать, — ты свое дело сделаешь как должно, послушаются ли тебя пасомые или нет. Но Апостол и более этого обещает, именно что и послушающие его спасутся. Они непременно пойдут вслед за тобою, и как ты, действуя сказанным образом, верно достигнешь спасения, то и они вслед за тобою достигнут того же. Кажется, святой Павел имел в виду особенно выставить на вид победоносную силу учения, оправдываемого и подтверждаемого жизнию. В таком случае, говорит как бы он, никто не устоит против твоего слова и убеждения, — все тебя послушаются, пойдут по учению твоему и примеру твоему и спасутся. Плод же сего на тебе отзовется. Амвросиаст пишет: «убеждает Апостол, чтоб святой Тимофей всем представлял себя образцом в добрых делах и был образцовым в трудах учительства. Преуспеяние должно быть явлено не в учении только, но и в делах. Ибо как древо доброе творит добрые плоды (см.: Мф. 7, 17), так и учение доброе злых плодов иметь не может. Когда видны добрые дела, то слушающие, убеждаясь, что это есть

плод доброго учения, не могут не получить пользы от учения. Ибо то, что предлагается в слове учения, всегда сознается истинным и приемлется со страхом и благоговеинством, если видно, что все то благоговейно соблюдается тем, кто учит. Таким образом добрый пастырь народа двоякий получит плод — и за свои добрые дела, и за спасение пасомых, — послушающих его; напротив, если он будет нерадив, то и за себя, и за них даст отчет Богу».

Б) НАСТАВЛЕНИЯ, КАК УЧИТЬ И РУКОВОДИТЬ ПАСОМЫХ, СУДЯ ПО ИХ РАЗНЫМ СОСТОЯНИЯМ (5—6, 19)

Не на всех одинаково следует действовать, но надо сообразжаться с отличиями каждого по возрасту, положению в Церкви, положению в обществе и внешнему состоянию. Как все это делать, святой Павел указывает в последних двух главах.

а) Как на кого действовать, судя по возрасту (5, 1—2)

Святой Павел берет во внимание только противоположности старца и юноши, старицы и юницы. О прочих оставляет сделать наведения самому святому Тимофею. И на этих указывает будто только для примера.

Глава 5, стих 1. *Старцу пакости не твори, но утешай, якоже отца: юноши, якоже братию.*

Под старцем разумеет здесь святой Павел не почтенного иерейским достоинством, а устаревшего летами (см.: святой Златоуст и все). Такому лицу, говорит, *пакости не твори*, μὴ ἐπιπλήξῃς, – не кричи на него, не брани и не срами его. «Но как же быть, если он имеет нужду в исправлении? Относись к нему в сем случае, как к родному отцу согрешившему, с почтительною тихостию» (святой Златоуст, Экумений). Почему говорит: *утешай*, παρακάλει, – упрашивай, умоляй, уговаривай. «По самому существу дела, сие, то есть слушание замечаний, тягостно, – и в особенности когда это случается с престарелым человеком; если же при сем замечания даются юнейшим, то сие бывает втройне несносным. Поэтому и нужно смягчать тяжесть сего кротостию и дружелюбием. Ибо можно обличать без жестокости, если кто захочет навыкнуть сему; только для этого требуется большое благоразумие; однако это возможно» (святой Златоуст). «Так учит Апостол располагать к добру старца, по причине почтительности, вызываемой его возрастом. При таком отношении к нему, он удобнее примет предлагаемое наставление: ибо, несмотря на оказываемую ему почтительность, при первом внушении не может он не опасаться, как бы в другой раз и не покричали па него, чему срамно подвергаться старцу. У всех народов старчество пользуется почтительным уважением. Почему, подобно

синагоге, и Церковь имела старцев, без совета которых ничего не делалось в Церкви. И я не знаю, как это вышло из обыкновения? Может быть, по беспечности пастырей и учителей или, лучше, по их гордости, по коей им одним хотелось быть видными в Церкви» (Амвросиаст).

Юноши, якоже братию, — то есть увещавай и склоняй к добру. «Зачем и здесь заповедует сие, то есть кроткий образ речи? Затем, чтоб не раздражать свойственной сему возрасту продерзости; почему и в этом случае обличение должно смягчаться духом кротости и любви» (святой Златоуст). «Юношей велит Апостол увещавать как братьев, с теплотою любви, чтоб, видя, что их усовещивают из любви, они охотнее исправляли себя; особенно если видят при сем, что у самого наставника дела нисколько не разногласят с его уроками» (Амвросиаст).

Стих 2. *Старицы, якоже матери: юныя, якоже сестры, со всякою чистотою.*

Стариц — учи, увещавай, склоняй на добро, *как матерей.* «Причина сему та же, что и в отношении к старцам» (Экумений) — «смягчение горечи исправительной речи теплотою сыновней любви и почтительности» (блаженный Феофилакт). «Старицы, видя, что их учат кроткою речью, будут без горечи принимать ее, так как при этом соблюдается почтительность к ним. Старым горько принимать уроки от младших.

Почему, когда это бывает неизбежно, Апостол велит смягчать это действие кротостию и почтительностию, чтоб оно послужило в пользу и учащему, и слушающим» (Амвросиаст).

Юниц, — то есть девиц или молодых жен, учи, увещавай и исправляй, *как сестр.* Причина и здесь та же, что в отношении к юношам, потому что и им не чужды продерзость и непокоривость. «Юниц велит Апостол учить, как сестр, чтоб они с готовностию подчинялись дисциплине доброго жития. Ибо, видя, что им не властно повелевают, а доброжелательно внушают, чего требует добрая жизнь, они беспрекословно на то соглашаются, смиряясь пред увещателем. Ласковостию скорее можно достигнуть того, в чем не всегда успевает авторитетная власть» (Амвросиаст). «Но как беседы с молодыми женщинами с трудом избегают подозрения, а между тем епископ должен и это делать, то Апостол прибавляет: *со всякою чистотою,* — показывая тем, что говорить с ними надлежит со всякою чистотою. Если же Тимофею заповедует он это, то пусть подумают все другие, каков должен быть епископ, чтобы не подать случая к подозрению, ни даже тени оправдания для тех, которые захотели бы клеветать» (святой Златоуст). Но кажется, святой Павел имеет при сих словах в виду не столько подозрения других, сколько предотвращение сердечного сочувствия к юницам. Это сочувствие и далее влечение

естественно вызывается при встрече с женами, особенно юными. Но оно не неизбежно и тем менее таково, чтоб необходимо властвовало над сердцем. Его можно пресекать, при самом зарождении или первом движении, и прогонять, когда оно против воли прорвется. Вот об этом отторжении от сердца сочувствий и говорит здесь Апостол. «Апостол присовокупил: *со всякою чистотою*, — пишет блаженный Феодорит, — научая при телесном целомудрии сохранять и душевное и не допускать в себя никакого вреда посредством зрения или слуха».

б) Как устроять вдовиц (5, 3—16)

Вдовы, с самого начала устроения Церкви, состояли на попечении христианских обществ. Для устроения их в первой Иерусалимской Церкви были избраны особые лица (см.: Деян. 6). По этому образцу и все другие общества христианские долгом своим считали — обеспечивать вдов и сирот. А что это продолжалось и потом, указание на то можно видеть в Послании святого Игнатия к святому Поликарпу (см.: Священномученик Игнатий Богоносец. Послание к святому Поликарпу. 4), в Первой Апологии святого Иустина* (см.: Мученик Иустин Философ. Первая Апология. 67), и в «Церковной истории» Евсевия (см.: Евсевий Кесарийский. Церковная

---

* *Мученик Иустин Философ († 166)* — Отец Церкви. — *Ред.*

история. 6, 43). Об них и говорит здесь святой Павел; и говорит: аа) сначала об устроении вдовиц вообще (см.: 5, 3–8); а потом: бб) частнее (см.: 5, 9–15), — о вдовицах: α) престарелых (см.: 5, 9–10) и: β) юных (см.: 5, 11–15); вв) напомнив в конце и еще, что говорил об устроении вдов вообще (стих 16). Пространно пишет, — верно, надлежала нужда в этом.

аа) О пристроении и обеспечении вдовиц вообще (5, 3–8)

Глава 5, стих 3. *Вдовицы чти сущия истинныя вдовицы.*

Чти — не пренебрегай, или не неради об них, а имей о них попечение. «*Чти* — стоит вместо: милосердуй о них и доставляй им потребное» (блаженный Феофилакт). Но *чти*, говорит, таких, которые суть истинные вдовицы. Какие же это истинные вдовицы? Конечно те, которые хорошо живут (стихи 5–7), но которым при сем жить нечем (стих 16). Блаженный Феодорит пишет: «вдовам, не имеющим никакого ниоткуда источника к удовлетворению своих нужд, надлежит пользоваться, говорит Апостол, церковным вспоможением». Святой Иустин, в своей Апологии, говорит, что «верующие жертвовали в Церковь кто что мог; а настоятели Церквей, — пастыри, раздавали потом собранное бедным, вдовам и сиротам». Вдовицы, которые сами могли содержаться

или которых могли содержать их собственные семьи, не должны были тяготить собою Церкви (стих 16). «Такие не суть настоящие вдовицы» (Экумений). – Относительно них вот что заповедует святой Павел.

Стих 4. *Аще же кая вдовица чада или внучата имать, да учатся прежде свой дом благочестиво устроити, и взаем воздаяти родителем: сие бо есть благоугодно пред Богом.*

Вдова, говорит, у которой есть дети или внучата, пусть в своей семье и содержание находит. И справедливость этого требует, и Богу это приятно. Возлагает сие святой Павел на детей или внучат оставшейся вдовы: *да учатся прежде свой дом благочестиво устроити*. – *Да учатся*, μανθανέτωσαν, – можно перевесть и так: да обучатся, приобретут навык. *Благочестиво устроити*, εὐσεβεῖν, – благочествовать, являть или держать благочестивый образ жизни. *Свой дом*, τὸν ἴδιον οἶκον, – по своему дому, в своем доме, подразумевая: κατά. Будет: которая вдова имеет детей или внучат, ту пусть содержат эти дети и внуки, чтоб таким образом они обучились или навык приобрели являть или держать благочестивый образ жизни прежде у себя, на дому. Благочестивый образ жизни они должны являть всюду пред всем обществом христианским. Но прежде всего пусть навыкнут сему у себя дома, оказывая усердное попечение о матери или бабке. Чтить и

упокоивать мать или бабку есть дело благочестное. Если кто, не делая этого дома, вне дома, однако ж, держит вид благочестивого, того сомнительно благочестие, — сомнительно, искренно ли оно, а не для виду только держится. К тому же и благочестивому образу жизни надо навыкать. Как? Совершая дела благочестия. Апостол говорит: когда у кого есть дома вдова, — мать или бабка, не ходи за ворота, чтоб встретить там какое-либо дело благочестия и упражниться в совершении его. Есть у тебя под руками такое дело — упокоение и удовление* матери или бабки. Им и займись. Говоря же святому Тимофею, как пастырю: да учатся сему дети и внучата, — он внушает: ты их на это направь, растолкуй, что так должно, и убеди к исполнению.

И взаем воздаяти родителем, ἀμοιβὰς ἀποδιδόναι, — воздать воздаяние, — отплатить. Мать или бабка пеклись и питали детей или внучат, когда были хозяйками. Теперь настала череда детям их или внукам хозяйничать. Пусть же они отплачивают им за их прежнее о себе попечение доставлением им покоя и всякого довольства. Этого требует справедливость, и совесть их должна обязать их к этому.

Экумений пишет: «мысль Апостола такая: да учатся дети или внуки оказывать честь матери или бабке, питая их и всякое им делая добро.

* *Удовление* — здесь: доставление нужного. — *Ред.*

Ибо это означает: εὐσεβεῖν,— благочествовать. Этим они и взаим воздадут им». То же читаем и у блаженного Феофилакта: «да учатся дети и внучата почитать свою мать и бабку, доставляя им покой и содержание. Ибо εὐσεβεῖν здесь означает: покоить мать или бабку на старости лет. Достоинство родителей есть Божественное достоинство, так что покоить их значит: благочествовать, как, напротив, не покоить их на старости есть нечестие. При сем Апостол изводит на среду и требование доброй совести, говоря: *и взаем воздаяти родителем,*— воздать родителям, то есть матери или бабке, за их воспитание и возращение».

Сие бо есть благоугодно пред Богом. Благоугодно и потому, что чрез то исполняется справедливое требование совести, Богом на сердце начертанное, и потому, что как родители пред детьми являют некиим образом лик Самого Бога, то оказываемое им чествование и попечение от детей Бог так принимает, как бы это прямо Ему было оказываемо. Да и натурально должное отношение к родителям отзывается религиозным благоговеинством.

Иные читают — не: *да учатся,* — а: *да учит,* μανθάνετω. В таком случае слова Апостола будут относиться ко вдове и предписывать, чтоб вдова, имеющая детей и внучат, оставалась в доме и учила, по своей опытности и по авторитету старшинства в семье, свой дом, то есть детей и внучат,

благочествовать. Как? оказывая прежде всего ей самой должный почет и попечение успокоительное во всех отношениях. Вульгата* удерживает такой перевод: discant.

Стих 5. *А сущая истинная вдовица и уединена, уповает на Бога, и пребывает в молитвах день и нощъ.*

«Выше сказал: *чти сущия истинныя вдовицы*; теперь показывает, какая есть истинная вдовица» (святой Златоуст). Та, которая не только мужа лишилась, но и уединенна есть, μεμονωμένη, — одна-одинехонька, ни детей, ни внучат не имеет, которые бы об ней попеклись. Одна-одинехонька или осталась, или оставлена, — оставлена своими, живи как хочешь (см.: Амвросиаст). Такой что осталось делать? Возложить все упование на Бога и ждать, что Он благоволит устроить. Которая так делает, та и есть истинная вдовица. *Уповает*, ἤλπικεν, — возуповала, возложила все упование на Бога; *пребывает*, προσμένει, — ожидает, и ожидает, конечно, помощи свыше, пребывая в молитве. В конце стиха, кажется, должно дополнять мысленно: вот какую вдовицу чти, вот о какой пекись, вот какой устрояй церковное вспоможение. Так делает блаженный Феофилакт: «настоящая вдовица — та, которая никого не имеет, кто бы о ней попекся, ни сына, ни внука, и на Бога возложила все упование. Вот о какой надо иметь попечение,

* *Вульгата* — латинский перевод Священного Писания, выполненный блаженным Иеронимом Стридонским. — *Ред.*

вот о какой милосердовать, доставляя ей все потребное!» Святой Златоуст выставляет на вид более нравственно-религиозную сторону вдов. «Если которая-нибудь, будучи вдовою, не обратилась к мирской жизни, то она есть истинная вдовица, которая уповает на Бога, упражняется в молитве, день и ночь в терпении проводит на молитве, — та есть настоящая вдовица. Тут же Апостол и утешает такую в том, что она не имеет детей, говоря как бы, — что в том, что она лишена не только утешения от мужа, но и того счастия, какое приносят дети, заключается ее преимущество; потому что взамен всего она имеет Бога. Следовательно та, которая не имеет детей, не есть хуже других; но этим утешением (упованием на Бога) восполняет то, чего ей недостает вследствие того, что у нее нет детей». То же делает и Амвросиаст: «вот каких должно чтить вдовиц! таких, которые, имея возможность выйти снова замуж, отвергли второй брак, по желанию совершеннейшей жизни и удобнейшего угождения Богу, являясь соревновательницами святой Анне, которая в постах и молитвах служила Богу день и ночь, после того как овдовела, пожив с мужем лишь несколько лет (см.: Лк. 2, 36). Такою жизнию должна прежде зарекомендовать себя вдова и потом уже удостоиваться быть вдовою Церкви (то есть на содержании Церкви состоящею). Также вдову, у которой есть дети или

внуки, не следует тотчас брать на содержание Церкви. Ибо если она прежде добре правила своим домом, то ей должно быть взаимно воздано своими, как она прежде воздавала им. Но если с какою будет поступлено нечестиво и она брошена будет своими, о которых прежде пеклась благочестно, то такая достойна быть принятою на попечение Церкви, как верная исполнительница закона Господня».

Стих 6. *Питающаяся же пространно, жива умерла.*

Питающаяся пространно, σπαταλῶσα, — пристрастная к утехам и сластям житейским и мирским и преданная им. *Жива умерла* — на вид жива, а в существе дела умерла, — умерла для истинной, человеку, по его назначению, свойственной, жизни. По образу Божию создан человек; должен Богу уподобляться отрешенностию от всего чувственного. Духом наделен в творении, — такою силою, которая не может быть удовлетворена ничем тварным, а только Единым Богом. Кто, отрешаясь от всего тварного и чувственного, Бога Единого ищет, чтоб, пребывая в общении с Ним, оживотворяться Им, тот живет настоящею жизнию. А кто чувственным предан наслаждениям, у того нет настоящей человеческой жизни, хоть на вид он будто живет похоже на таковую жизнь. Ибо дух его заморен и остается без движения. Такова и вдова, преданная

чувственным утехам: «подавляет она в себе разумную (духовную) силу и делает, что сия сила в теле ее, как в гробе каком, остается неподвижною» (блаженный Феодорит). «По видимости она живет этою чувственною жизнию, по духу же умерла» (блаженный Феофилакт). «Нынешнею жизнию она, кажется, живет, вечную же жизнь потеряла: ибо что касается до оной жизни, то она умерла для нее по причине греха» (Экумений).

Амвросиаст пишет: «вдова, достойная сего имени, означает такую особу, которая, для стяжания Господа, пребывает в молитвах, служа Ему день и ночь. Сим она показывает, что если презрела второй брак, то для того, чтоб посвятить себя строгой жизни, Господа ради. Но если какая вдова, прикрываясь сим именем, предается чувственным сластям, то ее надобно считать заживо мертвою. Знак лукавого притворства есть, когда одно обещают, а другое делают, желая пользоваться честию вдовы, но не желая стеснять себя трудами на угождение и служение Богу, к чему обязывает обет вдовства. Ибо истинная вдова, презрев мужа, избирает Господа, чтоб Ему служить всею душою, по упованию блаженства вечного». Святой Златоуст пространную пишет на сие место беседу, изображая духовную мертвость тех, которые проводят веселую и разгульную жизнь, утопая в чувственных наслаждениях, пирах, гуляньях, увеселениях и в другом многом.

«Такие, — заключает он, — не имеют ни души, ни духа, а живут только плотию. И Писание называет их бездушными, говоря: *не имать Дух мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть* (ср.: Быт. 6, 3). Они имели душу, но мертвую; потому и названы плотию».

Стих 7. *И сия завещавай, да непорочни будут.*

И сия — можно относить и к предыдущему, и к последующему. Относя к предыдущему, можно ограничивать сие предыдущее непосредственно предшествующим стихом, где так укорена питающаяся пространно. И это, то есть чтоб не предавались удовольствиям житейским и мирским, яствам и питиям, ты им строго накажи, в неотложный закон поставь, чтоб пред всеми являлись они безукоризненными. Или так: требуй этого; иначе они не могут пребыть непорочными, то есть не только подпадут укору за невоздержание, но и в другие впадут пороки. Так блаженный Феофилакт: «видишь, что он желает, чтоб это было законом. Не на произвол оставляет, поблажать утехам или нет, но запрещает это, как грех. Ибо такое значение имеет слово: *завещавай*, *παράγγελλε*; оно стоит вместо: со всею строгостию запрещай дерзать на это». Сие толкование взял он у святого Златоуста, который пространнее о сем говорит: «видишь ли, что предписание сие принимает вид закона? Он не предоставляет сего свободе каждого, а говорит: заповедуй, чтоб не

пресыщались, потому что это есть явный грех, так что тому, кто ведет роскошную жизнь, нельзя и вовсе неуместно быть причастником таинств. *И сия завещавай*, говорит он, *да непорочни будут*. Видишь ли, что сие отнесено к числу грехов? Ибо то, что предоставляется свободе каждого, если бы даже и не соблюдалось, нисколько не препятствует быть безукоризненным. Поэтому и мы, повинуясь Павлу, будем заповедывать, что вдовицы, которые преданы сластолюбию, должны быть исключены из числа (настоящих) вдовиц».

Можно, относя: *и сия* — к предыдущему, к 6-му стиху присоединить и 5-й. Будет: требуй, чтобы вдовица, отказавшаяся от второго брака, не только не позволяла себе утешничать, но пребывала в молитвах день и ночь. Можно присоединить и 4-й стих, включив в лица, коим дается предписание, и детей с внучатами, так: заповедуй им содержать и покоить своих матерей- и бабок-вдов, чтоб не подпасть укору от лица верных. Эта мысль прямо вяжется с следующим 8-м стихом: а если кто о своих родных нерадит, то он горше неверного.

Относя: *и сия* — к последующему, то есть к: *да непорочни будут*,— получим: и вот что еще завещавай, чтоб непорочны были и безукоризненны во всех отношениях. Ибо и воздерживаясь от чувственных удовольствий, они могут проявлять другое многое в своем поведении, за что справед-

ливо будут подлежать укору. Такая мысль видна у Амвросиаста: «Апостол требует, чтоб вдова такое имела попечение о доброте своих деяний и нравов, чтоб ее ни в чем попрекнуть было невозможно. Отказавшись от мирской жизни и от забот о теле освобожденная, она для того и Богу себя посвятила, чтоб вести жизнь одобрительную. В чем ей и успеть удобно. Ибо так как случаи, открывающие обыкновенно вход грехам, от нее удалены; то ничто уж не мешает пребывать ей невредимою в своем добром поведении».

Прибавим: нет нужды настаивать, что место сие непременно должно понимать так и так. Но, держа одну такую мысль, не гони и другой.

Стих 8. *Аще же кто о своих, паче же о присных не промышляет, веры отверглся есть, и невернаго горший есть.*

Если предыдущие слова относить и к детям с внуками, видя в них такую заповедь: внушай, требуй, обяжи их упокоивать матерей и бабок, да будут свободны от укора; то настоящий стих, прямо отвечая такой мысли, будет представлять побуждение к действованию по предлагаемому внушению, показывая, как неуместен несообразный с тем образ действования. Пекитесь о своих; ибо, кто не печется о них, тот веры отвергся и стал хуже неверного.

Если же в предыдущем стихе видеть другую какую из предложенных мыслей; то, для связи

настоящего стиха с предыдущими, надо вставить такую дополнительную речь: что же касается до того, что я налагал на детей и внуков долг пещись о сущих в их доме вдовах — матерях их или бабках, то это так неотложно, что если кто не будет так поступать, то он веры отвергся и стал хуже неверного.

Под *своими* и *присными* разумеются родственники вообще, из которых *присные*, οἰκεῖοι, — суть те, кои живут в одном доме, а *свои*, ἴδιοι, — все другие родные особо живущие. Так Апостол требует, чтоб родные пеклись взаимно друг о друге и помогали нуждающимся из своих. Кто не исполняет сего, тот, говорит, самым сим действием *веры отвергся*. «Дела его такие не суть дела верующего» (блаженный Феофилакт), или такие дела обличают в нем неверующего, показывают, что он чужд веры; устами исповедует Бога, а делами отметается Его (см.: Тит. 1, 16). Вера требует быть милостивым не к своим только кровным, но и ко всем нуждающимся. «Каким же образом может быть милостив к посторонним тот, кто презирает людей одного с собою рода, свойственников своих?» (святой Златоуст). Правда, бывает, что иной, минуя своих, благотворит чужим; но это всегда делается напоказ. «Разве не называют все тщеславием, когда кто, благодетельствуя чужим, презирает и не щадит своих, несмотря на то, что благотворить после-

дним было бы для него и удобнее, и справедливее?» (святой Златоуст). — Так немилостивый к своим очевидно не имеет верующего сердца и есть то же, что невер. Но Апостол идет далее и утверждает, что такой даже хуже невера: *неверпаго горший есть.* Неверный, если б так поступил, нарушил бы только закон естественный, а этот, поступая так, и естественный, и писанный закон нарушает (см.: святой Златоуст). А сравни его с тем из неверующих, который печется о родных по одному закону естества; насколько он окажется хуже его? — «Бог для того и учредил родственные связи, чтобы имели больше мы случаев благотворить друг другу. Поэтому если ты не делаешь того, что делает неверный, то ужели ты не отказался от веры и не стал хуже неверного? Если же не пекущийся о присных отказался от веры и стал хуже неверного; то куда должен быть отнесен и где займет место тот, кто обижает присных своих? Не все равно — презирать ближнего и дальнего. Гораздо зазорнее презирать знакомого, нежели незнакомого, — друга, нежели недруга» (святой Златоуст). И тем паче кровного родственника.

бб) Как частнее поступать с вдовицами (5, 9—15)

Со стиха 9 до 15-го идет речь об особых некиих вдовах; но с стиха 11 видно, о каких вдовах идет речь, именно о юных; о каких же

говорится в стихах 9 и 10-м, не ясно видно. Что это вдовы, не вообще призреваемые Церковию, видно из ограничений: не меньше шестидесяти лет, одного мужа жена, много потрудившаяся в служении другим. Ибо, по вышесказанному, церковного призрения заслуживает всякая беспомощная вдова; а такою может быть и не столь старая, и не одного мужа жена, и не могшая послужить другим сказанным образом. Так это особые некие вдовы. Какие же? Не диакониссы ли? Похоже на это, как можно судить по тем добрым качествам и делам, какие от них требуются: одного мужа жена, чад воспитала, *странныя прият*. Ибо такие доброты требуются, по Апостолу, от лиц избираемых в клир (глава 3), к которому причислялись и диакониссы. Но служение диаконисс требовало сил: ибо, кроме прислуживания при крещении жен и смотрения за порядком среди них в Церкви, на них лежало ходить по бедным и посещать больных; а в шестьдесят лет какая сила у женщин? Если же не они, то кто же такие? Приходит на мысль предположить, что это вдовы, долго пожившие и много потрудившиеся для других, — и выбившиеся уже из сил, которым потому нужны и кров, и содержание, и уход. Можно дополнить сие предположение так, — что, тогда как всем вообще вдовицам давалось пособие в дополнение к тому, что они добывать могли своими трудами, эти вполне

были обеспечиваемы пищею, одеждою, кровом и уходом. В числе их и могли, и должны были быть и диакониссы. — Наши толковники все не видят здесь диаконисс и слова Апостола разумеют, как продолжение речи о вдовицах вообще. Святой Златоуст говорит: «прежде Апостол указал, чего не должна иметь вдовица, а теперь показывает, что она должна иметь».

α) Престарелыми (5, 9—10)

Глава 5, стихи 9—10. *Вдовица же да причитается не менши лет шестидесятих, бывши единому мужу жена: в делех добрых свидетельствуема, аще чада воспитала есть, аще святых нозе умы, аще странныя прият, аще скорбным утешение бысть, аще всякому делу благу последовала есть.*

Да причитается, καταλεγέσθω, — да вносится в каталог вдовиц, или «да вчиняется во вдовье учреждение, εἰς τὸ χηρικὸν» (Экумений). «Справедливо быть внесену в церковные памятники той, которая явила себя достойною того прежнею жизнию. Достойно приемлется в лоно Церкви (на попечение ее) та, которая прежде посвящала ей труды свои» (Амвросиаст).

Не менши лет шестидесятих. «Указывая, что должна иметь вдовица, достойная каталога вдов, на первом месте ставит Апостол определенно ее лета, — именно шестьдесят. Впрочем, как видно из следующих слов, он не просто за один возраст

одобряет шестидесятилетнюю; ибо и такая может оказаться недостойною» (блаженный Феофилакт). «Что же, разве будешь судить о ней по летам? А какая в этом заслуга? Ибо не от нее зависело прожить шестьдесят лет. Не по одному возрасту только (должно судить), говорит он, так что если б она и переступила за этот возраст, но не имела заслуг, то и тогда не должна быть причисляема (к вдовам)» (святой Златоуст). И молодая вдова может оказаться достойною внимания; но как она еще в силах, то сама себя пусть содержит. «Которые в цветущем возрасте и в силах работать и снискивать пропитание, тем надлежит трудами смирять порывы молодости» (блаженный Феодорит).

Бывши единому мужу жена. Это указывается, как свидетельство, что она не любила житейских сластей и пространных питаний, но была строгой и воздержной жизни. «Единобрачия требует от нее Апостол, как знака ее степенной честности и любви к целомудрию» (блаженный Феофилакт).

В делех добрых свидетельствуема. О которой все говорят только одно хорошее, свидетельствуя, что только и видали ее, что в делании добрых дел. Это общая черта. Затем «перечисляет Апостол в частности, какие именно дела делают вдову достойною обеспечения» (блаженный Феофилакт).

Аще чада воспитала есть, ἐτεκνοτρόφησεν,— исполнила как должно эту первую, лежащую на жене-матери, службу. Детопитание похвальное не есть только откормление детей, но главным образом благочестивое их воспитание (см.: блаженный Феодорит). «Поистине, не маловажное дело — воспитать детей. Но воспитание детей не в том состоит, что просто только откормить (возрастить) детей, а воспитать как должно, подобно тому, как выше сказал Апостол, что жена *спасется чадородия ради, аще пребудут* (чада ее) *в вере и любви и во святыни* (конечно быв утверждены в сем воспитанием) (см.: 2, 15)» (святой Златоуст). «За это и Авраама Бог одобрил, говоря, что он заповедал *сыном своим, и дому своему по себе сохранять все суды Господа Бога* (ср.: Быт. 18, 19)» (блаженный Феодорит).

Аще святых нозе умы, аще странныя прият. Прежде указал на семейные добродетели, ближайшие и подручные, а потом — на добродетели к сторонним, не чуждым, однако ж, по вере. Ибо *святые* — христиане. «Видишь, что он везде ставит выше благодеяние, оказываемое близким, нежели то, которое оказывается чужим людям. Ибо прежде говорит: *аще чада воспитала есть*,— а потом: *аще святых нозе умы* и прочее» (святой Златоуст). Омовение ног есть первое действие странноприимства. Надо прежде принять странника, потом омыть ему ноги. Феодорит, Амвроси-

аст, Экумений и Феофилакт так и читают: прежде *странныя прият*, а потом — *нозе умы*. Но святой Златоуст читает прежде — омовение ног, а потом — странноприятие. Ибо если под странноприятием разуметь не впущение только странных в дом, а самое их упокоение, то оно следовало за омовением ног. То и другое, впрочем, составляет одну добродетель — странноприимство, — заботливое попечение об упокоении странных. «Так поступали в древности. Так Лидда приняла самого Апостола и бывших с ним. Так о Фиве сказал он: *заступница многим бысть и самому мне* (ср.: Рим. 16, 2)» (блаженный Феодорит).

Святой Златоуст пространное делает от сих слов применение: «видишь ли, что Апостол называет странноприимством не просто одно благорасположение, но соединенное со тщанием, с добрым произволением, с усердием, которое так принимается за дело, как бы готовясь принимать Самого Христа? Ибо он хочет, чтобы служения святым они не поручали служанкам, но сами чрез себя исполняли сие. *Аще убо Аз*, — говорит Господь, — *умых ваши нозе, Учитель, (кольми паче) вы должны есте друг другу умывати нозе* (ср.: Ин. 13, 14). Потому что если б которая из них была даже до бесконечности богата, если б она достигла величайшей известности и превозносилась знатностию ради своих предков; то и тогда

не будет такого расстояния, какое было между Богом и учениками. Если странника принимаешь ты как Христа, то нечего тебе стыдиться, лучше хвались этим делом; а когда принимаешь его не как Христа, то лучше вовсе не принимай. *Иже вас приемлет, Мене приемлет* (Мф. 10, 40), — сказал Господь. А как скоро не так принимаешь, не получишь воздаяния. Авраам, как ему казалось, принимал людей, мимоидущих путников; между тем не все нужное для принятия их поручил приуготовить домочадцам, но большую часть служения и сам лично совершил и жене приказал месить муку, несмотря на то, что имел триста осмнадцать домочадцев, между которыми, вероятно, были и служанки. Он желал вместе с женою получить награду не только за издержки, но и за служение. Так мы должны исполнять долг странноприимства, делая всё сами, дабы мы сами освятились, дабы и руки наши были благословенны. В этом состоит странноприимство, в этом поистине состоит исполнение сей обязанности ради Бога. — Хорошо сказал Апостол: *аще святых нозе умы*. Он сказал сие с тою целию, чтобы всех побудить к подражанию. Вследствие сего и мы поспешим исполнять сие, дабы и мы похвалены были, что умывали ноги святых. — Ноги святых имеют великую силу. Вследствие сего и ниспосылают наказание, когда отряхивают с себя прах. Когда к нам придет святой человек,

тогда мы не должны стыдиться сделать для него что-либо подобное сему (омовению ног, вышедшему из обычая). А святые — все те, которые имеют правую веру и живут благочестиво: они — святые, хотя бы не творили знамений и не изгоняли демонов».

Аще скорбным утешение бысть. Воспитание детей и странноприимство — домашние добродетели: дети всегда под руками, странники сами приходят. То и другое может быть исполнено без движения за двери дома и без особых личных начинаний. И тут труд, но мало напряженный. Почему Апостол, для совершенства вдовьей добродетели, движет вдову в домы плача и бедности, в которые входить делом благим наименовал еще Екклезиаст (см.: Еккл. 7, 2—3), и хвалит ту, которая *скорбным утешение бысть*, ἐπήρκεσεν, — удовлила скорбных, удовлетворив той нужде, которая причиняла скорбь, — «деньгами или заступлением и посредничеством» (блаженный Феофилакт).

Аще всякому делу благому последовала есть. Это *или* то же самое, что в начале сказано: *в делех добрых свидетельствуема*, — только с особою чертою: скорости, неудержимой ретивости на всякое добро: как только открывался случай сделать добро, она тотчас бралась за него со всею энергиею и не отступала, пока не доводила начатого до конца. «Апостол посему поименовал сим

все виды добродетели» (блаженный Феодорит). Или *последовала* — значит: подражала. Прежде указанное делала по собственному начинанию; но, не довольствуясь этим, она делала и всякое добро, какое делающими видела других добрых христиан. Или — этим означается вспомоществование другим трудом. Когда кто, делая какое дело, не мог одолеть его один, она подходила с своими услугами и помогала одолеть его. «Какую заповедь дает здесь Апостол? — спрашивает святой Златоуст и отвечает: — Он заповедует давать вещественное пособие («телесное послужение» [блаженный Феофилакт]), — принимать участие в делах, послужить, — постлать, например, постель, успокоить, к чему наиболее способны женщины» (то же у блаженного Феофилакта).

«Видишь ли, — заключим словами святого Златоуста, — что для того, чтобы сделаться (настоящею) вдовицею, не довольно вступать во второй брак, но нужно и многое другое? Апостол требует от вдовицы такого совершенства, какого не требует даже от девственниц, несмотря на то, что и от сих последних требовал великого совершенства: ибо, сказав, что девственница должна быть благообразною и благоприступательною Господеви с безмолвием (см.: 1 Кор. 7, 35), он в общих чертах обозначил всякую добродетель. И еще более — он требует от вдовы почти такого же

совершенства, как и от лица, облеченного епископским саном».

β) Юными (5, 11—15)

К молодым вдовицам строго относится здесь святой Павел. Опыт показал, что иные из таковых не устаивали в обете вдовства; и, кроме того, расслабевши в решимости строго держаться данного обета, они позволяли себе и вообще поведение неодобрительное. Почему Апостол изъявляет желание, чтоб молодые вдовицы лучше вступали во второй брак, чтоб не подать повода противнику — диаволу — наругаться над ними, сбив их с настоящего вдовьего пути.

Глава 5, стихи 11—12. ***Юных же вдовиц отрицайся: егда бо разсвирепеют о Христе, посягати хотят, имущия грех, яко первыя веры отвергошася.***

Отрицайся — юным вдовицам отказывай в приеме в хор вдовиц. «Запрещает Апостол молодых вдовиц принимать в этот чин; потому что возрасту, всегда готовому поскользнуться, не следует легко верить» (Амвросиаст). «Молодые вдовицы сами подали повод к такому постановлению тем, что не выдерживали вдовства» (блаженный Феофилакт).

Разсвирепеют, καταστρηνιάσωσιν, — подпадут неудержимым стремлениям плотской жизни, — утешной, сластолюбивой, удовольственной. «Что

значит: καταστρηνιάσωσιν? То есть — когда обесчувствеют, когда, охладевши к вдовству, вознерадят о нем, огрубеют к нему, — когда, побеждены быв желанием сластей, уже только притворно показывают себя чуждающимися брака, в самом же деле вожделевают его — и вследствие того с грубою надменностию или бесчувствием отвращают очи свои от Христа, яко жениха» (Экумений, блаженный Феофилакт). «И вдовицы своим вдовством (когда решаются вдовствовать) обручаются Христу» (святой Златоуст). «Почему вчиняются в тот же порядок жизни, как и девственницы. И к ним может быть относимо слово Апостола: *обручих бо вас единому мужу деву чисту представити Христови* (2 Кор. 11, 2). Теперь же, когда, несмотря на то, что посвятили себя Христу, *посягати хотят*, хотят брака и замужества, — очевидно не хотят уже Его единого иметь женихом и, предпочитая Ему человека, горделиво действуют против Него» (Экумений, святой Златоуст, блаженный Феофилакт).

Имущия грех, яко первыя веры отвергошася. «Верою называет обет; как бы так говорит: обманули Его, отвергли Его, нарушили обет» (святой Златоуст). Ибо «решившись для Христа жить во вдовстве целомудренно, вступают во второй брак» (блаженный Феодорит). «Приемля такое решение — вдовствовать для Христа, — они вступают в завет с Ним, что обручаются Ему

навсегда. Склоняясь теперь на брак с человеком, они нарушают сей завет и за то подлежат осуждению» (Экумений, блаженный Феофилакт). *Грех*, κρίμα, — дело преступное, суду и осуждению подлежащее. «Очевидно, что они избрали вдовство легкомысленно, не подумав хорошо» (святой Златоуст). Чтоб не было между верующими вдовицами таких неосмотрительных решений, Апостол и пишет правило — не полагаться на скорые слова обетов. Это написал Апостол для вразумления и самих вдовиц, «чтоб не дерзали на то, что выполнить трудно. Ибо неразумно давать обещание, твердости которого по юности возраста и сами они не должны доверять. Отступив от него, они праведно подлежат осуждению. Ибо достоин осуждения тот, кто отступает от того, что признал правым и что, как правое, начал делать. Сколько похвально, если кто точно исполнит то, что представляется высшим его сил; столько же достоин он порицания, если по неразумной самоуверенности возложит на себя то, чего понести не может» (Амвросиаст).

Стих 13. *Купно же и праздны учатся обходити домы: не точию же праздны, но и блядивы* <болтливы> *и оплазивы* <любопытны>, *глаголющия, яже не подобает.*

Вдовица истинная, искренно возлюбившая вдовство, определяет себя на уединенную, строгую жизнь и, внимая себе, пребывает в молитвах

и трудах. Душевное довольство, почерпаемое из такой жизни, паче и паче утверждает ее в ней и служит ей подпорою и ограждением против искушений. Но вдовица, не обдумавшая всего этого и легкомысленно решившаяся на вдовство, скоро соскучивает в нем и охладевает к нему. Когда это произойдет, тогда дела вдовства уже не идут на ум. Сидеть в уединении, молиться и трудиться — скучно. Настоит нужда искать развлечений, и пошла по домам; а с этим уж необходимо вяжутся болтливость, любопытство и неподобные речи. Это вторая причина, почему отрицать должно юных вдовиц. Апостол говорит как бы: пусть иная и не будет иметь желания вступить во второй брак, после обета — не вступать в него; но если она не возьмется строго за дела вдовства — уединение, труд и молитву, — чего естественно ожидать от юной, — то скоро сделается праздношатайкою, болтливою и пытливою на соблазн всем, — и своим и чужим. И этого одного достаточно, чтоб относительно них действовать осторожнее. Святой Златоуст говорит: «не этой только вине (нарушению обета) подлежат они, но и другим грехам (праздности, шатанию по домам). Что пользы из того, когда они откажутся от попечения о мужах и не приложат старания о Боге? Тогда они без сомнения соделаются праздными, болтливыми, без нужды пытливыми; потому что тот, кто не заботится о своем, непременно

будет заботиться о чужом, равно как пекущийся о своем и говорить не станет о чужом, и не будет иметь никакого о том попечения. Нет ничего до такой степени неприличного женщине, как всячески разузнавать чужие дела, — притом не только женщине, но и мужчине, ибо это есть величайший признак бесстыдства и наглости».

Поводом или исходным началом к такому уклонению молодых вдовиц от благообразного поведения может послужить, как полагает блаженный Феодорит, само церковное обеспечение. «Пользуясь церковным вспомоществованием и без заботы удовлетворяя телесным потребностям, живут в праздности; и праздность приводит с собою лукавые мысли». А от мыслей потом и самое поведение теряет свое благообразие: от праздности по домам ходят, — бывают *блядивы*, — то есть болтливы, φλύαροι, — *и оплазивы*, — то есть любопытны, περίεργοι. Это тем неодобрительнее, если при сем прикрываются своим званием вдовства. «Почитая вдовство, достаточные принимают их в свои домы, а они, узнав, что им приятно слушать, собирают по другим домам и к ним переносят; за это пользуются от них подачами — и навыкают таким образом жить более сплетнями, чем трудами рук своих» (Амбросиаст).

Стих 14. *Хощу убо юным вдовицам посягати, чада раждати, дом строити, ни едины же вины даяти противному хулы ради.*

Не все, конечно, молодые вдовы неблагонадежны. Немало бывает между ними таких, которые и сами в себе чувствуют сильнейшее расположение к сохранению вдовства, и другие не считают их неспособными к тому. Потому Апостол не пишет общего для всех законоположения — неотложного, но говорит: *хощу*, — как бы совет предлагая, такой, однако ж, который для не чувствующих себя гожими к хранению честного вдовства есть закон. «Поелику сказанное пред сим о такого рода (немощных) вдовах непозволительно и противно (здравой вере нашей), то Апостол совет дает и заповедует им то, что позволительно (вместо обета вдовства вступить во второй брак)» (Амвросиаст). «Лучше было бы, конечно, если б они, однажды вступив в хор вдовиц, не отворачивались от Христа (яко жениха) и не нарушали сего первого обета своего. Но как некоторые поскользаются на это, то лучше пусть, не вступая в завет со Христом, не давая обета посвятить себя Ему, вступают они вновь в брак. В этом нет греха, а то (дав обет, нарушить) ни с чем не сообразно» (Экумений). «Так как они сами хотят, то и я хочу, чтобы юные вдовицы вступали в брак, рождали детей, занимались хозяйством, сидели дома; ибо делать это гораздо лучше, нежели что-либо другое (неподобное). Правда, следовало бы им иметь попечение о службе Божией (чтоб Богу угодить), следовало

хранить веру (обет); но если этого нет, то лучше, чтобы было последнее, чем первое; ибо в таком случае и Бог не бывает отвергаем, и сами они не учатся сему (быть праздными и прочее). Потому что от такого вдовства не будет никакой пользы, а от сего брака (можно ожидать) много благ. Вследствие сего беспечный и леностный их ум может обратиться (к добру). Впрочем, отчего, скажешь ты, Апостол не сказал, что так как вдовицы падали, то они должны употребить особое старание, чтобы не испытать сего, о чем я говорил, но заповедует вступать в брак? Оттого, что вступать в брак (второй) не запрещалось, потому что он поставлял в безопасное положение, почему и прибавляет: *ни единыя вины даяти противному хулы ради*, — никакого повода. Следовательно, он отвергает сих вдовиц, желая не того, чтобы они были не молоды, но не желая того, чтобы они прелюбодействовали, не желая, чтобы они были праздны, без нужды пытливы, чтобы не говорили чего не следует, не желая, чтобы диавол находил в них повод (к осуждению), так что если б сего не было, то он и не отверг бы их. — *Хощу*, говорит, *юным* — чего? пресыщаться? или предаваться неге? Ничего такого, но: *посягати, чада раждати, дом строити*. Дабы ты не подумал, будто он дает им вольную проводить жизнь в удовольствиях, он прибавил: *ни единыя вины даяти противному хулы ради*. Им надлежало быть выше житейских

забот и попечений. Если же они были ниже их, то пусть по крайней мере на одной с ними стоят степени (то есть спасение свое содевают, живя как должно, среди житейских дел)» (святой Златоуст). «Лучше им дом строити, οἰκοδεσποτεῖν (быть госпожами в доме и держать строго добрые по дому порядки), – то есть иметь попечение о своем доме и нести труды и работы по нему, чем, ходя по чужим домам, болтать и проводить время в праздности. Но опять и дом устрояя, не сластям житейским предаваться должно, но так вести домашние дела, чтобы, при всем попечении о них, не вредить душе. Это показал Апостол словами: *ни единыя вины даяти противнику* (*противнику*, ἀντικειμένῳ, – супостату, врагу, диаволу). Можно, впрочем, и так разуметь сии слова, что в них Апостол показывает цель и побуждение, для чего делает такое молодым вдовам снисхождение. Для того, говорит, чтоб не дать диаволу повода насмеяться над ними, если они, став невестами Христовыми, потом, по свойственному молодости непостоянству, впадут в нечистые дела. Для того веду я их под иго брака, чтоб, не имея времени и покоя, они не имели возможности наделать кучу вышепоказанных недобрых дел» (блаженный Феофилакт). «Забота и болезнование о делах по дому не дадут им зевать и скучать от ничегонеделания. Окруженные таким образом, со всех сторон и беспрерывно, нужными

делами, они, хотя и не хотя, навыкнут жить благоразумно» (Экумений).

Стих 15. *Се бо некия развратишася вслед сатаны.*

Развратишася, ἐξετράπησαν, — сошли, уклонились, сбились с прямого пути, который указывал им обет вдовства, и пошли вслед сатаны, то есть к тому недоброму поведению, которое изображено выше. «Закон постановляется на основании опыта» (блаженный Феодорит). «Апостол отвечает сим на вопрос: чего ради делаешь ты такое предостережение относительно юных вдовиц, — будто больше заботишься о них, чем о девственницах? Того, говорит, ради, что они сами подали к тому повод своим уклонением вслед сатаны. Делаю относительно их такое постановление не потому, что желаю, чтоб в числе вдовиц (дающих обет вдовства) совсем не было юных, но потому, что боюсь, как бы (дав обет) не оставили они потом Христа» (Экумений).

вв) О семьях вдовиц (5, 16)

Глава 5, стих 16. *Аще кто верен, или верна, имать вдовицы, да довлит их, и да не тяготится Церковь, да сущих истинных вдовиц удовлит.*

В заключение Апостол опять возвращается к тому, что положил в начале слова о вдовицах, именно — чтоб они были содержимы семьей, к которой принадлежат; на попечении же Церкви

оставались одни вдовицы беспомощные. Разница, может быть, только та, что там разумеются вдова старшая, а содержатели ее – младшие – дети и внуки, а здесь, наоборот, содержатели – старшие – отец, мать, дядя, тетка или еще кто, а вдовы – младшие – овдовевшие дочери, или племянницы, или еще какие, к родству принадлежащие, в какой бы степени ни было.

Аще кто верен, или верна. «К верным обращает законоположение, кои, веруя, готовы послушаться слова Апостольского» (Экумений). Веру напоминает, говоря как бы: верные не должны допускать, чтоб свои им бедствовали, и тем меньше обращались к неверным. «Кстати он прибавил: *аще кто верен,* – ибо верные не должны были получать пропитание от неверных, чтоб не казалось, будто имеют в них нужду» (святой Златоуст).

Да довлит их – своих родных вдовиц. «Не сказал: да доставляет им роскошное содержание, но: да удовлетворяет их нужды» (святой Златоуст).

Да не тяготится Церковь, да сущих истинных вдовиц удовлит. Берите, говорит, вы, родные, своих родных вдовиц на свое содержание. Ибо, если бросите, Церковь должна будет взять их на свое попечение, и тогда ей тяжело будет содержать вдовиц истинных, то есть таких, у которых никакой нет родни. «Видишь ли, что опять истинными

вдовицами, долженствующими состоять на попечении Церкви, называет Апостол совершенно одиноких, не имеющих ниоткуда утешения (обеспечения). (А у которых есть родные, тех велит брать родным.) И это было лучше. Потому что отсюда проистекали два немалые блага: одни находили повод делать добро, другие были хорошо пропитываемы, и Церковь не обременялась» (святой Златоуст).

в) Как действовать относительно пресвитеров (5, 17—25)

Апостол касается здесь: аа) содержания пресвитеров (см.: 5, 17—18); бб) поведения (см.: 5, 19—21) и: вв) рукоположения (см.: 5, 22—25).

аа) Содержание пресвитеров (5, 17—18)

Глава 5, стих 17. *Прилежащии же добре пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающиися в слове и учении.*

Прилежащии, προεστῶτες, — предстоящие, — *добре* — добре настоятельствующие в Церкви, или в общине христианской. *Пресвитеры* — священники, которые выбираемы были из людей преимущественно пожилых, как более степенных, опытных и обычно пользующихся уважением, и чрез рукоположение получали благодать священства на продолжение дела Апостольского проповеданием Евангелия и вообще слова Божия и освящением верующих благодатию чрез святые таин-

ства. В силу сего они настоятельствовали в общинах христианских, руководя их, вразумляя и исправляя. Кто ревновал о сем не щадя сил и даже живота, тот добре предстоятельствовал. «Кто суть *добре предстоящии?* — спрашивает святой Златоуст и отвечает: — Послушаем, что говорит Христос: *пастырь добрый душу свою полагает за овцы* (Ин. 10, 11). Следовательно, доброе предстоятельство в том состоит, чтобы ради попечения о предстоятельствуемых ничего не щадить». В другой раз Спаситель приточно представил доброго предстоятеля под видом верного и мудрого домостроителя, которого господин дома поставил над челядию — *даяти в свое время житомерие* (ср.: Лк. 12, 42), — то есть все нужное для содержания каждого. Добрый предстоятель по сей притче — тот, кто неленостно раздает верующим житомерие слова Божия и таинственного облагодатствования.

Такие предстоятели, говорит, *сугубыя чести да сподобляются.* «Честию здесь называет Апостол попечение, доставление всего необходимого; подобно тому как выше, когда говорит: *вдовицы чти,* — говорит о необходимой для них пище. — Что же значит: *сугубыя чести?* Сугубые по отношению к вдовицам, или по отношению к диаконам, или просто: *сугубыя чести,* — то есть великой» (святой Златоуст). «Добрые и верные строители (экономы) дома Божия должны быть по-

читаемы достойными не только высокого почитания, но и совершенного обеспечения в содержании; чтоб они не были обеспокоиваемы недостатком потребного, но в радости прилежали учению веры. Настоятельнее будет в труде сем тот, кого не смиряет нужда, и ревность его все более и более будет расти, когда видит, что труд его приносит плод и для настоящей жизни, не до избыточествования, но до отвращения скудости и недостатка» (Амвросиаст).

Паче же труждающиися в слове и учении. Три дела лежит на предстоятеле Церкви — учить, руководить и исправлять — и освящать таинствами. Первые два исправляются трудом в слове и учении. И это есть важнейший труд, — и потому, что он труднее, и потому, что приготовляет и к принятию благодати чрез таинства. Почему тот, кто подъемлет его, достоин и большего почета и большего обеспечения. Святой Златоуст говорит: «Апостол хочет, чтобы таких почитали больше, нежели всех других, и приводит причину: они, говорит, подъемлют великий труд. И справедливо. Ибо тогда как другой и не бодрствует, и не печется, но без заботы и печали пребывает, тот трудится, печется и поучается, особенно когда бывает неопытен во внешних науках. Почему же не пользоваться ему большею честию, нежели все прочие, когда он предается стольким трудам? Притом он служит предметом бесчисленных раз-

говоров. Один укоряет его, другой хвалит, иной насмехается над ним, тот оскорбляет его память и намерения, — и он нуждается в великом подкреплении, чтобы переносить это. — Очень важно и много содействует благоустроению Церкви и великую приносит пользу, когда предстоятели ее учительны. А когда этого нет, то в Церквах много от того бывает ущерба. Поэтому к прочим свойствам предстоятеля, — к страннолюбию, кротости и непорочности, — Апостол и сие причисляет, говоря: *учительну*. Где теперь говорящие, будто не нужно слова и учения? Пусть, говорят, жизнию своею научают любомудрию. — Конечно, и это совершенно необходимо. Но не слышишь, что говорит святой Павел: *паче же труждающиися в слове и учении*? Не очевидно разве, что он дает предпочтение учительным предстоятелям? К тому же, когда речь идет о догматах, тогда какую силу имеет жизнь? Тут нужно учительное слово. — Впрочем, о каком слове говорит он? Не о хвастливом (не о щегольском), не о таком, которое отличается внешнею утонченностию, но о таком, которое проникнуто силою духа, исполнено разума и мудрости. Поэтому ему нужно не искусство и изящные выражения, а мысли, — не ученое изложение, а, как обыкновенно говорят, душа».

Стих 18. *Глаголет бо Писание: вола молотяща не обротиши, и: достоин делатель мзды своея* (ср.: Втор. 25, 4; Мф. 10, 10).

«Здесь приводит Апостол и постановление закона, и заповедь Христову, – и то и другое согласны между собою; ибо закон говорит: *вола молотяща не обротиши.* Видишь ли, каких трудов требует он от учителя? (Подобных труду вола молотящего.) Потому что нет, воистину нет другого труда, равного его труду. – Но это есть постановление закона. Какую же приводит он заповедь Христову? *Достоин*, говорит, *делатель мзды своея.* Следовательно, тот, кто предается неге и покою, недостоин ее. Кто не есть вол молотящий, кто не несет терпеливо ярма, не обращая внимания на жар и терние, и не прежде оставляет его, как по собрании плодов в житницу, тот недостоин ее. – Поэтому надобно, чтобы учителям все необходимое было доставляемо в довольстве, дабы они не трудились для сего сами и, занимаясь маловажным, не пропускали важнейшего, дабы упражнялись в духовных подвигах и не имели никакого попечения о житейских делах. Таковы были левиты: они не заботились о житейском, потому что попечение о них имели миряне и законом определены были их доходы, как-то: десятины, начатки и многое другое. Но им по всей справедливости назначалось сие по закону, так как они искали настоящего; а я говорю, что предстоятели, имея вечные надежды, не должны иметь ничего больше, кроме пищи и

одежды, чтоб они не развлекались этим» (святой Златоуст).

бб) Поведение (5, 19—21)

Глава 5, стих 19. ***На пресвитера хулы не приемли, разве при двою или триех свидетелех.***

Хулы, κατηγορίαν, — осуждения, обвинение, которое может быть и истинным, следовательно, не хулою, которая означает ложное поношение лица. Наши перевели сие слово хулою, внушая сразу заподозревать во лжи худую речь о пресвитере, потому что, с одной стороны, почтенному сим саном и при таком возрасте неудобно и необычно поскользаться на дела, достойные осуждения, а с другой, — лица того чина, имея долг исправлять, легко подвергаются нерасположению исправляемых, понуждающему их и за ними самими подсматривать, самих подозревать и, нередко свои подозрения облекая в достоверность, ложно выставлять действительными делами. Посему «Апостол не сказал: не осуждай, но: и не принимай обвинения, и вовсе не призывай его на суд» (святой Златоуст). «Послику чину сему принадлежит высокая честь, ибо лица сии суть викарии* Христовы; то не легко, не с разу должно принимать обвинение их. Невероятным должно представляться, чтобы тот, кто есть предстоятель Божий, вел себя преступно, как, напротив, от

* *Викарий* — наместник. — *Ред.*

комедианта с вероятностию можно ожидать всяких гнусностей» (Амвросиаст).

Но, как человеки, и они могут погрешать и, погрешая, подлежат суду и осуждению. Почему, когда случится так, что предстанут два или три свидетеля, в подтверждение и обвинение, тогда принимай это обвинение. Принимай не значит: тотчас и суд произноси, но: принимай во внимание, подвергай исследованию и по исследовании уже произноси суд и взыскивай (см.: святой Златоуст).

Закон повелевал, чтоб не один был свидетель *во свидетельство на человека по всякому преступлению*, но два или три (см.: Втор. 19, 15). «Закон повелевает это относительно всех (обвиняемых). Но наипаче надлежит так поступать в рассуждении пресвитера. Ибо случается, что он, так как вверено ему предстоятельство в Церкви, оскорбит кого-либо из согрешающих, и те, будучи за сие расположены к нему неприязненно, сплетают клевету. Почему против него должно быть тем паче представлено это число свидетелей» (блаженный Феодорит). «Но что, если и двое солгут? Это редко случается; притом может быть исследовано на суде, и таким образом сие может обнаружиться. Слова Апостола и указывают на строгое исследование» (святой Златоуст).

Стих 20. *Согрешающих же пред всеми обличай, да и прочии страх имут.*

Речь идет все о пресвитерах. Если по исследовании окажется кто из них действительно согрешившим, обличай его пред всеми, чтоб и прочие страх имели и с большею осторожностию удерживались от грехов. Ибо если пресвитеру не дается пощады, то что достанется другим? Амвросиаст пишет: «хотя не легко верить должно взводимой на пресвитера вине; но если доказано будет или явно будет, что он поступил нехорошо, то, в таком случае, Апостол повелевает обличать его публично, чтоб и прочие страх имели, – что очень полезно не только для освященного клира, но и для народа. Ибо, когда увидят, что и сановитый муж обличается за грех, поневоле и сами себя будут держать осторожно». То же читаем и у блаженного Феодорита: «не осуждай, говорит, прежде обличений, явно же обличенных в каких-либо беззакониях не удостоивай пощады; но, по уличении, произноси на них приговор в присутствии всех, чтоб из страха наказания избегали греха». Святой Златоуст рассуждает при сем о всех вообще погрешающих, так, однако ж, что речь его может быть применяема и частнее к суду над пресвитерами. «Не тотчас отсекай (то есть произноси суд и делай расправу), но все исследуй с великою точностию. Когда же ясно узнаешь, строго взыскивай, чтоб и другие вразумлялись. Ибо как необдуманно осуждать бывает вредно, так и не наказывать явно согрешивших –

значит: давать дорогу другим к тому, чтоб и они сие творили и на сие покушались. *Обличай*, говорит, показывая, что (нужно действовать) не кое-как, но с строгостию, потому что таким образом и другие будут бояться. – Но не больше ли будет соблазна, когда пред всеми станешь обличать? Каким же это образом? Когда узнают грех и не будут видеть наказания, тогда действительно станут соблазняться. Ибо от того, что согрешившие остаются ненаказанными, многие естественно и сами поползаются на грех; как, наоборот, от того, что они бывают наказываемы, многие исправляются. Так действовал и Бог. Он вывел фараона на среду (напоказ всем) и наказал; видим также, что (явно пред всеми) получили наказание и Навуходоносор, и многие другие люди и города. – Следовательно, Апостол хочет, чтоб все имели страх пред епископом, и поставляет его над всеми».

Стих 21. ***Засвидетельствую пред Богом, и Господем Иисус Христом, и избранными Его Ангелы, да сия сохраниши без лицемерия, ничесоже творя по уклонению.***

Засвидетельствую – призываю во свидетели. Делается это и в показание важности предлагаемого закона, и в укрепление решимости неотложно исполнять его. Так Моисей говорит Израилю: *засвидетельствую вам небесем и землею* (ср.: Втор. 4, 26); так Михей взывал: *слыши-*

те дебри, основания земли (ср.: Мих. 6, 2). Похоже это на то, как бы говорилось: *заклинаю тебя Богом живым.*

Но к какому предмету относится такая строгость наказа, – к предыдущему, то есть суду, или к последующему, то есть к не скорому, а осмотрительному возложению рук? Важно, конечно, дело суда, но возложение рук важнее. Почему скорее можно принять последнее, чем первое. Из наших толковников к возложению рук относит сие заклинание только Амвросиаст, все же прочие относят его к суду. Святой Златоуст говорит: «сказав (просто, без заклинания) о епископах, о диаконах, мужах, женах, о вдовицах, пресвитерах и о всех прочих и показав, над кем простирается власть епископа, когда стал говорить о суде, присовокупил: *засвидетельствую пред Богом.* Страшное изрекает он внушение. Не посовестился сказать сие даже из уважения к тому, что Тимофей был его возлюбленное чадо (боясь будто небрежности даже с его стороны). Но тому, кто не постыдился о себе самом сказать: боюся, *да не како, иным проповедуя, сам неключимь буду* (1 Кор. 9, 27), – можно было не постыдиться и не посовеститься сказать сие и Тимофею. Он как будто так сказал: призываю во свидетели Бога и Сына Его и слуг Его, что я заповедал тебе; вот пред Ними заповедую тебе. Он устрашает Тимофея».

Прибавление слов: *и избранными Его Ангелы* — наводит на мысль, что святой Павел, произнося такое заклинание, ставит себя со святым Тимофеем на страшном суде Божием, на коем, как представляет слово Божие, и грядущий Судия, и престол Его окружены будут всеми Ангелами, — и говорит как бы ему: на страшном суде Божием стою, или буду некогда стоять, с тобою; блюди, да не презриши данной тебе заповеди! «Призывает он Отца и Сына (и Ангелов) во свидетели сказанного им для того, дабы в грядущий день, если бы что совершилось вопреки долга, остаться правым пред ними, то есть как бы снимая с себя всякую ответственность» (святой Златоуст). «Избранными же Ангелов назвал в отличие от демонов, которые тоже суть ангелы, но отверженные» (блаженный Феофилакт, Экумений).

Да сия сохраниши. Сия, — как замечено, восточные наши толковники относят к суду. Слово святого Златоуста приведено; вот и слово блаженного Феодорита: «два дает повеления: не осуждать, положившись на достоверность свидетелей, прежде личного исследования; и, после явных обличений, не отлагать (и не укрывать) приговора, из милости к судимому, нарушая справедливость. (И чтоб это строго соблюдаемо было, приводит во свидетели Бога Отца и Господа Иисуса Христа со святыми Ангелами.) Наряду с Богом и со Христом Апостол поставил Ангелов

не как равночестных, но как рабов. Свидетельствую, говорит, тебе при Боге и Сыне Его и при служителях Его».

Но Амвросиаст относит к возложению рук. «Клятву налагает пред Богом Отцом и Христом, Сыном Его, и избранными Его Ангелами, коих Господь в Евангелии называет святыми (см.: Мк. 8, 38). Эти (святые) названы избранными потому, что есть другие, отверженные, которые не Божии суть ангелы, а диаволовы, как согласующиеся с ним в отступничестве. Под клятвою же повелевает Апостол соблюдать то, что касается рукоположения на служение в Церкви, — заповедует, чтобы при сем не было поступаемо без предварительного строгого рассуждения и чтоб никто не получал церковного чина с легкотою, прежде чем дознано будет, какова жизнь его и каковы нравы, но всяк тогда уже поставляем был во священники или служители Церкви, когда окажется достойным того, чтоб, если после окажется укоризненным, князю народа (епископу) не пришлось сожалеть, что не вполне (не до ясности) расследовал, чего он стоит, и рукоположил неодобрительного».

Без лицемерия, χωρὶς προκρίματος, — без предубеждения, без предвзятого мнения о подсудимом или намечаемом к рукоположению, в пользу ли его или против него, — мнения, которое устанавливается без разбора по одной видимости или

молве. Пусть все определяет строгое расследование, до полной ясности доведенное, — там (если к суду относить) относительно дела судимого, здесь (если относить к рукоположению) относительно жизни и нравов избираемого.

Ничесоже творя по уклонению. — *По уклонению*, κατὰ πρόσκλισιν, — по склонению на чью-либо сторону, не по сущности дела, а по чувству, отынуды навеянному, по пристрастию. Итак, Апостол строго запрещает епископу действовать по предубеждению или пристрастию, суд ли творит или избирает кого к рукоположению. Блаженный Феофилакт пишет: «будь ровен, ἴσος (ни на ту, ни на другую сторону не клонящимся), — к тем, о коих идет рассуд или разбор, чтоб не случилось πρόκριμα (решение прежде или без рассуждения), — то есть чтоб никто не предзанимал тебя и, наперед привлекая тебя к себе, не расположил тебя по этому одному (прежде рассуждения и рассмотрения) произнесть суд и постановить решение. Ничего не делай по уклонению, κατὰ πρόσκλισιν (от: κλίνω), — то есть по пристрастию, преклоняясь на одну сторону. Хотя бы писалось чрез: η (πρόσκλησιν), — мысль останется одна и та же. Как бы так говорилось: приглашает тебя одна сторона ей помочь; так ты не делай по сему приглашению (а по рассуждению и правде)». Экумений пишет: «святой Василий в толковании притчей читает: μὴ κατὰ πρόσκλησιν, —

то есть не склоняясь к тому, что не право, но правый произнося суд. Именно он так говорит: ничтоже творя по уклонению, но правые и непревратные произнося суды».

вв) Рукоположение (5, 22—25)

Глава 5, стих 22. *Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже приобщайся чужим грехом. Себе чиста соблюдай.*

«Дошел и до главнейшего, чем преимущественно держится Церковь, то есть до хиротонии» (блаженный Феофилакт). И относительно нее дает правила: «ибо пишет епископу» (Экумений): *руки скоро не возлагай.* «Что значит: *скоро?* Не по первом, не по втором, не по третьем испытании, но неоднократно рассмотрев и тщательно исследовав; так как это дело не безопасное» (святой Златоуст). «Надлежит исследовать прежде жизнь рукополагаемого, а потом призвать на него благодать Духа» (блаженный Феодорит).

Ниже приобщайся чужим грехом, — то есть грехам рукополагаемого, «возводя недостойного на степень тайносовершителя для народа» (Экумений). Если скоро, без должного исследования, рукоположишь кого, то может случиться, что он окажется неисправным. Грехи, которые он потом наделает, и вред, который он тем причинит Церкви, тебе вменятся. И будешь ты причастен

чужим грехам. «Доставив ему власть, подвергнешься наказанию за соделанные им, — как прежние, так и будущие, грехи. Ибо, неблаговременно отпустив ему прежние грехи, ты сделаешься виновным и в тех, которые он совершит в последствии времени, — именно: будешь причиною сих последних, — потому что вверил ему начальство, — а прежних, — потому что не дал ему оплакать их и прийти в состояние сокрушения. Ты становишься соучастником как благих его дел, так и грехов» (святой Златоуст). «Не должно рукополагать и того, за которым подозреваются грехи (чья непорочность сомнительна), чтоб не запятнался грехами его рукоположитель. Если совершенно скрыты грехи его (никакого их следа не видно), то рукоположитель безопасен: совесть его свободна. Но подозрение должно наводить страх. И тогда он грешит, если, не испытав как должно, рукоположит. Рукополагаемый должен быть лучше прочих. Не довольно для него быть без порока; явны должны быть его добрые дела, чтоб почесть его достойным рукоположения» (Амвросиаст).

Себе чиста соблюдай. По ходу речи прямее будет понимать: *чиста* — от вменения грехов рукополагаемого. Так блаженный Феодорит: «не делай себя подлежащим осуждению», — рукоположив, конечно, неосмотрительно такого, который не был того достоин и которого грехи запятнают

тебя самого. Так Амвросиаст: «соблюдая сие (то есть строгим дознанием удостоверяясь в достоинстве рукополагаемого), епископ сохранит себя чистым, по отношению к вере и Церкви, – и в будущем веке получит за то воздаяние».

Но другие наши толковники разумеют здесь заповедь святому Тимофею – блюсти свою собственную нравственную чистоту. Святой Златоуст говорит: «здесь Апостол говорит о воздержании». Экумений и Феофилакт пишут: «о целомудрии дает урок; целомудрие блюсти увещавает». – Связь с предыдущим будет такая: но, распознавая, достойны ли рукоположения другие, смотри, своего достоинства не потеряй. Или так: чтоб тебе смелее было пытать, хорош ли тот, не дурен ли другой, сам будь чист. Или еще так: если сам будешь хранить себя чистым, то будешь иметь очи для узрения, чист ли и достоин ли другой. – Святой Златоуст присовокупляет к сему такое наведение: «если же мужу, который до такой степени соблюдал посты и столько времени употреблял воду, что стал от того подвергаться болезням и частым недугам, Апостол заповедует воздержание, и тот не огорчается его внушениями; то тем более мы не должны огорчаться, когда слушаем чьи-нибудь наставления о сем». Если принять такую мысль, то в ней можем видеть причину или повод и к следующему за сим напоминанию.

Стих 23. *Ктому не пий воды, но мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов.*

Слова: *себе чиста соблюдай* — могли понудить святого Тимофея к большему воздержанию и к большей строгости в отношении к телу, как самому прямому средству к соблюдению чистоты. Но святой Тимофей и так постоянно вел крайне воздержную жизнь, несмотря на то, что не пользовался крепким здоровьем и часто недуговал, может быть, особенно недугами стомаха*. Припомнил сие Апостол и, умеряя данный урок, говорит как бы: слыша сие: *себе чиста соблюдай,* — ты не бросься на больший подвиг воздержания. Не делай этого. Тебе, по состоянию твоего здоровья, напротив, нужно некое послабление, и ты, с этих пор, не одну пей воду, но употребляй немного и вина. Разумеется виноградное, легкое и притом употребляемое большею частию с водою.

Не пий воды, μηκέτι ὑδροπότει, — не значит: совсем не пей воды, а: не одну пей воду, не одною водою напояйся, или утоляй свою жажду, как тебе обычно. — *Мало вина приемли*, οἴνῳ ὀλίγῳ χρῶ, — употребляй немного вина. «Этим не дано ему позволение неумеренно напиваться вином, но разрешено пить его, сколько нужно для здоровья, а не для удовольствия» (святой Златоуст). «Не

---

* *Стомах* — греческое: στόμαχος — желудок. — *Ред.*

просто сказал: употребляй вино, но ограничил сие употребление, прибавив: *немного.* Ибо юность горяча и от вина скоро приходит в движение» (блаженный Феофилакт). *Стомаха ради* – указывает на болезни желудка. «Но кажется, святой Тимофей подвергался недугам не желудка только, но и других частей, как на это намекают слова: *и частых твоих недугов*» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт).

Амвросиаст рассуждает при сем: «здесь святой Апостол дает святому Тимофею частный (его лично касающийся) совет, чтоб он благоразумно управлял собою. Бог хочет, чтоб Ему служили посильно, а не так, чтоб расслабляли себя чрезмерностию и потом имели нужду искать помощи врачей. Надобно так вести дело воздержания, чтоб, если можно и потребуется, постепенно его усиливать, а не так, чтоб приходилось потом умалять его, по причине в начале допущенной чрезмерности. Чрезмерность (телесного воздержания) самую душу делает немощною, и она, обеспокоенная изнеможением тела, не столько уже бывает усердна к Божественным службам. Душа же, покойная с этой стороны, всем сердцем своим восторгается к Богу, с нераздвояемым вниманием умоляя Его даровать ей потребное ко спасению».

Святой Златоуст такой задает при сем вопрос: «почему святой Павел не исцелил желудка у святого Тимофея?» И отвечает: «не потому,

что не мог, а потому, что хотел отсюда извлечь какое-либо важное наставление; ибо тот, чья одежда воскрешала мертвых, без сомнения, мог сделать и это. — Зачем же именно не сделал? Затем, чтобы мы, когда и теперь видим подверженными недугам людей великих и добродетельных, не соблазнялись этим. Таким образом и это сделано с пользою. К тому же если ему самому дан был ангел сатанин, чтоб он не возгордился, то тем более (подобное предотвращение возгордения нужно было) Тимофею, потому что знамения легко могли привести его к гордости. Потому Апостол позволил ему пользоваться правилами врачебной науки, дабы и он сам меньше думал о себе, и другие не соблазнялись — и уразумели, что и те святые мужи, совершая то, что совершали (дела дивные), не переставали быть одинаковой с нами природы». «Чтоб мы не думали, будто древние выше нашего естества, но верили, что и они люди (подобные нам)» (блаженный Феофилакт).

Стих 24. ***Некихъ же человѣкъ греси предъявлени суть, предваряюще на судъ; некимъ же и последствуютъ.***

После маленького по-видимому отступления, Апостол опять возвращается к правилам об избрании к рукоположению, «снова продолжает слово о рукоположении» (блаженный Феофилакт). — Когда сказал он: не рукополагай скоро,

а исследуй прежде, достоин ли кто, чтоб не сделаться соучастником в его грехах; то у святого Тимофея естественно мог родиться вопрос: да как же быть, — ведь не узнаешь?! Апостол предотвращает такое недоумение, говоря как бы так: как не узнаешь! Никакого труда нет узнать. Иных людей грехи идут впереди них, весть о делах их предшествует им, и, прежде чем увидишь ты кого из таких в лицо, тебе ведомо может быть, что он, например, нечист сердцем и телом, нечист на руку, нечист языком и подобное. И это наперед уже будет руководить тебя к произнесению суждения о нем, достоин или нет. Останется тебе только проверить, так ли и на деле есть, как слышится. И суд сам собою определится. Некоторых же людей грехи не явны. Они умеют их прикрывать и в лицо всем кажутся добрыми и честными. Но дела их все же стоят за ними и влекутся вслед их как хвост кометы. Они не исчезли, а есть в последях своих. Присмотрись, и увидишь. К этому тебя и обязывает и право тебе дает мое постановление: *руки скоро не возлагай*: разбери, рассмотри, расследуй. Станешь разбирать, мудрено будет укрыться делам недобрым. Если же укроются как-нибудь, тогда ты не будешь виновен; потому что сделаешь с своей стороны все возможное. *Предъявлени*, πρόδηλοί, — наперед явны, прежде чем станешь разбирать. *Предваряюще*, προάγουσαι, — наперед тебя ведя,

руководя, располагая, побуждая. *На суд*, εἰς κρίσιν, — к произнесению суда. Как будто хотел сказать: тут и разбирать нечего. Других же дела *последствуют* за ними, ἐπακολουθοῦσιν, — идут позади их по стопам их, шаг за шагом. Видимостию своею, кажущимся доброповедением они закрывают их от взора других; но они всё же там, назади. Присмотрится кто и увидит.

Так разумеют все наши толковники. Они, между прочим, из слов: *некиим же и последствуют* — делают такое наведение: в сей жизни иные ухитряются так искусно прикрывать дела свои недобрые, что до самой смерти остаются на добром счету; но по смерти грешность их там, в другой жизни, обнаруживается и подвергает их осуждению. Смерть не уничтожает их дел, или не делает того, чтоб люди сии — перешли на тот свет, а дела их здесь остались. Нет, вслед за ними пойдут и дела их и там вызовут праведный об них суд. А дела других здесь еще решают их участь, явно показывая, что их там ожидает. Экумений, а за ним блаженный Феофилакт приводят мнение святого Василия Великого, который в этих словах Апостола видит и такую мысль: дела некоторых грешников, делающие их достойными осуждения, не прекращаются с их смертию, а продолжают твориться и без них, со вменением, однако же, им. Это именно такие дела, худые

последствия которых не прекращаются со смертию наделавших их, а продолжают или совращать в неверие и зловерие, или увлекать к худой жизни. Таковы ереси и еретические писания — и соблазнительные увеселения и обычаи.

Стих 25. *Такожде и добрая дела предъявлена суть, и сущая инако, утаитися не могут.*

Что сказано о грехах, то же приложимо и к делам добрым. И они у иных бывают предъявлены, — наперед известны, идут впереди человека, рекомендуя его. А у иных бывают *инако*, то есть не бывают явны, неизвестными остаются, так что нельзя с первого разу сказать, каков тот-то, хорош или худ. Но, говорит, и такие дела утаиться не могут: расследуй, и найдешь. До очевидности представляет сие история избрания в епископы в городе Команы святого священномученика Александра из угольников*. Избрание происходило под председательством святого Григория чудотворца Неокесарийского**. Когда несколько лиц, предъявленных к избранию, не были одобрены, кто-то выкрикнул: уж не Александра ли угольника избрать?! Но стал святой Григорий разбирать и нашел, что он достойнее всех, и всеми был одобрен (августа 12-го).

* *Священномученик Александр († III)* — епископ Команский. — *Ред.*

** *Святитель Григорий чудотворец († ок. 266—270)* — епископ Неокесарийский. — *Ред.*

г) Как и чему кого учить, судя по его внешнему положению в обществе (6, 1—19)

Доселе учил Апостол, как руководить разные лица преимущественно по положению их в Церкви. Теперь переходит к указанию образа действия на лица, судя по их положению в обществе. Как там, так и здесь не все обнимает святой Павел, а касается только: аа) рабов (см.: 6, 1—2) — и: бб) богатых (см.: 6, 3—19), — потому, конечно, что это особенно требовалось.

аа) Чему учить рабов? (6, 1—2)

Глава 6, стих 1. *Елицы суть под игом раби, своих господий всякия чести да сподобляют, да имя Божие не хулится и учение.*

«Сие говорит Апостол о рабах, у которых господа неверные» (блаженный Феодорит). «Учи их, говорит, и увещевай, чтоб они, хотя господа их суть неверные, слушались их, сподобляя их всякой чести и словами и делами» (блаженный Феофилакт). Иные из рабов могли подумать, а может быть, и думали, что как они получили отпущение грехов, приняты в милость Божию, имеют свободу приступать к Господу, то по сим преимуществам им не следует уже более рабствовать неверным господам. Апостол в предотвращение этого заповедует святому Тимофею толковать каждому из них: «Не думай, что если ты верный, то и свободен» (святой Златоуст). «Ты свободен

духовным естеством (свободен от грехов, свободно приступаешь к Господу), но раб телом. Но и это самое есть свобода, служить, говорю, о имени Христове» (блаженный Феофилакт). Расположись служить самоохотно, уверовав, что такова воля Господа о тебе, и будет работа твоя делом свободы, Богу приятным, а не игом. Это именно внушать и указывает Апостол; ибо говорит: рабы да почитают господ своих достойными всякой чести. Так стоит по-гречески. У кого есть в сердце такое убеждение, тот не будет чувствовать ига рабства. Чествующий кого охотно преклоняется пред ним и покорствует ему.

Но такое внушение, как рабам иго рабства делать легким, только намекается в словах: да почитают достойными чести. Главное же намерение Апостола – воодушевить рабов к верному служению выгодами веры. Толкуй им, говорит, что если они не будут чествовать господ верным служением, то господа станут худо думать о нашем учении и нашей вере, и они таким образом подадут повод хулить имя Божие, нареченное на христианах. А если будут служить им охотно и почтительно, особенно после прежнего неохотного и ворчливого служения, то тем дадут высокое понятие о нашем учении и расположат обратиться к вере в Господа Спасителя. «Неверный, если увидит, что чрез веру люди впадают в самомнение, часто будет поносить ее как учение, распола-

гающее к возмущению; а если заметит, что они стали более покорны, то тем скорее сам покорится, тем внимательнее будет к тому, что говорится (в проповеди Евангельской)» (святой Златоуст). – Для верного, любящего и чтущего веру, не может быть более сильного побуждения к спокойному и охотному несению ига верного рабствования неверным.

Стих 2. *Имущии же верных господий, да не нерадят о них, понеже братия суть; но паче да работают, зане верни суть и возлюблени, иже благодать восприемлющии. Сия учи и моли.*

То была речь об отношении к господам неверным, а теперь об отношении к верным. Верные господа разумеются не веру только содержащие, но и живущие в духе веры, следовательно, братски относящиеся к рабам, не обременяющие их сверх силы, жалеющие их и радеющие о них. Видя это, неразумные слуги могли забываться, поблажать чувству равенства господам и вследствие того нерадеть о своих службах и непочтительно относиться к господам. Предотвращать это и внушает здесь святой Павел. Учи, говорит, чтоб слуги верными господами не пренебрегали, а еще усерднее им работали. «Рабы, у которых господа благочестивы, благочестие их да не обращают в повод к небрежению; но да удостоивают их поэтому большей услужливости (блаженный Феодорит). Говори им: «если вы удостоились

такой чести, что господами имеете братий (или господ имеете братиями), то должны ради сего преимущественно повиноваться им» (святой Златоуст). «Нельзя так, — что поелику ты братом стал иметь господина в силу крещения, то тебе можно небрежно относиться к нему; напротив, в этом самом находи побуждение — служить и рабствовать ему еще с большим усердием» (блаженный Феофилакт).

Побуждением же к сему выставляется: *зане верни суть и возлюблени, иже благодать приемлющии*. Вера не отнимает права господства, а украшает его. Слуга, чтущий высоко веру, высоко чтит ее и в господине, а ради нее и господина. Отсюда — не умаление чувства обязанности рабствовать, а возвышение и как бы освящение. И рабствуй паче, говорит, *зане верни суть*. Но в силу веры они *и возлюблени*, — возлюбленны Богу (см.: Экумений), — возлюбленны и рабам, потому что к этому обязывает и располагает вера, учащая любить и чужих всех, а не только своих, и притом таких, кои господа им суть. Нельзя вам не чувствовать, сколь благо для вас, что имеете господ верных и возлюбленных. Но «насколько облагодетельствованы вы тем, что имеете господ братьями, настолько и сами будьте благодарны, усерднее служа им» (Экумений). «Сказав: *возлюблени*, — Апостол изгоняет страх, имея который к господам слуги часто впадают в ненависть

к ним, — и вместо него вводит любовь» (блаженный Феофилакт), или «со страхом сочетавает любовь» (Экумений).

Иже благодать восприемлющии, — которые благодать восприемлющие суть, восприемлют, причастны суть благодати, то есть получили отпущение грехов, приняты в сыновство Богу, снабжены дарами Духа Святаго. Те, которые приняты в такую милость Божию и так Богом почтены, не должны ли и слугами более быть почтены чрез изъявление большей покорности и большего усердия в служении им? Такую мысль подает славянский перевод, — каковой перевод допустим и греческим текстом: οἱ τῆς εὐεργεσίας ἀντιλαμβανόμενοι, — которые благодеяние восприемлют, или причастны благодеяния, — разумеется, — Божия благодеяния нам, грешным, верх которого есть устроение спасения в Господе Иисусе Христе — *сия благодать возблагодать* (ср.: Ин. 1, 16).

Но греческий текст может подавать и такую мысль: которые пекутся и ревнуют о благодеянии, подразумевается, рабам, — «которые заботливо стараются благодетельствовать рабам» (Экумений, блаженный Феофилакт). По-русски так и переведено: которые благодетельствуют им — рабам. И наши толковники все эту мысль держат. Святой Златоуст говорит: «господа больше доставляют рабам, чем рабы господам; ибо первые и золото тратят на них и заботятся о снабжении

их необходимыми вещами, одеждою и всем прочим. И, на это здесь указывая, Апостол говорит: οἱ τῆς εὐεργεσίας ἀντιλαμβανόμενοι, — которые пекутся добро делать вам, рабы. Они беспокоятся и трудятся ради вашего спокойствия — и ужели не должны пользоваться великою честию от своих домочадцев?» То же и у блаженного Феофилакта: «вспомни (слуга), что он (господин) еще и благодетель твой (не только верный и возлюбленный), беспокоится и печется о тебе, чтоб накормить тебя, чтоб одеть и всякой другой удовлетворить твоей потребности и нужде: так что у него много прав на тебя (на твою ему покорность и служение), кроме того, что купил тебя».

Предполагается, что господа, уверовав и освятившись благодатию, изменили свой деспотский нрав и стали обращаться с рабами, как с своими кровными, и содержа их хорошо, и любовное к ним расположение являя. Вследствие чего они, возлюбленные рабам по вере, еще более возлюбленны по благодеяниям своим к ним. Почему сии последние естественно усерднее должны служить им теперь, чем прежде. Верным господам, говорит Апостол, рабы должны усерднее служить, потому что они верны и возлюбленны и тем паче потому, что они им самим благодетельствуют, будто воздавая им добром прежде, чем они делают что для них; считайте себя уже отблагодетельствованными со стороны господ за ваше им

служение (см.: Экумений). Служа им, отплачивать им будете долг благодарности за их благодеяния к вам, вас покрывающие и обнимающие.

Сия учи и моли. Учи, как власть имеющий, *умоляй*, — уговаривай, убеждай, как любящий отец или брат. «Делай первое, как учитель, второе, как отец» (блаженный Феодорит). «Учителю должно употреблять не только власть, но и великую кротость, и, с другой стороны, не только кротость, но и власть» (святой Златоуст). «Ибо врач есть, а врач берет иногда мягкостию, а иногда и строгим принуждением» (блаженный Феофилакт).

Слова сии у нас стоят в связи с предыдущим, то есть с тем, что следует внушать рабам. Так может быть и требовалось, не столько по важности самого предмета, — покорности рабов господам, сколько по вреду, какой могла нанести Церкви и верующим непокорность их. — Но кажется лучше соединять их с последующим и относить ко всему сказанному выше. Святой Златоуст отрывает сии слова от этого, 2-го, стиха и соединяет с следующим, — 3-м.

бб) Чему учить богатых? (6, 3—19)

Все это отделение (см.: 6, 3—19) содержит следующее: α) внушается: *сия учи* (6, 2) — и вслед за тем пишется укор инако учащим, последнею недоброю чертою которых ставится то, что они *непщуют приобретение быти благочестие* (ср.:

6, 5) (см.: 6, 3—5). Это подало повод: β) к указанию (см.: 6, 6—16); αα) пагубных последствий от любоимания для веры и жизни (см.: 6, 6—10) и внушению: ββ) *сих бегай* (6, 11), — гони же благочестие, веру и прочее, с заклинанием соблюсти неотложно такую заповедь, до пришествия Господня (см.: 6, 11—16). После сего следует уже: γ) чему учить богатых, — именно — чтоб не гордились, не уповали на богатство, а употребляли его на добрые дела, *сокровиществующе себе основание добро в будущее* (ср.: 6, 19) (см.: 6, 17—19). — Таким образом тут все говорится о любоимании в разных отношениях. Почему сочтено уместным озаглавить сие отделение: *чему учить богатых*, — почитая указание вредных последствий от пристрастия к богатству и внушение бегать сего, ревновать же о всякой добродетели, *введением* к тому, а указание недобрых качеств инако учащих — *поводом*.

α) *Сия учи* (6, 3—5)

Повод этот устроился будто нечаянно. Апостол имел в виду только внушать — держаться здравого учения и бегать всякой инаковости в нем и споров, как неоднократно делает в сем Послании. Но как для отклонения от последнего самым лучшим побуждением служит знание недоброты инако учащих, то ее и изображает Апостол. А одною из выдававшихся тогда черт этих

инако учащих была та, что они действовали *сквернаго ради прибытка* (Тит. 1, 11). Поставив в конце эту черту в словах: *непщующих приобретение быти благочестие*,— Апостол затем ведет уже речь все о страсти к стяжаниям и богатству.

Глава 6, стихи 3—4, 1-я половина. *Аще ли кто инако учит, и не приступает ко здравым словесем Господа нашего Иисуса Христа, и учению, еже по благоверию, разгордеся.*

Святой Златоуст, как замечено, читает это в связи с *сия учи и моли*. Так учи, а от тех, которые инако учат, отступай. Чтоб отступал от учения их, об этом святому Тимофею нечего было напоминать. Отступай, говорит, от самых инакоучителей,— не связывайся с ними, «отвращайся от них» (святой Златоуст). Потому что, свяжись с ними,— и пойдет словопрение, от которого никогда никакой не бывает пользы, а одно раздражение и раздор. Уступить тебе они не могут, потому что по гордости и самомнению думают, что знают истину и стоят в ней, тогда как совсем не знают ее. Это самопрельщение и держит их в упорстве и противлении истине. И ничего с ними не поделаешь. Лучше всего не связываться с ними. Возвещай одну истину,— и кто есть от истины, послушает тебя (см.: Ин. 18, 37). Таково содержание предлежащего Апостольского урока.

Кто эти инакоучители, Апостол не определяет частно, а вообще говорит: инако учат, не присту-

пают к здравым словесам Господа и учению, еже по благоверию. Тут можно разуметь все христианское учение, — и догматы, и правила жизни, и освящение таинствами. Кто хоть в чем-нибудь из сего отступает от словес Господа и здравого учения, содержимого сонмом благоверных, тот есть инакоучитель, гордый словопритель, недостойный общения. Почему и: *сия учи и моли* (6, 2) — относится не к одной покорности рабов, но ко всему вышеизложенному, не исключая, конечно, и этого.

Здравые словеса Господа те суть, о коих Он свидетельствовал: *вся, яже слышах от Отца, сказах вам* (ср.: Ин. 15, 15). Они те же, что и Дух Святый внушал Апостолам: ибо и Он имел изрекать, *елика аще услышит* (Ин. 16, 13), и, конечно, что ни изрекал, изрекал, как слышал. Здравые словеса Господа совмещают, следовательно, истину, в тайне Триипостасного Бога сокровенную, и на землю принесенную Сыном Божиим воплотившимся, и распространенную среди людей чрез Апостолов Духом Святым, — истину здравую, то есть чистую, беспримесную, непреложную. Здравы они, как чистую истину содержащие и как здравие душе, приемлющей их, подающие. Ибо истина здравие душе приносит, а ложь, хотя бы и малая, расслабляет ее и немощною делает.

Учение, еже по благоверию, — составляется из здравых словес Господа и откровений Духа

Святаго. Оно сводит воедино все словеса и из всех истин, ими возвещаемых, составляет одно целое, один образ созерцания дела спасения в Господе Иисусе Христе, благодатию Святаго Духа, по благоволению Отца. Господь многое говорил, многое говорили и Апостолы от Духа Святаго. Слышавшие и принимавшие слагали всё в сердце своем, которое, как архитектон* некий, благодатию руководимый, и устрояло тот образ созерцания дела спасения. Сей образ и совмещал *учение, еже по благоверию*. Установившись под влиянием Апостолов, образ сей вынесен в сердцах верующих из века Апостольского, обновляемый и хранимый преемниками их, и предан последующим родам верных, от которых друг-друго-приимательно** и до нас дошел. Так что: *учение, еже по благоверию*, — есть учение, Церковию содержимое, — тогда при Апостолах и теперь по преемству от них.

По-гречески стоит не: *благоверие*, — а: благочестие, — τῇ κατ' εὐσέβειαν διδασκαλίᾳ. Но это не отступление от подлинного слова Апостольского, а точнейшее его выражение. Благочестие есть сердечное отношение к Богу. Жизнь по благочестию есть жизнь в страхе Божием, во славу всесвятого имени Его; учение по благочестию есть учение, содержимое по несомненной вере

* *Архитектон* — здесь: зодчий. — *Ред.*

** *Друг-друго-приимательно* — преемственно. — *Ред.*

слову Бога истины. Такое содержание истины есть воистину благоверие, — и оно только одно и есть таково.

Стих 4. *Разгордеся, ничтоже ведый, но недугуяй о стязаниих и словопрениих, от нихже бывает зависть, рвение, хулы, непщевания лукава.*

Разгордеся. Это тот, кто не приступает к словесам Господа или криво толкует их. Бог говорит и дает законоположения, а тварь не слушает или, слушая, — толкует слышанное не по-Божиему, а по-своему, подвергая Божие осуждению, как неугодное себе. То и другое действие выражает: отойди, путей твоих ведать не хочу. Так говорят в лице Богу не грешники только, но паче еретики, инакоучители. Не гордость ли это? Это верх гордыни, — сатанинская гордость, которою обычно и преисполнены все инакоучители. И естественно; ибо, не внемля слову Божию, они уму только своему последуют, а ум кичит*. Кичливы и все инакоучители, хотя они прикрываются иногда очень смиренным видом, — овечьею одеждою, волцы суще. Τετύφωται — надмился, говорит Апостол, как мыльный пузырь. Мыльный пузырь кажется чем-то, а на деле ничего прочного в себе не имеет. И инакоучитель, не сообразующийся ни с прямым словом Божиим, ни с учением Церкви, которая есть столп и утверждение истины, построив умом своим свою систему учения о спасении, носится с нею, мечтая в самопрельщении, что

---

* *Кичити* — здесь: надменничать. — *Ред.*

вот наконец он постиг истину, которой другие не знают. И кичит. А между тем явно, что не знает истины, а уклонился в ложь. Ложь утверждает, что есть то, чего нет. Почему, хотя она выставляет себя знанием и другим может представляться такою, на деле ничего не знает, — пузырится только, будто знает. Апостол и отмечает, что инако учащий *разгордеся, ничтоже ведый*. Положите, что кто-нибудь отвел бы вам глаза и кучу сора представил вам кучею золота. Виделась бы вам куча золота, а на деле все же это куча сора. Такова всякая система инакоучителей; кажется блестящею, как золото, истиною, — на деле же есть сбор мечтаний, не содержащих истины. И можно положить за признак, что, коль скоро с какими-либо умовыми построениями вяжется кичливое самомнение, знай, что тут ложь кроется, что это не есть постижение истины, а мечта, ничего-неведение. Святой Златоуст говорит: «следовательно, нам случается воспаляться гордостию не от знания (истины), а от незнания (ее); потому что тот, кто знает учение, согласное с благочестием, более всех умеет смиряться; тот, кто наставлен в здравом учении, не бывает одержим сею болезнию (гордости). Следовательно, можно знающему что-нибудь (думающему, что знает) не знать ничего (как должно); ибо тот, кто не знает того, что должно, ничего не знает».

Как инакоучитель, свою построив систему учения, дмится ею, то не может терпеть несообразного с ним, почитая то оскорблением для себя в самом чувствительном месте и унижением своего высокодержимого учительства. Оттого всюду заводит совопросничества и словопрения; спорливость ярая сопровождает его и идет по следам его. Это далее и выставляет на вид святой Павел: *и недугуяй о стязаниих и словопрениих.* — *Стязания*, ζητήσεις, — изыскания, — расположение вопросов, — что это, от чего то, как есть вон то и подобное. И пошли толки, коим конца не жди. *Словопрения*, λογομαχίαι, — война из-за слов. Так как инакоучитель предлагает как истину что не есть таково, то есть чему не отвечает действительность, то его речь ничего существенного не содержит, а есть набор слов, — и, защищая себя, он не другое что делает, как прится о словах, — словопрением недугует. Говоря: *недугуяй*, — Апостол дает мысль, что у инакоучителя царит в душе неутолимый позыв к спорам. Эта спорливость у него сидит внутри, как болячка какая. И он все спорит. — У Апостолов же было правилом — не заводить споров: *мы*, говорит, *такого обычая не имеем* (ср.: 1 Кор. 11, 16). И святому Титу и святому Тимофею пишет святой Павел — не вдаваться в споры. Скажи или засвидетельствуй истину — и довольно. Кто от истины, послушает. Кто же не от истины, с тем,

сколько хочешь спорь, ничего с ним не сделаешь. — Спор — от беспокойства за стойкость мысли; беспокойство же это от неубеждения во вседовлетельности оснований ее. Апостолы прямо от Бога получили истину и упокоевались непоколебимо в вере ей. И доводов особых к утверждению истины для них не требовалось. И для других они не изобретали их, а только излагали то, что внушал им Бог Дух Святый. — Этого недостает инакоучителям; они и спешат восполнить то шумом слов. — Что делали Апостолы, то же доселе делается и в Церкви: предлагает она *учение, еже по благоверию*, какое приняла от Бога чрез Апостолов и какое хранила и хранит. Кто от истины, слушает; кто не от истины, идет прочь. Видит сие Церковь, но споров не поднимает, а только молится. Святой Златоуст говорит: «следовательно, — состязание есть недуг. И справедливо. Ибо душа тогда занимается исследованием (ζήτησει, — стязанием), когда она разжигается (как огневицею) помыслами, когда они обуревают ее (то есть когда она больна); а когда она находится в здравом состоянии, тогда не исследует, а почивает в вере. Посредством исследования и споров ничего нельзя найти. Ибо когда исследование приступает к разъяснению того, что возвещается одною верою, тогда оно и не открывает сего, и не дает его уразуметь; подобно тому, как если бы кто, смежив глаза, стал искать что-нибудь,

что ему желательно найти, то не мог бы (успеть в этом). Так без веры ничего нельзя отыскать, а только неизбежно должны рождаться споры». «Где нет веры,– продолжает Феофилакт,– там все больно, там только разгорается война словесная (из-за слов) и больше ничего,– причем более искусный в препрениях напрягается низвергнуть другого. Вера есть око; не имеющий очей ничего не находит, а только ищет».

Ничего не зная, дмится, яко всезнающий, и недугует спорливостию: такова характеристика инакоучителя. Какой теперь плод от этого? *От нихже* (стязаний и словопрений) *бывает зависть, рвение, хулы, непщевания лукава.* Все это видится во всяком словопрении. Зависть завидует, что другой взял верх. Она сопутствуется *рвением*, ἔρις,– ретивостию, вызывающею напряженное усилие не дать другому себя опередить или взять над собою верх и взявшего верх опять низвергнуть долу под себя. От сей ретивости – жар спора; в жару же спора невольно вырываются *хулы и непщевания лукава. Хулы*: хулят друг друга за обороты речи, непоследовательность, за неведение фактов и сторон дела, за неточное понимание свидетельств и подобное. Это больше всего разгорячает раздражение и, поселяя раздор и вражду, преграждает для истины всякий вход в душу. Но при этом простая хула не может не отдаваться и богохульством. Ибо спорящий инако-

учитель идет против истины,— и истины Божией, следовательно, против Бога. Почему, хуля истину Божию, Бога хулит. А то недивно, что и прямо против Бога проторгнется какая-либо хула, относительно, например, устроения спасения, святых таинств и вообще промышления. *Непщевания лукава*, ὑπόνοιαι πονηραί.— Ὑπόνοιαι — подозрения, подбегающие и подкрадывающиеся мысли: и в самом деле не так ли? Инакоучитель не щадит совести несогласного с ним, а сыплет бесщадно фразами, все более и более резкими. Между ними недивно найтись и таким, которые оставят впечатление и породят колебание: не так ли? Это «не так ли», как заноза, войдет в сердце и омрачит покой веры и светлость состояния душевного. Вот случай. Молодой инок послан куда-то старцем. На дороге пристал к нему еврей и завел спор в защиту еврейства, кончившийся тем, что инок сказал: может быть, и так. Когда он воротился домой, старец увидел его мрачным, как сажа. Может быть, и так,— было у него непщевание лукавое и вот что произвело. Как лукавое, от лукавого, мрачного происходящее, мраком всю душу его и тело преисполнило, конечно, потому, что привело внутрь и самого лукавого — мрачного.— Почивай в вере, бегая всяких споров, и избежишь от подобной беды. Непщевания лукавые будто ничего, как легкое движение воздуха. Так кажется; на деле же это настоящая язва, требу-

ющая врачевания. Они то же в деле веры, что занявшие сердце помыслы в деле жизни. Как последние или изгоняются борьбою, или ввергают в падение, так и в отношении к первым или бороться надо спешно, восстановляя пункт веры, против которого они направлены, или, не делая этого, неизбежно подпасть их власти и уклониться от истины. Так распространяются все заблуждения и совершаются все отпадения от веры.

Стих 5. ***Беседы злыя растленных человеков умом, и лишенных истины, непщующих приобретение быти благочестие. Отступай от таковых.***

Беседы злыя, παραδιατριβαὶ. — Διατριβή — препровождение времени, наполнение его каким-либо занятием, отсюда беседы, рассуждения и речи. Παραδιατριβή, — все это в худом смысле, — препровождение времени пустое, беседы не о добром и не к добру ведущие, рассуждения и речи, чуждые истины. *Беседы злыя* есть точное выражение сего слова. Здесь разумеется не самый спор, а черта его или следствие и соприкосновенность. Спор, ведомый инакоучителями, — пустое и зловредное препровождение времени; зловредное потому, что, как пред сим сказано, он рождает *непщевания лукавая*. Διατριβή от: τρίβω — тру. Ведущие беседу взаимно трутся. Но трение от здорового здоровье укрепляет, по крайней мере не расстроивает; а трение от больного может сообщить болезнь и заразить. Так и здесь, — потрись

беседою с инакоучителем,— можешь заразиться его инакоучением и заболеть зловерием. По святому Златоусту, слова: *беседы злыя* — имеют у Апостола такой смысл: «подобно тому как овцы, будучи заражены чесоткою, когда приходят в соприкосновение с здоровыми, и им сообщают свой недуг; так и эти злые люди». У блаженного Феодорита читаем: «отступившие от истины (инакоучители) и последующие собственным своим помыслам покушаются учить ненадлежащему.— Отсюда рождаются *непщевания лукавая*, а от них происходит какая-то пагубная болезнь, заражающая ближних. Сие означают слова: *беседы злыя.* Ибо как больные овцы, пасущиеся вместе с здоровыми, сообщают им болезнь, так и эти люди ближних своих наполняют заразою». Экумений прямо выражается: «*беседы злыя*,— передание болезни злых догматов,— метафора, взятая от паршивых овец». «Как паршивые овцы,— поясняет его Феофилакт,— трясь между здоровыми, заражают и их своею болезнию; так и инакоучители, потираясь беседами своими, παραδιατριβόμενοι,— с другими, растлевают их (умы и сердца своим зловерием)».

Потому от них такой плод, что они сами *растленны умом.* Таковы все не приступающие к здравым (не испорченным кривотолкованием) словесам Господа и учению, благоверно содержимому и хранимому Церковию. Ум их, приняв

ложные начала и положения, или догматы, растлился и их растлил. Сами виноваты. Зачем уму своему поблажили взяться за то, что ему не под силу. Следовало, подклонив его под иго веры, заставить его покорно принять открытое и преданное, изучить то и усвоить; а они позволили ему изобретать и сочинять самую веру. Он и напутал; но, приняв за несомненную истину свое изобретение, он растлился сам и их растлил: и стали они *человеки, растленные умом*, растлением своим заражающие и других. Чего другого и ожидать от них? *Благий человек от благаго сокровища износит благая: и лукавый человек от лукаваго сокровища износит лукавая* (Мф. 12, 35).

Растленны они умом, потому что *лишены истины*. В этом причина растления ума. Как содержание истины есть здравие ума, так лишение истины есть болезнь его и растление; подобно тому, как содержание и хранение заповедей есть здравие воли, а уклонение от них – болезнь и растление ее – и как сочувствие к Божественному и небесному, вкус в том и услаждение тем есть здравие сердца, а лишение такого сочувствия, вкуса и услаждения есть болезнь его и растление. Тут бывает то же, что, например, с ягодами. Оставь их как есть, они скоро попортятся и истлеют: но – переполни их сахаром, через варку в растворе его, они приобретают

силу противостоять растлению. Так ум, оставленный как есть, скоро портится, а переполни его истиною,— и истина сообщит ему крепость и силу противостоять всякому растлению. Лишение истины порождает в уме два зла,— или мрак неведения, или растление зловерием. И то худо, а это еще хуже. Мрак, лишение света причиняет замирание и даже смерть: ибо ничто живое не может жить без света,— вещественное без вещественного, духовное без духовного. Уму свет — истина; без нее он замирает или замореным бывает. Зло великое; но о замореном можно иметь надежду, что отойдет, очнется и оживет. Растленный же зловерием не подает такой надежды. Он поврежден внутреннейше и существенно; потому может быть возвращен к здравию, свойственному ему по естеству, только силою Божиею, сотворившею естества, то есть только будучи перетворен особенною Божиею благодатию.

Непщующих приобретение быти благочестие. — *Приобретение*, πορισμὸν. — Πόρος — именье вдоволь всех потреб жизненных; πορισμός — приобретение сих потреб и способы к тому. Под: *благочестием* — разумеется вера вообще. Они, говорит, веру почитают средством к приобретению, превращают ее в такое средство. Это верх растления умственного и нравственного. Веры тут уже нет, тем паче нет благочестия или сердечного настроения в духе веры. Между тем

хлопоты у них всё о вере, — и хлопоты усиленные, так что дело сие не обходится без споров. Не отсюда ли и споры? Как торгаши спорят при продаже из желания увеличить прибыль, так и эти инакоучители всюду заводят споры, потому что иначе нельзя им будет добыть что-либо, и им придется голодать. «Эти спорники, — пишет блаженный Феофилакт, — привлекая к себе учеников, пользуются ими и все больше и больше подвизаются в спорах, чтоб все более и более их привлечь к себе», — конечно, чтоб больше и приобретать от них.

Отступай от таковых. «Не сказал: схватывайся с ними и борись, но: *отступай,* — то есть *по первом и втором наказании* (ср.: Тит. 3, 10). Ибо тех, которые бьются из-за прибыли и денег, когда и чем можно убедить?» (блаженный Феофилакт). «Иначе не убедишь ты таковых, как если дашь им; но и этим не насытишь их жажды приобретения. *Око лихоимца,* — говорит Писание, — *не насытится части* (ср.: Сир. 14, 9). Поэтому от них, как от неисправимых, надобно отвращаться» (святой Златоуст).

β) Указание (6, 6—16)

Указание последней недоброй черты в инакоучителях дало святому Павлу повод предложить нужные внушения против любостяжания. Здесь он: αα) изображает пагубные последствия от за-

бот о стяжаниях, определив наперед меру потреб и указав источник довольства ею (см.: 6, 6–10); а затем: ββ) делает соответственное сему предмету обращение к святому Тимофею (см.: 6, 11–16).

αα) Пагубных последствий от любоимания (6, 6—10)

Глава 6, стих 6. *Есть же снискание велие благочестие с довольством.*

Снискание, опять: πορισμὸς, – приобретение, имение потребного, обладание им. *Благочестие* – истинная вера с настроением сердца в духе веры и соответственною тому жизнию. Такое, говорит, благочестие само по себе есть уже снискание потреб или оно с собою приносит обладание потребным, не потому, чтобы давало богатство, а потому, что так настроивает человека, что он чувствует себя совершенно удовлетворенным относительно телесных потреб, довольствуясь тем, что имеет. Как благочестие настроивает его быть довольным тем, что имеет, то этим самым погашает всякий позыв к стяжаниям. Человек благочестивый богат потому, что доволен всем и не чувствует ни в чем недостатка, как, напротив, богача следует считать бедным, когда он чувствует, что ему все еще многого недостает. Слова: *благочестие с довольством* – не такую имеют мысль: благочестие с имением довольного количества потреб, хотя и ее можно допускать, но такую: благочестие с чувством довольства, когда благо-

честие до того исполняет сердце человека, что по духу его он чувствует себя довольным. «Те (инакоучители, спорщики) *зле непщуют приобретение быти благочестие*» (блаженный Феофилакт), — «потому что они притворно облекаются в одежду благочестия, чтоб иметь в нем средство к стяжаниям» (Экумений). «И в благочестии есть снискание, но не так, как те полагают, а гораздо выше. В нем снискание не тогда, когда имеешь, а когда не имеешь: ибо оно научает довольству. А довольство есть великое и прочное богатство» (блаженный Феофилакт). «Благочестие, таким образом, само в себе есть истинное стяжание; потому что довольствуется тем, что есть, и не ищет преизбыточества. Или (так можно разуметь) благочестие есть снискание, потому что при нем не ищут изобилия, а удовлетворяются имением нужного вдоволь» (Экумений).

Так дух благочестия, делая довольным и, следовательно, богатым, погашает жажду стяжаний. Но к этому же может приводить всякого и естественное рассуждение. Какой смысл иждивать на это заботу и труды, когда ничего с собою не возьмешь отсюда?

Стих 7. *Ничтоже бо внесохом в мир сей, яве, яко ниже изнести что можем.*

«Это говорил и блаженный Иов: *сам наг изыдох от чрева матере моея, наг и отыду* (ср.: Иов. 1, 21)» (блаженный Феодорит). «Таким

образом, если мы ничего не принесли и ничего не вынесем, то какая нужда заботиться иметь больше, чем нужно?» (Экумений). Инакоучители так болят любоиманием, что даже благочестие обращают в средство к тому. И этим обличают паче слабость и растление ума. Ибо, если б здрав у них был ум, не стали бы они так заботиться о вещественных стяжаниях. Ибо «такого рода приобретение ничего не значит, как видно из того, что оно остается здесь и не переселяется вместе с нами (в другой мир) и не сопутствует нам туда. Мы пришли в этот мир, не имея ничего, и оставим его, тоже ничего не имея. Потому что творение рождается нагим и нагим отходит. Следовательно, нам не нужно ничего лишнего, если мы ничего не принесли с собою и отойдем, ничего не имея» (святой Златоуст). «Напрасно смертные люди стараются копить имущества и стремятся быть богатыми, открытым гласом возвещает Апостол, когда знают, что ничего (неотъемлемо) собственного не могут стяжать в мире сем. К чему служит человеческая жадность, кроме разве что она сама себе вражествует? Никем ничего не вносится в мир, и ничего вынесено быть не может. К чему же навязывать себе бремя забот и искать собрания богатств? Таким же выйдешь, каким пришел. Что и Иов пишет, такое исповедуя убеждение свое: *наг изыдох от чрева матере моея, наг и отыду тамо...*

буди имя Господне благословенно (ср.: Иов. 1, 21). Если б скупцы не удерживали накопленного для себя одних на пагубу себе, то и немногие из них сколь многим могли бы доставить пользу с пользою вместе и для себя самих!» (Амвросиаст).

Стих 8. *Имеюще же пищу и одеяние, сими довольни будем.*

Скажет кто: хотя ничего не приносим сюда и ничего не вынесем отсюда; но жить, однако ж, надо, пока мы здесь. А чтобы жить, надо иметь пищу, иметь одежду. Следовательно, нельзя обойтись без того, чтоб не иметь. — Но только, говорит Апостол, и нужно иметь. Есть пища, есть одежда, — и довольно. «Он определяет здесь, в чем должно полагать довольство, о коем поминал» (блаженный Феофилакт). «Надобно питаться тем и в такой мере, что и сколько нужно для насыщения; надобно одеваться тем, что может только защитить нас от непогоды и прикрыть наготу; а это исполнить может и простая одежда. Лишнего ничего не должно быть» (святой Златоуст). «Вкушай то, что питает, а не гортань только услаждает, и одевайся тем, что наготу прикрывает и защищает, а не тем, что изнеживает и тщеславит. Таково значение слов: *пища* — и: *одеяние*» (Экумений). Впрочем, *одеяние*, σκεπάσματα, — может содержать под собою не одну одежду, но и кров. Мысль Апостола: ограничиваться в удовлетворении необходимых

потребностей телесных самонужнейшим, чтоб забота о том не томила головы и сердца.

Указав таким образом естественность для христианина, разумность и удобоисполнимость нестяжательности, Апостол затем изображает ярко пагубные для веры и добродетели последствия любостяжания.

Стих 9. *А хотящии богатитися, впадают в напасти и сеть, и в похоти многи несмысленны и вреждающия, яже погружают человеки во всегубительство и погибель.*

Укор не вообще богатство имеющим, но пристрастным к нему, жаждущим его, гоняющимся за ним и употребляющим его только в свое собственное удовольствие и удовлетворение своих пожеланий и страстей. Возможно и обладание богатством безукоризненное, и пользование им похвальное, — относительно чего ниже и дает Апостол уроки, — стих 17 и далее. Почему сказал: *хотящии* βουλόμενοι, — обладаемые желанием, непрестанно им влекомые и снедаемые. «Не сказал просто: богатящиеся (обладающие богатством), но: *хотящие богатитися*. Ибо если кто, получив богатство от предков, распоряжается им по Божественным законам, то он свободен от обвинения» (блаженный Феодорит). «Не тех, которые, имея стяжания, хорошо распоряжаются ими, не пристращаясь к ним и раздавая их бедным, обличает Апостол, а тех, которые жаждут

приобретения» (святой Златоуст). «Иждивать достояние на бедных не есть дело хотящих богатиться» (блаженный Феофилакт). «Такие не станут раздавать другим, боясь, что самим недостанет на удовлетворение своих пожеланий» (Экумений).

Впадают в напасти и сеть, εἰς πειρασμὸν καὶ παγίδα, — в искушение и сеть. Искушение есть такое стечение случайностей, которое сильно раздражает позыв на какой-либо грех и будто против воли влечет к нему. Это же и сеть есть. Но сеть может означать и осечение или вплетение в грешные дела, так что хочешь не хочешь, а греши: так дела настроились и сплелись. Гоняющийся за богатством того и другого обобраться не может. У него поминутно случаи — покривить душою скверного ради прибытка и попрать законы правды и любви, внушаемые совестию; когда привыкнет к такому образу действования, то делается им опутан, как сетью, выступить из которой не может. «Кто, родившись от бедных и жадно домогаясь богатства, употребляет всякий способ к приобретению, не зная сытости этому вожделению, — тот идет по сетям греха» (блаженный Феодорит). Апостол не сказал: подвергаются искушению, а: *впадают*. То есть искушение всегда одолевает их; как только представится искусительный случай, они падают под искушением, не могут противостать ему.

Но можно разуметь здесь не одни нравственные искушения и сети, но и внешние, житейские, — разные неприятности и затруднения. И их много у гоняющегося за богатством: дома — опасности от воров и огня, в дороге — напасти от разбойников, в сделках — сопротивления, в течении дел – непредвиденные расстройства и подобное. Святой Златоуст говорит: «в какие искушения и сети впадают хотящие богатитися? В такие, — что это удаляет их от веры, приводит на путь заблуждения, окружает опасностями и лишает покоя». Так и блаженный Феофилакт: «*впадают в искушение и сеть*, так как и против веры (и заповедей) погрешают, и опасностями окружены бывают из-за богатства, и всех боятся». Эту же мысль выражает и наш славянский перевод: *впадают в напасти*. — И незаконно устранять такую мысль. Последующие слова, служа объяснением сих слов, говорят и о внутренних и о внешних вредных последствиях любостяжания, — кои суть искушения и сети.

И в похоти многи несмысленны и враждающия. — Похоти — всякого рода пожелания самоугодия, наперекор совести и явным заповедям Божиим. Потому они, по природе своей, несмысленны и вредны. Похотей смысленных и безвредных нет. Все они бессмысленны и пагубны и для души и для тела, только в разных степенях. Когда Апостол говорит: впадают в похоти, разумеет:

подчиняются им, живут по ним, они — закон для них. «Текущее богатство ввергает в непотребные похоти, потому что доставляет к тому способы» (Экумений). Какие именно похоти, Апостол не перечисляет; но они сами собою естественно высказываются в тех, кои не как следует пользуются богатством: есть, пить, валяться в плотских грехах, обижать, тщеславиться, властолюбствовать, всегда на своем поставлять, хоть и неправое, и подобное. Святой Златоуст так изображает несмысленные и вредные похоти богатых: «как не назвать бессмысленною страстию, когда эти люди (богатые) держат у себя дурачков и карликов, не из человеколюбия, а для удовольствия, — когда в своих дворцах устрояют водоемы для рыб, когда содержат диких зверей, когда занимаются собаками, когда украшают коней и заботятся о них не меньше, чем о детях? Все это бессмысленно и излишне, совершенно ненужно и бесполезно. — Какие страсти бывают вредны? Когда люди разжигаются беспутною любовию, когда ищут имущества своих ближних, когда стремятся к наслаждению, когда предаются пьянству, когда жаждут убийства и погибели других».

Яже погружают человеки во всегубительство и пагубу. Это конец удовлетворения несмысленных и вредных похотей. Любитель богатства, пока богатится, хотя тоже живет по похотям, но все еще умеряет их, чтоб разливом их не помешать

притечению богатства; но, когда разбогатеет, уж не может совладать с собою и вдается во всю широту похотений своих. Кончается это всегубительством и пагубою.

Всегубительство, ὄλεθρος, – всебедственность; *пагуба*, ἀπώλεια, – погибель, – «и здешняя и будущая» (блаженный Феофилакт), – и временная и вечная. «Хорошо сказал: *погружают*, – так что и подняться наверх становится для них невозможным» (святой Златоуст). Полное расстройство здесь, и конечная пагуба там. «Они кончают жизнь, претерпевая треволнения и крушения» (блаженный Феодорит); и туда переходят не на лучшее, так что «любоимание здесь не безопасно, а в будущем предается осуждению» (Амвросиаст).

Стих 10. *Корень бо всем злым сребролюбие есть, егоже нецыи желающе заблудиша от веры, и себе пригвоздиша болезнем многим.*

Сребролюбие – корень всех зол; потому что дает способы жить по похотям, которые недобры и не ведут к добру, как сказано пред сим, и потому что для удовлетворения сей страсти обладаемый ею, не задумываясь, готов бывает «на всякое злодеяние, на всякое преступление и непотребство и действительно совершает их» (Амвросиаст). «Из сего корня прозябают убийства, чародеяния, хищения, ложь, нарушение клятвы и все роды преступлений» (блаженный Феодорит). «Не щадит оно живых, не щадит и мертвых, но

и их грабит; восстает на родителей и братий и Божие достояние святотатственно крадет. Изгони сребролюбие — и не будет ни войн, ни вражды, ни блуда; ибо блудница из-за денег отдает себя непотребству» (блаженный Феофилакт).

Егоже нецыи желающе, ὀρεγόμενοι, — так неудержимо, как неудержимо томимый жаждою желает воды, — *заблудиша от веры*, ἀπεπλανήθησαν, — соступили с прямого пути веры, и пошли иною дорогою, — и, не вооружаясь против веры и даже не отрекаясь от нее гласно, уклонились от нее, сами того не замечая. Все внимание их было поглощено стяжаниями, — и они шли, куда вела сия страсть, не помышляя о вере, и, шедши так, прошли мимо веру и пришли туда, где и следа не осталось веры, ни в образе воззрений на вещи, ни в образе чувств, настроений и жизни. Святой Златоуст говорит: «хорошо сказал Апостол: ἀπεπλανήθησαν. Потому что сребролюбие, привлекая к себе их глаза и понемногу закрывая их, не позволяет им видеть пути (веры). Как человек, который идет прямою дорогою, устремив мысль на что-нибудь другое, хотя и подвигается вперед, однако, не замечая сего, проходит мимо того предмета, к которому спешил, — потому что незаметно и бессознательно его увлекают ноги его: так нечто подобное сему есть и сребролюбие (причиняет сребролюбие, когда, привлекши к себе очи душевные, делает то, что обладаемый им

мимоходит веру)». Настроение сердечное у сребролюбца несообразно с верою: вера повелевает уповать на Бога, а он уповает на богатство; вера запрещает высокомудрствовать, а он высокомудрствует (ниже — стих 17); вера не велит похотствовать, а он распложает похоти и прочее. Таким образом сребролюбие самым вселением своим в сердце делает то, что любитель его мимоходит веру. «Ибо любитель стяжаний как будет веровать Евангелию, вводящему нищету (любовь к ничего-неимению)? Невозможно это» (блаженный Феофилакт).

Но от сребролюбия бывает не такое только сердечное уклонение от веры, но и видимое отступление от нее, или отречение, когда из-за веры приходится много терять в производстве стяжаний. Любитель их и отступает от веры, чтоб не лишиться их. Верно, в многолюдном и нескудном богатыми Ефесе бывали такие опыты. Апостол ими и пользуется для очевиднейшего представления зловредности сребролюбия.

И себе пригвоздиша болезнем многим. — Болезнем, ὀδύναις, — болезнованиям, прискорбностям, чувствительным очень беспокойствам. «О двух вредных следствиях (сребролюбия) упоминает Апостол (отступлении от веры и уязвлении себя болезнованиями); но то, которое казалось для них более тяжким, он поставляет здесь на последнем месте, то есть: *пригвоздиша себе болезнем*. И

этого нельзя иначе узнать никому, как только живя близ богатых. Сколько они плачут, сколько они рыдают!» (святой Златоуст). «Страсть к обогащению не только препятствует соблюдать должные отношения к Богу в вере, но и самих любителей своих чувствительно уязвляет заботами, отнятием сна, страхами» (Экумений). *Пригвоздиша*, περιέπειραν, – уязвили, пронзили. Святой Златоуст говорит посему: «видишь ли, на что он намекает, говоря: περιέπειραν? То, что он хочет выразить этим оборотом речи, имеет такой смысл. Страсти суть терние, и подобно тому, как терние, с какой бы стороны ни прикоснуться к нему, всякий до крови уязвляет себе руки и причиняет на них раны: так и от страстей будет терпеть то же самое всякий, кто подчинится их власти, – он душу свою подвергнет страданию. Скажи мне, сколько имеют забот, сколько огорчений те, которые бывают ими уязвлены! Того даже высказать нельзя».

Сделаем небольшую выписку и из беседы святого Златоуста, держанной по истолковании предыдущих текстов. «Будем избегать сего корня зол (сребролюбия), – и избегнем всякого зла. Ибо какое зло не от денег происходит или, правильнее говоря, не от денег, а от злого произволения тех, которые не умеют пользоваться ими? Потому что деньгами можно пользоваться как следует, можно, при их содействии, наследо-

вать Царствие. Но ныне то, что дано нам для вспомоществования бедным, для прославления Бога и благоугождения Ему, мы обращаем не во благо сих несчастных, а во вред душе своей и чрез это оскорбляем Бога. — Итак, какое зло не происходит от любоимания? Не отсюда ли хищение, вопли, вражды, брани и споры? Одержимые сею страстию разве не простирают своих рук даже на умерших, даже на отцов и братьев? Разве не ниспровергают законов природы, заповедей Божиих и вообще всего? Итак, не будь любви к деньгам, и прекратится война, прекратятся брани, прекратится вражда, прекратятся раздоры и любовь к спорам. Корыстолюбцев надлежало бы изгнать из вселенной, как губителей и волков. Люди, жадные к деньгам, всё приводят в совершенное расстройство. Человек, жадный к деньгам, не знает ни одного друга. Что я говорю, друга? Он не знает даже Самого Бога. — Раскрой его душу, — и найдешь, что она вооружена не одним мечом и не двумя, а бесчисленными; она никого не уважает, но бесится на всех, — на всех нападает и на всех лает; она убивает не собак, а человеческие души и громко изрыгает хулы на самое небо. От неистовой любви к деньгам все погибло. И не знаю, кого стану винить; до такой степени зло сие овладело всеми, — правда, одними в большей, другими в меньшей мере, однако, — всеми. И подобно тому, как сильный огонь,

будучи брошен в лес, все ниспровергает и опустошает, — так и эта страсть губит вселенную: цари, правители, частные люди, нищие, женщины, мужчины, дети — все в равной мере поработились злу сему. Как будто вследствие какого-то мрака, объявшего вселенную, никто не выходит из опьянения. Правда, против любостяжания бесчисленные выводят обвинения и в частном разговоре, и среди народа; однако исправления нигде не видим. Что же? Ужели нет возможности погасить сей пламень? Есть, хотя бы он поднялся даже до самого неба. Нам стоит только захотеть, — и мы без сомнения погасим сей пламень. Ибо как он усилился вследствие нашего желания, так от желания и уничтожится. Разве не свободная наша воля зажгла его? Следовательно, свободная воля в состоянии будет и погасить. Только пожелаем сего. Но каким образом может породиться в нас такое желание? Если обратим внимание на суетность и бесполезность богатства, на то, что оно не может нам туда сопутствовать, что и здесь оно оставляет нас, что, хотя оно здесь только имеет место, однако язвы от него идут с нами туда; если посмотрим, как велики там уготованные богатства, — так что если сравнить с ними земное богатство, то оно покажется ничтожнее грязи; если заметим, что оно подвергается бесчисленным опасностям и самое удовольствие от него мимолетное смешано с горестями; если

прикуем взор к иному богатству, то есть тому, которое уготовано в вечной жизни, и чрез то породим презрение к богатству земному; если рассудим, что последнее, нисколько не умножая ни славы, ни здоровья, ни чего-либо другого, погружает, однако ж, нас в бездну пагубы; если примем в чувство, что, несмотря на то, что здесь бывает иной богат и имеет много слуг, отходя туда, отходит он одиноким и нагим. Если мы будем часто повторять и слышать это от других, то, может быть, возвратится к нам здравие и мы избавимся от этого тяжкого наказания».

ββ) *Сих бегай* (6, 11—16)

Изображение худых последствий от любоимания уже само отталкивало от него; несмотря, однако ж, на то, святой Павел счел нелишним прибавить: א) прямое внушение: *сих бегай* (см.: 6, 11) — и, в противовес заботам о суетных стяжаниях, указать: ב) неустанную (*гони* [6, 11]) заботу о стяжании всякой добродетели в надежде блаженной вечности (см.: 6, 11—12), присовокупив: ג) заклинание именем Божиим исполнить сию заповедь незазорно до пришествия Господня (см.: 6, 13—16). Эти уроки даются святому Тимофею не в том, конечно, смысле, чтоб он имел в них нужду, но в том, чтоб дать ему руководство, как пасомых отклонять от любоимания и куда их вместо того направлять. Можно и так думать,

что в лице святого Тимофея уроки сии даются всем христианам, и наипаче пастырям и архипастырям.

ℵ) Прямое внушение (6, 11)

Глава 6, стих 11, 1-я половина. *Ты же, о человече Божий, сих бегай.*

Человече Божий. «Великое достоинство! Правда, все люди – Божии, но преимущественно праведные, – не по той причине только, что они создания Божии, но и по причине своей близости к Богу» (святой Златоуст). «Человек Божий – великая похвала. Так назван был и великий Илия, так названы и многие из Пророков, не потому, что иные – не Божии человеки (ибо все Божии твари), но сохранившие в себе (или восстановившие) первоначальные черты создания поистине называются человеками Божиими. Так все – рабы Божии, как твари; ибо и злочестивый Навуходоносор – Божий раб; но он раб по естеству, а Авраам, и Давид, и Павел, и подобные им – рабы по приверженности. Ибо сказано: *Авраама ради раба Моего* (ср.: Быт. 26, 24), и: *Давида ради раба Моего* (3 Цар. 11, 13), и: *Павел, раб Иисус Христов* (ср.: Рим. 1, 1)» (блаженный Феодорит).

Человек Божий страхом Божиим водится и всячески угождать Богу старается. Из числа таких особенно суть Божии человеки – те, которым

вверяются от Бога особые некоторые дела, которые не только к дому Божию принадлежат, свои суть Богу, но и поставляются правителями по дому. К таким принадлежал и святой Тимофей. Почему и назван Божиим человеком.

В этом наименовании сокрыто уже побуждение к: *сих бегай*, — к беганию любоимания и соединенных с ним неправостей и тревог. Поелику ты — Божий человек, то тебе совсем не пристало гоняться за стяжаниями. Имеешь Владыку, — богатого всем, и в Нем Отца многопопечительного. Если станешь гоняться за стяжаниями, то подвергнешь хуле Владыку своего и Отца. И некогда тебе этим заниматься. Есть у тебя дело, которое должно поглощать все твое внимание и наполнять все твое время. «Если ты — человек Божий, то не ищи излишнего и не ведущего к Богу, а напротив, бегай сего» (святой Златоуст). «Если ты человек Божий, то не ищи того, что отвращает от Бога (и дела Божия), но — что? Бегай сего» (блаженный Феодорит). «Бегать любостяжания внушает и заповедует человеку Божию, чтоб и здесь быть ему безопасну, и в будущем получить богатое воздаяние. Ибо не несправедливо увенчать презирающего то, к чему очень многие льнут и влекутся» (Амвросиаст). Так тебе, человек Божий, неуместно обременять себя любостяжанием, если б даже это было делом позволительным. Но когда знаешь, что оно

противно Богу, что Бог отвращается от него, как от идолослужения, то тебе следует не тихо отступать, а бежать от него. Говоря об инакоучителях, написал: *отступай* (6, 5). Помянув *о бабиих баснях*, приложил: *отрицайся* (4, 7). От любостяжания же и сребролюбия, говорит, *бегай*, как от огня, как от верной пагубы.

ב) Указание заботиться
о стяжании добродетели (6, 11—12)

Глава 6, стих 11, 2-я половина. *Гони же правду, благочестие, веру, любовь, терпение, кротость.*

Бегай, — не в пустоту направляясь, но устремляясь на противоположное тому, от чего бежишь: *гони же правду* — и прочее. Там: *бегай*, — здесь: *гони*. «То и другое делай с напряженным усердием» (святой Златоуст). «Не сказал: отступи и приступи, но: *бегай* — и: *гони*» (блаженный Феофилакт).

Гони, говорит, и указывает разные добродетели, как цель гнания. Поелику это *гони* противоположно *бегай*, — а бегать заповедует любостяжания: то все сии добродетели надобно здесь понимать — поколику они противоположны любостяжанию, или поколику нестяжательность дает их проявлению и упражнению пространное поприще, или поколику стяжание их ведет к нестяжательности и утверждает в ней. «Повелевает Апостол человеку Божию бегать любостяжания и *тещи* вслед правды, благочестия и прочего, о

чем поминает, потому что его нельзя избежать, не прилепившись к тому, что ему противоположно» (Амвросиаст).

Гони правду. Будь алчущ и жаждущ правды, как и Спаситель заповедал (см.: Мф. 5, 6). Строго соблюдай законы справедливости во всем,— в помышлениях о других, в отношениях к ним словом, в сделках с ними и в столкновениях — и тем паче в судах. Всякому воздавай свое. На милость нет закона; а правда свою определенную имеет меру, отступление от которой, и небольшое, вводит в неправду. Соблюсти тебе такой образ действования нельзя при любостяжании. Оно на всяком шагу будет вязать тебе руки и путать ноги. При нем весы твоей правды не могут стоять право, а все будут клониться на кривду. Только нестяжательность даст тебе полную свободу действия; только при ней цвести может правда твоя и дела твои беспрепятственно будут *тещи* путем ее. «Правду внушает,— чтоб никого не олихоимствовать, как делают хотящие богатитися» (блаженный Феофилакт).

Благочестие — гони. Благочестие — настроение сердца в отношении к Богу в духе веры. Поелику оно направление свое получает от веры, то в нем заключается и «догматов содержание» (святой Златоуст, Экумений, блаженный Феофилакт). Но само по себе оно собственно слагается из чувств и расположений к Богу, возникающих

и зреющих под влиянием искренней сердечной веры. Такое настроение у нестяжательного естественно, а у любостяжательного ему быть нельзя, как нельзя птице летать с оледеневшими крыльями. У нестяжательного сердце отрешено от вещественного и тварного и дух свободен. Как он по природе своей ищет жить в Боге, то, получив свободу, к Богу устремляется, и Им жить начинает, и, с сей высоты приникая к сердцу, преисполняет его благоговейными чувствами к Богу, в многообразных оттенках, зависящих то от воззрений к Богу в разных отношениях (существо Божие, свойства, действия), то от разных своих ему состояний. Совокупность всех их и есть благочестие, которого и признаком служит не иное что, как присутствие и движение тех чувств. Любостяжание, напротив, отягчает сердце *печальми житейскими* (Лк. 21, 34) и обременяет ум многопопечительностию (см.: Прем. 9, 15). Внимание к требованиям духа отходит, и он глохнет. Вместе с ним заглушаются и все чувства к Богу, и благочестие остается только в видимых проявлениях его заведенными к тому порядками в Церкви. Весь строй внутренний тогда у человека бывает земен: грудью пресмыкается он по земле и питается землею.

Гони *веру*. Вера здесь – не исповедание догматов, а уверенность в Боге, коею исполненный верует, что Бог не оставит раба Своего, вседушно

Ему работающего. Почему и не томит себя заботою об утрешнем, как и Спаситель повелел (см.: Мф. 6, 25—34). Приступающий работать Богу как следует жизнь свою отдает в руки Божии и уже не возвращается к заботе о себе. Он не лежит праздно; но заботы не имеет, а покоится в Боге, доволен бывая, что подает Бог, — и куском хлеба, и даже ничем. Забота о себе есть болезнь неверующего сердца. Она раскрывается из чувства необходимых потребностей, неруководимого верою. Начинается с малого, но не стоит на одном, а растет и быстро вырастает в многозаботливость. Как растет забота, так вместе же растет и любоимание. Когда простая забота станет многозаботливостию, тогда в основе ее есть уже и любостяжание полное. По мере многозаботливости и любостяжания гаснет вера. В последних степенях их и следа ее уже не остается. Вера не отнимает труда и снискания потребного, но освящает их и руководит, содержа сердце свободным от пристрастия и привязанности к снисканию и снискиваемому и вместе с тем прогоняя леность и праздность. При этом настроении пусть и богатство потечет, вера не даст сердцу приложиться к нему. Она сохранит сердце богатого в чувствах приставника Божия, Божия прикащика. В этом духе ниже дается и заповедь богатым (см.: 6, 17—19).

Гони *любовь*. Любовь *не ищет своих си* (1 Кор. 13, 5); почему не станет перетягивать на свою сторону того, что должно принадлежать другому, и на просьбу нуждающегося не скажет: себе нужно. Ее природа совершенно противоположна любоиманию и любостяжанию: ибо она не любит собирать и удерживать для себя, а расточать и раздавать. Почему, любовь ли стяжешь, погасишь любостяжание или, любостяжание прогонишь, проложишь дорогу любви. Стань помогать другим из своего и благотворить,— расслабишь узы любоимания и восприимешь зачатки любви. Продолжай богатиться добрыми делами (см. ниже: 6, 18),— узы любоимания совсем спадут и воцарится любовь. Как, напротив, станешь скупиться,— туже стянешь себя узами любоимания и восприимешь ожестение сердца. Продолжи такую жизнь,— сердце ко всем окаменеет, а узы те и самого тебя душить станут, доведши тебя до того, что тебе жаль будет и на себя что-либо истратить. А откуда зависть, вражда, подыскивания, суды, смертельная ненависть, убийства и всякие нестроения? Все наипаче от любоимания. Где любовь, там всему этому нет места. Растапливая узы любоимания, она и все худые последствия отстраняет.

Гони *терпение*. Не ищущий многого естественно довольствуется малым; а это требует терпения. Почему положивший быть нестяжательным

должен запастись терпением, положив его в основу своей доброй решимости. Отчего ищут многого? От саможаления, от того, что жаль себе отказать; а себе жаль отказать, потому что отказ скорбь причиняет; скорбь же при отказе бывает от неуменья, неготовности и нехотения терпеть. Положивший не гоняться за многим наперед просмотрел уже все сии скорбности, лишения, тяготы, — и имеющие возникать по поводу их припадки саможаления, — и все решился терпеть. Оттого никакие случайности скорбные, зависящие от неимения многого, не смущают его, но благодушно и легко переносимы бывают. Почему и сказал Апостол: гони терпение, в той мысли, что если догонишь его и овладеешь им, то подсечешь все зародыши саможаления, а с этим отвратишь всякое возбуждение позывов к многоимению. — Но требование нестяжательности не есть требование ничего-неимения, а только непристрастия к имению и способам стяжания его. И многое имеющий может быть нестяжательным. Но такому для удержания в себе нестяжательности и для действования в духе ее еще более потребно терпение. И тут руку помощи самую сильную подает ему любовь, которая *вся терпит* (1 Кор. 13, 7).

Гони *кротость.* Кротость противоположна гневу, серчанию и всяким чувствам неудовольствия на других за что бы то ни было. Это

чувство возникает от всего, что каким-нибудь образом тревожит наше самолюбие; но самое широкое поле для расплоожения сего зелия представляет любоимание. Не тронь, это мое. Таков закон любостяжания. Тронет кто,— и пошли неудовольствия, серчание, гнев, вражда, ненависть. Кто же непристрастен к стяжаниям, тот свободен от всех таких тревог, хотя проходит те же случайности житейские, которые крайне возмущают других. Видимо посему, что с нестяжательностию естественно сочетана кротость. Почему в словах: гони *кротость* — надо видеть вместе урок: будь нестяжателен, потому что иначе нельзя тебе быть кротким. Но кротость может иметь и другие источники — любовь, преданность в волю Божию и подобное.— Вошедши же в сердце, она вместе с своими родителями подсекает и любостяжание. Почему в кротости можно видеть и средство против сей страсти. Гони кротость, и она, водворившись в сердце, поможет тебе невозмутимо блюсти нестяжательность.

Стих 12. *Подвизайся добрым подвигом веры, емлися за вечную жизнь, в нюже и зван был еси, и исповедал еси доброе исповедание пред многими свидетели.*

Урок продолжается. Потому и эти слова надлежит рассматривать в том же направлении, как и предыдущие, то есть в их отношении к нестяжательности или любостяжанию.— *Подвизайся*

добрым подвигом веры. Подвиг предполагает не только усиленный труд, но и борьбу для преодоления препятствий внутренних и внешних, когда требуется не с делом только каким сладить, но при этом себя одолеть и все, что в себе восстает против него, и против других устоять, и над течением обстоятельств взять верх. В отношении к вере подвиг есть уверование, потому что надо и свой ум и волю подклонить под иго веры, и от прежней веры отстать, и с прежними единоверцами разойтись; еще больший подвиг есть и свое внутреннее, и свое внешнее наладить по духу веры, что всегда требует немалой перестройки порядков установившейся жизни своей; затем подвиг есть стоять твердо и в веровании, и в жизни по вере, — каковый подвиг наипаче труден и высок во время гонения и нападков на веру и верующих. Всё это общие всем верующим подвиги; но есть и особые, на некоторых только лицах лежащие подвиги веры, именно распространение веры и руководство других в деле веры, — подвиг Апостольский и пастырский. Какой в настоящем месте разуметь подвиг веры? Все, исключая подвига уверования; но особенно последний — Апостольский и пастырский. Святой Тимофей давно уже уверовал и познал веру во всей широте; об этом и поминать нечего. Но подвиг хранения веры и жизни в духе веры, подвиг перенесения искушений по причине веры, у пасты-

ря же подвиг научения и руководства пасомых никогда не прекращается. Их все и можно разуметь в настоящем месте, как и делают наши толковники. Святой Златоуст говорит при сем о подвиге хранения веры и жизни в духе ее. «Требуется не только исповедание (принятие веры, уверование), но и стояние в нем, дабы постоянно пребывать в принятом исповедании; а для сего по всей справедливости нужны великие подвиги и немалые труды, чтоб не уклониться с правого пути; потому что много предстоит соблазнов, много препятствий. Вследствие сего тесен и прискорбен путь сей. Поэтому надо отовсюду оградить себя, надо со всех сторон надлежащим образом вооружить себя. Отовсюду появляются бесчисленные приманки, которые привлекают к себе душевные очи, именно — утехи, деньги, прельщение, леность, слава, гордость, власть, любоначалие, — и появляются со светлым и приятным лицом, способным привлечь к себе тех, которые подчиняются их влиянию и не очень любят истину, ибо она жестка и не содержит в себе ничего приятного. Почему? Потому что она всевозможные утешения обещает только в будущем, между тем как эти предметы уже теперь обещают почести, удовольствия, покой, конечно, не истинный, но имеющий только наружный его вид. Вследствие сего всякий сластолюбивый, изнеженный и слабодушный прилепляется к ним,

бежа от трудов, сопряженных с добродетелию». — Экумений пишет о претерпении искушений за веру: «подвиг веры есть и все сказанное (в стихе 11: правда, благочестие и прочее), и мужество в искушениях за веру». Блаженный Феофилакт поминает и о трудах пастырства: «*подвизайся*, говорит, *добрым подвигом веры*, — то есть стой за веру твердо и непоколебимо и ревнуй о ней и силою слова, и чистотою жизни».

Как такого рода подвиги служат противоядием любостяжанию и крепкою основою нестяжательности, очевидно само собою. Дух жизни по вере есть от всего отрешенный и, следовательно, нелюбоимательный; искушения за веру, подобно огню, переплавлением очищающему металлы от сторонних примесей, выжигают всякие пристрастия к земному; пастырские же заботы, кроме сего, и времени не оставляют заняться стяжаниями. Почему Апостол и написал о подвигах: *подвизаяйся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25) и: *никтоже воин бывая обязуется куплями житейскими* (ср.: 2 Тим. 2, 4).

Емлися за вечную жизнь. Это прямо отрицает любостяжание. Взяться за вечную жизнь значит всею душою и всем сердцем взыскать ее. Взыскивать при сем стяжания уже нечем: и мысли, и желания — все переселены в область вечной жизни; для стяжания чего-либо временного не остается уже сил. И Спаситель сказал, что нельзя

Богу работать и мамоне. Работы сии взаимно себя исключают. Почему возьмись за вечную жизнь, — и погасишь любостяжание, восприяв вместо него нестяжательность. К тому же, взявшись за вечную жизнь, надо уж и дела направить исключительно к стяжанию ее, — а они все держатся на самоотвержении и любви — деятельных, — кои обе суть для любостяжания *огнь поядающий*.

В нюже и зван был еси. Обетование жизни вечной входило в предметы первого оглашения приходящих к вере. Проповедники с одной стороны представляли уму: *открывается гнев Божий с небеси* (ср.: Рим. 1, 18), — с другой: *живот вечный возвещаем вам* (ср.: 1 Ин. 1, 2). Оттуда страх, отсюда сладкая надежда и влекли к вере, предлагая в ней средство зараз и от гнева избавиться, и вечного блаженства сделаться наследниками. И во все времена эти два побуждения привлекали и привлекают к вере, держали и держат в ней не холодными, а воодушевленными любителями ее. Апостол напоминает святому Тимофею: помнишь, что привлекло тебя к вере? Сладкая надежда вечных благ. Они и обещаны были тебе от лица Божия, так что ты прямо в жизнь вечную и зван, и, окрестившись, записан в наследники сей жизни, — в наследники Божии, сонаследники же Христовы (ср.: Рим. 8, 17). Так тебе, таковому сущу, не пристало любостяжатель-

ничать: ибо это значило бы золото и камение драгоценное променять на сор и плевелы. — Это и всем можно напоминать. Ибо «всякий приступающий ко крещению в жизнь вечную зовется» (Экумений).

И исповедал еси доброе исповедание пред многими свидетели. — *Исповедание* — разумеется веры, которое *добро* есть, когда совершается небоязненно, с дерзновением, без всяких колебаний, с полною уверенностию в истине. Про какое поминается исповедание? Исповедание бывает при крещении; провозглашается исповедание пред мучителями; дается оно и пред рукоположением. Какое здесь? Меньше всего последнее. Уместно первое; на него наводит предыдущее: *зван был еси* — и то обстоятельство, что святой Тимофей рекомендован был апостолу Павлу от всех верующих на своей ему родине, как жаркий ревнитель веры (см.: Деян. 16, 2). И еще более уместно второе. Сопутствуя Апостолу, святой Тимофей всюду являл исповедание веры; так что свидетельницею его исповедания была вся вселенная. Святой Златоуст говорит: «Апостол хвалит здесь дерзновение и мужество святого Тимофея; ты, говорит, на всех местах являл свое доброе исповедание». Блаженный Феофилакт пишет: «хвалит его дерзновение и мужество, как исповедавшего Христа среди опасностей. Или говорит об исповедании, бывающем при крещении, когда мы

исповедуем, что отрицаемся от сатаны и сочетаваемся Христу».

Что есть такое исповедание для любостяжания и нестяжательности? То же, что и добрый подвиг веры. К тому же исповедающий Христа пред лицом смерти, внутреннейше и существенно от всего отрешается; но вместе с тем преисполняется неописанно ублажающими чувствами от действенного при сем общения с Господом, Который близ есть. Память о сем потом не отходит; намеренное же воспоминание о том восстановляет всякий раз в силе и полное отрешение, и всеблаженное вкушение Господа. Таковому где взять вкуса для тленных стяжаний?!

ג) Заклинание именем Божиим (6, 13—16)

Глава 6, стихи 13—14, 1-я половина. ***Завещаваю ти пред Богом, оживляющим всяческая, и Христом Иисусом свидетельствовавшим при Понтийстем Пилате доброе исповедание: соблюсти тебе заповедь.***

Дается завещание пред лицем Бога вездесущего и всеоживляющего. Это равносильно заклинанию именем Бога, которое вяжет совесть и обязывает к точному исполнению завещаваемого. В настоящем месте оно усиливается еще напоминанием о втором пришествии Христовом и об особенно впечатлительных свойствах Божиих — вседержительстве, неприступности и невидимости всевидящей. Святому Тимофею едва ли нужно

было такое напряженное внушение. Делается оно в показание важности предмета — нестяжательности пастырей, причем в лице святого Тимофея Апостольский дух обнимал всех пастырей до скончания века и в среде их очень многих, которым крайне необходимо такое внушение. Амвросиаст пишет: «с большою внушительностию и прозрением в далекое дает Апостол наставления пастырю Церкви; ибо в его лице — спасение всей паствы. Не о святом Тимофее беспокоясь, он так сильно выражается, но о преемниках его, чтоб они, примером святого Тимофея руководясь, верно соблюдали, к чему обязывало их рукоположение, в себе самих передавая пример сей и последующим за ними преемникам».

Завещаваю ти пред Богом. «Опять призывает во свидетели Бога, подобно тому, как незадолго пред этим делал сие (см.: 5, 21), — в одно время и умножая страх, и соделывая ученика своего непоколебимым, и открывая, что это не человеческие распоряжения, дабы святой Тимофей, приемля заповедь сию как бы от Самого Господа и дабы всегда имея в мысли свидетеля, от которого он слышал ее, воспоминанием об этом приводил в сотрясение душу свою» (святой Златоуст).

Пред Богом, оживляющим всяческая. Мысль о Боге вездесущем, всесодержащем, всему дающем бытие и жизнь, самое сильное дает возбуждение нравственной энергии; ибо оживляет чувство

всесторонней зависимости от Бога, на коем утверждается и коим живится страх Божий — источник деятельной премудрости. Если предметом завещания признаем нестяжательность, то можем положить, что напоминание о Боге всеоживляющем дается с тем, чтоб восставить убеждение, что *не о хлебе едином жив бывает человек* (ср.: Мф. 4, 4), и тем отнять самую крепкую опору и заботы о стяжаниях; ибо она поддерживается наипаче опасениями за жизнь при ничего-неимении. «Апостол говорит здесь, как бы так выражаясь: не бойся смерти, ибо ты раб Бога, Который может все оживотворить» (святой Златоуст). Если предметом завещания признаем вообще веру Христову и ревность о ее распространении и поддержании, то напоминание о Боге всеоживляющем дано «как ободрение в опасностях, сопряженных с тем: ибо если Бог все животворит, то чего нам бояться подвигов за веру?» (Экумений). Может быть, имелось в виду навесть мысль и на будущее воскресение (см.: святой Златоуст, блаженный Феофилакт) и напомнить слово Господа: *веруяй в Мя аще и умрет, оживет* (ср.: Ин. 11, 25). Не неуместно сие допустить как предначатие последующей речи, где говорится о втором пришествии Господнем.

И (пред) Христом Иисусом свидетельствовавшим при Понтийстем Пилате доброе исповедание. Это второе напоминание к возбуждению и

укреплению нравственной энергии. Христиане живут и дышат Христом Господом. Почему напоминание о Господе Спасителе всегда вызывает помышление самое возбудительное и оживительное. С этою целию оно и здесь сделано. «Еще и от примера Учителя берет он руководительное наставление. Сказанное им имеет такой смысл: как Он делал, так, говорит, и вы должны делать. Ибо Он для того свидетельствовал (доброе исповедание), чтобы мы по следам Его шли в (сем) добром исповедании. То же самое внушает Апостол и в Послании к Евреям, говоря: *взирающе на начальника веры и совершителя Иисуса, Иже вместо предлежащия Ему радости, претерпе крест, о срамоте нерадив, одесную же престола Божия седе* (ср.: Евр. 12, 2); и опять: *помыслите убо таковое Пострадавшаго от грешник на Себе прекословие, да не стужаете душами своими* (ср.: Евр. 12, 3)» (святой Златоуст).

Но к чему возбуждает и что подражанию представляет здесь такое напоминание? Самое ли доброе исповедание, то есть содержание его, или непоколебимое мужество, с каким оно дано пред лицом смерти? — И то и другое. Предмет доброго исповедания Господня есть уверение, что Он есть Сын Божий воплотившийся, чтоб водворить среди людей истину. Святой Златоуст спрашивает: «что называет здесь Апостол добрым исповеданием Господа?» И отвечает: «то, что, буду-

чи вопрошен от Пилата: *убо царь ли еси Ты?* — Он отвечал: *Аз на сие родихся и на сие приидох в мир, да свидетельствую истину* (ср.: Ин. 18, 37). Или для сего так говорит, или для того, что, будучи вопрошен: Сын ли Он Божий? — сказал: *вы глаголете, яко Аз есмь* (Лк. 22, 70). Такое свидетельство дано и пред Пилатом, — только не словом, а неотвечанием на вопрос или молчанием и сказанными затем словами (см.: Ин. 19, 7—11)». Экумений прямо и разумеет здесь под исповеданием то, что Господь «засвидетельствовал, что Он есть Христос, Сын Божий». Но в этом существо нашей веры, совершающей спасение людей. Почему блаженный Феодорит пишет: «добрым исповеданием Господа назвал Апостол спасение вселенной. Ибо за спасение оной претерпел Господь страдание». Отсюда Амвросиаст наводит: «о страдании Христа Господа напоминает, чтоб страх навесть, внушая, что тот по справедливости должен и быть признан виновным в сем страдании, кто презирает то, для чего пострадал Христос». После сего намерения Апостола в напоминании и добром исповедании Христа Иисуса пред Пилатом можно выразить так: исповедуя Христа Иисуса Сыном Божиим, воплотившимся и пострадавшим нашего ради спасения, будь и сам готов все, даже смерть, претерпеть за веру в Него и за жизнь по Духу Его. Это то же, что пишет и святой Петр: *Христу убо пострадавшу за ны*

плотию, и вы в ту же мысль вооружитеся (1 Пет. 4, 1). Применяя это к предмету речи, видим здесь сильнейшее побуждение и к нестяжательности, и к небоязненному исповеданию веры словом и делом, и к доброму пастырствованию. Последнее видит здесь блаженный Феодорит, — пиша: «такое свидетельство (Христово) Апостол представляет ученику своему (в пример), чтоб и он с большим усердием настраивал своих учеников», небоязненно и неутомимо свидетельствуя пред ними и пред всеми, в чем истина о Христе Иисусе Господе нашем.

Стих 14. ***Соблюсти тебе заповедь нескверну и незазорну, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа.***

Какую заповедь? Сию, то есть заповедь о нестяжательности. Так заставляет разуметь течение речи. Можно такой смысл дать и слову блаженного Феодорита, который пишет: «*соблюсти тебе заповедь*, — то есть сие самое, о чем пишу». Пишется же — впереди предостереженье от любостяжания в заповеди: сего бегай, а гонись за всякою добродетелию, — а после даются уроки о спасительном употреблении богатства. Следовательно, совершенно уместно под заповедию разуметь здесь внушение — сохранить себя непричастным этой гибельной страсти любоимания.

Но все другие наши толковники под заповедию разумеют здесь веру и жизнь по вере. И

блаженный Феодорит в обязательстве соблюсти заповедь нескверною и незазорною видит урок: «к Божественному учению не примешивай чуждого», то есть блюди христианское учение чистым. Другие же к верованию чистому прилагают и жизнь непорочную. Святой Златоуст говорит: «*соблюсти тебе заповедь нескверну* — значит: чтоб ни за верования, ни за жизнь не навлекал ты ни малейшего укора». Экумений и Феофилакт: «чтоб ни в догматах, ни в жизни ты ничем не пятнал себя».

Принимая такую мысль, надо будет все сие завещание Апостола (см.: 6, 13—16) признать заключительным словом Послания; последующую же за сим речь Апостола — припискою, с отношением, однако ж, ее к предыдущему слову против любостяжания. Кончив завещание с молитвенным обращением к Богу, Апостол припомнил, что относительно стяжаний не все сказано, — и именно, что не стяжания виноваты в пагубности их, а недолжное их употребление, и прибавил, как должно употреблять богатство не на вред спасению, а в пособствование к нему. Сказав же это, повторяет будто завещание, говоря вместо: соблюди заповедь — *предание сохрани* (стих 20), которое слово можно признать и истолкованием предыдущего: *соблюсти заповедь*.

Заповедь нескверну и незазорну. Заповедь всегда чиста, нескверна и незазорна, сколько ее ни

нарушай кто. Но кто нарушает ее, тот себя сквернит тем, что противоположно заповеди, и делается чрез то зазорным.

Даже до явления Господа. Не то значит, чтоб предсказывалось святому Тимофею продолжение жизни до пришествия Господа, а выражается лишь: навсегда, до скончания жизни своей; ибо для каждого переход из сей жизни в другую есть момент предстания Господу и, следовательно, явления ему Господа, ἐπιφάνεια. Святой Златоуст говорит: «*до явления Господа*,— то есть до твоей кончины, до исхода твоего. Не сказал он так (буквально), но сказал: *даже до явления Господа*, чтобы больше ободрить его»,— чтоб «больше оживить и возбудить его ревность напоминанием о явлении Господа, напоминая и о страшной оной славе» (Экумений, блаженный Феофилакт),— и той, которая имеет сопровождать являющегося на суд Господа, и той, которая, по суде, сделается наследием верующих, блаженной жизни удостоенных.— Или в таком же смысле сказал так Апостол, в каком Господь сказал Апостолам: *се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (ср.: Мф. 28, 20). В лице Апостолов Господь видел всех верующих и их ублажил таким обетованием. И здесь Апостол в лице святого Тимофея видел всех архипастырей и пастырей и в закон им поставил друг-друго-приимательно блюсти заповедь сию (веру ли Христову разуметь здесь

или только нестяжательность) до явления Господа, до второго Его пришествия, всеобщего воскресения, суда и окончательного решения участи всех, внушая им сие предостережение: *бдите, яко не весте, в кий час Господь ваш приидет* (ср.: Мф. 24, 42).

Стих 15. ***Еже во своя времена явит блаженный и един сильный, Царь царствующих и Господь господствующих.***

Помянув о явлении Господа и тем приведши на память и прочее, соприкосновенное с ним, — воскресение, суд, вечное блаженство и вечные муки, — для возбуждения бодренности и бдительности в соблюдении заповеданного, — Апостол, для той же цели, живописует теперь свойства Бога, имеющего произвести все сие, углубляя вместе с тем убеждение, что так точно будет. Для чего это делает Апостол, святой Златоуст объясняет так: «хорошо сделал Апостол, предложив такое богословие. Это и нужно было. Ибо так как он призвал Бога во свидетели, то говорит много о сем свидетеле, чтобы глубже напечатлеть помышление о Нем» — и тем усилить бдительность и ревность. А блаженный Феодорит пишет, что Апостол изображением того, «что свойственно и принадлежит Богу, имел намерение подтвердить учение о воскресении, суде и воздаянии», — оживить и усилить убеждение в том с тою же целию, — то есть чтоб оживить ревность; ибо ничто

столько не сильно поддерживать нравственную энергию, как память о последних.

Явление Господа явит Бог, — Бог Триипостасный. Явится Сын воплотившийся, по воле и благоволению Отца в общении с Духом Святым, как было и первое явление для устроения спасения. *Во своя времена* — в то время, которое держится в тайне Божества и Ему Единому ведомо, — «то есть во время приличное, должное» (святой Златоуст), — «предопределенное» (Экумений, блаженный Феофилакт). Сказал сие Апостол, чтоб пресечь столь свойственное немощи человеческой покушение определять момент явления Господа и вместо того настроить — ожидать Его каждую минуту. Явится Господь несомненно и решит участь твою навсегда. Что тебе нужды знать, ныне или завтра явится? Будь готов, — вот что нужно!

За сим живописуются наиболее впечатлительные свойства Божества. На первом месте поставляется блаженство Божие. Блажен Бог Сам в Себе и достоин ублажения от всех различных тварей, то есть вседоволен, всесовершен, полнота всего, почему и всехвальный. «Он есть самоблаженство» (святой Златоуст). Если Он всеблаженство, то ничего более не желает, как того, чтобы всех ублажить, всех сделать блаженными. Страшно явление Господа, ибо сопровождаться будет страшным судом; но оно и безмерно обра-

довательно, ибо положит начало всеблаженной жизни, «где не будет уже ни печали, ни воздыхания» (святой Златоуст). Только будь готов, — «не смотри на кажущиеся ублажительными здешние блага, но к Тому Единому прилепи взор, Который есть самоблаженство» (блаженный Феофилакт), «от лица Которого бежит всякая скорбь и печаль» (Экумений), так что ты еще здесь начнешь вкушать блаженство, которое во всей силе откроется лишь по явлении Господа.

И един сильный, δυνάστης, — один Властитель. Все в Его деснице. Следовательно, Он не только хочет, но и силен всех ублажить. Если взять во внимание все напоминаемое явлением Господа, будет: силен всех воскресить, собрать во едино, произвести суд, разделить одесную и ошуюю, и одних ублажить, а других предать вечным мукам, — и все сие запечатлеть на вечные веки неизменным решением и определением Своим. Ибо воле Его кто противиться может? Есть и между тварями такие, которые являются облеченными царственною и господственною силою, но и они все в Его власти. Ибо Он один есть *Царь царствующих и Господь господствующих*. Так благонадежен будь, что всякое обетование Божие исполнено будет неотложно. Как обетований никто не вынуждал, а они суть дело свободного Божия благоволения, так и исполнению их никто помешать не может; и определение Божие

о них измениться не изменится, ибо Бог неизменен. Так будь благонадежен; но вместе и страшись. Ибо если всё во власти Его, то тебе некуда ускользнуть и укрыться от Него, если по несчастию прогневаешь Его и заслужишь осуждение. Обрати же всю ревность свою на то, чтоб делать одно благоугодное пред Ним и в конце явиться благоприятным Ему. «Земных же каких-либо властителей и царей не бойся» (блаженный Феофилакт), если станут с угрозами отклонять тебя от угодного Богу.

Стих 16. *Един имеяй бессмертие, и во свете живый неприступнем, Егоже никтоже видел есть от человек, ниже видети может: Емуже честь и держава вечная. Аминь.*

«*Бессмертием* называет непрестаемость» (блаженный Феодорит) – или, полнее, – то, что Он есть Сый, присносущий, источник жизни имеющий в Себе, ничего отынуды не заимствуя и никогда ничем не истощаясь. От Него и все прочее имеет бытие и жизнь. Он есть *даяй всем живот и дыхание и вся* (ср.: Деян. 17, 25). Экумений задает при этом вопрос: «как говорит он о Боге, что Он один имеет бессмертие, когда и Ангелы, и души, и демоны имеют бессмертие?» И отвечает: «эти не имеют бессмертия сами по себе, но причастны суть бессмертия по благодати Того, Кто один есть бессмертен по естеству. Ибо сие, – быть бессмертными, – от Бога им дано. Бог есть,

из Коего мы причащаемся, как всего другого, наилучшим представляемого, так и бессмертия». Помянул же о сем свойстве Апостол, по блаженному Феодориту, для того, чтоб, вместе с указанием на всемогущество, углубить убеждение, что Таковый силен совершить как явление Господа, так и все соприкосновенное с ним. Но если возведем при сем мысль к общему содержанию речи Апостола,— к нестяжательности; то можем сказать, что он помянул о сем свойстве, чтоб внушить: вот к Кому прилепляйся или Кого стяжать поревнуй, оставляя позади все тленное.

Во свете живый неприступнем. «Неприступен сей свет, потому что, по причине безмерного его блистания, никто приступить к нему не может» (блаженный Феофилакт),— приступить и взглянуть; ибо от силы света зрение омрачается. Не на вещественный свет сим указывается,— хотя возможно представлять, что Бог где-либо во вселенной, являя тварям в возможном для нее величии Свое Божеское присутствие, являет его в безмерном блистании света,— но это есть образное выражение непостижимости Божеского естества: «по невозможности исследовать самое естество Божие, указал на неприступный свет окрест сего естества» (блаженный Феодорит). Святой пророк Давид то же самое выражает словом: *тма*: *положи тму за кров Свой* (ср.: Пс. 17, 12). Святой Златоуст говорит: «иной ли свет Он Сам, и

иной тот, в котором Он живет? («но сие неприложимо к Богу; естество Его неописуемо, а если Он живет во свете, то описуется светом» [блаженный Феодорит]). Неужели и местом Он определяется? Нисколько. Не с тою целию, чтобы мы думали сие, но чтобы показать нам непостижимость Божеского естества, сказал Апостол, что Бог живет во свете неприступном,— настолько изъясняя учение о Боге, насколько это было для него возможно. Видишь ли, до какой степени бывает немощен язык наш, когда хочет провещать что-либо великое?» «Апостол, сколько возможно, песнословит Бога и простирает взор, сколько он может достигать» (блаженный Феодорит).

«Если окрест Его свет неприступный, то как возможно увидеть Его? Почему присовокупил: *Егоже никтоже видел есть от человек, ниже видети может*» (блаженный Феодорит). Не человеки только, но и все чины Ангельские,— и Архангелы, и Престолы, и Херувимы, и Серафимы,— не видят Божеского естества. Видят и они явление только Божеского величия, сколько снести могут, но не естество, которое сокровенно есть. Везде есть Бог естеством и везде сокровен. Когда Спаситель говорит, что Ангелы видят лице Отца Небесного, то лицом означает близкое и впечатлительное явление Ангелам Божеского присутствия, сколько вместимо для них,— и ум-

ное неотрываемое созерцание Ангелами Божества, сколько достижимо сие для них. Естество же Его ни для кого не зримо. *Бога никтоже виде нигдеже* (Ин. 1, 18). Для всех тварей *положил Он тму за кров Свой*. Святой Златоуст прилагает: «и Сына никто не видел и видеть не может». — «То есть, по Божеству, — поясняет блаженный Феофилакт, — Он виден был (и есть) только по человечеству». «И Духа Святаго Божество никто не видел, — как Отчего и Сыновнего», — дополняет Экумений. У Апостола речь о свойствах Божеского естества, или Бога Триипостасного, Единого Нераздельного.

Емуже честь и держава вечная — да будет от нас воздаваема и написуема. «Честь Его всегда, держава Его всегда пребывает» (святой Златоуст). Наш долг — благоговейно чествовать Его и песнословить, предаваясь вместе с тем всецело Его вседержительству, — непостижимому, но всегда благодетельному. «Слава Ему! мы можем это только говорить, это только делать, не испытуя, что Он есть в Себе» (святой Златоуст). «Безукоризненно мы можем это только делать, — то есть славить Его, а не любопытно исследовать Его» (блаженный Феофилакт). Можно и то подумать, что Апостол сими словами переводит внимание от мрака, покрывающего естество Божие, во мрак, скрывающий пути Божественного промышления. Он как бы говорит: не смущайся,

что не все чтут Бога Триипостасного, и еще более Сына Божия воплотившегося. Это не умаляет ни Божеской чести, ни славы воплощенного домостроительства. Там и здесь честь Божия пребывает неизменною. Не смущайся также, если во вселенских явлениях и в течении дел и положений человеческих иные не видят Божия вседержительства, а может быть, и для тебя самого не ясно виден перст Божий, все движущий и всем правящий. Держава Божия не пресекается. Верь и упокоевайся в Боге, не распложая нерешимых вопросов, для чего то, от чего это. «Положим, что что-либо в настоящее время не исполняется, — держава Его вечная тем не менее пребывает» (святой Златоуст).

γ) Чему же собственно учить богатых? (6, 17—19)

Коротко о сем слово Апостола, но полно. Учи, — говорит, — чтоб богатые: αα) не высокомудрствовали (см.: 6, 17), чтоб: ββ) не уповали на богатство, а на Бога (см.: 6, 17) и чтоб: γγ) богатились добрыми делами, сокровиществуя чрез то себе основание добро в будущее (см.: 6, 18—19).

αα) Чтоб богатые не высокомудрствовали (6, 17)

Глава 6, стих 17, 1-я половина. *Богатым в нынешнем веце запрещай не высокомудрствовати.*

Запрещай, παράγγελλε, — сказывай, приказывай, повелевай, — то есть не одно убеждение употребляй, но и власть. Потому что ничто так не

противно духу Христову, как те недобрые расположения, какие внедряет богатство при неразумном к нему отношении. А по Апостолу, в сонме христиан все должны быть святы и полны духа Христова. Не имеющий сего изгонялся вон. Чтоб этого не было необходимости делать и над богатыми, как делалось над блудниками, Апостол велит предупреждать сие, заповедуя богатым не допускать того худа в сердце, которое порождается богатством у не внимающих себе.

Запрещай не высокомудрствовати. «Это заповедует он, зная, что ничто так не возбуждает надменности, гордости и высокомерия, как деньги» (святой Златоуст). Высокомудрие есть первое порождение неразумного отношения к богатству. Богатство Бог дает и, если Он не благоволит дать, не станешь богат, сколько ни усиливайся. Между тем то, как Бог подает, невидимо, свои же усилия видны, осязаемы и чувствительны. Упираясь вниманием на последнем — своем — и забывая прозревать под ним первое — Божие, иной и все уже себе приписывает, и естественно высоко о себе думать начинает. — Еще — богатство дает способы окружать себя довольством и пышною видимостию, в доме, одежде, содержании и во всем. Эта мишурная представительность, ничего существенного в себе не имеющая, набивает, однако ж, мысль, что как это внешнее все хорошо, так и обладающий им хорош сам в себе. Помыш-

ление сие переходит потом в чувство хорошества личного, или в самочувствие, от которого тотчас дается новый отпрыск высокого о себе мнения, а от этого и все проявления гордости. – К тому же ведет и честь, всеми невольно изъявляемая богатству. Ибо, когда другие чтут, как самому себя не почтить? Иной и начинает себя чтить, как высокодостойную какую особу, и на других свысока посматривать. Вот и высокомудрие. Таким образом, богатство очень скользкий путь, и само в себе представляет много препятствий к удержанию духа Христова, как и Спаситель определил: *не удобь богатый внидет в Царствие* (ср.: Мф. 19, 23). *Не удобь,* – а не: не может. – Апостол и руководит его к сему, – прочищает ему путь к Царствию. Первое – не высокомудрствуй. Богатство – не твое; оно – текуче, ныне есть, а завтра уже его нет; оно – вне тебя и не есть твое личное достоинство. Почему крайнее неразумие есть – высокомудрствовать из-за богатства, когда оно ничто. Как самому богатому трудно удерживать такие мудрые помышления, то долг пастыря есть чаще напоминать ему о сем. Труби, добрый пастырь, *богатым не высокомудрствовати.* Тем богатым, которые богаты в нынешнем веке, то есть благами тленными, только в настоящем веке имеющими место. Но, прибавив это слово, Апостол сделал намек на богатство, имеющее место и вне нынешнего века, ценное и за пределами его,

стяжеваемое, однако ж, в сем веке. Святой Златоуст говорит: «хорошо сказал Апостол: *в нынешнем веке*; ибо есть и иные богатые — в веке будущем». Блаженный Феодорит прибавляет: «ибо есть богатые будущего века, обладающие пребывающим и постоянным богатством». Это «праведные», — дополняют блаженный Феофилакт и Экумений. Как стяжать такое богатство и богатым, Апостол указывает немного ниже, именно: посредством тленного богатства, обращая его на благотворения.

ββ) Чтоб не уповали на богатство (6, 17)

Глава 6, стих 17, 2-я половина. ***Ниже уповати на богатство погибающее, но на Бога жива, дающаго нам вся обильно в наслаждение.***

Второе порождение неразумного отношения к богатству есть упование на него. Богатство силу дает богатому, и вообще среди людей, и пред властями, не по своему существу, а по той же немощи любоимания; и богатый, успев обделать одно-другое дело посредством богатства, начинает чувствовать, что богатство — сила, что с ним все можно обделывать и всего достигать; неоднократно повторенный успех располагает его опираться на богатство, а потом — и вполне возуповать на него. И стало богатство для него — бог. Вот и пагуба. Ибо таким отношением к богатству внутренний, естеством человеческим

требуемый и определяемый, строй извращается: становится во главу, чему следовало быть в ногах. По естеству человеку надлежит в Боге жить и, Ему предав себя, всецело на Него уповать; все же тварное иметь под собою, или около себя, то как совсем ненужное, то как средство побочное, подспорье. А у богатого это ненужное, ничтожное, подножное стало там, где подобает иметь Единого Бога.— И стал он похож на ходящего на голове вверх ногами.

Это внутренний вред от упования на богатство, мысль о котором подается словом: *уповати*. Но Апостол в отклонение от него представляет далее и более осязательное побуждение — неверность и непрочность богатства: *ниже уповати на богатство погибающее*, μηδὲ ἠλπικέναι ἐπὶ πλούτου ἀδηλότητι, — и не возлагать всецело упования своего на неверность богатства, или на неверное богатство. Ἠλπικέναι — возуповать, всем упованием опереться. Ἀδηλότης — безвестность, невидность, неясность. Ясно ли видно, что будет с богатством чрез день и даже час? Никому это неизвестно, никто наверное сказать сего не может. Но в таком случае есть ли смысл полагаться на него? Что оно непрочно и непостоянно, видишь кругом: «то приходит оно к одному, то переходит к другому» (блаженный Феодорит), а у двери гроба и всех оставляет. «Зачем же надеешься ты на вещь, которая непрочна? Зачем

уповаешь на то, на что нельзя возлагать упования?» (святой Златоуст). — Видишь, как он обличает уповающих на богатство, как бессмысленных? Ибо кто из смысленных станет уповать на неверное? (см.: Экумений). — Хорошо выразил мысль Апостола наш славянский перевод: *на богатство погибающее*. Оно уже гибнет, хоть кажется стоящим: вот-вот рушится. Так и чувствуй богатый, что ты будто по трясине идешь, или по хрупкому льду, или по слабой жерди над бездною. Того и гляди, что обрушишься и поглощен будешь. Богатство — крайне хрупкая опора, «неверная, легкорушимая, нестойкая» (блаженный Феофилакт). — Но у богатого богатство запорашивает глаза, и он не видит сего, — наводить его на узрение сего — дело пастыря. Толкуй, говорит, ему почаще, чтоб не уповал на богатство.

Но как человеку без упования жить нельзя, ибо глубоко лежит в нем чувство немощности своей, то Апостол и не оставляет богатого безопорным и беспомощным; но, изгнав упование на богатство гибнущее, велит перенести его туда, где его следует полагать, — *на Бога жива*. Душа естественно богоуповательна, и если страсти, особенно пристрастие к богатству, не расстроивают ее, то она всегда проявляет свое упование на Бога. Пробуждает, поддерживает и оживляет такое упование, внимание к тому, как течет жизнь наша. На опыты сии и наводит Апостол мысль,

чтоб убедить, что он ничего трудноверимого не предлагает, говоря: *на Бога жива* пусть уповают, — когда Он *дает нам вся обильно в наслаждение*. «Хорошо сказал: *вся обильно*, — указывая на небо, воду, воздух, свет, разные произрастения и все прочее. Видишь ли, как обильно и с какою щедростию доставляет Он нам все это?» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт, Экумений). От этого данного и полученного и о прочем разумевай. Святой Павел не раз обращался в своих речах к сим естественным щедротам Божиим, чтоб в слышащих оживлять веру в Бога и упование на Него. Так, убеждая листрян обращаться к Богу живу, он говорил, — что Бог *не несвидетельствована Себе остави, благотворя, с небесе нам дожди дая, и времена плодоносна, исполняя пищею и веселием сердца наша* (ср.: Деян. 14, 17). Так и афинянам он толковал, что Бог хотя невидим, но *всем дает живот и дыхание и вся*, — что *Он недалече от единаго коегождо нас есть* и Его нельзя *не осязать* в естественных щедротах, от Него изливающихся на нас. *О Нем бо живем, движемся и есмы* (ср.: Деян. 17, 27—28). Являясь в мир на житье временное, мы походим на странника, который заходит в дом богатого владельца, где находит кров, пищу, покой, услугу и все потребное и где, на случай особой какой нужды, его извещают: если еще что нужно, обращайся к владельцу; он все доставит. Видя такое о себе

попечение, какой странник, в здравом уме находясь, не расположится полное возыметь упование на такого владельца? Так и мы, входя в мир, находим уже наперед приготовленным для нас все потребное для жизни и обетование имеем от Самого Владыки мира, что Он все готов исполнить, чего ни попросим. Разумно ли после сего будет, если мы станем не на Сего Владыку, многомилостивого и всещедрого, уповать, а на другое что?

γγ) Чтоб богатились добрыми делами (6, 18—19)

Глава 6, стихи 18—19. ***Благое делати, богатитися в делех добрых, благоподатливым быти, общительным, сокровиществующе себе основание добро в будущее, да приимут вечную жизнь.***

Восставая так против неразумного отношения к богатству, Апостол, однако ж, не говорит, чтоб бросали богатство, а только внушает обращать его на доброе употребление, чтоб таким образом самому навыку много иметь и быть богатым дать другое, душеспасительное направление. Если ты привык, говорит, богатым быть и иметь сокровищницы свои наполненными, богатись, но добрыми делами, — сокровиществуй, но на небесах для будущего века. «Если хочешь богатиться, богатись в благотворении» (блаженный Феофилакт). «Если ты ищешь богатства, ищи того, которое остается твердым и неизменным, которое происхо-

дит от делания добрых дел» (святой Златоуст). То и другое совершишь ты, обратив богатство свое на благотворение ближним своим. Все сие внушать богатым — дело пастыря.

Внушай, говорит, *благое делати*, ἀγαθοεργεῖν, — благотворить. Пусть готов будет на всякое дело благое, и, как только представится случай, творит его. Как голодный о том только и думает, как бы достать что поесть, и, увидев съестное, неудержимо бросается на него, так и богатый пусть только и дум имеет, что о том, как бы кому и где добро сделать, и, как только надумает, пусть спешит на дело сие. Такой образ действования сделает то, что он будет непрестанно *богатитися в делех добрых*. Богатиться добрыми делами и благотворить — одно и то же означает, — увеличивать сумму благих дел, видимо являемых. Но как под этою видимостию благою могут укрываться неблагие расположения, то Апостол и добавляет: *благоподатливым быти, общительным*. «Первое относится к деньгам, а последнее к любви» (святой Златоуст). Пусть делают все сие от души, пусть не руки только и ноги благотворят, но паче и сердце. Благоподатлив — тот, кто охотно дает и в меру нужды нуждающегося. Сердце у него отрешено от богатства и не сжимается, когда он иждивает его, а рад бывает. Если он не все сразу и одному отдает, заставляет его так поступить не сжимание сердца, а благоразумие, благими целя-

ми руководимое. Сознавая себя Божиим приставником, всякому дает он свое житомерие, то есть, вникнув в нужду, удовлетворяет ей охотно, с радостию. У Апостола и стоит: εὐμεταδότους — благопередавательным быть, будто чужое передают, не цепляясь за передаваемое сердцем, чтоб удержать его. *Общительным*, κοινωνικούς, — то есть «разговорчивым, приветливым» (святой Златоуст). «Снисходительным, сердечноучастливым» (Экумений). Общительный не только все свое считает общим, но и всех вообще своими, не особится ни от кого, никого не чуждается, все ему как родные, со всеми радушен и приветлив и всем дает не вещи только и деньги, но и сердце, и об этом свидетельствуют и тон речи его, и взор очей, и мина, и всякое движение. За то и все считают его своим и обращаются к нему как к своему родному, с теплым доверием и уверенностию, что встретят сердечное участие.

Сокровиществующе себе основание добро в будущее. — Сокровиществующе, ἀποθησαυρίζοντας, — отлагая как в сокровищницу. Кто полагает что в сокровищницу, тот уверен бывает, что положенное будет цело и сохранно. Эту безопасность и прочность положенного имел в виду святой Павел, употребив сие слово. Благотворители сокровиществуют себе, прочно и благонадежно полагают доброе основание в будущее, εἰς τὸ μέλλον, — для будущего, для будущей своей участи. «Где

есть твердое основание, там ничего нет неустойчивого, но все твердо, неподвижно, несокрушимо, пребывающе» (святой Златоуст). «Поелику дела добродетели несомненно упрочивают будущее, то Апостол и помянул при сем об основании» (блаженный Феофилакт). «*Сокровиществующе основание* — то же, что прочное полагая основание» (Экумений).

Да приимут жизнь вечную. Вот что есть то будущее, которому прочное основание полагают добрые дела благотворения, — получение жизни вечной, блаженной. Делание добрых дел, в духе веры Христовой, обеспечивает наследие блаженства вечного. А в этом должна состоять последняя цель наших стремлений и трудов. «К тому всячески должно стремиться, чтобы положить прочное основание будущей блаженной жизни. Как же может сие состояться? Если и основание сие заложим благотворением здесь, в сей жизни. Ибо Апостол делание добрых дел назвал основанием будущей жизни, и оно сильно доставить нам наслаждение оною жизнию» (Экумений). «Истинная жизнь есть та, которую чаем в будущем веке, которая не знает запада* и не определяется временем, ибо вечна, почему справедливо и истинною называется. Настоящая жизнь есть только образ жизни, а не истина ее. Но по тому самому, что она есть образ истинной жизни, не есть

* *Запад* — здесь: закат, захождение, исход. — *Ред.*

совсем ничто (inanitas — призрак), а напротив, есть то, что дает возможность приобресть жизнь истинную. Сею, временною, стяжавается та, вечная, когда путем сей спешим в ту. Как же это бывает? Когда не привязываемся к здешним благам, а посредством их стараемся обогащаться добрыми делами. Сего ради поставим себе целию стать богатыми в добрых делах и посредством земных сокровищ стяжать себе сокровища духовные; будем сеять на земле, чтоб пожать на небе, где из сеемого на земле добра слагается вечное сокровище» (Амвросиаст).

ПОСЛЕСЛОВИЕ (6, 20—21)

Коротко; ничего стороннего не касается, только напоминает главнейшее — храни предание, уклоняясь от суесловий, опасных для веры,— и отечески преподает Апостольское благословение. В начале Послания это для всех поставлено главным делом.

Глава 6, стих 20. *О Тимофее, предание сохрани, уклоняяся скверных суесловий и прекословий лжеименнаго разума.*

Предание, παραθήκην, — то, что с доверием положено у кого-либо (παρά) для хранения. Как в настоящем месте идет речь о вере, то под сим словом: *предание* — разумеется все учение о вере, преданное святому Тимофею. Апостол заповедует ему: храни сие учение, как оно тебе предано. «Не уменьшай его: оно не твое; тебе вверено чужое: не убавляй его» (святой Златоуст). «Все, мною тебе заповеданное, храни, так как это Господние суть заповеди» (блаженный Феофилакт). «Храни же заповедь Божию, которую Бог вверил тебе чрез меня» (Экумений).— Это закон и для всех пастырей всех веков,— усвоив преданное, хранить его, как предано, чтоб и преемникам своим предать его таким же, без прибавления своих измышлений. Викентий Лиринский* пи-

---

* *Викентий Лиринский (Леринский) († до 450)* — христианский богослов.— *Ред.*

шет на сие место: «кто ныне *Тимофей*, если не вся вообще Церковь или, частнее, не все общество предстоятелей, которые и сами должны иметь, и другим должны сообщать неповрежденным ведение Божественной веры? Что значит: *предание сохрани*? Значит: сторожи, потому что есть воры, есть враги, чтобы между добрым семенем пшеницы, которое посеял на поле Своем Сын Человеческий, не посеяли они, когда спят люди, плевел (см.: Мф. 13, 37–39). *Предание*, говорит, *сохрани*. Что такое *предание*? То, что тебе вверено, а не то, что тобою изобретено, то, что ты принял, а не то, что ты измыслил, дело не ума, а учения, дело, к тебе переведенное, а не от тебя получившее начало, в коем ты не производитель (auctor), но страж, не учредитель, но последователь, не ведущий, но вслед идущий. *Предание*, говорит, *сохрани*, – то есть талант веры вселенской сбереги целым и непочатым. Что тебе вверено, то у тебя да пребудет, то да предано будет тобою (и другим после тебя). Золото получил ты, золото отдай. Не подкидывай мне одно вместо другого, вместо золота не подавай мне бесстыдно свинца или обманно меди; не хочу золота на вид, но золота по природе. *О Тимофее*! О священник! О беседовник! О учитель! Если милость Божия признала тебя годным к сему, по способности, трудам и учению; то будь Веселеилом* духовной

* См.: Исх. 31, 1–11. – *Ред.*

скинии, обделывай маргариты* Божественного учения, принаравляй их верно, украшай мудро, придавай им блеска, грации, привлекательности. Да будет, по твоему изложению, уразумеваемо яснее то, чему прежде веровали менее ясно. Пусть чрез тебя потомство поимеет радость и утешение, что ясно разумеет то, что прежде древность чтила, не разумея. Однако ж учи тому же, чему сам научен, чтоб, говоря ново, не учить новому».

Уклоняяся скверных суесловий и прекословий лжеименнаго разума. — *Разума*, γνώσεως — знания; знания, которое хвалится, что знает, тогда как не знает, почему ложно носит такое наименование, — лжеименно есть. Знание стало лжеименно, потому что разум пошел ложною дорогою и заблудился, полагая, однако ж, что идет верно, верно смотрит и верно видит; почему стал не тем, чем ему следует быть, стал неразумом и, именуясь разумом, ложно именуется так, — лжеименен есть. От чего это случилось с разумом? От того, что он не за свое дело берется. Житейские дела разуметь ему дано, а постигать Божеское не дано. Это он должен принять верою так, как откроет Бог. Бог открыл; приими то верою, стараясь только уразуметь сие открытое, как оно открыто. Когда разум и в откровении все берется разуметь по-своему, а не по тому, как открыто; то

* *Маргарита* — греческое: μαργαρίτης — жемчужина. — *Ред.*

обыкновенно путает и заблуждается, как и тогда, когда берется за постижение Божеского без откровения. Но между тем и в сем случае он свои постижения считает беспрекословными и усиленно прекословит не тем только, которые, подобно ему, по своему смышлению толкуют откровенное, но несогласно с ним, но наипаче тем, которые разумеют откровенное, как оно открыто. Прекословие составляет потому его неотъемлемую черту. Но прекословит он попусту, ибо как не стоит он в истине, то и прекословит не истиною, а ложью же и выходит у него все одно пусторечие, суесловие. Те же, которые содержат истину, как она открыта, не любят прекословить, а говорят только: так Бог открыл и мы так содержим; хочешь покориться Богу, послушай нас, не хочешь, Бог тебе судья. *Мы же таковаго обычая*, то есть спорить, *не имеем* (ср.: 1 Кор. 11, 16). Вот это и напоминает Апостол святому Тимофею: уклоняйся от этих суесловий и прекословий. Какие это суесловия и прекословия, он не различает; какие бы ни были, но, коль скоро они не согласны с тем, что явно Бог открыл нам, уклоняйся от них. Учи паству истине Божией, и истина сия сделает ее способною отражать всех суесловцев. Святой Златоуст говорит: «видишь ли, как опять он повелевает даже не сходиться с таковыми. *Уклоняяся*, говорит, *прекословий*. Следовательно, есть прекословия, на которые даже отвечать не должно.

Почему? Потому что они удаляют от веры; потому что не позволяют стоять твердо и непоколебимо. Поэтому мы не должны придерживаться сего, а веры, которая есть незыблемый камень. Ибо тогда ни реки, ни ветры, устремляясь на нас, не будут в состоянии причинить нам никакого вреда, потому что мы незыблемо утвердились на камне. Суесловия и прекословия назвал он произведениями лжеименного разума. И хорошо сказал он таким образом. Ибо где нет веры, там нет знания (Божественных вещей). Когда что порождается (в сем отношении) от собственных наших соображений, то это не есть знание».

Суесловий, κενοφωνίας, — пустословий. Если вместо ε поставить αι, то будет: новословий. Экумений и Феофилакт говорят, что святой Златоуст так и читал (верно, где-либо в другом месте, кроме Толкования), разумея под сим новизны в учении. В Вульгате и в тексте так стоит: vocum novitates. Викентий-преподобный из этих слов делает свои наведения в знаменитом своем трактате* о хранении преданного, как видно и из последних слов приведенного выше из него места.

---

* Речь идет о написанном на латинском языке сочинении Викентия Леринского — «Первое предостережение, или Трактат в защиту древней и вселенской кафолической веры против всех безбожных еретических новшеств» (434). — *Ред.*

Стих 21. *О немже нецыи хвалящеся, о вере погрешиша. Благодать с тобою. Аминь.*

О немже хвалящеся – о знании, знанием хвалясь. Люди многоспособные, приобретши много познаний о вещах тварных, изучившие историю, физические науки, математику, медицину, правоведение, филологию, приходят нередко к ложному убеждению, что для них и предметы веры не непостижимы, и начинают толковать их так, чтоб это было разумно, чтоб вера их была разумная, то есть ничего неразумеемого не содержала, и все в ней понимаемо было естественно. Но как вера, исходя от Бога преестественного и ведя верующих преестественным путем к преестественному общению с Богом преестественным, естественно понимаема и истолковываема быть не может; то умники, задумывающие так относиться к ней, неизбежно уклоняются от нее, криво толкуют ее положения и, выдавая такие толкования за истину, погрешают. Это было всегда и ныне есть, – что хвалящиеся знанием, ἐπαγγελλόμενοι, – по профессии знальщики, когда берутся уразуметь веру, погрешают в вере. Ἠστόχησαν, говорит Апостол, – не попали на след веры, не туда направились, куда она указывала. «Тому, кто следует одним человеческим разумениям, неизбежно ἀστοχεῖν, – не попадать в такт и в цель веры. Ибо вера не допускает умопостижений» (блаженный Феофилакт). Святой Златоуст говорит: «Апостол говорит

так, может быть, потому, что тогда некоторые называли себя гностиками* (знальщиками), то есть знающими больше других». К сему блаженный Феодорит прибавляет: «они от Симона** называли себя гностиками, говорили о себе: о чем умолчало Божественное Писание, то нам открыл Бог. Исполнено же сие всякого злочестия и непотребства. Сие-то ведение Апостол справедливо назвал *лжеименным.* Они имеют мрак неведения, а не свет боговедения». Гностики в силе раскрылись во II веке; но недивно, что начатки их проявлялись и при Апостолах.

Благодать с тобою. «Апостол присовокупил обычное благословение» (блаженный Феодорит). «В запечатление всего благожелает ему благодати, коею подается и хранится всякое благо. Ее да будем богатно*** причастными и мы все, не погубляя полученных от нее благ, но ею сохраняя их и славя Христа, благодатей Подателя, со Отцом и Святым Духом» (блаженный Феофилакт).

Приведем и заключительное на все Послание слово блаженного Феодорита: «учение сие надлежит с точностию сохранять всем сподобившимся священства; и как некое правило всегда

---

* *Гностики* — приверженцы псевдохристианской секты. — *Ред.*

** См.: Деян. 8, 9—24. — *Ред.*

*** *Богатно* — изобильно. — *Ред.*

иметь пред собою, и с ним соображать и что им говорить, и что делать следует. Так возможно сподобиться части блаженного Тимофея, и даже самого пребожественного Павла, по благодати и человеколюбию Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, — с Коим Отцу со Святым Духом подобает слава и великолепие ныне и всегда и во веки веков! Аминь.

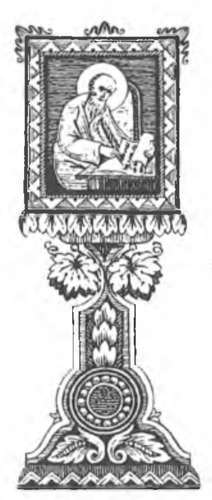
ТОЛКОВАНИЕ

ВТОРОГО ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

К СВЯТОМУ ТИМОФЕЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ (1, 1—6)

а) Надпись и приветствие (1, 1—2)



Глава 1, стих 1. *Павел Апостол Иисус Христов волею Божиею, по обетованию жизни, яже о Христе Иисусе.*

Надписание сходно со всеми другими, указывает, кто к кому пишет и, как обычно святому Павлу, содержит некоторые термины, к которым повод подало содержание Послания и которые внесены, чтобы предуказать его.

Апостол Иисус Христов волею Божиею. Волею Бога Отца, Апостол Сына Божия воплощенного, по единству воли Их. Не иная воля у Отца и иная у Сына,

но одна и та же. Почему, чего хощет Отец, того же хощет и Сын. «Апостолом меня предположил (προεβάλετο) Владыка Бог; с Ним свосхотел (συμψηφισαμένου) сего и Христос Иисус» (Экумений).

По обетованию жизни, яже о Христе Иисусе. В сих словах предуказание содержания Послания, которое и подало повод ко внесению их в сие надписание. Цель Послания – воодушевить святого Тимофея на мужественную проповедь о вере и блюдение верных в вере, пред лицом опасностей и смертей. Но в таких обстоятельствах, что могло столько воодушевлять, как не обетование жизни, которой самая смерть не отъемлет, а дверь в нее отверзает. Указание на это и делает Апостол в самом начале. *Апостол я*, говорит, *по обетованию жизни*, – по делу обетования жизни. «Владыка Бог с единоволением и Сына поставил меня Апостолом, чтобы я проповедывал людям обетованную жизнь вечную» (блаженный Феодорит). Он поставлен Апостолом возвещать сию жизнь всем людям, но, конечно, с уверенностию, что она прежде всего несомненное есть достояние самых возвещателей, следовательно, и святого Тимофея, как единого от таковых. Мысль об этом не могла не послужить ему в утешение и ободрение. Так святой Павел «в самом начале (Послания) ободряет душу его. Не напоминай мне, говорит, о здешних бедствиях: они доставляют нам вечную жизнь, где нет ничего такого, где

нет болезни, печали и воздыхания» (святой Златоуст). Не опасности только – наша доля, но и всюду готовая смерть; но «умираем мы, чтобы жить вечно» (блаженный Феофилакт). Хотя это только обетовано, но обетование так несомненно, что мы все одно как бы уже имели ее. При всем том, однако ж, она все же есть впереди. «Если же она – обетование, то не ищи ее здесь; ибо *упование видимое несть упование* (ср.: Рим. 8, 24)» (святой Златоуст).

Яже о Христе Иисусе. «Жизни, которая *о Христе Иисусе* есть, то есть со Христом, потому что Он нам ее дает и ее содержит. Телесная жизнь – в яствах и питиях, а духовная во Христе Иисусе содержится. Он для нас есть всё» (блаженный Феофилакт). Жизнь сия здесь восприемлется, развивается и крепнет; обещается же ее явление во всей светлости своей и славе. – Κατ' ἐπαγγελίαν – *по обетованию*, – можно, потому, перевесть и: по возвещению, по делу возвещения жизни, которая во Христе Иисусе, – жизни, которая тотчас по вере и принятии таинства и получается и которой жизнь вечная составляет неотъемлемую часть.

Стих 2. ***Тимофею возлюбленному чаду: благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса Господа нашего.***

Тимофею возлюбленному чаду. «Не просто: *чаду*, – но: *возлюбленному*; ибо могут быть дети

и нелюбимые. Но ты не таков, говорит, и потому не просто *чадом* я называю тебя, но чадом *возлюбленным*. И галатийцев он называет чадами, однако скорбит о них: *чадца моя*, говорит, *имиже паки болезную* (Гал. 4, 19). Называя его возлюбленным, он свидетельствует о великой его добродетели. Каким образом? Когда любовь не от природы, то она – от добродетели; родившиеся от нас бывают любезны нам не по добродетели своей только, но и по требованию природы; а возлюбленные по вере бывают такими не по чему иному, как по добродетели. И как может быть иначе, особенно у Павла, который ничего не делал по пристрастию?» (святой Златоуст). «Доблестного во всем Тимофея не естество, но сердце сделало и сыном, и возлюбленным» (блаженный Феодорит).

Благодать, милость, мир. «Чего желал прежде, того же и теперь желает ему» (святой Златоуст). *Благодать* – сила во спасение свое и других; *милость* – источник, изливающий и преизливающий благодать; *мир* – благий плод благодати, тотчас по получении сей милости вкушаемый, – мир с Богом и небожителями, мир в себе с совестию и со всеми земными жителями, не возмущаемый никакими немирными случайностями, но питаемый во всей своей силе и среди них.

От Бога Отца и Христа Иисуса Господа нашего, – как единого из обоих источников. «Бла-

годати ему желает, да присущи вспомоществует ему, — желает от милости Отца и Христа Иисуса Господа нашего; ибо Бог благодать Свою щедро подает нам чрез Христа, да единая благодать будет обоих» (Амвросиаст). Господь Иисус Христос, по страдании, крестной смерти и воскресении, вознесшись на небеса и седши одесную Бога Отца, открыл путь Пресвятому Духу для нисшествия на землю, — и Он, нисшедши, всех облагодатствовал и благодатствует доселе, по благоволению Отца, в силу воплощенного домостроительства Сына.

б) Начало Послания (1, 3—6)

аа) Изъявив сильную любовь ко святому Тимофею (см.: 1, 3—4) и: бб) похвалив его и род его за веру (см.: 1, 5), — святой Павел напоминает ему: вв) возгревать живущий в нем дар Апостольского преемства, — что и составляет главный предмет Послания (см.: 1, 6).

аа) Изъявление любви ко святому Тимофею (1, 3—4)

Глава 1, стих 3. *Благодарю Бога, Емуже служу от прародителей чистою совестию, яко непрестанную имам о тебе память в молитвах моих день и нощь.*

Святой Павел, как всех учил о всем благодарить (см.: 1 Сол. 5, 18), так и сам всегда за все благодарил Бога, и за радостное и за скорбное, и

за внешнее и за внутреннее, за всякое доброе движение мысли и чувства. Так, здесь благодарит Бога за то, что непрестанную имеет память о святом Тимофее в молитвах своих. Мысль такая: память непрестанная о ком-либо есть верное свидетельство любви; святой Павел, благодаря за память о святом Тимофее, благодарит за любовь к нему. Так святой Златоуст: «благодарю Бога, говорит, за то, что я помню о тебе, — так я люблю тебя. Это — знак чрезвычайной любви, когда кто любит так, что сам восхищается сею любовию», — «когда кто в любви к кому-либо видит великую для себя похвалу, прекрасное себе украшение» (блаженный Феофилакт, Экумений). Но под этим скрывается и другая мысль: Апостол непрестанно о святом Тимофее помнит, потому что он достоин памяти, и, благодаря Бога за сию память, благодарит за то, что святой Тимофей достоин того, что он таков, что об нем нельзя не вспоминать, и притом так, что память о нем благодарность Богу порождает. Бывают лица, память о коих тоже не отходит, но томит сердце, а память о святом Тимофее возбуждала в душе святого Павла радостные и Богу благодарные чувства. Так с некиим особым оттенком Амвросиаст: «поелику достойно вспоминать о добрых, то Апостол благодарит Бога, что помнил о святом Тимофее, муже дивном, сознавая, что и это есть дар

Божий: ибо не беззаслужно, если кто помышляет о добрых мужах».

Емуже служу от прародителей. Как от прародителей, когда те не так служили Богу, как он теперь служит, и когда он не от них научился сему новому служению? Образ служения нов; но Бог служимый один и Тот же есть, равно как и дух служения. То служение, которое он принял от прародителей, он держал вседушно, Богу покорствуя. Когда Сей же Бог повелел ему оставить то и усвоить новое, он начал так же вседушно держать и это новое, как держал прежнее, и опять по той же вседушной покорности Богу, какою был исполнен, служа Ему прежним образом. Так и Бог, и дух служения Ему у святого Павла пребывал один и тот же. Весь род мой, свидетельствует он, вседушно веровал в Единого истинного Бога и вседушно покорствовал Ему в служении, Им заповеданном. То же самое блюду и я: Единого истинного исповедую Бога и служу Ему, как Он заповедал. Такое настроение и выражает в словах: *чистою совестию*, ἐν καθαρᾷ συνειδήσει, — в чистой или по чистой совести. Совесть чиста, когда в мыслях, чувствах, желаниях, словах и делах не допускается ничего в противность тому, что сознается истинным, добрым и должным, — ничего противного убеждениям. Святой Павел как прежде по-иудейски служил Богу по убеждению, что так хочет Единый Бог, так и

теперь по-христиански служит, по тому же убеждению, не обманно навеянному, а осязательно Самим Богом *явльшимся* напечатленному. Почему относительно служения у него ни малейшей тени нет колебания: убеждение его светлосиянно, как солнце при безоблачном небе среди дня; такожде и совесть его.

Амвросиаст пишет: «поелику Бог христиан Тот же есть, Который был Богом иудеев, то Апостол неложно свидетельствует, что Тому же Богу возносит благодарение, Коему служил от прародителей. Если он исповедует и проповедует то самое, чего чаяли прародители его, то вера их одна и та же. Таким образом, поелику он вступил в наследие прародительского служения Богу и поелику оно было уже в них, когда они служили Богу, то праведно говорит: *Ему же служу от прародителей*. Но как говорит он: *чистою совестию*, — когда преследовал Церковь? Он преследовал Церковь, но так, что делал это по любви к Богу, а не по зловолию». То же читаем и у блаженного Феофилакта: «как *чистою совестию*, когда в начале не знал он Христа? Так говорит он, — или под совестию разумея жизнь: ибо хотя иудействовал, но по жизни был безукоризнен, — или потому что, когда гнал Церковь, гнал по ревности, а не по человеческим каким побуждениям, как иные стоят за ересь славы ради, вполне сознавая ее гнилость. Говорит же он о всем этом,

как бы внушая: не подозревай, что у меня одно на уме, а другое на словах; чиста у меня совесть, как всегда, так и ныне. Так я не лгу, говоря, что люблю тебя и всегда о тебе поминаю» (Это сокращено из святого Златоуста, то же и Экумений.)

Яко непрестанную имам о тебе память в молитвах моих. «Говорит: *непрестанную имею память*, — и не просто, но: *в молитвах моих*; то есть это входит в молитву мою; во всякое время, непрестанно исполняю это: ибо это выражают слова: *день и ночь*» (святой Златоуст). В молитве память — память священная, Богом освящаемою почитаемая, и, следовательно, в дело содевания спасения входящая. Истинные богочтецы ничего несогласного с благоговеинством пред Богом не допускают, ничего такого, с чем в чистой совести не могли бы они предстать Богу в молитвах своих. Такова была и Апостолова память о святом Тимофее, — чистая, святая, ничего плотского не имевшая.

Стих 4. ***Желая видети тя, поминая слезы твоя, да радости исполнюся.***

Предмет молитвы — увидеть святого Тимофея, потому что это было очень желательно, ἐπιποθῶν, — пламенно сего желая. «День и ночь, говорит, молю Бога, да исполнит Он мое пламенное желание увидеть тебя» (блаженный Феофилакт). «Видишь ли пламенную привязанность?

Видишь ли преизбыток любви?» (святой Златоуст). Может быть, это желание видеть выставлено здесь в удостоверение, что если он не возвратился в Ефес к нему, то причина этому не охлаждение любви, а течение обстоятельств, не зависящих от его воли. Святой Златоуст говорит: «заметь, как он в самом начале оправдывается пред ним, что сам не пришел видеться с ним; ибо слова: *дондеже прииду* — и еще: *уповаю приити к тебе скоро* (ср.: 1 Тим. 4, 13; 3, 14) — заставляли ожидать скорого его прибытия. Посему он тотчас же оправдывается. Впрочем, не говорит вдруг о причине, почему не пришел, дабы не слишком опечалить его, — причиною же было то, что он задержан был кесарем*, — но уже в конце, когда приглашал его к себе, открыл ее. В начале же не опечаливает его, а высказывает желание видеть его». Словами: *желая видети тя*, — он наводит его на помышление: «мог ли бы я сам себя произвольно лишить себя удовольствия видеть тебя, если б я имел возможность прийти к тебе?» (блаженный Феофилакт).

Поминая слезы твоя. Желательно было Апостолу видеть его не по своей только любви к нему, но и по его любви к себе, которую он явил тем, что проливал слезы, вероятно, когда, оставляя его, Апостол прощался с ним. «Апостол показы-

* *Кесарь* — Нерон. — *Ред.*

вает здесь, что делает это (молится увидеть его) не просто, и не без причины, а: *поминая*, — говорит, *слезы твоя*. Разлучаясь с Павлом, он, вероятно, плакал и рыдал больше дитяти, отнимаемого от сосцов кормилицы и от молока» (святой Златоуст). Поминая об этом, Апостол как бы говорит ему: желаю видеть тебя, любя тебя. «Но если б я был и крайне бесчувствен, жесток и бесчеловечен, и тогда не мог бы не иметь такого желания; ибо припоминаемые мною слезы твои могли бы смягчить меня» (святой Златоуст).

Почему, когда вслед за сим говорит Апостол: *да радости исполнюся*, — вместе подает мысль: чтоб и твои осушить слезы. Слезы святого Тимофея не могли не отозваться глубокою печалию о разлучении и в сердце святого Павла. Отсюда естественно как желание свидеться, так и предчувствие радости от того в обоих. Амвросиаст пишет: «Апостол уверяет, что много помнит о Тимофее и жаждет видеть его по причине воспоминания о слезах его, которые он по любви к Апостолу проливал, когда тот, как само собою разумеется, отходил от него. Не без причины потому желает он видеть того, кто столько любит его, чтоб исполниться радостию от обоюдного обрадования».

Всем этим Апостол засвидетельствовал свою к святому Тимофею претеплую отеческую любовь.

бб) Похвала ему и роду его за веру (1, 5)

Глава 1, стих 5. *Воспоминание приемля о сущей в тебе нелицемерней вере, яже вселися прежде в бабу твою Лоиду и в матерь твою Евникию: известен же есмь, яко и в тебе.*

Изъявлением своей любви к Тимофею святой Павел обновил и его любовь к себе и, тем разогрев сердце его, сделал его готовым ко вмещению уроков, как разогретый воск готов бывает к принятию печатей. Теперь готовит руку для принятия сих уроков, восставляя силу веры его напоминанием о ней, как она есть в нем и в роде его.

Поминая, сказал, *слезы твоя*, — желаю увидеть тебя еще и молюсь о том. Но слезы естественное дело; все же естественное в духовных отношениях теряет силу, если не освящается верою; и только это освящение облекает его условным некиим значением. Посему Апостол тотчас и прибавляет: *воспоминание приемля о сущей в тебе нелицемерней вере*. «Не за слезы только (желаю видеть тебя), но и за веру, так как ты служитель истины, и нет в тебе лицемерия» (святой Златоуст). «И веселит меня преимущественно искренность твоей веры» (блаженный Феодорит). Предыдущие слова оживляли в душе святого Тимофея чувства и расположения, обычные у долго живших вместе и сроднившихся; напоминание о вере дает им другой тон и переносит в другую

область, — отрешенную, трезвенствующую; а похвала вере, — яко искренней и нелицемерной, — не могла не восставить ревности по вере, из желания выдержать себя именно таким, каким похвален.

Чтобы в сильнейшее еще напряжение привесть эту ревность, Апостол напоминает и о вере рода Тимофеева. В тебе, говорит, живет вера, *яже вселися прежде в бабу твою Лоиду и в матерь твою Евникию*. «Ты, говорит, из такого дома, который издавна служит Христу. Издавна ты имеешь это благо; от прародителей ты принял нелицемерную веру» (святой Златоуст). Напоминание о духе и характере рода обязательно располагает родичей выдерживать сей дух и характер. Это и имел в виду Апостол, говоря так. «Похвальным напоминанием о предках он усиливает веру в своем ученике» (блаженный Феодорит). Так как «доблести предков, если мы подражаем им, принадлежат и нам, а если не подражаем, не имеют никакой силы, но еще служат к нашему осуждению» (святой Златоуст); то опасение, не отстать бы от рода и не посрамиться, естественно раздражило в святом Тимофее ревность о его доблести, то есть вере; особенно когда при этом выставляются такие лица, как бабушка и мать, одно имя которых, слышимое, разгревает сердце. Если вообще «ничто так не действенно, как домашний пример» (блаженный Феодорит),

то пример бабушки и матери тем сильнее действует, чем нежнее влечет.

Известен же есмь, яко и в тебе. И ты не отстал от них, и в тебя давно вселилась вера. *Известен*, πέπεισμαι,— «не догадываюсь, но убежден и совершенно уверен» (святой Златоуст). Новое побуждение ревновать о вере. Ибо выходило, что если ты, после сего, ослабеешь в сей ревности, то будешь идти против себя, себе самому будешь изменником. Апостол и о своих прародителях помянул выше и теперь поминает о прародителях святого Тимофея, чтоб внушить: корень наш освящен верою; нам потому следует, принимая здравые соки из сего корня, цвести по роду сих соков. Или может быть слова его имеют такую же силу, какую в устах воинов такая речь: мы с тобою старые служаки.

вв) Напоминание о возгревании дара Апостольского преемства (1, 6)

Глава 1, стих 6. ***Еяже ради вины воспоминаю тебе возгревати дар Божий живущий в тебе возложением руку моею.***

Подготовив так святого Тимофея, святой Павел уже благонадежно заповедует ему ревностно исполнять возложенное на него дело, то дело, к которому он призван рукоположением,— дело пастырства или Апостольского преемства. Деятельное исполнение сего Апостол назвал возгре-

ванием дара Божия, который стал жить в нем в силу рукоположения. Пастырство или Апостольское преемство не есть дело внешнего определения, как бывает в гражданских должностях, но есть следствие внутреннего благодатного сделания пастырем, в силу которого избранный делается способным к пастырству и печатлеется пастырем, так что, исполняй или не исполняй он своего дела, все он пастырь, по дару благодати, живущему в нем. Исполняющий дело пастырства как должно возгревает, раздувает его; не исполняющий — погашает. Тут то же бывает, что и у получивших, по притче, таланты: один пускает полученный талант в оборот, другой зарывает в землю. Оба приточные выражения означают одно и то же: не довольно получить дар благодати; надобно и возгревать его, или развивать, — трудясь в делании того дела, на которое он дан. Апостол выразил это словом: ἀναζωπυρεῖν — раздувать, — давать довольно вентиляции, — или течения воздуха, чтоб огонь не погас, а более и более разгорался. Что течение воздуха для огня, то труды по дару благодати для сего дара. Вот о чем напоминает Апостол святому Тимофею, говоря: *еяже ради вины воспоминаю тебе возгревати дар Божий*. Но какой это ради вины? ради веры, которая живет в нем и роде его. Вера сия обязывает его возгревать дар Божий. По вере дан дар, верою и принят; но вера же представля-

ет и сильнейшие побуждения к ревностному действованию по дару. Апостол и говорит как бы: после того, как я оживил в тебе веру предыдущими воспоминаниями, мне нет нужды долго убеждать тебя, а стоит только напомянуть, чтоб ты возгревал дар свой. Но тут же доразуметь можно: поелику ты веруешь искренно, то по тому самому усерднее трудись в возгревании дара своего; смотри, не вознеради; при вере не возгревать дара — невообразимая несообразность. Святой Златоуст говорит: «я знаю, что ты имеешь нелицемерную веру, и потому напоминаю тебе: нужно иметь ревность, чтобы возгревать дар Божий. Как огонь требует дров, так и благодать — нашего усердия, чтобы она воспламенялась. *Дар Божий,* — то есть благодать Духа, которую ты принял для предстоятельства в Церкви, для знамений и всякого служения. *Возгревати,* — ибо от нас зависит и погашать, и воспламенять ее. Посему и в другом месте он говорит: *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19). От беспечности и лености он угасает, от внимания и усердия воспламеняется».

в) Разделение Послания

Послание имеет две части: *первая*, большая и главнейшая, наставительная для святого Тимофея (см.: 1, 7—4, 8); *вторая*, меньшая, в роде послесловия и приписки, лично святого Павла

касающаяся, — обстоятельственная (см.: 4, 9—22). Можно, однако ж, полагать, что для Апостола, оставленного почти всеми, главная нужда была позвать к себе святого Тимофея, — для чего потребовалось объяснить и свое положение. Но как он не знал определенно, останется ли в живых до прибытия святого Тимофея, то и пишет ему наставления о пастырствовании в дополнение к данным в Первом Послании. Наставления сии он мог бы передать святому Тимофею и лично по прибытии его. Но как не мог наверное полагать, что дождется его в живых будучи, то рассудил поместить их в Послании. Таким образом, для святого Тимофея и для нас главнейшею частию стоит первая — *наставительная*. Ею мы и ограничим разделение Послания, назвав последнюю, *обстоятельственную*, — *послесловием*.

Здесь, в сей главной части, можно видеть два отделения: А) *в первом* говорится о самой пастырской деятельности. Это *собственно наставительное* отделение (см.: 1, 7—3, 9). — А: Б) *во втором* святой Тимофей воодушевляется к достодолжному прохождению ее по всем частям (см.: 3, 10—4, 8). Это *воодушевительное* отделение. Оба отделения, в частях своих, соответствуют одна другой.

НАСТАВИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ (1, 7—4, 8)

А) ОТДЕЛЕНИЕ НАСТАВИТЕЛЬНОЕ (1, 7—3, 9)

Подразделение наставлений для первого отделения указывает сам святой Павел в 7-м стихе, определяя свойства дара Божия, получаемого чрез *рукоположение*.

Глава 1, стих 7. *Не бо даде нам Бог духа страха, но силы и любве и целомудрия.*

Нам — кому? И вообще христианам, и тем паче Апостолам и преемникам их. Поелику о даемом от Бога духе говорится вслед за упоминанием о даре Божием чрез рукоположение; то прямее будет разуметь здесь под: *нам* — святого Павла со святым Тимофеем, — как бы так: нам с тобою. Но как и общий дух христианский таков же, то различать сие в Толковании не настоит надобности.

Не даде духа страха, δειλίας, — робости, несмелости. «Не для того мы получили дух, чтоб робеть, но чтоб дерзновенствовать. Многим Бог дает и дух страха, например, на войне, как читается в Писании. *И нападе*, говорит, *на ня* дух *страха* (ср.: Исх. 15, 16), то есть Бог вложил в

них страх. Напротив, тебе он даровал *дух силы*» (святой Златоуст).

Но силы. «Бог дал нам благодать Святаго Духа не для того, чтобы боялись опасностей за благочестие (за веру Христову), но чтобы небоязненно исповедали ее и возвещали, исполняясь Божественной силы (в чувстве благодатной силы от Бога)» (блаженный Феодорит). Спаситель говорил и Апостолам, посылая их на проповедь: *пред цари и владыки ведени будете имене Моего ради во свидетельство им* — и гнать будут вас, как и Мене: *не убойтеся их* (ср.: Мф. 10, 18, 23, 26). И святого Павла воодушевлял: *не бойся, но глаголи и да не умолкнеши* (Деян. 18, 9). И он в чувстве силы от Бога исповедал: *вся могу о укрепляющем мя* (Флп. 4, 13). В чувстве силы и всякий христианин, по принятии благодати, исходит на дело свое — дело жизни о Христе Иисусе; и на робостный вопрос: *кто мя избавит от тела смерти сея,* — в себе самом слышит ответ: *закон духа жизни о Христе Иисусе свободил мя есть от закона греховнаго и смерти* (ср.: Рим. 7, 24; 8, 2).

И любве. Излияние любви в сердцах неразлучно с дарованием благодати Святаго Духа, как свидетельствует тот же Апостол в другом месте: *любы Божия излияся в сердца наша Духом Святым данным нам* (Рим. 5, 5): любы Божия, — первое, любовь к Богу; ибо Дух благодати, возро-

див, вселяет чувство сыновства, по коему возрожденный исповедует, что Бог Отец ему есть, и с сыновнею любовию возносится к нему, взывая: *Авва Отче!* (ср.: Рим. 8, 15), — с любовию, столь сильною и глубокою, что ничто уже, ни на небе, ни на земле, разлучить его не может *от* сей *любве Божия* (Рим. 8, 39). *Любы Божия,* — второе, — любовь Божественная, полная и всеобъемлющая, — к братиям. Дух Божий, возродив, вселяет чувство братства со всеми возрожденными, по коему они исповедуют сердцем, что все суть сыны и дщери одного Бога, — одну духовную Божию составляют семью; почему и имеют друг друга как единоутробных, не языком, а чувством сердца, готовы бывая на всякие жертвы во благо им. Это чувство у Апостолов и их преемников получает особую широту, и они искренно сознают себя должными не иудеям только, но *варваром и Еллином, мудрым и неразумным* (ср.: Рим. 1, 14), всегда готовы бывая *всем быть вся, да всяко некия спасут* (ср.: 1 Кор. 9, 22). Так разумеют все наши толковники. Сокращенно всех совмещает блаженный Феофилакт: «любви, и той, что к Нему (Богу), и той, что к ближним. Ибо и то, чтобы Бога любить, как Отца, имеем мы от Духа, делающего то, что мы взываем: *Авва Отче!* И то, чтоб неколеблемыми пребывать в любви к ближним, дар есть, от Божеской силы бывающий; как, напротив, то, чтобы соблазняться ими (возму-

щаться недобрыми их к нам отношениями) бывает от робкой боязливости и малодушия». Последнее не только свидетельствует об отсутствии любви, но и погашает ее, как объясняет святой Златоуст: «любовь происходит от силы и безбоязненности; ибо, обыкновенно, ничто столько не разрушает любви, как боязливые опасения и подозрение предательства».

И целомудрия. «Целомудрием он называет или здравие ума и души, или то, чтобы мы жили целомудренно, и старается вразумить нас и отклонить от невоздержания» (святой Златоуст), — чтоб не только сами мы были целомудренны и разумны, но и «других уцеломудривали и научали разуму» (блаженный Феофилакт). Обыкновенно под целомудрием разумеется чистота от всякой плотской скверны. Дух благодати, пришедши и воспринят быв сердцем, отрешает его от пристрастия ко всему чувственному и вкус к тому отбивает. Если же это водворяется в сердце, то какое место найдет при нем плотское вожделение? Духа приявшие и бывают чисты сердцем. Но тот же Дух есть и Дух разума, который, пришедши, научает всему и по ведению, и по жизни (см.: Ин. 14, 26). Посему можно принять, что в настоящем месте разумеется это последнее. У Апостола стоит: σωφρονισμοῦ — уцеломудрения, подание здравомыслия и навсегда, и особенно в нужном случае, что сказать и как поступить, как

и Господь обетовал: *дастбося вам в той час, что возглаголете* (Мф. 10, 19); в один час дастся, что возглаголете, а в другой, как поступить долженствуете. Таким образом, здесь можно разуметь деятельное, даруемое пастырям, благоразумие.

Вот что дает дар рукоположения рукоположенному: дух силы, любви и премудрости, или делает «сильным, любительным, здравоумным» (Амвросиаст). Соответственно сим частям дара рукоположения святой Павел дает и наставления рукоположенному святому Тимофею. Яко получившему дух силы, заповедует: а) небоязненно и не стыдясь проповедуй о Господе Спасителе, строго держась преданного мною тебе (см.: 1, 8—18); яко получившему дар любви, заповедует: б) как воин, как борец и как оратай — трудись над братиями, да и тии спасение улучат (см.: 2, 1—13); яко получившему дух премудрости и здравоумия, заповедует: в) не ввязываться в словопрения с противниками истины, а кротко вразумлять их, не оставляя без внимания и не добре живущих (см.: 2, 14—3, 9).

а) Наставление проповедывать о Господе Спасителе не боясь и не стыдясь (1, 8—18)

Как получивший дар силы, не стыдись свидетельства о Христе Спасителе, но спостражди Ему, руководствуясь: аа) главным образом, высотою значения воплощенного домостроительства (см.:

1, 8—10); а при этом и: бб) моим примером; ибо и я не постыдился и стражду (см.: 1, 11—14); и: вв) примером Онисифора, не постыдившегося вериг моих и не побоявшегося найти меня и послужить мне, — не как бывшие со мною асийцы (см.: 1, 15—18).

аа) Руководствуясь высотою значения воплощенного домостроительства (1, 8—10)

Глава 1, стихи 8—9, 1-я половина. *Не постыдися убо страстию (свидетельством) Господа нашего Иисуса Христа, ни мною, юзником Его: но спостражди благовествованию Христову по силе Бога, спасшаго нас.*

Не постыдися убо. Поелику ты в даре Божием чрез рукоположение приял дух силы, то не стыдись: ибо стыд есть признак бессильного малодушия. *Не постыдись свидетельства Иисус-Христова,* — свидетельства об Иисусе Христе, Сыне Божием, воплотившемся нашего ради спасения, но распятом на кресте и крестною смертию сею спасшем нас; не постыдись, смущаясь тою мыслию, что Христос распятый *для Иудеев есть соблазн, а для Еллинов безумие* и слово *крестное* для иных *юродство есть* (ср.: 1 Кор. 1, 18, 23); но с дерзновением возвещай слово крестное и не потупляя очей проповедуй Христа распята, будучи несомненно уверен, что сим поношением крестным совершено спасение мира. Свидетельством

Христовым названо здесь все благовестие, как тут же и поясняется в словах: *но спостражди благовестию Христову.*

Наши толковники много внушительного изрекли об этом ложном стыде. Как он встречается и у нас в обществе, то не лишним считаем поместить здесь сказанное ими, начиная с последнейших и восходя к первейшим. Блаженный Феофилакт пишет: «многие треокаянные, по человеческим понятиям судя о том, что выше нашего постижения, стыдом почитают возвещать, что Сын Божий распят, не зная, что силою креста сего человек-осужденник соделался сыном Божиим. Ты же, о Тимофее, говорит Апостол, не стыдись свидетельствовать о Христе и о смерти Его крестной, но с дерзновением проповедуй о том». Блаженный Феодорит далее входит в сие, говоря: «проповедуемы были крест, поругания, злословие, страдание, смерть. А сие неверующим казалось исполненным стыда. *Слово крестное,* говорит Апостол, *погибающим убо юродство есть* (1 Кор. 1, 18). Посему и сам о себе в Послании к Римлянам сказал: *не стыждуся благовествованием: сила бо Божия есть во спасение всякому верующему* (ср.: Рим. 1, 16),— и здесь ученику своему советует с дерзновением проповедывать о сем». Подобное сему пишет и Амвросиаст: «Апостол учит, что должно иметь твердость, а не трепетать при исповедании веры. Ибо

в ней ничего нет такого, чего следовало бы стыдиться. Если Христос виден был человеком, то деяниями Своими явил Себя Богом: хотя и распят Он, но воскрес из мертвых и пред очами многих, взятый облаком, вознесся на небо (см.: Деян. 1, 9). А это не знак немощи, а свидетельство силы: ибо, где будто осязается немощь, там является могущество. Итак, неразумно немощным почитать Того, Кто так доказательно явил Себя победителем (всякой немощи)». Пространнее и полнее слово о сем святого Златоуста: «нет ничего хуже, как судить и измерять дела Божественные по человеческим понятиям; ибо таким образом далеко можно отпасть от камня веры и лишиться света. Если желающий обнять лучи солнца глазами человеческими не только не обнимет их и не достигнет цели, но еще удалится от нее и потерпит великий вред, то тем более дерзающий смотреть своими умствованиями на свет неприступный потерпит вред, оскорбляя дар Божий. Посмотри на Маркиона, Манеса, Валентина* и на всех вносящих еретические и пагубные учения в Церковь Божию, как они, измеряя дела Божии умствованиями человеческими, стыдились домостроительства нашего спасения. Между тем оно, — разумею крест Христов, — заслуживает не стыда, а великой хвалы. Ничто не

---

* *Валентин (? — до 135/160)* — философ-гностик. — *Ред.*

служит столь великим доказательством человеколюбия Божия, ни небо, ни море, ни земля, ни сотворение всего сущего из ничего, ни все прочее, как крест. Посему и Павел хвалится им: *мне же*, говорит, *да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. 6, 14). Но люди душевные, приписывающие Богу не более, что и людям, (чуждаются из-за сего веры или) отпадают от веры, стыдясь ее. Посему Апостол, убеждая своего ученика, а чрез него и всех, говорит: *не постыдися убо свидетельства Господа нашего*, — то есть не стыдись того, что ты проповедуешь Распятого, но хвались тем. Хотя все эти предметы, — смерть, темницы, узы, сами по себе достойны стыда и поношения; но здесь, если вникнуть в причину и внимательно рассмотреть таинство, они достойны великой хвалы и великого почитания. Эта смерть спасла погибавшую вселенную; эта смерть соединила небо с землею; эта смерть разрушила власть диавола, соделала людей ангелами и сынами Божиими; эта смерть возвела естество наше на престол царский. *Не постыдися убо*. Не сказал: не бойся, не страшись, но сильнее ободряет его словом: *не постыдися*, — выражая, что опасность как бы не существует; если преодолеть стыд. Стыд тогда только и тягостен, когда он преодолевает нас».

Ни мною, юзником Его, не постыдися. «Не стыдись, что имеешь учителем узника» (Экумений).

То правда, что поношение учителя падает и на ученика; но мои узы – не поношение, а слава Христова и моя. Счел нужным Апостол и с сей стороны ободрить святого Тимофея; потому, озревшись кругом и видя, как учение поносят, его самого теснят и учителя его заключили в узы, он естественно мог смутиться. Не стыдись, говорит; ничего во всем этом нет поносного, ни в учении нечтимом, ни в моих узах. Святой Златоуст, продолжая свое слово, говорит: «не стыдись и того, что я, воскрешающий мертвых, совершающий бесчисленные знамения, обтекший всю вселенную, теперь связан. Я связан не как злодей, но ради Распятого; если Господь мой не постыдился креста, то и я не постыждаюсь узами. Если Господь наш и Учитель претерпел крест (не в посрамление, а во славу), то тем более мы (можем непосрамленно терпеть) узы». «Таким образом, – продолжим эту речь словами Амвросиаста, – ни в Апостоле – узнике – нет ничего постыждающего; ибо, тогда как, с одной стороны, по причине уз и ран враги называют его покрытым срамом и унижением, с другой – он посрамляет своих поносителей тем, что является дивным, одним мановением совершая знамения и чудеса; да разумеют, что если он подвергается унижению, то не по немощи, но по изволению Божию, для преумножения венцов. Ибо Бог для того попускает рабам Своим быть унижаемыми от неправедников,

чтобы для всех явно было, что Он не неправедно готовит и воздает им венцы».

Но спостражди благовествованию Христову. Не только не стыдись свидетельства или благовествования Христова, но не отказывайся и пострадать за Него; вместе с тем, как свидетельствуешь или благовествуешь о Христе Спасителе, будь готов и страдать за Него, и, обратно, — вместе с страданием за благовестие, — не переставай благовествовать. Апостол представляет его уже страждущим нечто и внушает: благодушно и с радостию переноси, что терпишь за благочестие, — давая, образом выражения, доразуметь при сем: терпя так, ты спостраждешь Христу Господу и мне. — Святой Златоуст говорит: «*спостражди*, — то есть хотя бы сам потерпел это, не стыдись; не просто: *не стыдись*, — но не стыдись и сам испытать. Как я, говорит, не за себя несу эти узы, так и ты будешь терпеть не что-нибудь человеческое, но будешь участвовать в тех же страданиях (Христовых). *Спостражди*, говорит, *благовествованию*, — не в том смысле, будто благовествование страдает, но он побуждает ученика страдать за Евангелие». «Искусом и на деле показывай, что не стыдишься благовестия, именно, страдая за него; и тем охотнее показывай это, что так ты делаешься общником страданий Христа Спасителя и моих» (блаженный Феофилакт). «Апостол предписывает святому Тимофею муже-

ственно и охотно переносить страдания» (блаженный Феодорит); заповедь дает, почитая сие обязательным. «Ибо так как смерть силою Божиею побеждена (смертию), чтобы мы могли спасение улучить, то по сей причине надлежит и нам взаимно воздать Искупителю (страданиями) хоть от части некоей» (Амвросиаст).

По силе Бога — спостражди. На это силу получил ты от Бога, в даре рукоположения прияв духа силы. Приял духа силы, — упражняй же его, являй, возгревай, благодушно терпя все, что приходится терпеть за благовестие. Тебе нечего бояться страданий; ибо в тебе уже обитает сила к перенесению их. «Апостол ободряет напоминанием о силе Божией» (блаженный Феодорит). «Не своею, говорит, силою имеешь ты переносить это спострадание. Бог дал уже тебе такую силу и еще большую подаст, если потребуется» (Экумений). «Твое дело решиться и показать готовность, а облегчить, успокоить — дело Божие» (святой Златоуст).

Такая мысль для слов: *по силе Бога* — заимствуется от предыдущего, и именно из того, что Бог дал нам духа силы. Но по течению речи мысли для сих слов можно заимствовать и от последующего: ибо вслед за словами: *по силе Бога* — говорится: *спасшего нас* — и прочее, влеча внимание в сих словах и далее видеть истолкование, какую силу Божию надлежит разуметь

здесь, — именно ту, которая явлена в устроении нашего спасения. Наши толковники после предложенного изъяснения, выражают и эту мысль.

Стих 9. *Спасшаго нас и призвавшаго званием святым, не по делом нашим, но по Своему благоволению и благодати, данней нам о Христе Иисусе прежде лет вечных.*

Святой Златоуст о значении сих слов говорит: «Апостол представляет и доказательства силы Божией» — и потом наводит: если Бог явил такую силу в устроении нашего спасения и призвания, то «не должно страшиться; если и тогда, когда предлежало спасать нас, бывших врагами Его, Он спас нас благодатию, то не тем ли более Он будет содействовать нам, когда увидит и нашу (по призвании) деятельность?» То же у Экумения: «Апостол изрекает доказательства готовности и содействия Божия, и подания силы, могущей сделать нас способными к мужественному перенесению искушений. Спас, говорит, нас Бог от смерти греховной и призвал званием святым, когда мы отвращались от Него и не хотели знать Его, не потому, чтоб мы были достойны того, но Он сделал это по Своему изволению и благодати. Итак, если, говорит (ибо такова цель сих слов у Апостола), Он такое явил благорасположение к нам, врагами Ему бывшим; не тем ли паче, когда мы соделались другами Ему и охотно идем на злострадания ради Него, Он даст нам силу пере-

нести их и избыть от них?» То же и у блаженного Феофилакта.

Такие два понимания слов: *по силе Бога* — не разногласят между собою, а одно пополняет другое. Дух силы приемлется и всеми христианами, и тем паче Апостольскими преемниками, — и он доволен* к перенесению страданий за веру; но его надлежит возгревать, как указал Апостол вместе с указанием на дарование его. Чем возгревать? Вот тем, о чем теперь говорится, — то есть созерцанием устроения нашего спасения. Воплощенное домостроительство нашего спасения живо впечатлеет в сознании непостижимо великую силу и величие Бога, спасающего нас, притом так, что сия сила и величие отражаются в самом действии спасения каждого, как свои ему. Созерцая сие, воодушевляйся охотно и мужественно страдать за домостроительство спасения, в тебе уже действующего, и во славу Бога, столь дивно тебя спасшего. *По силе Бога* — будет посему: побуждая и влеком будучи к сему спостраданию созерцанием и сознанием силы Божией в устроении твоего спасения, — как бы так: ты обязан спострадать в меру силы, явленной в устроении твоего спасения. Делом сие исполнить невозможно; но стремиться к тому, сколько сил есть или сколько получено силы, и возможно, и должно.

---

* *Доволен* — годен, достаточен. — *Ред.*

Самое домостроительство спасения Апостол живописует полно, как ему сие обычно, начиная с определения о нем в Предвечном Совете Божием, когда еще как Сын Божий благоволил приять совершение его чрез воплощение, так и все благодати вследствие того присуждены нам и даны. Но все сие было сокровенно в тайне Божества, явно же стало, когда, пришедши чрез воплощение, Сын Божий смертию разрушил смерть и воскресением воссиял жизнь и нетление сначала «в Себе Самом, чтоб потом усвоить его и всем нам» (святой Златоуст). Сие совершается благодатию ради веры в таинствах. Вера возбуждается и порождается благовествованием; последовавший благовестию с верою есть призванный; призванный облагодатствуется в таинствах и вступает в путь спасения по Божию его домостроительству, причащаясь и силы его. Все сие кратко печатлеет Апостол в мысли. И кто, созерцая все сие и тем паче причащаясь и силы спасительной, не готов будет все претерпеть за спасительную веру?

Спасшаго нас и призвавшаго. Первым словом означается спасение, как оно Господом устроено, все воплощенное домостроительство, а вторым, как каждый спасаемый вступает в участие в нем, а именно: вступает, будучи призываем благовестием. Так было в начале, так и всегда потом было, есть и будет. Спасение устроено, вечеря готова. И слово Божие всюду ходит, приглашая всех

желающих. Приди, вкуси и причастен будешь спасения. — *Звание* сие называется *святым*, ибо идет от Святаго Бога Отца, действуется благодатию Духа Святаго и приводит к освящению в Сыне Божием воплотившемся, всех святящем и освящающем. — Как само домостроительство спасения совершено, так и призвание к получению спасения в нем совершается Богом, *не по делом нашим, но по* Его *благоволению*, κατὰ πρόθεσιν, — по изволению, которое, поелику благо нам изволило, есть благоизволение, благоволение. Мы, — род наш, — ничего не представляли с своей стороны, за что стоило бы устроить спасение наше, кроме разве всецелого бессилия к тому и всесторонней беспомощности, вызывавших и привлекавших Божеское милосердие. Можно гадать, что оно нужно было по целям, для коих дано бытие миру и к коим он непостижимыми для нас путями ведется. Но и это все — дело благоизволения Божия. Равным образом и то, что каждый народ и каждый человек призываются к участию во спасении, бывает по благоволению и благодати Божией. Никто из нас не может ничего представить, за что заслуженно был бы он призываем ко спасению, кроме разве неизбежности погибнуть без того, которая привлекает милосердие Божие, не терпящее, чтобы творение Его погибало. Так это и бывает, испытывается и сознается всеми призванными ко спасению. Никто из них не

может сказать, откуда и как приходит Дух зовущий, и глас Его слышится внятно сердцем с некиим понуждением и следовать гласу сему. Божие сие есть *милость, Божие благоволение.* – «Из Себя, благостынею Своею влекомый, содевает сие Бог» (блаженный Феофилакт). Заметим при сем, что не должно смешивать звание ко спасению с самым содеванием спасения, которое не бывает без усилий и наших собственно. Оно есть плод совместного действия благодати и свободы. Оттого и не все званные спасаются, и званных больше, нежели избранных, то есть действительно улучивших спасение. – *Благодать* такая названа данною нам прежде лет вечных потому, что даровать ее нам определено в Предвечном Совете вместе с тем, как Сын Божий благоволил восприять на Себя дело воплощенного домостроительства спасения. Почему она, данная прежде лет вечных, есть данная и о Христе Иисусе. «Безначально и предвечно предначертано данней быти нам благодати сей о Христе Иисусе Господе нашем. Не мало для нас есть то, что Бог возблаговолил о нас сие предвечно» (блаженный Феофилакт).

Стих 10. *Явлшейся же ныне просвещением Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившаго убо смерть, и возсиявшаго жизнь и нетление благовествованием.*

Явлшейся ныне, φανερωθεῖσαν, — открытой, явною сделанной. Как? *Просвещением Спасителя нашего*, διὰ τῆς ἐπιφανείας, — чрез явление Спасителя нашего, Сына Божия во плоти. Благодать определена, присуждена, дана нам предвечно; но доныне пребывала сокровенною. Знали о ней Пророки, но знали лишь то, что она несомненно будет, а что такое она будет, об этом только гадали. И Ангелы Божии не знали, что она будет, а только напрягались проникнуть в нее. Никто, однако ж, не постиг, что она такое, пока не явился Спаситель, Сын Божий воплотившийся. Ныне только стала она открытою. Амвросиаст пишет: «благодать Божия была от века в тайне сокровенною, открылась же явно чрез воплощение и пришествие Христа Спасителя». Блаженный Феодорит поясняет явление — исполнением: «издревле и прежде веков предопределил сие Бог всяческих; ныне же предопределенное привел в исполнение». Экумений с явлением соединяет возвещение: «от века предначертал Бог — спасенным быти нам, объявленным же сие сделалось ныне из воплощения Спасителя нашего Бога. Ибо Совет Божий — тот, чтоб миру спасену быть чрез веру, — ныне, а не прежде когда-либо, объявлен».

В слове: *явлшейся* — открывшейся, — то и другое совмещается, и исполнение, и возвещение о том. Самое исполнение было уже открытие и

возвещение. Но как исполнение плана домостроительства спасения не для того совершено, чтоб только его повидали, но для того, чтоб, увидев и услышав, уверовали и верою сделались причастными самой благодати, сокрытой в воплощенном домостроительстве, то о нем и возвещается открыто всем, — так что возвещение с явлением Спасителя неразлучно.

Разрушившаго убо смерть, и возсиявшаго жизнь и нетление благовествованием. Как и чем Сын Божий воплотившийся явною сделал благодать, сокрытую от века? Так и тем, что *разрушил смерть, и возсиял жизнь и нетление.* То и другое совершено одним действием воскресения, в котором и смерть разрушена, и жизнь нетленная воссияла: ибо Господь и Спаситель, воскресши, воскрес явно чрез победу над смертию и разрушение ее; но победивший и разрушивший смерть уже не умирает, и смерть Им не обладает; почему в Нем во свет изводится нетленная жизнь. То и другое самым делом явлено только в лице Спасителя; в Нем и смерть разрушена, и нетленная жизнь воссияла; для общего же разрушения смерти и воссияния нетленной жизни в сем положено лишь прочное основание и совмещена совершительная сила, имеющая в свое время совершить сие. Господь Спаситель смерть разрушил и жизнь в Себе воссиял нетленную не для Себя, а для нас, для рода человеческого. И мы

действительно делаемся причастными сего, чрез таинственно-благодатный, но живой союз с Господом, которым и в нас полагается прочное основание и разрушению смерти, и воссиянию нетления. — Но ныне сие действуется сокровенно, въявь же придет в конце веков; ныне семя только тому полагается, древо же жизни восстанет из сего семени в свое время. Но как сокрытая прежде благодать домостроительства нашего спасения истинно и действенно явлена в Господе Спасителе: так и сокрытая ныне в нас чрез общение с Спасителем сила разрушения смерти и воссияния жизни несомненно проявится в свое время. Святой Златоуст говорит: «в теле Христовом то и другое (жизнь и нетление) уже было (и есть), а в нашем еще будет. Это — предмет нашей надежды». — *Возсиявшаго*, φωτίσαντος, — может две мысли подавать: и — «явившего в Себе» (Экумений), изведшего на среду, на свет, в видение всем, и учением о том и верою в то просветившего. Так блаженный Феодорит пишет: «Единородное Слово, вочеловечившись, прекратило владычество смерти и даровало нам обетование жизни вечной; сие выразил Апостол, сказав: *возсиявшаго*, — вместо: предуказавшего». Блаженный Феофилакт то и другое совмещает, то есть что и в Себе явил, и нас просветил надеждою; ибо последнее уверовано на основании первого: «в собственном Своем теле Спаситель

самым делом разрушил смерть, онетленив оное; нас же просветил благовестием — надеяться жизни и нетления. Ибо мы еще не онетленены самым делом, но имеем быть таковыми, и в таковой надежде утверждает нас благовестие».

Благовествованием, διὰ τοῦ εὐαγγελίου, — следует, впрочем, относить ко всему, сказанному о домостроительстве спасения. Великая сия благодать предназначена от века, но была сокрыта, явлена же ныне в Господе Спасителе. В Нем вся полнота домостроительства спасения, и мы можем делаться причастниками его не иначе, как чрез живое общение с Господом. Общение сие начинается верою, действуется в таинствах, в совершенство и окончание приходит жизнию по вере во благодати. Но без начала и конца нельзя ожидать. Как начало — вера, а вера — плод благовествования; то Апостол и присовокупил: διὰ τοῦ εὐαγγελίου, — как безусловно необходимому посредству для причастия благодати домостроительства спасения.

Возвратимся немного назад. Все это изображение благодати Божией в устроении нашего спасения, от века предначертанной, в воплощении Господа вступившей в действие и действием своим простирающейся на всю вечность, — изображение благоволительного к нам дела Божия, столь величественного, всеобъятного и обрадовательного, сделано Апостолом для воодушевления

святого Тимофея к тому, чтоб не стыдился свидетельства о Господе Спасителе и охотно вдавался в сострадание благовестию, говоря как бы: есть из-за чего пострадать; «видишь, какая сила, видишь, какой дар ниспослан нам» (святой Златоуст). *Не постыдися убо, но спостражди благовествованию.* — Далее Апостол подкрепляет и подогревает то же воодушевление собственным своим примером. И я, говорит, стражду за благовестие, но не стыжусь.

бб) Руководствуясь примером Апостола (1, 11—14)

Пример свой святой Павел представляет коротко, но полно, напоминая: α) как ему поручено благовестие (стих 11), β) как небоязненно и несмущенно он исполняет сие поручение (стих 12, 1-я половина) и: γ) как питает надежду, что труд его не тщетен будет (стих 12, 2-я половина), — все сие направляя так, чтоб отсюда истекало для святого Тимофея воодушевление на сострадание благовестию (стихи 12—14).

α) Как Апостолу поручено благовестие (1, 11)

Глава 1, стих 11. *В неже поставлен бых аз проповедник и Апостол и учитель языков.*

Убеждает Апостол святого Тимофея не стыдиться, но с готовностию нести страдание за благовестие. Главный источник воодушевления на такой подвиг — уверенность, что как дело благовестия, так содержание его прямо исходит от

Бога и что трудящийся в нем прямо Богу служит, а не человеческие распоряжения исполняет. Для святого Павла уверенность в этом непосредственно от лица Господа напечатлена; но святой Тимофей веровал сему чрез святого Павла. Хотя он знал, как святой Павел стал Апостолом и как от Самого Господа получил повеление проповедывать; но поновлять это в душе его воспоминанием не было излишне, как не излишне никогда поновлять воспоминание и о всех таинствах веры, которые естественно заграждаются новыми познаниями и впечатлениями и отодвигаются на задний план во внимании. Это и делает теперь святой Павел. Сказав: *в неже поставлен бых*, — он восставил в уме святого Тимофея впечатлительную историю обращения святого Павла, привлекши к сему воспоминание и о неоднократных явлениях ему Господа с прямым повелением: иди во языки. А этим всем не могла не оживиться уверенность, что, трудясь в благовестии по руководству святого Павла, он продолжает дело, Господом ему порученное, и, следовательно, сам служит Господу. Плодом же оживления такой уверенности не могло не быть оживление и воодушевления дерзновенно, не стыдясь, возвещать благовестие, с готовностию и страдать за него. Что и желательно было Апостолу произвесть настоящими словами. Блаженный Феофилакт пишет: «для чего святой Павел назвал себя здесь

учителем языков? Для того, чтобы внушить святому Тимофею, что и он должен возвещать слово благовестия язычникам и не падать духом (встречая при сем противления)». Слова: *проповедник, Апостол, учитель* — однозначительны. Но можно и различие некое в них видеть. *Проповедник* является в среду народа, ему неведомого и его не знающего, и благовествует. Для возбуждения веры, он, как Апостол, уверяет слышащих, что не от себя говорит, а послан Господом и Его волю возвещает им. Затем уверовавших берет на свое попечение и научает их и ведению, и жизни, как пестун, входя в круг их непосредственными распоряжениями.

β) Как Апостол исполняет сие поручение (1, 12)

Глава 1, стих 12, 1-я половина. *Еяже ради вины и сия стражду, но не стыждуся.*

Это и еще сильнее должно было воодушевить. Не будь сего, на первое могли бы прийти охлаждающие помышления: хорошо тебе так говорить, находясь в чести и покое. Но когда убеждающий к нестыдящемуся страданию — сам страдает и не стыдится, то напоминание об этом то же есть, что дров подложить к разведенному уже огню. Если припомним при этом крепкую любовь святого Тимофея к своему отцу и учителю, то еще более удостоверимся, что так было и у него. Воодушевление его, поднятое первым

напоминанием, еще более возросло и воспламенилось. Апостол говорит как бы ему: «мне подражай, связанному за учение Евангельское» (блаженный Феофилакт). «Не смущайся при мысли о моих страданиях. Я страдаю не как злодей, но для научения язычников. Разве постыдны такие узы, разве постыдны такие страдания? Не стыдись же и ты» (святой Златоуст). «Видишь ли, как он и сам делами показывает то, к чему убеждает святого Тимофея, — то есть чтоб не стыдился страданий» (блаженный Феофилакт).

γ) Как Апостол питает надежду, что труд его не тщетен (1, 12—14)

Глава 1, стих 12, 2-я половина. *Вем бо, Емуже веровах, и известихся, яко силен есть предание мое сохранити в день он.*

Новый источник воодушевления к нестыдящемуся страданию за благовестие, именно что ничто, понесенное и сделанное в сем отношении, не будет забыто, но всецело сохранится и предъявится в день суда, для возложения на весы правды и для определения заслуженного жизнию воздаяния. Он выражает здесь свою о сем надежду и, следовательно, то, чем его воодушевление питается и держится. Но как пред сим, говоря: я страдаю и не стыжусь, внушал он: не стыдись и ты страдать: так и здесь, говоря о воодушевляющем его уповании, имеет в намерении

то же упование восставить и в святом Тимофее, чтоб и подобное своему воодушевление воспламенить в нем — страдать и не стыдиться.

Предание, παραθήκη, — означает все, что полагается у кого-либо для сохранения. Следовательно, одно какое-либо определенное значение всюду давать этому слову несправедливо, а надобно указание на это значение находить в течении речи. В настоящем месте оно должно означать все труды и страдания святого Павла за благовестие Евангелия. Мне вверено, говорит, благовестие язычникам; я и тружусь в этом, и хотя страдаю за то, но не теряю духа, будучи уверен, что ничто из понесенного мною и сделанного по сему поводу не пропадет даром. Мысль в основе сего та, что никакое доброе дело, делаемое во славу Божию и благо ближних, не пропадает даром, но хранится в памяти Божией, в книге живота, у Господа Спасителя, и в день суда взято будет во внимание для определения участи сделавшего его. Уверение в этом Господь внушает притчею о неправедном приставнике. Его усвоил Апостол и выражает здесь. Все, говорит, что я отлагаю у Господа, сохранно пребывает и пребудет в сокровищнице Его, ко дню явления Его на суд. Что же это все? Все, что сделано им по благовестию, — и труд благовестия, и все страдания за него, и все плоды его — основание и устроение стольких Церквей по всей вселенной.

Можно под преданием разуметь и самое содержание благовестия – веру Христову, поколику она вложена Апостолом в души верующих, или вверена на хранение Церкви Божией, коей глава есть Христос. Господь вложил сию веру в его душу, и она стала его собственностию; почему говорит: предание мое. Я передаю или вверяю другим то, что Господь мне передал и вверил, – неизменную веру Божию. Сия вера не такая, что ныне она стоит, а завтра изменится. Нет; она пребудет до скончания века и на суд предстанет, определяя участь каждого. Следовательно, есть из-за чего пострадать, не стыдясь.

На чем стоит у Апостола такое упование? На том, что Господь силен совершить то, чего он уповает от Него. Когда кто положит что на сохранение у человека бессильного, который и сам себя защитить и оградить не может, то ни минуты не может быть покоен за добро свое. А когда положит он добро свое у человека сильного, к которому и подступить никто не посмеет, то совершенным покоем покоен бывает насчет своего добра. Так и здесь у Апостола. Бог силен, говорит, сохранить и веру, и труды мои но благовестию ее. Я знаю, кому поверил. То – Господь есть; лицем к лицу не раз беседовал Он ко мне, и в истине веры удостоверяя столь осязательно, и на труды благовестия посылая и воодушевляя. Но Господь всесилен есть, – «есть Бог, Творец и

Владыка всяческих» (блаженный Феодорит); почему я убежден, что Он и веру Свою сохранит навсегда, и мои труды не оставит без воздаяния. «Смотри, какое дерзновение! Какое непоколебимое упование! Знаю, говорит, и убежден твердо-натвердо» (блаженный Феодорит).

Так разумеют *предание* и сохранение его наши толковники. Святой Златоуст говорит: «что значит: *предание*? Вера, проповедь. Сам предавший ее, говорит, сохранит ее неизменною. Я терплю все, чтобы это сокровище не было расхищено, и не стыжусь ничего, только бы оно сохранилось в целости. Или *преданием* он называет верующих, которых Бог вверил ему или которых он предал Богу, как в другом месте говорит: *и ныне предаю вас Богови* (ср.: Деян. 20, 32)». «Как бы говорил так, — продолжает святого Златоуста блаженный Феофилакт, — не стыжусь, надеясь, что многих приведу к Богу, которых и сохранит Он, чтобы их ради меня прославить. Или под *преданием* разумеет Апостол воздание будущее: ибо всякий, делающий что-либо доброе, полагает то у Бога (на хранение), чтоб в свое время увенчану быть за то».

Стихи 13 и 14-й кажутся будто вставленными в течение речи. Но такими они только кажутся, на деле же составляют естественное заключение или приложение сказанного с 8-го стиха по 12-й. Не стыдись, говорил, благовествования, но

спостражди ему; затем, достаточно расположив к тому и воодушевив — то благотворностию домостроительства нашего спасения, о коем благовестие, то собственным своим примером,— теперь заключительно прибавляет: благовествуй, не стыдясь и не боясь страданий за то, но благовествуй по тому образцу, который мною тебе преподан; мое тебе завещание или предание храни. Это прилагается по цели Послания как Первого, так и этого Второго,— предотвратить от споров с еретиками, чтоб не набраться пустых и ложных мыслей и не испортить образа здравых словес. Впрочем, и небоязненное благовествование что есть другое, как не хранение образа здравых словес и завещания Апостольского,— хранение чрез вложение его в души слушающих с верою и верующих? По этой мысли стихи сии можно почесть продолжением сказанного в стихе 12, о надежде Апостола, что предание его будет сохранено ко дню оному. Хранящий есть Господь; орудия — Апостоловы преемники, из коих не первый ли святой Тимофей. Ему и говорится: храни и предай последующим сохранно; оно таким образом и сохранится до конца.

Стих 13. *Образ имей здравых словес, ихже от мене слышал еси, в вере и любви, яже о Христе Иисусе.*

Образ, ὑποτύπωσιν,— начертание, норму, первообраз. *Здравых словес* — здравого учения. Я пре-

подал, говорит, тебе здравое учение о спасении; его и имей в уме и сердце, как образец, и по нему благовествуй. «Как делают живописцы, так и я начертал тебе образ добродетели и всего угодного Богу, и как бы некое правило, первообраз и начертание я вложил в твою душу» (святой Златоуст). «Как живописец, я написал и нарисовал тебе икону и первообраз, чтобы, смотря на него, и ты по нему живописал такое же начертание моих словес (в умах и душах верующих, как на полотне). Имей в себе этот первообраз и, когда нужно будет что живописать, с него бери и живописуй: ибо в нем все совмещено» (блаженный Феофилакт). «Подражай живописцам. Как они, внимательно всматриваясь в подлинники, с точностию списывают с них изображения, так и ты, как бы некиим подлинником, имей преподанное мною учение о вере и любви» (блаженный Феодорит).

Ихже от мене слышал еси. «Не Посланиями только Апостол внушал ученику, что ему должно делать, но и на словах. Это он выражает и во многих других местах, когда, например, говорит: *или словом, или посланием нашим* (2 Сол. 2, 15); но гораздо яснее здесь. Посему не будем (судя по Посланиям писанным) думать, будто учение преподано им недостаточно; многое он преподал ученику и без письма, о чем теперь и напоминает ему» (святой Златоуст).

В вере и любви, яже о Христе Иисусе.

В вере и любви — можно разно сочетывать: или — начертание здравых словес моих, моего учения, имей в вере и любви, содержа их, как в каком хранилище, в сердце верующем и любящем; или — храни начертание моего учения, обнимающего и веру, и любовь; или — о вере ли или любви будешь благовествовать, бери то из моего тебе начертания здравого учения. Первое можно видеть в приведенных выше словах святого Златоуста: «первообраз и начертание я вложил в душу твою». Второе — там же у святого Златоуста: «я начертал тебе образ добродетели и всего угодного Богу»; в приведенных выше словах блаженного Феодорита: «подлинником имей преданное мною тебе учение о вере и любви»; и в следующих словах блаженного Феофилакта: «словеса мои содержат учение и о вере, и о любви, — то есть — и о догматах, и о должной жизни». Третье — в следующих словах святого Златоуста: «нужно ли будет тебе посоветоваться о вере, или о любви, или о целомудрии, оттуда, то есть из начертания моего, заимствуй образцы; не будет тебе надобности искать образца у других, потому что там все содержится». И в подобных сим словах блаженного Феофилакта: «нужно ли будет тебе догматствовать о достодолжном, или говорить, или действовать, оттуда следует тебе все заимствовать». Есть еще четвертое понимание, — Экумениево, именно что словеса свои Апо-

стол изрекал, движимый верою и любовию. «Словеса его,— пишет он,— и поучения были в вере и любви, данной ему от Христа». Никакой нет необходимости настаивать на одном каком-либо понимании, потому что все они и допустимы, и имели непременно место на деле. Не иначе как движимый верою и любовию Апостол преподавал учение, и учение о вере и любви; не иначе как верою и любовию и принимал сие учение святой Тимофей, и хранил, и преподавал другим,— и, из его уст исходя, оно было — не об ином чем, как о вере и любви.

Яже о Христе Иисусе — грамматически относятся к любви, по существу же дела не к любви только, но и к вере. Так, кажется, и следует разуметь, не стесняясь образом выражения. Означается же сим выражением и источник, и характеристическая черта веры и любви: в вере и любви, от Господа Спасителя даруемых и в духе Его содержимых.

Стих 14. *Доброе завещание соблюди Духом Святым живущим в нас.*

Доброе завещание, παραθήκη,— предание, то, что тебе предано, говорит, и вверено хранению твоему,— то же, что и: *образ здравых словес*,— или что выше выразил, говоря: *силен есть предание*, τὴν παραθήκην,— *мое сохранити*. — *Добро* сие *завещание*, потому что само в себе доброкачественно, из доброго — Божия — источника

исходит, на добро дано, к добру ведет и добрым концом увенчается. *Соблюди же*, говорит, его неизменным и целым, по нему настроивая и образ своих воззрений, и образ действования и жизни. «Соблюди заповеданное мною тебе, и относительно веры, и относительно жизни по вере» (блаженный Феофилакт). Соблюди, как мой преемник, и соблюденным в целости передай его своим преемникам, научив и тех таким же передать его имеющим после них быть преемниками. Так до конца. В слове: *соблюди*, — сказанном святому Тимофею, да слышат все, приявшие благодать Апостольского преемства, урок себе — хранить неизменным принятое от предшественников, не вводя и не допуская никакой новизны.

Духом Святым, данным нам. «Как же тебе это соблюсти? Не человеческою силою, но Духом Святым, Который обитает в нас в силу крещения. Если сохраним Его в себе и не отгоним своею беспечностию и злонравием; то и Он соблюдет в нас все, что имеем мы от Бога. Итак, потщись сохранить Духа, и Он сохранит в тебе завещанное тебе» (блаженный Феофилакт, Экумений). Святой Златоуст полнее объясняет это: «*доброе завещание соблюди*. Как? *Духом Святым живущим в нас*. Человеческая душа и человеческая сила не в состоянии сами по себе сохранить таких благ, вверенных им. Почему? Потому что вокруг нас много разбойников, глубокая тьма,

диавол стоит и коварствует, и мы не знаем, в какой час, в какое время он нападет на нас. Как же мы можем сохранить их? Духом Святым, то есть если будем иметь в себе Духа; а Он будет присущ нам, если мы не отгоним благодати Его. Ибо *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий* (Пс. 126, 1). Он – наша стена, Он – наша ограда, Он – наше убежище. Скажешь: но если Он живет в нас и Сам хранит нас, то для чего наставления? Для того, чтобы мы удерживали Его, хранили Его и не отгоняли от себя злыми делами».

В нас – в ком и как? В ком же? Можно: в нас с тобою; можно: во всех Апостолах и ближайших их учениках, именуемых также Апостолами; можно: в Апостолах и всех преемниках, бывших, сущих и будущих. – Как же? На Апостолов Дух Святый сошел непосредственно, преемники же их получали и получают Его чрез рукоположение. Блаженный Феофилакт, говоря, что Духа Святаго имеем мы чрез крещение, подает мысль, что под Духом Святым разумеет он общехристианскую благодать и, следовательно, под: *в нас* – в христианах. Но как, выше немного, сказав о παραθήκη, что под сим разумеются преподанные святому Тимофею заповеди о вере и жизни, прибавил: «или Апостол хочет сказать: дар, который ты получил, как и выше сказал (то есть

в стихе 6)»; то нельзя отрицать, что и он здесь разумел Духа Святаго, приемлемого чрез рукоположение.

вв) Руководствуясь примером Онисифора (1, 15—18)

Выставив свой пример в воодушевление святого Тимофея к нестыдящемуся пострадапию за благовестие, святой Павел выставляет и другой пример — Онисифора, лица, более подходящего в уровень со святым Тимофеем и даже уступающего ему в значении, — все с тою же целию воодушевить. Он сим внушает: если этот не постыдился, который ниже тебя; то тем паче тебе не подобает стыдиться. Но как светлое светлее бывает, будучи близ темного поставлено, то Апостол для возвышения цены нестыдения Онисифорова прописывает, что его все оставили, вероятно, по стыду и по страху. Он как бы говорит: все устрашились грозящей беды и устыдились исповедать веру свою; один Онисифор выдержал. Вот тебе пример! Действуй так и ты.

Глава 1, стих 15. *Веси ли сие, яко отвратишася от мене вси, иже от Асии, от нихже есть Фигелл и Ермоген.*

Веси ли. Может быть, и к сведению святому Тимофею сообщал сие Апостол: ибо ему, как блюстителю Асийских Церквей, следовало знать, каковы асийцы или какими они способны оказаться пред лицом опасностей. Так блаженный Фео-

дорит. Но вернее, надо полагать, для того, чтоб, как замечено, воодушевить святого Тимофея, усилив тем значение примера Онисифорова, и не его только, но даже и своего, — как тот же далее блаженный Феодорит пишет: «сим Апостол убеждает Тимофея переносить мужественно встречающиеся огорчения» — и как изъясняет святой Златоуст: «Апостол говорит об искушениях, не с тем, чтобы поразить (обмалодушить) ученика, но чтобы возбудить его (воодушевить), чтобы он, если случится когда-нибудь и ему подвергнуться таким же искушениям, не смущался, взирая на учителя и вспоминая о сем случившемся с ним».

Отвратишася от мене вси. Не веру оставили, а от Апостола отстранились. Верно, опасность была велика. Прежние узы Апостола, и в Риме, и в других местах, были легче и менее опасны. Наветовали большею частию иудеи и раздражали иногда язычников; но правительственные лица брали его под защиту закона... Теперь же сам Нерон против него. Нельзя было ожидать милости и тем, которые явят себя держащимися его стороны. Опасность смерти смотрела в глаза, и все знаемые Апостола отстранились от него. Святой Златоуст говорит: «он тогда, вероятно, был взят под стражу и оставлен всеми, не видел ни от кого ни человеколюбия, ни милости, ни помощи, но был оставлен самыми верующими и друзьями. *Отвратишася от мене*, говорит, *вси*,

иже от Асии. В Риме, вероятно, было тогда много людей из областей Асийских; может быть, они даже сопровождали Апостола в Рим (см.: Экумений); но никто, говорит, не явился ко мне, никто не признал меня, все отчуждились». Блаженный Феодорит поясняет: «они избегали свидания с Апостолом, боясь Нерона».

От нихже есть Фигелл и Ермоген. Ход речи дает такую мысль: даже и Фигелл с Ермогеном. Они, вероятно, ближе были к Апостолу, в больших с ним находились сношениях, более были известны и ему, и святому Тимофею. Ибо после сих слов само собою навязывается дополнение: известные тебе, которые так выдавались из-за других, оказывались такими ревнителями; но оказались, что и они из числа тех, которые в покойное время являют себя верующими, а как опасность налицо, прячутся. Впрочем, в словах Апостола не видится укор и осуждение, а скорее слышится сожаление. Так святой Златоуст: «и смотри, сколь любомудра душа Апостола! Он сказал только, что было, но нисколько не укорял их; сделавшего ему добро похвалил и пожелал ему бесчисленных благ, а им не пожелал никакого зла».— Всяко, однако ж, естественно видеть здесь и намек святому Тимофею: смотри, и ты не окажись таким же; или — не на них смотри, а на меня, терпящего сие и нестыдящегося,— и на Онисифора, о ком скажу сейчас.

Стихи 16—17. *Да даст же милость Господь Онисифорову дому: яко многажды мя упокои, и вериг моих не постыдеся, но пришед в Рим, тощнее взыска мя, и обрете.*

То предложил пример, которому не должно подражать, а теперь предлагает такой, которому подражать должно. Цель же и того и другого одна — воодушевить на то, чтоб не стыдиться Евангелия и не страшиться пред врагами его. Онисифор, говорит, не постыдился меня и не убоялся гонящих меня, но взыскал меня и многократно упокоил. За это Апостол окружает его благожеланием милости от Господа и в сей жизни, и паче еще на суде Божием. Вот кому подражай! Блаженный Феодорит пишет: «досточуден, достоин соревнования и треблажен оказавший столько услуг Апостолу и получивший такое благословение из Апостольских уст. Ибо те, о которых Апостол упомянул выше, и быв вместе с ним, отвращались от него; а этот из Асии пришел в Рим, ни дальностию пути не утомившись, ни жесточайшего из царей не убоявшись, Апостола же удостоивал всякого рода заслуг. Почему Апостол не ему только, но всему дому его воздал Божиею милостию».

Да даст же милость Господь Онисифорову дому. Онисифор оказал услугу, а милость благожелается всему дому. Это или потому, что для главы дома дороже всего благосостояние дома и

благожелание дому есть самое приятное ему самому благожелание; или потому, что и семейство его вместе с ним также упокоивало Апостола, будучи, кроме того, и само по себе достойно всякого внимания и уважения и по искренности веры, и по добродетелям. «Так они (члены семейства) были добродетельны. Так воспитал их Онисифор» (блаженный Феофилакт).

Яко многажды мя упокои. — *Упокои*, ἀνέψυξεν, — прохладил. Апостол представляет себя жегомым скорбию и тяготами, и по причине уз, и по причине оставления всеми. Участие Онисифора и услуги со стороны его были то же для Апостола, в скорби его, что вода жаждущему и прохлада томимому зноем. «Он, говорит, освежал и укреплял меня в страданиях, как какого ратоборца, изнемогающего от зноя» (святой Златоуст).

И вериг моих не постыдеся — не счел для себя унизительным иметь общение, близкое и дружеское, с тем, кто содержим был в узах, яко злодей. Убеждение в Божественном достоинстве благовестия, Апостолом возвещаемого, в его сознании, сердце и совести, небесным ореолом окружало и лик самого Апостола и давало ему силу стоять выше обычного человеческого мнения об узниках и не краснеть, входя в темницу и исходя из нее, для упокоения узника — Апостола.

Но пришед в Рим, тощнее взыска мя, и обрете. Темниц тогда много бывало; потому что, кажется,

тогда это были частные дома, хозяева которых были и стражами их. Таким образом, желавшему увидеть узника необходимо было прежде отыскать его. Онисифор, по прибытии в Рим, узнав об узах святого Павла, тотчас и начал искать его, — и искать σπουδαιότερον, — наиусерднейше, и не успокоился, пока не нашел. И страха Неронова не убоялся, — «хотя обстоятельства были исполнены опасностей, ибо Апостол тогда подвергся гневу Нерона, обратив кого-то из близких к нему. Но Онисифор, прибыв в Рим, не только не избегал, говорит, встречи со мною, но всеусердно взыскал меня и нашел (каково мужество! какова вера! [см.: блаженный Феофилакт]). Таковы должны быть и все верующие (наипаче же пастыри), — не удерживаться ни страхом, ни угрозами, ни стыдом» (святой Златоуст).

Стих 18. *Да даст ему Господь обрести милость от Господа в день он. И елико во Ефесе послужи ми, добрее ты веси.*

Милость за милость. «Онисифор, говорит Апостол, оказал мне милость и за это получит воздаяние в тот страшный и ужасный день, когда нам нужна будет великая милость» (святой Златоуст). «Тогда многая потребна милость всем, даже и самым святым. Если Онисифор, явным опасностям подвергавший себя за Христа, милостию спасен имеет быть; не тем ли паче мы?» (блаженный Феофилакт). Апостол желает само-

нужнейшего. Ибо если там не сретим милости, все пропало — и навеки.

Да даст Господь обрести милость от Господа. Господь от Господа. «Итак, два Господа? Отнюдь нет; *но нам един Господь Иисус Христос и един Бог* (ср.: 1 Кор. 8, 6). Зараженные Маркионовою ересью ссылаются на это выражение, но пусть они знают, что оно весьма обыкновенно в Писании. И в других местах часто можно встречать это выражение, когда, например, говорится: *рече Господь Господеви моему* (Пс. 109, 1); и еще: *одожди Господь от Господа* (ср.: Быт. 19, 24). Этим показывается единосущие Божеских Лиц, а не различие существа; и Апостол говорит так не для того, чтобы мы представляли себе два существа, различные между собою, но два Лица, имеющие одно и то же существо» (святой Златоуст).

И елико во Ефесе послужи ми, добрее ты веси. — Это великое одобрение! Ибо в Ефесе изъявлять близость свою с Апостолом не меньше было опасно и не меньшему от иных подвергало осмеянию. Но Онисифор всегда одинаков. Как уверовал, так стал быть преданным вере и вероучителям, никого не стыдясь и никого не боясь. «Такой образ действования стал обычен ему. Не однажды заявил он его. Но каков был во Ефесе, как ты сам знаешь, таков он и здесь» (блаженный Феофилакт, Экумений). «Таким и должен быть христианин ревностный и бодрствующий, — дол-

жен делать добро не однажды, не дважды или трижды, но во всю жизнь. Как тело наше не однажды насыщается для поддержания себя на всю жизнь, но имеет нужду в ежедневном питании, так и здесь, в благочестии, мы ежедневно имеем нужду в помощи от добрых дел» (святой Златоуст).

б) Наставление проповедывать ревностно и в духе любви (2, 1—13)

К чему обязывает святого Тимофея полученный им дух силы, разъяснил Апостол. Теперь начинает сказывать, к чему обязывает его дух любви (см.: 2, 1—13). Отделение сие начинается воодушевительным: *возмогай* — и, следовательно, будто продолжает речь о духе силы. Так кажется — и казалось, что течение речи, — с (1, 8) до (2, 13), — можно так распределить. Сказал Апостол в (1, 8): *не постыдися, но спостражди*, — потом убеждает к тому, чтоб не стыдиться, в (1, 8—18), а к тому, чтоб мужественно спострадать, в настоящем отделении (см.: 2: 1—13). Но как далее, — со (2, 14), — говорит Апостол о здравоумии, а затем, — с (3, 10), — предлагает общие убеждения к достодолжному пастырствованию и тем закапчивает учительную часть Послания; то для духа любви не остается особого слова, он будто забыт, что допустить неудобно. Почему Толкование нашло себя понуждаемым признать,

что в настоящем отделении говорится о возгревании духа любви, и согласилось на это тем охотнее, что в нем пишется не о мужестве, а о ревности к благовестию, которая обычно есть плод любви к тому, о чем ревнует и для кого. Итак, полагаем, что Апостол в сем отделении внушает святому Тимофею: действуй в духе любви или возгревай дух любви, — любви: аа) к самому благовестию (см.: 2, 1—2) и: бб) к труду благовестническому (см.: 2, 3—13).

аа) Возгревая дух любви к самому благовестию (2, 1—2)

Любя благовестие, не только сам блюди его, как сокровище, но передай его и другим надежным людям, которые довольны иных научить, чтоб таким образом благовестие, переходя из рода в род, никогда не пресекалось на земле.

Глава 2, стих 1. *Ты убо, чадо мое, возмогай во благодати, яже о Христе Иисусе.*

Ты — чадо мое. Приступая к указанию, как возгревать дух любви, начинает словом, дышащим любовию: *чадо мое!* «Не просто *чадо*, но: *чадо мое*» (святой Златоуст). «Видишь, с какою отеческою любовию он предлагает ему свое увещание?! С словом сим он как бы и душу свою любительную перелил в него» (блаженный Феофилакт). Возмогай, ἐνδυναμοῦ, — крепни, расти, приходи в возмужание. В чем же? *Во благодати, яже о Христе Иисусе*: вообще, в благодатном

порядке жизни, Господом Иисусом водворенном на земле; частнее, — в том порядке действования, к которому обязывает тебя особый дар благодати, дарованный тебе возложением рук моих, дар архипастырства, благодать Апостольского преемства. *Возмогай во благодати* — то же, что выше: *возгревай дар Божий* (ср.: 1, 6). Дар сей тройствен, — совмещает в себе дух силы, любви и здравоумия. Как о духе силы уже говорено, то здесь следует разуметь дух любви. Или *во благодати* — есть: силою благодати. Расти, приходи в возмужание в Апостольском действовании, — в благовестии и учреждении жизни по нему. «В этом подкрепит тебя благодать Господня» (блаженный Феодорит). «Трезвись, говорит, бодрствуй; благодать Господня сподвизается и содействует тебе; но и ты с полною охотою и готовностию исполняй свое дело» (святой Златоуст). «Ее имей сподвизающеюся с тобою» (блаженный Феофилакт). Как? Действуя в духе ее по ее внушениям и возбуждениям. Если не будешь так действовать, то дух сей, не будучи возгреваем и раздуваем соответственными ему трудами, погаснет. Так оба значения совместятся: силою благодати укрепляем, действуй в духе ее, — и будешь расти в том порядке жизни, к коему она призывает и обязывает тебя.

Стих 2. *И яже слышал еси от мене многими свидетели, сия предаждь верным человеком, иже довольни будут и иных научити.*

Сказал: *возмогай* — расти и мужай; и затем прилагает: *и яже слышал еси* — *предаждь.* Последнее объясняет первое или указывает способ к тому. Расти и мужай, возгревая благодать свою силою сей же благодати. Как же это сделать или как в сем успеть? Успеешь, если преподанное тебе сокровище учения, — тайны Божии спасительные, — не будешь в себе скрывать, но будешь ревностно делиться ими, будешь распространять ведение об них и сам своим словом, и словом других способных учеников своих. Если любишь сие сокровище, ты не можешь действовать иначе: ибо для него нет другой подобающей благолепной сокровищницы, кроме душ человеческих. Если дорожишь им, в эти сокровищницы спрячь его. «Не сказал: говори, но: *предаждь,* — как бы о сокровище, которое передается и сохраняется в безопасном месте» (святой Златоуст).

И яже слышал еси от мене. В душу твою, как в сокровищницу, я чрез слух твой, верою раскрытый, вложил сокровище таин Божиих. Делай и ты то же для других, что я сделал для тебя. Поставляя сии слова в соотношение с тем, что часто повторяется в обоих Посланиях: не вступай в споры, в состязания и изыскания, — можем видеть в них подразумеваемым внушение: предаждь, что слышал, а не то, что «сам надумал» (святой Златоуст), — «не то, до чего сам исследованием дошел; ибо вера от слуха» (блаженный

Феофилакт). «Что слышал ты от меня, то и продолжай проповедывать» (блаженный Феодорит).

«Что значит: *многими свидетели*? Он как бы так говорит: ты слышал от меня не скрытно и тайно, а в присутствии многих, открыто» (святой Златоуст). «Некоторые (Фотий у Экумения) разумеют под *многими свидетелями* закон и Пророков. Слово мое, говорит, было сочетано из свидетельств Писания» (блаженный Феофилакт). Трудно придать сим словам определенное значение. И то верно, что святой Павел любил слово свое растворять свидетельствами из закона и Пророков, и то верно, что он всегда говорил открыто, не на ухо, как бы боясь обличений, но с дерзновением, свидетельствовавшим о глубине и живости его убеждения в истине, готового на борьбу с противоубеждениями, с уверенностию в победе. Может быть, и сказано это с тем, чтоб и святому Тимофею вдохнуть такое же дерзновение. Но нельзя ли слов сих соединять с *предаждь*? Передай при многих свидетелях. Такое распоряжение было необходимо для сохранения учения без прибавлений и убавлений и представляло очень надежное к тому средство. Свидетели отсекали у тех, коим вверялось учение для передачи и другим, всякий позыв приплетать при сем к преданному учению и свои измышления.

Предаждь верным человеком. — *Верным* — надежным, на которых можно вполне положиться,

что не сфальшивят в учении, но пребудут верными хранителями преданных истин. «*Верным*, — то есть верующим, а не таким, которые любят исследовать и рассуждать, — таким, которые не предадут (изменнически) проповеданного им» (святой Златоуст). «Не таким, которые искусны слагать силлогизмы и сплетать совопросничества, но таким, о коих можешь быть уверен, что они не окажутся предателями завещания» (блаженный Феофилакт).

Иже довольни будут и иных научити. Верность — нравственное качество, а способность и иных учить — умственное или словесническое. Умственное настолько лишь берется во внимание при избрании сих лиц, чтоб они способны были другим передать, что им передано, и в том виде, как передано, и, следовательно, способны усвоить им вверяемое. Ибо иначе пресечется течение или цепь предания, которое избрано главнейшим способом хранения богооткровенных истин. «Что пользы, если принявший хотя и верен («и все принимает без совопросничества» [блаженный Феофилакт]), но другим передать учения не может, — или если он хотя сам и не предает учения, но других такими же сделать не может? Учителю надо иметь два качества: быть верным и учительным» (святой Златоуст).

Но о каких лицах здесь речь? Не о всех, коим благовествуется и кои уверовали; ибо в

числе таковых могли быть не только неспособные учить других, но и могущие оказаться неверными. Почему надо положить, что здесь говорится об избираемых быть блюстителями предания и хранителями церковных порядков, то есть о епископах и пресвитерах. Намекается при сем и на то, что им передавалось нечто такое, что не входило в круг общего учения верных. Не разумеется ли здесь предание образа совершения святых таинств, которое шло тайно, как уверяет святой Василий Великий, хотя при свидетелях из круга старейших верных, чтоб вернее сохранилось? «Это относится к епископам и пресвитерам, коих имел рукополагать святой Тимофей» (Фотий у Экумения). «Распоряжение такое делается относительно пресвитеров и епископов, а не относительно всех верных, — и мирян. Ибо это было бы неуместно, когда сам святой Павел всем без различия, и иудеям, и еллинам, проповедывал слово. Полагаю притом, что это говорится о некоторых таинственных вещах, кои следовало сообщать только пастырям, — верным и учительным» (блаженный Феофилакт, Экумений).

бб) Возгревая дух любви к труду благовестническому (2, 3—13)

Любя благовестие, люби и труды благовестничества; α) смотри на воина (стихи 3—4), — смотри на состязателя ристалищного (стих 5), —

смотри на земледельца (стих 6), — как они, любя дело свое, не щадят труда для него и преуспевают, — и тем воодушевляйся (стих 7). Другим источником воодушевления да будет тебе: β) помышление о воскресении Господа (стих 8), — мой пример (стихи 9—10) — и христианское упование (стихи 11—13).

α) Чем воодушевляясь (2, 3—7)

Глава 2, стих 3. *Ты же злопостражди, яко добр воин Иисус Христов.*

Злопостражди — κακοπάθησον. Злострадание, κακοπάθεια, — есть несение болезненных трудов, соединенных с начатым делом, с претерпением и всех встречаемых при том неприятностей. Это видно и из предложенных при сем примеров воина, ристалищного борца и земледелателя. Итак, *злопостражди* — здесь значит: неси труды благовестия и терпи сопряженные с тем неприятности, *яко добр воин Христов.* Сколько приходится терпеть воину и в мирное время! А что он терпит во время войны, того не участвующие в войне и вообразить не могут. Что воодушевляет его? Желание явить себя воином, как следует, — чтоб никто не имел из-за него основательного повода думать плохо о воинстве. Любит воинство и старается не унизить его собою, а прославить и явить в светлости его достоинства. Апостол и говорит святому Тимофею: смотри на

воина, и как он о воинствовании достойном заботится, так ты ревнуй о достодолжном благовествовании,— ревнуй, не отступая пред сопряженными с тем трудами и неприятностями. И это делай тем с большим напряжением усилий, чем выше Царь, Коему воинствуешь. Воин земному царю угодить старается; ты же — Христов воин. Воинствуй же в благовестии настолько неутомимее всех воинов, насколько Господь Спаситель выше всех царей земных. «Прими во внимание, чей ты воин, и мужественно переноси воинские труды» (блаженный Феодорит). «О, какая честь быть воином Христовым! Вспомни, сколь важным считается находиться под начальством, командованием земных царей (насколько же важнее и выше есть быть под главенством Христа Господа? Но настолько же паче будь готов на всякие труды и неприятности в деле благовестия о Нем). Если с царским воином неразлучно злострадание (труд и нужда), так что быть чужду злострадания очевидно есть как бы отчуждение от чина воинского: то и тебе не должно скорбеть, что терпишь труды и неприятности (по воинствованию в благовестии), ибо это неизбежно для воина (Христова); но следует скорбеть, если не терпишь их» (святой Златоуст).

Приравнение святого Тимофея, как архипастыря, к воину показывает, что ему, как всем

пастырям, предлежит борьба с нечестием, невежеством и грехом. Не быть равнодушну к сим врагам человека, а как только где заметит то, тотчас вооружаться против того.

Стих 4. *Никтоже бо воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет.*

Сказал: трудись в благовестии, себя не жалея, как добрый воин Христов; теперь объясняет, кто бывает добрым воином из воинов обыкновенных, чтоб виднее было, что есть и Христов добрый воин. Там тот воин добр, который ничем не связывается, но, будучи от всего свободен, всего себя предает воинским занятиям. И здесь тот добр воин Христов из пастырей, кто всего себя предает благовестию, распространению веры в Него и устроению жизни по Нему среди верующих; все же прочее выбрасывает из внимания, даже мимоходом не касаясь того.

Воин бывая, στρατευόμενος, — вступая в воинство, становясь воином, — соглашаясь и решаясь быть воином. Взялся за дело, делай же его как следует. Возложил руку на рало, не озирайся вспять. Под: *куплями житейскими*, ταῖς τοῦ βίου πραγματείαις, — разумеется все житейское, — торговля, промыслы, ремесла, всякие сделки и хлопоты; все это бросает воин. *Обязуется*, ἐμπλέκεται, — вплетается или оплетается. «Выразительно сказал Апостол: ἐμπλέκεται, — потому что житейские дела точно суть узы вяжущие и змеи обвивающи-

еся и уязвляющие. Под: πραγματείαις — же дает видеть все хлопоты, сделки, суеты и тяготы житейские. Слова сии внушают: что вяжешь себя? Что вплетаешься в эти обременения и дела хлопотливые? Об одном воинствовании заботься, и тако угодишь Христу, избравшему тебя в Свое воинство» (блаженный Феофилакт). *Воеводе*, στρατολογήσαντι, — включившему тебя в список воинов, избравшему, признавшему тебя достойным сего чина. Два побуждения к бодренному и бдительному постырствованию даются здесь пастырю. В слове: *воин бывая* — внушается: принял на себя дело пастыря, пастырствуй же достодолжно, выдерживай, к чему обязывает тебя чин твой и имя твое. В слове: *воеводе*, — избравшему тебя, внушается: почтен честию, воздай Почтившему тебя действованием по воле Его; получил дар — принеси плод. Труд не мал, но взирай на Того, Кому угодное сотворишь, трудясь. Он есть Господь всяческих. — То и другое выполняется отрешением от житейских забот.

Стих 5. *Аще же и постраждет* (вступит в состязание) *кто, не венчается, аще не законно мучен будет* (вести состязание).

Второй пример: смотри на вступившего в состязание (на ристалищах), и вторая сторона ревности пастырской. Тем примером воина внушалось: все оставив, всего себя предай ревностному пастырствованию; а этим примером

вступившего в борьбу и состязание атлета внушается: ревнуй вседушно о пастырствовании, но ревнуй законно, достодолжно, разумно. Неразумное, выступающее из пределов, ревнование о пастырствовании пользы не приносит и награды не заслуживает, — подобно тому как не венчается борец, не как должно ведущий дело борьбы, не соблюдающий положенных для того законов. «И подвижничество (состязание на играх) имеет некоторые законы, по которым подвижникам (атлетам) надлежит подвизаться. А кто не по этим законам ведет борьбу, тот не получает венцов» (блаженный Феодорит). «Для него не довольно того, чтобы выйти на подвиг, или намазаться, или сойтись с противником; но если он не соблюдет всех законов борьбы, касательно пищи, воздержания и чистоты, самого образа борьбы, и вообще если не исполнит всего, обязательного для ратоборцев, то не получит венца» (святой Златоуст). «Ибо не оставляется на произвол состязаться, как кто хочет; но есть и относительно этого законы, — состязательные» (блаженный Феофилакт). Так и пастырю надлежит пастырствовать не как попало, но с строгою осмотрительностию и разумным ведением дела, надлежит сообразовать свои действия и с местом, и с лицом, и с течением дел внешних и внутренних, житейско-гражданских и духовно благодатных, во всем имея одну цель — побеждение противоборцев

видимых и невидимых, чрез водворение света истины, чистоты нравов и благодатного освящения. Как на борца смотрит вся публика и окружает его почетом за мужество и победу, так вся паства смотрит на пастыря и благоговеинствует пред ним, если он неленостно борется с ложью, злонравием и всякою беспорядочностию и не отступает, пока не одержит победы.

«Так показав, что доблестный воин свободен от других забот, и что мужественный подвижник подвизается законно, и законно подвизающийся увенчивается, Апостол представил другой еще пример, в котором с трудом соединена и выгода» (блаженный Феодорит).

Стих 6. *Труждающемуся делателю прежде подобает от плода вкусити.*

Третий пример земледельца: ибо *делателю,* — в греческом: γεωργὸν. Воодушевляет на труды пастырства. Есть труд и немалый, но труд не напрасный, а многоплодный, и ты же сам первый вкусишь от него, подобно тому, как земледельцу первому надлежит вкушать от плодов возделанной им земли. Вкушение плодов обещается, конечно, и в будущем; но по образу выражения видно, что оно сопутствует самому труду и тотчас за ним следует. Трудись, и тотчас увидишь плод труда на своих пасомых, в просвещении их ведением истины, в процветании среди них всякой добродетели, в осенении их благодатным освяще-

нием. Увидишь такие плоды и вкусишь от них утешение и обрадование духовное, кои напитают душу твою слаще меда и сота. Блаженный Феодорит пишет: «имеешь великие воздаяния за труды, возделывая вверенные тебе души». Или так: в то самое время, как других будешь учить, и сам паче осветишься светом истины; как других будешь наставлять на путь добродетели, и сам намастишься ею; как других благодатно будешь освящать в таинствах, и сам паче причастишься благодати таинств. Только трудись; не будешь трудиться, и истина начнет меркнуть в душе твоей, и добродетель слабеть, и благодать отдалять от тебя свое осенение. Пастырь, не трудящийся в учении, в руковождении на добродетель, в освящении пасомых таинствами и другими освятительными чинами, прежде всего себе вредит, равно как трудясь первый вкушает от плодов доброго пастырствования.

Святой Златоуст говорит: «сказав о том, что случается с обыкновенными людьми, о воинах и ратоборцах, и указав при этом на их награды, во-первых: *да воеводе угоден будет*, — во-вторых: да венчается, — теперь приводит еще третий пример, который особенно близок Тимофею (яко архипастырю). Пример воина и ратоборца относится и к подчиненным (пасомым), а пример земледельца — к учителю (пастырю), который должен быть не воином только и ратоборцем, но и земледель-

цем. Земледелец не о себе самом заботится, но о плодах земли и в плодах ее получает немалое воздаяние за труды свои. — Как земледелец трудится не без пользы, но сам прежде других наслаждается плодами трудов своих; так следует и учителю». Продолжим эту речь словами блаженного Феофилакта: «так и учитель (пастырь) не напрасно трудится, но сам первый вкушает плода от своих потов; ибо Бог (тут же) преизобильно воздает ему. Чтобы кто не стал скучать и недовольство изъявлять, что воздание отлагается на будущее, Апостол говорит: се, в самом труде ты получаешь уже воздаяние; если не другое что, то пользование душ есть великое уже для тебя приобретение. И смотри, Апостол не просто сказал: *делателю*, — но: *трудящемуся*: то есть не слегка работающему, но усиленный, по́товый подъемлющему труд». Не давай, пастырь, сна очам и веждям дремания, но, день и ночь трудясь, и мысленное напряжение, и сердечную молитву, и искусство словесное — все неутомимо обращай на дело доброго пасения паствы. Не пропустим и слов святого Григория Нисского*, приводимых Экумением: «так сказал Апостол, внушая, что учители прежде в себе самих должны показывать делом исполнение того, чему учат. Ибо это и значит учителям первым вкушать от плодов учения,

---

* *Святитель Григорий Нисский († после 394)* — учитель Церкви. — *Ред.*

когда они прежде других в самих себе возделывают добродетель».

Стих 7. *Разумей, яже глаголю: да даст убо тебе Господь разум о всем.*

Шла речь приточная, а смысл ее не выставлен; представлены примеры из обыкновенной жизни, а что значат они в приложении к пастырю, не указано. Апостол и прибавляет: сам это дополни; углубись и уразумей; а уразумевши, и самым делом будь таков. «Поелику вид речи был приточный, то Апостол по необходимости возбуждает святого Тимофея к уразумению сокровенного смысла и молит Бога сподобить его разумения» (блаженный Феодорит). Своего разъяснения не прибавил он, потому что разгадать смысл предложенной речи немудрено и потому, может быть, что своя мысль скорее и прямее нападет на то, что в примере нужнее для самого рассуждающего, а не только то, что им вообще означается, отвлеченно. И еще: «потому, говорит, я сказал так (приточно), чтоб тебя (ум твой) изострить» (блаженный Феофилакт).

Да даст тебе Господь разум во всем. «*Во всем,* — говорит, чтоб и сказанное ты уразумел как должно и все прочее умел делать как следует» (Экумений), да премудр будешь «во всех словах и делах» (блаженный Феофилакт). Приложил сие Апостол и чтоб свою любовь изъявить святому Тимофею, и чтоб его самого располо-

жить, приступая к уразумению Божиих словес, молитвенно обращаться ко Господу: ибо *един Учитель — Христос* (ср.: Мф. 23, 8) — и никого не было, нет и не будет, кто бы как должно уразумел и душе своей усвоил полно истину Божию, сам собою. Это дарует Господь кому хочет и когда хочет. И богопросвещаемые не все всё знают, и то, что знают, не всё разом узнают. Почему у всех молитва и о приложении веры, и об умножении разумения должна быть непрестающею, — у всех, тем паче у пастырей.

β) Другой источник воодушевления (2, 8—13)

Доселе (стихи 3—7) — Апостол в примерах, взятых из обыкновенной жизни, выяснял только неотложность ревностного в деле веры труда архипастырского и некоторым образом его направление и постепенность, — именно: как воин, он, все оставивши, вступает в дело пастырства; как ратоборец, ведет дело целесообразно; как земледелец, взирает на плод или увенчание труда своего. И это все воодушевительно; но Апостол судил нужным в воодушевление пастырской ревности выставить и особенные возбудительные моменты, каковы: воскресение Господа (стих 8), — свой пример (см.: 2, 9—10) — и несомненность христианского упования (см.: 2, 11—13). Это сходно с тем, как выше воодушевлял он к нестыдящемуся мужествованию в благовестии (см.: 1, 8—18).

Глава 2, стих 8. *Поминай Господа Иисуса Христа воставшаго от мертвых, от семене Давидова, по благовествованию моему.*

Воскресение Господне есть основание нашей веры: ибо поелику воскрес Господь, то не тщетно веруем, что Он есть Бог, воплотившийся нашего ради спасения; есть основание нашего упования; ибо поелику воскрес Господь, то и вознесся и седит одесную Отца, ходатайствуя о нас и удостоверяя, что с Ним все нам даровано будет и что воистину где Он, там и слуга Его будет; есть основание самого дела благовестия: ибо воскресший и вследствие того вознесшийся Господь Духа Святаго ниспослал, Которым и совершается благовестие чрез избранных Апостолов и их преемников. Помышление о воскресшем Господе все сие и восстановляет в сознании помышляющего о Нем. А сколько это воодушевительно к ревнованию о благоуспеянии веры и совершенстве верующих, кои лежат на архипастырях?! Почему Апостол и внушает: поминай воскресшего Господа, о Коем благовествуем, и воодушевляйся тем на труды благовестия и благоустроения верующих. Воскрес Христос Иисус; следовательно, вера наша, что Он есть Сын Божий, воплотившийся нашего ради спасения, истинна,— следовательно, смерть побеждена и осуждение снято с рода нашего,— следовательно, нам открыт путь на небеса,— следовательно, верующие в Него, едино с

Ним бывая, носят в себе основание, по коему и они будут там, где Он, — следовательно, трудящиеся в привлечении к Нему благовестием верующих тело Его созидают, которое чрез то растет и приходит в полноту свою, а когда достигнет полноты сей, положит конец настоящему порядку вещей и начало будущему пресветлому Царствию Божию. Вот в каком порядке благоволил Господь поставить тебя деятелем! Ревнуй же. Видишь, что совершено для нас Господом воскресшим? И нам с тобою непростительно не потрудиться в благовестии о сем, когда знаем, что то, для чего все сие совершено, не иначе может быть достигнуто, как чрез насаждение веры в Него среди людей, порождаемой от услышания благовестия. Трудись же в нем ревностно, не отступая пред лицом неизбежных при сем неприятностей и страданий. И Господь сначала пострадал, а потом воскрес. Так и ты понеси прежде унизительные притрудности, а потом увенчаешься и светлым венцом успешности своего дела. Святой Златоуст говорит: «для чего здесь Апостол упоминает о воскресении Господнем? Для того, чтоб ободрить ученика и показать пользу страданий, так как и Сам учитель наш Христос страданиями победил смерть. Помни это, говорит, и будешь иметь достаточное утешение. Поминай об этом, и не падешь под тяготою прискорбностей (по делу благовестия)» (блаженный Феофилакт).

Наши все толковники не читают: *Господа*, — а только: *Иисуса Христа*. Но как здесь тотчас говорится: *воскресшаго*, — то сим то же сказывается, что — Господа, то есть Владыки жизни и смерти и всяческих. То же и в Послании к Римлянам говорит Апостол, — что по плоти Иисус Христос от семене Давидова; но воскресение Его из мертвых удостоверило, что Он есть Сын Божий воплотившийся. При сем наши толковники, разрешая вопрос, чего ради прибавил Апостол: *от семене Давидова*, — догадываются, что это намеренно Апостолом вставлено, чтобы показать, что Сын Божий воспринял действительно настоящее естество человеческое, а не представлялся только носящим его. «В то время некоторые, — говорит святой Златоуст, — уже начали порицать домостроительство нашего спасения, стыдясь величия человеколюбия Божия (говоря: возможно ли, чтобы Бог приял наше бедное естество?). Ибо благодеяния Божии к нам так велики, что люди стыдятся приписать их Богу и не верят, чтобы Он оказал такое снисхождение». Не могли они отрицать, что в лице Иисуса Христа просиявала вся полнота Божества (см.: Кол. 2, 9). Но, не умея веровать, что для вседержительства Божия возможно, а для благости Его уместно восприять существенно наше естество для спасения нашего и полно обитать в Нем *телесне*, они «отрицали восприятие плоти и говорили, что вочеловечение

было в призраке», — как пишет блаженный Феодорит. «Стыдным почитали они, — продолжает объяснение сего блаженный Феофилакт, — страдать Сыну Божию и потому, может быть, придумали призрачность (воплощения). Бог до того смирился ради нас, что эти люди стыдятся приписывать Богу такое смирение».

По благовествованию моему — прибавил Апостол для перехода к следующей о себе речи; или чтоб сказать: как я всюду благовествую с самого начала. Говоря тебе, что Иисус Христос есть от семене Давидова, но вместе, как воскресший из мертвых, есть Сын Божий и Бог, я не новое что возвещаю тебе. Это постоянная моя проповедь, с того момента, как научил меня сему явившийся мне Сам воскресший Господь. «Есть и иначе благовествующие, но следует внимать не им, а моему благовествованию» (блаженный Феофилакт из святого Златоуста).

Стих 9. ***В немже злостраждУ даже до уз, яко злодей; но слово Божие не вяжется.***

В немже — в благовестии, в деле и труде благовествования. *Злостражду* — терплю все сопряженные с сим неприятности и лишения. И не только это, — что терпит и всякий, охотно взявшийся за какое-либо предприятие, — но даже посажен в темницу, закован в узы, будто злодей, — за спасительное благовестие. Слышится в сих словах: и не стыжусь, и не страшусь, и не

теряю духа, воодушевляясь тем же воспоминанием о воскресшем Господе, которое заповедаю и тебе. Подражай мне и, воодушевляясь таким воспоминанием, трудись неутомимо в благовестии. Пусть встретишь узы, как встретил я; но это не преграда течению благовестия: узы тело вяжут, слово же Божие не вяжется сими узами; оно течет и течет все далее, напояя и насыщая души. Мужайся же и крепись.

Любящему благовестие и ревнующему о нем ничто не может столько послужить в воодушевление, как это несвязание благовестия внешними узами. Живописно представляет это святой Златоуст. «Если б, говорит, мы были мирскими воинами или вели войну чувственную, то эти узы, связывающие руки, имели бы силу; ныне же Бог сделал нас такими, что нас ничто не побеждает. Нам связываются руки, но не язык; язык связать ничто не может, разве только страх и неверие; если в нас нет их, то, хотя кто наложит на нас оковы, проповедь не связывается. Кто связывает земледельца, тот препятствует сеянию, ибо земледелец сеет рукою; но если свяжешь учителя, то этим не воспрепятствуешь его слову, ибо он сеет языком, а не рукою. Посему наше слово не подчиняется узам; и, когда мы связаны, оно развязано и простирается вперед. Каким, скажешь, образом? А вот — мы проповедуем («и пишем» [блаженный Феофилакт]), хотя и связаны. Это гово-

рит он для поощрения тех, которые не связаны: если мы, связанные, проповедуем, то тем более надлежит делать это вам, несвязанным. Ты слышал, что я *злостражду, яко злодей*? Не унывай же; ибо великое чудо связанному делать то же, что делают несвязанные, связанному превзойти всех, связанному побеждать связавших его. Проповедуемое нами есть слово Божие, а не наше; человеческие же узы не могут связать слова Божия».

Стих 10. *Сего ради вся терплю избранных ради, да и тии спасение улучат, еже о Христе Иисусе, со славою вечною.*

В воодушевление на труды благовестия святой Павел выставил в себе пример неутомимости в сих трудах, не пресекаемых даже и узами. Сам же он чем воодушевлялся? Кроме истинности, Божественности и пресветлости благовествуемого, печатлеемых в уме и сердце воскресением Господа, – желанием спасения избранных Божиих и деятельною к ним любовию. Но как о воскресшем Господе поминать заповедал Он святому Тимофею затем, чтоб этим он воодушевлялся на труды пастырские, как сам он воодушевлялся на труды Апостольские: так, конечно, и о своем желании спасения избранным, ради коего трудится Апостольски, поминает он для того, чтоб такое же желание возжег в себе и святой Тимофей и им движим был на предлежащие ему труды. «С

любовию, говорит, переношу всякого рода огорчения, чтобы достойные сподобились спасения и стали причастниками оной вечной славы; ибо Владыка не спасения только сподобил верующих, но и обетовал им не гибнущую славу» (блаженный Феодорит).

Избранные избраны ко спасению прежде сложения мира (см.: Еф. 1, 4). Но сами собою они не могут ни узнать пути спасения, ни вступить на него. Узнают они о нем чрез благовестие и вступают на него чрез призвание. Совершает сие Апостольская проповедь, по Божию повелению. Господь послал Апостолов: *шедше научите* (ср.: Мф. 28, 19). Но послал их, *яко агнцы посреде волков* (Лк. 10, 3). Почему хотя они вносят в среду людей существенное и единое истинное благо, но неизбежно терпят лишения, притеснения, гонения, узы и самую смерть. Как взявшийся выбрать хорошие цветы, выросшие среди терния, неизбежно оцарапывается: так и они, выбирая из среды людей избранников Божиих, неизбежно страдают болезненно. Страдают, но не отступают от дела, влекущего страдания, не по одной только покорности воле Божией, но и по любви к сим избранникам, *да и тии спасение улучат*. Какое воодушевительное внушение для пастырей! Святой Златоуст говорит: «вот и другое увещание: я терплю это, говорит, не за себя, но для спасения других; если бы я искал только своего, то мог бы

жить безбедно, мог бы не терпеть ничего такого; для чего же я терплю это? Для блага других, дабы другие получили жизнь вечную. И что еще прибавляет? Не просто сказал: за некоторых, но: *избранных ради*. Если Бог избрал их, то нам должно терпеть все для них, *да и тии спасение улучат*. Выражением: *да и тии* — он изъясняет и показывает, что они получат так же, как и мы; ибо и нас избрал Бог. Как для нас страдал Бог, так и мы должны страдать для них, дабы и они получили спасение». Продолжает сию речь блаженный Феофилакт: «дабы кто не сказал: что ты говоришь: *да и тии спасение улучат*? Сам ты в узах и вот-вот погибнешь, а хвалишься быть виновником спасения для других? Не об этом, говорит, телесном спасении говорю я, но о том, *еже о Христе Иисусе*, истинном, славном (о вечном спасении души); а телесное спасение не (безусловно) славно».

Приложив: *со славою вечною*,— Апостол указал неотъемлемое последствие улучения спасения,— венец его. Улучающий спасение внемлет Евангелию, кается, полагает твердое намерение жить свято, приемлет для того благодатные силы в таинствах и живет так, руководимый Апостольскими преемниками. Се — труд содевания спасения! Оно не даром дается. Даром учреждено домостроительство спасения; даром призываются ко спасению; далее же самые первые шаги по

пути спасения требуют уже и собственных усилий; даже благодатные силы приди сам и получи богоучрежденным способом. За тем уже и все содевание спасения идет взаимодействием благодати и своих усилий. И никто не несом бывает по пути спасения, а всякий идет по нему, вспомоществуемый благодатию и руководимый Церковию. Так до конца жизни, после коего улучившего спасение осеняет слава вечная, по мере понесенного труда над собою. Слава вечная не совне приходит, а извнутри раскрывается. Внутри же она зачинается и зреет с момента вступления на путь спасения. Потому-то она и неотъемлема с улучением спасения.

Стих 11. *Верно слово: аще бо с Ним умрохом, то с Ним и оживем.*

Хотя от улучения спасения неотъемлем венец славы, Апостол, однако ж, нашел нужным и доказательно подтвердить это. *Верно*, говорит, *слово*, — «то есть истинно, несомненно, чуждо лжи» (блаженный Феодорит). «Какое слово? То, что избранные улучат спасение со славою вечною» (блаженный Феофилакт). И тотчас представляет доказательства. Достаточно было бы этого одного удостоверительного слова из уст посланника Божия. Но поелику, «когда здесь предстояли смерть, мучения, узы, а Павел говорил своим слушателям, что они пойдут в жизнь вечную, — иной мог не поверить тому, говоря: что ты проповеду-

ешь? Как так,— когда я жив бываю, умираю, а когда умру, жить буду?! — то, дабы никто не подумал этого, Апостол представляет несомненное тому доказательство» (святой Златоуст).

Доказательство это, как и всюду у святого Павла, берется из воскресения Господня. Поелику Господь, умерши плотию, воскрес и пребывает во славе, то и все делающиеся едино с Ним верою, жизнию по вере и благодатным освящением чрез таинства хотя и умрут, но потом в свое время оживут (см.: Ин. 11, 25) и внидут в Царствие вечно славное. Внимание Апостола сосредоточено на воскресшем Господе. Он уже заповедал выше памятовать о Нем святому Тимофею, в воодушевление в трудах пастырства (стих 8). Теперь другой момент указывает в сем же воскресении и к возбуждению веры, и к воодушевлению на проповедь о вере,— именно что верующие воскреснут о Христе к вечной славе,— и что если верующих это ожидает, то тем вернее упование того для благовестников о вере.

Аще с Ним умрохом, συναπεθάνομεν,— если соумерли Ему. В час решимости прилепиться к Господу верою и последовать заповедям Его, еще глубже ее, в основе ее полагается готовность во всякий час умереть за сию веру и сии заповеди, если то потребуется, но не отступать от них и чрез то от Господа. Всякий посему истинно уверовавший в Господа есть уже умерший с Ним

произволением. Если потом и действительно придется кому пострадать и умереть, то это не новое что, а только сретение предвиденного и возжеланного прежде. Хотя и не придется кому сретить ничего подобного, но то первое, внутреннее определение себя на смерть тем не менее в очах Божиих и в совести есть смерть, — и всякий, в сих расположениях прилепившийся ко Господу, может со всею искренностию, вместе с другими, действительно умершими ради Господа, исповедать: *с Ним умрохом.*

То с Ним оживем, συζήσομεν, — то и сожительствовать будем Ему, или жить будем с Ним, — и, поелику Он во славе, будем жить с Ним вечнославною жизнию, как Сам Он и обетовал: *где Я, там и слуга Мой будет* (Ин. 12, 26). Святой Златоуст говорит: «в самом деле, если мы участвуем со Христом в скорбях и страданиях, то ужели не будем участвовать с Ним в благах? Этого не сделал бы и человек, — чтобы, достигнув покоя, не принять в общение с собою того, кто решился вместе с ним страдать и умереть». «И человек не сделал бы так, не тем ли паче Бог, источник правды и благости», — дополняет святого Златоуста блаженный Феофилакт.

Но какая здесь разумеется смерть? Верующие в Господа умирают и духовно, произволением, когда в крещении умирают греху с готовностию и телесно умереть за Господа, за веру Его

и заповеди, — умирают и телесно, когда во время гонений терпят за веру муки и лишаются жизни. Как же здесь разуметь *умрохом*? Хотя по обстоятельствам, в каких находились святой Павел и святой Тимофей, ближе будет к течению речи разуметь здесь телесные скорби и смерть; но как не все верующие страдают и умирают за веру, обетование же выражается общее, то нельзя отрицать здесь мысли и о смерти духовной. К тому же святой Павел с святым Тимофеем еще не умерли телесно, духовно же, то есть греху, с готовностию и на телесную смерть, умерли и постоянно пребывали в сей смерти, как и свидетельствовал о себе святой Павел: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31). Почему неошибочно будет думать, что «Апостол говорит здесь и о смерти (духовной) в крещении, и о смерти (телесной) чрез страдание и замучение» (блаженный Феофилакт). Так и блаженный Феодорит: «Сие: *с Ним умрохом* — Апостол сказал не об умерщвляемых только, но и о крещаемых; ибо и они, искренно веруя и показывая жизнь, сообразную вере, приобщаются жизни Владычней». Святой Златоуст хотя допускает у Апостола мысль и о смерти духовной, но преимущественно дает мысли о смерти телесной. «Когда же мы умерли со Христом? Апостол говорит о смерти, как посредством купели крещения, так и посредством страданий. Так он говорит: *спогребохомся Ему креще-*

нием (Рим. 6, 4) и еще: *ветхий наш человек с Ним распятся* (Рим. 6, 6), — это — смерть духовная. А *мертвость Господа в теле носяще* (ср.: 2 Кор. 4, 10) и еще: *снасаждени быхом подобию смерти Его* (Рим. 6, 5), — это смерть телесная. Здесь же он говорит и о смерти посредством искушений, и преимущественно об ней; ибо он находился в искушениях, когда писал это. Смысл слов его следующий: если ради Него мы умерли, то ужели не оживем ради Него? В этом нет сомнения».

Стих 12. *Аще терпим, с Ним и воцаримся: аще отвержемся, и Той отвержется нас.*

Первая половина сего стиха должна быть соединяема с предыдущим стихом, а вторая с последующим. Ибо в стихах 11—13 Апостол, выясняя основания нашего упования, показывает, что будет с нами, если, прилепясь к Господу верою и любовию, мы умираем и терпим с Ним, и что будет, если отвратимся от Него неверием. На каждое показание идет по полтора стиха: на первое — стих 11 и половина — 12-го; на второе — половина 12-го и стих 13.

Если, говорит, с Ним умерли, с Ним и жить будем; если с Ним терпим, с Ним и воцаримся. Сила речи в слове: *с Ним.* Оживут и вечно жить будут все; но с Господом жить будут только те, которые умерли с Ним, — и пребывая в общении с Ним непрерывном, и за Него. Равно терпят

неприятности, скорби и лишения все, и ни одного человека нет, который бы не терпел; но за терпение воцарятся, то есть в Царствие Божие вчинены будут, как в наследие, или вечного удостоены будут блаженства только те, которые терпят с Господом, то есть по причине непоколебимого пребывания в общении с Господом верою и любовию и за это самое пребывание. Это общение и общее терпение, — то есть терпение того, что на всех лежит как бремя тяжкое, — превращает в средство к своцарению с Господом; ибо и этому терпению оно сообщает тот же дух, научая терпеть ради Господа.

В каком отношении стоят: *умрохом* — и: *терпим*, — с одной стороны, и: *живем* — и: *воцаримся*, — с другой? Можно думать, что это два выражения одного и того же. И кто умирает с Господом, претерпевает смерть с Ним, и, кто терпит с Ним скорби, то же, что умирает с Ним, — в том смысле, что скорби горьки, как смерть, и в том, что благодушно терпящий их потому благодушествует при сем, что произволением уже предал себя на смерть за Господа. Равно и имеющий жить с Господом будет соцарствовать Ему, и имеющий соцарствовать Ему будет жить с Ним. То и другое означает вечное блаженство с Господом и в Господе. Два же выражения употребил Апостол для показания одного и того же, чтоб сильнее напечатлеть в уме предлагаемое основание

упования нашего,– что, где Господь, там неотложно будут и верующие в Него истинно; только да пребудут они в непрерывном общении с Ним все время жизни своей,– веруя, благодатно освящаясь в таинствах и заповеди Его исполняя.

Если, впрочем, под: *умрохом* – разуметь духовную смерть греху и произвольную готовность на страдания и смерть; то *аще терпим* – будет представлять некоторый придаток к тому, именно: если не только греху мы умерли, но и терпим ради Господа,– или: если не только произволением определили мы себя на смерть ради Господа, но и на деле терпим скорби и смерти, то не только оживем, но и воцаримся с Господом. Первое выражает Амвросиаст: «Апостол показывает здесь, что мы внидем в бессмертную славу со Христом, если пребудем в том состоянии, в какое поставило нас крещение,– где умирают все наши прегрешения, чтоб, быв обновлены, избегали мы прежних пороков и страстей и, следуя по стопам Господа, являлись мертвыми греху. Если же к сему прибавлено будет еще, что мы благодушно претерпим за имя Господне скорби и тесноты; то, претерпев их, всеконечно и царствовать будем с Ним: ибо достойно есть, чтобы тот, кто за Него терпит поношения и изгнания, прославленным явился в Царствии Его». Второе видим у святого Златоуста: «не сказал просто: *воцаримся*,– но: *аще терпим*,– показывая, что недостаточно уме-

реть однажды («однажды (навсегда) вдать себя (произволением) на смерть» [блаженный Феофилакт]), — сам блаженный умирал ежедневно (см.: 1 Кор. 15, 31), — а нужно много иметь терпения», — «всегда терпеть, чтоб сподобиться и соцарствования с Господом» (блаженный Феофилакт).

Аще отвержемся, и Той отвержется нас. Выставляет Апостол и вторую сторону дела, — что будет с нами, если не прилепимся к Господу верою и любовию, — чтоб и предложенное основание упования яснее напечатлеть в уме и, кроме того, оживить ревность к выполнению условий упования. Эти слова Апостола то же производят, что тени в картине, которые обыкновенно делают более выдающимися светлые ее части, — и что производит на искушаемого разленением страх готовой беды за леность, отрезвляя, возбуждая и всякие извинения прогоняя. «И от противоположного, от того, что будет с нами в противном случае (то есть если не умрем, не претерпим с Ним), заимствует Апостол подтверждение слову своему. Ибо воздаяние будет не за добрые только отношения к Господу, но и за противоположные тому» (блаженный Феофилакт). «Если б и злые могли сделаться участниками того же (что ожидает добрых), то это не было бы утешением; и если бы терпевшие должны были воцариться со Христом, а не терпевшие получили бы только то наказание, что не воцарились бы с Ним, то хотя

и это страшно, но для многих не было бы достаточною угрозою. Посему Апостол и говорит нечто страшнее: *аще отвержемся, и Той отвержется нас*. Представь же, что будет терпеть тот, кто отвержен будет от Царствия Его? Воздаяние не равно делу преступления, хотя по словам и кажется так. Мы, отрекающиеся Его, — люди, а Он — Бог; нужно ли говорить, какое расстояние между Богом и людьми?» (святой Златоуст). Отсюда заключай, сколько отвержение Божие страшнее и бедственнее по последствиям всякого человеческого отвержения. «Подумай, что должен будет пострадать отвергшийся Христа?» (блаженный Феофилакт).

Аще отвержемся. Апостол поставляет нас пред лицом лишений, скорбей, страданий, мук и смерти — и говорит: несмотря на то, что, опираясь на такую тесноту обстоятельств, можно бы присвоять себе некое извинение в отвержении Господа: что делать? немощь! не жди, однако ж, чтоб приговор над тобою был льготнее. Будет отвержение за отвержение. Так Сам Господь и Спаситель сказал: *иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех* (ср.: Мф. 10, 33). И сказал сие после: *не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих убити, убойтеся же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне* (ср.: Мф. 10, 28), — давая разуметь, что, как ни тесно бывает, когда

смерть пред глазами, но, кто и в такой тесноте, пожалев тело, отвергнется Его, тот отвержен будет и Им и погубит не тело только, но и душу. Отвержение Господом есть низвержение в геенну, на вечные муки.

Стих 13. *Аще не веруем, Он верен пребывает: отрещися бо Себе не может.*

Слова сии темноваты. Но будем держать во внимании цель Апостола, и это даст некие лучи в разрежение сей темноты. Апостол доказывает несомненность упования нашего, что прилепляющиеся к Господу верою и любовию улучат спасение со славою вечною. Доказательство сему главное и существенное то, что Сам Господь, умерши, воскрес и пребывает теперь во славе. Поелику верующие в Него бывают едино с Ним, то несомненно — и им принадлежит сия слава, — вечная с Ним жизнь и соцарствование Ему. Но, конечно, не безусловно, а под тем условием, если они пребудут верны Ему, несмотря на предлежащие им страдания и смерть. Ибо если они отвергнутся Его при этом, то и Он отвергнется их. При всем том, однако ж, ведать надлежит, что чрез это обетование славы верующим нисколько не колеблется. Слава сия уже есть, уготована и ожидает только тех, кои бы вступили в нее. Пусть некоторые не вступят, быв достойно отвержены Господом. Но достойные всегда будут иметь возможность вступить: ибо Царство сие открыто

и вечно пребудет таким. Даже допустим нечто невозможное, — допустим, что мы все неверными окажемся и, следовательно, достойными того, чтоб быть отверженными и лишенными Царства славы: но Царство сие все же есть и вечно пребудет открытым. Ибо оно совмещено в Самом Господе; почему когда Господь есть, то и оно есть. Господь же всегда есть, следовательно, всегда есть и Царство славы. Господь не может *отрещися* Себе, — то есть перестать быть Тем, чем Он есть. Не может и Царство славы престать, ибо оно в Нем. Так несомненно верно обетование Царства славы и верен Господь, давший сие обетование. Ибо неверным Ему в сем сказаться есть то же, что перестать быть Тем, чем Он есть. Он восприял в Свое Лицо человечество и, в Себе сочетав его с Триипостасным Божеством, обожил его. Человечество уже осенено Божескою славою; и отменить сего никто и ничто теперь не может. Это и есть обетованная верующим слава. Отсюда черпая, и они облекутся славою.

Можно и другим образом то же изложить. *Аще не веруем*, εἰ ἀπιστοῦμεν, — неверующими бываем, или, уверовав, неверными вере оказываемся. *Мы* — не все, а некоторые из нас; ибо всех не мог разуметь Апостол, веруя сам в совершенстве и зная многих, — и премногих, — других, верующих так же. Пусть, говорит, некоторые оказываются неверными из верующих и потому отверженны-

ми Господом; это нисколько не нарушает обетования Господня о прославлении верующих. Обетование сие поставлено под условие верности. Оказываются неверными — и обетования не получают. Верные же всегда получат его. Господь верен пребывает и к ним, облекая их славою, и к неверным, лишая их оной и отвергаясь от них. Неверие и неверность не Его экономию спасения расстроивают, а вредят неверующим и неверным. Так святой Златоуст: «отречением от веры мы вредим себе, а отнюдь не Богу и не можем вредить Ему. Если же Он не терпит никакого вреда, когда мы отрекаемся от Него; то значит, что Он требует исповедания нашего не для чего иного, как для нашей же пользы. Он пребывает одним и Тем же, отрекаемся ли мы от Него или не отрекаемся; *отрещися бо Себе не может*,— то есть отречься от того, что Он есть».

в) Наставление проповедывать со всяким благоразумием (2, 14—3, 9)

Наконец, святой Павел объясняет, к чему обязывает святого Тимофея полученный им чрез рукоположение дар здравоумия или пастырского благоразумия (см.: 2, 14—3, 9). Обще выражает сие святой Павел в стихе 15: *потщися себе искусна поставити пред Богом, делателя непостыдна, право правяща слово истины*. И затем показывает, как, действуя, явит себя святой Тимофей

делателем искусным и непостыдным. Как тогда належала опасность особенно от инако учащих; то относительно них преимущественно и указывается мудрый образ действования. Вот что относительно сего заповедует Апостол: аа) и другим не вели вступать в словопрения, и сам отметайся этих тщегласий. Это опасно для веры, и благоразумие требует удаляться от сего (см.: 2, 14—22); бб) если уже какая необходимость заставит вести речь с инако учащими; то не сварись с ними, а кротко наказуй противных (см.: 2, 23—26); вв) при сем не оставляй без внимания и не добре живущих, которые, сами развратившись, и других совращают с доброго пути. И их отвращайся (см.: 3, 1—9). — Заметим, что в последнем отделении (см.: 3, 1—9) Апостол говорит о будущих развратниках; но действовать против них надлежало теперь же в предотвращение; к тому же, кажется, начатки их уже были видны. Почему пишется: *и сих отвращайся* (3, 5).

аа) Наставление не вступать в словопрения (2, 14—22)

Разъясняя первый пункт об удалении от тщегласий и указывая, как они опасны для верующих, святой Павел привел и опыт такой зловредности: вот, говорит, Именей и Филит уклонились от истины и, толкуя, будто воскресение уже было, расстроивают веру некоторых. Это показание могло обеспокоить любящих веру, порождая вопросы:

как же так? Ведь этак расстроится вся Церковь, когда одни сами будут погрешать о истине, а другие ими будут увлекаемы к таким погрешностям; и притом — зачем эти погрешающие, увлекающие и увлекаемые? Для прогнания таких смутительных помышлений святой Павел предлагает два успокоительных положения о деле веры и Церкви, с выводом из того уроков и для всех, и особо для святого Тимофея. Таким образом, сие небольшое отделение (см.: 2, 14—22) — имеет две части: α) *сначала* говорит об удалении от тщегласий (см.: 2, 14—18); β) *потом* предлагает некоторые успокоительные положения, в отвращение смущений, которые могли быть порождены предыдущими показаниями (см.: 2, 19—22).

α) Об удалении от тщегласий (2, 14—18)

Глава 2, стих 14. ***Сия воспоминай, засвидетельствуя пред Господем не словопретися, ни на куюже потребу, на разорение слышащих.***

Поелику споры вредны, то неразумно вдаваться в них. Почему как для верующих дело благоразумия есть не вдаваться в них, так для пастырей дело благоразумного пастырства есть не разжигать, а всячески подавлять спорливость. Спорить некако свойственно душе. Поблажь этой немощи, — тогда только и дела будет, что споры и споры, а от главного внимание отклонится. Спор между тем добра не приносит, а приносит

вред; спорящие же всегда думают, что они важное дело делают. И выходит из сего нечто уродливое и бессмысленное. Почему Апостол и внушает отклонять от сего верующих с такою настойчивостию, не только указанием на вредные последствия спора, но и заклинанием их именем Господним.

Слова: *сия воспоминай* — стоят вместо перехода к следующему главному предмету — об отклонении от спорливости, не без отношения, однако ж, к нему и предыдущего. *Сия* — непосредственно предшествующее слово о верности обетования славы с намеком на опасение потерять ее, не по неверности Божией, а по своей слабости и оплошности. Одна из таких оплошностей и указывается вслед за сим, — именно: пагубная спорливость.

Поелику есть падкость на споры, а они пагубны; то и средство к удержанию от них предлагается сильное. Святой Златоуст говорит: «что значит: *засвидетельствуя пред Господем*? То есть призывая Бога во свидетели своих слов и действий. Если после сего слушатели будут пренебрегать сим внушением, то Бог им судья. Апостол знал, что это дело обыкновенное и что человеческая душа всегда склонна к состязанию и словопрению. Почему, дабы этого не было, не просто говорит: *не словопретися* (но и именем Божиим обязует исполнять это). Страшно говорить, при-

водя во свидетели Бога; ибо если никто не решится изменить, призвав во свидетели человека, то тем более — Бога».

Ни на куюже потребу — не то, что без всякой нужды, а: ἐπ' οὐδὲν χρήσιμον — ни к чему полезному. Заклинай их именем Господним не словопретися уже по тому одному, что споры ни к чему полезному не приводят. Ибо, получив бытие, а теперь сподобясь еще веры и благодати, мы должны все часы и минуты жизни обращать на полезное,— во славу Божию, в свое спасение и на благо ближним; спор есть тщегласие,— расположение пустых слов, таких, однако ж, которые могут вредить. И в этом последнем второе побуждение к воздержанию от споров. «Ибо отсюда не только никакой не бывает пользы, но и великий вред: *разорение слышащих*» (святой Златоуст). Спорящий противник истины не щадит никого и, словами бросая зря, может набросать в умы слышащих множество помышлений и представлений, кои колебать станут веру, не по силе своей, а по немощи слышащих, не умеющих еще видеть под красными фразами скрывающейся лжи. Амвросиаст пишет: «спор может порождать сомнения в не совсем еще утвержденных; ибо в споре обыкновенно противополагают истине многое такое, что может поражать души начинающих изощренным мечом злоумия и злословия». Так спорами «низвращается вера слышащих, как бы

столп некий, стенобитными машинами словопрений» (блаженный Феофилакт). Нам же «должно веровать только, а не обращать разглагольствия о сем в повод к хуле и спором своим не делать вреда слышащим» (блаженный Феодорит).

Стих 15. *Потщися себе искусна поставити пред Богом, делателя непостыдна, право правяща слово истины.*

Выражается общее наставление, которое, однако ж, в настоящем месте надо понимать по его отношению к течению речи. *Потщися искусна себе поставити* — в сем отношении, то есть настой, чтоб не вдавались в споры; а между тем сам еще напряженнее раздавай слово истины, — слово одной истины, чтобы верующие, быв ею преисполнены, и позыва никакого не имели открывать ухо свое для споров, как насыщенные чистым хлебом истины и чувствующие отвращение от замеси из плевел лжи, — не человекам свойственного корма.

Потщися представить себя *искусна*, δόκιμον, — докою, мастером своего дела мудрым, притом не по видимости только, но по внутреннему достоинству действования: *пред Богом*, — все видящим, как оно есть по существу, а не по видимости. Или *пред Богом* — подает мысль: который тебя избрал и поручил служение слову благовестия; яви же себя мудрым исполнителем воли Божией, оправдай Его избрание и надежду на тебя.

Делателя непостыдна, ἀνεπαίσχυντον, — что означает и безукоризненного, и нестыдящегося. Об искусных делателях и в обычной речи говорят: на руку свою не положат охулы. Так, говорит, веди дело, чтоб тебе за него не было повода стыдиться ни пред Богом, ни пред людьми, ни пред своею совестию. Действуй в благовестии и пастырстве по всей широте сознания как следует действовать, нисколько не уклоняясь от требований сего сознания, не умаляя их и не сокращая подставкою иного чего. Это иное, в настоящем месте, есть вдаваться в споры, вместо изложения чистой истины. Апостол говорит как бы: не срами себя этими спорами, — «называя вдающихся в споры срамниками» (Амвросиаст). *Непостыдный* — означает еще: не стыдящийся того дела, за которое взялся и которое делает. И это значение приложимо в настоящем месте. Проповедь была смиренна о Христе Иисусе, — распятом. Было не мало инако учащих, которые, стыдясь сего, измышляли блестящие соображения, но вместо придания величия и светлости благовестию, только искажали его и отнимали всю силу его. По сему поводу могло приходить искушение вступить с ними в спор, чтобы снять мнимый стыд крайней простоты с лица благовестия. Апостол говорит: не стыдись, что бы они там ни говорили, свое дело делай как должно, а их не слушай. «Как *делатель* (земледелец, знающий свое дело)

трудится, не стыдясь ничего (пашет и пашет, сеет и сеет), так должен поступать и делатель Евангелия. Нисколько не стыдись делать все, что относится к благовестию, хотя бы тебе за это надлежало подвергнуться (не только пристыжению, но и) рабству или потерпеть что-либо другое» (святой Златоуст).

Право правяща слово истины, ὀρθοτομοῦντα, — право режуща и отсекающа — и право разрезывающа, чтобы раздавать, например, хлеб. Все эти значения уместны здесь. *Праворежуща*; как и в обычной у нас речи говорится про иного: режет правду, так и ты, говорит, режь правду, говори одно слово истины, чистой и беспримесной, не вдаваясь в побочные свои соображения, не придающие твердости истине, а только ее расслабляющие, — равно не соблазнись умалить силу ее из-за того, что она, может быть, в чистом виде окажется невместимою для ума какого-либо уважаемого лица. Режь: так и так сказал и повелел Бог, и о большем не суетись. «Хвалим земледельцев, нарезывающих прямые борозды; так достоин похвалы и учитель, следующий правилу Божественных словес» (блаженный Феодорит). — Можно понимать *право правяща* — и в смысле: правоотсекающа, отсекающа всякую произвольную примесь к истине; чем? тем же рублением правды. Святой Златоуст говорит: «не сказал Апостол: ἀπευθύνοντα — право направляюща, но:

ὀρθοτομοῦντα — правоотсекающа. И хорошо сказал это; ибо многие злоупотребляют и искажают слово истины, прибавляя к нему много неправого. Он внушает сим: отделяй неправое и все тому подобное отражай и отсекай с великою силою; как бы по натянутой нити отсекай мечом духовным все излишнее и чуждое благовестию». «Как мечом, отсекай излишние и лживые учения («как излишние на коже наросты» [блаженный Феофилакт]) и веди (умы) правым путем, или на правое, благодатию Духа Святаго» (Экумений). И это без споров, а тем же решительным резанием правды: так сказано, так повелено — и толковать более нечего. Идет и последнее значение: право разрезывающего хлеб слова истины, чтоб вдоволь раздавать его верным для насыщения их истиною и поселения в них отвращения ко всему чуждому ей и излишнему. Как управитель в доме поставляется, чтоб всем раздавать правою мерою жито и прочее потребное: так пастырь Церкви поставлен, чтоб всем раздавать чистый хлеб слова истины Божией. Поставлен ты на это, говорит Апостол, и раздавай правою мерою и правое слово Божие, и, раздавая его, питай души верных. Насытясь им, они уже естественно будут иметь отвращение ко всему стороннему, излишнему и тем паче неправому, как и наши предки говорили: никто, вкусив сладкого, не захочет горького.

Стих 16. *Скверных же тщегласий отметайся: наипаче бо преспеют в нечестие.*

Скверных, βεβήλους, — нечистых, оскверняющих, таких, которые не только сами нечисты и скверны, но делают нечистым и оскверненным и все к ним прикасающееся, как, например, в иудействе мертвечина оскверняет все прикасающееся к ней. *Тщегласий*, κενοφωνίας, — не пусторечий только, но пустых звуков, смысла не содержащих, по просторечию — пустозвонства. В отношении к вере истинной, Богом Самим засвидетельствованной, все несогласное с нею воистину есть пустозвонство. Заметим, что святой Златоуст читал не: κενοφωνίας — пустогласий, а: καινοφωνίας — новогласий, новых речений, новых выражений, конечно, по поводу новых и учений. Ему последует Экумений; и Вульгата читает: vocum novitates. — *Отметайся*, περιΐστασο, — оставляй о страну себя, устраняйся или около стой, окружай, ограждай и тесни, не давая ходу. Таким образом, в словах сих две подаются мысли: устраняйся от пустогласий, то есть от споров, в которых шуму, гласов и возглашений много, а толку нет; и — ограждай новогласия, то есть новые учения оградиi, чтоб они не распространялись, как ограждают местность, где внедрилась заразительная болезнь, и не огради только, но и тесни, чтоб подавить их. Святой Златоуст говорит: «этим (то есть испущением только новых гласов) дело не ограничивается;

но когда привнесено что-либо новое, то оно постоянно порождает καινοτομίας — новые сечения (в учении и в последующих ему); без конца блуждает тот, кто вышел из тихой пристани (учения, содержимого Церковию) и нигде не остановится». Почему «гони все, что нововводится в проповедь из новых примышлений, как заразительное и сквернительное, — тесни то, чтоб не распространялось и престало», — прибавляет Экумений. Последняя мысль более сообразна с тем, что говорится тотчас вслед за сим.

Наипаче бо преспеют в нечестие, ἐπὶ πλεῖον γὰρ προκόψουσιν ἀσεβείας, — ибо они преуспеют — подвинутся, вдадутся — в большую меру нечестия, если, разумеется, не пресечешь их, не оградишь и не стеснишь. С одной стороны, новизна привлекает внимание и расширяет круг слышащих и внимающих; с другой — порождение одной новизны раздражает позыв и потребность в порождении новых новшеств, и новосечения — новые учения — естественно множатся, как множатся полипы от рассечения их. «Если введется что прелюбодейное — подложное (в область веры); то оно шагает все дальше и дальше от нелепости к нелепости и каждодневно принимает большее приращение» (Экумений). Если б так распространялась истина, чрез это распространялось бы благочестие; но как распространяется новизна в вере и есть потому ложь, а ложь всегда есть от

диавола, первого богоборца и первого учителя богоборству; то чрез распространение новшеств будет распространяться только нечестие. Новшества повреждают веру, привлекая же своею новизною внимание верующих, и их повреждают и ввергают в нечестие, поставляя их не в должное отношение к Богу, вместо благочестия, то есть должного отношения к Богу, в каком содержит их вера. Самое новшество есть нечестие; потому что свое измышление ставит выше Божеского определения в Его слове. Оно есть повторение дела прародителей, которые, приплетши, со слов отца лжи, новое толкование к заповеди, впали в крайнее нечестие и ввергли в него весь род человеческий. Будучи же таково по природе новшество в вере, оно и плод всегда и всюду производит по роду своему, — то есть ввергает в нечестие и распространяет его, по мере своего распространения.

Стих 17. *И слово их, яко гангрена жир обрящет: от нихже есть Именей и Филит.*

Их — указывает на лица, именно на тщегласников, или изобретателей и распространителей новшеств в вере. Почему и выше при слове: *преспеют* — их же надо иметь в мысли, хотя там можно помышлять и о тщегласиях и новизнах, потому что и о них уместно говорить: *преспеют*. — *Гангрена* — рак, болезнь, которая, зародившись в одном месте, начинает повреждать сосед-

ние части и не стоит уже на одном, а все более и более съедает тело, пока все его не съест. *Жир* — νομὴν, — пажить, пастбище. Гангрена уподобляется жадной скотине, которая, нашедши поляну с сочною травою, жадно начинает пожирать ее и не отходит, пока всего не пожрет. Так и рак будто пажитию своею имеет мягкие части тела и пасется на них, поядая их, пока все тело не объест. *Обрящет*, ἕξει, — иметь будет. Так что есть этот рак для тела нашего, в которое внедрился, то есть и слово новшеское для тела Церкви или для корпуса учения истинного, для совокупности истин Божиих, когда оно допускается в среду их: один член Церкви за другим будет повреждать и одну истину за другою извращать, пока всех не повредит и все истины не извратит. Члены Церкви и самые истины Божии будут для новшеского слова будто пажить, которую оно жадно будет пожирать, пока всей не пожрет. Блаженный Феодорит пишет: «гангрена есть болезнь, непрестанно распространяющаяся и повреждающая здоровые части в теле. Ей уподобил Апостол предприемлющих учить тому, что противно истине; потому что растлевают нередко и свободных от болезни». Достаточно этого сравнения для пастыря, чтоб возгореться ревностию противостоять всякому новому учению. Святой Златоуст говорит: «это — неудержимое зло, которое не может быть остановлено врачеванием, но

заражает все. Апостол внушает, что καινοφωνία, — новогласие, новые учения, есть болезнь, и даже хуже болезни; выражает также неисправимость подобных людей; они заблуждаются не случайно, а произвольно (не отвне зараза, и из них самих) и потому совершенно неисправимы».

От нихже есть Именей и Филит. О Филите ничего не известно. Об Именее поминается в Первом Послании (см.: 1 Тим. 1, 20), что он вместе с Александром *предан сатане, да научится не хулити*. Они были, конечно, известны святому Тимофею; потому не настояло нужды много говорить об их личности, и Апостол, выставив их имена, поспешает указать их главное заблуждение, — что для нас драгоценно.

Стих 18. ***Иже о истине погрешиста, глаголюще, яко воскресение уже бысть, и возмущают некоторых веру.***

О истине погрешиста, ἠστόχησαν. — Ἀστόχειν, — не попадать в цель. Метили в истину, но на истину не попали; полет ума их принял недолжное направление и, миновав истину, остановился на лжи. Вина их в том, что совсем не следовало им браться долететь до истины на крыльях ума. Носители богооткровенной истины были налицо; следовало к ним обратиться за разрешением вопросов, а они сами стали решать их своим умом и напутали. Таково общее происхождение ересей. Ныне следует за решением вопросов

обращаться к Церкви; ибо Апостолы всю истину в нее вложили, — она и стала вместо них носительницею истины. Кто к ней обратится за познанием истины, не погрешит; кто же сам своим умом вздумает попасть на истину, тот в большой находится опасности, вместо истины, попасть на ложь.

В чем же состояло заблуждение этих инако учащих? В том, что говорили, будто *воскресение мертвых уже бысть.* По истине Божией, Господом Спасителем изреченной и святыми Апостолами проповеданной, христиане чают воскресения мертвых, — когда тела их, разлучаемые ныне с душами действием смерти, снова соединятся с ними действием беспредельного всемогущества Божия и восстанут в светлости, подобной светлости тела воскресшего Господа. Настоящий период бытия рода человеческого и мира есть переходный. Он кончится в свое время, и настанет иной период бытия, в коем будет новое небо, и новая земля, и новый образ существования человеческого рода, когда люди не будут ни жениться, ни посягать, но жить, как живут Ангелы Божии, бессмертною и вечно-славною жизнию. В Евангелиях и в Писаниях Апостольских непрестанно поминается о сем возустроении всяческих. Напитанные сим учением, христиане взор ума и чаяние сердца держат вперенными в него и упованием сим воодушевляются в притрудностях, не-

избежных с истинным христианством. Отъять сие упование значит отъять самую существенную опору христианства. Ее и разоряли означенные суемудренники, говорившие, что воскресение уже было. Ибо говорить так значило говорить: не жди лучшего, — что теперь видишь, то и есть лучшее. А отсюда сколько выходило разорительных для истины Божией заключений: следовательно, второго пришествия Христова не будет, не будет суда и воздаяния. — Ты, добродетель, страждешь, это и есть тебе награда. Ты, порок, утешаешься; это и есть тебе наказание. Что можно придумать более разорительное для веры и добродетели?! Но, кроме того, если воскресения не будет, *то ни Христос воста*. А если *Христос не воста, тща вера наша* (ср.: 1 Кор. 15, 13—14). Выходит, — все разоряется этим небольшим положением: *воскресение уже бысть*. Как потому верно выше сравнил Апостол тщегласие или новогласие инакоучащих с раком, который, зародившись в одной части тела, потом все его растлевает и съедает!

Святой Златоуст говорит: «хорошо сказал выше Апостол: *наипаче преспеют*. По-видимому это есть зло только само по себе; но смотри, какие отсюда происходят последствия. Если воскресение уже было, то отсюда для нас не тот только вред, что мы лишились великой славы («лишаемся второго пришествия Христова, — чего что

может быть горестнее? Лживым поставляется и Христос, возвестивший о сем; не воссядет Он на престоле, яко Судия живых и мертвых» [Экумений]), но уничтожаются и суд, и воздаяние; добрые не получили вознаграждения за скорби и страдания; а злые не наказаны». «Добрые насладились печалями и скорбями, а злые наказаны утопанием в удовольствиях. Какая же нужда держаться добродетели, если таковы воздаяния?» (блаженный Феофилакт). Но когда говорят, что воскресение уже было; то этим самым говорят, что того воскресения, которого чают христиане, светлого с переустроением всяческих, не будет, нет ему места. Но *аще мертвии не востают, то ни Христос воста: аще же Христос не воста, суетна вера наша* (ср.: 1 Кор. 15, 16–17). Мало этого; но «если (опять слова святого Златоуста) Христос не востал, то и не рождался и не восходил на небеса. Видишь ли, как противление по-видимому одному только учению о воскресении влечет за собою много дурных последствий?»

Но как же понимали эти учители свое воскресение, когда так очевидна нелепость утверждения, будто мы уже воскресли, и когда так ясно Господь возвестил об имеющем быть воскресении? Апостол об том не говорит, но во II веке явились еретики, понимавшие под воскресением воскресение духовное, то есть просвещение души истиною

и стяжание ею святой жизни. Они учили, что душа, исходя из тьмы неведения и лжи и вступая в свет истины, оставляя порок и начиная жить свято, воскресает к новой жизни. Об них пишут святой Ириней* (см.: Священномученик Ириней Лионский. Против ересей. 2, 31), Тертуллиан (см.: Тертуллиан. О воскресении. 19; Против Маркиона. 5, 10) и святой Епифаний** (см.: Святитель Епифаний Кипрский. Ереси. 42, 3). Очень недивно, что родоначальниками этих еретиков были ефесские пщегласники и новогласники; потому можно полагать, что эти последние под воскресением разумели воскресение духовное и думали, что Христос Спаситель говорит об этом именно воскресении, в духе благодатию совершающемся. — Но если и так они понимали воскресение, лживость их учения этим не скрашивается. Ибо и Господь, и святые Апостолы говорят о воскресении духовном; но при этом возвещают и имеющее быть воскресение тел, в конце веков, за коим последует суд и общее всем воздаяние по делам, одним — рай, другим — ад. Следовательно, у них два воскресения, и сбивать их в одно несправедливо и погрешительно.

Блаженный Феодорит утверждает, что эти еретики воскресением называли преемство родов

---

* *Священномученик Ириней, епископ Лионский († 202)* — Отец Церкви. — *Ред.*

** *Святитель Епифаний, епископ Кипрский († 403)* — учитель Церкви. — *Ред.*

или рождание детей, в коих будто снова появляются на свет родители. «Сии злосчастные, — пишет он, — преемство родов вследствие чадородия называли воскресением и обольстили некоторых отступить от Апостольского учения». Амвросиаст, говоря также, что эти еретики видели воскресение в детях, прибавляет, что об этом он узнал из каких-то книг. Очень недивно, что и так было. Потому что к какому другому учению приличнее название — тщегласия и бабьих басней? Трактовавшие о духовном воскресении, гностики, были идеалисты, не благоволившие к веществу; а эти — чувственники и материалисты. Можно гадать, что по-ихнему и бессмертия нет, как и нынешние материалисты под бессмертием разумеют память в потомстве за дела, почитаемые благотворными.

Несмотря, однако ж, на нелепость, учение это не оставалось бездейственным, но возмущало некоторых веру. «*И возмущают*, говорит, *некоторых веру*, — не всех, а: *некоторых*» (святой Златоуст), «простейших и слабейших» (Экумений, блаженный Феофилакт). Возмущают, ἀνατρέπουσιν, — превращают, низвращают. Не сомнение только и колебание вселяют, но совсем расстроивают и уничтожают веру. «Нельзя сказать, чтоб не было таких, которые изъявляли согласие на их превратное учение в противность вере, которой первоначально последовали» (Амвросиаст).

Непостижимо, как самые нелепые учения прилипают к уму и держатся им крепко.

β) Некоторые успокоительные положения (2, 19—22)

Сказав о возмущении или низвращении веры некоторых, вследствие соблазна от других, погрешивших о истине, Апостол, справедливо предполагая, что искренно верные могли смутиться такими случайностями, спешит предотвратить такое смущение, выясняя приточно закон бытия веры и Церкви. Два смутительных вопроса могли породить предыдущие показания о погрешивших в истине и о поколебании ими веры других,— именно: как так отступают от веры и колеблются в вере? Уж не всколебались бы все и не расстроилась бы посему и вся Церковь? и второе: зачем есть те и другие, и погрешающие, и увлекающиеся ими, и притом так близко к нам? Ибо зарождаются в Церкви и трутся среди верных. Апостол отвечает на первое,— что вера, Богом в сердце основанная, не поколеблется, не поколеблется и Церковь, на сей вере нazданная; а на второе,— что как в доме есть сосуды в честь и не в честь, так и в Церкви есть члены гожие и негожие,— внося в сии разъяснения и сильно внушительные нравственные уроки.

Глава 2, стих 19. *Твердое убо основание Божие стоит, имущее печать сию: позна Господь сущия Своя, и да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне.*

Убо, μέντοι, — впрочем, при всем том. При всем том, однако ж, твердое основание Божие стоит, ἕστηκεν, — установилось или установлено твердо. Не беспокойтесь; оно не поколеблется. Или так: что касается до уклонения и колебаний, то ведайте, что Богом основанное твердо стоит и будет стоять.

Слова: *основание Божие* — сами по себе определенной мысли не дают. Они говорят только, что вообще Богом положенное твердое основание стоит или твердо Богом основанное стойко. Что же именно такое? Вера, Богом в сердце верующего водруженная, и на такой вере назданная святая Церковь. Вера так образуется: Бог, устроив воплощенное домостроительство спасения, призывает к получению спасения по сему домостроительству чрез благовестие, в коем со словом проходит чрез слух уха к сердцу и благодатная сила Духа Святаго, правящего благовестием, и возбуждает спящие там духовные, оставшиеся по падении, элементы жизни по Богу. Если внявший благовестию склонится на него и *восхощет* последовать ему, то Бог благодатию Святаго Духа пособствует ему восприять веру, по мере преданности его Богу. Кто вседушно предает себя водительству Божию, в том вера водворяется во всей силе, не столько догматически полная, сколько уверенностию в Боге крепкая. Когда это созиждется в сердце, тогда вера благодатию Божиею

все перестроивает внутри, составляя источник и основу жизни по Богу. Вот это и есть Богом основанная в сердце вера, служащая основанием и жизни по Богу. Не все веры суть веры Богом основываемые; но и Богом основываемые веры в сердце не все одинаково сильны и тверды. Степень твердости и силы веры каждого зависит от степени и силы его преданности Богу. Кто всецело себя предает Богу, в том Бог, не встречая препон со стороны свободы человека, скоро созидает веру и строй жизни по вере и установляет ее глубоко и прочно. Но кто не всецело предает себя Богу, а оставляет часть действования и для себя, независимо от Бога, тот в какой мере большую часть оставляет для себя, в такой же мере лишается содействия Божия, ибо Бог не вмешивается в область самодеятельности и свободы. Но в какой мере лишается он такого содействия, в такой же мере замедляется образование веры и в такой же мере она является слабою и непрочною. Иные из таких, опытами жизни убедившись, сколь ненадежна свободная самодеятельность в деле веры, предают себя наконец всецело Богу.— Тогда Бог скоро довершает в них, что недоставало,— и вера является в них во всей силе, яко вполне Богом основанная и водворенная. А другие на всю жизнь остаются с примесью к вере своей самодельщины. И такие всегда нетверды в вере, каждый в своей мере. Есть и такие, которые

держатся веры внешно, как писания или программы, всю же жизнь свою по вере строят сами. В таких ничего нет Божеского: всё самодельщина; и они не принадлежат к Божиим. — Апостол в настоящем месте разумеет твердо Богом основанную веру в сердце тех, кои всецело предают себя Ему. Такая вера твердо стоит и никогда не падает. К ней приложимо то же, что сказано святым Павлом о любви: *кто ны разлучит*? Никто и ничто (см.: Рим. 8, 35—39). Она-то и есть тот камень, на коем Господь обещал создать Церковь Свою и создал (см.: Мф. 16, 18).

Амвросиаст пишет: «основание Божие есть вера, которая твердо содержит, что обетовал Бог. Такая вера не может быть сокрушена лживыми мудрованиями вероломных еретиков». Как она слаба была у некоторых, то они поколебались и увлеклись вслед погрешивших о истине. Святой Златоуст говорит об них: «здесь (словами: *основание стоит*) показывается, что они не были тверды еще прежде, нежели поколебались; иначе не поколебались бы от первого же нападения. Твердые не только не терпят от обольстителей, но еще заслуживают удивление. — Так надлежит быть преданными вере». Прилагает к сему нечто и блаженный Феофилакт: «не все совратились, но нетвердые. Ибо если б не были они таковы, то и не отпали бы. Совершенно водруженные в вере стоят твердо и неподвижно. И смотри —

твердое, говорит, и: *основание*. Так надлежит нам ятися* за веру».

Имущее печать сию: позна Бог сущия Своя. — *Основание Божие* — есть основанная и водруженная Богом в сердце, всецело Ему преданном, вера во всей ее силе. Сие Божеское внутри человека действие все там перестроивает и всему дает свой характер и свой лик; так что если б у кого из сторонних открылись очи и он узрел бы внутренний лик верующего сим образом; то он не мог бы удержаться, чтоб не воскликнуть: этот человек Божий есть. Так ярко блестит Божия на нем печать. Поелику он всецело себя Богу предает, то тем присвояет себя Богу; а кто Богу себя присвояет, того и Бог Себе присвояет. Ибо это и было Его намерением в творении разумно-свободных тварей, чтобы все их Себе присвоенными иметь, под условием их свободного Ему присвоения себя. Почему, как только всецелою преданностию в вере совершается в человеке сие Богу себя присвоение, — и Бог тотчас присвояет его Себе. И бывает общение — живое крепкое. Оно печатлеется на внутреннем лике верующего, — и все умные твари видят то. В словах Апостола: *сущия Своя* — указывается на лица, кои всецело предают себя Богу в вере; ибо, как только они предадут себя Богу, тотчас существенно соделываются Божиими, — настоящими Своими Богу. А

---

* *Ятися* — здесь: ухватиться, держаться. — *Ред.*

слова: *позна Господь* — означают, что Господь тотчас, как только произойдет в душе верующего такая Ему преданность, узнает это. Не требуется, чтобы кто со стороны сказал Ему об этом; Сам видит. Ведомы Ему сии паче, нежели кому другому. И как только узревает сие, тотчас присвояет их Себе, Своими делает и попечение об них, как о Своих, особое начинает иметь.

Многим думается, что когда уверовал вполне, то этим уже все сделано, и спасение соделано, и рай завладен. На деле же верою, даже в той степени ее силы, как изображено пред сим, только начало спасению полагается или основание ему углубляется; самое же содевание спасения идет вслед за сим, среди трудов доброделания и подвигов самоотвержения, — что прилагает тотчас Апостол: *и да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне*. Такова задача жизни верующего, и ради веры и преданности Богу восприявшего печать принадлежания Богу. Печать сия одна не делает всего дела и не к покою располагает приявшего ее, а к труду отступления от неправды и ступания путем правды. Ступание путем правды совершается не воздаянием только всякому должного, но и деланием ему всякого возможного добра; а отступление от неправды совершается не удалением только от неправых дел и слов, но и подавлением всяких неправых мыслей и чувств, — что исполняется подвигом

самопротивления и самопринуждения с прибавлением и внешних самостеснений. Все сие требуется от того, кто приял печать принадлежания Господу.

Святой Златоуст говорит: «твердые души стоят твердо и непоколебимо. На их делах начертаны такие слова, что Бог знает их; подобно тому как на камне делается надпись, чтоб она была признаком его,— эта надпись у них выражается на делах. Признак этой печати — не делать неправды. Итак, не будем лишать себя этой царской печати и знака, дабы нам не остаться незапечатленными и непрочными, но стоять на основаниях,— на основаниях твердых и не увлекаться. Вот признак людей, принадлежащих Богу,— удаляться от неправды! Ибо как Богу, Который праведен, может принадлежать тот, кто делает неправду, противится Ему делами своими и оскорбляет Его своими поступками?»

Две половины этого стиха указывают на моменты духовной жизни, кои относятся между собою как причина и действие и состоят в неразрывной связи. Основание — вера богопреданная, приемлющая надпись в духе принадлежания Богу, имеет в себе решимость ревнивую стоять в правде Божией и, приняв силы благодати, делом является содетельницею всякой правды, с удалением от всякой неправды. Но помнить надлежит, что как в духе все совершается по законам

свободного произволения, то последнее не есть последствие первого механическое, помимо свободы, а напротив, что свободное произволение, почерпая из веры побуждения ко всякой правде и обязательство к исполнению ее и чрез нее же получая благодатную на то силу, свободным решением определяет себя на делание всякой правды и делает ее в чувстве силы о Господе. В ком сочетано то и другое, тот никогда не поколеблется. И се — твердое основание Церкви!

Апостол говорит в сем месте словами Пророков. Первое изречение: *позна Бог сущия Своя* — взято из книги Чисел, где по случаю возмущения Корея, Дафана и Авирона, говоривших к Моисею и Аарону: что вы властвуете над нами, мы — сонм Божий, все святы, святой Моисей сказал им: мы не сами собою так поступаем, но Бог *позна сущих Своих* и приблизил их к Себе,— то есть Бог нас избрал, зная, что верны Ему пребудем (см.: Чис. 16, 5). Второе взято или из слов святого Моисея, по тому же обстоятельству сказанных к народу, когда кара Божия готова была пасть на означенных возмутителей со всем родом их: *отступите от кущ человек жестокосердых сих* (Чис. 16, 26), или из слов святого Исаии, где, предсказывая пришествие Господне, избавление людей от рабства греховного и проповедь Евангелия,— он издали обращает речь к хотящим уверовать, чтоб мужественно отступали от упорствующих в неве-

рии: *отступите, изыдите от среды их, и нечистот их не прикасайтеся* (ср.: Ис. 52, 11). Как применимо все сие к речи Апостола, очевидно само собою.

Стих 20. *В велицем же дому не точию сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни, и ови убо в честь, ови же не в честь.*

Решается второе недоумение: зачем есть слабые в вере и в жизни по вере? Ответ в настоящем стихе такой: так необходимо по течению дел настоящего периода бытия мира и людей. Объясняется он сравнением положения дел в Церкви с порядками по домоправлению. Как в большом доме бывают вещи золотые и серебряные, бывают и деревянные и глиняные, — и одни из них обращаются на почетное употребление, а другие на непочетное: так и в Церкви — сем доме Божием, великом и славном, есть лица, отвечающие достоинством своим золоту и серебру, и есть лица, отвечающие дереву и глине, — и бывают из них одни досточтимы, а другие никакой не имеют цены. Последняя половина сравнения Апостолом умолчана. Ее надлежит дополнить нам самим, — и дополняем, как показано. И самая причина, почему так бывает, не обозначена, а только дано разуметь, что как в доме бывает и хорошее и нехорошее, так и в Церкви или среде верующих. Намекается будто: будьте довольны и этим показанием, а далечайшего и глубочайшего

не ищите. Не ваше дело, как и святому Антонию Великому* сказано было свыше на пытливое его искание, почему есть добрые и злые. И Спаситель, говоря о Царстве Своем,— притчами о земле, засеянной добрыми семенами, на которой, однако ж, показались потом и плевелы, и о неводе, захватившем добрых и худых рыб,— показал только, что и в Церкви Его так будет, до судной жатвы и до окончательного разбора дел; а почему так будет, не сказал. Конечно и Он так поступил, внушая, чтоб мы не брались не за свое дело, а веровали, что Господь все устрояет к наилучшему.

Думается, что слова: золотые и серебряные, деревянные и глиняные, также в честь и не в честь,— Апостол употребил только для яснейшего показания разности в вещах, бывающих в доме, а не имел в мысли иносказательно указать этим на такие и такие именно разные лица, бывающие среди верующих в Церкви. Почему можно оставить их без иносказательного истолкования. Впрочем, блаженный Феодорит не счел излишним дать им истолкование, но пишет: «Апостол уподобил сосудам золотым — сияющих благочестием и добродетелию (от всего отрешившихся и Богу всю жизнь посвятивших), серебряным же — при вере и праведности возлюбивших

* *Преподобный Антоний Великий († 356)* — основатель пустынножительства. — *Ред.*

жизнь гражданскую (благочестивых мирян), деревянным и глиняным — живущих в злочестии и лукавстве».

Под домом наши восточные толковники — святой Златоуст, Феодорит, Экумений и Феофилакт — разумеют мир, а западные — Амвросиаст и, говорят, Киприан* и блаженный Августин** — разумеют Церковь. Хотя, по течению речи, более к делу подходит последнее разумение; но не следует устранять и первого. Потому что вопрос о смешении добрых и злых порождается и положением всего мира; почему при решении его нельзя не брать и этого во внимание. К тому же и мир есть дом Божий.

Стих 21. *Аще убо кто очистит себе от сих, будет сосуд в честь, освящен и благопотребен Владыце, на всякое дело благое уготован.*

Здесь и причина указывается, по коей благость Божия благоволит терпеть вместе с добрыми и худых, как в Церкви, так и во всем мире, подобно хозяину, терпящему в доме и хорошее и худое. Хозяин терпит и худое, потому что оно пока к чему-либо гоже, не имея надежды, что оно станет хорошим; Господь же терпит не по этому одному, но особенно потому, что свободная тварь,

---

* *Священномученик Киприан, епископ Карфагенский († 258)* — учитель Церкви. — *Ред.*

** *Блаженный Августин, епископ Иппонийский († 430)* — учитель Церкви. — *Ред.*

неверующая и худо живущая, может прийти в себя, опомниться и измениться на лучшее. «Сосуды, — пишет Феодорит, — осудила сама природа (если они не в честь), а людей честными или нечестными соделала воля». Но сия воля, сейчас неисправная, сейчас же может измениться в исправную. «Выбор лучшего зависит от нашей решимости» (блаженный Феодорит). Решится худой с Божиею помощию — и начнет быть хорошим. Сего-то момента ожидая, благость Божия щадит неверующих и недобрых и удерживает готовую покарать их правду Божию. Это и разумеет Апостол, говоря: *аще кто очистит себе от сих. — От сих* — от того, что делает его похожим на сосуд не в честь, от страстей и грехов. Очистить себя — значит: сознать худобу худого в себе, отвратиться от него, положить твердое намерение не делать его более и, исповедав то духовному отцу, получить разрешение и потом уже не допускать себя впадать в ту же вину. Утвердившийся в сем, чистом от всякого худа, образе жизни, внешней и внутренней, уже не будет походить на сосуд в доме, который не в честь, но станет сосудом в честь, благопотребным и гожим на всякое доброе дело — и, кроме того, освященным, — станет некако священною вещию, — как и в самом деле есть: ибо он тогда не прост будет, а благодатию преисполнен и Бога в себе носить будет. Сего ради изменения и поступления, вместо

бесчестного, в такое светлое состояние и терпятся худые. Святой Златоуст говорит: «видишь ли, что быть золотым или глиняным зависит не от природы или вещественной необходимости, а от нашей воли? В природе глиняный сосуд не может сделаться золотым и золотой не может сделаться столь низким, как глиняный; а здесь (в душах людей) бывает великая перемена и превращение. Павел был глиняным сосудом, но стал золотым; Иуда был золотым сосудом, но стал глиняным. Таким образом, нечистота делает людей глиняными: прелюбодей, корыстолюбец суть глиняные».

Что значат в применении слова: *сосуд освящен, благопотребен, на всякое дело уготован* — можно не пытаться определять в частности. Обще же они значат, что верою и благодатию очистившийся от всего худого, нечистого и страстного, и предавший себя вседействию Божию соделывается в руках Божиих орудием, благопотребным к исполнению промыслительных Его действий о мире и человеках. Умеет таковой внимать и слышать разумно в сердце своем Божии веления и потом, не щадя живота, исполнять их. Почему в действиях своих он всегда попадает на след воли Божией: что всего драгоценнее для всякого христианина, тем паче для архипастыря.

Так как такого рода состояние делает достигшего его наиблагоразумнейшим; то можно поло-

жить, что речь Апостола с 19-го стиха указывает путь к достижению благоразумия, о коем он начал давать архипастырю уроки с 14-го стиха. После сего следующий, 22-й, стих будет иметь значение заключительного предостережения от того, чем можно потерять сей дар, и указания на то, чем он обезопашивается и укореняется.

Стих 22. *Похотей юных бегай: держися же правды, веры, любве, мира со всеми призывающими Господа от чистаго сердца.*

Того бегай, а этого держись — и будешь Домувладыце сосуд благопотребен, то есть будешь в руках Господа благопотребное орудие к водворению спасения среди людей. Святой Тимофей, конечно, уже был таков. Ему делается только напоминание, — и, может быть, не столько ему, сколько в лице его всем пастырям и архипастырям. Под юными похотями разумеются не плотские влечения: от них предостерегать, — надо полагать, — излишне было святого Тимофея; но более юношеская стремительность, не дающая спокойно обсуждать дела и толкающая на неблагоразумные шаги, — например, на споры и в спорах на раздражающую резкость и подобное. Святой Златоуст говорит: «юные похоти суть не только блудные, но и всякий неуместный порыв обличает юность. Пусть заметят себе это состарившиеся, — что им не следует делать то, что делают юнейшие. На словах ли кто резок, или в делах

обнаруживает настойчивость и властительство, или другое что подобное себе позволяет — все это суть юношеские неразумные стремления. Всему этому свойственно бывать, когда сердце еще не умерено и не установлено и когда помыслы ума не углублены, а легко парят по верхам. Посему, дабы никто не увлекался сим, что внушает Апостол? Фантазий юношеских бегай».

Устранив могущее сталкивать на неблагоразумный образ действования, Апостол указывает нравственные опоры благоразумия. *Держися же*, δίωκε, — гони, ревностно стремись, всячески старайся проявлять, — *держися же правды, веры, любве и мира*. Правда и любовь — два расположения, обнимающие все нравственно-добрые деяния и отрицающие все недобрые. *Правда* не дает сделать что-либо недолжное и держит в пределах должного, а *любовь* устремляет внутри сих пределов размножать всякое благо. *Вера* — родительница сих расположений, питательница и хранительница, а *мир* — порождение их, общий итог дел их, как бы облак, осеняющий их. Кто, воодушевляясь верою, всю ревность обращает на дела правды и любви и чрез то ходит под облаком мира, в делах того не может не царствовать всестороннее благоразумие.

Мир иметь внушает Апостол *со всеми призывающими Господа от чистаго сердца*. Два ограничения положил: *с призывающими Господа* — и:

призывающими от чистаго сердца. Не то внушает он, чтоб с другими не блюл заботливо мира; но предостерегает, чтоб не дружился с ними, не доходил до того, чтоб жить с ними душа в душу. Общее согласие и мирность со всеми держать должно, а душа в душу жить и должно, и можно только с верующими, которые разумеются под призывающими Господа. В сем отношении ничто не мешает слова: *от чистаго сердца* – соединять с *миром*, – чтоб было: держи чистосердечный мир с призывающими Господа. Мир с такими сам собою устрояется и наполняет сердца верующих, особенно пастырей, более знающих всех пасомых. Единство убеждений и стремлений сливает души, и они живут одна в другой. Такое, впрочем, слажение душ препятствуется и нарушается там, где замечается в ком-либо неискренность веры. Коль скоро открывается, что тот или другой неискренно призывают Господа или веруют в Него не от сердца; тотчас слажение с ними расстроивается, по естественному при сем подозрению, что, верно, они иные преследуют цели, а не те, кои внушаются верою. Не туда метят; нечего с ними и ладить. В сем отношении: *от чистаго сердца* – надо соединять с *призывающими Господа*. Святой Златоуст так толкует сие: «что значит: *с призывающими Господа от чистаго сердца*? Он как бы так говорит: доверяй не всем, призывающим Господа, но только таким, которые

призывают Его непритворно, нелицемерно, не лукавят; с такими сообщайся, с другими же не следует быть коротким, но только соблюдать мир сколько возможно».

бб) О кротком научении противных (2, 23—26)

Приступая ко второму делу благоразумия, в текущих обстоятельствах, — именно чтоб если заставит необходимость вести речь с инако учащими, то вел бы ее кротко (см.: 2, 23—26), — Апостол напереди снова поставляет высказанное уже правило бегать споров.

Глава 2, стих 23. *Буих же и ненаказанных стязаний отрицайся, ведый, яко раждают свары.*

«Видишь ли, как Апостол везде отклоняет Тимофея от состязаний? Это не потому, чтобы Тимофей не был способен опровергать их; он был способен; а если б не был, то Апостол сказал бы ему: старайся сделаться способным к опровержению их, подобно тому, как сказал: *внимай учению: сие бо творя, и сам спасешися и послушающии тебе* (ср.: 1 Тим. 4, 16). Но Апостол знал, что совершенно бесполезно и вступать в такие состязания (какие тогда бывали) и что они оканчиваются не иным чем, как ссорою, враждою, оскорблением и злословием. Таких стязаний, говорит, отрицайся» (святой Златоуст). «Эти состязания и самых кротких увлекают в ссору. Неверующие и еретики, крайне нелепым своим противоречием истине, выводят их из себя, и они, рассер-

дившись, высказывают тогда, чего не хотели бы сказать. Те же между тем принимают вид спокойных рассуждателей, будто стоящие на твердых основах (хотя у них при этом сердце кипит против православных). И выходит отсюда нечто невыгодное для истины Божией. Почему Апостол и пишет: лучше не вступать в эти споры. *Отрицайся*, — говоря как бы: состязаться не наше дело».

Стязаний, ζητήσεις, — изысканий. Не всякое изыскание запретно. Почему Апостол и определил, каких надо отрицаться; *отрицайся буих и ненаказанных изысканий. Буих*, μωρὰς, — детских, несмысленных, пустых; *ненаказанных*, ἀπαιδεύτους, — невежественных, неназидательных. «Есть другие изыскания, именно об истинах Писания, которых не следует отрицаться, потому что они не рождают свар (а распространяют всеобщее назидание)» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт).

Стихи 24—25, 1-я половина. ***Рабу же Господню не подобает сваритися, но тиху быти ко всем, учительну, незлобиву, — с кротостию наказующу противныя.***

Здесь предмет настоящего отделения. Спорить не спорь, а учить учи и противников, но тихо и кротко. «Ибо без споров должен предлагать Божественные наставления тот, кому вверено проповедание оных» (блаженный Феодорит).

«Не должно ссориться и при состязании; рабу Божию должно быть далеким от ссор. Если Бог есть Бог мира, то раб Бога мира как может ссориться?» (святой Златоуст).

Но тиху быти ко всем. Тиху, но не вялу. Вялое слово никакого действия не произведет. Надо и сильно говорить и нессорливо. Иначе почему бы он писал в другом месте: *обличай со всяким повелением* (Тит. 2, 15) — и еще: *обличай их нещадно* (Тит. 1, 13)? И это повелевает он делать в духе кротости. Сильное обличение, когда оно делается с кротостию, особенно может трогать. Сильное слово без кротости может разве только пристыдить, а будучи соединено с кротостию, оно возьмет за сердце и победит (см.: святой Златоуст).

Учительну, — «то есть для всех, желающих учиться» (святой Златоуст). Кто с спорливостию завязывает беседу, от того отрицайся; а кто ищет вразумления и наставления, того не отказывайся научить. Пастырь должен и сам отыскивать особящихся в учении, чтобы вразумить их речью кроткою, но сильною; и уже, когда кто из них упорно останется с своим иномыслием, в противность истине Божией, тогда отрицаться от него, как заповедует святой Павел в другом месте: *еретика человека по первом и втором наказании отрицайся* (ср.: Тит. 3, 10).

Незлобиву – не серчать и не раздражаться при безуспешности вразумляющего слова. «Хорошо прибавил это Апостол; учителю особенно нужно иметь незлобие; иначе все будет тщетно. Если рыболов, целый день бросая сети и ничего не поймав, не приходит в отчаяние, то тем более (не должно отчаяваться) нам. Ибо часто случается, что плуг слова, действуя непрестанным внушением, входит в глубину души и истребляет овладевшую ею страсть. Кто слушал тысячу раз, тот должен что-нибудь почувствовать; ибо невозможно, чтобы человек, слушая непрестанно, нисколько не почувствовал. Таким образом, может случиться, что человек, уже готовый убедиться, потеряет все от нашего нетерпения; и произойдет то же, как если бы кто-нибудь, неискусный в земледелии, насадив виноград и окопав его в первый год, и во второй, и в третий, в надежде получить плоды, но, не получив их и потеряв надежду, по прошествии трех лет в четвертый год оставил бы его (без попечения, бросил), именно тогда, когда должен был получить воздаяние за труды свои» (святой Златоуст).

Стих 25. *С кротостию наказующу противныя: еда како даст им Бог покаяние в разум истины?*

«Сказав: *незлобиву*, – Апостол не довольствуется этим, но присовокупляет: *с кротостию наказующу противныя*. Здесь особенно нужно учителю поступать с кротостию; душа, имеющая нужду

в наставлении, не может принять что-нибудь полезное, когда оно преподается сурово и с бранью, — и хотя готова слушать, но, будучи приведена в недоумение, не усвоит ничего. Кто хочет научиться чему-либо полезному, тот прежде всего должен быть расположен к учителю. Если же это предварительно не устроено, то не может произойти ничего надлежащего и полезного. Но никто не может быть расположен к человеку, который сердится и бранится. *С кротостию* — говорит. Видишь, как должно приступать к желающим научиться? И не нужно оставлять собеседования с ними прежде их убеждения» (святой Златоуст). «Апостол и учит святого Тимофея пребывать в учении и не отчаяваться в рассуждении тех, которые не легко принимают слово проповеди. Кто с отеческою кротостию преподает учение неверующим и великодушно выслушивает их возражения, тот нередко убеждать может и крайне упорных еретиков» (блаженный Феодорит).

Еда како даст им Бог покаяние в разум истины.

Еда како даст — не даст ли как-нибудь; нет уверенности, но и не отчаявается: может быть, образумятся. Указывает трудность исправления падшего в ложь: только Бог силен исправить его; внушает терпеливо продолжать вразумление его в надежде исправления, хотя слабой, и, следо-

вательно, законополагает не отрицаться и не отсекать заблуждших, пока не удостоверишься, что они неисправимы и вредны для христиан верных, но простых в вере. Святой Златоуст говорит: «смысл этих слов следующий: может быть, и будет какое-либо исправление. Слово: *еда како* — употребляется о предметах, неизвестных в точности; следовательно, нужно отступать только от тех людей, о которых можем точно сказать и о которых убеждены, что они неисправимы, какие бы меры ни были употреблены. И то внушает сие слово, что при вразумлении надо иметь великое долготерпение. Заметь также, как он научает смиренномудрию. Не сказал: может быть, ты будешь в состоянии, но: *еда како даст им Бог возникнуть*; если и произойдет что-нибудь, все принадлежит Господу; ты насаждаешь, ты поливаешь, а Он возращает и устрояет плодоношение».

Говорит: *не даст ли Бог?* Но Бог всегда готов дать и ведение истины, и силу на добро. Но Он дает не по одной власти вседержительства, а всегда по склонению произволения человеческого. Склонится произволение к желанию блага от Бога и взыщет его, — и Бог готов подать его и подает. Сомнение: *еда како?* — возбуждает не Божеская благоподатливость, а упорство человеческой воли. От нее нельзя наверное ожидать, что, быв вразумлена, восхощет и взыщет. Как же сокрушается упорная непокоривость истине?

Покаянием. Оно умягчает сердце и нудит гордый ум склонить гордую голову свою под иго истины Божией. Бог представляет сознанию и свободе все вразумительные моменты. Когда понуждаемое ими сознание наляжет с своей стороны на свободу и последняя, поколебавшись, возжелает выйти из мрака, в коем держит ее упорство, тогда приходит Божие содействие и доводит сие покаянное начало до конца, то есть до решения бросить ложь и покорно восприять истину, как она есть, без пытливости, без примеси своих мудрований и без всяких колебаний. Вследствие сего, как в отверстые очи льется свет, так начинает литься свет истины в душу, покаянием разверстую, и она исполняется ведением ее. Все сие выражает Апостол, сказав: *еда како даст им Бог покаяние в разум* (в познание) *истины?*

Стих 26. *И возникнут от диавольския сети, живи уловлени от него, в свою его волю.*

Какое мрачное состояние попавших в ложь и переплетших истину Божию пустыми соображениями, закрывающими истину! Сетями диавола опутаны они; а думают, что они-то одни и обладают свободою ума. Думают, что по своей вольке парят умом, а между тем пляшут по воле диавола. Враг представляет уму призрак истины. Ум, полагая, что это — им самим постигнутое высшее ведение истины, увлекается сим призраком и пленяется им. Тогда враг подседает и чрез вообра-

жение всю область истины переплетает призрачными представлениями. Ум, плененный в главном, и этим всем пленяется и является опутанным всесторонне вражьею сетью лжи, по коей все видит не так, как оно есть, по истине Божией. Это состояние очень хорошо у нас выражается поговоркою: враг осетил, которую употребляют, когда хотят сказать: думалось, что так и так есть, а теперь вижу, что оно не таково. Это же сознает и опутанный ложью, когда, пришедши в раскаяние, воззовет к Богу, и Бог пошлет ему луч истины Своей, который, проникши в душу, разрывает сети темной лжи и рассеявает ее, как ветер рассеявает сгустившийся дым. И он возникает* от диавольской сети. Очнется он тогда — и видит ясно, как был отуманен и одурачен, объяснить не умея, как все это сплеталось, и еще более, как всему этому верилось. Это производит познание истины; почему слова: *и возникнут...* — объясняют, что есть познание истины, — как пишет Экумений. «Что есть познание истины? То, чтобы возникнуть от сети диавола и лживых догматов к правости веры. И смотри, как он сказал: *возникнут от диавольския сети*, — будто от опьянения или умопомешательства».

Живи уловлени в свою его волю. — *Живи уловлени*, ἐζωγρημένοι, — живьем уловлены или попались в добычу. Когда враг убьет преследуемого,

* *Возникать* — освобождаться. — *Ред.*

тем все кончается; а когда живьем его возьмет, то делает его пленником и заставляет исполнять волю свою. Так поступает и враг с попавшимися в сети его лжи. Он берет их живьем, ибо не имеет власти над жизнию и смертию. Но, завладевши ими, делает их подручными орудиями к исполнению своих злых козней; заставляет их распространять ложь и других уловлять в сети их; заставляет и зло делать, прикрывая его видимостию добра.

Уму заблуждшему, попавшему в сети диавола, свойственна самоуверенность; а она не терпит вразумлений, тем паче укорно-огорчительных. Если же с тихостию будешь предлагать вразумляющую истину, то можно еще ожидать, что, авось, как-нибудь он опомнится.

вв) О будущих развратниках (3, 1—9)

Среди христиан всегда бывают как инакомыслящие и увлекающие к тому других, так и неисправно живущие. В первое время последних не было много; однако ж были и служили зародышем имевшего впоследствии развиться худонравия. Как подавление зародыша отвращает и то, что имеет разродиться из него, то святой Павел и направляет на это святого Тимофея (см.: 3, 1—9). Для сего изображает сначала: α) какое худонравие разовьется впоследствии (см.: 3, 1—5); потом, сказав как бы этим: видишь какое будет

зло? А зародыш ему и ныне уже есть,— внушает: так ты, коль скоро заметишь у себя таковых: β) не поблажай им. Они то и то делают, и тебе легко их узнать (см.: 3, 5—8); γ) не смущайся, однако ж; они не преуспеют, общий голос верных осудит их (стих 9).

α) Будущее худонравие (3, 1—5)

Глава 3, стих 1. *Сие же веждь, яко в последния дни настанут времена люта.*

Сие же веждь — удостоверительное выражение,— что несомненно так будет, как в Первом Послании: *Дух явственне глаголет* (ср.: 1 Тим. 4, 1). Там говорил он об отступлении от веры, а здесь говорит о развращении нравственном. Может быть, в этом лежит причина и того, что там заимствует он удостоверение от Духа, а здесь довольствуется своим словом. *Последния дни* — обыкновенно относят мысль к концу века; но здесь указывается вообще на последующее время. *Лютыя времена* — тяжелые, в которые трудно жить. Изображает Апостол крайнее растление нравов; но как с этим неразлучно соединяется умаление правды, мира и безопасности, то всегда и трудно бывает в такие времена жить и самим развратившимся, но особенно тем, которые живут не по их примерам и порядкам.— Есть предрассудок называть иные дни и времена худыми или добрыми в той мысли, что они сами по себе худы

или добры. Святой Златоуст обличает такое думание. «Не дни или времена осуждает Апостол, но людей, которые тогда будут. Так и мы имеем обыкновение называть времена худыми или не худыми, по свойству дел, совершаемых в течение их людьми. Тотчас же он указывает и причину. Корень и источник всех зол, от которого все они происходят, — чрезмерное самолюбие».

Стих 2. *Будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хульницы, родителем противящиися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни.*

Самолюбие — корень всех злых страстей. Оно подавляет братолюбие и боголюбие и в жизни водворяет совершенно противоположные им порядки, от которых никому нет покоя. Но то дивно, что оно само себе есть наказание. Самолюбец свое только благо блюдет; но как без других ему одному нельзя жить счастливо, то самолюбец по тому самому, что небрежет о других, себе вредит или против себя злодействует. Святой Златоуст раскрывает эту сторону самолюбия так: «плененный сею страстию не может наблюсти и своих собственных выгод. Ибо когда кто не наблюдает, что относится ко благу ближнего, тот, нерадя о выгодах ближнего, как свои наблюдет? Как имеющий во внимании выгоды ближнего чрез них самих и свои собственные поставляет в хорошее положение, так и пренебрегающий их просмотрит и свои. Ибо если мы *есмы друг другу удове* (Еф.

4, 25), то спасение (благо) ближнего не его только есть, но и прочего тела и вред ближнего не его только одного касается, но поражает мучительною болью всех. Так же — если мы — здание, то какая бы часть его ни пострадала, опасность угрожает всему зданию; а когда она тверда и прочна, то способствует твердо держаться и всему прочему. Так и в Церкви. Пренебрег ты брата? Себя самого обидел. Как? Так,— что от этого и твоя часть терпит немалый ущерб. Ибо если не отдавший торжникам *мнаса* попадает в геенну, то видящий бедствующего от недостатка необходимейших потреб и не простирающий к нему руки тем более сравнительно с тем пострадает, чем в большей мере произошел вред. Так-то самолюбец есть наиболее себя самого нелюбец; а братолюбец есть наиболее и себя самого любец».

Из самолюбия исходят все страсти. Главнейшими или родоначальными из них почитаются и суть — гордость, корыстность и сластолюбие. В настоящем месте Апостол ведет перепись преимущественно порождений гордости, из других же двух поминает только самих родоначальниц — сребролюбие и сластолюбие, заключая показанием отношения к Богу жизни, устрояемой по их влечениям и по влечениям страстей вообще.

Сребролюбцы. «Указав корень, в частности перечисляет и отростки от него, из которых первый и наибольший есть сребролюбие. Ибо как из

любви — всякое добро, так из самолюбия, противоположного любви, — всякое зло. Любовь широка и повсюду разливается; а самолюбие стесняет широту ее и сосредоточивается на одном только себе» (блаженный Феофилакт, святой Златоуст). Сребролюбием означается вообще скупящееся любоимание. Иметь есть потребность житейская. Чтоб она не одолевала человека и не делала из него скряги, Бог вложил в сердце его сострадание к нуждающимся, которое раскрывает сокровище-хранительницы для других. Но когда самолюбие возобладает им, тогда сострадание к другим гаснет и сокровищницы запираются. Все себе нужно и на себя обращается; до других дела нет. Вот и скряга.

Величавы, горди. Второе порождение самолюбия — гордыня. Проявления ее разнообразны. В настоящем месте два вида ее указывает Апостол: ἀλαζονείαν — и: ὑπερηφανίαν. *Величавы*, ἀλαζόνες, — возносливы, «над другими величаются и высятся» (блаженный Феофилакт). *Горди*, ὑπερήφανοι, — при возношении и презорливы, ни во что ставят других и готовы своенравно помыкать ими.

Отселе начинает святой Павел перечислять порождения гордыни. — *Хульницы*, βλάσφημοι, — нечестиворечивы, богохульны. «От возношения — презорливая и своенравная надменность, от надменности — хуление (нечестиворечие, неправые к Богу чувства, восстание против Бога)» (святой

Златоуст). Или «от того и другой богохуление» (Экумений). Ибо естественно, что, «когда зло из самолюбия разрастается прогрессивно, то доходит и до восстания против Бога» (блаженный Феофилакт). – Святой Златоуст пространно изъясняет эту сторону дела. «Надмевающийся над людьми легко будет надмеваться и пред Богом. Так рождаются грехи; они часто восходят снизу вверх. Кто почтителен к людям, тот тем более благоговеет пред Богом; кто послушен подобным себе рабам, тот будет тем более покорен Владыке; а кто презирает подобных себе рабов, тот постепенно дойдет и до презрения Самого Бога. Не будем же презирать друг друга. Это худая наука, которая научает нас презирать Бога, и даже тем самым, что мы презираем друг друга, мы уже оказываем презрение к Богу, Который повелел нам иметь великое попечение друг о друге. Если хотите, я поясню вам это иначе, – примером. Каин презрел брата и тотчас же оказал презрение и к Богу. Каким образом? Посмотри, как непочтительно (ὑβριστικῶς – бранчиво, грубо) отвечает он Богу: *еда страж брату моему есмь аз?* (Быт. 4, 9). Также Исав, презиравший брата, оказал презрение и к Богу (ни во что вменив Богом данные первородству преимущества). Презирали братья Иосифа, оказали презрение и к Богу. Презирали израильтяне Моисея, оказали презрение и к Богу. Также сыновья Илия презирали

народ, — оказали презрение и к Богу. — Хочешь ли видеть примеры противного? Авраам был снисходителен к племяннику, был послушен и Богу, как видно из послушания его касательно сына Исаака и из всех прочих его добродетелей. Также и Авель, будучи кроток в отношении к брату, был благочестив и в отношении к Богу. Не будем же презирать друг друга, дабы нам не научиться презирать и Бога; будем почитать друг друга, дабы нам научиться почитать и Бога. Дерзкий в отношении к людям становится дерзким и в отношении к Богу. А когда самолюбие, сребролюбие и презорство соединяются вместе, то чего еще недостает до совершенной погибели? Все развратилось, и натекает премножество нечистот греховных».

Родителем противящиися, ἀπειθεῖς, — непослушливы. «Высокосердие и надменность научают восставать и против природы (против давших жизнь)» (Экумений). «Хульники и родителям непослушны: что последовательно; ибо, кто Бога хулит, тот как станет почитать родителей?» (блаженный Феофилакт).

Неблагодарни. Уже в богохулении и непочтении к родителям видна неблагодарность. Ибо «к благодетелю Богу не знающий благодарности как поимеет благодарность к людям?» (Экумений). Также к родителям неблагодарный как будет благодарен к другим людям? (см.: блаженный

Феофилакт). Неблагодарность – дщерь гордости, полагающей, что делаемое для нее так и должно быть. Но не меньше она бывает плодом и сребролюбия, как изъясняет святой Златоуст: «и может ли быть благодарным сребролюбец? К кому может он возыметь благодарность? Ни к кому. Он считает всех своими врагами, желая у всех отнять все. Хотя бы ты отдал ему все свое имущество, он не изъявит тебе никакой благодарности, но будет досадовать, что ты не имел большего богатства и не сделал его обладателем большего. Хотя бы ты сделал его владыкою вселенной, он не изъявит тебе благодарности, но будет думать, что он ничего не получил. Его желание ненасытимо: потому что оно походит на желание, болезни присущее; а такие желания ненасытимы. Как страждущий горячкою никогда не может насытиться, но постоянно чувствует жажду и никогда не насыщает неутолимого желания пить; так и одержимый страстию к богатству никогда не может насытить своего желания. А не насыщаясь никогда, он не будет и благодарен тебе, сколько бы ты ни давал ему. Он был бы благодарен тому, кто дал бы ему столько, сколько он желает. – Но этого никто не может сделать, потому что желание его безмерно. Посему он и не может быть никому благодарен. Нет человека столь неблагодарного, как сребролюбец, и столько бесчувственного, как корыстолюбец».

Неправедни, ἀνόσιοι, — непреподобны или неподобающи, не таковы, каким следует им быть по званию, состоянию, положению, месту, — «в сторону отлагают преподобие, или подобающее и обязательное для них» (блаженный Феофилакт).

Нелюбовни, ἄστοργοι, — чужды даже и родственной любви к своим, «даже и своим недруги» (Экумений).

Стих 3. *Непримирительни (продерзиви, вознос-ливи, прелагатае), клеветницы, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы.*

Непримирительни, ἄσπονδοι, — никаких сделок не принимают к прекращению разлада, — расходятся однажды навсегда и всякого примирения отвращаются, — на глаза не принимают, и не показывайся.

Следующих слов: *продерзиви, возносливи, прилагатае* — наши толковники все не читают.

Клеветницы, διάβολοι, — то есть «несправедливо думающие и говорящие о других худо. Это такие, которые, не видя в себе ничего доброго, утешение себе некое находят в злословии про других, чтоб подорвать доброе о них мнение; но как говорят о других наобум, то ошибаются и погрешают, — почему истинно суть клеветники» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт).

Невоздержницы — «и в языке, и в чреве, и во всем другом» (святой Златоуст).

Некротцы, ἀνήμεροι, — резки и буйны, во взоре, слове, движениях. «Отсюда зверство, отсюда свирепство, — когда бывает кто сребролюбив, когда кто самолюбив, неблагодарен и невоздержен» (святой Златоуст). «Видишь, какими делает самолюбие и сребролюбие? Зверями вместо людей» (блаженный Феофилакт).

Неблаголюбцы, ἀφιλάγαθοι, — «враги всякого добра» (блаженный Феофилакт) или всякого — доброго и благолюбивого человека.

Стих 4. ***Предателе, нагли, напыщени, сластолюбцы паче нежели боголюбцы.***

Предателе, προδόται, — «предатели дружбы» (святой Златоуст) — «или сотоварищества» (Экумений), — не в видах блага общего, а в видах своих личных интересов, на зло другим.

Нагли, προπετεῖς, — «не имеющие в себе ничего основательного» (святой Златоуст), — «нетвердые, непостоянные» (блаженный Феофилакт), — «безрассудные» (Экумений): мечутся туда и сюда или ломят, как медведи, — самонадеянно быстры и решительны в делах.

Напыщени, τετυφωμένοι, — «полны спеси, надменности и высокосердия» (блаженный Феофилакт, Экумений), — надуты, думая о себе много, хотя ничего не имеют, — достойного большего внимания.

Сластолюбцы паче нежели боголюбцы. — *Сластолюбцы*, φιλήδονοι, — живущие в собственное свое

удовольствие; в чем кто любит находить удовольствие, то и делает. Это самое льстивое исчадие самолюбия и самое широкое в приложении: потому что оно падко не на одни плотские сласти, — хотя это преимущественно бывает, — но и на душевные, даже на духовные.

Паче нежели боголюбцы. Сластолюбец, привыкши сластолюбничать, уже ничего другого не ценит, — ни закона, ни правды, ни страха Божия, и за сласть готов все продать. Оттого даже и в Божеских вещах (ходить в церковь), не Бога любит, но сласть, какую дают или обещают Божеские порядки и законы. «*Паче нежели боголюбцы.* Иначе и быть не может; ибо, где — любовь к сластям мирским, там желанию Божественного места нет» (блаженный Феофилакт). «Вожделение Божественного они заменили срамотолюбием» (Экумений).

Стих 5, 1-я половина. *Имущии образ благочестия, силы же его отвергшиися.*

Будучи, однако ж, таковы, по расположениям и чувствам сердца, они наружно удерживаются показывать себя такими, а напротив, стараются держаться всех внешних порядков благочестной христианской жизни, где уж нельзя отступать от них, не обнаружив ярко своего нечестия. Оттого лицедейство — неизбежное последствие в людях, обладаемых страстями, вращающихся, однако ж, среди любящих благочестие. Но в своем кругу

они обычно не лицемерят, а открыто хулят все Божественное и кощунствуют над всем. Наши толковники, разумея под благочестием веру, пишут о сем так. Экумений: «если судить о них по тому, что говорят, они благочестивы, а если судить по тому, что делают, они оказываются и обличаются противными словам своим». Феофилакт: «они принимают только вид благочестия и притворяются, делами же отвергаются его. Заметь, что сила благочестия, или как бы нервы его, — в делах. Почему праведно говорится, что оно без дел мертво». Святой Златоуст: «словом: *образ* — Апостол выражает здесь нечто бездушное и мертвое, наружность, вид, лицемерие. Вера без дел есть только наружный вид без силы. Как тело красивое и цветущее, но не имеющее силы, подобно нарисованному изображению, так и правая вера без дел. Представим, что какой-нибудь сребролюбец, предатель или наглый человек содержит правую веру; что в этом пользы, если он не отличается ничем приличным христианину, если он не делает ничего свойственного благочестию, но превосходит язычников своим нечестием, служит заразою для близких к нему и поводом к хуле на Бога, — если он позорит учение своими делами?»

Блаженный Феодорит все это отделение об имеющем раскрыться худонравии, заключает так: «настоящее, думаю, предсказано Апостолом вре-

мя, ибо жизнь наша исполнена сих зол и, облекаясь в наружность благочестия, делами уготовляем из себя кумир лукавства: вместо боголюбивых стали сребролюбивыми и любим рабство страстям; одним словом, в нас можно найти и прочее, что предрек Божественный Апостол». Нельзя отрицать, что подобное наведение уместно еще паче в наше время.

β) Нельзя поблажать началам худонравия (3, 5—8)

Глава 3, стих 5, 2-я половина. *И сих отвращайся.*

И сих, — то есть как инако учащих и спорливых, так и этих худонравных отвращайся. Или так: и этих, лицемеров, отвращайся, а о тех, худонравных, и говорить нечего. «Но если такие люди будут *в последния дни*, то как он говорит: *и сих отвращайся*? Вероятно, и тогда было несколько таких; хотя не в большой степени, но было» (святой Златоуст). Или в таком смысле говорит: коль скоро явятся. Предположить надо, что, по Апостолу, святой Тимофей доживет до указанных последних дней, — что они начнутся по кончине святого Павла, и святой Тимофей сам увидит их, и се, на этот случай заповедь ему: отвращайся таковых (см.: Экумений, блаженный Феофилакт). — Но то или другое поиметь при сем в мысли, наведение отсюда на последующие времена и лица очень естественно. Святой Зла-

тоуст и говорит: «несомненно то, что чрез Тимофея Апостол увещавает всех — удаляться от таких людей». Всех, не современных только святому Тимофею, но паче «тех, кои будут жить после него» (Экумений).

Стих 6. *От сих бо суть понырающии в домы и пленяющии женища отягощенныя грехами, водимыя похотьми различными.*

От сих бо суть — из этого круга суть. Но те, о коих говорилось, еще будут, а эти уже суть. Следовательно, считаются предшественниками и зачатками тех. *Понырающии в домы* — скрытно прокрадывающиеся. «Этим словом Апостол выражает их бесстыдство, бесчестность, обман, обольщение» (святой Златоуст). И еще «ἀνελεύθερον — несвободность» (блаженный Феофилакт). Совесть зазирала открыто это делать, или опасение было, что встретят препоны — открыто действовать. — *И пленяющии женища.* «Видишь ли, как эти люди подражают древнему обольстителю, употребляя то же орудие, которое диавол употребил против Адама?» (святой Златоуст). «Конечно, и они имели в виду посредством жен привлечь на свою сторону и мужей» (Экумений). *Пленяющии*, αἰχμαλωτίζοντες, — в плен забирающие. Женщинам свойственно прельщаться новостию и видимостию и, прельстившись, отдаваться в рабство прелести и прельстителям. Став на эту точку, они делаются очень удобными орудиями в

руках ищущих достижения своих целей не прямыми средствами. — *Женищца*, γυναικάρια, — слово уничижительное. Выразился так Апостол для обличения удобопрельстительности или поползновения к обольщениям, — вместе намекая, что и мужчина, если окажется удобообольщаемым, ничем не лучше женщины. Укоряется не природа, а характер (см.: святой Златоуст, Экумений, блаженный Феофилакт).

Отягощенныя грехами, σεσωρευμένα, — заваленные грехами, на коих грехов, как куча всякого сора. «Означает сие и множество, и беспорядочность, и смесь грехов» (блаженный Феофилакт). «Не природу осуждает; ибо не просто сказал: женщин, но именно таких женщин. И вот от чего они предаются обольщениям, — от грехов, от того, что не знают доброго (и различить не могут, что не добро)» (святой Златоуст). «А такой обыкновенно скорее склоняется на ложные догматы» (блаженный Феофилакт). — *Водимыя похотьми различными*. Не все, конечно, женщины, увлекающиеся ложными учениями, обременены грехами; но суетности редкая из них не рабствует, а от суетности — рой пожеланий и похотений. Стоит только сюда забраться искуснику, и он непременно завладеет женским умом и сердцем и посеет в них, что хочет. Впрочем, *похотьми различными* — может означать и кучу страстей — не легких. Святой Златоуст говорит: «что значит: *различны-*

ми? Здесь он разумеет многое: роскошь, бесстыдство, разврат. *Различными*, говорит, *похотьми*,— то есть корыстолюбием, славолюбием, тщеславием, честолюбием; а может быть, указывает и на другие постыдные пожелания».

Сказавши это, Апостол показал, кого отвращаться. И конечно, такие были. Но можно предположить, что в них он указывает и на имеющих явиться после подобных им учителей, предуказывая и то, как к ним должны относиться те, коим вверены души и спасение их. Эту сторону дела имел в мысли Амвросиаст: «хотя всем еретикам свойственно, проныряя в домы, пленять хитросплетенными обольстительными словами женщин, чтоб чрез них потом привлечь на свою сторону и мужей, подражая отцу своему, диаволу, обошедшему Адама чрез Еву; но более всех это идет к манихеям. Ибо никто так не настойчив, не вкрадчив и не лжив, как они, иное держащие внутри и иное являющие наружно. Они проповедуют святое целомудрие, но, под прикрытием своего закона, живут нечисто; хвалят милосердие, но между собою обижают друг друга; твердят, что должно презирать мир, но всегда вращаются среди него; хвастливо уверяют, что держат строгий пост, но на вид всегда бывают довольно полны, только, по какому-то искусству, кажутся бледными, чтоб обманывать. Итак, Апостол настоящими словами о них пророчествовал, потому что во время

Апостолов их не было. Диоклетиан* в одном своем постановлении называет их ересь скверною и нечистою, недавно вышедшею из Персии. Они находят женщин, из суетности желающих слышать новое, и, представляя им вещи нравящиеся, успевают сманить их на свое нечистое учение. А те жадно слушают их, желая научиться, смысла же достаточно не имея, чтоб различить истину от лжи. Так бывает, что они всегда учатся, а познания истины не имеют».

Стих 7. *Всегда учащяся, и николиже в разум истины приити могущия.*

И это о женщинах,— что они, при суетности и страстности, еще и учатся всегда. Это бы и хорошо; но не хорошо, что, несмотря на это всегдашнее учение, познать истину надлежащим образом никогда не могут. Отчего? Оттого, верно, что учатся только из женского любопытства и жажды нового, как моды,— которая не даст им разобрать, истинно ли предлагаемое, и текут вслед его по тому одному, что оно ново и имеет привлекательный вид. Истина же стара, строга и всюду однообразна. Она и не удовлетворяет их; и они позволяют себе искать чего-либо удовлетворяющего вне ее — и нападают на такое, по указанию проникающих в их домы инако учащих. Истина посему у них остается в стороне, и

* *Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (245—316)* — римский император.— *Ред.*

держится нечто, как истина, вне истины лежащее, кажущееся, однако ж, истинным. Святой Златоуст спрашивает: отчего это так, что учатся, а познать истины не могут? Оттого, — говорит, — что отупел их разум. А разум отчего отупел? Оттого, что они погрязли в помянутых похотях и грехах. И наводит, — что Апостол сказал это (что они учатся) не для того, чтобы оправдать их, а для того, чтоб сильнее обличить (перифраз). — Продолжает сие наведение Феофилакт: «так что их неспособность познать истину не есть естественный недостаток, а есть следствие неправого направления их произволения». — Женщины падки на ложь, как и на грех. Потому великое есть несчастие, когда они выступают учительницами, не по общему духу учения Церкви Божией.

Стих 8. *Якоже Ианний и Иамврий противистася Моисею, такоже и сии противляются истине, человецы растленни умом, и неискусни о вере.*

Как назывались волхвы, противившиеся святому Моисею, в Писании не означено. «Вероятно, сказанные Апостолом имена их сохранились в неписанном предании» (все наши). Но это не важно; важно наведение, которое само собою отсюда выходит. Святой Моисей явно был послан Богом и говорил и действовал от лица Божия, как Бог ему повелел; а те волхвы выступили против него. Явно, что они были не от истины Божией, не тем духом водились, который от Бога,

но тем, который всегда и во всем против Бога. То же и теперь, говорит. Нас Бог послал лично чрез Господа Иисуса Христа, и мы проповедуем, что Он повелел, бывая научаемы Духом; а эти, прокрадывающиеся в домы и обольщающие слабых жен призраком истины, явно не от Бога суть и не от Духа Божия вещают. Не изумляйтесь сему, как бы говорит святой Павел. Что явились такие, ничего нет дивного. «Как в пшенице обыкновенно произрастают плевелы, так проповедники истины всегда имели сопротивников. Кто славнее Моисея благочестием? Но и он имел волхвов, людей, явно ополчившихся на истину» (блаженный Феодорит). Так не дивитесь и вы, что показались среди вас противники истины. Они восстают на наше учение не потому, что лучше познали истину, но потому, что, будучи *развращены умом и неискусны в вере*, вместо истины держат ложь, которая кажется им истиною.

У кого ум бывает развращен? Бывает он таким и у тех, которые, в противность естественным законам ума, соступают с прямого пути, коим доходят до истины, и, вступив на ненадлежащий путь, нападают на ложные начала, и, усвоив их, начинают обо всем судить и все решать на основании сих начал. Как начала, взятые не на истинном пути, истинными быть не могут; то все их суждения и решения бывают ложны, хотя они стоят за них как за истинные. Так им кажется

сквозь усвоенные ими начала. Как надевший испорченные очки видит вещи или не на своем месте, или не в своем цвете и величине, или вверх ногами, судя по тому, как повреждены очки: так и эти, как извращено око их ума принятыми началами, так и судят, — и судят не по истине, а по видимости. Сбрось порченые очки, и увидишь вещи как есть: так и здесь, — брось ложные начала, выступи из них, и увидишь истину. Другой вид развращения ума — обладание страстьми. Куда влекут страсти, туда и ум плетется, и что они считают дельным, то таковым видит и ум. Страсти же все стоят вне истины; почему отбивают от истины и ум, ими завладенный. — В сем смысле пишет блаженный Феофилакт: «когда кто растлит свой ум страстьми, тогда он бывает неискусен в вере (или в познании истинной веры). *Рече безумен: несть Бог. Растлеша и омерзишася в беззакониих* (ср.: Пс. 52, 2). Для приятия веры (истинной) потребен ум нерастленный (страстями). Да внимаем убо себе, чтоб не растлиться нам страстями и не нашло места в нас испорчение (обложнение, подделание веры)».

Неискусным в вере бывает наиболее берущийся учить вере, и бывает таким тогда, когда, не зная точно определений веры, побочные вере представления, кажущиеся только истинными, а не сущие таковыми, признает истинными и, научая держаться их, покривляет истину веры и

уклоняется от ней на распутия инакомыслия и лжи. И неискусные в вере бывают от тех же причин, от которых и развращенные умом. Они преемствуют друг друга. Развращенный умом непременно окажется неискусным в вере, когда возьмется судить о деле веры.

γ) Худонравие не преуспеет (3, 9)

Глава 3, стих 9. *Но не преуспеют более: безумие бо их явлено будет всем, якоже и онех бысть.*

Не преуспеют более, — то есть более тех волхвов, противившихся святому Моисею. Как те сначала имели небольшой успех, а потом обличились немощными: так и с этими будет. Скоро раскроется пред всеми их глупость, — и они будут оставлены. Так развеется навеянный ими туман и исчезнут призраки. Святой Златоуст говорит: «*но не преуспеют*. Как же в другом месте он говорит: *наипаче преспеют в нечестие* (ср.: 2 Тим. 2, 16), а здесь: *не преуспеют*? Там он утверждает, что еретики, начав вводить новости и заблуждения, не останавливаются, но постоянно изобретают новые обольщения и неправые учения; потому что заблуждение никогда не останавливается (на одном). А здесь он утверждает, что они не обольстят, не увлекут (верующих); хотя сначала по-видимому и совращают некоторых, но скоро сами будут обличены.

Это выражает он дальнейшими словами: *безумие бо их явлено будет всем*. Каким же образом? *Якоже и онех бысть*. Заблуждения хотя сначала и успевают, но до конца не остаются. Таково все то, что не по существу своему хорошо, а только кажется хорошим; оно на время успевает, а потом обнажается и погибает. Но не таково наше учение».

Б) ОТДЕЛЕНИЕ ВООДУШЕВИТЕЛЬНОЕ (3, 10—4, 8)

Изъяснив, куда должна быть направляема пастырская деятельность, святой Павел воодушевляет теперь святого Тимофея на усердное прохождение ее, имея, конечно, в виду наиболее последующих пастырей. Как для деятельности пастырской показал он три направления, по трем дарам Духа Святаго, подаваемым чрез рукоположение; то и воодушевления свои на нее принаправливает он к тем же направлениям. Это можно видеть даже во внешнем течении речи, делящейся на три подотделения повторяющимися однообразно оборотами: *ты же* (стих 10), — *ты же* (стих 14), — *ты же* (4, 5). В: а) *первом* (стихи 10—13) — внушает: мужайся; во: б) *втором* (см.: 3, 14—4, 4): ревнуй неусыпно о спасении других; в: в) *третьем* (см.: 4, 5—8): трезвенно и мудро веди дело благовестника, как мой наместник.

а) Мужайся (3, 10—13)

Мужайся: аа) нам с тобою уже не в первый раз вступать в труды и терпеть (стихи 10—11); бб) да и нечего ожидать нам покоя, для нас он не положен (стихи 12—13).

аа) Не в первый раз терпеть (3, 10—11)

Глава 3, стих 10. *Ты же последовал еси моему учению, житию, привету, вере, долготерпению, любви, терпению.*

Ты же — грамматически сочетавает начинаемую речь с предыдущею; но содержание ее очевидно направляется на другое. Это другое совмещено главным образом в слове: *последовал еси.* Чему последовал, перечисляется только для примера. С самого начала доселе ты явил столько постоянства, мужества, терпения. Пребудь же таковым и до конца. Воодушевление дается в самом этом напоминании о проявленном, как бы говоря: смотри не допусти, чтоб все это пропало даром: ибо конец венчает дело. Святой Златоуст говорит: «ты не просто принял учение, но и: *последовал.* Здесь он выражает, что уже много прошло лет со времени обращения (святого Тимофея). Посему говорит: будь тверд». Блаженный Феофилакт поясняет: «ты не просто пристал ко мне, но и: *последовал* — мне, то есть долгое время пребывая и разделяя все со мною, внимал всему моему и навык. Будь же крепок». Экуме-

ний прибавляет: «как приобретшему навык надлежит тебе пребыть таким же неизменно».

Учению — последовал «слову благовестия» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт), — «истине, сообщенной тебе в проповеди» (блаженный Феодорит), — «догматам» (Экумений). Тут положено начало всему последующему. Со всем жаром воспринятые юным сердцем убеждения давали движение и всей жизни.

Жизни, ἀγωγῇ, — поведению, — «тому образу жизни, который показан в делах» (блаженный Феодорит), — «тому, как я действовал в разнообразных соотношениях с другими и в разных обстоятельствах» (Экумений).

Привету, προθέσει, — настроению моего произволения. «Это говорится об усердии и душевном расположении» (святой Златоуст) или «о целях, какие имел в виду святой Павел» (блаженный Феодорит). Ты видел это и последовал «моей ревности, присутствию духа и мужественному воодушевлению, с какими я все делал» (Экумений, блаженный Феофилакт). «И я сам, говорит, не учил только, не на словах только любомудрствовал, но исполнял и на деле» (святой Златоуст). И дела внешние и внутренние расположения отвечали друг другу, — и все было по Богу и пред Богом.

Вере — не догматической только, а паче жизненной, или уверенности в Боге, что Он никогда

не оставит работающих во славу Его. Блаженный Феодорит пишет: «ты перенял у меня то расположение, какое я имею к Владыке». А блаженный Феофилакт прямо определяет его: «*вере*, говорит, последовал, то есть твердости и неизменному постоянству в истинных догматах (в истинном учении), или вере, не дающей в крайних опасностях падать в отчаяние, но веровать Богу, что изымет из них» (см. то же у Экумения).

Долготерпению — при встрече препятствий, пресекавших благоприятное течение трудов нашей ревности (см.: Экумений), равно как в случаях падения братий, в грехи ли (см.: блаженный Феодорит) или в какое-либо иномыслие (см.: святой Златоуст, блаженный Феофилакт). «Ничто подобное не смущало меня» (святой Златоуст); «никакое искушение и никакая препона не охлаждала моей ревности и не делала меня ленивым; и иномыслящие не смущали меня, но и их принимал я благодушно и с кротостию вразумлял» (блаженный Феофилакт). «И к еретикам большое оказывал я долготерпение» (святой Златоуст).

Любви — «сердоболию, с каким я всегда расположен ко всем» (блаженный Феодорит). *Кто изнемогает, и не изнемогаю; кто соблазняется, и аз не разжизаюся?* (2 Кор. 11, 29). *Чадца, имиже паки болезную* (ср.: Гал. 4, 19).

Терпению — «в гонениях» (святой Златоуст), — тому, «как я мужественно переношу нападения противников» (блаженный Феодорит).

Стих 11. ***Изгнанием, страданием, якова ми быша во Антиохии, и во Иконии, и в Листрех: якова изгнания приях, и от всех мя избавил есть Господь.***

Говорится, что святой Тимофей последовал добродетелям святого Павла, — потому что он явил их в себе, подражая своему учителю; а что изгнаниям и страданиям последовал, говорится потому, что переносил их вместе с Апостолом. Изгнания — внешние лишения; а страдания предполагают побои и раны — болезненные. Терпел святой Павел то и другое всюду, — и притом так, что всегда почти с ним бывал и святой Тимофей. Но почему поминает только об этих городах? Может быть, потому, что тут родина святого Тимофея и что претерпенное ими здесь произвело на него разительнейшее впечатление, но за то и избавление было тем утешительнее. Если разуметь здесь гонения и страдания святого Павла в первое свое в сих местах проповедание; то для святого Тимофея тогда полагались только начатки веры, и страдания, если и он сколько-нибудь был им причастен и делом, а не сердцем только, закаляли его на все последующие страдания. Помянув о сем начале или о сей основе, Апостол напомнил и бывшее после. «Он не имел нужды

исчислять все порознь, — потому что не был тщеславен и честолюбив и говорил не для прославления себя, а для утешения и воодушевления ученика» (святой Златоуст). Но может быть, святой Павел говорит здесь не о первоначальных гонениях и страданиях в сих странах, а о недавних, когда, по возвращении из Рима чрез Крит и Фригию, снова посетил и сии страны, направляясь в Антиохию. Так полагает, между прочим, святой Златоуст: «а может быть, потому (помянул только об этих), что говорит о событиях новых, а не древних». То же повторяют святой Дамаскин* и Экумений с Феофилактом.

Цель, с какою поминается о гонениях и страданиях, было — воодушевить к неослабному мужеству, при встрече неприятностей, неразлучных с делами благовестия; а для этого достаточно было коротко обще помянуть о бывшем и испытанном. Что и делает святой Павел в словах: *якови гонения приях*. Какие, ведь, гонения я претерпел?! Тебе нечего их перечислять: сам знаешь их. Одним этим кратким словом святой Павел наводил мысль святого Тимофея на все претерпенное. Но источник воодушевления в чем? В том, что: *от всех мя избавил есть Господь*. «Затем поминает Апостол о том, что и сколько претерпел, чтобы обнаружить и то, сколь велика и

---

* *Преподобный Иоанн Дамаскин († ок. 780)* — учитель Церкви. — *Ред.*

близка бывает и Божия помощь, какою Он защищает и безопасными делает рабов Своих от бесстыдства сатаны,— и чтобы чрез то возбудить мужество и готовность небоязненно встречать всегда нападки от неверных и вероломных» (Амвросиаст). Прямой вывод отсюда: мужайся же! Избавит и тебя Господь. Веди потому дело благовестника, не обращая внимания на неприятности, с тем соединенные, а не только не смущаясь ими. «Двоякое (здесь для тебя) утешение и ободрение: и в том, что я оказал мужественную на все готовность, и в том, что не был оставлен» (святой Златоуст). «Будь и ты на все готов,— и так же никогда не будешь оставлен» (блаженный Феофилакт).

бб) Нечего ожидать покоя (3, 12—13)

Глава 3, стих 12. *И вси же, хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут.*

Лучшего и ожидать нам с тобою не следует. Такова уже участь на земле всех людей, одного с нами рода. Положившие жить благочестно о Христе Иисусе не на земле имеют свой рай, а на небе. Земля ничего им не дает, кроме лишений, скорбей и гонений. Потому что начала, коими руководствуются последователи Христовы, совсем другие, чем те, кои заправляют живущими для земли и на земле рай свой чающими обрести. Два эти класса людей и не уживаются вместе:

причем земные, как хозяева, теснят ищущих неба, как странников и пришельцев. Так ты, говорит Апостол, и не жди лучшего, и мысли свои тем не занимай. То для нас благо, что эти тесноты благость Божия все обращает в вечное нам благо, так что мы можем с уверенностию и благодушием взывать: слава Богу!

Святой Златоуст говорит: «каждый, желающий благочестиво жить, будет гоним. Под гонениями он разумеет здесь скорби, печали. Подлинно невозможно человеку, идущему путем добродетели, быть без печали, сетования, скорби, искушений. Ибо как это возможно тому, кто идет путем тесным и прискорбным, тому, кто слышал: *в мире скорбни будете* (Ин. 16, 33)? Если Иов в свое время говорил: *не искушение ли житие человеку на земли* (ср.: Иов. 7, 1), — то не гораздо ли больше теперь? Таков уж порядок вещей. Из моего примера можешь видеть, что человеку, который борется со злом, невозможно не испытывать скорбей. Борцу невозможно предаваться неге, воину в сражении невозможно пиршествовать. Посему никто из находящихся в борьбе пусть не ищет покоя, не предается наслаждениям. Настоящее время есть время борьбы, сражения, скорбей, воздыханий, есть поприще подвигов. Время покоя будет после; а теперь — время усилий и трудов. Никто, раздевшись и помазавшись для

борьбы, не думает о покое. Если же ты желаешь покоя, то для чего разделся?»

Стих 13. *Лукавии же человецы и чародеи преуспеют на горшее, прельщающе и прельщаеми.*

Это противоположение предыдущему. Но какому? Непосредственно пред сим стоит общее положение о бездольности на земле благочестивых, которое приведено в усиление побуждения к мужеству в деле благовестия и устроения Церкви верующих, — к чему направлено все сие отделеньице (см.: 10—13). Сюда, надо полагать, направляется и настоящее противоположение. Мужайся, говорит, в деле благовестия, или установления истины, несмотря на бездольность свою: ибо такова уж участь на земле благочестивых. — А на благоденствие противников истины не смотри и не смущайся тем. Их преуспеяние не на добро им и не потому имеет место, будто на их стороне истина, но потому, что, как на земле все земные блага призрачны, то среди оземленившихся ценнее призраки истины, чем истина. Их и держатся посему, — или посему они еще и существуют, то есть прельщающе любящих прельщение.

Лукавии человецы — не люди исключительно худонравные, но преимущественно те, которые умеют лукаво ложь представлять истиною, — как видно из приложенного к ним при сем: *чародеи*, — под чем должно разуметь не волхвов и

магов, а лица, очаровывающие представлением лжи красною и увлекающие вслед ее. Вставить сие слово здесь подало повод сказанное в стихе 8 о противившихся Моисею чародеях. Но как те там представлены, яко противники истине, так и здесь взятое от них слово должно понять, как указание на лица, проповедающие противную истине ложь. *Лукавии человецы и чародеи* — будет посему: лукавые и обольстительные проповедники лжи.

Преуспеют, — по противоположности предыдущему, — будут благоденствовать. Ты, как и надлежит благочестивому, будешь гоним, а распространители лжи будут благоденствовать. Конечно, не без успеха будет и их проповедь лжи; но не это здесь исключительно имел в мысли Апостол, а паче внешнее их благосостояние. Успеха их проповеди не предвещал Апостол, как выше видно (стих 9).

На горшее, ἐπὶ τὸ χεῖρον, — преуспеют не на добро, а на зло себе, преуспеют не в добром смысле, — так что преуспеяние это будет казаться только преуспеянием, на деле будучи ухудшением крайним.

Прельщающе и прельщаеми — причина успеха или источник благоденствия их. Сами состоят в прельщении, почему прельщают и других, которые, оземленившись земным, — прелестным, легко поддаются всякому прельщению, как сродному

им приему. Находясь в таком положении, они не противление встречают, а всякое благоприятствование; от того и благоденствуют и преуспевают.

«Нисколько не смущайся, говорит, если они благоденствуют, а тебя постигают искушения» (святой Златоуст). «Ибо губитель человеков содействует своим и, как наставник какой-нибудь, приобучает их к пороку» (блаженный Феодорит). Но ведай, что «они только кажутся преуспевающими; на деле же то, что они благоприятствуются в прельщении, не есть преуспеяние. Ибо Апостол, определяя, что есть *горшее*, сказал: прельщать и прельщаться» (блаженный Феофилакт). «Преуспеяние есть средний термин, — поелику оно бывает и в лучшем и в худшем смысле. Почему говорит: эти преуспевают на худшее» (Экумений).

б) Ревнуй (3, 14—4, 4)

Именно: аа) сам пребывая в принятом тобою спасительном учении (см.: 3, 14—17), бб) неутомимо преподавай его и другим (4, 1—4). — В изложении сих пунктов не то имеется в виду, чтоб выяснить обязанность так именно действовать, а более то, чтоб выставить воодушевительные на такое действование побуждения.

аа) Пребывай в спасительном учении (3, 14—17)

Для пребывания в принятом учении два побуждения: α) *ведый, от кого научился еси* (3, 14) —

и: β) *яко из млада Священная Писания умееши* (3, 15–17).

α) Первое побуждение к чему (3, 14)

Глава 3, стих 14. ***Ты же пребывай, в нихже научен еси и яже вверена суть тебе, ведый, от кого научился еси.***

Ты же пребывай – будь непоколебим и тверд, – в чем? В том, чему научился, ἔμαθες, – *и яже вверена суть тебе*, ἐπιστώθης, – и что принял ты не одною памятию, но сердечным убеждением, в чем убедился и удостоверился до осязательности. «Будь, говорит, неизменен и *не ревнуй лукавнующим, и спеющему в пути своем человеку, творящему беззаконие* (ср.: Пс. 36, 1, 7). Ты не просто научился, но и удостоверился, принял учение с убеждением» (блаженный Феофилакт [см. то же у святого Златоуста и Экумения]). Уже это одно напоминание должно было возобновить первую ревность во всей ее силе: ибо таково свойство воспоминания, что оно сильно *возставлять* и воодушевление, сопровождавшее то, о чем воспоминается (см.: 2 Пет. 1, 13), и *возбуждать чистый смысл* (ср.: 2 Пет. 3, 1). Но это действие наипаче усиливает святой Павел следующими словами: *ведый, от кого научился еси*.

Научен был святой Тимофей самим же пишущим, – святым Павлом. Но сила воодушевления не из этого одного истекала, а наипаче из Того,

Кем сам святой Павел научен и Кто всегда так очевидно покровительствовал его учению. Все сие было ведомо святому Тимофею. Приведши все сие на память, святой Павел как бы зеркало, собирающее лучи тепла в одну точку, наводил на душу святого Тимофея, – и она не могла не воспламениться при сем всем жаром воодушевления и ревности к распространению и утверждению на земле истин, с неба исшедших и спасение миру дающих. Блаженный Феодорит пишет: «твердо храни учение, истину которого дознал ты опытом; ибо сие выразил Апостол словом: ἐπιστώθης – удостоверился. Тимофей был самовидцем Апостольских чудес и сам много творил таковых. При сем Апостол указывает и на авторитет учителя, делая и чрез сие учение более твердым: *ведый, от кого научился еси*». Подобную же речь ведет и Амвросиаст: «ведая, что авторитет того, от кого святой Тимофей научился, стоит твердо и непоколебим. Ибо сам он видел чудеса, совершенные Апостолом, а пред чудесами смолкает всякое слово (недоверия или возражения)».

β) Второе побуждение к чему (3, 15—17)

Глава 3, стих 15. *И яко из млада Священная Писания умееши, могущая тя умудрити во спасение, верою, яже о Христе Иисусе.*

«Два побуждения представляет святой Павел Тимофею к тому, чтоб он пребыл неподвижен в

принятом учении: *первое* — то, что ты, говорит, не от кой-какого научился, а от него — Павла, а это то же есть сказать, что и — от Христа; *второе* — то, что ты, говорит, не вчера и завчера научился, а с детства, и имеешь глубоко вкорененным в себе Божественное ведение. И оно не допустит тебя до чего-либо неразумного» (блаженный Феофилакт). Святой Тимофей с детства знал и содержал одну истину — ту, которая открыта в Ветхозаветных Писаниях. Святой Павел, посредством сих же Писаний с помощию благодати Божией и Апостольского всеоружия дарований Духа Божия, привлек его к вере в Господа Спасителя. Это было для него не новое что, но то же, что читал он в Писании, — только не разумея определенно, о ком и о чем говорили Пророки. Апостол сообщил ему это разумение, сняв для него покрывало, лежащее обычно на Ветхом Завете. С этого времени для святого Тимофея то же Писание стало не то же по разумению, — оно светило для него иным, лучшим и совершеннейшим светом. Но сие прибавление ведения не делало его оторвавшимся от Писаний. Он все же благоговейно относился к ним и покорно поучался в них, видя в них предызображенным все новозаветное устроение спасения. Святой Павел, напомнив ему о своем его просвещении верою, теперь указывает и на источник, откуда почерпалось и убеждение к вере. Святой Тимофей должен был

почувствовать себя как бы в круг некий непреступаемый заключенным: так что уму его не могло ниоткуда прийти покушение на какое-либо воззрение, инаковое от тех, каких держался доселе. «Ты, говорит, с раннего возраста изучил Священное Писание, на нем ты воспитан; и потому вера твоя должна быть твердою и ничто не должно вредить ей; корень ее лежит глубоко и укрепился в течение долгого времени; потому ничто не может исторгнуть его» (святой Златоуст).

Но в святом Тимофее все это уже и было. Возможно ли предположить какое-либо колебание в нем, любимом ученике святого Павла и его преемнике? Зачем же такие напоминания? В слове Апостола слышится прощальная речь (см.: святой Златоуст): доселе я тебя учил; теперь тебе предлежит искать вразумления в Писании; руководимый светлою верою в Господа, ты можешь в нем узревать все потребное ко спасению. Писание сие, — одно без веры, — покрывалом покрыто, но верою во Христа Господа для тебя снято сие покрывало, и Писание всесторонне может умудрять тебя во спасение. Амвросиаст пишет: «знание Ветхого Завета много приносит пользы. В нем Лицо Христа Спасителя изображено и воплощение Его возвещено во искупление рода человеческого. Почему Апостол и внушает святому Тимофею преуспевать в сем ведении: ибо древнее сие есть сила и опора нового». То же и

у святого Дамаскина: «Священным Писанием он называет закон и Пророков, кои могли его возводить к премудрости, то есть Христу. Ибо в Нем — исполнение закона и Пророков». Блаженный Феофилакт извлекает отсюда такой урок: «внешнее ведение умудряет человека прельщать других словопрительными софизмами; отсюда пагуба души. Но Божественное ведение не таково: оно умудряет во спасение». Святой Златоуст пространнее это излагает преимущественно в отношении к устроению жизни по Богу. «В Писаниях излагается, что должно делать и чего не должно. Они — свет для находящихся во тьме. Кто знает Писания как должно, тот не соблазняется ничем случающимся, все переносит мужественно, иное принимает верою и приписывает непостижимому домостроительству Божию, а для иного видит основания и находит примеры в Писаниях. — В Боге все почти сокровенно, и исследовать дела Его невозможно. Знай только то, что Бог устрояет все, что Он промышляет обо всем, что мы свободны, что Бог иное совершает, а иное попускает, что Он не желает ничего злого, что не все бывает по Его воле, но иное и по нашей, именно все злое только от нас, а все доброе как от нас, так и от Его помощи, что от Него не скрывается ничто; так Он действует во всем! Зная сие, смотри, что — доброе, что — злое и что — безразличное: именно, — добродетель —

добро, порок — зло, а безразличны — богатство, бедность, болезни, жизнь, смерть, козни против нас, клеветы и тому подобное. Познав это, ты вместе с тем уразумеешь, что праведные здесь страдают, а если некоторые из них благоденствуют, то для того, чтобы добродетель не казалась страшною; злые же здесь веселятся, дабы получить наказание там; а если некоторые из них и здесь наказываются, то для того, чтобы зло не казалось добром и дела их безнаказанными; если же они наказываются не все, то для того, чтобы не утратилась вера в день воскресения; и между добрыми есть люди, совершающие злые дела, за которые они здесь и отдают отчет (то есть наказываются), равно как и между злыми есть люди, совершающие добрые дела, за которые они здесь и получают воздаяние, дабы потерпеть за худое полное наказание там; дела Божии по большей части непостижимы; великое различие между нами и Богом, а какое именно, того сказать невозможно. Если мы будем рассуждать таким образом, то ничто не смутит нас; но станем так рассуждать, если будем постоянно слушать Писание; ибо там найдем много всему сказанному примеров и учительных наставлений».

Этими двумя положениями сказано все, что довлело к воодушевлению на твердое содержание и хранение исповедания в себе и других. Но святой Павел счел нужным приложить к после-

днему положению о Божественном Писании общее на все времена и для всех определение благотворности занятия чтением Писания при стремлении к духовному преуспеянию. Не следует, однако ж, выпускать из внимания, что если для всех Писание таково, то тем паче для пастыря, при должном исправлении им лежащего на нем долга.

Стихи 16—17. *Всяко Писание богодухновенно и полезно есть ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию, еже в правде: да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован.*

Всяко Писание — πᾶσα γραφὴ. Иные переводят это так, как и у нас по-славянски: всякое Писание, а другие: все Писание. Спорить не из чего. Ибо и: *всяко Писание* — ту же мысль содержит, что и «все Писание». *Всяко Писание* — не иначе должно понимать, как: всякая из Книг Писания, — всякая историческая Книга, всякая учительная и всякая пророческая. Сведи все в едино, и выйдет все Писание. А что так надо понимать *всяко Писание*, — видно из того, что здесь *всяко Писание* — то же означает, что пред сим: *Священная Писания*, ἱερὰ γράμματα; а так именуются Книги Божественного Писания. Блаженный Феофилакт пишет: «некоторые задают вопрос: как Апостол сказал здесь: *всяко Писание богодухновенно*? Ужели и еллинские писания богодухновенны? И, затрудняясь решением его, пе-

реводят не: *богодухновенно*, — а: богодухновенное, чтоб была мысль: всякое Писание, которое есть богодухновенно, есть и полезно. Но им следовало бы взять во внимание, что Апостол говорит здесь: πᾶσα γραφὴ — всяко Писание, сказавши пред сим: ἱερὰ γράμματα, — *Священная Писания умееши*. И очевидно само собою, что под: πᾶσα γραφὴ — *всяко Писание* — разумеет он здесь то же, что прежде обозначил словами: ἱερὰ γράμματα — *Священная Писания*, — под чем разумеются обыкновенно Книги Священного Писания, или Библия» (см. то же у святого Златоуста).

«Итак, всякое Священное Писание богодухновенно; посему, говорит, не сомневайся в нем» (святой Златоуст). Богодухновенно; ибо, как свидетельствует святой Петр, *всяко пророчество книжное по своему сказанию не бывает* (не от себя сказывается). *Ни бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Святаго Духа просвещаеми глаголаша святии Божии человецы* (2 Пет. 1, 20—21). «Апостол отличил Священное Писание от писаний человеческих, назвав оное богодухновенным; потому что чрез Пророков и Апостолов изрекала (Божию истину) Божия благодать, или Святый Дух» (блаженный Феодорит).

Писание богодухновенно и полезно, — яко отдыхание уст всеблагого Бога, которое живительно для всякой, паче же разумной твари (см.: Пс. 103, 30; 118, 50). Святой пророк Давид

душеспасительность слова Божия изображает так: *закон Господень непорочен, обращаяй души; свидетельство Господне верно, умудряющее младенцы. Оправдания Господня права, веселящая сердце; заповедь Господня светла, просвещающая очи* (ср.: Пс. 18, 8—9). Сообразна с этим и указываемая Апостолом полезность Божественного Писания.

Полезно, говорит, *Писание ко учению*, πρὸς διδασκαλίαν: ибо оно просвещает ум сообщением ему ведения всякой истины, потребной в нашем положении. «Оно научает нас благопотребным догматам и указывает добрые правила жизни» (Экумений). «Научает тому, что надлежит нам знать. И нет ничего, что не было бы разрешено посредством Божественного Писания» (блаженный Феофилакт). «Ибо, чего не знаем, тому научаемся из Писания» (блаженный Феодорит). «Если нужно знать что-нибудь, если случится недоумевать в чем-нибудь, о том можем узнать отсюда» (святой Златоуст).

Научив истине, Писание ведет и: *ко обличению*: обличает же как ложь, так и неисправную жизнь. «Если нужно обличить ложь,— и это можем почерпнуть отсюда» (святой Златоуст). «Писание обличает и нашу беззаконную жизнь» (блаженный Феодорит).

Обличив, располагает и руководит *ко исправлению* — как ложных воззрений, так и недобрых

навыков жизни. «Оно и совратившихся (вообще и в нравственном, и в умственном отношении) призывает на правый путь» (блаженный Феодорит). То есть к тому, чтоб неправые мудрования заменить правыми и, бросив худые привычки, обратиться к добродетели. «Если нужно исправиться или вразумиться, — если недостает чего-нибудь и нужно дополнить то, — и это почерпается из Писания» (святой Златоуст).

Кто исправил пути свои, тому предлежит потребность знать, как шествовать правым путем — не совращаясь, а все более и более преуспевая и утверждаясь в правоте. И этому обучает его Писание, — полезное *к наказанию, еже в правде*. «Оно обучает нас всяким видам добродетели» (блаженный Феодорит). «Умудряет в стяжании праведности и в делании праведных дел» (блаженный Феофилакт), — «вводит в правду или возводит к совершенству в ней» (Экумений).

«Все сие ведет к совершенству, и делает нас своими Богу всяческих» (блаженный Феодорит). Почему Апостол прилагает: *да совершен будет Божий человек*. Божий человек есть Богу себя посвятивший и об этом богоугождении заботящийся. Такой и сам Богом бывает покровительствуем, и состоит под Его осязательным благоволением. Совершен такой человек бывает, когда может во всяком случае и определенно узнать волю Божию и с твердостию исполнить ее

вполне, во всей широте, в какой она узнана, до положения живота. Кто достигнет такого совершенства, того дела всегда бывают у места, – и к лицу, и к времени, и к обстоятельствам идут. Почему Апостол *совершен* – выразил словом: ἄρτιος, – которое, слово в слово, лучше нельзя перевесть как: складен. Обыкновенно нескладным называем мы того, у которого все невпопад, а складным, у которого все впопад. Вот таковое именно совершенство и обещает святой Павел тому, кто в образовании своей умственной, нравственной и религиозной стороны берет в руководство Божественное Писание и неуклонно следует ему. «Для того, говорит, дано наставление Писаний, чтобы *совершен* был человек Божий; следовательно, без них невозможно быть совершенным» (святой Златоуст). «Исправление и упорядочение нрава бывает чрез Писание, чтобы у человека, по Богу живущего, ни в чем добром не бывало недостатка. Так что, если и ты желаешь сделаться таким же складным, ἄρτιος, – то есть совершенным, здравым и всегда во всем ровным, возымей советниками к тому Божественные Писания» (блаженный Феофилакт).

Изъясненный смысл совершенства указан определенно в последних словах: *на всякое дело благое уготован. – Уготован*, ἐξηρτισμένος, – пригоден, прилажен, то есть такой, который и знает, и умеет делать всякое добро, и делать наилучшим

образом. Вот каким делает Писание человека Божия! Не просто принимающим участие в добрых делах, как бы не чуждающимся лишь их, но на них только и налаженным, так что он только и делает, что добрые дела. Не на такое, говорит, и такое дело уготован, но на всякое» (блаженный Феофилакт).

Все это, сказанное о Писании, имеет приложение и в практике пастырской, и в деле жизни каждого. И всякого оно учит, обличает, исправляет, обучает всякому добру и чрез то ведет его к совершенству полному; и пастырю, на коем лежит проводить пасомых всем означенным путем, оно дает полное до подробностей руководство. Почему как пастырям, так и всякому следует заниматься изучением Божественных Писаний, не кое-как, по верхам, но по существу его. Святой Златоуст представляет святого Павла внушающим святому Тимофею: «вместо меня, говорит, ты имеешь Писания; когда пожелаешь узнать что-нибудь, то можешь узнать отсюда». И вслед за сим прибавляет: «если же так сказано Тимофею, который был исполнен Духа Святаго, то не тем ли более нам (пригодно сказать так)?»

бб) Неутомимо преподавай его другим (4, 1—4)

Дело ревности пастырской — спасение душ вверенных. Средство к тому главное: β) убеждение проповедию слова истины. Это и внушает

теперь святой Павел (см.: 4, 2): *проповедуй, настой*. В воодушевление к сему: α) поставляет он пастыря пред лицем Бога, в момент суда, когда он должен будет дать отчет о приставлении домовнем (см.: 4, 1). И чтобы пастырь не подпал искушению отлагать дела проповеди на завтра, прилагает: γ) поспеши; скоро настанет время, когда многие не станут уже слушать слова истины (см.: 4, 3–4).

α) Воодушевление к сему (4, 1)

Глава 4, стих 1. ***Засвидетельствую убо аз пред Богом и Господем нашим Иисус Христом, хотящим судити живым и мертвым, в явлении Его и Царствии Его.***

Засвидетельствую – есть будто заклинание Богом живым, в возбуждение живейшего сознания долга действовать так, как предлагается, и воодушевление к ревности о том. И в обычной речи часто употребляем: Бог тебе будет судья, если не сделаешь так и так. Имеется при сем в виду и устрашение, на большее пробуждение совести, чтоб она поживее приняла в свое заведывание предлагаемое дело, и вместе представление, сколь необходимо и спасительно дело сие. «Три мысли внушает это засвидетельствование или заклинание, – что заповедь проповедывать слово страшными сопровождается последствиями для не исполняющих ее, – что исполнение ее не-

отложно для тех, на коих возложена, и что слово, которое проповедывать повелевается, есть единственно спасительное слово. Ибо если б оно не было таково, то не повелевалось бы проповедывать его с такою неотступностию. Сверх того сим внушается, что проповедающий его не особенное что делает, но исполняет долг свой, если проповедует всеусердно, не подчиняясь обычной в сем отношении лености» (перифраз Экумения).

Пред Богом и Господем нашим. То есть пред Богом Отцом и Сыном Божиим, воплотившимся нашего ради спасения. Читая сие, не допускай ни малого помышления о неравенстве даже на незаметную какую черту, равно и о том, что Сии два Лица бывают когда-либо и в чем-либо без третьего — Духа Святаго. Они присно нераздельны.

Хотящим судити. — *Хотящим* — имеющим. «И в Первом Послании он внушал Тимофею страх словами: *завещаваю ти пред Богом, оживляющим всяческая* (ср.: 1 Тим. 6, 13); здесь же говорит нечто более страшное: *хотящим судити,* — то есть имеющим потребовать отчет» (святой Златоуст). «Боясь за будущую расправу, Божественный Апостол часто теснит ученика своего таким засвидетельствованием или заклинанием. Но поступает так и из любви, желая сделать его славным и осмотрительным и расположить к ревностной и дерзновенной проповеди» (блаженный Феодорит).

Живым и мертвым. — Живым, — то есть тем, которых суд застанет живыми, «так как многие останутся в живых (до последнего суда)» (святой Златоуст); а: *мертвым,* — тем, кои умрут до того времени. «Судией живых и мертвых назвал Апостол Господа, потому что Он и мертвых, воскресивши, приведет на суд, и у тех, которых конец мира застанет живыми, потребует отчета, облекши их предварительно в нетление. Ибо сказано: *вси бо не успнем: вси же изменимся* (ср.: 1 Кор. 15, 51)» (блаженный Феодорит).

В явлении Его и Царствии Его. В то время, когда Он второе приидет, чтобы открыть славное Царство Свое. Или так: «*судити* — когда? Во время пришествия Его со славою, с царским величием, — то есть не так, как ныне» (святой Златоуст). «Ибо во второй раз приидет Он уже не так, как в первый, то есть не уничиженный» (блаженный Феофилакт).

β) Средство к сему (4, 2)

Глава 4, стих 2. ***Проповедуй слово, настой благовременне и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением.***

Вот в чем главное дело пастыря, которое, быв исполнено, оправдает его, а быв не исполнено, осудит его на страшном суде. И никакие другие добродетели уже не спасут его, — если он окажется неисправным в сем отношении. Затем так

понудительно и предлагает сие святой Апостол. Содержание предлагаемого здесь идет применительно к тому, что сказано о Писании. Писание полезно *ко учению*, — а здесь: *проповедуй, настой*; Писание полезно *ко обличению*, — и здесь: *обличи*; Писание полезно *ко исправлению*, — и здесь: *запрети*; Писание полезно *к наказанию еже в правде*, — и здесь: *умоли со всяким долготерпением и учением*. Как бы так внушает: все, что соберешь в Писании, как мудрая пчела, неси то в души пасомых.

«К чему же именно Апостол заклинает? Что такое есть? *Проповедуй слово* — не скрывай, или не зарывай в землю сущего в тебе дара. О, да устрашимся сего мы, ленящиеся проповедывать!» (блаженный Феофилакт).

Настой благовременне и безвременне. Настой — стой всегда на том, чтоб проповедывать, — «проповедуй непрестанно, говори неутомимо. Не так, чтоб поговорить однажды и довольно, но всегда говори и учи» (блаженный Феофилакт). «Что значит: *благовременне и безвременне*? Не назначай определенного времени, пусть будет тебе всегда время для этого, а не только — во время мира, спокойствия или пребывания в церкви; хотя бы ты был в опасности, хотя бы в темнице, хотя бы в узах, хотя бы готовился идти на смерть, и в это время обличай и не переставай вразумлять. Тогда и благовременно делать обличение,

когда оно может иметь успех или когда представляется удобный случай» (святой Златоуст). «Святой Апостол повелевает Тимофею не просто и как ни есть проповедывать, но всякое время почитать к сему пригодным. Это и сам он делал, уча в темнице, на корабле, за предложенною трапезой; о сем свидетельствует бывшее в Филиппах, в Троаде и на море» (блаженный Феодорит). «*Благовременне и безвременне* – сказал Апостол в том же смысле, в каком говорится это в обычной речи. Так думают некоторые и благовремением для проповеди почитают время мирное и покойное, а безвремением для нее – время бедственное (когда не до проповеди). Иные опять благовременною проповедию почитают проповедь в церкви, а безвременною – вне церкви. Или и еще иначе: не жди времени падения, но учи прежде, чем падет кто» (блаженный Феофилакт). Не жди времени, но, коль скоро видишь, что проповедь нужна и может принесть пользу, проповедуй, в каких бы обстоятельствах ты ни находился.

Обличи. «Когда видишь, что это должно делать, то есть когда найдешь кого грешащим или намеревающимся согрешить, то не пропускай даром». Обличение идет и к тому, кто уклоняется в инакомыслие, и к тому, кто заповеди нарушает. Обличение имеет целию раскрыть одному неправомыслие, а другому неправость поведения, –

того и другого довесть до сознания вины и возбудить в них желание исправления. Оно требует крепкого сердца, чтоб не стыдиться лица.

Запрети. «После того как обличишь и докажешь погрешающему его погрешность, запрети ему» (блаженный Феофилакт). Ἐπιτίμησον — означает: и строгостию пастырской власти понудь его исправиться,— и наложи на него епитимию, употреби исправительные наказания церковные, наложив их как пластыри на раны. Требуется сим довесть до решимости исправиться и поставить на путь исправления.

Умоли, παρακάλεσον,— что значит: и упроси-уговори, и утешь. То и другое нужно исправляемому, чтоб охотно и с удовольствием вел дело самоисправления. Тут уместно и обнадежение успехом и нетрудностию достигнуть его, паче же светлостию состояния исправно живущего. «Запрещение и наказание подобно резанию, а утешение — приятному пластырю. Итак, приложи пластырь утешения, чтобы одно резание, производя крайнюю боль, не ввергло в отчаяние» (блаженный Феофилакт). «Подобно врачам, указав нарыв и сделав разрез, прилагает он теперь и пластырь» (святой Златоуст). «Когда болезнь скрыта, врачи сперва делают нарез и употребляют суровые врачевства, а потом делают мягчительные присыпки» (блаженный Феодорит).

К сказанному: *обличи, запрети, умоли* — святой Златоуст прилагает такое наведение: «если что-нибудь из всего этого опущено, то прочее бывает бесполезно. Если ты будешь запрещать без обличения, то покажешься дерзким и никто не станет слушать; если же наперед обличишь, тогда слушатель примет запрещение, а без того он останется бесстыдным. С другой стороны, если станешь обличать и запрещать, хотя и с силою, но не предложишь утешения, то опять испортишь все дело. Ибо обличение само по себе невыносимо, если оно не растворено утешением. Как при разрезе раны, хотя и спасительном, страждущий не выносит болей сечения и разреза, если не будет употреблено многих средств, смягчающих боль; так и здесь».

Со всяким долготерпением и учением. Поелику дело идет об исправлении немощей, а они не вдруг поддаются врачеваниям; то врачующему пастырю паче всего потребно терпение, и не малое, а долгое. Так как врачевание все совершается свободным изменением мыслей, чувств и расположений, а это преимущественно может быть достигаемо лишь изменением убеждений; то пастырю преимущественно и должно на это направлять свою заботу и усилие, а для того пусть с долготерпением соединяет учение или пусть учит долготерпеливо, не досадуя на неуспех, а с кротостию и любовию. Святой Златоуст говорит:

«вразумляющий должен иметь долготерпение (при учении), дабы слушающий верил не без основания. А что значит прибавленное к долготерпению слово: *и учением*? Обличай не с гневом, не с ненавистию, не с злобою, не с враждою, как бы против врага, — все это должно быть оставлено, — а как? С любовию, с состраданием, скорбя больше самого обличаемого, душевно сожалея об его положении».

γ) Поспеши (4, 3—4)

Глава 4, стихи 3—4. ***Будет бо время, егда здраваго учения не послушают, но по своих похотех изберут себе учители, чешеми слухом: и от истины слух отвратят, и к баснем уклонятся.***

Этими словами Апостол внушает спешить научением истине, чтоб полюбили ее и привязались к ней и в силу сей любви и привязанности навсегда пребыли верными ей, отвращая слух от всяких иноучений. «Прежде, чем сбросят они с выи своей иго послушания истине, завладей ими всеми. Пока есть среди твоих пасомых такие, которых следует учить, убеждать и покорять истине, употреби все усилия, чтобы достигнуть сего. С сею целию и сказано выше: *настой благовременне и безвременне*» (святой Златоуст, блаженный Феодорит). «Приучи их к покорности истине, прежде чем отступят от нее» (Экумений).

Будет бо время, егда здраваго учения не послушают. Теперь еще они будут слушать и охотно

принимать и учение, и вразумление; а после этого уже не найдешь в них. «Пророчествует святой Апостол и, предвидя это в будущем, заповедует со всем усилием неутомимо научать пасомых истине и добродетели, чтоб, будучи наставлены в вере и обучены добрым делам, они в последующее время, когда иные станут уклоняться от истины в заблуждение, пребыли неизменными» (Амвросиаст).

Причины, почему так случится, не указывает Апостол; но, по наведению от сказанного впереди, можно полагать, что причиною тому будет неисполнение предложенной заповеди — настойчиво учить, — молчание пастырей и нерадение о проповедании истины и научении паствы. Не учат пастыри, — пасомые и остаются в неведении здравого учения; не вразумляют грешащих, — они и закосневают в порочности. Оставаясь в неведении истины, они набираются пустомыслия и всякого вздоромыслия, от чего тупеют к восприятию истины. Закосневая в порочности, делаются неспособными принимать вразумления и обличения. Потому и надобно спешить, и здравым ученьем их просветить, и к добродетелям приучить, прежде чем они отупеют для принятия первого и ожесточатся против покорности вторым. Ибо, когда дойдут до этого, тогда уже поздно хвататься, — слушать не станут.

Но как нельзя им оставаться и без знания и правил, то что они сделают? *По своих похотех изберут себе учители.* То есть таких учителей, которые и умствовать их оставят, как им нравится, и жить, как хотят. Замечательно, что: *изберут*, по-гречески: ἐπισωρεύσουσιν, — наберут целую кучу или толпу учителей, и притом сами наберут, — причем, конечно, принимаемы будут только угодные, а неугодные отвергаемы. И выходит, что эти учители будут в зависимости от учимых и учить не по своей, а по ихней программе. «Не может быть ничего выразительнее этого слова: ἐπισωρεύσουσιν; оно означает беспорядочную толпу учителей, которые притом будут рукополагаемы (избираемы и утверждаемы в своем чине) учениками» (святой Златоуст). «А эти при сем выборе будут действовать не по здравому разуму, но будут избирать таких, которые станут поблажать их похотям и только угодное им и говорить, и делать» (блаженный Феофилакт).

Чешеми слухом. Потому так поступать будут, что привыкли всегда слышать только то, что приятно щекотит слух. Это и на красноречие указывает, но более на лесть или приноровление ко вкусам слушающих. Только гожих на это будут избирать, — «отыскивая себе людей, которые говорили бы для их удовольствия и льстили их слуху» (святой Златоуст).

И от истины слух отвратят, и к баснем уклонятся. Будучи таковы, они не могут уже иметь охоты слушать истину, которая и без обличения обличает их; потому отвратятся от нее *и к баснем уклонятся*, — к учениям мечтательным, которые, занимая воображение привлекательными фантазиями, оставляют в покое совесть, не пробуждая ее и не тревожа требованием исправления неисправного в воззрениях и жизни. «Видишь? Они не по неведению будут заблуждать, а произвольно и сознательно. Сами отвратят слух от истины, сами уклонятся к басням» (блаженный Феофилакт). *Уклонятся*, ἐκτραπήσονται, — соступят с правого пути сами, заведомо.

Амвросиаст пишет на сие: «таковы будут желающие быть учимыми по своим похотям. От учителей, верных истине и строгих, они обратятся к таким, которые бы учили их тому, что им слышать по сердцу. Истина станет для них горька, и они, оставя ее здравое учение, займутся баснями. Не будет им желательно, чтоб были обличаемы их недобрые дела; почему таких возжелают учителей, которые бы подслуживались их нравам и привычкам. Чешется у них слух, ища слышать, под именем учения настоящего, басни пустые, но приятные».

Святой Златоуст замечает при сем: «предсказывает это святой Апостол не с тем, чтобы ученик его предался унынию, но чтобы он мужественно

переносил, когда это случится. Подобным образом и Христос говорил: *предадят вы, и на сборищах биют вас, и пред владыки же и цари ведени будете Мене ради* (ср.: Мф. 10, 17). Так и в другом месте блаженный Апостол говорит: *аз бо вем сие, яко по отшествии моем внидут волцы тяжцы в вас, не щадящии стада* (Деян. 20, 29). Он говорил это для того, чтобы они бодрствовали, чтобы надлежащим образом пользовались настоящим временем».

в) Трезвенно и мудро веди дело благовестника, благоразумствуй (4, 5—8)

Выставив такое правило: аа) в 5-м стихе, говорит затем святой Павел: бб) о конце своего служения (стихи 6—8). Этим он дает разуметь, что преемником и продолжателем своего дела оставляет святого Тимофея, — представляя в сем наисильнейшее побуждение к достодолжному пастырствованию.

аа) Правило (4, 5)

Глава 4, стих 5. ***Ты же трезвися о всем, злопостражди, дело сотвори благовестника, служение твое известно сотвори.***

Ты же трезвися о всем. «Имей бодрственный помысл» (блаженный Феодорит). «Трудись, предупреждай, приводи овец в безопасное состояние, прежде нежели наступила зараза» (святой Златоуст). В настоящее время это для твоего благо-

разумия первое дело. Трезвиться – значит: внимать всему, острозорко смотреть за всем и во все стороны, чтобы соответственно тому направлять и свою пастырскую деятельность. Как страж дома Божия, пастырь всегда должен быть трезвен и бдителен. Это его первый долг и первая черта доброго пастырствования.

Злопостражди, κακοπάθησον, – поднимай всякий болезненный труд, не жалея и не щадя себя, коль скоро сего требует дело благоустроения паствы и благо пасомых. Этим означается не собственно страдание и гонение за веру, а отрицается всякий покой и налагается готовность на всякого рода дела во благо паствы и делание их неотложное, несмотря ни на какую их тяготу и чувствительность для немощи нашей. Тут содержится и многобденная молитва о пастве с постом, и проповедание слова, и посещение пасомых в видах поучения и исправления, стойкое введение спасительных порядков и поддержание их, несмотря ни на какие препятствия и сопротивления.

Дело сотвори благовестника. – *Дело сотвори* – соверши, доведи до конца возложенное на тебя дело благовестника спасения. Принял, начал, ведешь, и веди до конца. Внушается: не дай погаснуть ревности, все возгревай и возгревай ее, гоня себя достигнуть благоуспешно преднамеренного конца. «Доведи до конца, что начал, и

засемени их благовестием, пока здравы еще» (Экумений).

Служение твое известно сотвори, πληροφόρησον, — удовлетвори, — удовлетворительно исполни, чтоб и совесть твоя, и все знающие тебя сказали, что ты с своей стороны всё сделал, все, сколько у тебя есть сил, и душевных и телесных, истощены на дело служения, ни одно дело не пропущено, ни одно усилие не отложено, ни одна предосторожность не оставлена без внимания; где только ни требовалось быть тебе, ты там был; говорить ли следовало, ты не молчал, действовать ли, — ты не устранялся от дела. Относительно проповеди, одной части служения, блаженный Феодорит пишет: «будут ли или не будут слушать, ты преподавай учение; ибо таким образом совершишь приличное служению дело». Но что об этом сказано, то следует приложить и ко всякому другому. Амвросиаст обще все и определяет: «увещавает и убеждает Апостол — бодрствовать над церковною дисциплиною, действовать мужественно, изъяснять Писание, чтоб пасомые, сделавшись чрез то обученными и мудрыми, легко избежать могли прелести пустых басней».

бб) О конце служения Апостола (4, 6—8)

О смерти своей говоря, не довольствуется Апостол помянуть: α) о самом событии, что вотвот (стих 6); но прилагает: β) указание подъя-

тых трудов (стих 7) — и: γ) того, чем завершится наконец притрудный путь жизни его (стих 8). — Все эти указания крайне возбудительным образом должны были действовать на святого Тимофея — и более всего пригодны были для цели, какую имел святой Павел в настоящем отделении Послания.

α) О смерти (4, 6)

Глава 4, стих 6. *Аз бо уже жрен бываю, и время моего отшествия наста.*

Апостол говорит будто: усердно веди дело благовестника: ибо мне уже конец приспел. Некому после меня усерднее пободеть над этим делом, кроме тебя, любимейшего моего ученика. Оставляю тебя наместником своим по делу Божию. Трудись. И потом пример представляет, как трудиться, перечисляя свои труды. Или так: все, что тебе я прописал, последнее есть тебе наставление. Пришел уже конец мой. Прими сказанное, как последнее завещание. Чего недостает, ищи руководства в моем примере.

Жрен бываю, σπένδομαι. Меня уже закалают в жертву; «или я уже приношу себя в жертву Христу» (Экумений). «Стою при самом конце подвигов. Умерщвление свое назвал Апостол закланием в жертву (то есть выразил словом σπένδομαι); потому что за благочестие проливаема была кровь (σπονδή — возлияние жертвен-

ное)» (блаженный Феодорит). «Не назвал готовящейся ему смерти — жертвою: θυσίαν, — но возлиянием: σπονδήν, — выражаясь сильнее и священнее. Ибо в жертве обыкновенно только часть некая приносима была на всесожжение Богу; а возлияние все было Ему приносимо. Это же делать заповедует он и ученикам своим, когда говорит: *представите убо телеса ваша жертву живу* (Рим. 12, 1). Ибо закалаемый за Христа самого себя священнодейственно приносит в жертву. Или σπένδομαι — он разумеет как καταλύω πόλεμον — кончаю мою со всеми войну. Ни я не буду уже выступать на брань, ни против меня не будет более брани; кончаюсь уже» (Экумений).

И время моего отшествия наста. Отшествия, ἀναλύσεως, — разрешения, как и к филиппийцам писал, что желает *разрешитися и со Христом быти* (Флп. 1, 23).

β) О подъятых трудах (4, 7)

Глава 4, стих 7. ***Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох.***

«Апостол, зная, что ему настоит уже страдальческая смерть, желает оставить святому Тимофею пример благочестной жизни и здравого учения, — чтоб чрез такое преемство никогда не прекращались в Церкви настоящие учители. — Он напоминает, что строго соблюдал все, что было для него обязательно и душеспасительно для других, что

не на словах только, но самыми делами подавал пример слушающим; что и пред Творцом своим явился верным распорядителем и приставником, немолчно проповедав всюду истину, и, против начал и властей мира со всею ревностию и мудростию борясь, оставил пример, как их следует побеждать, чтоб и в учениках своих возбудить ревность, как ненарушимо блюсти учение, так и подвигом добрым подвизаться, чтоб чрез то и им сделаться достойными венцов от Бога» (Амвросиаст).

Святой Златоуст говорит на сие место: «часто я, взяв в руки Послание Апостола и рассматривая это место, недоумевал, для чего Павел так превозносит себя: *подвигом добрым подвизахся*. Но теперь, кажется, по благодати Божией, я понял это. — Для чего он говорит так? Он желает утешить скорбящего ученика, заповедуя ему быть бодрым, потому что он отходит к венцу, как совершивший все, как достигший благого конца; радоваться, говорит, должно, а не скорбеть. Почему? *Подвигом добрым подвизахся*; говорит подобно отцу, который, утешая сидящего подле него и сетующего о своем сиротстве сына, говорил бы ему: не плачь, сын мой, я жил хорошо, оставляю тебя, достигнув старости; жизнь моя была безукоризненна, я отхожу со славою, и ты будешь славиться моими делами; царь оказывает мне свое благоволение. И как бы так говорит: я

воздвиг трофеи, победил врагов, — говорит не из тщеславия, нет, но для ободрения сына, для того, чтобы такими похвалами внушить ему — легко переносить все случающееся, иметь благую надежду и не считать предстоящей разлуки тяжкою. Таким образом Павел писал это для утешения Тимофея, и все Послание исполнено утешения — и есть как бы некоторое завещание».

Подвигом добрым подвизахся. «Ополчившись против всего диавольского полчища, воздвиг я победный памятник» (блаженный Феодорит). Это подвиг Апостольства: надо было поднимать труды проповеднических путешествий; остановясь на месте, — открыть свободу слову; начав проповедь, преодолеть все препятствия к ее успеху и в душах, — в прежних верованиях и предрассудках, и вовне, — в деятельном противлении сему успеху ревнителей по-старому; приобретши учеников, — хранить их, обучать и утверждать; когда же поднимались из-за сего гонения, твердо стоять за дело Божие, нимало не колеблясь и не уступая от истины ни единой йоты*. Все сие Апостольский подвиг, — и святой Павел минуты не имел от него свободной. Бывали утешения великие, но они источались из-под подвигов. Все сие напомнил Апостол святому Тимофею, — будто приговаривая: «прими же его и ты на себя. Оковы, темницы, смерть — это ли добрый

*См.: Мф. 5, 18. — *Ред.*

подвиг? Да, говорит; потому что он совершается за Христа, доставляет великие венцы. Нет ничего лучше этого подвига, не имеет конца этот венец; он не из лавровых листьев; здесь не человек распорядитель подвигов, не люди — зрители, Ангелы наполняют это зрелище. Там (на обыкновенных зрелищах) в течение многих дней трудятся и утомляются, но в одну (или на одну) минуту получают венец, и тотчас удовольствие проходит; а здесь не так, но остаются навсегда в блеске, славе и чести. Посему должно радоваться; ибо я иду на покой, оставляю место подвигов; ты слышал от меня, что лучше *разрешитися и со Христом быти* (Флп. 1, 23)» (святой Златоуст).

Течение скончах, δρόμον, — кончил путь, какой назначено мне пройти, в Апостольской деятельности, — и притом так, как назначено: не уклонился от программы, свыше начертанной, — ибо в исполнении ее Дух Божий руководил мною, показывая, куда когда идти и куда не идти; не обманул ожидания от меня Того, Кто даровал мне и поручение, и силы на исполнение его. «Пройдя большую часть суши и моря, просветил объятых тьмою неведения» (блаженный Феодорит). Святой Златоуст говорит: «*течение скончах*. Надобно и подвизаться, и идти вперед: подвизаться, перенося скорби, и идти вперед не просто, но к чему-нибудь полезному. Истинно добрый подвиг тот, который не увеселяет только зрителя, но

доставляет пользу; и *течение* истинное не то, которое ни к чему не стремится или только обнаруживает силу и честолюбие, но то, которое влечет всех на небо. Такое течение светлее солнца; таково течение, которое совершил Павел на земле или которым он стремился к небу. Каким же образом он окончил это течение? Он обошел всю вселенную, начав от Галилеи и Аравии и дошедши до пределов земли; *якоже*, говорит он, *ми от Иерусалима и окрест даже до Иллирика исполнити благовествование Христово* (Рим. 15, 19). Он протек всю вселенную как птица или, лучше, сильнее птицы; птица пролетела бы просто, а он — не просто, но имея крылья Духа и рассевая тысячи препятствий, смертей, козней, бедствий. Таким образом он был быстрее птицы. Если бы он был просто птицею, то утомился бы и был бы пойман; но, будучи окрыляем Духом, он перелетал чрез все сети, как бы имея огненные крылья».

Веру соблюдох. Поелику говорится об этом, то можно бы подумать, что вера святого Павла подлежала сомнению или опасности; но вернее положить, что сие в том смысле говорится, что в продолжение жизни со времени обращения многое переиспытал Апостол и внутренно и внешно, от чего могла поколебаться вера или от чего она обычно колеблется у людей; но ничто у меня не поколебало ее. Она во все время пребыла

неизменною, как началась. От образа обращения святого Павла иного и ожидать нельзя. Что могло быть более осязательным удостоверением в истине Евангелия, как явление Господа, — и беседа Его к святому Павлу, — и потом многократные видимые явления и содействия ему?

«Много было такого, что покушалось отнять у него сию веру, не только дружеские отношения с людьми, но и угрозы, и смертные опасности, и бесчисленное множество других вещей; но он устоял против всего. Как? Трезвенствуя внимательно и бодрствуя» (святой Златоуст), «и наблюдая за подкрадывающимся похитителем веры» (блаженный Феофилакт). Почему «никто не мог похитить ее у меня, ни народ, ни народоправитель, ни царь, ни тиран, ни сам диавол» (блаженный Феодорит).

γ) О пути жизни и завершении его (4, 8)

Глава 4, стих 8. *Прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия; не токмо же мне, но и всем возлюбльшим явление Его.*

Предложив пример, окрыляет следование ему надеждою преблагого конца. Я жду, говорит, за свои подвиги и труды венца правды и несомненно надеюсь получить его; несомненно получат его и все возлюбившие Господа; несомненно получишь его и ты. Ревнуй же о деле Божием, не жалея живота.

«*Правдою* Апостол называет здесь вообще добродетель» (святой Златоуст). «А *венцом правды* называет венец, уготованный праведным и даруемый по праведному приговору (праведного Судии)» (блаженный Феодорит).

Соблюдается — готов, но еще не получен, хотя нет сомнения, что получится. И прежде говорил: *гоню, аще постигну... почести вышняго звания* (ср.: Флп. 3, 12, 14). Конец в виду уже, но течение или гнание все еще продолжается.

Тут то же, что на ристалищах. Призы готовы и на виду у всех, но получаются, когда кончится бег и определятся победители. Как опасливо Апостол говорит о получении венцов, чтоб не присвоить себе лишнего!

На чем утверждается такая уверенность? На соблюдении всего, что угодно было Господу заповедать ему и возложить на него. Свидетельство совести говорит, что с его стороны все сделано, все усилия истощены,

Ничто не оставлено без внимания. Почему как здесь, мысленно воззревая к Господу, не потупляет пред лицем Его умных очей своих, но с любовию без страха поднимает к Нему сии очи: так надеется и в будущем веке не быть посрамленным от Господа. Упование воздаяния стоит на свидетельстве совести, что за уповающим не состоит никакого долга.

«*Егоже воздаст ми Господь*. Когда? *В день он*. Из чего это видно? Из того, что Он праведный Судия. Знаю, говорит, что Он праведен, — и знаю, что Он Судия; полагаюсь на суд и ожидаю благоприятного мне приговора» (блаженный Феодорит). «Не сказал: даст, но: *воздаст*, — как нечто должное, как долг. Будучи праведен, Он всеконечно определит воздаяние за труды, так что венец должен быть мне, по праведности Судии» (блаженный Феофилакт). «Сказал же сие Апостол не величаясь, но побуждая ученика держаться подвигов, потому что за них предлежат неувядаемые венцы» (блаженный Феодорит).

Не дерзко ли? Нисколько. Это не что иное есть, как усвоение сердцем благих обетований Господа, при точном исполнении условий, под какие поставлены обетования Обетователем. Верующий, вошедший верою в область Божию и во всем пребывающий верным вере и порядкам Божеским, не может иначе говорить и чувствовать. Но нельзя не заметить, что такая уверенность не вдруг внедряется. Она есть плод трудов целой жизни. Приявший веру бывает уверен лишь, что венцы готовы уверовавшим, если потрудятся и поживут в духе веры. А что ему готов венец, уверенность в этом приходит после, когда потрудится добросовестно и себя не жалея. Имея это в виду и не желая дать повода ожидать венца без трудов, ради одной веры, Апостол присо-

вокупил: *не токмо же мне, но и всем возлюбльшим явление Его.* Возлюбившие явление – это такие верующие, которые подобны рабам, ожидающим господина своего и бодренно трудящимся в порученных каждому делах, то есть тем, которые строго, себя не жалея, во всем исполняют волю Господа, неотступно ходя по заповедям Его. *Явление Господа* – здесь есть второе пришествие Его на суд. Кому можно возлюбить сие явление без исполнения заповедей Господа? Он затем и придет, чтоб испытать, как кто исполнил волю Его, и исполнивших, как следует, наградить, а неисполнивших наказать. Как экзамены любит и с охотою спешит на них тот, кто уверен, что даст удовлетворительные ответы: так и явление Господа на суд с любовию ожидать может только тот, кто уверен, что на суде не будет посрамлен, а одобрен и похвален; а таким может себя воображать только верный исполнитель заповедей Господа. «Явление Владыки любит тот, кто последует законам Его и живет по оным. Ибо с доброю надеждою ожидает он суда» (блаженный Феодорит).

Святой Златоуст говорит: «здесь (то есть что всем воздаст) он также ободряет ученика. Если Господь всем воздаст, то тем более Тимофею. Но он не сказал: и тебе, а: *всем*, – выражая, что если *всем*, – то тем более – ему».

«А каким образом, скажешь, можно возлюбить явление Христово? Если будешь радоваться пришествию Его. Кто радуется пришествию Его, тот делает достойное сей радости; он отдаст, если нужно, и имение свое, и душу, чтобы получить будущие блага, чтобы сподобиться узреть второе пришествие Его в приличном виде, с дерзновением, во славе и свете. Вот что значит: возлюбить явление Его».

В заключение святой Златоуст прилагает наставление, как сподобиться явления Господа еще здесь, чтобы в Нем иметь залог радостного сретения явления Его и во втором пришествии. «Кто любит явление Его, тот будет делать все, чтобы прежде всемирного было к Нему частное пришествие Христово. Как, скажешь, это возможно? Послушай Самого Христа, Который говорит: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и к нему приидем* (Аз и Отец) *и обитель у него сотворим* (ср.: Ин. 14, 23). Подумай, как это важно, когда имеющий явиться всем вообще обещает явиться каждому из нас в частности. *Приидем*, — говорит, — *и обитель у него сотворим*. Кто любит явление Его, тот будет делать все, дабы призвать Его к себе и удержать у себя, дабы в нем воссиял свет. Пусть не будет в нас ничего недостойного пришествия Его, и Он скоро поселится в нас. Явление (ἐπιφάνεια) называется так потому, что является горе (ἐπάνω φαίνεσθαι) и воссиявает

свыше. Посему будем стремиться к горнему, и мы скоро привлечем к себе горние лучи. Никто из людей, пресмыкающихся долу и зарывающих себя в землю, не может видеть солнечного света; никто из людей, оскверняющих себя суетными делами, не может видеть Солнца правды; Оно не является никому, кто предается такой жизни. Отрезвись же хотя несколько, восстань из этой пучины, из этой пропасти суеты, если хочешь увидеть Солнце, если хочешь сподобиться Его пришествия. Если ты сподобишься Его пришествия ныне, то будешь с великим дерзновением взирать на Него тогда. Будь же любомудрым ныне; пусть не будет у тебя духа гордости, чтоб Он не поразил тебя и не низринул, – и прочее».

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННАЯ ЧАСТЬ, ИЛИ ПОСЛЕСЛОВИЕ (4, 9—22)

Его составляют: а) призвание святого Тимофея к себе с причиною того (см.: 4, 9—12); б) поручение (стих 13); в) предостережение (см.: 4, 14—15); г) известия (см.: 4, 16—18); д) целования (см.: 4, 19—21); е) благословения (стих 22).

а) Призвание святого Тимофея (4, 9—12)

Глава 4, стих 9. *Потщися скоро приити ко мне.*

Кратко выражает приглашение в полной уверенности, что об этом стоит только намекнуть святому Тимофею, всегда желавшему неразлучно быть с своим отцом и учителем. Употребляет, однако ж, понудительные слова: *потщися, скоро*. Может быть, он хотел сим сказать: не позволяй остановить тебя никаким препятствиям. *Скоро* — в стихе 21 заменено словом: *прежде зимы*. Этим означил или последний предел промедлению, или опасение, что зима, захватив его в дороге, против воли надолго задержит его в пути и еще самого подвергнет крайним опасностям. Святой Златоуст говорит: «можно спросить: почему Павел призывает к себе Тимофея, тогда как ему была вверена Церковь и целый народ? Не по гордости делает это Апостол. Но почему? Потому что находился в крайности, уже не мог ходить по собственной воле, жил в темнице, быв заключен туда

Нероном, и готовился в скором времени умереть. Посему, дабы этого не случилось прежде свидания с учеником, Апостол и призывает его к себе, желая видеть его пред своею кончиною и, может быть, многое передать ему».

Стих 10. *Димас бо мене остави, возлюбив нынешний век, и иде в Солунь; Крискент в Галатию, Тит в Далматию; Лука един есть со мною.*

«Не говорит: ибо желаю видеть тебя прежде отшествия из здешней жизни, что весьма опечалило бы Тимофея; но: ибо я остаюсь одиноким, не имею никого, кто помогал мне» (святой Златоуст), — «в деле благовестия Евангелия» (блаженный Феофилакт).

Димас бо мене остави. — «И Димас был один из споспешников Павловых, и крайне похваляемый; ибо говорит: *целуют тя Димас и Лука, споспешницы мои* (ср.: Флм. 1, 23–24). Но в опасностях Димас, оставив Апостола, ушел из Рима, почитая разлуку для себя безопастностию» (блаженный Феодорит). Он не отпал от веры, но убоялся мучений и смерти, и убежал. «Трудности бывали и прежде, бывали и опасности, но не такие грозные и неизбежные. Он и не устоял».

Возлюбив нынешний век, — то есть возлюбив покой, жизнь безопасную и тихую, захотел лучше наслаждаться дома, нежели бедствовать со мною и разделять мои настоящие опасности. Одного только Димаса он укоряет, впрочем, желая не его

укорить, а нас утвердить, дабы мы не ослабевали духом в опасностях и трудах; вместе с тем он хотел еще более привязать к себе ученика (то есть святого Тимофея) (см.: святой Златоуст).

Крискент в Галатию, Тит в Далматию.

«Этих он не укоряет; ибо Тит был один из весьма дивных мужей, так что Павел вручил ему церковные дела на острове не малом, но весьма большом, то есть Крите» (святой Златоуст). «Эти с его ведома и по его распоряжению отправились; почему он не говорит об них: оставили меня» (Экумений). «Они пошли, не потому что возлюбили нынешний век, но по делу, и, может быть, проповеди, или по другой какой нужде» (блаженный Феофилакт). «Они оба свободны от оного обвинения, потому что самим Апостолом посланы были для проповеди» (блаженный Феодорит).

О Крискенте предание у Софрония сохранило, что он проповедывал в Галатии и Галлии. В Виенне (галльской) поставив епископом ученика своего Захарию, возвратился в Галатию и там мученически скончался, в царствование Траяна*. Апостол из 70-ти. Память его 30 июля.— Блаженный Феодорит пишет: «*Крискент в Галатию.* Так Апостол назвал Галлию; так назывались они в древности; так и ныне именуют их знакомые с внешнею ученостию».

---

* *Траян Марк Ульпий (53—117)* — римский император.— *Ред.*

О святом Тите смотри во введении в Послание к нему. Далматия и тогда была то же страна, что и ныне, и составляла часть Иллирии. До Иллирика досязала проповедь Апостола еще прежде первых уз (см.: Рим. 15, 19). Вероятно, во время вторых уз открылась потребность в тамошней Церкви во властных каких-либо распоряжениях, – и святой Павел послал туда для устроения дел святого Тита, исполнявшего уже подобное поручение в Крите.

Лука един есть со мною. «Он неотлучно находился при святом Павле, написал Евангелие и Соборные Деяния (Апостольские), был трудолюбив, любознателен и терпелив. О нем Апостол говорит в другом Послании: *егоже похвала во Евангелии по всем церквам* (2 Кор. 8, 18)» (святой Златоуст). Он был при святом Павле и во время первых уз (см.: Кол. 4, 14; Флм. 1, 24). Конечно, был при нем и все время между сими узами.

Стих 11. *Марка поемь приведи с собою: есть бо ми благопотребен в службу.*

Святой Марк был с Апостолом в Риме во время первых уз и, во время посещения Церквей после них, вероятно, где-либо был им оставлен, может быть, в какой-нибудь Македонской или Ахайской Церкви, кои лежали на пути из Ефеса в Рим. Или, может быть, он все еще был в Колоссах, коим заповедывал святой Павел, в

Послании к ним, принять его, когда придет. Он мог там оставаться и до сего времени.

Есть бо ми благопотребен в службу. Какую? «Не для собственного успокоения требует он его, но для служения Евангелию. Ибо и в узах он не переставал проповедывать. И Тимофея он призывает к себе не для собственных нужд, но для благовествования, дабы между верующими не произошло никакого смятения по случаю его смерти, дабы многочисленные ученики его, присутствуя при этом, успокоивали смятения и утешали сетующих об его кончине; ибо между уверовавшими в Риме, вероятно, были мужи достопочтенные» (святой Златоуст).

Стих 12. *Тихика же послах во Ефес.*

Затруднение в понимании сего места устранится, если допустим, что: *послах* — стоит вместо: посылаю; *послах же* — сказано в значении: решительно положил послать, — как бы так: почитай его посланным. Поминается это в дополнение объяснения, что он один — в Риме с святым Лукою. Тихик послан с настоящим Посланием и должен был остаться во Ефесе, вместо святого Тимофея, чтоб наблюдал и тотчас давал знать, коль скоро случится что решительное. Это распоряжение передано на словах; в Послании же о нем не помянуто, чтоб не оскорбить ефесян, подав мысль, что их одних оставить нельзя, как

нетвердых и ненадежных. Что Апостол не написал: к тебе, этого не следует считать неудобством при нашем предположении. Сказав: *в Ефес*, — очевидно сказал и: к тебе. Не должно также думать, что святого Тимофея не было тогда в Ефесе.

б) Поручение (4, 13)

Глава 4, стих 13. ***Фелонь, егоже оставих в Троаде у Карпа, грядый принеси, и книги, паче же кожаныя.***

Фелонь — верхняя одежда, по материи изменявшаяся, судя по времени года, по форме же одинаковая, защищавшая от пыли, дождя, сырости и холода. Отправясь в Македонию (см.: 1 Тим. 1, 3) и Ахаию, Апостол и в этот раз шел чрез Троаду и там у Карпа оставил лишнюю тяжесть, имея в мысли скоро воротиться, как предполагал (см.: 1 Тим. 3, 14). Но обстоятельства так сложились, что, вместо Ефеса, он должен был отправиться в Рим, как узник. Фелонь оказалась нужною. Он и наказывает принесть ее. О Карпе в Писании более не поминается. Если это тот же, что поминается 26 мая, то предание (Ипполит*) говорит о нем, что он был ученик и спутник святого Павла, проповедывал слово Божие в Крите, где встретился и со святым Дионисием

* *Священномученик Ипполит Римский († III)* — учитель Церкви. — *Ред.*

Ареопагитом*, и во Фракии; скончался и погребен в Берии Фракийской. Из 70-ти.

Грядый принеси. Путь и святому Тимофею лежал или назначался тот же, чрез Троаду. Книги бывали тогда папирусные и пергаменные. Последние, как более дорогие, и по содержанию, конечно, бывали такими же. Это может быть Библия, какие-нибудь богословские трактаты Гамалиила, Евангелия, уже бывшие в употреблении, Матфея, Марка, Луки, может быть, и Послания самого святого Павла и других Апостолов. У кого были эти книги? Может быть, у того же Карпа, будучи оставлены вместе с фелонью, для облегчения и в надежде скоро вернуться и взять их обратно. «Божественные Писания в древности имелись в свитках из выделанных кож; так и до настоящего времени имеют их иудеи» (блаженный Феодорит). «Для чего нужны были книги ему, готовившемуся отойти к Богу? И очень были нужны, чтобы передать их верующим, дабы они имели их вместо его учения. Все верующие, вероятно, чувствовали тогда великую потерю, особенно те, которые присутствовали при его кончине и наслаждались тогда его лицезрением.— А фелонь требует он для того, чтобы не иметь надобности брать ее у другого. Видишь, как много заботился он об этом (чтоб не брать

---

* *Священномученик Дионисий Ареопагит, епископ Афинский (†96)* — Отец Церкви.— *Ред.*

у других); и в другом месте он выразил это, когда говорил ефесским пресвитерам: *весте, яко требованию моему и сущим со мною послужили руце мои сии* (ср.: Деян. 20, 34–35)» (святой Златоуст).

в) Предостережение (4, 14—15)

Глава 4, стих 14. *Александр ковачь многа ми зла сотвори: да воздаст ему Господь по делом его.*

Александр этот не тот, что усмирял народ во время его восстания на святого Павла в Ефесе (см.: Деян. 19). Тот был книжный человек и равнодушный к пользам ковачества. Скорее он был товарищ Димитрия, среброковача, имевший свою мастерскую медных изделий, χαλκεὺς. Может быть, он и не тот, что поминается в (1 Тим. 1, 20); хоть этим он скорее мог быть, несмотря на ковачество. Но определение сего неважно. Неважно и того определение, где выказал он противление и злодейство Апостолу, в Риме или в Ефесе, – и слово Апостола есть ли воспоминание о прежде бывшем или о настоящем, о том, что в Риме было. В последнем случае надо предположить, что он из Ефеса явился в Рим, или сам, или от общества ефесского, для обвинения святого Павла и готов был снова возвратиться в Ефес. Думается, что такое предположение излишне. Святой Павел взят в Рим совсем не по ефесским жалобам, а за проповедь всюду. Почему не для

чего двигать вслед за ним этого Александра и возвращать его назад. Проще воображать его пребывающим неподвижно в Ефесе, и очень подвижным только на противление Евангелию и святым Апостолам. Зло испытал от него святой Павел в последнее свое пребывание в Ефесе и теперь напоминает о нем святому Тимофею, чтобы тот остерегался его. Это предостережение, а не известие. Блаженный Феодорит пишет: «нимало не удивительно, что ковач меди воздвигал мятежи против Апостола и вводил его в опасности; потому что живущим трудами рук своих свойственно возбуждать народ (против того, что отнимает у них работу). Так среброковач Димитрий вооружил на Павла целый Ефес». И святой Златоуст говорит, что «здесь Апостол воспоминает об искушении, не с тем, чтобы только укорить или осудить упоминаемого человека, но чтобы воодушевить ученика на подвиги и расположить к мужественному перенесению искушений. Хотя бы люди, причиняющие искушения, были неважны, хотя бы даже ничтожны и бесчестны, нужно, говорит, все переносить мужественно».

Многа ми зла сотвори — «не раз причинял мне сильные скорби» (святой Златоуст). «Сильно и разно страдать заставлял меня. И обычно так бывает, что люди незначительные и низкие, когда начнут делать зло, то уж никакой пощады

не дают, нимало не заботясь о мнении общества» (блаженный Феофилакт).

Да воздаст ему Господь по делом его. Речь у Апостола спокойная, без страстных движений. Потому похожа более на предсказание, чем на желание отмстительное. Блаженный Феофилакт пишет: ἀποδῴη — стоит вместо: ἀποδώσει; а святой Златоуст и читает: ἀποδώσει. Блаженный Феодорит пишет: «это предсказание, а не клятва (а читает он: ἀποδῴη), и Апостол сказал сие, утешая блаженного Тимофея и научая не огорчаться одно за другим следующими восстаниями противников». Но желательное выражение никакого недоумения возбуждать не должно. Ибо желание, чтобы отстранены были препятствия успехам благовестия, одобряется нравственным чувством. Апостол в этом духе и говорит: «говорит так не потому, чтобы святые радовались наказаниям злых людей, но потому, что дело касалось проповеди и слабейшие из верующих имели нужду в таком утешении: это ему не пройдет безнаказанно» (святой Златоуст). Святым свойственно входить в планы Божии и в чувстве Божией правды изрекать желание заслуженного богопротивниками, как встречаем в Псалмах и у Пророков.

Стих 15. *От негоже и ты себе блюди, зело бо противится словесем нашим.*

«*Себе блюди.* Не сказал: причини ему скорбь, накажи, прогони его, хотя по благодати Божией

мог сделать это; ничего такого не делает и не вооружает против него ученика своего, а заповедует только удаляться от него, предоставляя наказание Богу» (святой Златоуст).

Зело противится словесем нашим. «То есть словам проповеди» (Экумений), — «благовестию Евангелия» (блаженный Феофилакт). «Войну ведет против Евангелия, противодействует ему» (святой Златоуст). Противится и словом и делом.

г) Известия (4, 16—18)

Глава 4, стих 16. ***В первый мой ответ никтоже бысть со мною, но вси мя оставиша. Да не вменится им.***

Окончательный суд еще не был произнесен. Стоял только святой Павел на суде в первый раз и защищался. Хотя нельзя заключить, что дело клонилось не в пользу его, напротив, нижеследующие слова (стих 17) — подают мысль, что святой Павел не был чужд надежды избавления от осуждения и смерти, как и в первые узы: при всем том, однако ж, для него было очень чувствительно, что при нем не было тогда во время ответа никого из близких — помощников. Что значит: *никтоже бысть со мною,* — кого разумеет под сими святой Павел и что именно они могли сделать своим присутствием, — не видно. Но само собою разумеется, что их присутствие не одно

утешение доставило бы святому Павлу, которое он умел находить в других источниках помимо людей. Как-нибудь оно могло бы послужить и к устранению обвинения его. Святой Златоуст говорит, что святой Павел в этот раз был судим и осужден за обращение виночерпия Неронова. Были, вероятно, лица, могшие показать, что святого Павла нельзя обвинять в этом, но из страха не выступили в защиту его. *Вси мя оставиша* — звучит сердечною жалостию, так естественною в подобных обстоятельствах. У святого Давида нередко встречаются подобные места: *и ближнии мои отдалече мене сташа.* Удалились от меня знаемые мои, друзья и искренние* (см.: Пс. 37, 13; 87, 9 — и другое).

Да не вменится им. Сделали они это не по неприязни, а по страху необузданного Нерона, пред которым ничто законное не имело цены, когда не согласовалось с его желанием. Они не надеялись помочь святому Павлу, а себя предали бы — в руки смерти; почему и устранились. И Господа Спасителя оставили ученики. Он наперед видел это и не осуждал их. Так делает и святой Павел: *да не вменится им,* — то есть от Бога и Господа. «Апостол показал к ним отеческое милосердие; потому что удаление происходило не от злонравия, но от боязни» (блаженный Феодорит). «Видишь, как кротко говорит он о

---

* *Искренний* — ближний. — *Ред.*

близких к нему, хотя они сделали тяжкий проступок; ибо не одно и то же — быть оставленным посторонними людьми или своими. Видишь ли, как сильна была скорбь его? Ты, говорит, не можешь сказать, что я, подвергаясь гонению от посторонних, находил утешение, облегчение и помощь от своих; ибо и они изменили мне: *вси мя оставиша.* Подлинно, это — не малый грех. Если на войне тот, кто оставляет товарища, находящегося в опасности, и избавляет от рук врагов только себя самого, справедливо называется своими человеком, испортившим все дело и изменником; то тем более в проповеди» (святой Златоуст).

Стих 17. *Господь же мне предста, и укрепи мя, да мною проповедание известно будет, и услышат вси языцы: и избавлен бых от уст львов.*

Во всю жизнь Господь не оставлял Апостола Своим личным руководством, утешением. То же сделал и в конце ее. Оставленного людьми Господь не оставил; но предстал и укрепил,— вдохнул мужество пред лицом смерти,— «даровал дерзновение, не попустил пасть духом» (святой Златоуст).

Да мною проповедание известно будет. Известно будет, πληροφορηθῇ,— удостоверено, убедительно для всех подтверждено в истинности своей. Разумеется не будущее проповедание, а уже бывшее, или вообще проповедь Евангелия, всеми Апостолами распространенная всюду. Как

же она подтвердилась в своей истине в это время святым Павлом? Его самозащитою пред судом. Суды тогда велись открыто. Кроме судей, тут присутствовало многочисленное собрание народа. В Риме, главе Римской империи, могли присутствовать при сем лица всех наций. Господь, явившись, воодушевил Апостола и дал его слову такую силу, что все, в разной степени, восчувствовали убеждение в истине Евангелия, и судьи, и собравшиеся, и Апостол не был осужден. Суд, вероятно, наперед уже имел в виду порешить дело и самого Апостола зараз; но после речи его оставил и дело нерешенным, и Апостола живым. Слышали это бывшие на суде лица разных народов — и имели разнесть весть о том во все концы мира. Но и, кроме того, вести о бывающем в Риме скоро расходились по всему миру. Должно было разойтись и это обстоятельство, — что хотели осудить за Евангелие, но должны были уступить силе истины и не осудили, — и подтвердить Евангелие. Это и значат слова: *и услышат вси языцы*. Конечно, они и услышали, и тоже почувствовали, что и присутствовавшие.

Святой Златоуст говорит на это место: «*да мною проповедание известно будет* — то есть дабы подтвердилось. Посмотри, как велико его смиренномудрие. Не потому, говорит, Бог укрепил меня, чтобы я был достоин такого дара, но дабы подтвердилось благовестие, которое вверено

мне. Это подобно тому, как если бы кто носил багряницу и диадиму и из-за них спасался. *И услышат вси языцы.* Что это значит? Дабы всем, говорит, сделались известными и слова проповеди, и попечение о мне промысла».

И избавлен бых от уст львов, λέοντος, — льва. «Видишь, как он близок был к смерти; он был в самых челюстях льва; львом же называет Нерона, по причине его зверства, могущества царства его и непреклонности» (святой Златоуст). «Львом назвал Апостол Нерона и как царя, и как самого жестокого» (блаженный Феодорит). Так и прочие наши толковники. Иным кажется лучше под львом разуметь здесь крайнюю опасность смертную. Но опасность сия от кого в это время была? От Нерона. Зачем же принимать иное толкование? Амвросиаст видит здесь невидимого льва, всегда рыкающего и ищущего, кого поглотить. Это ближе, нежели предыдущее иносказание; потому что без этого льва ни одна беда не бывает. «Подобно тому говорит о льве, как и Петр, соапостол его, говорит: *супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, искии кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Но поелику в Апостоле он не находил случая, как бы прельстить его, то возбуждал против него сынов своих и чрез них теснил его и казням подвергал; чтоб если не как грешник, то, пусть хоть как праведник, только бы взят был из среды живых, да не множайших

обратит к вере. Это уже совсем было и успел он теперь исполнить, но, Божиим провидением избавленный, Апостол на самого него нападение чинит, обличая его немощность тем, что изъят был из уст его и не дал ему исполнить, что хотел. Итак, Апостол изъявляет теперь благодарение Богу, что помощию Его избавлен от смерти. О Божием же о себе попечении являет себя столь уверенным, что и от будущих искушений чает быть избавленным. Избавления же такого чает он не только в настоящей жизни, но и в день суда чает быть спасенным и сподобиться царствовать со Христом Господом в вечные веки».

Стих 18. *И избавит мя Господь от всякаго дела лукава, и спасет в Царствие Свое Небесное; Емуже слава во веки веков. Аминь.*

И избавит. «Апостол не сказал: в другой раз избавит меня от льва, но говорит: *от всякаго дела лукава*; ибо знал, что непременно примет конец жизни» (блаженный Феодорит). «Избавил, говорит, Господь меня, и избавит. Но если опять избавит, то как он говорит: *аз уже жрен бываю*? Но вникни в слова его. *Избавлен бых*, говорит, *от уст льва*; а далее: *избавит* – уже не от уст львовых, но от чего? *От всякаго дела лукава*. Тогда избавил Он меня от опасностей, а далее Он избавит меня от всякого греха, то есть не попустит мне отойти из здешней жизни достойным осуждения» (святой Златоуст). «Пред

сим исхитил Он меня из челюстей телесной смерти; поелику же я уже довольно проповедывал, то далее Он, надеюсь, избавит меня уже не от телесной смерти, но от всякого греха, то есть не допустит мне расслабнуть пред смертию, но даст до крови противостоять греху, — что есть избавиться от мысленного волка» (блаженный Феофилакт). «Подлинно, бороться со грехом до крови и не пасть — значит: избавиться от другого льва — диавола. Последнее избавление его важнее первого, когда ему предстояло быть предану на смерть» (святой Златоуст).

И спасет в Царствие Свое Небесное. В Царствие — для Царствия, или для дарования мне Царствия Небесного, для введения и вселения в него. В Царство Небесное входят только чистые от всякого греха. Поелику это и есть настоящее спасение; то, пока не вселен кто в Царствие, дотоле не есть он еще спасенный. «Сие — истинное спасение, когда мы просияем там. Что значит: *спасет в Царствие Свое*? Избавит, говорит, меня от всякой вины и сохранит для тамошней блаженной жизни (хотя бы для сего надлежало здесь подвергнуться лишению жизни). Ибо спастись для Царствия Небесного (нередко) — значит: умереть за него здесь. *Ненавидяй души своей в мире сем*, — говорит Господь, — *в живот вечный сохранит ю* (ср.: Ин. 12, 25)» (святой Златоуст).

Емуже слава — «это славословие Сыну» (святой Златоуст). «Ибо Господь есть Сын. Ему воздается слава, как и Отцу и как Духу Святому» (Экумений).

д) Целования (4, 19—21)

Глава 4, стих 19. *Целуй Прискиллу и Акилу и Онисифоров дом.*

Акила и Прискилла, возвращавшиеся в Рим (см.: Рим. 16, 3), теперь снова оказываются в Ефесе. Вероятно, они в Рим ездили на время, для покончания своих там дел, положив прочее жить в Малой Азии; неистовства Нерона могли ускорить их оттуда выбытие. Смотри о них в Послании к Римлянам. Святой Златоуст говорит об них: «это — те лица, о которых часто упоминает Апостол, у которых он жил, которые принимали Аполлоса. Настоящее приветствие было для них немалым утешением, служило доказательством почтения и любви его и доставляло им великую благодать; ибо и одно приветствие такого святого и блаженного мужа могло исполнить великой благодати того, кто удостоивался этого приветствия».

Об Онисифоре смотри выше (см.: 1, 16—17). Святой Златоуст говорит: «Онисифор был у него (Апостола) в Риме, как говорит он (см.: 1, 16).— Настоящим приветствием он делает и домашних его более усердными к делам, подоб-

ным делам Онисифора». Прочее о нем пишется у святителя Димитрия, что он епископствовал в Колофонии и Киринии и даже до крови пострадал за веру. Свидетельствует о нем «Мученикословие»*, что, после многих ран, он растерзан дикими конями и предал дух свой в руце Богу. Из 70-ти. Память — 7 сентября.

Стих 20. *Ераст оста в Коринфе. Трофима же оставих в Милите боляща.*

Вышед в последний раз из Ефеса, святой Павел направился в Македонию (см.: 1 Тим. 1, 3). Следственно, к северу от Ефеса; а Милит лежит к югу от Ефеса. Но нужды Церкви могли поставить святого Павла в необходимость посетить Милит, где так же приставали и отплывали корабли. Кончив здесь дела, он сел на корабль и направился далее, в Троаду, в Филиппы, Солунь. Из Македонии спустился в Ахаию, побывал в Коринфе — и отсюда или взят, или сам отправился в Рим. Такой путь обозначался показаниями Писания. Это делает понятным, как Ераст остался в Коринфе и Трофим больной оставлен в Милите.

Поминается Ераст, — посланец со святым Тимофеем в Македонию, в конце трехлетнего пребывания святого Павла в Ефесе (см.: Деян. 19, 22). Поминается Ераст — одно из распоряди-

---

* *«Мученикословие»* — здесь: «Мартиролог» — сборник записей и сведений о мучениках. — *Ред.*

тельных лиц по городу в Коринфе (см.: Рим. 16, 23). Поминается и здесь. Одно ли это лицо, или разные? Может быть, одно. Мешает будто то, что одно из них есть правитель градский, которому нельзя покидать города, следовательно, надолго быть при Апостоле, как предполагать заставляют два другие случая. Но правитель сей назван: οἰκονόμος — эконом, распорядитель по хозяйской части города; он мог быть приставлен к сему по выборам, на год, и, отправив свой черед, быть свободным. Но скажут: в Послании к Римлянам он называется правителем, состоящим в должности, а пред этим поминается, что Ераст некий послан с святым Тимофеем из Ефеса в Македонию. Явно, что тот не этот и этот не тот. — Из Коринфа было, предполагается, посольство к святому Павлу в Ефес, для извещения о тамошних нестроениях. В числе лиц посольства мог быть и правитель, на время отлучившись из города и сдав дело своему товарищу — помощнику. По окончании дела посольства, он, вместо того чтобы отправиться с другими членами посольства, отправился с Тимофеем, который из Македонии должен был спуститься в Ахаию и Коринф. Остается предположить, что по возвращении сим путем в Коринф должность его кончилась, — и он, как свободный, или навсегда присоединился к спутникам святого Павла, или почасту бывал при нем. Был он при нем и в

последнее время в Ефесе и вместе с ним отправился в Македонию означенным путем; вместе с ним спустился в Коринф и должен бы отправиться с ним и в Рим, но не отправился, а остался в Коринфе. Остался, может быть, по нужде какой, с согласия и святого Павла, а может быть, без этого согласия и против желания Апостолова, как может наводить: *оста*. Всяко, по мысли святого Тимофея, ему следовало быть в Риме со святым Павлом. Как его не было, а между тем святой Тимофей мог подумать: как же это говорит Апостол, что при нем никого нет, кроме Луки? А Ераст где? где Трофим? Забыв о них помянуть в первом перечислении оставивших его лиц, он поминает об них теперь, чтоб избавить святого Тимофея от лишних дум. Ераст из 70-ти. Память ноября 10-го. Посмотри о нем и в Послании к Римлянам.

Трофим, ефесянин, сопровождал святого Павла из Ефеса чрез Троаду в Македонию и Ахаию и обратно (см.: Деян. 20, 4), прошел с ним до Иерусалима, где послужил поводом к возмущению иудеев против святого Павла. (см.: Деян. 21, 29). Он был всегдашним спутником святого Павла. И пред этим, когда святой Павел отправился из Ефеса в Македонию, он сопровождал его, но заболел в Милите и оставлен там.

По этому случаю святой Златоуст делает наведение, очень вразумительное, о путях благого

промысла Божия в даровании чудесной помощи. «*Трофима оставих боляща*. Почему же ты не исцелил его, а так оставил? Но Апостолы не всё могли делать, или не всё устрояли благодатию, дабы кто не подумал о них больше, нежели что видел. То же, как мы видим, случалось и с бывшими прежде них блаженными и праведными мужами, например, с Моисеем. Он был косноязычен, — почему же Бог не исцелил его косноязычности? Часто впадал в скорбь и уныние и не вошел в землю обетованную. Многое попускал Бог, чтобы показать немощь человеческой природы. Ибо если и при этом бесчувственные иудеи говорили: где Моисей, *иже изведе нас от земли Египетския?* (ср.: Исх. 32, 1), — то чего они не сказали бы, если бы он ввел их в землю обетованную? Если бы Бог не попустил ему чувствовать страх пред фараоном, то не признали ли бы они его богом? Это, как известно, сделали было с Павлом и Варнавою жители Листры, приняв их за богов. Но они, *растерзавше ризы своя, вскочиша в народ, зовуще и глаголюще: мужие, что сия творите; и мы подобострастни есмы вам человецы* (ср.: Деян. 14, 14—15). Также и Петр, когда исцелил хромого от рождения и когда все изумлялись случившемуся, отвечал: *мужие Израильтяне, что чудитеся о сем; или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити?* (ср.: Деян. 3, 12). Послушай

еще, что говорит блаженный Павел: *дадеся ми пакостник плоти, да не превозношуся* (ср.: 2 Кор. 12, 7). Но скажешь, что он сказал это по смиренномудрию. Нет, не так; не для того только *дадеся ему пакостник*, чтобы он был смиренномудр, и не по смиренномудрию только он сказал это, но и по другим причинам. Ибо, смотри, Бог не говорит ему в ответ: *довлеет ти благодать Моя*, – да не превозносишься, но что? *Сила бо Моя*, – говорит, – *в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Таким образом достигались две цели: и явным являлось, как бывало бывающее, и все приписываемо было Богу. Посему в другом месте Апостол говорит: *имамы же сокровище сие в скудельных сосудах*, – то есть в телах немощных и подверженных страданиям. Для чего? *Да премножество силы будет Божия, а не от нас* (2 Кор. 4, 7). Если бы тела их не были подвержены страданиям, то все было бы приписано им. И в другом месте мы видим, как он скорбит о болезни, когда говорит об Епафродите: *ибо боле близ смерти, но Бог помилова его* (ср.: Флп. 2, 27). И многого он не знал с пользою как для него самого, так и для учеников».

По преданию, Трофим усекнут в Риме при Нероне, вместе с Аристархом и Пудом. Из 70-ти. Память 15 апреля.

Стих 21. *Потщися прежде зимы приити. Целует тя Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия, и братия вся.*

Помянув, о которых прежде забыл сказать, что их нет при нем, святой Павел дополняет однoю чертою и приглашение святого Тимофея к себе, — именно — чтоб позаботился прийти прежде зимы. Зима могла замедлить путь, могла и совсем задержать где-либо до весны. А между тем была крайняя нужда, чтобы он скорее, как можно, был в Риме. Вот и понуждает. — «Как понуждает его! Но нигде не высказывает ничего прискорбного; не говорит: приди прежде моей смерти, — дабы не опечалить его, — но: прежде зимы, дабы тебе не встретить препятствий» (святой Златоуст).

Внесши это дополнительное, Апостол продолжает целования или приветствия самому Тимофею от разных лиц. *Целуют тя Еввул* — и прочее. Все лица, от которых шлется приветствие, носят римские имена и были потому верующие из римлян. Познакомиться с святым Тимофеем они могли в первые узы святого Павла, когда был с ним и святой Тимофей. Что нет приветствий от верующих из евреев, подает мысль, что их не было налицо: иные замучены, иные убежали.

Об *Еввуле* не сохранилось никакого предания. Довольно для славы его того одного, что о нем поминает святой Павел.

Пуд — из сенаторов, в доме своем принимал святых апостолов Петра и Павла. Дом его обращен в церковь, названную Пастырскою. По

«Мартирологию Римскому»* он был отец святых мучениц Пракседы и Пуденцианы**; а: *Клавдия*, — по болландистам***, была супругою его. Усекнут вместе с Трофимом и Аристархом. Из 70 Апостолов. Память 15 апреля.

Лин — первый Римский епископ после святых Апостолов, как свидетельствуют святой Ириней и Евсевий. Из 70-ти. Память 5 ноября.

Клавдия. «Видишь ли, как и жены были усердны и пламенны в вере? Такова Прискилла, такова и эта Клавдия, которые уже распяли себя (произволением) и были готовы на подвиги (мученические). Женский пол не препятствует (явиться мужественными). Подлинно, дело благодати Божией, что лица этого пола могут тысящекратно умирать (за Христа), если захотят, — многие из них действительно сделались мученицами, — могут преуспевать в целомудрии, и даже более мужей, могут иметь и скромность, и честность, и святыню (чистоту), без которой *никтоже*

---

* *«Мартирологий Римский»* — «Martyrologium Romanum» (первое издание — Венеция, 1574) — наиболее полное собрание сведений о христианских мучениках всех стран и народов. — *Ред.*

** *Пракседа Римская, дева († I)* и *Пуденциана Римская, дева († I)* — католические святые. — *Ред.*

*** *Болландисты* — католические монахи-иезуиты, ученые издатели, издававшие «Acta Sanctorum» («Жития святых») (1643—1794). Названы по имени одного из основателей ученого сообщества, Иоанна Болланда (1596—1665), церковного историка. — *Ред.*

узрит Господа (Евр. 12, 14), и презрение к богатству, и все вообще прочее» (святой Златоуст).

И братия вся. «Последних не называет по имени. Видишь ли, что те были пламеннее» (святой Златоуст). «Рачительнейших перечислил поименно, других же назвал общим именем» (блаженный Феодорит).

е) Благословения (4, 22)

Глава 4, стих 22. *Господь Иисус Христос со духом твоим. Благодать с вами. Аминь.*

Господь Иисус Христос со духом твоим. «Нет ничего лучше такого благожелания. Не скорби, говорит, что я нахожусь далеко от тебя; Господь с тобою. И не сказал: с тобою, но: *со духом твоим*» (святой Златоуст). Наши все толковники в словах сих видят указание на благодать Святаго Духа, конечно, потому, что дух наш не может сделаться достойным общения с Господом, если не будет восстановлен в своем чине благодатию Святаго Духа. Святой Златоуст говорит: «иначе Бог и не может быть с нами, если нет в нас благодати духовной; ибо если она оставит нас, то как Он будет с нами?» — К сему Экумений присовокупляет: «Апостол сим говорит как бы: “с наитием Духа Святаго, Коего ныне имеешь ты, да будет и Господь Иисус Христос с тобою”». Так что благожелается «сугубая помощь: от благодати Святаго Духа и от Господа Бога, споспешествующего ей» (святой Златоуст).

Благодать с вами. Наши все толковники читают: *с нами.* И кажется, это лучше. *С нами,* — то есть и со мною, как и с тобою, или *с нами,* — со мною, с римлянами, с ефесянами и со всеми христианами. «Включил и себя к причастию благодати» (блаженный Феодорит). «Наконец, и себе испрашивает (благодати), то есть чтобы всегда нам быть благоугодными Богу, чтобы иметь благодать с дарами ее; ибо если она будет присуща нам, то не будет ничего прискорбного. Как видящий царя и пользующийся его благоволением не чувствует никакой скорби, так и мы, хотя бы лишились друзей, хотя бы подверглись какому-нибудь другому бедствию, не будем чувствовать никакой скорби, если благодать будет находиться при нас и ограждать нас. Как же можно привлечь к себе благодать? Делая угодное Богу, во всем повинуясь Ему. И в больших домах не видим ли мы, что те слуги пользуются благоволением господ, которые от всей души и со всем усердием пекутся о нуждах не своих, а господских, которые не по принуждению только господ, но по собственному усердию и ревности исполняют все хорошо? И не тогда ли, когда они постоянно находятся пред глазами господ, когда занимаются дома, не беспокоятся о своих делах и не пекутся о своих выгодах, но считают господское своим? Если же в житейских делах кто презирает свое и заботится о господском, не лиша-

ется своего, а напротив, получает большее; то тем более в духовных. Презирай свое, и получишь Божие; Сам Он желает этого. Презирай землю, и получишь Царство Небесное; там пребывай, а не здесь» (святой Златоуст).

«Улучить такую благодать да даст Бог и нам молитвами и написавшего, и получившего Послание сие, – и да узрим их в вечных их селениях не издали, как богатый Лазаря, но с ними обитая и под их пребывая настоятельством, по благодати и человеколюбию Господа Иисуса Христа, с Коим Отцу со Святым Духом подобает слава и велелепие ныне и всегда и во веки веков. Аминь» (блаженный Феодорит).

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЛКОВАНИЕ ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА К СВЯТОМУ ТИТУ

ТОЛКОВАНИЯ ПОСЛАНИЙ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА К СВЯТОМУ ТИМОФЕЮ

ТОЛКОВАНИЕ ПЕРВОГО ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА К СВЯТОМУ ТИМОФЕЮ

ТОЛКОВАНИЕ ВТОРОГО ПОСЛАНИЯ
СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА
К СВЯТОМУ ТИМОФЕЮ

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ПРАВИЛО ВЕРЫ» ВЫШЛИ В СВЕТ:

Минеи большого формата. 12 томов.

Минеи среднего формата. Издание дополнено службами иконам Богородицы и новопрославленным святым. 12 томов.

Минея общая.

Октоих. В 2-х томах.

Ирмологий.

Триодь постная.

Триодь цветная.

Часослов.

Православный богослужебный сборник.

Требник.

Чин молебных пений. Требник дополнительный.

Канонник.

Служба Успения Божией Матери. Чин погребения.

Пасхальные песнопения обихода московской традиции.

Обиход церковного пения. Ноты.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ НА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Библия. В 3-х томах.

Новый Завет.

Псалтирь учебная. Включает Псалтирь, молитвы по кафизмам и устав о чтении Псалтири на церковнославянском языке; русский литературный перевод; исторический и богословский комментарий; порядок чтения по усопшим; азбуку церковнославянского языка.

ТОЛКОВАНИЯ НА СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

Евангельские беседы на каждый день года по церковным зачалам. Толкование на Евангелие. *Иллюстрированное издание.*

Митрополит Филарет (Амфитеатров). **Беседы на Святое Евангелие.** С приложением жизнеописания митрополита Филарета. *Иллюстрированное издание.*

Жизнь и труды святого апостола Павла. Краткое толкование всех апостольских посланий святителем Феофаном Затворником. Включает развернутое содержание толкования апостольских посланий, предметный указатель к творениям апостола Павла и указатель чтений посланий на литургии.

Лицевой Апокалипсис рукописной традиции XVI века. Включает Апокалипсис, толкование святителя Андрея Кесарийского и других святых отцов на церковнославянском языке. Цветные лицевые изображения из рукописи XVI века. Большой формат, крупный шрифт.

Святитель Андрей Кесарийский. **Толкование на Апокалипсис.** Текст Апокалипсиса на церковнославянском и русском языках. *Иллюстрированное издание.*

СВЯТООТЕЧЕСКАЯ АСКЕТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Поучения аввы Дорофея.

Преподобный Иоанн. **Лествица, возводящая на небо.**

Преподобный Никодим Святогорец. **Невидимая брань.**

Преподобный Макарий Египетский. **Духовные беседы, послания, слова.**

Преподобные Варсонуфий Великий и Иоанн. **Руководство к духовной жизни.**

Преподобный Исаак Сирин. **Слова подвижнические.**

Преподобный Симеон Новый Богослов. **Слова.** В 2-х томах.

Поучения аввы Исаии отшельника. Перевод святителя Феофана Затворника. *Иллюстрированное издание.*

Преподобные Марк подвижник, Исаия отшельник и Симеон Новый Богослов. **Слова духовно-нравственные.**

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. **Собеседования египетских отцов.** Издание исправлено по латинскому тексту Патрологии Миня.

Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. *Иллюстрированное издание.*

Древний патерик.

Луг духовный блаженного Иоанна Мосха. **Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов.** Текст Луга духовного исправлен по греческому тексту Патрологии Миня и впервые издан на русском языке в соответствии с подлинником.

Афонский патерик.

Святитель Григорий Богослов. **Песнопения та́инственные.** Богословские стихотворения.

Святитель Игнатий Брянчанинов. **Творения.** В 6-ти томах. Тома 1—4 печатаются по прижизненному изданию.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

Толкование посланий апостола Павла. В 8-ми томах.

Начертание христианского нравоучения. В 2-х томах.

Собрание писем. В 8-ми выпусках.

Собрание писем. Из неопубликованного.

Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, изложенная словами святых евангелистов. *Иллюстрированное издание.*

Путь ко спасению. Краткий очерк аскетики.

Мысли на каждый день года.

Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?

Созерцание и размышление. Краткие поучения. Включает житие и службу на церковнославянском языке.

Письма о христианской жизни.

Письма о молитве и духовной жизни.

Письма о разных предметах веры и жизни.

Псалом Давида 118-й, истолкованный святителем.

Двери покаяния. Слова и проповеди.

Любовью назидая. Слова и проповеди.

Простые истины сердца. Внутренняя жизнь. Слова и проповеди.

Слово веры. О Православии. Слова и проповеди.

Мудрые советы святителя Феофана из Вышенского затвора. Тематическая подборка по письмам святителя.

Архимандрит Георгий (Тертышников). Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении. *Иллюстрированное издание.*

Святитель Феофан Затворник

ТОЛКОВАНИЯ ПОСЛАНИЙ АПОСТОЛА ПАВЛА К ТИТУ, К ТИМОФЕЮ

(ПАСТЫРСКИЕ ПОСЛАНИЯ)

Редактор *Михаил Тимохин*
Художник *Димитрий Епифанов*
Компьютерная графика художественного редактора *Натальи Тихомировой*
Компьютерная верстка технического редактора *Марины Терентьевой*
Корректоры *Татьяна Копяткевич, Михаил Тимохин, Лина Егорова*
Набор *Марии Волковой*

Подписано в печать 24.06.05. Офсетная печать.
Шрифт Петербург. Формат 70×100 1/32.
Объем 27 печ. л. Тираж 4500 экз. Заказ 490.

Саввино-Сторожевский монастырь
143096, Московская обл., г. Звенигород.

ИД 00161 от 22.09.99. Издательство «Правило веры»
109309, Москва, ул. Артюхиной, 8/10, стр. 1.

Об оптовой продаже и доставке книг
обращаться по телефонам: 113-94-63, 451-31-94.

ГУП Московская типография №2 Федерального Агентства
по печати и массовым коммуникациям.
Тел.: 682-24-91.
129085, Москва, пр. Мира, 105

ISBN 5-94759-038-7